17

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА
ТОЛСТОГО.

Т-53

инв. 1157

Томъ XVIII.

1к

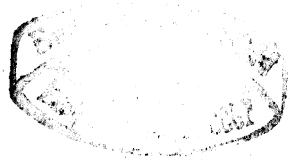
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ
П. И. БИРЮКОВА.

Пров 1955
Пр.
PV
4820
342
28
6874.
Библиотека ООН
Женева Вып. СССР
156
38

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1913.

Левъ Николаевичъ Толстой

въ 1900 г.



СТАТЬИ ПО ПОВОДУ ГОЛОДА.

О САМАРСКОМЪ ГОЛОДѢ.

[Письмо къ издателямъ [1]).]

Проживъ часть нынѣшняго лѣта въ деревенской глуши Самарской губерніи и будучи свидѣтелемъ страшнаго бѣдствія, постигшаго народъ вслѣдствіе трехъ неурожайныхъ годовъ, въ особенности нынѣшняго, я считаю своимъ долгомъ описать, насколько сумѣю правдиво, бѣдственное положеніе сельскаго населенія здѣшняго края и вызвать всѣхъ русскихъ къ поданію помощи пострадавшему народу.

Надѣюсь, что вы не откажете дать мѣсто моему письму въ вашей газетѣ.

О томъ, какъ собирать подписку и кому поручить распредѣленіе ея и выдачу, вы знаете лучше меня, и я увѣренъ, что вы не откажете помочь этому дѣлу своимъ содѣйствіемъ.

1871 годъ былъ въ Самарской губерніи неурожайный. Богатые крестьяне, дѣлавшіе большіе посѣвы, уменьшили посѣвы и стали только достаточными людьми. Достаточные крестьяне, также уменьшившіе посѣвы, стали только ненуждающимися. Прежде ненуждавшіеся крестьяне стали нуждаться и продали часть скотины. Нуждавшіеся прежде крестьяне вошли въ долги, и явились нищіе, которыхъ прежде не было.

Второй неурожайный годъ, 1872, заставилъ достаточныхъ крестьянъ еще уменьшить посѣвъ и продать излишнюю скотину, такъ что цѣна на лошадей и рогатый скотъ упала вдвое. Ненуждавшіеся крестьяне стали продавать уже необходимую скотину и вошли въ долги. Прежде нуждавшіеся крестьяне стали бобылями и кормились только заработками и пособіемъ, которое было имъ выдаваемо. Количество нищихъ увеличилось.

Нынѣшній, уже не просто неурожайный, но голодный годъ долженъ довести до нужды прежде бывшихъ богатыми крестьянъ и до нищеты и голода почти $^{9}/_{10}$ всего населенія.

Едва ли есть въ Россіи мѣстность, гдѣ бы благосостояніе или бѣдствіе народа непосредственнѣе зависѣло отъ урожая или неурожая, какъ въ Самарской губерніи.

---

[1]) Напечатано въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1873 г. августа 17-го.

Заработки крестьянъ заключаются только въ земледѣльческомъ трудѣ: пахотѣ, бороньбѣ, покосахъ, жнитвѣ, молотьбѣ и извозѣ.

Въ нынѣшній же годъ вслѣдствіе трехлѣтняго неурожая посѣвы уменьшились и, уменьшаясь, дошли до половины прежнихъ, и на этой половинѣ ничего не родилось, такъ что у крестьянина своего хлѣба нѣтъ и заработковъ почти нѣтъ, а за тѣ, какіе есть, ему платятъ $^1/_{10}$ прежней цѣны, какъ, напримѣръ, за жнитво, котораго средняя цѣна была 10 рублей за десятину, нынѣшній годъ платится 1 рубль 20 коп., такъ что крестьянинъ вырабатываетъ въ день отъ 7 до 10 коп.

Вотъ причина, почему въ этотъ третій неурожайный годъ бѣдствіе народа должно дойти до крайней степени.

Бѣдствіе это уже началось, и безъ ужаса нельзя видѣть народъ даже въ настоящее время, лѣтомъ, когда только начинается самый бѣдственный годъ и впереди еще 12 мѣсяцевъ до новаго урожая и когда еще есть кое-гдѣ заработки, хотя на время спасающіе отъ голода.

Проѣхавъ по деревнямъ отъ себя до Бузулука 70 верстъ, и въ другую сторону отъ себя до Борска 70 верстъ, и еще до Богдановки 70 верстъ, и заѣзжая по деревнямъ я, всегда жившій въ деревнѣ и знающій близко условія сельской жизни, былъ приведенъ въ ужасъ тѣмъ, что я видѣлъ: поля голыя тамъ, гдѣ сѣяны пшеница, овесъ, просо, ячмень, ленъ, такъ что нельзя узнать, что посѣяно. И это въ половинѣ іюля! Тамъ, гдѣ рожь, поле убрано или убираютъ пустую солому, которая не возвращаетъ сѣмянъ; гдѣ покосы, тамъ стоятъ рѣдкіе стога, давно убранные, такъ какъ сѣна было въ десять разъ меньше противъ обычныхъ урожаевъ, и желтыя выгорѣвшія мѣста. Такой видъ имѣли поля. По дорогамъ вездѣ народъ, который ѣдетъ или въ Уфимскую губернію на новыя мѣста или отыскиваетъ работу, которой или вовсе нѣтъ, или плата за которую такъ мала, что работникъ не успѣваетъ вырабатывать на то, что у него съѣдаютъ дома.

По деревнямъ, во дворахъ, куда я заѣзжалъ, вездѣ одно и то же: не совершенный голодъ, но положеніе близкое къ нему, всѣ признаки приближающагося голода. Крестьянъ нигдѣ нѣтъ, всѣ уѣхали искать работы; дома худыя бабы, съ худыми и больными дѣтьми, и старики. Хлѣбъ еще есть, но въ обрѣзъ, собаки, кошки, телята, куры худые и голодные, и нищіе, не переставая, подходятъ къ окнамъ, и имъ подаютъ крошечными ломтиками или отказываютъ.

Но это общее впечатлѣніе, на которомъ нельзя основываться. Вотъ расчеты крестьянскихъ семей села Гавриловки, ближайшаго ко мнѣ. Я очень хорошо знаю, что можно, подобравъ факты, составить жалостливое описаніе положенія крестьянскихъ семей, изъ котораго будетъ казаться, что всѣ они ужъ на волоскѣ отъ голодной смерти, и можно, съ другой стороны, подобрать факты, такъ что будетъ поводъ говорить то, что, къ несчастью и стыду своему, такъ любятъ говорить многіе изъ насъ, — что бѣдствія никакого особеннаго нѣтъ, что все происходитъ только оттого,

что крестьяне не работаютъ, а пьянствуютъ, и т. д.; и потому я сдѣлалъ опись каждаго десятаго двора въ ближайшемъ ко мнѣ селѣ Гавриловкѣ, и вѣрность этой описи подтверждается подписями старшинъ и священниковъ.

Въ числѣ попавшихся подъ десятый нумеръ есть и менѣе бѣдные крестьяне, какъ вы увидите, но большинство въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Гавриловка по зажиточности крестьянъ есть одна изъ самыхъ обыкновенныхъ деревень здѣшняго уѣзда.

Деревни Землянка, Патровка, Антоновка, Павловка, Грековка, Корнеевка, Кульмановка, Сергѣевка, Шаболовка, Леврентьевка, Богдановка, Дмитровка, Несмѣяновка, Жемчужкино, Антоновка другая, Бобровка, Гришкино, Михайловка, Ивановка, Покровка одна и другая, Мясковка, Липовка, Гвардейцы, — всѣ деревни на пространствѣ пятидесяти верстъ въ окружности, заключающія въ себѣ тысячъ двадцать жителей, находятся точно въ такомъ же, если не въ худшемъ положеніи, какъ и Гавриловка, за исключеніемъ Патровки и Покровки на Тананыкѣ.

Итакъ, вотъ опись и расчетъ каждаго десятаго двора села Гавриловки, начиная съ края.

1. Савинковы. Старикъ 65 лѣтъ и старуха, 2 сына, одинъ женатый, 2 дѣвочки. Итого ѣдоковъ 7, работниковъ 2. Скотины ничего: ни лошади, ни коровы, ни овцы. Лошади послѣднія украдены, корова пала въ падежъ прошлаго года, овцы проданы. Посѣва было 4 десятины. *Ничего* не родилось, такъ что сѣять нечѣмъ. Стараго хлѣба нѣтъ. Долга подушнаго за двѣ трети 30 руб.; за пособіе прошлаго года $10^1/_2$ руб.; частнаго долга за занятый хлѣбъ 13 руб.; итого $53^1/_2$ руб. Дома старикъ и старуха, 2 дѣвочки. Два сына и сноха у казаковъ, то-есть въ землѣ Уральскаго войска, на жатвѣ. Въ покосъ работали за прежній долгъ, такъ что денегъ ничего нѣтъ. Въ недѣлю выходитъ муки по 2 пуда, слѣдовательно, въ годъ 104 пуда. Цѣна муки по 80 коп. за пудъ, слѣдовательно, на годъ, до новаго урожая, нужно 83 руб. 20 коп. Сыновья могутъ выработать при самыхъ счастливыхъ условіяхъ рублей 50. Кромѣ того, нужно одѣться, купить соли, попу.

— Что вы будете дѣлать?

— И сами не знаемъ, какъ обдумать свои головы.

2. Кукановы. Ѣдоковъ 9, работниковъ 4. Скотины: 2 лошади, цѣною за обѣ 15 руб., 1 корова, 5 овецъ. Посѣва было 8 десятинъ, собрали 2 воза, т.-е. недостаетъ на сѣмена одной десятины. Долга подушнаго 40 руб., пособія 15 руб., частнаго 60 руб.; всего 115 руб. Дома одна старуха,—всѣ на работѣ. Въ мѣсяцъ надо 13 пуд. муки, въ годъ 156 пуд., по 80 коп.—125 руб. Нужно купить сѣмянъ рублей на 30, нужно заплатить часть долга. Вся скотина не стоитъ 40 рублей.

— Что будете дѣлать?

— И сами не знаемъ.

— Можетъ, жнитвомъ заработаютъ рублей 30?

— Гдѣ 30! Дай Богъ 10 руб. Слышно, у казаковъ по 1 руб. 50 коп. жнутъ.

— Такъ какъ же?

— Продадимъ остальную скотину—кормиться будемъ.

3. Дворъ Волжанкина. Вдова и сынъ съ женой. Ѣдоковъ 3, работникъ 1. Скотины: 1 лошадь, 3 овцы. Посѣва было 2 десятины, ничего не взошло. Долга подушнаго 10 руб., частнаго 12 руб. Если найдутъ мѣсто въ работники, то прокормятся; но старуху бросить нельзя, и баба беременна. Если оставаться дома, то въ мѣсяцъ надо 5 пуд. муки — 4 руб., а заработать негдѣ, да и земля останется незасѣянною и на 1874 годъ будетъ то же.

4. Мироновы. Ѣдоковъ 6, работниковъ 3. Скотины: 3 лошади, 2 коровы, 10 овецъ. Посѣва 8 десятинъ, ничего не родилось. Долга подушнаго 30 руб., частнаго 25 руб. Никого дома, кромѣ старухи. Хлѣба нужно 108 пуд., на 86 руб. Заработать могутъ рублей 60 при самыхъ выгодныхъ условіяхъ. А земля останется незасѣянная.

5. Шинкины. Относительно богатый дворъ. Изба не землянка, а деревянная хорошая. Ѣдоковъ 11 и двое грудныхъ: работниковъ 4. Скотины: лошадей 5, коровъ 2, овецъ 21. Посѣва 10 десятинъ; не соберутъ $^1/_4$ высѣянныхъ сѣмянъ пшеницы; ржи набрали 5 пуд. съ десятины. Подушнаго долга 50 руб. Домъ и хозяйство бросать не хотятъ, будутъ продавать послѣднюю скотину, чтобы прокормиться и посѣять десятины 3.

6. Егорцевы. Ѣдоковъ 8 и одинъ грудной; работниковъ 3. Скотины: лошадей 2, овецъ 7. Посѣва 9 десятинъ — все пропало. Всего долга 99 руб.

7. Чапраковы. Ѣдоковъ 5 и одинъ грудной; работникъ одинъ. Скотины: 2 лошади, 2 овцы и 1 корова. Посѣва 7 десятинъ, нечего убирать. Долга 39 руб.

8. Макаровы. Ѣдоковъ 10, трое дѣтей; работникъ одинъ. Скотины: 3 лошади, 1 корова, 4 овцы. Посѣва 2 десятины; ничего не родилось, только ржи намолотили 4 мѣры. Долга 80 руб.

9. Фроловы. Ѣдоковъ 6, работниковъ одинъ крестьянинъ и одинъ мальчикъ. Скотины: 3 лошади, 1 корова, 3 овцы. Посѣва 2 десятины; набрали $^1/_2$ пуда ржи, пшеницы и овса ничего. Всего долга 100 руб.

10. Мамоновы, молокане. Относительно богатый дворъ. Ѣдоковъ 6, работниковъ 3. Скотины: 8 лошадей, 5 коровъ, 15 овецъ. Посѣва 20 десятинъ. Надѣются набрать на пяти десятинахъ сѣмянъ. Долга всего 66 руб. Надѣются прокормиться продажей скотины.

11. Уваровы. Ѣдоковъ 8, работникъ 1. Скотины: 2 лошади, 1 корова, 5 овецъ. Посѣва 5 десятинъ; намолотили 3 мѣры ржи, ярового и не выходило. Всего долга 40 руб.

12. Слѣдковы. Ѣдоковъ 7, работникъ 1. Скотины: 3 лошади, 1 корова, 5 овецъ. Посѣва: 3 десятины пшеницы, $^1/_2$ десятины овса и $^1/_2$ десятины ячменя. Надѣются собрать пшеницы 20 пуд., ячменя 5 пуд., овесъ пропалъ. Всего долга 50 руб.

13. Чигановы. Ѣдоковъ 12 и два грудныхъ; работниковъ 4. Скотины: 4 лошади, 1 корова, 8 овецъ. Посѣва 21 десятина; надѣются собрать 15 пуд. Всего долга 80 руб.

14. Синичкины. Ѣдоковъ 11 и 2 грудныхъ; работниковъ 4. Скотины: 5 лошадей, 2 коровы, 8 овецъ. Посѣва: 12 десятинъ ярового и 2 озимаго. Предвидится получить озимаго 50 пуд. и ярового 30. Всего долга 172 руб. 60 коп.

15. Шариковы. Ѣдоковъ 5, работниковъ 3. Скотины: 2 лошади, 1 корова, 4 овцы. Посѣва $6^1/_2$ десятинъ; надѣются собрать ярового 10 пуд. и озимаго 10 пуд. Всего долга 68 руб. 90 коп.

16. Ивліевъ. Ѣдоковъ 4, работниковъ 2. Скотины ничего нѣтъ. Посѣва 1 десятина, не соберутъ и одного пуда. Долга 35 руб. 20 коп.

17. Барашковы. Ѣдоковъ 9, работникъ 1. Скотины ничего нѣтъ. Посѣва 3 десятины, ничего не родилось. Долга 109 руб. 38 коп.

18. Кулянины. Ѣдоковъ 5, работникъ одинъ и одинъ ребенокъ. Скотины: 4 лошади, 1 корова, 11 овецъ. Посѣва: пшеницы 8 десятинъ; соберутъ 20 пуд.; озимаго же соберутъ 5 пуд. Долга нѣтъ.

19. Храмовы. Ѣдоковъ 6 и одинъ ребенокъ; работникъ 1. Скотины: 2 лошади, 3 коровы, 5 овецъ. Посѣва $3^1/_2$ десятины и ничего не родилось. Долга 28 руб. 48 коп.

20. Дубавовы. Ѣдоковъ 8 и одинъ младенецъ; 2 работника. Скотины: 3 лошади, 1 корова, 1 овца. Посѣва 4 десятины; собрали $^1/_2$ пуда ржи, а болѣе собрать ничего не предвидится. Долга 68 руб. 53 коп.

21. Пичугины. Ѣдоковъ 7, работниковъ 2. Скотины: 2 лошади, 1 корова, 2 овцы. Посѣва $3^1/_2$ десятины; больше одного пуда не соберутъ. Долга 48 руб. 67 коп.

22. Матерекины. Ѣдоковъ 14 и двое дѣтей; 3 работника. Скотины: 3 лошади, 2 коровы, 7 овецъ. Посѣва 10 десятинъ и соберутъ 10 пуд. пшеницы, а ржи $^3/_4$ десятины и собрали одинъ пудъ Долга 212 руб. 41 коп.

23. Дехтеревы. Ѣдоковъ 7, работникъ одинъ и одинъ младенецъ. Скотины: 2 лошади и 1 корова. Посѣва 7 десятинъ; собрано 3 пуда ячменя, а болѣе ничего не соберутъ. Долга 70 руб. 6 коп.

Сіе описаніе вѣрно. Самарской епархіи, Бузулукскаго уѣзда, села Гавриловки священникъ Михаилъ Соловьевъ.

Сельскій староста Степанъ Бурдинъ по безграмотству приложилъ должностную печать.

Сельскій писарь Ф. Афанасьевъ.

Для каждаго, кто потрудится вникнуть въ эту вполнѣ точную опись крестьянскихъ семей и ихъ средствъ, должно быть ясно, что большая половина этихъ семей никакъ не можетъ нынѣшній годъ прокормиться своими средствами; другая же половина, хотя, какъ кажется, и можетъ прокормиться, отдавъ своихъ крестьянъ въ работники, въ сущности находится въ точно такомъ же положеніи, какъ и первая половина, такъ какъ $^9/_{10}$ всѣхъ деревень должны идти въ работники, а хозяева по неурожаю отпускаютъ и тѣхъ работниковъ, которыхъ прежде держали.

Положеніе народа ужасно, когда вглядишься и подумаешь о предстоящей зимѣ; но народъ какъ бы не чувствуетъ и не понимаетъ этого.

Только какъ разговоришься съ крестьяниномъ и заставишь его учесть себя и подумать о будущемъ, онъ скажетъ: «и сами не знаемъ, какъ свои головы обдумаемъ», но вообще, кажется, онъ спокоенъ, какъ и обыкновенно, такъ что для человѣка, который бы поверхностно взглянулъ теперь на народъ, разсыпанный по степи дощипывать по колоску чуть видную отъ земли кое-гдѣ взошедшую пшеницу, увидѣлъ бы здоровый, всегда веселый рабочій народъ, услыхалъ бы пѣсни и кое-когда и смѣхъ, тому бы странно даже показалось, что въ средѣ этого народа совершается одно изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій. Но бѣдствіе это существуетъ и признаки его слишкомъ явны.

Крестьянинъ, несмотря на то, что сѣетъ и жнетъ болѣе всѣхъ другихъ христіанъ, живетъ по евангельскому слову: «птицы небесныя не сѣютъ не жнутъ, и Отецъ Небесный питаетъ ихъ»; крестьянинъ вѣритъ твердо въ то, что при его вѣчномъ тяжкомъ трудѣ и самыхъ малыхъ потребностяхъ Отецъ его Небесный пропитаетъ его, и потому не учитываетъ себя, и когда придетъ такой, какъ нынѣшній, бѣдственный годъ, онъ только покорно нагибаетъ голову и говоритъ: «прогнѣвали Бога, видно, за грѣхи наши!» Изъ приложеннаго расчета видно, что въ $^{9}/_{10}$ семей недостанетъ хлѣба.

«Что же дѣлаютъ крестьяне?» Во-первыхъ, они будутъ мѣшать въ хлѣбъ пищу дешевую и потому непитательную и вредную: лебеду, мякину (какъ мнѣ говорили, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это уже начинаютъ дѣлать); во-вторыхъ, сильные члены семьи, крестьяне, уйдутъ осенью или зимой на заработки, и отъ голода будутъ страдать старики, женщины, изнуренныя родами и кормленіемъ, и дѣти. Они будутъ умирать не прямо отъ голода, а отъ болѣзней, причиной которыхъ будетъ дурная, недостаточно питательная пища, и особенно потому, что самарское населеніе нѣсколькими поколѣніями пріучено къ хорошему пшеничному хлѣбу.

Прошлаго года еще встрѣчался кое-гдѣ у крестьянъ пшеничный хлѣбъ,—матери берегли его для малыхъ дѣтей; нынѣшній годъ его уже нѣтъ, и дѣти болѣютъ и мрутъ. Что же будетъ, когда недостанетъ и чистаго чернаго хлѣба, что уже и теперь начинается?

Страшно подумать о томъ бѣдствіи, которое ожидаетъ населеніе большей части Самарской губерніи, если не будетъ подана ему государственная или общественная помощь. Подписка, по моему мнѣнію, можетъ быть открыта двоякая: 1) подписка на пожертвованія и 2) подписка на выдачу денегъ для продовольствія заимообразно безъ процентовъ на 2 года. Подписка второго рода, т.-е. выдача денегъ заимообразно, я полагаю, можетъ скорѣе составить ту сумму, которая обезпечитъ пострадавшее населеніе Самарской губерніи, и вѣроятно земство Самарской губерніи возьметъ на себя трудъ раздачи хлѣба, купленнаго на эти деньги, и сбора долга въ первый урожайный годъ.

1873 годъ 28-го іюля.
Хуторъ на Тананыкѣ.

О СРЕДСТВАХЪ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНІЮ, ПОСТРАДАВШЕМУ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

Помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, можетъ имѣть двѣ цѣли: поддержаніе крестьянскаго хозяйства и избавленіе людей отъ опасности заболѣванія и даже смерти отъ недостатка и недоброкачественности пищи.

Достигаетъ ли этихъ цѣлей помощь, оказываемая теперь въ видѣ выдачи муки отъ 20 до 30 ф. въ мѣсяцъ на ѣдока, считая или не считая работниковъ? Я думаю, что нѣтъ. И думаю я такъ по слѣдующимъ соображеніямъ: всѣ крестьянскія семьи всей земледѣльческой Россіи можно подвести подъ три типа: 1) богатый дворъ—отъ 8—15 душъ, въ среднемъ 12 душъ семьи; отъ 3—5 работниковъ, въ среднемъ 4; отъ 3—5 лошадей, въ среднемъ 4, и отъ 3—9 десятинъ наемной земли, въ среднемъ 6. Это—богачъ. Такой мужикъ не только кормитъ свою семью своимъ хлѣбомъ, но часто нанимаетъ одного-двухъ работниковъ, скупаетъ землю у бѣдняковъ, ссужаетъ ихъ хлѣбомъ, сѣменами. Все это дѣлается, можетъ-быть, и на не выгодныхъ для бѣдняковъ условіяхъ, но результатъ тотъ, что тамъ, гдѣ въ деревнѣ десять процентовъ такихъ богачей, земля не гуляетъ, и въ нуждѣ все-таки бѣдняку есть средство добыть хлѣба, сѣмянъ, даже денегъ.

Второй типъ—это средній мужикъ, съ большимъ напряженіемъ сводящій концы съ концами при своихъ двухъ надѣлахъ и при одномъ или двухъ работникахъ и одной или двухъ лошадяхъ. Этотъ дворъ кормится почти своимъ хлѣбомъ. Чего недостаетъ—добываетъ членъ семьи, живущій на сторонѣ.

И третій типъ—бѣднякъ съ семьей въ 3—5 душъ, съ однимъ работникомъ, часто безъ лошади. У этого никогда не хватаетъ своего хлѣба, онъ всякій годъ долженъ придумывать средства извернуться и всегда находится на волоскѣ отъ нищенства и при малѣйшей невзгодѣ побирается.

Помощь, выдаваемая въ видѣ муки населенію неурожайныхъ мѣстъ, распредѣляется по составленнымъ имущественнымъ спискамъ крестьянскихъ семей. По этимъ спискамъ дѣлаются соображенія о томъ, сколько кому слѣдуетъ выдавать пособія, и пособіе это выдается только самымъ бѣднымъ, т.-е. семьямъ третьяго типа.

Двору перваго типа—богачу и среднему крестьянину, у котораго есть еще нѣсколько четвертей овса, есть 2 лошади, корова,

овцы—не полагается никакой помощи. Но если вникнуть въ положеніе не только средняго, но и богатаго мужика, то нельзя не видѣть, что для поддержанія крестьянскаго хозяйства этимъ-то хозяевамъ болѣе всего нужна помощь.

У богатаго крестьянина, положимъ, остается еще немного ржи, есть 20 или болѣе четвертей овса, есть и 5 лошадей, и двѣ коровы, и 18 овецъ, и потому, что все это еще есть у него, ему не полагается пособія. Но сочтите его приходъ и расходъ, вы увидите, что онъ въ такой же нуждѣ, какъ и бѣднякъ. Чтобы поддержать свой заведенный кругъ съ наемною землей, ему нужно посѣять около 10 четвертей. То, что у него останется на 40, 50, даже 60 руб. хлѣба,—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ему нужно на семью въ 12 душъ. На 12 душъ ему нужно 15 пудовъ по 1 р. 50 к.—22 р. 50 к. на мѣсяцъ, 225 рублей на 10 мѣсяцевъ. Ему нужно, кромѣ того, 40, 50, 70 рублей на уплату аренды за наемную землю, ему нужны подати. Члены его семьи, живущіе въ людяхъ, въ нынѣшнемъ году или меньше получаютъ, чѣмъ прежде, по дорогому хлѣбу, или вовсе разсчитываются. Ему нужно рублей 350, а онъ не соберетъ и 200, а потому ему остается одно—не нанимать земли, продать сѣменной овесъ, продать часть лошадей, на которыхъ нѣтъ цѣнъ, т.-е. спуститься на степень средняго мужика и даже ниже, потому что у средняго семья меньше.

Но и среднему, если у него есть еще овесъ и лошадь или двѣ, не даютъ помощи или даютъ такъ мало, что онъ долженъ продать свою землю исключительнымъ богачамъ, проѣсть овесъ сѣменной, а потомъ и лошадь. Такъ что при томъ распредѣленіи помощи, которое существуетъ теперь, богатый долженъ неизбѣжно спуститься на состояніе средняго, а средній—на состояніе бѣднаго. А по условіямъ нынѣшняго года, за исключеніемъ особенныхъ богачей, почти всѣ должны спуститься на эту ступень.

Выдача, производимая мукой, не достигая цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, не достигаетъ и второй цѣли—обезпеченія людей отъ голодныхъ болѣзней. Выдача мукой на душу не достигаетъ этого по слѣдующимъ причинамъ.

Во-первыхъ, потому, что при такой выдачѣ мукой всегда есть возможность для получившаго ее поддаться соблазну и израсходовать, пропить полученное, чего и были, хотя и рѣдкіе, случаи; во-вторыхъ, потому, что, попадая въ руки бѣдныхъ, помощь эта спасаетъ ихъ отъ голода только въ томъ случаѣ, если въ семьѣ есть еще какія-нибудь свои средства. Наибольшая выдача составляетъ 30 ф. на человѣка. И если 30 ф. муки при картофелѣ и какой-нибудь примѣси къ мукѣ для печенія хлѣба могутъ прокормить человѣка въ продолженіе мѣсяца, то при полной бѣдности, когда не на что купить даже лебеды, чтобы подмѣшать въ хлѣбъ, 30 ф. муки съѣдаются въ видѣ чистаго хлѣба въ 15—20 дней, и люди, оставаясь на 10 дней совершенно голодными, могутъ заболѣвать и даже умирать отъ недостатка пищи. Въ-третьихъ, выдача муки въ бѣдныя семьи, даже и въ такія, въ кото-

рыхъ еще есть свои средства, не достигаетъ своей цѣли—обезпеченія людей отъ голодныхъ болѣзней—потому, что въ семьѣ, гдѣ сильные люди легко переносятъ дурную пищу, слабые, старые и малые заболѣваютъ отъ недостатка и недоброкачественности пищи.

Во всѣхъ мѣстностяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, всѣ—и богатыя и бѣдныя семьи—ѣдятъ хлѣбъ дурной, съ лебедой. (Странно сказать: теперь въ большей части случаевъ самые бѣдняки при полученіи хлѣба отъ земства ѣдятъ хлѣбъ чистый, тогда какъ въ богатыхъ семьяхъ ѣдятъ почти всѣ съ лебедой, съ отвратительною незрѣлою лебедой нынѣшняго года [1]).

И постоянно случается то, что сильные члены богатой семьи переносятъ лебедный хлѣбъ, а слабые, старые, больные прямо чахнутъ и мрутъ отъ него.

Такъ, приходитъ больная женщина изъ богатаго двора, принося въ рукѣ комокъ черной лебедной лепешки, составляющей ея главную пищу, и просясь въ столовую только потому, что она больна, и то только на время своей болѣзни.

Другой примѣръ. Прихожу къ мужику, который не получаетъ пособія и считается богатымъ. Ихъ двое съ женой, безъ дѣтей. Застаю ихъ за обѣдомъ. Картофельная похлебка и хлѣбъ съ лебедой. Въ квашнѣ новый хлѣбъ еще съ большею примѣсью лебеды. Мужъ съ женой веселы и бодры, но на печи старуха, которая больна отъ лебеднаго хлѣба и говоритъ, что лучше разъ въ день ѣсть, только бы поѣсть хорошаго хлѣбца, а то этотъ душа не принимаетъ.

Или третій примѣръ. Приходитъ баба изъ богатаго двора просить о томъ, чтобы допустить въ столовую ея 13-лѣтнюю дочь, потому что ея не кормятъ дома. Дочь эта прижита незаконно и вслѣдствіе этого ея не любятъ и не даютъ ей ѣсть вволю. Примѣровъ такихъ очень много, и потому выдача пособія мукой на руки не обезпечиваетъ старыхъ, слабыхъ и нелюбимыхъ членовъ семьи отъ болѣзней и умиранія вслѣдствіе недоброкачественности и недостатка пищи.

Какъ ни больно высказать это, несмотря на ту замѣчательную энергію и даже самоотверженіе большинства земскихъ дѣятелей, дѣятельность ихъ, состоящая въ раздачѣ пособій хлѣбомъ, не достигаетъ ни цѣли поддержанія крестьянскаго хозяйства, ни предупрежденія возможности болѣзней отъ голода.

Но если то, что дѣлается теперь, не хорошо, то что же хорошо? Что же нужно дѣлать?

Нужны, по моему мнѣнію, двѣ вещи: для хоть не поддержанія крестьянскаго хозяйства, а противодѣйствія его окончательному

---

1) То, что нынѣшній годъ лебеду вездѣ употребляютъ въ пищу, можно объяснить только преданіемъ, тѣмъ, что ее ѣдали прежде,—и пословица есть о томъ, что «не бѣда, что во ржи лебеда»,—и тѣмъ, что она родилась въ ржаномъ полѣ и вымолочена вмѣстѣ съ рожью. Мнѣ кажется, что если бы не было преданія и не была бы она въ ржаномъ полѣ, то скорѣе бы мѣшали въ хлѣбъ солому овсяную, опилки, чѣмъ это вредное вещество. А ее мѣшаютъ вездѣ.

разоренію: учрежденіе работъ для всего могущаго работать населенія и устройство во всѣхъ деревняхъ голодающихъ мѣстъ даровыхъ столовыхъ для малыхъ, старыхъ, слабыхъ и больныхъ.

Учрежденіе работъ должно быть такое, чтобы работы эти были доступны, знакомы и привычны населенію, а не такія, которыми никогда не занимался или даже не видывалъ народъ, или такія, при которыхъ тѣмъ членамъ семей, которые никогда не уходили, надо уходить изъ дома, что по семейнымъ и еще другимъ условіямъ (какъ отсутствіе одежды) часто невозможно сдѣлать. Работы должны быть такія, чтобы, кромѣ внѣдомашнихъ работъ, на которыя пойдутъ всѣ привыкшіе и могущіе ходить на заработки работники, домашними работами могло быть занято все населеніе голодающихъ мѣстностей — мужчины, женщины, свѣжіе старики, подростки-дѣти.

Бѣдствіе нынѣшняго года заключается не только въ недостаткѣ хлѣба, но и въ не меньшемъ совершенномъ недостаткѣ не только заработковъ, но прямо работы, — въ принужденной праздности нѣсколькихъ милліоновъ населенія. Если хлѣбъ, нужный для прокормленія населенія, есть подъ руками, т.-е. можетъ быть доставленъ туда, гдѣ онъ нуженъ, за доступную цѣну, то голодающій народъ могъ бы самъ выработать себѣ этотъ хлѣбъ, будь только у него возможность работы, матеріалъ для работы и сбытъ. Если же у него не будетъ этой возможности, сотни милліоновъ будутъ безвозвратно потрачены на раздачи даровыхъ пособій, но бѣдствіе все-таки не будетъ устранено. Но дѣло не въ одной матеріальной тратѣ: праздность цѣлаго населенія, получающаго даровую пищу, имѣетъ страшное развращающее вліяніе.

Работы внѣдомашнія могутъ быть учреждены самыя разнообразныя и на зимнее и тѣмъ болѣе на лѣтнее время, и дай Богъ, чтобы, какъ можно скорѣе и какъ можно въ бо́льшихъ размѣрахъ были учреждены эти работы. Но, кромѣ этихъ большихъ отхожихъ работъ, предоставленіе народу возможности, не выходя изъ дому и изъ своихъ привычныхъ условій, работать свою привычную работу и сбывать ее хотя бы по самой дешевой цѣнѣ есть дѣло настоятельной необходимости и огромной важности.

Въ деревняхъ неурожайныхъ мѣстъ не родилась ни конопля, ни ленъ; овцы почти всѣ проданы, и у бабъ нѣтъ пряжи, нѣтъ тканья. Бабы, дѣвушки, старухи, обыкновенно занятыя, сидятъ безъ дѣла. Мало того, мужики, оставаясь дома и не имѣя денегъ для покупки лыкъ, тоже сидятъ безъ своей обычной зимней работы—плетенія лаптей. Ребята тоже болтаются безъ дѣла, такъ какъ школы большею частью закрыты. Населеніе, имѣя предъ собой только тяжелое представленіе о болѣе увеличивающейся нуждѣ, лишенное привычнаго и болѣе чѣмъ когда-либо необходимаго ему средства разсѣянія и забвенія—работы, сидитъ цѣлыми днями сложа руки, перебирая разные слухи и предположенія о выдаваемой и имѣющей выдаваться помощи, а главное—

о своей нуждѣ; «скучаютъ, тоскуютъ, оттого больше и болѣютъ», сказалъ мнѣ умный старикъ.

Не говоря уже объ экономическомъ значеніи работы для нынѣшняго года, нравственное значеніе ея огромное. Работа, какая ни будь работа, которая могла бы занять всѣхъ праздныхъ нынѣшній годъ людей, составляетъ самую настоятельную необходимость.

Пока не будутъ еще устроены тѣ большія работы, о каковыхъ были разные, весьма разумные проекты, которыя теперь, какъ слышно, учреждаются и которыя принесутъ огромную пользу, если только при учрежденіи ихъ примутся во вниманіе привычки и удобства населенія, если бы только во всѣхъ неурожайныхъ деревняхъ дать возможность всѣмъ остающимся людямъ работать привычную работу,—мужчинамъ хоть только плести лапти, а женщинамъ прясть и ткать,—и дать возможность продавать то и другое, что пріобрѣталось бы этимъ трудомъ, то и это было бы если и не поддержкой крестьянскому хозяйству, то по крайней мѣрѣ большой задержкой въ его упадкѣ. Если допустить, что будетъ найдено помѣщеніе холсту хоть по 8 коп. аршинъ (а помѣщеніе возможно въ огромныхъ количествахъ) и будутъ скупаться лапти, которые могутъ сохраняться годами, по 10 коп. за пару, то заработокъ каждаго человѣка будетъ самое меньшее около 5 к., т.-е. 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ. Если при этомъ допустить, что въ каждой семьѣ, въ среднемъ, не болѣе $^1/_4$ членовъ, не могущихъ работать, то окажется, что на каждое лицо въ семьѣ будетъ заработано $^{450}/_4$, т.-е. 1 р. 12 к., т.-е. значительно больше того, что теперь съ такимъ напряженіемъ, ссорами, спорами и вызывая такое всеобщее неудовольствіе выдается отъ земства.

Таковъ бы былъ расчетъ, если бы работалась самая дешевая и несомнѣнно доступная и извѣстная всѣмъ деревенскимъ жителямъ работа.

Средства получились бы бóльшія, чѣмъ тѣ, которыя теперь получаются отъ даровой или заимообразной выдачи, не было бы той неразрѣшимой трудности распредѣленія и, главное, того недовольства, которое вызывается душевою выдачей.

Для достиженія этого нужно бы было только затратить не очень большія суммы на покупку матеріала для работъ—льна и лыкъ—и обезпечить помѣщеніе этихъ произведеній.

Устройствомъ такихъ работъ, доставленіемъ бабамъ прядева и продажей вырабатываемаго ими тканья уже занимаются многіе люди, хотя еще и въ очень малыхъ размѣрахъ. Мы тоже начали это дѣло, но до сихъ поръ не получили еще выписаннаго льна, шерсти и лыкъ. Предложеніе наше крестьянамъ заняться работой на продажу лаптей и холста встрѣчалось вездѣ съ восторгомъ. «Хоть три копейки въ день выработать, все лучше, чѣмъ безъ дѣла сидѣть», говорили они.

Само собой разумѣется, что все это относится только до 5 зимнихъ мѣсяцевъ; въ остальные 4 лѣтніе мѣсяца, до новины, работы могли бы быть гораздо болѣе производительны.

Для достиженія цѣли — если не поддержки крестьянскаго хозяйства, то хоть задержанія его разоренія — есть, по моему мнѣнію, только это средство — устройство работъ.

Для достиженія же второй цѣли—спасенія людей отъ заболѣваній вслѣдствіе дурной пищи и недостатка ея, — по моему мнѣнію, единственное несомнѣнное средство есть устройство въ каждой деревнѣ даровой столовой, въ которой каждый человѣкъ могъ бы насытиться, если онъ голоденъ.

Устройство такихъ столовыхъ начато нами уже болѣе мѣсяца тому назадъ и до сихъ поръ ведется съ успѣхомъ, превзошедшимъ наши ожиданія. Столовыя устроились слѣдующимъ образомъ.

Въ поѣздкѣ моей въ Епифанскій уѣздъ въ концѣ сентября я встрѣтилъ моего стараго друга, И. И. Раевскаго, которому я передалъ мое намѣреніе устроить столовыя въ голодающихъ мѣстностяхъ. Онъ пригласилъ меня поселиться у него и, не отрицая всякой другой формы помощи, не только одобрилъ мой планъ устройства столовыхъ, но взялся помогать мнѣ въ этомъ дѣлѣ и со свойственною ему любовью къ народу, рѣшительностью и простотой пріемовъ тотчасъ же, еще до нашего переѣзда къ нему, началъ это дѣло, открывъ около себя шесть такихъ столовыхъ. Пріемъ, употребленный имъ, состоялъ въ томъ, что онъ по самымъ бѣднымъ деревнямъ предложилъ вдовамъ или самымъ бѣднымъ жителямъ кормить тѣхъ, которые будутъ ходить къ нимъ, и выдалъ имъ отъ себя нужную для того провизію. Староста же съ уполномоченными составилъ списокъ дѣтей и старыхъ людей, подлежащихъ кормленію въ столовыхъ, и въ 6 деревняхъ открылись столовыя. Столовыя эти, несмотря на то, что онѣ открыты были одними старостами и приказчикомъ Раевскаго, безъ его личнаго наблюденія, шли очень хорошо и продержались около мѣсяца. Ко времени же нашего переѣзда сюда, совпавшаго съ первой выдачей пособія отъ правительства, 5 столовыхъ закрылись, такъ какъ лица, ходившія въ нихъ, стали получать мѣсячину и потому какъ бы не нуждались въ двойной помощи. Очень скоро, однако, несмотря на выдачу пособія, нужда такъ увеличилась, что почувствовалась необходимость возобновленія закрывшихся столовыхъ и открытія новыхъ. Въ продолженіе проведенныхъ нами здѣсь 4 недѣль открыто нами 30 столовыхъ. Сначала мы открывали ихъ по собираемымъ свѣдѣніямъ о наиболѣе бѣдствующихъ деревняхъ, теперь же, уже болѣе недѣли, съ разныхъ сторонъ намъ заявляютъ просьбы объ открытіи новыхъ столовыхъ, которыя мы уже не успѣваемъ удовлетворять.

Дѣло открытія столовыхъ состоитъ въ слѣдующемъ — мы, по крайней мѣрѣ, поступали такъ: узнавъ про болѣе нуждающуюся деревню, мы пріѣзжаемъ въ нее, идемъ къ старостѣ и, объявивъ о нашемъ намѣреніи, приглашаемъ кого-нибудь изъ стариковъ и спрашиваемъ про имущественное состояніе дворовъ съ одного края деревни до другого. Староста, его жена, старики и еще кто-нибудь, изъ любопытства зашедшіе въ избу, описываютъ намъ состояніе дворовъ. «Ну, съ лѣваго края: Максимъ Антохинъ. Какъ

этотъ?»—«Этотъ плохъ. Ребята, самъ-сёмъ, [illegible] давно нѣтъ. Отъ этого стоитъ ходить старухѣ да мальчику». Записываемъ — отъ Максима Антохина двухъ. Дальше Ѳедоръ Абрамовъ: «Тоже плохи. Ну, все можетъ кормиться». Но вмѣшивается старостиха и говоритъ, что плохъ и этотъ и стоитъ взять мальчика. Дальше идетъ старикъ, николаевскій солдатъ. «Вовсе съ голоду помираетъ». Демьянъ Сапроновъ. «Эти прокормятся»... И такъ обсуживается вся деревня. Доказательствомъ того, съ какою правдивостью и безъ сословнаго чувства крестьяне опредѣляютъ нуждающихся, видно изъ того, что, несмотря на то, что многіе крестьяне были не допущены въ первой же деревнѣ, въ деревнѣ Татищевѣ, Рыхотской волости, въ которой мы открывали столовую, въ число несомнѣнно бѣдныхъ, которыхъ нужно принять въ столовую, были назначены крестьянами безъ малѣйшаго колебанія вдова, попадья съ дѣтьми и дьячиха. Такимъ образомъ всѣ перечисляемые дворы раздѣляются обыкновенно, по показанію старосты и сосѣдей, на три сорта: на несомнѣнно плохіе, изъ которыхъ нѣкоторымъ лицамъ слѣдуетъ ходить въ столовую, на несомнѣнно хорошіе—такіе, которые сами прокормятся, и на такіе, въ которыхъ есть сомнѣніе. Сомнѣніе это обыкновенно разрѣшается количествомъ людей, ходящихъ въ столовую. Кормить болѣе 40 людей становится уже тяжело хозяевамъ. И потому, если число ходящихъ менѣе 40, то сомнительные принимаются, если же болѣе, то приходится отказывать. Обыкновенно нѣкоторыя лица, несомнѣнно подлежащія кормленію въ столовыхъ, оказываются пропущенными, и по мѣрѣ заявленія дѣлаются измѣненія и прибавленія. Если же набирается въ одной деревнѣ очень много несомнѣнно нуждающихся, то открывается въ той же деревнѣ другая, а иногда и третья столовая.

Въ общемъ какъ въ нашихъ столовыхъ, такъ и у сосѣдки нашей, Н. Ф., ведущей дѣло независимо отъ насъ, количество людей, кормящихся въ столовой, всегда составляетъ $^1/_3$ всѣхъ наличныхъ душъ.

Охотниковъ держать столовую, т.-е. печь хлѣбы, готовить, варить, служить обѣдающимъ, за право тутъ же кормиться и топиться очень много—почти всѣ дворы. До такой степени всѣ охотятся держать столовыя, что въ обѣихъ первыхъ деревняхъ, въ которыхъ мы открывали столовыя, старосты, оба богатые крестьяне, предлагали сдѣлать у себя столовыя. Но такъ какъ держащій столовую совершенно обезпеченъ и топливомъ и пищей, то мы обыкновенно выбираемъ самыхъ бѣдныхъ, только бы они были въ серединѣ деревни, такъ чтобы не далеко было ходить съ обоихъ концовъ. На помѣщеніе мы не обращаемъ вниманія, такъ какъ и въ самой крошечной 6-аршинной избѣ свободно кормится отъ 30 до 40 человѣкъ.

Слѣдующее затѣмъ дѣло въ томъ, чтобы отпустить продовольствіе на каждую столовую. Дѣло это дѣлается такъ. Въ одномъ мѣстѣ, находящемся въ центрѣ столовыхъ, устраивается складъ всѣхъ нужныхъ припасовъ. Такимъ складомъ была для насъ сна-

чала экономія Раевскаго, но при расширеніи дѣла устроенія, или, скорѣе, избраны теперь, три другіе склада въ имѣніяхъ зажиточныхъ помѣщиковъ, тамъ, гдѣ есть амбары и нѣкоторые продажные предметы продовольствія.

Какъ скоро выбрано помѣщеніе столовой и переписаны лица, имѣющія приходить въ нее, назначается день, въ который хозяева столовыхъ или очередная подвода пріѣзжаютъ за запасами. Такъ какъ теперь, при большомъ числѣ столовыхъ, хлопотно выдавать каждый день,—опредѣлены два дня въ недѣлю, вторникъ и пятница, въ которые выдается провизія.

Въ складѣ выдается хозяину столовая книжка, т.-е. тетрадка слѣдующей формы:

Заборная книжка по № столовой.

Число и мѣсяцъ	У кого открыта.	Мука.	Отруби.	Картофель.	Капуста.	Свекла.	Овощи.	Дрова.	Соль.	Число ѣдоковъ.
8 ноября.	Лукерьи Котовой.	4 п.	2 п.	6 п.	20 кч.	2 п.	п.	10 п.	10 ф.	

По этой книгѣ получается провизія и записывается.

Кромѣ провизіи, въ одинъ опредѣленный день изъ всѣхъ деревень, въ которыхъ есть столовыя, ѣздятъ подводы за топливомъ; сначала это былъ торфъ, теперь, такъ какъ торфа больше нѣтъ,—дрова. Въ тотъ же день, когда забрана провизія, ставятся хлѣбы, а на третій открываются столовыя. Вопросъ о посудѣ для варки, о чашкахъ, ложкахъ, столахъ разрѣшается самими хозяевами столовыхъ. Каждый хозяинъ употребляетъ свою посуду. А чего нѣтъ, онъ достаетъ у тѣхъ, которые ходятъ къ нему. Ложки носятъ каждый свою.

Первая столовая открылась у слѣпого старика съ женой и сиротами-внуками. Когда я, въ первый день открытія этой столовой, въ 11 часовъ, пришелъ въ избу къ слѣпому, у бабы уже было все готово. Хлѣбы вышли изъ печи и лежали на столѣ и на лавкахъ. Въ истопленной и закрытой заслонкою печи стояли щи, картошка и свекольникъ.

Въ избѣ, кромѣ хозяевъ, были двѣ сосѣдки и одна старуха бездомная, которая тутъ же попросилась перейти въ эту избу, съ тѣмъ, чтобы здѣсь и кормиться и жить въ теплѣ. Народа еще не было. Оказалось, что дожидались насъ, не повѣщали. Мальчикъ и мужикъ вызвались повѣстить. Спрашиваю у хозяйки: какъ же всѣ усядутся? «Да ужъ я устрою, какъ должно, будьте спокойны», говоритъ хозяйка. Хозяйка эта—коренастая женщина лѣтъ 50, съ робкимъ и безпокойнымъ, но умнымъ взглядомъ. Она до открытія столовой побиралась и тѣмъ кормилась съ семьей. Про нее ея враги говорятъ, что она пьяница. Но, несмотря на эти наговоры, она располагаетъ къ себѣ своимъ отношеніемъ къ сиротамъ, внукамъ ея мужа и къ самому исчахшему, чуть живому, слѣпому

старику, лежащему на нарахъ. Мать этихъ сиротъ умерла годъ тому назадъ, отецъ бросилъ дѣтей, ушелъ въ Москву и тамъ завихрился. Дѣти—мальчикъ и дѣвочка—очень красивыя, особенно мальчикъ лѣтъ 8, несмотря на бѣдность, хорошо одѣты и обуты, и жмутся къ бабушкѣ, и требовательны къ ней, какъ бываютъ требовательны балованныя дѣти.

«Все будетъ, какъ надо,—говоритъ хозяйка,—и столъ достану. А какіе не усядутся—послѣ поѣдятъ. Хлѣбовъ, — сообщаетъ она мнѣ,—вышло 9 изъ 4 пудовъ и, кромѣ того, затерла квасъ. Только съ торфомъ измучилась, — говоритъ она: — не горитъ. Ужъ своей соломки понадергала съ сарая. Раскрыла сарай, а то торфъ не горѣлъ». Такъ какъ мнѣ тутъ дѣлать нечего, я иду за оврагъ, въ столовую другой деревни, боясь что и тамъ меня дожидаются. И дѣйствительно, и здѣсь дожидали. И здѣсь то же самое: тотъ же запахъ горячаго хлѣба, тѣ же ковриги по столамъ и лавкамъ, и тѣ же чугунъ и горшки въ печи и любопытный народъ въ избѣ. Такъ же добровольцы бѣгутъ повѣщать. Поговоривъ съ хозяйкой, которая также жалуется на то, что торфъ не горитъ, что ей пришлось исколоть корыто, чтобы испечь хлѣбушки, я иду назадъ въ первую столовую, думая, что встрѣтятся какія-нибудь недоразумѣнія или затрудненія, которыя надо будетъ устранить. Прихожу къ слѣпому. Изба полна народа и кишитъ сдержаннымъ движеніемъ, какъ лѣтнею ночью открытая колодка пчелъ. Изъ двери валитъ паръ. Пахнетъ хлѣбомъ и щами и слышно чавканье. Изба крошечная, темная — два крошечныя окошечка, и то съ обоихъ боковъ толсто заваленная навозомъ снаружи. Полъ земляной, очень неровный. Такъ темно, особенно отъ народа, спинами загораживающаго окна, что сначала ничего не разглядишь. Но, несмотря на эти неудобства и тѣсноту, столъ идетъ въ величайшемъ порядкѣ. Вдоль лицевой стѣны, налѣво отъ двери, два стола, вокругъ которыхъ со всѣхъ сторонъ степенно сидитъ обѣдающій народъ. Въ глубинѣ избы — отъ наружной стѣны къ печкѣ — хоры, на которыхъ уже не лежитъ, а сидитъ, обнявъ руками худыя голени, изможденный слѣпой, слушая говоръ и звуки ѣды. Направо, въ свободномъ углу передъ устьемъ печи, стоятъ хозяева и добровольныя помощницы. Всѣ они слѣдятъ за нуждами обѣдающихъ и служатъ имъ.

За столомъ, въ переднемъ углу подъ образами, николаевскій солдатъ, потомъ деревенскій старикъ, потомъ старушка, потомъ дѣти. За вторымъ столомъ, ближе къ печи, спиной къ простѣнку, жалкаго вида попадья, кругомъ дѣти—мальчики и дѣвочки и дочь попадьи, взрослая дѣвушка. На каждомъ столѣ чашка со щами, и обѣдающіе хлебаютъ, закусывая теплымъ душистымъ хлѣбомъ. Чашки со щами опоражниваются. «Кушайте, кушайте, — весело и гостепріимно, подавая черезъ головы ломти хлѣба, говоритъ хозяйка.—Еще налью... Нынче только щи да картошки, — говоритъ она мнѣ, — свекольникъ не поспѣлъ. Къ ужину будетъ». Старая, чуть живая старушка, стоящая у печи, проситъ меня давать ей на домъ хлѣба, — она нынче насилу дотащилась, а каждый день

ходить не можетъ, а мальчикъ ея тутъ ѣстъ, такъ онъ носить будетъ. Хозяйка отрѣзаетъ ей кусокъ. Старуха бережно прячетъ его за пазуху и благодаритъ, но не уходитъ. Дьячиха, бойкая женщина, стоящая у печи и помогающая хозяйкѣ, словоохотливо и бойко благодаритъ за свою дѣвочку, которая тутъ же ѣстъ, сидя у стѣнки, и робко проситъ, нельзя ли и ей самой, дьячихѣ, тутъ поѣсть. «Давно ужъ и не пробовала хлѣбушка чистаго, намъ вѣдь это какъ медъ сладко».

Получивъ разрѣшеніе, дьячиха крестится, перелѣзаетъ черезъ доску, перекинутую со скамьи на лавку. Мальчикъ-сосѣдъ съ одной стороны и старушка съ другой сторонятся, и дьячиха усаживается. Хозяйка подаетъ ей хлѣбъ и ложку. Послѣ первой перемѣны—щей—подается картошка. Изъ солонки каждый насыпаетъ себѣ на столъ кучку соли и макаетъ въ эту соль очищенный картофель. Все это — и служеніе за столомъ, и приниманіе пищи, и размѣщеніе людей — совершается неторопливо, прилично, благолѣпно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ привычно, что какъ будто это самое, что всегда дѣлалось, дѣлается и не можетъ иначе дѣлаться. Что-то въ родѣ природнаго явленія. Покончивъ картошки и бережно отложивъ оставшіеся кусочки хлѣба, николаевскій солдатъ первый встаетъ и вылѣзаетъ изъ-за стола, и всѣ за нимъ встаютъ, поворачиваются къ образамъ и молятся, потомъ благодарятъ и выходятъ. Дожидавшіеся очереди неторопливо занимаютъ ихъ мѣста, и хозяйка вновь рѣжетъ хлѣбъ и наливаетъ вновь чашки щами.

Совершенно то же самое было и во второй столовой; особеннаго было только то, что народу было очень много, до 40 человѣкъ, а изба была еще темнѣе и меньше первой. Но то же приличіе посѣтителей, то же спокойное и радостное, нѣсколько гордое отношеніе хозяйки къ своему дѣлу. Здѣсь хозяинъ-мужчина служилъ, помогая матери, и дѣло шло еще скорѣе. Такъ же все происходило и во всѣхъ другихъ столовыхъ, устроенныхъ нами, съ тѣми же благолѣпіемъ и естественностью. Въ нѣкоторыхъ усердныя хозяйки приготавливали три и даже четыре перемѣны: свекольникъ, щи, похлебка, картофель.

Дѣло столовыхъ дѣлается такъ же просто, какъ и многія мужицкія работы, въ которыхъ всѣ подробности, очень сложныя, предоставляются самимъ крестьянамъ. Въ извозѣ, напримѣръ, на который нанимаютъ мужиковъ, ни одинъ наниматель не заботится ни о веретьяхъ, ни о шпилькахъ, ни о пехтеряхъ и ведрахъ, и о многомъ другомъ, необходимомъ для извоза. Подразумѣвается, что все это будетъ устроено самими крестьянами. И дѣйствительно, все это всегда и вездѣ однообразно и толково и просто устраивается самими крестьянами, не требуя никакого участія и вниманія нанимателя. Такъ точно это дѣлается и въ столовыхъ.

Всѣ подробности дѣла исполняются самими хозяевами столовыхъ и такъ твердо, обстоятельно, что для учредителя остаются только общія дѣла, касающіяся столовыхъ. Такихъ дѣлъ для учредителя столовой остается главныхъ—четыре: 1) приготовленіе про-

довольствія въ центрѣ, изъ котораго можно отпускать его въ разныя столовыя; 2) наблюденіе за тѣмъ, чтобы запасы напрасно не тратились; 3) наблюденіе за тѣмъ, чтобы не были какъ-нибудь забыты люди наиболѣе нуждающіеся и замѣнены такими, которые могутъ обойтись безъ даровой пищи, и 4) испытываніе и примѣненіе въ столовыхъ новыхъ малоупотребительныхъ пищевыхъ средствъ, какъ: горохъ, чечевица, просо, овесъ, ячмень, разные сорта хлѣбовъ, жмыховъ и др.

Довольно много хлопотъ доставило намъ распредѣленіе людей, получающихъ мѣсячину. Нѣкоторые изъ членовъ семей, получающихъ недостаточное количество, допускались, нѣкоторые отдавали свою мѣсячину въ столовыя съ тѣмъ, чтобы кормиться въ нихъ. При этомъ мы руководствуемся слѣдующими соображеніями: при равномѣрной выдачѣ, какъ это дѣлается въ нашей мѣстности, 20 ф. на человѣка, мы принимаемъ преимущественно изъ большихъ семей; при недостаточной выдачѣ, каковы 20 ф. на мѣсяцъ, чѣмъ больше семья, тѣмъ больше совсѣмъ необезпеченныхъ пропитаніемъ людей.

Теорія столовыхъ поэтому такая: для того, чтобы открыть отъ десяти до двадцати столовыхъ, для прокормленія отъ трехъ до восьмисотъ человѣкъ, необходимо въ центрѣ этой мѣстности собрать продовольственные запасы. Такимъ центромъ всегда можетъ быть зажиточная помѣщичья усадьба.

Продовольственные запасы на такое количество — положимъ, 500 человѣкъ — будутъ состоять (если разсчитывать вести столовыя до новины), считая по фунту смѣси муки съ отрубями на человѣка: на 300 дней на 500 человѣкъ будетъ 150.000 ф., или 3.750 пуд., или 2.500 пуд. ржи и 1.200 п. отрубей; столько же пудовъ картофеля, 12 саж. дровъ, 1.000 пуд. свеклы и 25 пуд. соли, 2.000 кочней капусты и 800 пудовъ овсянки. (Стоимость всего этого составляетъ по существующимъ цѣнамъ 5.800 рублей, т.-е., съ увеличеніемъ расхода на овсяный кисель, *по 1 руб. 16 коп. на человѣка)*. Устроивъ такой складъ, вокругъ него, на разстояніи 7—8 верстъ въ окружности, можно открывать до 20 столовыхъ, которыя будутъ запасаться въ этомъ складѣ. Открывать столовыя надо прежде всего въ самыхъ бѣдныхъ деревняхъ. Помѣщеніе для столовыхъ надо выбирать у одного изъ самыхъ бѣдныхъ жителей. Посуду и все нужное для изготовленія пищи и стола надо предоставлять самимъ хозяевамъ столовой. Списокъ лицъ, подлежащихъ хожденію въ столовую, надо составлять съ помощью старосты и, если можно, зажиточныхъ крестьянъ, не посылающихъ своихъ семейныхъ въ столовую. Наблюденіе за столовыми, если бы ихъ было очень много, можетъ быть предоставлено самимъ крестьянамъ. Но само собой разумѣется, что чѣмъ больше участія примутъ люди, открывающіе столовыя, въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ тѣснѣе будутъ ихъ отношенія какъ къ хозяевамъ, такъ и къ посѣтителямъ столовыхъ, тѣмъ лучше будетъ идти это дѣло, тѣмъ меньше будетъ траты, меньше неудовольствій, тѣмъ лучше будетъ пища. И главное — тѣмъ радостнѣе будетъ настроеніе людей. Но смѣло

можно сказать, что даже при самомъ далекомъ наблюденіи, при предоставленіи ихъ самимъ себѣ, столовыя будутъ удовлетворять потребности, и вслѣдствіе наблюденія за ними самихъ заинтересованныхъ крестьянъ напрасной траты провизіи будетъ никакъ не больше, чѣмъ на 10%, если только можно назвать напрасною тратой то, что люди унесутъ съ собой хлѣбъ или отдадутъ его тѣмъ, у кого его нѣтъ. Такова теорія устройства столовыхъ, и всякій, кто захочетъ приложить ее, увидитъ, какъ легко и естественно дѣлается это дѣло.

Выгоды и невыгоды столовыхъ слѣдующія.

Невыгода столовыхъ, во-первыхъ, та, что продовольствіе въ нихъ обходится нѣсколько дороже, чѣмъ при выдачѣ муки на руки. Если пособія выдаются даже и по 30 фунтовъ муки на ѣдока, то въ столовыхъ выходятъ тѣ же 30 ф. муки и сверхъ того приварокъ: картофель, свекла, соль, топливо и теперь еще овсянка. Невыгода эта, не говоря ужъ о томъ, что столовыя болѣе обезпечиваютъ людей, чѣмъ выдача на руки, выкупается тѣмъ, что при введеніи новыхъ дешевыхъ и здоровыхъ пищевыхъ средствъ, какъ-то: чечевицы, гороха въ разныхъ видахъ, овсянаго киселя, свеклы, кукурузной каши, подсолнечнаго и коноплянаго жмыховъ, количество потребляемаго хлѣба можетъ быть уменьшаемо и самая пища улучшаема.

Другая невыгода та, что столовыя обезпечиваютъ отъ голода только нѣкоторыхъ слабыхъ членовъ семьи, а не молодыхъ и среднихъ людей, которые не посѣщаютъ столовыхъ, считая это для себя унизительнымъ. Такъ, при опредѣленіи тѣхъ лицъ, которыя подлежатъ кормленію въ столовыхъ, крестьяне всегда исключаютъ взрослыхъ парней и дѣвушекъ, считая это для нихъ стыднымъ. Невыгода эта выкупается тѣмъ, что именно стыдливость эта передъ пользованіемъ столовыми предотвращаетъ возможность злоупотребленія ими. Приходитъ, напримѣръ, крестьянинъ, требуя себѣ прибавки выдачи мѣсячной и утверждая, что онъ два дня не ѣлъ. Ему предлагаютъ ходить въ столовую,—онъ краснѣетъ и отказывается; а между тѣмъ такого же возраста крестьянинъ, оставшись безъ всякихъ средствъ и не нашедшій работы, ходитъ въ столовую. Или другой примѣръ. Женщина жалуется на свое положеніе и проситъ выдачи. Ей предлагаютъ посылать свою дочь. Но дочь уже невѣста, и женщина отказывается посылать ее. А между тѣмъ дочь-невѣста той самой попадьи, о которой я упоминалъ, ходитъ въ столовую.

Третья невыгода, и самая большая, состоитъ въ томъ, что нѣкоторые слабые, старые и малые и раздѣтыя дѣти не могутъ ходить, особенно въ дурную погоду. Неудобство это устраняется тѣмъ, что немогущимъ ходить носятъ тѣ, которые ходятъ изъ того же двора, или сосѣди.

Больше я не знаю невыгодъ или неудобствъ.

Выгоды же столовыхъ слѣдующія:

Пища безъ сравненія лучше и разнообразнѣе, чѣмъ та, которая приготовляется въ семьяхъ. Есть возможность примѣнять болѣе

дешевыя и здоровыя пищевыя средства. Пища пріобрѣтается по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Топливо на печеніе хлѣбовъ сберегается. Семьи самыя бѣдныя, тѣ, у которыхъ устраиваются столовыя, совершенно обезпечиваются. Исключается возможность неравенства полученія пищи, часто встрѣчающаяся въ семьяхъ по отношенію къ нелюбимымъ членамъ: старые и дѣти получаютъ соотвѣтствующую ихъ возрасту пищу. Столовыя вмѣсто раздраженія и зависти вызываютъ добрыя чувства. Злоупотребленій, т.-е. полученія пособій тѣми лицами, которыя менѣе нуждаются въ нихъ, можетъ быть менѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ способѣ помощи. Предѣлы злоупотребленій, могущихъ быть въ пользованіи столовыми, положены размѣрами желудка. Человѣкъ можетъ перебрать муки сколько хочетъ, но съѣсть никто не можетъ больше очень ограниченнаго количества. И главное, самое важное преимущество столовыхъ, ради котораго одного можно и должно вездѣ заводить ихъ,—то, что въ той деревнѣ, гдѣ есть столовая, не можетъ заболѣть и умереть человѣкъ отъ недостатка или недоброкачественности пищи, не можетъ быть того, что, къ несчастію, повторяется безпрестанно: старый, слабый человѣкъ, больной ребенокъ, нынче, завтра получая дурную и недостаточную пищу, гаснетъ, чахнетъ и умираетъ, если не прямо отъ голода, то отъ недостатка хорошей пищи. И это самое важное.

На-дняхъ, желая избѣжать тѣхъ разбирательствъ, которыя происходили въ прежде открытыхъ столовыхъ, о томъ, кому ходить и кому не ходить, мы во вновь открываемой столовой воспользовались собравшеюся по ихъ дѣламъ сходкой и предложили самимъ крестьянамъ рѣшить, кому воспользоваться столовыми. Первое мнѣніе, выраженное многими, было, что это невозможно, что будутъ споры, ссоры и они никогда не сойдутся. Потомъ было высказано мнѣніе о томъ, что пусть ходитъ съ каждаго двора по человѣку. Но мнѣніе это скоро было отвергнуто. Есть дворы, гдѣ ходить некому, и есть дворы, гдѣ не одинъ, а много слабыхъ. И потому согласились принять наше предложеніе — положиться на совѣсть. «Будутъ готовить на 40 человѣкъ, а кто придетъ—милости просимъ, а съѣдятъ все—не взыщите». Мнѣніе это одобрили Одинъ сказалъ, что здоровый, сильный человѣкъ и самъ постыдится придти заѣдать сиротскую долю. На это, однако, возразилъ недовольный голосъ: «и радъ бы не пошелъ, да поневолѣ пойдешь, какъ я намедни два дня не ѣлъ».

Вотъ это-то и составляетъ главное преимущество столовыхъ. Кто бы онъ ни былъ — записанный или не записанный въ крестьянское общество, дворовый, кантонистъ, солдатъ николаевскій или александровскій, попадья, мѣщанинъ, дворянинъ, старый, малый или здоровый мужикъ, лѣнтяй или трудолюбивый, пьяница или трезвый, но человѣкъ, который два дня не ѣлъ, получитъ мірскую пищу. Въ этомъ главная выгода столовыхъ. Тамъ, гдѣ онѣ есть, никто не только не можетъ умереть съ голоду, но никто не можетъ голоднымъ быть принуждаемъ къ работѣ.

Мотивами большаго или меньшаго труда можетъ быть все, что хотите, но только не голодъ. Можно животныхъ дрессировать голодомъ и заставлять дѣлать противныя ихъ природѣ дѣла, но пора понять, что стыдно заставлять людей дѣлать не то, чего они хотятъ, а то, чего мы хотимъ, посредствомъ голода.

Но возможно ли вездѣ учрежденіе столовыхъ? Есть ли это мѣра общая, которая можетъ быть приложена повсюду и въ большихъ размѣрахъ? Сначала кажется, что нѣтъ, что это мѣра только частная, мѣстная, случайная, которая можетъ быть приложена только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ найдутся особенно расположенные къ такому дѣлу люди.

Такъ и я думалъ сначала, когда воображалъ, что для столовой придется нанять помѣщеніе, кухарку, купить посуду, придумывать и опредѣлять, какую, когда и на сколько человѣкъ готовить пищу; но тотъ пріемъ столовыхъ, который, благодаря И. И. Раевскому, установился теперь, устраняетъ всѣ эти затрудненія и дѣлаетъ эту мѣру самой доступной, простой и народной.

Съ нашими небольшими силами и безъ особеннаго усилія мы въ 4 недѣли открыли и пустили въ ходъ въ 20 деревняхъ 30 столовыхъ, въ которыхъ кормятся около 1500 человѣкъ. Сосѣдка же наша, Н. Ф., одна въ продолженіе мѣсяца открыла и ведетъ на тѣхъ же основаніяхъ 16 столовыхъ, въ которыхъ кормятся не менѣе 700 человѣкъ.

Открытіе столовыхъ и наблюденіе за ними не представляетъ никакихъ трудностей, содержаніе ихъ стоитъ только немного дороже того, что стоитъ выдача муки, если она выдается въ количествѣ 30 фун. на мѣсяцъ. (Хотя мы вѣрно еще не учитывали, но полагаемъ, что содержаніе одного человѣка въ столовыхъ обойдется ни въ какомъ случаѣ не дороже 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ)

Мѣра эта (устройство столовыхъ), не вызывая дурныхъ чувствъ въ народѣ, а, напротивъ, вполнѣ удовлетворяя его, достигаетъ главной цѣли, которая стоитъ теперь передъ обществомъ,—обезпеченія людей отъ возможности голодной смерти, и поэтому должна бы быть принята вездѣ. Если могутъ земцы — попечители и администрація—учитывать крестьянскій недостатокъ и, запасая хлѣбъ, выдавать его нуждающимся, то безъ сравненія меньше труда стоило бы тѣмъ же людямъ устраивать склады для продовольствія столовыхъ и самыя столовыя.

На-дняхъ насъ посѣтилъ калужскій житель, привезшій въ нашу мѣстность слѣдующее предложеніе: нѣкоторые помѣщики и крестьяне Калужской губерніи, богатые кормами для скота, сочувствуя положенію крестьянъ нашей мѣстности, принужденныхъ разставаться за безцѣнокъ со своими лошадьми, которыхъ они за удесятеренную почти цѣну не купятъ весной, предложили взять къ себѣ на зиму на кормъ 10 вагоновъ, т.-е. 80 лошадей, изъ нашей мѣстности. Съ лошадьми поѣдутъ выборные изъ тѣхъ деревень,

изъ которыхъ будутъ взяты лошади, сведутъ ихъ до мѣста и вернутся назадъ. Весною опять выборные поѣдутъ за лошадьми и приведутъ ихъ назадъ.

На другой день послѣ этого предложенія въ двухъ деревняхъ, въ которыхъ оно было объявлено, заявилось охотниковъ на отправку всѣхъ 80 лошадей, и все молодыхъ и хорошихъ. Съ тѣхъ поръ каждый день приходятъ еще и еще крестьяне, прося взять и ихъ лошадей.

Не можетъ быть болѣе сильнаго и опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о томъ, есть ли голодъ и въ какихъ размѣрахъ. Должна же быть велика нужда, если крестьяне такъ легко разстаются съ лошадьми, довѣряя ихъ неизвѣстнымъ людямъ. Кромѣ того, предложеніе это и принятіе его для меня поразительно трогательны и поучительны. Крестьяне калужскіе, небогатые люди, для неизвѣстныхъ имъ, невиданныхъ ими братьевъ-крестьянъ въ бѣдѣ берутъ на себя не малый и расходъ, и трудъ, и заботу, и здѣшніе крестьяне, очевидно понимая побужденія своихъ калужскихъ братьевъ, очевидно сознавая, что въ случаѣ нужды они бы сдѣлали то же, безъ малѣйшаго колебанія довѣряютъ неизвѣстнымъ имъ людямъ почти послѣднее достояніе — хорошихъ, молодыхъ лошадей, за которыхъ даже и при теперешнихъ цѣнахъ они все-таки могли бы взять 5, 10, 15 рублей.

Если бы хоть сотая доля такого живого братскаго сознанія, такого единенія людей во имя Бога любви была во всѣхъ людяхъ,—какъ легко, да не только легко, но радостно, перенесли бы мы этотъ голодъ, да и всѣ возможныя матеріальныя бѣды!

26 ноября 1891 г.
Бѣгичевка, Данковскаго уѣзда.

СТРАШНЫЙ ВОПРОСЪ [1]).

Есть ли въ Россіи достаточно хлѣба, чтобы прокормиться до новаго урожая? Одни говорятъ, что есть, другіе говорятъ, что нѣтъ, но никто не знаетъ этого вѣрно. А знать это надо, и знать навѣрное, теперь же, передъ началомъ зимы,—такъ же надо, какъ надо знать людямъ, пускающимся въ дальнее плаваніе, есть ли, или нѣтъ на кораблѣ достаточное количество прѣсной воды и пищи.

Страшно подумать о томъ, что будетъ съ командой и пассажирами корабля, когда въ серединѣ океана окажется, что запасы всѣ вышли. Еще болѣе страшно подумать о томъ, что будетъ съ нами, если мы повѣримъ тѣмъ, которые утверждаютъ, что хлѣба у насъ достанетъ на всѣхъ голодающихъ, и окажется передъ весной, что утверждающіе это ошиблись.

Страшно подумать о послѣдствіяхъ такой ошибки. Послѣдствіями этой ошибки вѣдь будетъ нѣчто ужасное: смерть голодныхъ милліоновъ и худшее изъ всѣхъ бѣдствій — остервенѣніе, озлобленіе людей. Вѣдь хорошо только пушечными выстрѣлами предувѣдомлять петербуржцевъ о томъ, что вода поднимается, потому что больше вѣдь ничего нельзя сдѣлать. Никто не знаетъ и не можетъ знать степени подъема воды: остановится ли она на томъ, что было прошлаго года, или дойдетъ до того, что было въ 24-мъ году, или поднимется еще выше.

Голодъ же нынѣшняго года, кромѣ того, что есть бѣда безъ сравненія бо́льшая, чѣмъ бѣда наводненія, безъ сравненія болѣе общая (она угрожаетъ всей Россіи),—есть бѣда, степень которой можно и должно не только предвидѣть, но можно и должно предвидѣть и предупредить.

«А! полноте. Въ Россіи достанетъ, и за-глаза достанетъ, всякаго рода хлѣба для всѣхъ», говорятъ и пишутъ одни люди, и другіе, любящіе спокойствіе, люди склонны вѣрить этому. Но нельзя вѣрить тому, что творится наобумъ, по догадкамъ о предметѣ такой ужасной важности.

Если скажутъ, что въ сомнительной прочности банѣ, въ которую ходятъ разъ, въ субботу, балки простоятъ еще и не нужно ихъ передѣлывать,—можно повѣрить и рискнуть оставить баню безъ передѣлки; но если про сомнительный потолокъ театра, въ которомъ каждый вечеръ сидятъ тысячи, скажутъ голословно, что есть

---

[1]) «Страшный вопросъ» разрѣшенъ былъ благопріятно, такъ какъ въ Россіи хлѣба оказалось съ избыткомъ. *Ред.*

вѣроятіе, что онъ не обрушится еще нынче,—нельзя повѣрить и упокоиться: угрожающая опасность слишкомъ велика. Опасность же, угрожающая Россіи, если хлѣба, нужнаго для питанія людей, ни по какимъ цѣнамъ не будетъ,—опасность эта такъ ужасна, что воображеніе отказывается представить себѣ то, что бы было, если бы это было такъ; и потому довольствоваться голословными успокоительными утвержденіями о томъ, что у насъ въ Россіи хлѣба достанетъ, не только не слѣдуетъ, но было бы безумно и преступно.

Но существуетъ ли такая опасность? Есть ли вѣроятіе того, что хлѣба недостанетъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, то, что голодомъ захвачена цѣлая треть Россіи, и та самая треть, которая всегда кормила бо́льшую часть остальныхъ двухъ третей. Калуга, Тверь, Москва, всѣ нечерноземныя и сѣверныя губерніи, даже непострадавшіе отъ неурожая нечерноземные уѣзды тѣхъ же губерній никогда не кормятся своимъ хлѣбомъ, а всегда покупаютъ его у тѣхъ, которые теперь сами должны кормиться чужимъ хлѣбомъ.

Поэтому, если считать, положимъ, по 10 пудовъ на душу,—ну, скажемъ, только 20 милліоновъ (когда ихъ вычисляютъ до 40) жителей голодающихъ уѣздовъ,—200 милліоновъ пудовъ нужнаго хлѣба, то это далеко не представитъ всего количества нужнаго для пропитанія Россіи хлѣба. Къ этому числу надо присоединить все то, что еще нужно на тѣхъ, которые питались въ прежніе годы хлѣбомъ пострадавшихъ мѣстностей, что, очень можетъ быть, составитъ еще такую же цифру.

Неурожай въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ дѣлаетъ нѣчто подобное тому, что совершается при перестановкѣ точки опоры рычага: не только уменьшается сила короткаго конца, но еще увеличивается во столько же разъ сила длиннаго.

Захвачена неурожаемъ треть Россіи, самая плодородная, кормившая остальныя двѣ трети, и потому очень вѣроятно, что хлѣба на всѣхъ недостанетъ.

Это одно соображеніе. Второе соображеніе, что сосѣднія съ Россіей страны поражены такимъ же неурожаемъ и что потому большое количество хлѣба уже вывезено и теперь въ видѣ пшеницы продолжаетъ вывозиться за границу.

Третье соображеніе то, что, совершенно противно тому, что было въ голодномъ 40-мъ году, въ нынѣшнемъ году нѣтъ и не можетъ быть никакихъ запасовъ стараго хлѣба.

Съ Россіей случилось нѣчто подобное тому, что случилось по разсказу Библіи, въ Египтѣ, только съ тою разницей, что въ Россіи не было предсказателя Іосифа, не было и запасливыхъ и распорядительныхъ людей, подобныхъ Іосифу; но были молотилки, желѣзныя дороги, банки и большая потребность въ деньгахъ и у правительствъ и у частныхъ лицъ. Во всѣ предшествующіе годы, болѣе семи, хлѣба было много, цѣны были низки, но потребность въ деньгахъ все росла и росла, какъ она равномѣрно ра-

стетъ среди насъ, и удобства продажи, молотилки, желѣзныя дороги и агенты-покупатели поощряли къ продажѣ и дѣлали то, что хлѣбъ продавался весь дочиста съ осени. Если въ послѣдніе годы, когда хлѣбъ особенно понизился въ цѣнѣ, нѣкоторые продавцы и стали выдерживать хлѣбъ, выжидая цѣнъ, то эта выдержка была такъ трудна, что какъ только цѣны поднялись въ началѣ весны нынѣшняго года и дошли до 50 — 60 коп. за пудъ, такъ хлѣбъ весь подъ метелку былъ проданъ, и запасовъ прежнихъ лѣтъ ничего не осталось. Въ 40-мъ году были не только запасы помѣщиковъ и купцовъ, были вездѣ по мужикамъ трех- и пятилѣтнія кладушки стараго хлѣба. Теперь обычай этотъ вывелся, и нигдѣ нѣтъ ничего подобнаго. Въ этомъ состоитъ третье соображеніе о томъ, что хлѣба въ нынѣшнемъ году недостанетъ.

Но мало того, что есть вѣроятіе этого, есть признаки—и довольно опредѣленные—того, что недостатокъ этотъ существуетъ.

Одинъ изъ такихъ признаковъ есть съ каждымъ днемъ чаще и чаще повторяющееся явленіе того, что хлѣба нѣтъ въ продажѣ въ глуши неурожайныхъ мѣстностей, какъ въ той, въ которой я нахожусь теперь, въ Данковскомъ уѣздѣ, *нѣтъ продажной ржи. Нельзя мужикамъ найти муки.* Вчера я видѣлъ двухъ мужиковъ Данковскаго уѣзда, которые объѣздили округу, хорошо извѣстную имъ на 20 верстъ радіуса, по всѣмъ мельницамъ и лавкамъ, чтобы купить на деньги два пуда муки, и не нашли ихъ. Одинъ выпросилъ въ складѣ чужого уѣзда, другой занялъ.

И это явленіе не исключительное, а постоянно повторяющееся, и вездѣ. Мельники пріѣзжаютъ просить Христа ради отпустить имъ муки изъ земскаго склада, потому что у нихъ нѣтъ муки и негдѣ достать. У купцовъ, въ городѣ, у желѣзныхъ дорогъ можно купить, но партіями, по крайней мѣрѣ полвагона, вагонъ, но по мелочи нѣтъ продажи. Большіе купцы, имѣющіе запасъ, совсѣмъ не продаютъ, выжидаютъ; мелкіе купцы, торговцы скупаютъ, перекупаютъ и перепродаютъ съ ничтожнымъ барышомъ большимъ покупателямъ. Мелкая продажа есть только на базарахъ въ базарные дни, и то, если покупатель опоздаетъ, то купить уже негдѣ. Признакъ этотъ, мнѣ кажется, показываетъ довольно вѣрно то, что хлѣба нѣтъ, сколько нужно. Это самое показываютъ отчасти и цѣны, хотя въ нынѣшнемъ году до сихъ поръ есть причины, не позволяющія цѣнамъ быть правильнымъ указателемъ соотвѣтствія требованія съ предложеніемъ. Цѣны стоятъ ниже, чѣмъ онѣ должны бы были стоять, и удерживаются на этой степени искусственно: во-первыхъ, запрещеніемъ вывоза хлѣба за границу, во-вторыхъ, дѣятельностью земствъ, продажей ржи и муки по удешевленнымъ цѣнамъ (я говорю про цѣну ржи, подразумѣвая, что цѣны остальныхъ питательныхъ веществъ—отрубей, картофеля, проса, овса—болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ цѣнѣ ржи).

Запрещеніе вывоза за границу спутало цѣны, т.-е. сдѣлало то, что цѣны не могли быть вѣрнымъ показателемъ количества предлагаемаго товара. Точно такъ же какъ вышина подъема воды въ

запруженной рѣкѣ не можетъ быть показателемъ ея настоящаго уровня, такъ и теперешняя цѣна ржи не можетъ вѣрно показывать отношеніе требованій ея къ предложенію. Запрещеніе вывоза другихъ хлѣбовъ подѣйствовало такъ же. Существующія теперь цѣны — не установившіяся и во всякомъ случаѣ временно пониженныя вслѣдствіе запрещенія вывоза. Эта одна причина того, что цѣны стоятъ ниже тѣхъ, которыя должны бы быть. Другая причина есть дѣятельность земствъ.

Земства повсюду скупили только небольшую, рѣдко гдѣ $^1/_4$, часть того хлѣба, который имъ нуженъ для прокормленія, по ихъ же расчету, и продаютъ купленный ими хлѣбъ по пониженной цѣнѣ. И эта дѣятельность земствъ сбиваетъ цѣну, такъ какъ если бы не было продажи изъ земскихъ складовъ, то продажа эта производилась бы вольными продавцами, которые по мѣрѣ увеличенія требованія поднимали бы цѣны. И потому установившаяся теперь цѣна, я думаю, не есть настоящая. Цѣна теперешняя, я думаю, гораздо ниже той, которая бы стояла, если бы не было дѣятельности земствъ. И цѣна эта тотчасъ же особенно быстро должна возвыситься, какъ только земствамъ придется закупать остальныя три четверти нужнаго имъ хлѣба.

Мы могли бы сказать, что цѣна не возвысится, если бы земства закупили теперь все нужное количество и рожь была бы въ продажѣ по этой цѣнѣ. Но по тому, что̀ есть теперь, нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы это было. По тому, что̀ есть теперь, т.-е. при цѣнѣ 1 р. 70 к., тогда, когда земствомъ не куплено и $^1/_4$ нужнаго хлѣба и когда ржи нѣтъ въ предложеніи повсюду и по мелочи, есть, напротивъ, вѣроятія того, что при закупаніи земствами всего нужнаго имъ количества цѣна вдругъ поднимется на такую высоту, которая покажетъ, что хлѣба этого нѣтъ въ Россіи. Цѣна уже теперь въ нашихъ мѣстностяхъ дошла до той высшей степени, до которой она когда-либо доходила,—до 1 р. 70 к., и продолжаетъ равномѣрно подниматься.

Всѣ эти признаки указываютъ на то, что есть большое вѣроятіе того, что нужнаго для Россіи хлѣба нѣтъ въ ней. Но, кромѣ этихъ признаковъ, есть еще одно явленіе, которое должно бы заставить насъ принять всѣ зависящія отъ насъ мѣры для предупрежденія угрожающаго намъ бѣдствія. Явленіе это есть охватившая общество паника, т.-е. неопредѣленный смутный страхъ ожидаемаго бѣдствія,—страхъ, которымъ люди заражаются другъ отъ друга,—страхъ, лишающій людей способности цѣлесообразно дѣйствовать. Паника эта выражается и въ запретѣ сначала вывоза ржи, потомъ другихъ хлѣбовъ, кромѣ, почему-то, пшеницы, и въ мѣрахъ, съ одной стороны, ассигнованія большихъ суммъ для голодающихъ, а съ другой стороны, собиранія мѣстными властями подати съ тѣхъ, которые могутъ платить, какъ будто извлеченіе изъ деревни денегъ не есть прямое усиленіе нужды деревни. (У богатаго мужика заложены посѣвы бѣднаго. Онъ бы подождалъ,—съ него тянутъ подати, онъ тянетъ и разоряетъ бѣднаго.)

Паника эта поразительно замѣтна еще въ разгорающихся несогласіяхъ между различными мѣстными вѣдомствами. Повторяется то, что всегда бываетъ при паническомъ страхѣ: одни тянутъ въ одну, другіе въ другую сторону.

Паника эта выражается и въ настроеніи и въ дѣятельности народа. Приведу одинъ примѣръ: движеніе народа теперь на заработки.

Народъ въ концѣ октября нынѣшній годъ ѣдетъ искать заработковъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ. Въ то время, когда всѣ работы на зиму установились, когда харчи въ три раза дороже обыкновеннаго и всякій хозяинъ отпускаетъ, сколько онъ можетъ, лишнихъ людей, въ то время, когда вездѣ пропасть оставшихся за штатомъ рабочихъ, — люди, никогда не имѣвшіе мѣстъ въ городахъ, ѣдутъ искать этихъ мѣстъ. Развѣ не очевидно всякому, что при такихъ условіяхъ болѣе вѣроятія каждому владѣльцу выигрышнаго займа выиграть 200 тысячъ, чѣмъ мужику, пріѣхавшему изъ деревни въ Москву, найти мѣсто, и что вся поѣздка, хотя бы самая дешевая, съ сопряженными съ поѣздкой расходами, гдѣ и выпивкой, есть только лишняя тяжесть, которая ляжетъ на голоднаго? Казалось бы, должно быть очевидно,— а всѣ ѣдутъ, ѣдутъ назадъ и опять ѣдутъ. Развѣ это не признакъ совершеннаго безумія, охватывающаго толпу при всякой паникѣ?

Всѣ эти признаки и, главное, явленіе паники очень знаменательны и потому нельзя не бояться. Нельзя говорить, какъ это обыкновенно говорятъ про врага, прежде чѣмъ помѣряются съ нимъ: мы его шапками закидаемъ. Врагъ, страшный врагъ, стоитъ тутъ, передъ нами, и нельзя говорить, что мы не боимся его, потому что мы знаемъ, что онъ есть, и—больше того—мы знаемъ, что мы боимся его.

А боимся его, такъ надо намъ узнать прежде всего силу его. Нельзя оставаться въ томъ невѣдѣніи, въ которомъ мы находимся.

Допустимъ, что русское общество, тѣ люди, которые живутъ внѣ голодающихъ мѣстностей, поймутъ свою солидарность, и духовную и матеріальную, съ бѣдствующимъ народомъ и принесутъ настоящія серьезныя жертвы для помощи нуждающимся; допустимъ, что дѣятельность тѣхъ людей, которые живутъ теперь среди голодающихъ, работая для нихъ по мѣрѣ силъ своихъ, будетъ продолжаться такъ до конца и что количество этихъ людей увеличится; допустимъ, что самъ народъ не падетъ духомъ и будетъ биться съ нуждой, какъ онъ теперь бьется съ ней, всѣми отрицательными и положительными средствами, т.-е. умѣряя себя и усиливая энергію и изобрѣтательность для пріобрѣтенія средствъ къ жизни,—допустимъ, что все это сдѣлано и дѣлается мѣсяцъ, два, три, шесть, и вдругъ... цѣна поднимается, поднимается такъ же, какъ она поднималась, отъ 45 к. до 1 р. 70 к., равномѣрно отъ базара до базара, и въ нѣсколько недѣль доходитъ до 2—3 руб. за пудъ, и оказывается, что хлѣба нѣтъ и что всѣ жертвы,

принесенныя какъ тѣми, которые давали деньги, такъ и тѣми, которые жили и работали среди нуждающихся, были напрасной тратой средствъ и силъ, а главное, что вся энергія народа потрачена даромъ, и сколько онъ ни бился, ему, т.-е. части его, все-таки пришлось умирать голодною смертью, тогда какъ мы могли знать и предупредить это.

Нельзя, нельзя и нельзя оставаться въ такой неизвѣстности, нельзя оставаться намъ, людямъ грамотнымъ, ученымъ. Мужикъ, котораго я видѣлъ вчера, сдѣлалъ почти все, что онъ могъ. Онъ добылъ денегъ и поѣхалъ искать муку. У Михаила Васильева былъ, на мельницѣ былъ, въ Чернавѣ былъ, — нигдѣ нѣтъ муки. Объѣздивъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ могла быть мука, онъ знаетъ, что сдѣлалъ все, что могъ, и если бы послѣ этого онъ не досталъ нигдѣ муки и его и его семью постигъ бы голодъ, онъ зналъ бы, что онъ сдѣлалъ, что̀ могъ, и совѣсть его была бы спокойна.

Но для насъ, если окажется, что не хватитъ хлѣба и погибнутъ и наши труды, а можетъ-быть, и мы вмѣстѣ съ народомъ, то совѣсть наша не будетъ спокойна. Мы могли и узнать, сколько намъ надобится хлѣба, могли и запасти его.

Если нужны намъ на что-нибудь наша грамотность и ученость, то на что̀ болѣе важное, чѣмъ на то, чтобы помочь такому всеобщему горю, какъ нынѣшнее?

Учесть, сколько нужно хлѣба для прокормленія тѣхъ, у которыхъ нѣтъ его нынѣшній годъ, и сколько его есть въ Россіи, и если его нѣтъ столько, сколько его нужно, то выписать этотъ недостающій хлѣбъ изъ чужихъ странъ — это наше прямое дѣло, столь же естественное, какъ и то, которое дѣлалъ мужикъ вчера, объѣзжая округу на 20 верстъ. И совѣсть наша будетъ спокойна только тогда, когда мы объѣздимъ свою округу и сдѣлаемъ въ ней все, что можемъ. Для него округа — Данковъ, Клекотки, для насъ округа — Индія, Америка, Австралія. Мы не только знаемъ, что страны эти существуютъ, мы находимся въ дружескомъ общеніи съ ихъ жителями.

Но какъ учесть то, что намъ нужно, и тотъ хлѣбъ, который есть у насъ? Неужели это такъ трудно? Мы, которые умѣемъ высчитывать, сколько какихъ козявокъ на свѣтѣ, сколько какихъ микробовъ въ какомъ объемѣ, сколько милліоновъ верстъ до звѣздъ и сколько въ каждой пудовъ желѣза и водорода,— мы не сумѣемъ высчитать, сколько надо съѣсть людямъ, чтобы не помереть съ голода, и сколько собрано этими людьми съ полей хлѣба, которымъ мы все время кормились и теперь кормимся! Мы, съ такой роскошью подробностей собирающіе такую массу до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, никому ни на что непонадобившихся статистическихъ свѣдѣній о процентномъ отношеніи рождаемости къ бракамъ, смертямъ и т. п., — мы вдругъ не въ состояніи окажемся собрать единственно въ кои-то вѣки понадобившіяся, дѣйствительно нужныя свѣдѣнія. Этого не можетъ быть.

Свѣдѣнія эти собрать, и не приблизительныя, гадательныя, а вѣрныя, въ родѣ тѣхъ точныхъ свѣдѣній, которыя получаются о количествѣ населенія однодневною переписью, возможно.

Нужны свѣдѣнія о томъ, сколько сверхъ обыкновенно расходуемаго на пропитаніе русскихъ людей хлѣба понадобится еще для жителей неурожайныхъ мѣстъ и сколько есть хлѣба въ Россіи.

Трудны или не трудны отвѣты на эти вопросы, они необходимы для предупрежденія не только паники, т.-е. смутнаго заразительнаго страха предъ бѣдствіемъ, въ которомъ живутъ теперь люди, но главное—для предотвращенія самаго бѣдствія.

И отвѣты нужны не приблизительные, огульные, по догадкѣ; дѣло слишкомъ важно, чтобы можно было дѣлать его очертя голову, т.-е. выводить тотъ сводъ, на который, мы не знаемъ, достанетъ ли камня, чтобы замкнуть его.

Свѣдѣнія эти можетъ получить правительство, можетъ получить земство тамъ, гдѣ оно есть, и вѣрнѣе всего можетъ получить частное общество, сложившееся для этой цѣли. Нѣтъ того уѣзда, въ которомъ не нашлось бы не только одного, но нѣсколькихъ людей, которые не были бы въ состояніи и не взялись бы охотно послужить этому дѣлу. Дѣло это представляется мнѣ нетруднымъ. Въ недѣлю времени безъ большого труда дѣятельный человѣкъ можетъ объѣздить $^1/_4$ или $^1/_5$ часть уѣзда, особенно если онъ живетъ въ ней, и съ возможностью ошибки въ 10—15% опредѣлить количество необходимаго хлѣба для пропитанія и количество находящагося въ продажѣ, сверхъ нужнаго для себя, хлѣба. Я, по крайней мѣрѣ, берусь лично доставить такія свѣдѣнія въ недѣлю сроку о четвертой части уѣзда, въ которомъ живу. То же говорятъ, что могутъ сдѣлать, большинство лицъ, живущихъ по деревнямъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ. Организовать центральное мѣсто, въ которомъ бы собирались и группировались свѣдѣнія и которое разсылало бы своихъ членовъ для этой цѣли въ мѣста, гдѣ не нашлось бы добровольцевъ, я полагаю, что возможно и не трудно. Могли бы быть ошибки, могли бы быть утайки владѣльцами хлѣба, могло бы передвиженіе грузовъ хлѣбныхъ произвести ошибки; но ошибки расчета, я думаю, были бы не велики, и свѣдѣнія, полученныя такимъ способомъ, были бы настолько точны, что отвѣтили бы на главный, если не всѣми высказываемый, то всѣми сознаваемый, мучительный вопросъ: достанетъ или недостанетъ хлѣба въ Россіи?

Если бы, положимъ, оказалось, что въ нынѣшнемъ году, за вычетомъ употребляемаго обыкновенно на армію и винокуреніе, избытокъ хлѣба противъ того, что нужно на питаніе народа, составляетъ 100 или 50 милліоновъ пудовъ, предполагая, что часть этихъ ста милліоновъ могла бы быть задержана продавцами, часть могла бы погибнуть, сгорѣть, часть могла бы составить ошибку расчета, мы могли бы спокойно и увѣренно продолжать жить и работать. Если бы избытка совсѣмъ не было и оказалось бы, что въ Россіи столько же и есть хлѣба, сколько нужно, положеніе

было бы сомнительно и опасно, но все-таки можно бы было, не выписывая хлѣба изъ-за границы, только умѣряя расходы хлѣба, какъ, напримѣръ, на винокуреніе, передѣлывая въ пищу суррогаты, можно было бы продолжать жить и работать. Но если бы оказалось, что есть недостатокъ хлѣба въ 100 или хоть 50 милліоновъ пудовъ, положеніе было бы ужасно. Было бы то, что бываетъ, когда уже вспыхнулъ пожаръ и охватилъ строеніе. Но если бы мы узнали это теперь, то это было бы подобно тому, когда вспыхнулъ пожаръ, но еще можно потушить его. Если же бы мы узнали это только тогда, когда уже выходили бы послѣдніе десятки тысячъ пудовъ, то это было бы подобно пожару, который охватилъ уже все строеніе и оставляетъ мало надежды спастись изъ него.

Если бы мы теперь узнали, что у насъ нехватка хлѣба, пускай бы она была въ 50, въ 100, даже въ 200 милліоновъ пудовъ хлѣба,—все это было бы не страшно. Мы бы теперь же закупили этотъ хлѣбъ въ Америкѣ и всегда бы расплатились съ нею государственными, общественными или народными суммами.

Люди, которые работаютъ, должны знать, что работа ихъ имѣетъ смыслъ и не пропадетъ даромъ.

Безъ этого сознанія отпадаютъ руки. А чтобъ это знать, для той работы, которою занято теперь огромное большинство русскихъ людей, надо знать теперь, сейчасъ же, черезъ двѣ-три недѣли, знать: есть ли у насъ достаточно хлѣба на нынѣшній годъ, и если нѣтъ, то откуда мы можемъ получить то, чего намъ недостаетъ.

1-го ноября 1891 г. Бѣгичевка.

ПИСЬМА О ГОЛОДѢ.

I.

За послѣдніе два мѣсяца нѣтъ книги, журнала, номера газеты, въ которомъ не было бы статей о голодѣ, описывающихъ положеніе голодающихъ, взывающихъ къ общественной или государственной помощи и упрекающихъ правительство и общество въ равнодушіи, медленности и апатіи.

Судя по тому, что извѣстно по газетамъ и что я знаю непосредственно о дѣятельности администраціи и земства Тульской губерніи, упреки эти несправедливы. Не только нѣтъ медленности, апатіи, но скорѣе можно сказать, что дѣятельность администраціи, земства и общества доведена теперь до такой послѣдней степени напряженія, при которой оно можетъ ослабѣть, но не можетъ уже усилиться. Повсюду идетъ кипучая, энергическая дѣятельность. Въ высшихъ административныхъ сферахъ шли и идутъ безостановочно работы, имѣющія цѣлью предотвратить ожидаемое бѣдствіе. Ассигнуютъ, распредѣляютъ суммы на выдачу пособій, на общественныя работы, дѣлаютъ распоряженія о выдачѣ топлива. Въ пострадавшихъ губерніяхъ собираются продовольственные комитеты, экстренныя губернскія и уѣздныя собранія, придумываются средства пріобрѣтенія и продовольствія, собираются свѣдѣнія о состояніи крестьянъ: черезъ земскихъ начальниковъ—для администраціи, черезъ земскихъ дѣятелей—для земства, обсуждаются и взыскиваются средства помощи. Роздана рожь для обсѣмененія, принимаются мѣры для сохраненія сѣмянъ овса на весну и, главное, для продовольствія во время зимы. Кромѣ того, по всей Россіи совершаются пожертвованія въ кружкахъ, при церквахъ, чиновниками отчисляются проценты изъ жалованья, собираются пожертвованія при редакціяхъ, жертвуютъ частныя лица и учрежденія.

По всей Россіи основались отдѣленія Краснаго Креста, и не пострадавшія губерніи причислены по одной и по нѣскольку къ одной пострадавшей, которыя будутъ собирать у себя пожертвованія для пострадавшей.

Если результаты, достигнутые до сихъ поръ этою дѣятельностью, меньше, чѣмъ можно ожидать, то причина этого лежитъ не въ недостаточности дѣятельности, но въ томъ отношеніи къ народу, въ которомъ происходитъ эта дѣятельность и при которомъ, мнѣ думается, помощь народу въ теперешнемъ бѣдствіи очень трудна.

О томъ, что я разумѣю подъ отношеніемъ къ народу, — я скажу послѣ.

До сихъ поръ могли быть сдѣланы два дѣла: выдача сѣмянъ на обсѣмененіе и заготовленіе изъ казенныхъ лѣсовъ дровъ на отопленіе.

Оба эти дѣла сдѣланы въ нашей мѣстности не совсѣмъ удачно. Въ нашей губерніи крестьяне обсѣменились почти вездѣ своими сѣменами. Выдано же было отчасти мало, отчасти поздно, въ нѣкоторыхъ же и многихъ мѣстахъ сѣмена выданы были безъ надобности людямъ, которые не нуждались въ нихъ, такъ что во многихъ уѣздахъ выданныя сѣмена продавались и пропивались.

Другое предстоящею осенью дѣло было дѣло заготовленія топлива. Съ 1-го сентября было разрѣшено выдавать изъ казенныхъ лѣсовъ топливо пострадавшимъ отъ неурожая крестьянамъ. Около 20-го числа сентября состоялось расписаніе волостей, причисленныхъ къ извѣстнымъ лѣсничествамъ, и объявлено по волостямъ о разрѣшеніи собирать безплатно топливо. Волости, причисленныя къ лѣсничествамъ, отстоятъ отъ нихъ за 40—50 верстъ, такъ что перевозъ хвороста осенью на подножномъ корму не представляетъ затрудненія. А между тѣмъ мнѣ вѣрно извѣстно, что 14-го октября, т.-е. въ продолженіе почти мѣсяца, не было ни одного крестьянина въ подгороднемъ нашемъ лѣсничествѣ, и въ Крапивенскомъ лѣсничествѣ тоже не отпускали ничего. Если принять во вниманіе то, что только осенью, когда есть еще подножный кормъ, для крестьянина есть возможность ѣхать въ даль за дровами, и то, что только осенью можно собирать не засыпанный еще снѣгомъ валежникъ, и то, что теперь каждый день можетъ уже выпасть зима, — можно смѣло сказать, что это, другое дѣло, исполнено неудачно.

Такъ сдѣланы были дѣла обсѣмененія и отопленія, но оба эти дѣла вмѣстѣ составляютъ едва ли одну десятую того дѣла продовольствія, которое предстоитъ теперь; такъ что, судя по тому, какъ сдѣлалось несовершенно то, что сдѣлалось, трудно ожидать, чтобы огромное дѣло было сдѣлано лучше.

Все, что мы знаемъ по газетамъ, и все, что мнѣ непосредственно извѣстно о видахъ на совершеніе этого дѣла, — не обѣщаетъ лучшаго. Какъ администрація, такъ и земства по отношенію къ этому дѣлу народнаго продовольствія, до сихъ поръ рѣшительно не знаютъ, что и какъ они будутъ дѣлать. Неопредѣленность эта усложняется, главное, разногласіемъ, которое вездѣ существуетъ между двумя главными органами: администраціей и земствомъ.

Странно сказать, вопросъ о томъ: есть ли бѣдствіе, которое вызываетъ дѣятельность, т.-е. есть ли голодъ или нѣтъ его, и если онъ есть, то въ какихъ размѣрахъ,—есть вопросъ нерѣшенный между администраціей и земствомъ. Повсюду земства требуютъ большихъ суммъ, администрація же считаетъ ихъ преувеличенными и излишними и сбавляетъ ихъ или отказываетъ. Администрація жалуется на то, что земства увлекаются общимъ настроеніемъ и, не вникая въ сущность дѣла, не мотивируя, пишутъ жалобныя литературныя описанія нужды народной и тре-

буютъ огромныя суммы, которыя правительство не можетъ дать, и которыя, если бы и были даны, принесли бы больше зла, чѣмъ пользы.

Необходимо, чтобы народъ узналъ нужду и самъ сократилъ свои расходы,—говорятъ представители администраціи, — а то теперь все, что требуется земствомъ, все, что говорится въ собраніяхъ, передается въ искаженномъ видѣ народу, и крестьяне надѣются на такую помощь, которую они не могутъ получить. Отъ этого происходитъ то, что люди не идутъ на предлагаемыя работы и пьянствуютъ больше, чѣмъ когда-либо.

«Какой же голодъ,—говорятъ представители администраціи, — когда люди отказываются отъ работы, когда акцизъ, собранный въ осенніе мѣсяцы нынѣшняго года, больше, чѣмъ за прошлый, и когда ярмарки торговли крестьянскимъ товаромъ лучше всѣхъ годовъ. Если только послушать требованія земства, то съ выдачей продовольствія будетъ то же, что съ выдачей сѣмянъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ ихъ выдали не нуждающимся и тѣмъ только поощрили пьянство», говорятъ представители администраціи и—собираютъ подати.

Такъ смотритъ на дѣло администрація, и совершенно справедливо, если разсматривать дѣло съ общей точки зрѣнія. Но не менѣе справедливо смотритъ и земство, когда на эти доводы оно отвѣчаетъ описаніемъ крестьянскаго имущества по волостямъ, изъ котораго явствуетъ, что противъ средняго урожая нынѣшній урожай ниже вчетверо и впятеро и что средствъ пропитанія у большинства населенія нѣтъ.

Для того, чтобы наложить заплату, вырѣзать и приготовить ее, надо знать размѣръ дыры.

А вотъ въ размѣрѣ этой дыры оказывается невозможнымъ согласиться. Одни говорятъ, что дыра невелика и какъ бы заплата не разодрала дальше; другіе говорятъ, что недостанетъ и матеріи на заплату.

Кто правъ?

Въ какихъ размѣрахъ правы тѣ или другіе?

Отвѣтомъ на эти вопросы пусть будетъ описаніе того, что я видѣлъ и слышалъ въ четырехъ посѣщенныхъ мною пострадавшихъ отъ неурожая уѣздахъ Тульской губерніи.

II.

Первый уѣздъ, посѣщенный мною, былъ Крапивенскій, пострадавшій въ черноземной части.

Первое впечатлѣніе, отвѣчавшее въ положительномъ смыслѣ на вопросъ о томъ, находится ли населеніе въ нынѣшнемъ году въ особенно тяжелыхъ условіяхъ: употребляемый почти всѣми хлѣбъ съ лебедой,—съ $^1/_3$ и у нѣкоторыхъ съ $^1/_2$ лебеды,—хлѣбъ черный, тяжелый и горькій; хлѣбъ этотъ ѣдятъ всѣ,—и дѣти, и беременныя, и кормящія женщины, и больные.

Другое несомнѣнное доказательство особенности положенія въ нынѣшнемъ году — отсутствіе топлива. Тогда — это еще было въ

сентябрѣ — уже всѣ жаловались на это отсутствіе. Говорили, что порубили лозины на гумнахъ, что̀ я и видѣлъ; говорили, что перерубили и перекололи на дрова всѣ чурбаки, все деревянное. Многіе покупаютъ дрова въ прочищающемся помѣщичьемъ лѣсу и въ сводящейся поблизости рощѣ. Ѣздятъ за дровами верстъ за 7, за 10. Цѣна колотыхъ дровъ осиновыхъ за шкаликъ, т.-е. за $^1/_{16}$ куб. саж., 90 копеекъ. Шкаликъ хватаетъ на крестьянскій дворъ на недѣлю, такъ что на зиму понадобится рублей 25, если топить все покупными.

Бѣдствіе несомнѣнное: хлѣбъ нездоровый, съ лебедой, и топить нечѣмъ.

Но смотришь на народъ, на его внѣшній видъ, — лица здоровыя, веселыя, довольныя. Всѣ въ работѣ, никого дома нѣтъ. Кто молотитъ, кто возитъ. Помѣщики жалуются, что не идутъ на работу. Когда я тамъ былъ, шла копка картофеля и молотьба. Въ праздникъ престольный пили больше обыкновеннаго, да и въ будни попадались пьяные. Кромѣ того, самый хлѣбъ съ лебедой, когда приглядишься, какъ и почему онъ употребляется, получаетъ другое значеніе.

Въ томъ дворѣ, въ которомъ мнѣ въ первомъ показали хлѣбъ съ лебедой, на задворкахъ, молотила своя молотилка на своихъ четырехъ лошадяхъ, и овса съ своей и наемной земли было 60 копенъ, давшихъ по 9-ти мѣръ, т.-е., по нынѣшнимъ цѣнамъ, на 300 руб. овса. Ржи, правда, оставалось мало, четвертей 9, но, кромѣ овса, было до 40 четвертей картофеля, была и греча, а хлѣбъ съ лебедой ѣла вся семья въ 12 душъ, такъ что оказалось, что хлѣбъ съ лебедой былъ въ этомъ случаѣ не признакомъ бѣдствія, а пріемомъ хозяйственнаго мужика для того, чтобъ меньше ѣли хлѣба,—такъ же какъ для этой цѣли и въ изобильные годы хозяйственный мужикъ никогда не даетъ теплаго и даже мягкаго хлѣба, а все сухой.

«Мука дорогая, а на этихъ пострѣлятъ развѣ наготовишься! Ѣдятъ люди съ лебедой, а мы что же за господа такіе!»

Бѣдствіе дровъ тоже становится не такъ страшно, когда узнаешь подробности положенія. Купить на 25 рублей — откуда взять въ нынѣшнемъ году?—Такъ мнѣ и говорилъ другой мужикъ, жалуясь на безвыходность нынѣшняго года. А между тѣмъ у этого мужика два сына живутъ въ работникахъ, одинъ за 40, другой за 50 рублей, и онъ одного изъ нихъ женилъ въ нынѣшнемъ году, несмотря на то, что бабъ у него въ домѣ довольно. Кромѣ того, бѣдствіе отсутствія топлива выкупается тѣмъ, что нынѣшній годъ соломы хотя и меньше обыкновеннаго, но она травяная, съ колосомъ, и составляетъ превосходный кормъ. Такъ что не топятъ соломой не потому только, что ея мало, а потому, что она нынѣшній годъ замѣняетъ отчасти посыпку мукой скотинѣ. Кромѣ того, картофель здѣсь родился прекрасно. Такъ что гдѣ въ дворѣ съ 10-ю ѣдоками 25 четвертей, кладя по мѣркѣ въ день, хватитъ картофеля на 200 дней, на всю зиму. Главное же—овесъ, который стоитъ въ высокой цѣнѣ. Продаютъ овесъ и покупаютъ

рожь. Но не у всѣхъ есть и овесъ и картофель; когда я переписалъ всю деревню, то оказалось, что изъ 57 дворовъ, 29 было такихъ, у которыхъ уже ржи ничего не оставалось, или нѣсколько пудовъ, отъ 5 до 8, и овса мало, такъ что при промѣнѣ двухъ четвертей на четверть ржи имъ не хватитъ пищи до Рождества. Таковы 29 дворовъ; 15 же дворовъ совсѣмъ плохихъ, у этихъ дворовъ нѣтъ главнаго подспорья нынѣшняго года — овса, такъ какъ дворы эти были плохи еще третьяго года и прошлый годъ вовсе не сѣяли овса. Нѣкоторые уже теперь побираются. Всѣ одинокіе и про нѣкоторыхъ изъ нихъ идетъ дурная слава: одни — пьяницы, другіе не любятъ работать, третьи безпокойные люди; есть среди нихъ и воры, сидѣвшіе въ острогѣ. Эти дворы плохи не отъ урожая нынѣшняго года, а отъ особеннаго семейнаго положенія и характера домохозяевъ.

Такова одна деревня Крапивенскаго уѣзда, таковы приблизительно и другія. Процентъ богатыхъ, среднихъ и плохихъ почти одинъ и тотъ же: 50% или около того среднихъ, т.-е. такихъ, которые въ нынѣшнемъ году съѣдятъ всѣ свои продовольствія до декабря, 20% совсѣмъ плохихъ, которымъ уже теперь или черезъ мѣсяцъ ѣсть нечего.

Положеніе крестьянъ Богородицкаго уѣзда хуже. Урожай, въ особенности ржи, здѣсь былъ хуже. Здѣсь процентъ богатыхъ, т.-е. такихъ, которые могутъ просуществовать на своемъ хлѣбѣ, тотъ же, но процентъ плохихъ еще больше. Изъ 60-ти дворовъ 17 среднихъ, 32 совсѣмъ плохихъ, такихъ же плохихъ, какъ тѣ 15 плохихъ въ первой деревнѣ Крапивенскаго уѣзда. И точно такъ же, какъ и въ Крапивенскомъ уѣздѣ, бѣдственное положеніе этихъ плохихъ дворовъ было обусловлено не однимъ голодомъ нынѣшняго года, а цѣлымъ рядомъ давно уже дѣйствующихъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ условій: тѣ же одиночество, многосемейность, пьянство, слабость характера.

Здѣсь, въ Богородицкомъ уѣздѣ, вопросъ топлива былъ еще труднѣе разрѣшимъ, такъ какъ лѣсовъ еще меньше, но общее впечатлѣніе опять то же, какъ и въ Крапивенскомъ уѣздѣ. Пока ничего особеннаго, показывающаго голодъ: народъ бодрый, работящій, веселый, здоровый. Волостной писарь жаловался, что пьянство въ Успеніе (престолъ) было такое, какъ никогда.

Чѣмъ дальше въ глубь Богородицкаго уѣзда и ближе къ Ефремовскому, тѣмъ положеніе хуже и хуже. На гумнахъ хлѣба и соломы все меньше и меньше, а плохихъ дворовъ все больше и больше. На границѣ Ефремовскаго и Богородицкаго уѣздовъ положеніе худо въ особенности потому, что при всѣхъ тѣхъ же невзгодахъ, какъ и въ Крапивенскомъ и въ Богородицкомъ уѣздахъ, при еще большей рѣдкости лѣсовъ, не родился картофель. На лучшихъ земляхъ не родилось почти ничего, только воротили сѣмена. Хлѣбъ почти у всѣхъ съ лебедой. Лебеда здѣсь не вызрѣвшая, зеленая. Того бѣлаго ядрышка, который обыкновенно бываетъ въ ней, нѣтъ совсѣмъ, и потому она не съѣдобна.

Хлѣбъ съ лебедой надо ѣсть умѣючи. Если наѣсться натощакъ одного хлѣба, то вырветъ. Отъ кваса же, сдѣланнаго на мукѣ съ лебедой, люди шалѣютъ.

Здѣсь бѣдные дворы, опустившіеся въ прежніе годы, доѣдаютъ уже послѣднее. Но и это не худшія деревни. Худшія въ Ефремовскомъ уѣздѣ. Вотъ выписка изъ моей записной книжки объ одной деревнѣ Ефремовскаго уѣзда. Изъ 70-ти дворовъ есть 10, которые могутъ «дыхать». Остальные сейчасъ, черезъ дворъ, уѣхали на лошадяхъ побираться. Тѣ, которые остались, ѣдятъ хлѣбъ съ отрубями, который имъ продаютъ изъ склада земства по 60-ти копеекъ съ пуда! Я зашелъ въ одинъ домъ, чтобы видѣть хлѣбъ съ отрубями. Мужикъ получилъ три мѣры на обсѣмененіе, когда у него уже было посѣяно и, смѣшавъ три мѣры съ тремя мѣрами отрубей, смололъ вмѣстѣ и вышелъ хорошій хлѣбъ, но—послѣдній. Баба разсказывала мнѣ, какъ дѣвочка наѣлась хлѣба изъ лебеды и ее несло сверху и снизу, и она бросила печь съ лебедой. Уголъ избы полонъ каташьями лошадиными, и бабы ходятъ собирать каташья и щепки. Грязь жилья, оборванность одеждъ въ этой деревнѣ очень большая, но видно, что это обычно, потому что такая же грязь и оборванность и въ достаточныхъ дворахъ. Въ этой же деревнѣ слободка солдатскихъ дѣтей безземельныхъ. Особенно жалки жители этой слободки. Есть изъ нихъ малосемейные и мастеровые, тѣ живутъ кое-какъ, но положеніе большинства очень дурно. Всѣ—нищіе.

У крайняго домика этой слободки, у котораго мы остановились, вышла къ намъ оборванная, худая женщина и стала разсказывать свое положеніе. У нея пять человѣкъ дѣтей. Двое больные, — должно быть инфлуэнцей. Одинъ трехлѣтній ребенокъ больной, въ жару, вынесенъ наружу и лежитъ прямо на землѣ, на выгонѣ, шагахъ въ восьми отъ избушки, покрытый разорваннымъ остаткомъ зипуна. Ему и сыро и холодно будетъ, когда пройдетъ жаръ, но все-таки лучше, чѣмъ въ четырехаршинной избушкѣ съ развалившейся печкой, съ грязью, пылью и другими четырьмя дѣтьми. Мужъ этой женщины ушелъ на заработки и пропалъ. Она кормится тѣмъ, что соберетъ побираясь, но вблизи подаютъ мало. Надо ходить въ даль, за 20—30 верстъ, да и тамъ плохо и надо бросать дѣтей. Старшей дѣвочкѣ десять лѣтъ. Такъ она и дѣлаетъ. Наберетъ кусковъ, оставитъ дома, и, какъ станутъ выходить, пойдетъ опять. Теперь она была дома,—вчера только пришла.

Въ такомъ положеніи не она одна, а домовъ восемь. И въ такомъ положеніи они были и прошлаго и третьяго года, и въ такомъ положеніи не они одни, а вокругъ насъ всегда людей въ такомъ положеніи милліоны. Въ такомъ положеніи всегда всѣ семьи слабыхъ, пьющихъ людей, всѣ семьи сидящихъ по острогамъ, часто семьи солдатъ.

Такое положеніе только легче переносится въ хорошіе годы. Всегда и въ урожайные годы бабы ходили и ходятъ по лѣсамъ, украдкой, подъ угрозами побоевъ или острога, таскать топливо,

чтобы согрѣть своихъ холодныхъ дѣтей, и собирали и собираютъ отъ бѣдняковъ куски, чтобы прокормить своихъ заброшенныхъ, умирающихъ безъ пищи дѣтей.

Всегда это было! Мы среди этого живемъ! Въ нынѣшній годъ положеніе это не хуже, потому что хуже того, чтобы у матери безъ помощи умирали дѣти, ничего вѣдь не можетъ быть, но въ нынѣшній годъ только больше «этого худого».

III.

Такихъ деревень, какъ эти, очень много и въ Богородицкомъ и въ Ефремовскомъ уѣздахъ. Но есть и хуже. И таковы деревни Епифанскаго и Данковскаго уѣздовъ.

Вотъ одна изъ нихъ: верстъ шесть отъ одной деревни до другой нѣтъ жилья и селъ. Есть только въ сторонѣ помѣщичьи хутора. Все поля и поля, жирныя, черноземныя глубоко вспаханныя плугами и прекрасно засѣянныя рожью. Картофель весь выкопанъ; докапываютъ, перепахиваютъ во второй разъ. Кое-гдѣ пашутъ подъ яровое. Въ жнивьяхъ ходятъ прекрасныя стада помѣщичьи. Озими прекрасныя, дороги хозяйственно окопаны канавами, усажены срубленной лозиной; въ лощинахъ разводится саженный лѣсъ. Кое-гдѣ огороженные и оберегаемые лѣса помѣщиковъ. На хуторахъ по дорогѣ пропасть соломы, и убирается въ подвалы и бунты картофель. Все обработано искусно, на всемъ виденъ положенный трудъ тысячи людей, исходившихъ съ сохами, плугами, косами, граблями всѣ борозды этихъ необозримыхъ богатыхъ полей.

Прихожу къ жительству этихъ людей. Въ крутыхъ берегахъ большая прекрасная рѣка, съ обѣихъ сторонъ—населеніе. На этой сторонѣ Епифанскаго уѣзда поменьше, на той сторонѣ Данковскаго, побольше. Тамъ и церковь съ колокольней и блестящимъ на солнцѣ крестомъ; по берегу, на той сторонѣ, вытянулись красивые издалека крестьянскіе домики.

Подхожу къ краю деревни на этой сторонѣ.

Первая изба—не изба, а четыре каменныхъ, сѣраго камня, смазанныхъ на глинѣ стѣны, прикрытыхъ потолочниками, на которыхъ навалена картофельная ботва. Двора нѣтъ. Это жилье первой семьи. Тутъ же, спереди этого жилища, стоитъ телѣга, безъ колесъ, и не за дворомъ, гдѣ обыкновенно бываетъ гумно, а тутъ же передъ избой, расчищенное мѣстечко, токъ, на которомъ только что обмолотили и извѣяли овесъ.

Длинный мужикъ въ лаптяхъ лопатой и руками насыпаетъ изъ вороха въ плетеную сѣвалку чисто отвѣянный овесъ, баба лѣтъ 50-ти въ грязной, черной, вырванной въ боку рубахѣ, босая, носитъ эти сѣвалки, ссыпаетъ въ телѣгу безъ колесъ и считаетъ. Къ бабѣ жмется, мѣшая ей, оборванная и растрепанная дѣвочка лѣтъ семи. Мужикъ—кумъ бабѣ, онъ пришелъ помочь ей извѣять и убрать овесъ. Баба—вдова, мужъ умеръ второй годъ, а сынъ въ солдатахъ на осеннемъ ученіи, невѣстка въ избѣ съ двумя малыми ребятами.

Весь урожай настоящаго года—въ овсѣ, который уберется весь въ телѣгу, всего четверти четыре. Отъ ржи, за посѣвомъ остался мѣшокъ съ лебедой, пуда съ три. Ни проса, ни гречи, ни чечевицы, ни картофеля не сѣяли и не садили. Хлѣбъ испекли съ лебедой—такой дурной, что ѣсть нельзя, и въ нынѣшній день баба утромъ ходила побираться въ деревню, верстъ за восемь. Въ деревнѣ этой праздникъ, и она набрала фунтовъ пять кусковъ безъ лебеды, пирога, который она показывала мнѣ. Вотъ все имущество и всѣ видимыя средства пропитанія.

Другая изба такая же, только немного лучше покрыта и есть дворишко. Урожай ржи такой же. Такой же мѣшокъ лебеды стоитъ въ сѣняхъ и представляетъ амбары съ запасами. Овса въ этомъ дворѣ не сѣяли, такъ какъ не было сѣмянъ весной; зато картофеля три четверти и есть пшена двѣ мѣры. Рожь, какая осталась отъ выдачи на сѣмена, баба испекла пополамъ съ лебедой и теперь доѣдаютъ. Осталось полторы ковриги. Съ картофелемъ можетъ хватить еще на мѣсяцъ, а что дальше будетъ—говорятъ, того не знаютъ. У бабы четверо дѣтей и мужъ. Мужа не было дома,—онъ клалъ избу, каменную на глинѣ, у сосѣда мужика черезъ дворъ.

Третій дворъ такой же, положеніе такое же. Пока я былъ въ этой избѣ и разговаривалъ съ хозяйкой, сюда же вошла баба и стала разсказывать сосѣдкѣ, какъ ея мужа избили, какъ онъ не чаетъ живымъ быть и какъ его причастили. Очевидно, что сосѣдка все знала это давно и что разсказывалось это мнѣ. Я предложилъ посмотрѣть больного, чтобы помочь ему, чѣмъ можно. Баба ушла и скоро опять вернулась, чтобы проводить меня. Больной лежалъ въ сосѣдней избѣ. Изба эта была большая, съ пунькой и дворомъ, но бѣдность такая же. Хозяинъ увлекся постройкой послѣ пожара; все что было—простроилъ, потомъ ослабѣлъ и обнищалъ. Въ этой избѣ живутъ двѣ чужія семьи на квартирѣ, не имѣя домовъ. Глава одной изъ этихъ семей и былъ избитый больной. На хорахъ, между печью и стѣной, лежалъ больной, покрытый веретьями и жалобно стоналъ. Я подошелъ, раскрылъ его съ осторожностью. Это былъ коренастый, здоровый мужикъ лѣтъ 40, съ налитымъ кровью лицомъ и атлетическими мускулами на оголенной рукѣ. Я сталъ разспрашивать его, и онъ разсказалъ, что третьяго дня у нихъ была сходка, и онъ и другой товарищъ взяли билеты (паспорты), чтобы идти на-низъ, и тутъ онъ сказалъ одному мужику, что не надо ругаться. Въ отвѣтъ на что этотъ мужикъ сбилъ его съ ногъ и сталъ по немъ ходить, т.-е. избилъ его всего, и голову и грудь. Оказалось, что, взявши паспорты, они поставили по восьмухѣ, да тутъ же бывшій староста, растратившій мірскихъ денегъ 50 рублей, поставилъ полведра за то, что ему разсрочили платежъ на три срока, и мужики перепились. Я ощупалъ, осмотрѣлъ избитаго. Онъ былъ совершенно здоровъ и сильно вспотѣлъ подъ своими веретьями. Знаковъ никакихъ не было, и, очевидно, онъ лежалъ и причащали его только, чтобы вызвать со стороны начальства, къ которому онъ меня причислялъ, наказаніе

тому, съ кѣмъ онъ подрался. Когда я высказалъ ему, что не надо судиться, и что я думаю, что онъ не опасно избитъ и можетъ встать, онъ остался недоволенъ, и бабы, которыя внимательно слѣдили за мною и которыхъ была полная изба, стали съ неудовольствіемъ говорить, что коли такъ, то они и всѣхъ до смерти перебьютъ.

Бѣдность всѣхъ трехъ семей, живущихъ тутъ, одинаковая. Ржи ни у кого нѣтъ. У кого пшеницы пуда два, у кого картофеля недѣли на двѣ, на мѣсяцъ. Хлѣбъ, испеченный съ лебедою изъ ржи, выданной на сѣмена, у всѣхъ есть еще, но хватитъ не надолго.

Такова вся деревня въ 30 дворовъ, за исключеніемъ двухъ семей, которыя зажиточны. Перечислять ихъ не къ чему, все будетъ одно и то же.

Деревня эта сгорѣла наполовину прошлаго года и не отстроилась. Тѣ первые дворы съ женщиной, молотившей овесъ и другіе 8 дворовъ сряду выселены для исполненія правилъ страхованія. Большинство такъ бѣдны, что до сихъ поръ живутъ на квартирахъ. Такъ же слабы и остальные непогорѣвшіе, хотя въ общемъ погорѣвшіе нѣсколько хуже. Положеніе деревни таково, что изъ 30-ти дворовъ 12 безлошадныхъ. Народъ почти весь дома: кто мажетъ избу, кто перекладываетъ, кто сидитъ, ничего не дѣлая. Обмолочено все, картофель выкопанъ. Деревня въ бѣдственномъ состояніи, но неурожай этотъ представляется даже маленькой бѣдой въ сравненіи съ тѣмъ хроническимъ общимъ бѣдствіемъ, которому очевидно подвержены эти люди. Привели же ихъ въ это состояніе пожары, ссоры, пьянство.

Кромѣ общихъ причинъ бѣдствія, въ каждой почти семьѣ есть своя частная и внутренняя причина, гораздо значительнѣе исключительной причины—неурожая нынѣшняго года. У бывшаго старосты бѣда та, что ему надо подъ угрозой суда уплатить 50 руб. по третямъ, и онъ продаетъ весь овесъ на этотъ долгъ. У теперешняго старосты, хорошаго столяра, бѣда та, что его посадили въ старосты и тѣмъ лишили возможности пойти въ работу. Жалованья ему даютъ 15 рублей, а онъ говоритъ, что легко заработалъ бы 60 и не подумалъ бы о неурожаѣ. У третьяго мужика бѣда въ томъ, что онъ задолжалъ уже давно, а теперь пришлось платить, и онъ долженъ былъ продать три стѣны деревянной избы, оставивъ себѣ одну на топливо. Теперь ему жить не въ чемъ, и онъ мажетъ изъ камня крошечную келью, гдѣ будетъ жить съ женой и дѣтьми. У четвертаго бѣда въ томъ, что онъ разссорился съ жившей съ нимъ матерью, и она отдѣлилась отъ него, сломала свою избу и ушла къ другому сыну, взявъ свою часть, а ему жить и не съ чемъ и негдѣ. У пятаго бѣда, что онъ ѣздилъ въ городъ съ овсомъ, загулялъ и пропилъ все, что было овса.

Передъ уходомъ изъ деревни я остановился подлѣ мужика только что привезшаго съ поля картофельныя батовья (плети, какъ у нихъ называютъ) и складывавшаго ихъ у стѣны избы.

— Откуда это?

— У помѣщика купляемъ.

— Какъ. по чемъ?

— За десятину плетей—десятину на лѣто убирать.

То-есть за право собрать съ десятины выкопаннаго картофеля картофельную ботву крестьянинъ обязывается вспахать, посѣять, скосить, связать и свезти десятину хлѣба, что равняется, по обыкновеннымъ дешевымъ цѣнамъ розничной работы, по крайней мѣрѣ, 8-ми рублямъ, а по установленной въ той мѣстности цѣнѣ ботвы стоитъ отъ пяти до четырехъ рублей.

Мужикъ былъ разговорчивъ, я остановился съ нимъ у телѣги, и скоро человѣкъ шесть мужиковъ собралось тутъ же, и мы разговорились. Бабы, прислушиваясь, стояли поодаль. Ребята, жуя черный, чернильнаго цвѣта липкій хлѣбъ съ лебедой, вертѣлись подлѣ насъ, разглядывая меня и прислушиваясь. Я повторилъ нѣкоторые разспросы, повѣряя показанія старосты. Все оказалось вѣрнымъ. Даже количество безлошадныхъ оказалось больше, чѣмъ показалъ староста. Всю нищету свою разсказывали не то что съ неудовольствіемъ, но съ какой-то постоянной надъ кѣмъ-то и надъ чѣмъ-то ироніей.

— Что же это вы такъ плохи, обѣдняли хуже другихъ?—спросилъ я.

Отвѣчать стали нѣсколько голосовъ. Такъ опредѣленъ былъ отвѣтъ:

— А что же подѣлаешь! Лѣтось половину деревни, какъ корова языкомъ слизнула,—выгорѣла. А то неурожай. И лѣтось плохо было, а ужъ нынче вовсе чисто. Да какой тебѣ урожай, если земли нѣтъ? Какая земля? На квасъ?

— Ну, заработокъ,—сказалъ я.

— Какіе заработки? Гдѣ они? Вѣдь онъ (это помѣщикъ) насъ на 11-ти верстахъ обхватилъ. Все его земля, куда хошь иди, цѣна вездѣ одна. Ну, вотъ плати 5 рублей за плети, а ихъ на мѣсяцъ не хватитъ.

— Ну, какъ же жить будете?

— Такъ и будемъ жить. Распродадимъ, что есть, а тамъ, что Богъ дастъ. Продать то ужъ нечего. Каташья нешто продавать станемъ, вотъ у меня уголъ цѣлый набранъ. Затопишь, такъ перхаешь, перхаешь. Тьфу! Ужъ писали насъ, разъ десять писали,—сказалъ староста,—а все толку нѣтъ. Видно писаря плохіе. Вотъ дай дѣдъ (это на меня) запишетъ. Онъ тверже запишетъ. Вишь перо-то у него какое, и т. д.

Мужики смѣются и, очевидно, что-то такое знаютъ, но не сказываютъ. Что же это такое? Неужели эти въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ своего положенія, или такъ надѣются на помощь извнѣ, что не хотятъ дѣлать никакихъ усилій?

Могу ошибиться, но похоже на это.

И тутъ я вспомнилъ двухъ немного выпившихъ старыхъ мужиковъ Ефремовскаго уѣзда, ѣхавшихъ изъ волостного правленія, куда они ѣздили справляться о томъ, когда потребуются ихъ сыновья на осеннее ученіе, и которые на вопросъ мой, какъ у нихъ урожай и какъ они живутъ, отвѣтили мнѣ, несмотря на то, что

они были изъ самой плохой мѣстности,—что, слава Богу, спасибо Царю-Батюшкѣ, на обсѣмененіе выдано, теперь будутъ выдавать и на продовольствіе до заговѣнъ по 30 фунтовъ на человѣка, а послѣ заговѣнъ—по полтора пуда.

Вѣдь то, что люди этой ефремовской деревни не могутъ прожить зимы, не померевъ отъ голоду, или, по крайней мѣрѣ, отъ болѣзней, происходящихъ отъ голода и дурной пищи, если они не предпримутъ чего-нибудь, такъ же несомнѣнно, какъ и то, что колодка пчелъ безъ меду, поставленная наружу, помретъ къ веснѣ.

Но въ томъ-то и вопросъ: предпримутъ они что-нибудь или нѣтъ? До сихъ поръ похоже, что нѣтъ. Только одинъ изъ нихъ распродалъ все и уѣзжаетъ въ Москву. Остальные чего-то ждутъ.

IV.

Что же, есть голодъ, или нѣтъ его?

И если есть, то въ какихъ размѣрахъ должна быть подана помощь?

Всѣ графы, по которымъ описываются имущества крестьянъ, ничего не отвѣчаютъ и не могутъ отвѣтить на эти вопросы. Этого не знаютъ, пожалуй, и сами крестьяне. Много зависитъ отъ того настроенія, въ которомъ они будутъ находиться. Администрація и земство представляютъ себѣ задачу кормленія голоднаго народа, точно такъ же, какъ представляютъ себѣ такую же задачу прокормленія даннаго количества скотины.

На столько-то воловъ нужно на 200 дней зимы столько-то пудовъ сѣна, соломы, барды. Заготовили это количество корма, поставили на стойло воловъ и можно быть увѣреннымъ, что волы перезимуютъ.

Съ людьми расчетъ совершенно иной. Во-первыхъ, для вола и всякой скотины maximum и minimum необходимой пищи очень недалеки другъ отъ друга. Съѣвъ нужное ей количество корма, скотина перестаетъ ѣсть и больше ни въ чемъ не нуждается, а не доѣвъ нужнаго ей количества, она скоро заболѣваетъ и умираетъ. Для человѣка же разстояніе между minimum-омъ и maximum-омъ нужнаго ему, не только въ видѣ пищи, но и другихъ потребностей — огромно, можно даже сказать — безконечно: человѣкъ можетъ питаться просфоркой, какъ постники, горстью риса, какъ китайцы и индѣйцы, можетъ иногда не ѣсть 40 дней, какъ докторъ Таннеръ, и остаться здоровъ, и можетъ проглотить огромное по цѣнности и питательности количество пищи и питья, и кромѣ пищи нуждается еще во многихъ вещахъ, которыя могутъ разрастаться до безконечности и суживаться до самаго малаго.

Во-вторыхъ, волъ не можетъ самъ по себѣ добыть пищи, человѣкъ же самъ добываетъ ее, и тотъ человѣкъ, котораго мы собираемся кормить, самый главный добытчикъ пищи, тотъ самый, который и насъ-то кормитъ и добываетъ въ самыхъ тяжкихъ условіяхъ то, чѣмъ мы собираемся его кормить.

Кормить мужика, это все равно, что во время весны, когда пробилась трава, которую можетъ набрать скотина, держать скотину на стойлѣ и самому щипать для нея эту траву, т.-е. лишить стадо той огромной силы собиранія, которая есть въ немъ, и тѣмъ погубить его.

Нѣчто подобное совершилось бы и съ мужикомъ, если бы мы стали точно такъ кормить его и онъ повѣрилъ бы этому.

Бюджетъ мужика не сходится, — дефицитъ, — ему нечѣмъ кормиться,—надо его кормить.

Да учтите всякаго средняго мужика не въ неурожайный годъ, когда, какъ у насъ сплошь да рядомъ, хлѣба только до Рождества, и вы увидите, что ему въ обыкновенные годы, по спискамъ урожая, кормиться нечѣмъ и дефицитъ такой, что ему непремѣнно надо перевести скотину и самому разъ въ день ѣсть.

Таковъ бюджетъ средняго мужика, — про бѣднаго и говорить нечего,—а смотришь, онъ не только не перевелъ скотину, но женилъ сына или выдалъ дочь, справилъ праздникъ и прокурилъ 5 рублей на табакъ. Кто не видалъ пожаровъ, очищавшихъ все. Казалось бы, надо погибнуть погорѣльцамъ. Смотришь, кому пособилъ сватъ, дядя, кто досталъ кубышку, кто задался въ работники, а кто поѣхалъ побираться; энергія напряглась и смотришь,— черезъ два года справились не хуже прежняго.

А переселенцы, уходящіе съ семьями, кормящіеся годами работами, пока не сядутъ на мѣстѣ?

Одно время я занимался вопросомъ прошедшаго заселенія Самарской губерніи, и фактъ, который могу засвидѣтельствовать совмѣстно со всѣми самарскими старожилами, тотъ, что большинство переселенцевъ, шедшихъ по маршрутамъ съ помощью правительства, погибало и приходило въ нищету, а большинство бѣглыхъ, встрѣчавшихъ только препятствія отъ правительства, приходили и селились благополучно и богатѣли.

А безземельные крестьяне дворовые? Всѣ кормились и кормятся и въ такіе годы, когда хлѣбъ былъ дороже теперешняго.

Говорятъ: нѣтъ работы. Но есть вѣдь другіе люди, которые, не переставая, говорятъ, что они предлагаютъ работы—и нѣтъ работниковъ. И люди, говорящіе это, такъ же правы, или такъ же неправы, какъ и тѣ, которые говорятъ, что нѣтъ работы. Я знаю положительно, что помѣщики предлагаютъ работу и не находятъ людей; что на работы, открытыя лѣсничествомъ, до сихъ поръ не явилось работниковъ, такъ же и на другія работы, о чемъ и писалось въ газетахъ. Для дурного работника всегда нѣтъ работы, для хорошаго работника всегда есть работа. Для пропившаго съ себя платье, оборваннаго человѣка, который ходитъ по дворамъ и базарамъ, можетъ не быть работы, но для извѣстнаго хорошаго работника, человѣка, стоящаго на одной работѣ и отыскивающаго другую, всегда есть работа.

Правда, что въ нынѣшнемъ году меньше работы, чѣмъ обыкновенно, и потому больше плохихъ рабочихъ остаются безъ работы, но все-таки то, что есть или нѣтъ у человѣка работы, зависитъ

не отъ однѣхъ внѣшнихъ причинъ, а отъ энергіи работника, отъ того, хорошо ли онъ ищетъ работы и хорошо ли работаетъ.

Все это я говорю не къ тому, чтобы доказать, что не надо помогать плохимъ работникамъ и ихъ семьямъ, но только для того, чтобы показать, какъ невозможно учесть бюджетъ крестьянскаго двора, котораго доходъ можетъ быть растянутъ отъ трехъ до тридцати и больше рублей въ мѣсяцъ, смотря по энергіи прилежанія и исполненія работъ, а расходъ можетъ сузиться до двухъ фунтовъ хлѣба съ отрубями на человѣка и растянуться до пьянства, могущаго разорить въ одинъ годъ самый богатый дворъ.

Разногласіе о томъ, есть ли голодъ, или нѣтъ голода, и въ какихъ размѣрахъ,—происходитъ отъ этого. Отъ этого и трудность помощи.

Для опредѣленія степени нужды, которою бы можно было руководиться при раздачѣ пособій, во всѣхъ земствахъ составлены по волостямъ подробные подворные списки о количествѣ душъ, ѣдоковъ, работниковъ, надѣловъ; о количествѣ посѣянныхъ различныхъ хлѣбовъ и урожаѣ, о количествѣ скотины, о среднемъ урожаѣ и еще многое другое. Списки составлены съ необыкновенною роскошью графъ и подробностей. Но тотъ, кто знаетъ обиходъ крестьянина, знаетъ, что списки эти говорятъ очень мало.

Думать, что крестьянскій дворъ проживаетъ только то, что онъ поѣстъ; проживаетъ только то, что онъ получаетъ съ своей надѣльной земли—большая ошибка. Въ большинствѣ случаевъ то, что онъ получаетъ съ надѣльной земли, составляетъ только меньшую часть того, что онъ проживаетъ. Главное богатство крестьянина въ томъ, что̀ зарабатываетъ онъ и его домашніе: зарабатываютъ ли они это на наемной землѣ, или работая на помѣщика, или живя у чужихъ людей, или промыслами. Мужикъ и его домашніе вѣдь всегда всѣ работаютъ. То обычное намъ состояніе физической праздности есть бѣдствіе для мужика. Если у мужика нѣтъ работы всѣмъ членамъ семьи, то онъ считаетъ, что совершается бѣдствіе, и обыкновенно всѣми средствами ищетъ и всегда находитъ эту работу. Въ мужицкой семьѣ всѣ члены ея съ дѣтства до старости работаютъ и зарабатываютъ. Мальчикъ 12-ти лѣтъ уже въ подпаскахъ, или въ работникахъ при лошадяхъ, дѣвочка прядетъ, а съ прядева—холсты лишніе, которые можно продать на случай нужды, есть тоже заработокъ. Мужикъ въ заработкахъ или вдали, или дома, или на поденной, или беретъ когда работу сдѣльно у помѣщика, или самъ нанимаетъ землю. Старикъ плететъ лапти: это обычные заработки. Но есть и исключительные: мальчикъ водитъ слѣпыхъ, дѣвочка въ нянькахъ у богатаго мужика, мальчикъ въ мастеровыхъ, мужикъ бьетъ кирпичъ или дѣлаетъ сѣвалки, баба—повитуха, лѣкарка, братъ слѣпой—побирается, грамотный—читаетъ Псалтирь по мертвымъ, старикъ растираетъ табакъ, вдова тайно торгуетъ водкой. Кромѣ того: у того сынъ въ кучерахъ, кондукторахъ, у того дочь въ горничныхъ, нянькахъ, у того дядя въ монахахъ, приказчикахъ, и всѣ эти родственники помогаютъ и поддерживаютъ дворъ.

Изъ такихъ-то статей, не входящихъ въ графы, составляется приходъ мужицкой семьи, а статьи расхода еще болѣе разнообразны и далеко не ограничиваются пищей: подати земскія, рекрута справить, орудія, кузнечная работа, сошники, шкворни, колеса, топоры, вилки, шорное, телѣжное, постройки, печь, одежда, свадьба, крестины, похороны, лѣченіе, гостинцы ребятамъ, табакъ, горшки, посуда, соль, деготь, керосинъ, богомолье, у каждаго человѣка еще свои свойства характера, слабости, добродѣтели, пороки.

Въ самомъ бѣдномъ дворѣ въ пять-шесть душъ обернется отъ 50 до 70 рублей, въ богатомъ отъ 70 до 300, въ среднемъ 100—120 рублей валового дохода. Каждый хозяинъ можетъ при небольшомъ усиліи энергіи сдѣлать изъ этихъ 100 рублей дохода 150, а при ослабленіи ея сдѣлать изъ 100—50, при бережливости и порядкѣ сдѣлать изъ 100 рублей расхода 60, а при небрежности и слабости изъ 100 рублей расхода—двѣсти.

Какъ же при этихъ условіяхъ учесть бюджетъ мужика и рѣшить вопросъ о томъ, есть ли у него нужда и въ какихъ размѣрахъ, и, если есть, то рѣшить, которымъ изъ нихъ помогать и по скольку?

Въ земствахъ учреждены попечители,—лица, имѣющія завѣдывать раздачей пособій по волостямъ. Въ одномъ изъ земствъ учреждены даже совѣты при попечителяхъ, изъ священниковъ, старшинъ, церковныхъ старостъ и двухъ уполномоченныхъ, которые должны рѣшать, кому сколько дать. Но даже и эти совѣты, какъ они ни похожи на министерства, ничего не помогутъ дѣлу распредѣленія, потому что по спискамъ, и по тому, что извѣстно теперь о крестьянскихъ семьяхъ, никакъ нельзя опредѣлить того, что съ ними будетъ.

Чтобы правильно опредѣлить степень нужды крестьянина, нужны не списки, а надо призвать прорицателя, который предскажетъ, кто изъ мужиковъ и его домашнихъ будетъ живъ, здоровъ, будетъ жить въ согласіи съ семьей, работать и найдетъ работу; а кто будетъ болѣть, ссориться и не найдетъ работу. Прорицателей такихъ нѣтъ и узнать этого нельзя. Нельзя узнать нуждающихся, и потому правильно распредѣлить даровое пособіе народу не то что трудно, но прямо невозможно.

Люди, мало думавшіе объ отношеніяхъ богатыхъ къ бѣднымъ, обыкновенно думаютъ, что только бы богатые отдали бѣднымъ, или были бы принуждены отдать часть своего богатства, и все будетъ прекрасно. Но это большая ошибка. Все дѣло въ распредѣленіи. Если есть бѣдный, то всегда только потому, что распредѣленіе, производимое законами о пріобрѣтеніи собственности, трудѣ и отношеніяхъ сословій, неправильно; и потому, чтобы исправить это неправильное распредѣленіе, надо устроить иное. Взять же у богатыхъ и бросить это въ сторону бѣдныхъ не значитъ сдѣлать новое распредѣленіе, а значитъ — сдѣлать только большую путаницу въ старомъ распредѣленіи.

Какъ бы хорошо и просто было разрѣшить вопросы роскоши и нищеты тѣмъ простымъ средствомъ, чтобы взять немного у богатыхъ и подѣлить бѣднымъ.

Такъ бы это хорошо было и просто!

Я самъ когда-то думалъ, что это такъ.

Но, не къ несчастью, а къ счастью, это не такъ.

Казалось бы маленькое неудобство,—но никакъ нельзя обойти его, нельзя распредѣлить.

Попробуйте раздавать деньги бѣднымъ въ городѣ, да это и пробовали. И что же выходитъ!

Лѣтъ семь тому назадъ въ Москвѣ, по волѣ умершаго купца, раздавали шесть тысячъ по два рубля всѣмъ бѣднымъ. Набралась такая толпа, что двухъ задавили до смерти и большинство денегъ досталось здоровымъ золоторотцамъ, а бѣднымъ, слабымъ ничего не досталось.

При даровой раздачѣ поднимаются и разгораются самыя дурныя страсти, надвигается толпа жадныхъ людей, захватываютъ добро это тѣ, которые ловчѣе, сильнѣе, безсовѣстнѣе. Обыкновенно думаютъ, что только бы было что раздавать, а раздать, распредѣлить это уже легко. Положимъ, думаютъ обыкновенно, что бываютъ злоупотребленія, обманы, но для этого надо быть внимательнымъ, позаботиться, изслѣдовать, и тогда можно отдѣлить не нуждающихся и дать только истинно нуждающимся.

Въ этомъ-то и заблужденіе! Этого нельзя сдѣлать! Раздавать даровыя пособія только нуждающимся—нельзя, потому что нѣтъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно бы было опредѣлить нуждающагося, а самая раздача даровая вызываетъ такую жадность, соревнованіе, такіе обманы, что уничтожаются и тѣ признаки, которые были.

Администрація и земства хлопочутъ о томъ, чтобы узнать истинно нуждающихся, всѣ же мужики, и вовсе ненуждающіеся, узнавъ, что будутъ раздавать даровое, стараются притвориться или даже сдѣлаться нуждающимися, чтобы безъ труда получить пособіе.

Но не въ томъ одномъ неудобство въ выдачѣ пособія даровогo или заимообразнаго (это безразлично, потому что мужики считаютъ заимообразное даровымъ, зная, что они никогда не будутъ въ силахъ отдать)—неудобство еще въ томъ, что надежда на выдачу этого пособія ослабляетъ самодѣятельность народа.

Но какъ же ждать, когда мрутъ съ голода? Вѣдь въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ хлѣба до ноября и гдѣ — по лѣни ли или заблужденію, почему бы то ни было, — мужики говорятъ, что нѣтъ работы — и не работаютъ, черезъ недѣлю наступитъ несомнѣнно настоящій голодъ для женщинъ, для старыхъ, для малыхъ, да и для самыхъ, можетъ-быть, и лѣнивыхъ, и обманувшихся, но живыхъ людей. А между тѣмъ, какъ давать? Кому давать?

Если выдавать однимъ нуждающимся, то какъ отдѣлить истинно нуждающихся отъ не истинно нуждающихся?

Если даже сумѣть отдѣлить истинно нуждающихся, то вѣдь это будетъ всѣ, большею частью, нерадивые хозяева, пьяницы, гуляки,—за что же давать премію за лѣнь и пьянство?

Если же давать всѣмъ поровну, какъ того требуютъ вездѣ крестьяне, резонно говоря, что если отвѣчать круговою порукой, то надо, по крайней мѣрѣ, и выдавать всѣмъ поровну, чтобы было за что отвѣчать, — если выдавать всѣмъ поровну, то выйдетъ всѣмъ по-малу: богатымъ ненужная прибавка, а бѣднымъ недостаточная, чтобы спасти ихъ отъ погибели.

Если давать всѣмъ такъ много, чтобы, давая всѣмъ поровну, досталось бы и бѣднымъ столько, чтобы они могли прокормиться, для этого понадобились бы такія суммы, которыхъ, очевидно, нельзя получить.

Главное же то, что чѣмъ больше помогать, тѣмъ болѣе ослабляется энергія народа, а чѣмъ больше ослабляется энергія народа, тѣмъ болѣе увеличивается нужда.

А не помогать нельзя!

Въ этомъ cercle vicieux бьются правительственныя лица и земства. Отъ этого-то и вся та неурядица мѣръ, которыя предпринимаются противъ того голода, про который мы не знаемъ, есть онъ или нѣтъ, — неурядица оттого, что мы взялись за дѣло, которое нельзя намъ сдѣлать.

Дѣло, за которое мы взялись, вѣдь состоитъ ни больше, ни меньше, какъ въ томъ, чтобы прокормить народъ, т.-е. мы взялись за то, чтобы прокормить кормильца, — того, кто кормилъ и кормитъ насъ.

Мы такъ запутались и заврались, что уже совсѣмъ забыли, кто мы!

Мы, господа, хотимъ прокормить народъ!

V.

Удивительное дѣло! — грудной ребенокъ хочетъ кормить свою кормилицу; паразитъ собирается кормить то растеніе, которымъ онъ питается; мы, высшіе классы, живущіе всѣ *имъ*, не могущіе ступить шагу безъ *него*, мы *его* будемъ кормить.

Хорошо, что *онъ* не вѣритъ намъ! Если бы *онъ*, избави Богъ, повѣрилъ тому, что кто-то *его* будетъ кормить и пересталъ бы самъ кормиться и кормить насъ, то вѣдь *онъ* погибъ бы и мы съ нимъ!

Дѣтямъ дали лошадь — настоящую, живую лошадь, и они поѣхали кататься и веселиться. Ѣхали, ѣхали, гнали подъ гору, на гору. Добрая лошадка обливалась потомъ, задыхалась, а везла, и все везла, слушалась; а дѣти кричали, храбрились, хвастались другъ передъ другомъ, кто лучше правитъ, и подгоняетъ, и скачетъ. И имъ казалось, какъ и всегда кажется, что когда скачетъ лошадка, что они сами скакали, и они гордились своей скачкой.

Такъ долго веселились дѣти, не думая о лошади, забывъ о томъ, что она живетъ, трудится и страдаетъ, и если замѣчали, что она останавливается, то сильнѣе взмахивали кнутомъ, стегали и кричали.

Но всему есть конецъ, пришелъ конецъ и силамъ доброй лошадки, и она, несмотря на кнутъ, стала останавливаться. Тутъ

только дѣти вспомнили,что лошадь живая и вспомнили, что лошадей кормятъ и поятъ, но дѣтямъ не хотѣлось останавливаться и они стали придумывать, какъ бы на ходу накормить лошадь. Одинъ изъ нихъ досталъ изъ-подъ сидѣнья клокъ сѣна и, соскочивъ съ телѣги, бѣжалъ подлѣ лошади и давалъ ей сѣно. Но на ходу неловко было кормить лошадь, онъ опять вскочилъ въ телѣгу, и дѣти придумали другое средство. Они достали длинную палку и на конецъ ея привязали сѣно и, прямо съ козелъ, на ходу подносили это сѣно лошади. Кромѣ того, двое изъ дѣтей, замѣтивъ, что лошадь шатается, стали поддерживать ее; и держали ея задъ руками, чтобы она не завалилась ни направо, ни налѣво. Дѣти придумывали многое, но только не то, что должно бы было имъ прежде всего прійти въ голову, — то, чтобы слѣзть съ лошади, перестать ѣхать на ней и, если они точно жалѣютъ ее, отпречь ее и дать ей свободу.

Развѣ не то же, что дѣлали дѣти съ везущей ихъ лошадью, дѣлали и дѣлаютъ люди богатыхъ классовъ съ рабочимъ народомъ, когда онъ слабѣетъ и можетъ отказаться везти?

Придумываютъ все возможное, но только не одно то, что само просится на умъ: слѣзть съ той лошади, которую ты жалѣешь, перестать ѣхать на ней и погонять ее.

Народъ голодаетъ, и мы, высшіе классы, очень озабочены этимъ и хотимъ помочь этому. И для этого мы засѣдаемъ, собираемъ комитеты, собираемъ деньги и разсылаемъ ихъ народу, но ни на минуту не перестаемъ ѣхать на немъ.

Да отчего онъ бѣденъ и голоденъ.

Неужели такъ трудно понять это?

Неужели нужно или клеветать на него, какъ безсовѣстно дѣлаютъ одни, говоря, что народъ бѣденъ оттого, что онъ лѣнивъ и пьяница; или обманывать самого себя, какъ дѣлаютъ другіе, говоря, что народъ бѣденъ только оттого, что онъ еще не успѣлъ усвоить себѣ нашей культуры, а что мы вотъ съ завтрашняго дня начнемъ, не утаивая ничего, передавать ему всю нашу мудрость, и тогда уже онъ перестанетъ быть бѣднымъ; и потому намъ нечего стыдиться того, что мы теперь живемъ на его шеѣ,— все это для его блага.

Неужели надо искать эти midi à quatorze heures, когда такъ все ясно и просто, особенно ясно и просто для самого народа, на шеѣ котораго мы сидимъ и ѣдемъ. Вѣдь это дѣтямъ можно воображать, что это не лошадь ихъ везетъ, а они сами ѣдутъ посредствомъ маханія кнута, но намъ-то, взрослымъ, если мы не сумасшедшіе, можно, казалось бы, понять, откуда голодъ народа.

Народъ голоденъ оттого, что мы слишкомъ сыты.

Развѣ можетъ быть неголоденъ народъ, который въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ живетъ, то-есть при тѣхъ податяхъ, при томъ малоземельи, при той заброшенности и одичаніи, въ которомъ его держатъ, долженъ производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощаютъ столицы, города и деревенскіе центры богатыхъ людей?

Всѣ эти дворцы, театры, музеи, вся эта утварь, всѣ эти богатства,—все это выработано этимъ самымъ голодающимъ народомъ, который дѣлаетъ всѣ эти ненужныя для него дѣла только потому, что онъ этимъ кормится, т.-е. всегда этой вынужденной работой спасаетъ себя отъ постоянно висящей надъ нимъ голодной смерти.

Таково его положеніе всегда.

Нынѣшній годъ только вслѣдствіе неурожая показалъ, что струна слишкомъ натянута.

Народъ всегда держится нами впроголодь. Это наше средство, чтобы заставить его на насъ работать. Нынѣшній же годъ проголодь эта оказалась слишкомъ велика. Новаго неожиданнаго ничего не случилось, и намъ, кажется, можно знать, отчего народъ голоденъ?

Заботы общества теперь о помощи народу въ бѣдѣ голода подобны заботамъ учрежденій Краснаго Креста на войнѣ. Энергія однихъ на войнѣ направляется на убійство, и эта дѣятельность считается нормальною, а въ противодѣйствіе ей учреждается другая дѣятельность—лѣченіе этихъ убиваемыхъ.

Все это хорошо, пока дѣятельность войны и такъ же дѣятельность истощенія народа, угнетенія его — считается нормальными, но какъ скоро мы начинаемъ утверждать, что мы жалѣемъ людей, убиваемыхъ на войнѣ, и людей голодающихъ, то не проще ли не убивать людей и не учреждать и средствъ лѣченія ихъ? Не проще ли перестать дѣлать все то, что губитъ благосостояніе народа, чѣмъ, губя его, дѣлать видъ, что мы озабочены его благосостояніемъ?

Ложь эта поразительна всегда, но въ теперешнее время она отвратительна.

Мы увѣряемъ себя и другихъ, что мы очень озабочены голодомъ, что мы встревожены положеніемъ русскаго народа, что мы готовы на всякія жертвы, а между тѣмъ нашею жизнью показываемъ, что все это одни слова и что мы лжемъ, потому что ложь эта сдѣлалась условною, общею всѣмъ ложью. И никто не изобличаетъ другого, чтобы его не изобличили.

Если свести вмѣстѣ то, что писалось и пишется въ газетахъ о теперешнемъ положеніи русскаго народа, то получится приблизительно слѣдующее: сорокъ милліоновъ русскихъ людей голодаютъ и помочь этой бѣдѣ почти нѣтъ возможности. Хлѣба въ Россіи, если даже допустить, что весь тотъ хлѣбъ, который есть, попадетъ голоднымъ, чего допустить невозможно,—хлѣба все-таки недостанетъ одной четвертой той части, которая нужна на прокормленіе всѣхъ голодающихъ. Купить и привезти изъ-за границы требуемый хлѣбъ такъ, чтобы онъ пришелъ къ намъ по доступной цѣнѣ, мало вѣроятій, и потому четвертая часть сорока милліоновъ людей находится въ опасности голодной смерти.

Голодная смерть, по свѣдѣніямъ газетъ и слухамъ, уже началась. Были такіе случаи, что матери приводили дѣтей въ волостныя правленія и бросали ихъ тамъ, говоря, что имъ нечѣмъ кормить ихъ.

Разсказываютъ про мать, которая убилась со своими дѣтьми; говорятъ, другая повѣсилась, чтобы не видѣть умирающихъ дѣтей. Описываютъ трехъ дѣтей, умершихъ отъ голода. Во многихъ мѣстахъ люди болѣютъ, пухнутъ отъ голода, распространяется повальный голодный тифъ—теперь, въ теплое осеннее время. Что же будетъ зимой, когда настанутъ холода въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ топятъ обыкновенно соломой, которой нѣтъ въ нынѣшнемъ году, и въ которыхъ дровъ нельзя достать ближе какъ за 100 за 150 верстъ?

Мы всѣ читаемъ это и если не читаемъ, то неизбѣжно слышимъ это, изъ приличія пожимаемъ плечами, вздыхаемъ, дѣлаемъ маленькія жертвы деньгами, говоримъ: «да, ужасно!» и продолжаемъ свою обычную жизнь.

Если и есть люди и учрежденія, которыя жертвуютъ деньги и если есть другіе, служащіе въ администраціи и земствѣ, которые заняты дѣломъ продовольствія нуждающихся, скупаютъ хлѣбъ, продаютъ его по дешевымъ цѣнамъ, дѣлаютъ списки дворовъ и. т. п., то все-таки несмотря на денежныя жертвы, которыя дѣлаютъ нѣкоторые, и на заботы служащихъ о продовольствіи, общество наше, т.-е. всѣ люди, жертвующіе и не жертвующіе, и служащіе и не служащіе, остаются, несмотря на взаимныя обвиненія другъ друга въ равнодушіи, совершенно спокойны и равнодушны къ совершающемуся и предстоящему, по предположеніямъ,— страшному, никѣмъ не отрицаемому бѣдствію.

Я говорю, что общество остается совершенно равнодушно къ предстоящему бѣдствію, не потому, что мнѣ такъ кажется и хочется говорить, а потому, что есть всѣмъ извѣстный и несомнѣнный признакъ неравнодушія, который теперь отсутствуетъ въ русскомъ обществѣ.

Только тогда мы всѣ знаемъ, что человѣкъ неравнодушенъ и истинно сочувствуетъ совершившемуся или имѣющему совершиться, когда извѣстіе измѣняетъ его жизнь: когда онъ перестанетъ дѣлать то, что дѣлалъ, ѣсть, какъ онъ ѣлъ, спать, какъ онъ спалъ, жить, какъ онъ жилъ. Тѣмъ болѣе признакъ этотъ равнодушія или неравнодушія относится къ событію еще несовершившемуся, а только угрожающему.

Если человѣкъ за обѣдомъ получилъ извѣстіе о томъ, что человѣкъ тонетъ въ рѣкѣ подлѣ его дома, и, продолжая обѣдать, дѣлаетъ распоряженіе о томъ, чтобы выдать веревку, которая нужна для спасенія тонущаго, то, что бы онъ ни говорилъ о своемъ сочувствіи тонущему, мы не повѣримъ ему и будемъ знать, что онъ равнодушенъ къ совершающемуся событію. Такое равнодушіе царствуетъ въ нашемъ обществѣ теперь къ тому бѣдствію, которое описываютъ и предсказываютъ газеты. Люди продолжаютъ обѣдать и показываютъ свое сочувствіе тѣмъ, что не жалѣютъ ни времени, потраченнаго на распоряженіе о веревкѣ, ни самой даже веревки. Жизнь людей нашего общества продолжаетъ свое обычное теченіе: тѣ же концерты, театры, — если нѣтъ балловъ, то только благодаря примѣру—тѣ же обѣды, наряды, скачки.

лошади, экипажи, охоты, выставки, цвѣты, романы и т. д. Жизнь нисколько не измѣнилась и не подогнулась подъ существующее бѣдствіе, а, напротивъ, голодъ подогнутъ подъ общее теченіе жизни, голодъ fait les frais de la conversation въ гостиныхъ, наполняетъ столбцы газетъ и составляетъ интересный сюжетъ корреспонденцій, служитъ поводомъ къ устройству базаровъ, театровъ, концертовъ, сборниковъ. Не только жизнь не измѣнилась, чтобы служить голоду, но голодъ сдѣлался нужною частью жизнью; голодъ занялъ то мѣсто современнаго моднаго предмета увлеченія, которое всегда нужно чѣмъ-нибудь наполнить. И это не можетъ быть иначе: голодъ касается не насъ, а, какъ намъ представляется, людей совершенно чуждыхъ намъ, связанныхъ съ нами только отвлеченнымъ представленіемъ о томъ, что они и мы—русскіе.

Вольтеръ говоритъ, что если бы возможно было, пожавъ шишечку въ Парижѣ, этимъ пожатіемъ убить мандарина въ Китаѣ, то рѣдкій парижанинъ лишилъ бы себя этого удовольствія.

Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавъ пуговичку въ Москвѣ или въ Петербургѣ, этимъ пожатіемъ можно бы было убить мужика въ Мамадышахъ или Царевококшайскѣ и никто бы не узналъ про это, я не думаю, чтобы нашлось много людей, которые воздержались бы отъ пожатія пуговки, если бы это могло имъ доставить хоть малѣйшее удовольствіе.

Между человѣкомъ нашего богатаго круга, — господиномъ въ накрахмаленной рубашкѣ, чиновникомъ, помѣщикомъ, коммерсантомъ, офицеромъ, ученымъ, художникомъ и мужикомъ, если говорить правду, такъ же мало связи, какъ между парижаниномъ и мандариномъ.

Нельзя скрывать того, что всѣ мы знаемъ! Вѣдь мы не говоримъ этого только потому, что среди насъ установился для цивилизованныхъ людей обычай приличія исповѣдывать любовь къ мужику, къ меньшому брату, но вѣдь мы всѣ знаемъ, что и между нами, господами, и мужиками лежитъ пропасть.

Есть господа и рабы. Одни уважаемы, другіе презираемы, и между тѣми и другими нѣтъ соединенія. Это два совершенно различныхъ разряда людей, двѣ различныя касты. Господа никогда не женятся на мужичкахъ, не выдаютъ за мужиковъ и рабочихъ своихъ дочерей, господа не общаются какъ знакомые съ мужикомъ, не ѣдятъ вмѣстѣ, не сидятъ даже рядомъ; господа говорятъ рабочимъ «ты», рабочіе говорятъ господамъ «вы». Однихъ пускаютъ въ чистыя мѣста и впередъ въ соборы, другихъ не пускаютъ и толкаютъ въ шею; однихъ сѣкутъ, другихъ не сѣкутъ.

Это двѣ разныя касты.

Хотя переходъ изъ низшей въ высшую возможенъ, но до тѣхъ поръ, пока переходъ не совершится, раздѣленіе существуетъ самое рѣзкое, и между господиномъ и мужикомъ такъ же мало связи, какъ между парижаниномъ и китайцемъ; такъ что дать умереть мужику значитъ дать умереть куриц, несущей золотыя яйца.

И это я говорю не потому, что это мнѣ такъ вздумалось говорить непріятности богатымъ русскимъ людямъ, къ которымъ я принадлежу, а потому, что это такъ есть. Доказательствомъ и подтвержденіемъ этого служитъ вся русская жизнь, все то, что не переставая происходитъ во всей Россіи.

Всѣ богатые русскіе люди не переставая пожимаютъ шишечку и даже не для удовольствія интереснаго эксперимента, а для самыхъ ничтожныхъ цѣлей. Не говоря о фабричныхъ поколѣніяхъ, гибнущихъ на нелѣпой, мучительной, разрушающей работѣ фабрикъ для удовольствія богатыхъ, все земледѣльческое населеніе или огромная часть его, не имѣя земли, чтобы кормиться, вынуждено къ страшному напряженію работы, губящей ихъ физическія и духовныя силы, только для того, чтобы господа могли увеличивать свою роскошь. Все населеніе спаивается, эксплуатируется торговцами для этой же цѣли. Народонаселеніе вырождается, дѣти преждевременно умираютъ, все для того, чтобы богачи-господа и купцы жили своею отдѣльною господскою жизнью, со своими дворцами, обѣдами, концертами, лошадьми, экипажами, лекціями и т. п.

Развѣ теперь, когда люди, какъ говорятъ, мрутъ съ голода, помѣщики, купцы, вообще богачи не сидятъ съ запасами хлѣба, ожидая еще большихъ повышеній цѣнъ? Развѣ они не сбиваютъ цѣнъ съ работы? Развѣ чиновники перестаютъ получать жалованье, собираемое съ голодныхъ? Развѣ всѣ интеллигентные люди не продолжаютъ жить по городамъ для своихъ, послушаешь ихъ самихъ, возвышенныхъ цѣлей,—пожирая тамъ, въ городахъ, эти, свозимыя для нихъ туда, средства жизни, отъ отсутствія которыхъ мретъ народъ?

Всѣ инстинкты каждаго изъ господъ: ученые, служебные, художественные, семейные—такіе, которые не имѣютъ ничего общаго съ жизнью народа. Народъ не понимаетъ господъ, а господа, хотя и думаютъ, что понимаютъ народъ, не понимаютъ его, потому что его интересы не только не одинаковы съ господскими, но прямо всегда противоположны имъ.

Народъ нуженъ намъ только какъ орудіе, и орудіемъ этимъ господа пользуются не по жестокосердію своему, а потому, что жизнь ихъ такъ поставлена, что они не могутъ не пользоваться ими, и ихъ выгоды (сколько бы ни говорили, утѣшая себя, противное), всегда діаметрально противоположны выгодамъ народа.

Чѣмъ больше мнѣ дадутъ жалованья и пенсіи, говоритъ чиновникъ, т.-е. чѣмъ больше возьмутъ съ народа, тѣмъ мнѣ лучше.

Чѣмъ дороже продадутъ хлѣбъ и всѣ нужные предметы народу и чѣмъ ему будетъ труднѣе, тѣмъ мнѣ будетъ лучше, говоритъ и купецъ и землевладѣлецъ.

Чѣмъ дешевле будетъ работа, т.-е. чѣмъ бѣднѣе будетъ народъ, тѣмъ намъ лучше, говорятъ всѣ люди богатыхъ классовъ.

Какое же у насъ можетъ быть сочувствіе къ народу?

Между нами и народомъ нѣтъ иной связи, какъ связи враждебной, господина и раба. Чѣмъ лучше мнѣ, тѣмъ хуже ему.

Чѣмъ лучше ему, тѣмъ хуже мнѣ. И при этихъ-то условіяхъ мы вдругъ стали увѣрять себя и другихъ, что мы очень желаемъ вывести его изъ того состоянія бѣдности, въ которое мы сами поставили его, и которое нужно намъ.

Вотъ эта-та условная ложь, принимаемая всѣми за правду, и составляетъ причину странной путаницы понятій у людей нашего круга, обсуждающихъ теперешнее бѣдственное положеніе народа.

VI.

Если человѣкъ изъ общества дѣйствительно хочетъ служить народу, то первое, что ему нужно сдѣлать, это ясно понять свое отношеніе къ нему. Когда ничего не предпринимается, то ложь, оставаясь ложью, не особенно вредна; но когда, какъ теперь, люди хотятъ служить народу, то первое и главное, что нужно, это откинуть ложь, ясно понять свое отношеніе къ нему. Понявъ же свое истинное отношеніе къ народу, состоящее въ томъ, что мы живемъ имъ, что бѣдность его происходитъ отъ нашего богатства и голодъ его—отъ нашей сытости; если мы искренно хотимъ служить народу—прежде всего сдѣлаемъ то, что перестанемъ дѣлать то, что губитъ его.

Если мы точно жалѣемъ лошадь, на которой мы ѣдемъ, то мы прежде всего слѣземъ съ нея и пойдемъ своими ногами.

Прежде всего постараемся rendre gorge. возвратить народу то, что мы постоянно отъ него отбирали, перестанемъ отбирать отъ него то, что отбираемъ, а потомъ постараемся измѣнить свою жизнь, разорвать кастовую черту, раздѣляющую насъ отъ народа, и придемъ къ нимъ не только, какъ къ равнымъ, но къ лучшимъ нашимъ братьямъ, такимъ, передъ которыми мы давно виноваты,— придемъ къ нимъ съ раскаяніемъ, смиреніемъ и любовью.

Прокормится или не прокормится народъ, весь народъ я не знаю, скажетъ себѣ человѣкъ на эту точку зрѣнія, и не могу знать: завтра можетъ сдѣлаться моръ или нашествіе, отъ котораго и безъ голода помретъ народъ, или завтра же откроется новое питательное вещество, которое прокормитъ всѣхъ, или, что проще всего, я умру завтра и ничего не узнаю о томъ, прокормится или не прокормится народъ. Главное же то, что меня никто не приставляетъ къ дѣлу прокормленія сорока милліоновъ живущаго въ какихъ-то предѣлахъ народа, и я, очевидно, не могу достигнуть внѣшней цѣли прокормленія и избавленія отъ несчастій какихъ-то людей, — я могу только одно — свои силы употребить наилучшимъ образомъ для того, чтобы содѣйствовать благу моихъ братьевъ, считая братьями всѣхъ безъ исключенія.

И удивительное дѣло, стоитъ человѣку отвернуться отъ задачи разрѣшенія внѣшнихъ вопросовъ и поставить себѣ единый, истинный, свойственный человѣку внутренній вопросъ: какъ мнѣ прожить наилучшимъ образомъ въ этомъ году тяжелаго испытанія?— чтобы всѣ тѣ вопросы получили разрѣшеніе.

Общая правительственная, неизмѣняющая своего отношенія къ народу, дѣятельность ставитъ огромную цѣль и не достигаетъ ея.

Личная ставитъ малую внутреннюю цѣль и достигаетъ той, которую она и не ставила.

Общая правительственная дѣятельность задается внѣшнею цѣлью—прокормить и поддержать благосостояніе сорока милліоновъ людей, и, какъ мы видѣли, встрѣчаетъ на своемъ пути непреодолимыя препятствія.

1) Опредѣлить степень предстоящей нужды для населенія, само себя поддерживающаго и могущаго проявить въ этомъ поддержаніи себя наибольшую энергію и совершенную апатію, — нѣтъ никакой возможности.

2) Если допустить, что опредѣленіе это возможно по собираемымъ правительственными агентами свѣдѣніямъ, то количество требуемыхъ суммъ и хлѣба такъ велики, что нѣтъ никакого вѣроятія пріобрѣсти ихъ.

3) Если допустить, что средства эти будутъ найдены, то раздача ихъ даровая населенію ослабитъ энергію и самодѣятельность народа, составляющую главное средство поддержанія его.

Если допустить, что раздача будетъ производиться такъ, что не ослабитъ самодѣятельности народа, то нѣтъ возможности правильно распредѣлить пособія, и ненуждающіеся захватятъ долю нуждающихся, которые все-таки, во многихъ случаяхъ, останутся безъ помощи и погибнутъ.

Личная дѣятельность, ставящая себѣ внутреннюю цѣль, устраняетъ всѣ эти препятствія. Для этой дѣятельности нѣтъ вопроса о количествѣ нуждающихся. Для этой дѣятельности нуждающіеся всегда были и есть, вопросъ только въ томъ, сколько я своихъ силъ могу отдать нуждающимся.

Это та дѣятельность, которая заставляетъ въ нынѣшнемъ голодномъ году въ одной мѣстности (это я видѣлъ не разъ) хозяйку дома, при словахъ: «Христа ради», слышанныхъ подъ окномъ, пожаться, поморщиться и потомъ, все-таки, достать съ полки послѣднюю, начатую ковригу и отрѣзать отъ нея крошечный, въ полъ-ладони, кусочекъ, и, перекрестившись подать его. И она-то устраняетъ всѣ препятствія, мѣшавшія дѣятельности правительственной съ внѣшней цѣлью.

Для этой дѣятельности не существуетъ перваго препятствія—опредѣленія степени нужды нуждающагося: «Просятъ Христа-ради Маврины сироты». Она знаетъ, что имъ взять негдѣ, и подаетъ.

Не существуетъ и второго препятствія—огромнаго количества нуждающихся: подающей милостыню хозяйкѣ не нужно разсчитывать того, сколько милліоновъ голодающихъ въ Россіи, или почемъ хлѣбъ въ Америкѣ, почемъ придетъ въ наши порты и на нашъ элеваторъ и сколько можно будетъ взять подъ варранты. Для нея одинъ вопросъ: какъ пустить ножъ по ковригѣ,—потоньше или потолще? Но тонко ли, толсто ли она подаетъ, она твердо несомнѣнно знаетъ, что если каждый оторветъ отъ себя, то всѣмъ достанетъ, всѣмъ, сколько бы ихъ ни было.

Третье препятствіе еще меньше существуетъ для хозяйки. Она не боится того, чтобы подача этого ломтика ослабила энергію

Мавриныхъ ребятъ, поощрила бы ихъ къ праздности и попрошайничеству, потому что она знаетъ, что эти ребята понимаютъ, какъ дорогъ ей ломоть, который она отрѣзала имъ.

Нѣтъ и четвертаго препятствія. Хозяйкѣ нѣтъ нужды заботиться о томъ, правдива ли нужда тѣхъ, которые стоятъ теперь подъ окномъ, и нѣтъ ли другихъ болѣе нуждающихся, которымъ бы надо отдать этотъ ломоть. Ей жалко Мавриныхъ ребятъ, она и даетъ имъ, и знаетъ, что если всѣ сдѣлаютъ то же, то не только нынѣшній годъ въ Россіи, но нигдѣ, никогда, никто не умретъ съ голоду.

Вотъ эта-та дѣятельность, имѣя только внутреннюю цѣль, всегда спасала, спасаетъ и теперь спасетъ людей.

Вотъ эта-та дѣятельность должна быть усвоена людьми, желающими въ нынѣшнее, трудное время служить другимъ людямъ.

Дѣятельность эта требуетъ прежде всего прекращенія противнаго любви кастоваго отношенія къ народу, эксплуатація его и требуетъ прямого общенія съ нимъ, измѣненія, упрощенія жизни,— требуетъ жизни вмѣстѣ съ нимъ, съ тѣмъ народомъ, которому мы хотимъ служить.

[Спасаетъ эта дѣятельность людей потому, что она есть то зерно, мельчайшее изъ всѣхъ, которое вырастаетъ въ величайшее дерево. Такъ ничтожно то, что могутъ сдѣлать одинъ, два человѣка, десятки людей, живя въ деревнѣ среди голодныхъ и по силамъ помогая имъ; но вотъ, что я видѣлъ въ свою поѣздку. Шли ребята изъ Москвы, гдѣ они были въ работникахъ. И одинъ заболѣлъ и отсталъ отъ товарищей. Онъ часовъ пять просидѣлъ и пролежалъ на краю дороги, и десятки мужиковъ прошли мимо его. Въ обѣдъ ѣхалъ мужикъ съ картофлемъ и разспросилъ малаго и, узнавъ, что онъ боленъ, пожалѣлъ его и привезъ въ деревню. Кто это? Кого привезъ Акимъ? — Акимъ разсказалъ, что малый боленъ, отощалъ, не ѣлъ два дня, — пожалѣть надо! И одна баба принесла картошекъ, другая пирожка, третья молока.—Ахъ, сердечный, отощалъ! Какъ не пожалѣть? Свое дѣтище! — И тотъ самый малый, мимо котораго, несмотря на его жалкій видъ, проходили, не пожалѣвъ его, десятки людей, сталъ всѣмъ жалокъ, всѣмъ дорогъ, потому что одинъ пожалѣлъ его.

Тѣмъ-то и важна любовная дѣятельность, что она заразительна. Дѣятельность внѣшняя, выражающаяся даровой раздачей, по расписаніямъ и спискамъ, хлѣба и денегъ, вызываетъ самыя дурныя чувства: жадность, зависть, притворство, осужденіе; дѣятельность личная вызываетъ, напротивъ, лучшее чувство, любовь и желаніе жертвы. «Я работалъ, трудился,—мнѣ ничего, а лѣнтяя, пьяницу награждать. Кто же ему велѣлъ пропивать? Подѣломъ вору и мука», говоритъ богатый и средній мужикъ, которымъ не даютъ пособій. Съ неменьшей злобой говоритъ бѣднякъ про богача, требующаго равную долю.—«Мы и бѣдны-то отъ нихъ. Они насъ сосутъ, а имъ еще давай нашу долю; онъ и такъ гладокъ», и т. п. Такія чувства вызываетъ раздача дарового пособія. Но, напротивъ, увидитъ одинъ, какъ другой подѣлился послѣднимъ,

потрудился для несчастнаго, и ему хочется сдѣлать то же. Въ этомъ сила любовной дѣятельности. Сила въ томъ, что она заразительна, а какъ скоро она заразительна, то распространенію ея нѣтъ предѣловъ.

Какъ одна свѣча зажигаетъ другую, и одной свѣчей зажигаются тысячи, такъ и одно сердце зажигаетъ другое, и зажигаются тысячи. Милліоны рублей сдѣлаютъ меньше, чѣмъ сдѣлаютъ хоть небольшое уменьшеніе жадности и увеличеніе любви въ массѣ людей, только бы увеличилась любовь,—сдѣлается то чудо, которое совершилось при раздачѣ 5 хлѣбовъ. Всѣ насытятся и еще останется] [1]).

Дѣятельность эта представляется мнѣ такъ: человѣкъ изъ богатыхъ классовъ, желающій въ тяжеломъ нынѣшнемъ году принять участіе въ общемъ бѣдствіи, прежде всего пріѣзжаетъ въ одну изъ пострадавшихъ мѣстностей и начинаетъ тамъ жить, проживая тамъ на мѣстѣ, въ Мамадышскомъ, Лукояновскомъ, Ефремовскомъ уѣздахъ, въ голодной деревнѣ, тѣ обычные десятки тысячъ или сотни рублей, которые онъ проживаетъ ежегодно, посвящая свой досугъ, употребляемый имъ въ городахъ на увеселенія, на ту дѣятельность на пользу голоднаго народа, какая ему будетъ по силамъ.

Уже одно то, что онъ будетъ жить тамъ и проживать то, что онъ проживаетъ обыкновенно, принесетъ матеріальную помощь народу; а то, что онъ будетъ жить среди этого народа, даже не съ самоотверженіемъ, но только съ безкорыстіемъ, принесетъ нравственную пользу ему и народу. Очевидно, человѣкъ, пріѣхавшій въ голодную мѣстность для того, чтобы быть полезнымъ народу, не можетъ ограничиться тѣмъ, чтобы только жить въ свое удовольствіе среди голоднаго населенія. Я представляю себѣ такого человѣка, мужчину или женщину, или семью съ средними средствами, положимъ съ тысячью рублями въ годъ, переѣхавшую такъ въ неурожайную мѣстность.

Лицо это или семья нанимаетъ или получаетъ отъ знакомыхъ помѣщиковъ помѣщеніе, или выбираетъ, нанимаетъ хорошую избу, оклеиваетъ обоями, исправляетъ полы, заготавливаетъ дрова, провизію, заводитъ лошадь, кормъ и устраивается. Все это: хлѣбъ народу, но этимъ не могутъ ограничиться отношенія этой семьи къ народу. На кухню придутъ нищіе съ сумами. Надо подать. Кухарка жалуется, что хлѣба выходитъ много. Надо или отказать въ кускахъ, или печь лишніе хлѣбы. Стали печь лишніе хлѣбы, народу стало ходить больше. Изъ семьи, гдѣ хлѣбъ дошелъ и ѣсть нечего, пришли попросить, надо и туда дать. Оказывается, что своя кухарка не управляется, и печь мала. Надо нанять избу для хлѣбовъ и нанять особую кухарку. Это стоитъ денегъ. Денегъ нѣтъ. У поселившагося лица есть друзья, знакомые, которые знаютъ, что онъ или она уѣхали въ неурожайный уѣздъ. Ему или ей присылаютъ деньги люди, знающіе его или ее, на распространеніе помощи. Въ нанятой избѣ раздаютъ хлѣбъ, но являются за

[1]) Заключенный здѣсь и далѣе въ прямыя скобки текстъ былъ напечатанъ въ редакціи отрывка статьи, который появился въ 1892 г. въ № 1 «Книжекъ Недѣли» подъ заглавіемъ «Помощь голоднымъ».

хлѣбомъ такіе люди, которымъ онъ не до зарѣзу нуженъ, разбираютъ хлѣбъ и продаютъ его, начинается обманъ. Чтобы не было искушенія пользоваться раздаваемымъ хлѣбомъ для выгодъ, вмѣсто раздачи хлѣба даютъ ѣсть тѣмъ, которые приходятъ. Варятъ похлебку, бураки, овсяный, крахмальный кисель, чечевицу, горохъ,— устраивается столовая.

[Мнѣ кажется, что именно столовыя,—мѣста, гдѣ кормятъ приходящихъ, — это та форма помощи, которая сама собою сложится изъ отношеній богатыхъ людей къ голодающимъ и принесетъ наибольшую пользу. Форма эта болѣе всего вызываетъ прямую дѣятельность помогающаго, болѣе всего сближаетъ его съ населеніемъ, менѣе всего подлежитъ злоупотребленіямъ и даетъ возможность при меньшихъ средствахъ прокормить наибольшее число людей.

Въ Данковскомъ и Епифанскомъ уѣздахъ съ сентября открылись такія столовыя. Народъ далъ имъ названіе «сиротскихъ призрѣній», и, какъ кажется, самое названіе это предотвращаетъ злоупотребленіе этими учрежденіями. Здоровый мужикъ, имѣющій хоть какую-нибудь возможность прокормиться, самъ не пойдетъ въ эти столовыя объѣдать сиротъ, да и — сколько я наблюдалъ— считаетъ это стыдомъ. Вотъ письмо, полученное мною отъ моего пріятеля, земскаго дѣятеля и постояннаго деревенскаго жителя, о дѣятельности этихъ сиротскихъ призрѣній:

«Шесть *сиротскихъ призрѣній* открыто не болѣе десяти дней, и уже питается въ нихъ около 200 человѣкъ. Завѣдующій столовыми, съ совѣта сельскаго старосты, уже принужденъ допускать ѣдоковъ съ разборомъ,—такъ много представляется нуждающихся. Оказывается, что кормятся крестьяне не семьями, а что нуждающіяся семьи выставляютъ своихъ кандидатовъ — почти исключительно старухъ и дѣтей. Такъ, напримѣръ, отецъ шести человѣкъ дѣтей, въ дер. Пашковѣ, просилъ допустить двухъ изъ нихъ, а затѣмъ черезъ два дня привелъ еще третьяго. Староста говорилъ, что «особливо хорошо поглядѣть, какъ помлаже ребятишки свекольникъ полюбили». Тотъ же староста мнѣ разсказывалъ, что иногда матери сами приводятъ своихъ дѣтей, «слыгаются, что это для смѣлости, а оглядится, да и сама поѣстъ». Когда слышишь эти слова старосты, то понимаешь, что это не ложь и что придумать ихъ нельзя; ужели голодъ еще не наступилъ? Мы, конечно, знаемъ, что звѣрь у порога; но бѣда въ томъ, что этотъ звѣрь одновременно врывается во столько семей, что не хватитъ, пожалуй, нашихъ запасовъ. Учетъ показалъ, что въ день выходитъ на ѣдока 1 ф. хлѣба и 1 ф. картофеля, но сверхъ того потребно топливо да всякая мелочь: лукъ, соль, свекла и т. д. Болѣе же всего затрудняетъ топливо, оно представляетъ собою наиболѣе дорогой матеріалъ. Крестьяне установили очередныя подводы, чтобы ѣздить за припасами. Организація требуетъ распорядительнаго человѣка, и хлопотлива хозяйственная заготовка припасовъ; самыя же сиротскія призрѣнія *не нуждаются* въ надзорѣ за расходованіемъ припасовъ: сама хозяйка такъ привыкла жить вѣкъ крохами, да къ тому же всѣ посѣтители такъ слѣдятъ за оборотами своей сто-

ловой, что малѣйшая небрежность — и она моментально бы огласилась, а затѣмъ и устранилась бы сама собой. У меня вырыто новыхъ два подвала и въ нихъ засыпано уже 300 четвертей картофеля, но всего этого мало, такъ какъ требованія растутъ ежедневно. Кажется, что помощь попала въ самую надлежащую точку. Человѣкъ надъ шестью столовыми поставленъ, но время расширить кругъ дѣятельности столовыхъ, и срокъ еще не пропущенъ.

«Чую, насколько отрадна будетъ работа въ столовыхъ; вѣдь испытываешь наслажденіе, поливая въ засуху растенія; каково же должно быть упоеніе ежедневно кормить голодныхъ малышей!»

Думаю, что это форма удобная и возможная, но повторяю, что эта форма не исключаетъ всѣ другія формы. Живущимъ по деревнямъ лицамъ придется помогать и деньгами, и зерномъ, и мукой, и хлѣбомъ, и лошадью, и прямо пищей.

Нужно только, чтобы были люди. А люди эти есть, навѣрное есть. Я былъ въ 4-хъ уѣздахъ, и въ каждомъ уѣздѣ есть уже люди, готовые на эту дѣятельность и въ нѣкоторыхъ начавшіе ее.]

VII.

Какъ ни увѣренъ я впередъ, узнавъ это горькимъ опытомъ, что мысль мою перетолкуютъ, нарочно сдѣлаютъ видъ, что не понимаютъ ее, возьмутъ одну часть ея и скажутъ, что въ ней вся мысль, я все-таки скажу свою мысль вполнѣ, не урывая изъ нея и не въ такомъ смягченномъ видѣ, чтобы нельзя было узнать ее, а во всемъ ея значеніи и съ той наибольшей ясностью выраженія, къ которой я способенъ.

Мысль моя состоитъ въ томъ, что спасаетъ людей отъ всякихъ бѣдствій, въ томъ числѣ и отъ голода, *только любовь*. Любовь же не можетъ ограничиться словами, а всегда выражается дѣломъ.

Дѣла же любви по отношенію голодныхъ состоятъ въ томъ, чтобы отдать свой кусокъ голодному, какъ это сказано даже не Христомъ, а предтечею его Іоанномъ, т.-е. состоитъ въ жертвѣ.

И потому я думаю, что чѣмъ больше жертва, тѣмъ больше любви, тѣмъ плодотворнѣе дѣла, — тѣмъ больше пользы людямъ. И потому я думаю, что лучшее и плодотворнѣйшее, что могутъ сдѣлать понимающіе необходимость измѣненія своей жизни люди теперь для помощи бѣдствующихъ, состоитъ въ томъ, чтобы поселиться теперь, нынѣшній годъ, сейчасъ въ средѣ голодающихъ, жить съ ними, ѣсть съ ними, спать съ ними, дѣлиться съ ними.

Какъ я ни привыкъ къ умышленному перетолкованію моихъ мыслей, мнѣ все-таки больно думать, что и эту перетолкуютъ и лишатъ ее той пользы, которую она могла бы сдѣлать, и потому я впередъ оговариваюсь о томъ, какъ я понимаю то, что сказалъ сейчасъ.

Я знаю впередъ, что скажутъ: Толстой утверждаетъ, что всякій, кто хочетъ принести помощь голодающимъ, долженъ непремѣнно поѣхать и поселиться въ холодной избѣ, жить во вшахъ, питаться хлѣбомъ съ лебедой и умереть черезъ два мѣсяца и двѣ недѣли, и что всякій, кто не дѣлаетъ этого, тотъ не приноситъ никакой помощи.

Я не это говорю.

Я говорю, что поступать такъ, именно такъ, жить и умирать вмѣстѣ съ тѣми, кто будетъ умирать черезъ два мѣсяца или двѣ недѣли, было бы очень хорошо, прекрасно — такъ же прекрасно, какъ и прожить и умереть такъ какъ умеръ Даміенсъ у прокаженныхъ. Но я не говорю, что всякій долженъ и можетъ это сдѣлать, и что тотъ, кто не сдѣлаетъ всего этого, ничего не сдѣлаетъ. Я говорю то, что, чѣмъ ближе къ этому поступитъ человѣкъ, тѣмъ будетъ лучше для него и для другихъ, но что сдѣлаетъ хорошо всякій, кто, пріѣхавъ къ голоднымъ въ деревню, хотя сколько-нибудь приблизится къ этому идеалу.

Есть два предѣла: одинъ тотъ, чтобы отдать свою жизнь за други своя; другой тотъ, чтобы жить, не измѣняя условій своей жизни. Между этими двумя предѣлами находятся всѣ люди: одни на степени учениковъ Христа, оставившихъ все и пошедшихъ за Нимъ, другіе на степени богатаго юноши, тотчасъ же отвернувшагося и ушедшаго, когда ему сказано было объ измѣненіи жизни.

Между этими двумя предѣлами находятся различные Закхеи, отчасти только измѣняющіе свою жизнь. Но для того, чтобы быть Закхеемъ, надо не переставая стремиться къ первому предѣлу.

Всѣ люди, понимающіе, что средство помощи теперешнимъ голодающимъ состоитъ въ разрушеніи перегородки, отдѣляющей насъ отъ народа, и вслѣдствіе этого измѣняющіе свою жизнь, неизбѣжно, по мѣрѣ своихъ нравственныхъ и физическихъ силъ, расположатся между этими двумя предѣлами.

Одни, переѣхавъ въ деревню, устроятъ свою жизнь болѣе или менѣе близко къ первому образу жизни, будутъ жить и ѣсть вмѣстѣ съ голодными, отступая отъ этого по мѣрѣ своей слабости; другіе будутъ жить и ѣсть отдѣльно, но будутъ завѣдывать кухнями и столовыми, будутъ служить голоднымъ за обѣдомъ, будутъ одѣлять ихъ пищей для больныхъ и для дѣтей на домъ; третьи будутъ только распоряжаться столовыми, объѣзжать и наблюдать за ними; четвертые—могу себѣ представить — будутъ жить въ голодной деревнѣ, проживая въ ней свои доходы, помогая той нуждѣ, которая будетъ доходить до нихъ; пятые, живя въ городѣ, гдѣ ихъ могутъ удерживать самыя различныя нравственныя необходимости, будутъ измѣнять свою жизнь, урѣзывая себя и помогая тѣмъ, которые будутъ жить по деревнямъ, расширять свою дѣятельность.

Таковою я представляю себѣ дѣятельность людей, понявшихъ свой грѣхъ раздѣленія отъ народа и желающихъ покаяться въ немъ и искупить его въ нынѣшнемъ, призывающемъ къ искупленію бѣдственномъ годѣ.

Помощь людямъ можетъ быть только живой.

Таковъ законъ. Желать безъ жертвъ дѣлать добро—все равно, что желать двинуть тѣло безъ затраты силъ.

Внѣшняя правительственная дѣятельность на пользу голодающихъ есть дѣятельность безъ жертвы и оттого ея неуспѣшность до сихъ поръ—и, по моему мнѣнію, да и по мнѣнію самихъ дѣятелей, невозможность успѣха, не говоря о томъ, что препятствія

этой дѣятельности составляютъ, какъ мы видѣли, невозможность опредѣленія степени нужды людей, ослабленіе энергіи самого народа и невозможность такого распредѣленія, при которомъ помощь доставалась бы самимъ нуждающимся.

Невыгода этой дѣятельности состоитъ еще въ томъ, что на помощь отъ правительства люди смотрятъ всегда, какъ на свое, законное, на которое имѣютъ право, какъ на увеличеніе дохода, и при полученіи ея разгорается соревнованіе пріобрѣтенія. Всѣ получающіе эти пособія видятъ только лицъ, раздающихъ не свои деньги и получающихъ за это жалованье, и такая раздача развиваетъ въ нихъ только жадность къ наибольшему пріобрѣтенію.

Если люди въ голодающей мѣстности,—люди всякіе, отъ тѣхъ, которые стоятъ на низшей степени нищеты, до богачей, живущихъ въ уѣздѣ, и всѣ серединные люди — помѣщики, крупные, мелкіе, должностныя лица, купцы, дворники, мельники, богатые и средніе крестьяне видятъ, какъ они это видятъ теперь, всѣхъ людей занятыхъ и особенно горячо занятыхъ пріобрѣтеніемъ и увеличеніемъ средствъ къ жизни, — купцовъ и помѣщиковъ, торгующихъ дорогимъ хлѣбомъ, дровами, плетьми картофельными, пользующихся всѣмъ, чтобы увеличить свои доходы, и рядомъ съ этимъ продолжающихъ свой обыкновенный кругъ жизни, съ охотами, поѣздками въ городъ и празднованіями, то всякій заражается тою же эгоистическою жизнью и старается изъ всего, что онъ можетъ, въ томъ числѣ и изъ помощи, выдаваемой людямъ, захватить какъ можно больше и дать отъ себя помощь, какъ можно меньше.

Эгоистическая жизнь и гоньба за выгодами заразительна. Но такъ же и еще больше заразительна не эгоистическая, а любовная дѣятельность,—дѣятельность жертвы.

И всякій центръ людей, живущихъ только для помощи страдающимъ, измѣнившихъ свою жизнь для этого, будетъ центромъ заразы добра. Глядя на этихъ людей, дастъ больше и живущій въ уѣздѣ богачъ, и помѣщикъ, и купецъ, и мужикъ, и богатый, а главное—средній, которыхъ тысячи, изъ которыхъ каждый отрѣжетъ побольше ломоть Христа-ради. А этихъ ломтей милліоны, и милліоны рублей богача сдѣлаютъ меньше, чѣмъ сдѣлаетъ хотя и небольшое уменьшеніе жадности и увеличеніе любви въ людяхъ. А коль скоро сдѣлается зараза жертвы, такъ сдѣлается то, что совершилось при раздачѣ пяти хлѣбовъ.

Всѣ насытятся и еще останется.

Но чтобы сдѣлалось это, чтобы появилась любовь, необходимо, чтобы дѣятельность вытекала не изъ желанія, оставаясь въ прежнихъ отношеніяхъ къ народу, поддержать въ немъ нужныя намъ рабочія силы, а изъ сознанія своей вины передъ народомъ, угнетенія его и отдѣленія себя отъ него, изъ покаянія и смиренія.

Не на гордомъ сознаніи своей необходимости народу, а на смиреніи только можетъ вырасти дѣятельность, которая можетъ спасти народъ.

1892 г.

СРЕДИ НУЖДАЮЩИХСЯ.

I.

Отчетъ графа Л. Н. Толстого по 12-е апрѣля 1892 г.

Дѣятельность наша со времени послѣдняго отчета [1]) состояла въ слѣдующемъ.

Первымъ и главнымъ нашимъ дѣломъ было устройство и веденіе столовыхъ.

Столовыя, которыхъ во время нашего послѣдняго отчета было 72, продолжали размножаться, и теперь ихъ въ 4-хъ уѣздахъ—Епифанскомъ, Ефремовскомъ, Данковскомъ и Скопинскомъ—187. Размноженіе это происходило и происходитъ слѣдующимъ образомъ. Изъ сосѣднихъ деревень съ тѣми, въ которыхъ у насъ есть столовыя, приходятъ къ намъ то отдѣльные крестьяне, то выборные отъ общества со старостой и просятъ объ открытіи у нихъ столовыхъ. Одинъ изъ насъ ѣдетъ въ ту деревню, изъ которой приходили просители, и, обходя дворы, составляетъ опись имущественнаго состоянія бѣднѣйшихъ жителей. Иногда, хотя и очень рѣдко, оказывается, что деревня, изъ которой приходили депутаты, не изъ очень бѣдныхъ и что нѣтъ еще настоятельной нужды въ помощи; но въ большей части случаевъ тотъ изъ насъ, кто обходилъ деревню, находилъ, какъ это всегда бываетъ при внимательномъ наблюденіи крестьянской нужды, что положеніе бѣднѣйшихъ семей такъ дурно, что необходима помощь; и помощь эта подавалась посредствомъ устройства столовыхъ, въ которыхъ записывались слабѣйшіе члены бѣднѣйшихъ семей. Такимъ образомъ разрастались и продолжаютъ разрастаться столовыя по тѣмъ направленіямъ, гдѣ нужда сильнѣе и менѣе покрыта, а именно по направленію къ Ефремовскому и въ особенности къ Скопинскому уѣзду, гдѣ помощь особенно скудна. Всѣхъ столовыхъ 187, изъ которыхъ 130 такихъ, гдѣ посѣтители получаютъ приварокъ и хлѣбъ, и 57 такихъ, гдѣ получается одинъ приварокъ. Раздѣленіе это на столовыя хлѣбныя и безхлѣбныя произошло съ марта вслѣдствіе того, что съ этого мѣсяца въ Данковскомъ уѣздѣ въ бѣднѣйшихъ деревняхъ, гдѣ и были наши столовыя, стали выдавать отъ земства въ ссуду по 30 фунтовъ на человѣка, а въ Епи-

---

[1]) Имена жертвователей, суммы денегъ и названіе вещей, пожертвованныхъ съ разныхъ концовъ земного шара въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, были въ свое время напечатаны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», а въ этихъ двухъ отчетахъ пропущены; равно и не напечатаны тѣ отчеты, которые содержатъ въ себѣ только имена и цифры. *Ред.*

фанскомъ уѣздѣ и болѣе 30 ф., такъ что въ этихъ уѣздахъ бѣднѣйшее населеніе было почти или совсѣмъ обезпечено хлѣбомъ и нуждалось только въ приваркѣ—картофелѣ, капустѣ и другомъ,—который если и былъ у кого изъ бѣдныхъ, то къ марту мѣсяцу совершенно истощился. Для этихъ-то бѣднѣйшихъ жителей и были открыты нами безхлѣбныя столовыя, въ которыя посѣтители ходятъ со своимъ хлѣбомъ. Привыкши получать въ столовыхъ и хлѣбъ, крестьяне сначала были недовольны этой перемѣной и заявили, что выгода, получаемая отъ этихъ столовыхъ, не окупитъ ихъ трудовъ по очередному привозу дровъ изъ рощъ на столовыя и что они не желаютъ пользоваться этими столовыми. Но недовольство это продолжалось очень недолго. Отказались только богатые, и то очень скоро стали просить о допущеніи ихъ въ столовыя.

Расчетъ выдачи провизіи на эти безхлѣбныя столовыя былъ слѣдующій на десять человѣкъ въ недѣлю: муки ржаной на квасъ 5 ф., муки пшеничной на заправку похлебокъ 2 ф., муки гороховой, овсяной или кукурузной на кисели 10 ф., гороху 10 ф., пшена на кашу или кулешъ 10 ф., картофеля 2 мѣры, свеклы 1 мѣра, капусты кислой $^1/_2$ ведра, масла конопляного $^1/_2$ ф., соли 4 ф., луку 1 ф. Кромѣ того, зимой шло керосина на недѣлю на столовую $1^1/_2$ ф. и дровъ на мѣсяцъ 60 пуд.

При этой выдачѣ выходитъ на каждаго человѣка по 2 ф. въ день овощей, т.-е. картофеля, капусты и свеклы, и по $^1/_2$ ф. мучной пищи, т.-е. пшена, гороха и ржаной муки, что даетъ въ разваренномъ видѣ болѣе 4 фунтовъ въ день на каждаго человѣка.

Столовыя эти особенно интересны тѣмъ, что онѣ наглядно показали ошибочность утвердившагося среди большинства и самихъ крестьянъ убѣжденія о томъ, что ржаной хлѣбъ есть самая сытная, здоровая и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевая пища. Столовыя эти несомнѣнно показали, что горохъ, пшено, кукуруза, картофель, свекла, капуста, овсяный и гороховой кисель составляютъ и болѣе сытную, и здоровую, и дешевую пищу, чѣмъ хлѣбъ. Люди, ходившіе въ безхлѣбныя столовыя, приносили очень маленькіе кусочки хлѣба, иногда приходили даже совсѣмъ безъ хлѣба и провели зиму сыто и здорово, съѣдая въ день на 2 копейки приварка и на 2 или 3 коп. хлѣба, тогда какъ, питаясь однимъ хлѣбомъ, они съѣдали его по крайней мѣрѣ на $7^1/_2$ коп.

Вотъ расписаніе кушаній на недѣлю, составленное однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ. Понедѣльникъ: щи, каша; вторникъ: картофельная похлебка, кисель гороховый, на ужинъ то же; среда: гороховый супъ, картофель вареный, на ужинъ горохъ съ квасомъ; четвергъ: щи, кисель гороховый, на ужинъ то же; пятница: картофельная похлебка, кулешъ пшенный, на ужинъ то же; суббота: щи, картофель вареный, на ужинъ картофель съ квасомъ; воскресенье: гороховый супъ, каша, на ужинъ горохъ съ квасомъ.

Составитель этого списка руководствовался тѣми продуктами, которые имѣлись въ его распоряженіи въ данное время. При свеклѣ же, изъ которой всю зиму варился весьма любимый всѣми

свекольникъ, и при овсяномъ киселѣ расписаніе это еще болѣе можетъ быть разнообразено, не дѣлая пищи болѣе дорогой.

Столовыя наши распредѣляются теперь по мѣстностямъ такъ. (Слѣдуетъ расписаніе столовыхъ по уѣздамъ и деревнямъ.)

Во всѣхъ столовыхъ этихъ 4-хъ уѣздовъ въ настоящее время кормятся 9.093 человѣка.

Таково было одно и главное наше дѣло.

Другое дѣло наше въ послѣдніе зимніе мѣсяцы состояло въ доставленіи дровъ нуждающемуся населенію. Нужда эта съ каждымъ зимнимъ мѣсяцемъ становилась все замѣтнѣе и замѣтнѣе и съ средины зимы, въ особенности когда продовольствіе уже было болѣе или менѣе обезпечено, стала главною. Въ здѣшней мѣстности, гдѣ нѣтъ ни дровъ, ни торфа, о соломѣ же на топку и думать нельзя было, съ половины зимы нужда эта стала очень велика. Очень часто можно было находить не только дѣтей, но и взрослыхъ уже не на печи, а въ печи, топленной наканунѣ и удерживающей еще немного тепла, и во многихъ дворахъ разоряли дворы, риги, сараи, сѣни даже, употребляя на топливо и солому, и рѣшетникъ, и стропила.

Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ намъ дровъ отъ разныхъ лицъ, мы могли, кромѣ того, что понадобилось намъ на столовыя, раздать населенію болѣе 300 саж. дровъ.

Способъ раздачи нашъ былъ такой: болѣе зажиточнымъ крестьянамъ мы продавали дрова по своей цѣнѣ (считая среднюю цѣну за дрова, купленныя въ рощахъ и въ Смоленскѣ, по 5 к. за пудъ); среднимъ крестьянамъ мы давали исполу на станціи Клекотки за 30 верстъ, такъ что они одну половину брали себѣ, а другую привозили намъ; бѣднымъ крестьянамъ, не имѣвшимъ лошадей, мы давали дрова даромъ, но съ тѣмъ, чтобъ они сами привозили ихъ къ себѣ со станціи; самымъ бѣднымъ, безлошаднымъ, мы давали дрова на мѣстѣ, дома, — тѣ самыя дрова, которыя привозили намъ тѣ, которые брали дрова исполу.

Третье дѣло наше было кормленіе крестьянскихъ лошадей. Кромѣ тѣхъ 80 лошадей, которыя съ первозимья были отосланы въ Калужскую губернію, 20 были взяты на прокормленіе кн. Д. Д. О., 10 — купцомъ С. и 40 лошадей поставлены на дворъ г-на Е., гдѣ онѣ кормились двумя вагонами сѣна, пожертвованными П. А. У., и старою соломой, данной владѣльцемъ, и еще купленнымъ кормомъ,

Передъ весной же, съ февраля мѣсяца, были устроены для кормленія крестьянскихъ лошадей на дворахъ два помѣщенія: одно у г-на С., другое у г-на М. въ Ефремовскомъ уѣздѣ. Для корма лошадей было куплено 10.000 пуд. соломы, 2 вагона жмыха и припасено 300 пуд. просяной муки для посыпки. На эти средства прокормлены 276 лошадей въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ.

Четвертое дѣло наше составляла раздача льна и лыкъ для работъ и безплатно нуждающимся въ обуви и холстѣ. Одинъ вагонъ льна на 660 руб. розданъ нуждающимся безвозмездно, а другіе

80 пуд. и 100 пудовъ, пожертвованные, розданы исполу. Полотно, приходящееся на нашу долю, до сихъ поръ не получено, такъ что мы не могли до сихъ поръ еще удовлетворить требованіямъ г-жи NN., приславшей намъ 120 рублей за холстъ, и г-жи К. М., предложившей тоже покупать крестьянскій холстъ для доставленія заработковъ крестьянскимъ женщинамъ:

Лыкъ пожертвовано намъ: одинъ вагонъ П. А. У., 100 пуд. Л. и 1000 пуковъ куплено на 219 руб. Часть этихъ лыкъ продана по дешевой цѣнѣ, часть отдана безвозмездно самымъ нуждающимся, другая часть отдана исполу для плетенья лаптей.

Принесенные лапти частью розданы, частью раздаются. Дѣло это—доставленіе матеріала для заработковъ—менѣе всего удалось намъ. Дѣло это до такой степени мелочное, до такой степени неудобно намъ, стоящимъ по отношенію къ крестьянамъ въ положеніи распредѣлителей пожертвованій, стать въ положеніе работодателей, требующихъ строгаго отчета въ употребленіи матеріала, что дѣло это совершенно не удалось намъ, вызвавъ только неосуществленныя ожиданія, зависть и недобрыя чувства. Самое лучшее было бы, что мы дѣлаемъ и теперь, — продавать эти предметы по самымъ дешевымъ цѣнамъ тѣмъ, которые могутъ купить ихъ, и отдавать даромъ тѣмъ, которые не могутъ купить, — бѣднѣйшимъ.

Пятое дѣло наше, начавшееся въ февралѣ, состояло въ устройствѣ столовыхъ для самыхъ маленькихъ дѣтей, отъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, грудныхъ, и до 3-хлѣтнихъ. Устраивали мы эти столовыя такъ: описавъ всѣ дворы, въ которыхъ есть дѣти этого возраста и нѣтъ молока, мы избирали хозяйку, имѣющую отелившуюся корову, и предлагали ей за вознагражденіе 15 пудовъ дровъ, 4 пуда жмыха въ мѣсяцъ (равняющіеся по цѣнности 3-мъ рублямъ) готовить изъ своего молока кашку на 10 дѣтей (изъ пшена для дѣтей отъ $1^1/_2$ до 3-хъ лѣтъ и изъ гречневыхъ крупъ для грудныхъ). На ребенка отъ $1^1/_2$ до 3-хъ лѣтъ выдается по 2 фунта пшена на недѣлю, а на грудныхъ — по 1 фунту гречневыхъ крупъ.

Въ большихъ селахъ столовыя эти устраиваются такъ: покупается молоко по 40 коп. ведро; выдается пшена дѣтямъ грудным до года 1 фун. въ недѣлю, дѣтямъ отъ 1 года до 3-хъ лѣтъ — 2 фун.; молока дается дѣтямъ меньшаго возраста 1 стаканъ въ день, старшаго—2 стакана. Безкоровные получаютъ молоко и пшено въ видѣ каши; имѣющіе же корову получаютъ кашу, взамѣнъ которой даютъ молоко.

Матери приходятъ иногда однѣ за кашкой и уносятъ ее домой; иногда приносятъ съ собой дѣтей и тутъ же кормятъ ихъ. Обыкновенно при устройствѣ этихъ пріютовъ матери, да и всѣ крестьяне, предлагаютъ вмѣсто столовой у одной хозяйки раздачу на руки пшена и крупъ, утверждая, что молока вездѣ достанутъ у добрыхъ людей. Но мы думаемъ, что для обезпеченія здоровья малыхъ дѣтей необходимо именно такое устройство. Получивъ на руки 5 — 10 фун. пшена и крупъ, каждая крестьянка.

какая бы она ни была хорошая мать, смотритъ на это пшено и крупу какъ на провизію, принадлежащую всему дому, и изведетъ ее, какъ ей вздумается и понадобится или какъ прикажетъ хозяинъ, такъ что очень часто пшено это и крупа не дойдутъ до дѣтей. Если же она каждый день получаетъ порцію готовой молочной каши для своего ребенка, то она непремѣнно ему искормитъ ее.

Пріютовъ этихъ теперь у насъ устроено около 80, и съ каждымъ днемъ устраиваются новые. Пріюты эти, сначала еще вызывавшіе сомнѣнія, теперь совершенно вошли въ привычное явленіе, и почти каждый день приходятъ бабы съ дѣтьми изъ деревень, въ которыхъ еще нѣтъ такихъ пріютовъ, прося устроить ихъ. Пріюты эти стоятъ около 60 копеекъ въ мѣсяцъ на ребенка.

Такъ какъ никакъ нельзя при томъ сложномъ и постоянно измѣняющемся дѣлѣ, которымъ мы заняты, расчесть разъ въ разъ, сколько намъ понадобится денегъ для доведенія всего начатаго нами до новаго урожая, и мы потому не начинаемъ дѣла, котораго не можемъ довести до конца, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, у насъ останутся неистраченныя деньги отъ приходящихъ вновь пожертвованій и отъ денегъ, затраченныхъ заимообразно и имѣющихъ возвратиться осенью. Самое лучшее помѣщеніе этихъ оставшихся денегъ, я думаю, было бы продолженіе такихъ пріютовъ для маленькихъ дѣтей и на слѣдующій годъ. Если же, какъ я увѣренъ, найдутся на это дѣло и деньги и люди, то отчего бы не продолжать его всегда? Устройство такихъ пріютовъ вездѣ, я полагаю, могло бы въ большей степени уменьшить процентъ дѣтской смертности. Таково было наше пятое дѣло.

Шестое дѣло, которое теперь начинается и которое, вѣроятно, такъ или иначе будетъ окончено, когда этотъ отчетъ появится въ печати, состоитъ въ выдачѣ нуждающимся крестьянамъ на посѣвъ сѣмянъ овса, картофеля, конопли, проса. Выдача сѣмянъ этихъ особенно нужна въ нашей мѣстности, потому что, сверхъ посѣва ярового поля, неожиданно понадобилось пересѣвать значительную часть — около одной трети — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пропавшей ржи. Сѣмена эти раздаются нами самымъ нуждающимся крестьянамъ, — тѣмъ, у которыхъ земля неизбѣжно останется незасѣянной, если имъ не дадутъ сѣмянъ, но выдаются они нами не даромъ, а подъ условіемъ возврата зерномъ съ новаго урожая, независимо отъ теперешней цѣны и той, которая будетъ стоять тогда на эти предметы. Деньги, вырученныя за эти предметы, могутъ пойти на устройство пріютовъ младенцевъ на будущую зиму.

Покупка лошадей и раздача ихъ составляетъ седьмое дѣло. Кромѣ того огромнаго процента безлошадныхъ, всегда не имѣющихъ лошадей, доходящаго во многихъ селахъ до трети, въ нынѣшнемъ году есть крестьяне, проѣвшіе лошадей и теперь неизбѣжно долженствующіе впасть въ полную нищету или кабалу, если они не пріобрѣтутъ лошади. Такимъ крестьянамъ мы покупаемъ лошадей. Съ весны купили такихъ 16 и необходимо еще купить около 100 лошадей въ занятыхъ нашими столовыми мѣстахъ. По-

купаемъ мы этихъ лошадей въ цѣнѣ около 25 руб. за лошадь на такихъ условіяхъ: получающій лошадь обязуется за это обработать два душевыхъ надѣла бѣднѣйшимъ безлошаднымъ крестьянамъ, вдовамъ и сиротамъ.

Восьмое дѣло наше было продажа ржи, муки и печенаго хлѣба по дешевымъ цѣнамъ. Дѣло это—продажа печенаго хлѣба—продолжавшееся въ малыхъ размѣрахъ зимой, теперь, съ наступленіемъ весны, увеличивается. Мы устроили и устраиваемъ пекарни для продажи дешеваго, по 60 коп. за пудъ, хлѣба.

Кромѣ этихъ опредѣленныхъ отдѣловъ, на которые употреблялись и употребляются пожертвованныя деньги, небольшія суммы употреблены нами прямою выдачей нуждающимся на неотлагаемыя нужды: похороны, уплату долговъ, на поддержаніе маленькихъ школъ, покупку книгъ, постройки и т. п.; такихъ расходовъ было очень мало, какъ это можно видѣть изъ денежнаго отчета.

Таковы въ общихъ чертахъ были наши дѣла за прошедшіе 6 мѣсяцевъ. Главнымъ дѣломъ нашимъ за это время было кормленіе нуждающихся посредствомъ столовыхъ. Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ эта форма помощи, несмотря на злоупотребленія, встрѣчающіяся при этомъ, въ самомъ главномъ, въ томъ, что она обезпечивала все бѣднѣйшее и слабѣйшее населеніе—дѣтей, стариковъ, больныхъ, выздоравливающихъ — отъ голоданія и дурной пищи, вполнѣ достигала своей цѣли. Но съ наступленіемъ весны представляются нѣкоторыя соображенія, требующія измѣненія существующаго порядка устройства и веденія столовыхъ.

Съ наступленіемъ весны представляется, во-первыхъ, то новое условіе, что многіе, ходящіе въ столовыя, будутъ на работахъ или за лошадьми и имъ нельзя будетъ посѣщать столовыхъ во время обѣдовъ и ужиновъ; во-вторыхъ, что лѣтомъ при усиленной топкѣ въ столовыхъ легко могутъ быть пожары. Какъ вслѣдствіе этого видоизмѣнится наша дѣятельность, мы въ свое время сообщимъ, если будетъ къ этому возможность.

При этомъ прилагаемъ краткій общій отчетъ о полученныхъ нами пожертвованіяхъ и объ употребленіи ихъ. Подробный отчетъ, если будетъ время, мы составимъ и напечатаемъ послѣ.

II.

Отчетъ гр. Л. Н. Толстого объ употребленіи пожертвованныхъ денегъ съ 12-го апрѣля по 20-е іюля 1892 года.

Дѣло наше въ продолженіе лѣта состояло въ слѣдующемъ. 1) въ поддержаніи прежде бывшихъ и устройствѣ новыхъ столовыхъ; 2) въ устройствѣ пріютовъ для грудныхъ и двухлѣтнихъ дѣтей; 3) въ выдачѣ сѣмянъ для ярового посѣва; 4) въ покупкѣ лошадей, и 5) въ устройствѣ пекаренъ и продажѣ печенаго хлѣба. Первое дѣло наше—столовыя—продолжалось съ 12-го апрѣля по 20-е іюля почти въ томъ же видѣ, какъ и въ предшествующіе мѣсяцы, съ тою только разницей, что, опасаясь пожаровъ отъ

жаркой топки, мы прекратили печенье хлѣба въ столовыхъ. Тамъ, гдѣ мы могли это сдѣлать, мы выдавали печеный хлѣбъ, а гдѣ нельзя было приготовить достаточное количество хлѣба, выдавали муку на руки. Во многихъ деревняхъ нѣкоторые изъ нашихъ сотрудниковъ предложили и приварокъ выдавать на руки. Перемѣна эта въ первое время принята была съ радостью, но очень скоро въ большей части деревень сами крестьяне пожелали вернуться къ старому порядку. Нужда въ столовыхъ чувствовалась лѣтомъ при длинномъ днѣ и напряженной работѣ больше, чѣмъ зимой. Очень часто во многихъ деревняхъ женщины просили, чтобы вмѣсто того обѣда, на который онѣ имѣли право, вечеромъ принимали бы на ужинъ ихъ мужей или отцовъ, приходившихъ поздно съ работы.

Число столовыхъ въ это время значительно увеличилось.

Всѣхъ столовыхъ было 246 и кормилось въ нихъ разновременно, то больше, то меньше, между 10-ю и 13-ю тысячами человѣкъ.

Второе дѣло—устройство пріютовъ (такъ неправильно назывались у насъ кухни для варенья кашки молочной дѣтямъ) — продолжалось на прежнихъ основаніяхъ и очень распространилось. Для нѣкоторыхъ пріютовъ въ деревняхъ, гдѣ было мало коровъ (а въ нашемъ округѣ были деревни, въ которыхъ 60% дворовъ было безкоровныхъ), мы покупали коровъ съ уговоромъ, чтобы тѣ, которые получали коровъ, за это давали молоко на приписанныхъ къ нимъ дѣтей. Для нѣкоторыхъ же, гдѣ это было можно, покупали молоко.

Кормилось всѣхъ дѣтей въ 124-хъ пріютахъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ.

Третье дѣло, состоящее въ раздачѣ яровыхъ сѣмянъ — овса, картофеля, проса, конопли, мы дѣлали такъ. Пріѣхавъ въ ту деревню, изъ которой были просители, мы приглашали 3—4-хъ зажиточныхъ и ненуждающихся въ помощи домохозяевъ и прочитывали имъ по списку имена лицъ, нуждающихся въ сѣменахъ, и по указаніямъ этихъ добросовѣстныхъ назначали количество, нужное каждому просителю: иногда уменьшали, иногда увеличивали его, иногда совсѣмъ вычеркивали нѣкоторыхъ и на мѣсто ихъ вписывали другихъ, не обозначенныхъ въ спискѣ.

Четвертое дѣло — раздача лошадей тѣмъ, у которыхъ было заведенное хозяйство, но или была проѣдена лошадь, или истратилась какимъ-либо несчастнымъ случаемъ — было особенно затруднительно тѣмъ, что помощь на одно лицо была слишкомъ большая и потому вызывала зависть, пререканія и неудовольствіе тѣхъ, которымъ мы должны были отказывать. Назначали мы эту помощь, такъ же какъ и помощь сѣменами, по указанію добросовѣстныхъ той деревни, изъ которой были просители.

На этихъ двухъ дѣлахъ мы съ особенною ясностью увидали рѣзкое различіе между дѣятельностью, имѣющею цѣлью накормить голоднаго, достигавшеюся столовыми, и дѣятельностью, имѣющею цѣлью помощь крестьянскому хозяйству, въ которую

мы были вовлечены раздачей овса, проса, конопли, картофеля и лошадей.

Задавшись цѣлью избавить въ извѣстной мѣстности людей отъ опасности зачахнуть, заболѣть и погибнуть отъ недостатка пищи, мы, устроивъ въ этой мѣстности столовыя, вполнѣ достигали этой цѣли. Если и могли при этомъ быть злоупотребленія, т.-е. что были люди, могущіе прокормиться дома, которые питались въ столовыхъ, то злоупотребленія эти ограничивались съѣденною пищей, цѣнностью отъ 2-хъ до 5 копеекъ въ день. Но, задавшись цѣлью помочь крестьянскому хозяйству, мы сразу встрѣчались, во-первыхъ, съ непреодолимою трудностью опредѣленія, кому и сколько и чѣмъ помочь; во-вторыхъ, съ громадностью нужды, на покрытіе которой не хватило бы во сто разъ бо̀льшихъ средствъ, чѣмъ тѣ, которыми мы располагали, и, въ-третьихъ, съ возможностью самыхъ большихъ злоупотребленій, сопутствующихъ всегда даровой или даже заимообразной раздачѣ.

Оба эти дѣла, несмотря на большія усилія, положенныя нами на исполненіе ихъ, не оставили въ насъ сознанія того, что мы принесли этимъ настоящую пользу крестьянамъ нашей мѣстности.

Пятое дѣло было хлѣбопеченіе и продажа хлѣба по дешевой цѣнѣ. Сначала мы продавали хлѣбъ по 80 к., потомъ по 60 к. за пудъ и такъ продолжаемъ до сихъ поръ.

Дѣло это шло и идетъ очень хорошо. Народъ очень дорожитъ возможностью имѣть всегда подъ рукой дешевый хлѣбъ. Часто, и въ особенности лѣтомъ, приходили люди за 10 и болѣе верстъ и, не поспѣвая къ первому выходу изъ печки, который уже весь былъ разобранъ, записывались, какъ въ городахъ на ложи театра, на 10 фунтовъ изъ слѣдующей печки и по полдня дожидались своей порціи.

Въ концѣ іюля мы намѣревались сдѣлать перерывъ столовыхъ, продолжая только хлѣбопеченіе и дѣтскіе пріюты, нужные всегда и на которые мы положили истратить оставшіяся въ нашемъ распоряженіи деньги. Но перерыва этого намъ не удалось сдѣлать, потому что вслѣдствіе прекращенія дѣятельности «Краснаго Креста» необходимо было устроить тотчасъ же столовыя для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были на попеченіи «Краснаго Креста» и съ 20 іюля остались безъ призрѣнія. Съ 1 августа нами устроены 70 столовыхъ для самыхъ нуждающихся краснокрестниковъ, къ которымъ очень скоро присоединились и самые бѣдные изъ земельныхъ крестьянъ. Число ихъ постоянно прибавляется.

Урожай въ нынѣшнемъ году въ мѣстности нашей дѣятельности такой: въ кругѣ съ діаметромъ около 50 верстъ, въ центрѣ котораго мы находимся, урожай ржи хуже прошлогодняго. Во многихъ деревняхъ по Дону: Никитское, Мясновка, Пашково, въ которыхъ я былъ въ первыхъ числахъ сентября, ржи уже не было ничего. Что было, то посѣяно и съѣдено. Овса не родилось совсѣмъ, рѣдко у кого достанетъ на сѣмена. Есть овсяныя поля, которыхъ вовсе не косили. Картофель и просо хороши, и то не у всѣхъ. Кромѣ того, просо сѣютъ не всѣ.

На вопросъ объ экономическомъ положеніи народа въ нынѣшнемъ году я не могъ бы съ точностью отвѣтить. Не могъ бы отвѣтить потому, во-первыхъ, что мы всѣ, занимавшіеся въ прошломъ году кормленіемъ народа, находимся въ положеніи доктора, который, бывъ призванъ къ человѣку, вывихнувшему ногу, увидалъ бы, что этотъ человѣкъ весь больной. Что отвѣтитъ докторъ, когда у него спросятъ о состояніи больного? «О чемъ хотите вы узнать? — переспроситъ докторъ. — Спрашиваете вы про ногу или про все состояніе больного? Нога ничего, нога... простой вывихъ, случайность, но общее состояніе нехорошо».

Но и кромѣ того я не могъ бы отвѣтить на вопросъ о томъ, каково положеніе народа: тяжело, очень тяжело или ничего? потому, что мы всѣ, близко жившіе съ народомъ, слишкомъ приглядѣлись къ его понемножку все ухудшавшемуся и ухудшавшемуся состоянію.

Если бы кто-нибудь изъ городскихъ жителей пришелъ въ сильные морозы зимой въ избу, топленную слегка только наканунѣ, и увидалъ обитателей избы, вылѣзающихъ не съ печки, а изъ печки, въ которой они, чередуясь, проводятъ дни, такъ какъ это единственное средство согрѣться, или то, что люди сжигаютъ крыши дворовъ и сѣни на топливо, питаются однимъ хлѣбомъ, испеченнымъ изъ равныхъ частей муки и послѣдняго сорта отрубей, и что взрослые люди спорятъ и ссорятся о томъ, что отрѣзанный кусокъ хлѣба не доходитъ до опредѣленнаго вѣса на осьмушку фунта, или то, что люди не выходятъ изъ избы, потому что имъ не во что одѣться и обуться,—то они были бы поражены видѣннымъ. Мы же смотримъ на такія явленія, какъ на самыя обыкновенныя. И потому на вопросъ о томъ, въ какомъ положеніи народъ нашей мѣстности, отвѣтитъ скорѣе тотъ, кто пріѣдетъ въ наши мѣста въ первый разъ, а не мы. Мы притерпѣлись и уже ничего не видимъ.

Нѣкоторое понятіе о состояніи народа въ нашей мѣстности можно составить себѣ по слѣдующимъ статистическимъ даннымъ, извлеченнымъ изъ «Тульскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Въ урожайные годы въ 4-хъ уѣздахъ: Богородицкомъ, Епифанскомъ, Ефремовскомъ, Новосильскомъ, въ среднемъ, съ 1886 по 1890 г. умирало въ 5 мѣсяцевъ, отъ февраля до іюня включительно, 9.761 человѣкъ и рождалось 12.069 человѣкъ Въ неурожайномъ же 1892 г. въ тѣхъ же уѣздахъ въ тѣ же 5 мѣсяцевъ умерло 14.309 человѣкъ, а родилось 11.383 человѣка. Въ обыкновенные годы рождаемость превышала смертность въ среднемъ на 2.308 человѣкъ, въ нынѣшнемъ же неурожайномъ году смертность превысила рождаемость на 2.926. Такъ что послѣдствіемъ неурожая въ въ этихъ 4-хъ уѣздахъ было уменьшеніе населенія противъ обыкновенныхъ годовъ на 5.234 человѣка. По сравненію же съ другими урожайными уѣздами выходитъ слѣдующее. Въ четырехъ урожайныхъ уѣздахъ: Тульскомъ, Каширскомъ, Одоевскомъ, Бѣлевскомъ, въ 1892 г., въ продолженіе тѣхъ же 5 мѣсяцевъ, родилось 8.268 человѣкъ, умерло же 6.468. Въ неурожайныхъ же уѣздахъ

родилось 11.383 человѣка и умерло 14.309, такъ что, тогда какъ въ урожайныхъ уѣздахъ рождаемость относится къ смертности приблизительно какъ 4 къ 3, въ неурожайныхъ уѣздахъ смертность относится къ рождаемости приблизительно какъ 7 къ 5, т.-е, что, тогда какъ въ урожайныхъ уѣздахъ на каждыя 4 рожденія было 3 смерти, въ неурожайныхъ уѣздахъ было на 7 смертей только 5 рожденій.

Въ процентномъ же отношеніи положеніе неурожайныхъ мѣстностей особенно ярко выражается смертностью въ іюнѣ мѣсяцѣ. Въ Епифанскомъ уѣздѣ умерло въ 1892 г. на 60%, въ Богородицкомъ на 112% и въ Ефремовскомъ на 116% болѣе, чѣмъ въ обыкновенные годы.

Таковы были послѣдствія неурожая прошлаго года, несмотря на усиленную помощь отъ правительства, «Краснаго Креста» и частной благотворительности. Что же будетъ въ нынѣшнемъ году въ нашей мѣстности, гдѣ рожь родилась хуже прошлаго года, овса совсѣмъ не родилось, топлива совсѣмъ нѣтъ, и послѣдніе запасы силъ населенія вытянуты прошлымъ годомъ?

Такъ что же? Неужели опять голодающіе? Голодающіе! Столовые! Столовыя. Голодающіе. Вѣдь это ужъ старо и такъ страшно надоѣло.

Надоѣло вамъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, а здѣсь, когда они съ утра до вечера стоятъ подъ окнами или въ дверяхъ и нельзя по улицѣ пройти, чтобы не слышать все однѣхъ и тѣхъ же фразъ: «Два дня не ѣли, послѣднюю овцу проѣли. Что дѣлать будемъ? Послѣдній конецъ пришелъ. Помирать, значитъ?» и т. д., — здѣсь, какъ ни стыдно въ этомъ признаться, это уже такъ наскучило, что какъ на враговъ своихъ смотришь на нихъ.

Встаю очень рано; ясное морозное утро съ краснымъ восходомъ; снѣгъ скрипитъ на ступеняхъ; выхожу на дворъ, надѣясь, что никого еще нѣтъ, что я успѣю пройтись. Но нѣтъ; только отворилъ дверь, уже двое стоятъ: одинъ высокій, широкій мужикъ въ короткомъ оборванномъ полушубкѣ, въ разбитыхъ лаптяхъ, съ истощеннымъ лицомъ, съ сумкой черезъ плечо (всѣ они съ истощенными лицами, такъ что эти лица стали спеціально мужицкія лица). Съ нимъ мальчикъ лѣтъ 14-ти, безъ шубы, въ оборванномъ зипунишкѣ, тоже въ лаптяхъ и тоже съ сумой и палкой. Хочу пройти мимо; начинаются поклоны и обычныя рѣчи. Нечего дѣлать, возвращаюсь въ сѣни. Они входятъ за мной. «Что ты?»— «Къ вашей милости».—«Что?»—«Къ вашей милости».—«Что нужно?»—«Насчетъ пособія».—«Какого пособія?»—«Да насчетъ своей жизни». — «Да что нужно?» — «Съ голоду помираемъ. Помогите сколько-нибудь». — «Откуда?»—«Изъ Затворнаго». Знаю, это скопинская нищенская деревня, въ которой еще мы не успѣли открыть столовой. Оттуда десятками ходятъ нищіе, и я тотчасъ же въ своемъ представленіи причисляю этого человѣка къ нищимъ профессіональнымъ и мнѣ досадно на него и досадно, что и дѣтей они водятъ съ собой и развращаютъ. «Чего же ты просишь?»— «Да какъ-нибудь обдумай насъ». — «Да какъ же я обдумаю? Мы

здѣсь не можемъ ничего сдѣлать. Вотъ мы пріѣдемъ». Но онъ не слушаетъ меня. И начинаются опять сотни разъ слышанныя однѣ и тѣ же, кажущіяся мнѣ притворными, рѣчи: «Ничего не родилось, семья 8 душъ, работникъ я одинъ, старуха померла, лѣтось корову проѣли, на Рождество послѣдняя лошадь околѣла; ужъ я куда ни шло — ребята ѣсть просятъ, отойти некуда, три дня не ѣли!» Все это обычное одно и то же. Жду, скоро ли кончитъ. Но онъ все говоритъ: «Думалъ, какъ-нибудь пробьюсь. Да выбился изъ силъ. Вѣкъ не побирался, да вотъ Богъ привелъ!» — «Ну, хорошо, хорошо, мы пріѣдемъ, тогда увидимъ», говорю я и хочу пройти, и взглядываю нечаянно на мальчика. Мальчикъ смотритъ на меня жалостными, полными слезъ и надежды, прелестными карими глазами, и одна свѣтлая капля слезы уже виситъ на носу и въ это самое мгновеніе отрывается и падаетъ на натоптанный снѣгомъ дощатый полъ. И милое измученное лицо мальчика съ его вьющимися вѣнчикомъ кругомъ головы русыми волосами дергается все отъ сдерживаемыхъ рыданій. Для меня слова отца — старая, избитая канитель. А ему—это повтореніе той ужасной годины, которую онъ переживалъ вмѣстѣ съ отцомъ, и повтореніе всего этого въ торжественную минуту, когда они, наконецъ, добрались до меня, до помощи, умиляетъ его, потрясаетъ его разслабленные отъ голода нервы. А мнѣ все это надоѣло, надоѣло; я думаю только, какъ бы поскорѣе пройти погулять.

Мнѣ старо, а ему это ужасно ново.

Да, намъ надоѣло. А имъ все такъ же хочется ѣсть, такъ же хочется жить, такъ же хочется счастья, хочется любви, какъ — я видѣлъ по его прелестнымъ, устремленнымъ на меня полнымъ слезъ глазамъ—хочется этому измученному нуждой и полному наивной жалости къ себѣ доброму жалкому мальчику.

11 сентября 1892 г.
Бѣгичевка.

НЕНАПЕЧАТАННОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ КЪ ПОСЛѢДНЕМУ ОТЧЕТУ Л. Н. ТОЛСТОГО О ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМЪ.

Двухлѣтнее занятіе наше распредѣленіемъ между нуждающимся населеніемъ шедшихъ черезъ наши руки пожертвованій больше, чѣмъ что-либо другое, подтвердило наше давнишнее убѣжденіе въ томъ, что главная доля той нужды, лишеній и соединенныхъ съ ними страданій и горя, которымъ мы почти тщетно старались внѣшнимъ образомъ противодѣйствовать въ одномъ маленькомъ уголкѣ Россіи, произошла не отъ какихъ-либо исключительныхъ, временныхъ, независящихъ отъ насъ, а отъ самыхъ общихъ, постоянныхъ и вполнѣ зависящихъ отъ насъ причинъ, заключающихся только въ антихристіанскомъ, не братскомъ отношеніи насъ, людей образованныхъ, къ бѣднымъ, чернорабочимъ, несущимъ всегда ту нужду и лишенія и связанныя съ ними страданія и горести, которыя только были болѣе, чѣмъ обыкновенно, замѣчены нами въ эти послѣдніе два года. Если мы въ нынѣшнемъ году можемъ не услыхать про нужды, холодъ и голодъ, вымираніе замученныхъ работой взрослыхъ и недоѣдающихъ старыхъ и малыхъ сотенъ тысячъ людей, то это произойдетъ не оттого, что этого не будетъ, но оттого, что мы не будемъ видѣть этого, будемъ забывать про это, будемъ увѣрять себя, что этого нѣтъ, а если и есть, то это такъ и должно быть и не можетъ быть иначе.

Но это неправда: этого не только можетъ не быть, но этого не должно быть и этого не будетъ, и скоро не будетъ.

Какъ ни кажется намъ хорошо спрятанной наша вина передъ рабочимъ народомъ, какъ ни искусны, давнишни и общепріяты тѣ отговорки, которыми мы оправдываемъ свою роскошную жизнь среди замученнаго работой и недоѣдающаго и служащаго этой нашей роскоши рабочаго народа,—свѣтъ все болѣе и болѣе проникаетъ эти наши отношенія къ народу, и мы уже скоро окажемся въ томъ постыдномъ и опасномъ положеніи, въ которомъ находится преступникъ, когда неожиданный имъ разсвѣтъ застаетъ его на мѣстѣ преступленія. Вѣдь если можно было прежде говорить купцу, сбывавшему рабочему народу ненужный, а часто вредный и негодный товаръ, стараясь взять какъ можно больше, или даже хорошій и нужный рабочему хлѣбъ, но купленный по дешевымъ и продаваемый по дорогимъ цѣнамъ, что онъ честной торговлей служитъ

нуждамъ народа; или фабриканту ситцевъ, зеркалъ, папиросъ, или заводчику спирта или пива — говорить, что онъ кормитъ народъ, давая ему заработокъ; или чиновнику, получающему тысячу жалованья, собираемаго изъ послѣднихъ грошей народа, увѣрять себя, что онъ служитъ для блага этого народа; или — что въ эти послѣдніе годы было особенно очевидно въ мѣстахъ, постигнутыхъ голодомъ,— если можно было прежде землевладѣльцу за безцѣнокъ, меньше, чѣмъ за хлѣбъ, обрабатывающему свою землю голодными крестьянами или отдающему эту землю тѣмъ же крестьянамъ за доведенную до послѣдней высоты цѣну, говорить, что онъ, вводя усовершенствованное земледѣліе, содѣйствуетъ благоденствію сельскаго населенія, — то теперь, когда народъ умираетъ съ голода отъ недостатка земли среди огромныхъ полей помѣщиковъ, засаженныхъ картофелемъ, продаваемымъ на спиртъ или для крахмала, уже нельзя говорить этого. Нельзя уже теперь среди этого вырождающагося отъ недостатка пищи и излишка работы, со всѣхъ сторонъ окружающаго насъ народа не видѣть того, что всякое поглощеніе нами произведеній работы народа, съ одной стороны, лишаетъ его того, что ему необходимо для его питанія, съ другой—увеличиваетъ его, и такъ уже доведенную до послѣдней степени, напряженность работы. Не говоря уже о безумной роскоши парковъ, цвѣтниковъ, охотъ, — всякая поглощенная рюмка водки, всякій кусокъ сахару, масла, мяса есть, съ одной стороны, столько-то отнятой пищи отъ народа и столько-то прибавленнаго ему труда.

Мы, русскіе, находимся въ этомъ отношеніи въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ для того, чтобы ясно видѣть наше положеніе.

Помню, какъ разъ, гораздо прежде голодныхъ лѣтъ, посѣтившій меня въ деревнѣ молодой, нравственно чуткій пражскій ученый, выйдя зимой изъ избы сравнительно зажиточнаго мужика, въ которую мы входили и въ которой, какъ и вездѣ, была замученная работою, преждевременно состарившаяся женщина въ лохмотьяхъ, накричавшій себѣ грыжу больной ребенокъ и, какъ всегда къ веснѣ, привязанный теленокъ и объягнившаяся овца, и грязь, и сырость, зараженный воздухъ, и унылый, придавленный жизнью хозяинъ,—помню, какъ, выйдя оттуда, мой молодой знакомый началъ мнѣ говорить что-то, и вдругъ голосъ его оборвался, и онъ заплакалъ. Онъ въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ онъ, проходя по асфальтовымъ тротуарамъ мимо роскошныхъ магазиновъ изъ одного богатаго дома въ другой, изъ одного роскошнаго музея и библіотеки, дворцовъ въ другія такія же великолѣпныя зданія,— въ первый разъ увидалъ тѣхъ людей, на трудѣ которыхъ стоитъ вся эта роскошь, и его ужаснуло и поразило это. Ему въ своей богатой и грамотной Чехіи, какъ всякому европейцу, въ особенности шведу, швейцарцу, бельгійцу, можно думать, хотя онъ и будетъ неправъ, что тамъ, гдѣ есть относительная свобода, гдѣ распространено образованіе, гдѣ каждому дана возможность вступить въ ряды образованныхъ,—что роскошь есть только законная награда труда

и не губитъ чужія жизни. Можно забыть какъ-нибудь про тѣ поколѣнія людей въ копяхъ того угля, на которомъ сдѣлана большая часть предметовъ его роскоши, можно забыть, не видя ихъ, тѣхъ другой породы людей, которые въ колоніяхъ вымираютъ, работая на наши прихоти; но намъ, русскимъ, никакъ нельзя думать такъ: связь нашей роскоши съ страданіями и лишеніями людей одной породы съ нами, народа, слишкомъ очевидна. Мы не можемъ не видѣть той цѣны прямо человѣческой жизни, которою покупаются у насъ наши удобства и роскошь.

Для насъ солнце уже взошло, и скрывать очевидное уже нельзя. Нельзя уже прятаться за правительство, за необходимость управлять народомъ, за науки, искусства, необходимыя будто бы для народа, за священныя права собственности, за необходимость поддерживать преданія и т. п. Солнце взошло, и всѣ эти прозрачные покровы ничего уже ни отъ кого не скрываютъ. Всѣ видятъ и знаютъ, что люди, которые служатъ правительству, дѣлаютъ это не для блага народа, который не проситъ ихъ объ этомъ, а только потому, что имъ нужно жалованье; и что люди, занимающіеся науками и искусствами, занимаются ими не для просвѣщенія народа, а для гонорара и пенсіи; и люди, удерживающіе отъ народа землю и возвышающіе на нее цѣны, дѣлаютъ это не для поддержанія какихъ-либо священныхъ правъ, а для увеличенія своего дохода, нужнаго имъ для удовлетворенія своихъ прихотей. Скрываться и лгать уже нельзя.

Передъ правящими, богатыми, нерабочими классами только два выхода: одинъ — отречься не только отъ христіанства въ его истинномъ значеніи, но отъ всякаго подобія его, — отречься отъ человѣчности, отъ справедливости и сказать: я владѣю этими выгодами и преимуществами и во что бы то ни стало удержу ихъ. Кто хочетъ ихъ отнять у меня, тотъ будетъ имѣть дѣло со мной. У меня сила въ моихъ рукахъ: солдаты, висѣлицы, тюрьмы, кнуты и казни.

Другой выходъ — въ томъ, чтобы признать свою неправду, перестать лгать, покаяться и не на словахъ, не грошами, тѣми самыми, которые съ страданіями и болью отняты у народа, придти на помощь къ нему, какъ это дѣлалось эти два послѣдніе года, а въ томъ, чтобы сломать ту искусственную преграду которая стоитъ между нами и рабочими людьми, не на словахъ, а на дѣлѣ признать ихъ своими братьями и для этого измѣнить свою жизнь, отказаться отъ тѣхъ выгодъ и преимуществъ, которыя мы имѣемъ, а, отказавшись отъ нихъ, встать въ равныя условія съ народомъ и съ нимъ уже вмѣстѣ достигнуть тѣхъ благъ управленія, науки, цивилизаціи, которыя мы теперь извнѣ, и не спрашиваясь его воли, будто бы хотимъ передать ему.

Мы стоимъ на распутьи, и выборъ неизбѣженъ.

Первый выходъ означаетъ обреченіе себя на постоянную ложь, на постоянный страхъ того, что ложь эта будетъ открыта, и все-таки сознаніе того, что неминуемо, рано или поздно, мы лишимся того положенія, котораго мы такъ упорно держимся.

Второй выходъ означаетъ добровольное признаніе и проведеніе въ жизнь того, что мы сами исповѣдуемъ, чего требуютъ наше сердце и нашъ разумъ и что̀ рано или поздно если не нами, то другими будетъ исполнено, потому что только въ этомъ отреченіи властвующихъ отъ своей власти — единственный возможный выходъ изъ тѣхъ мукъ, которыми болѣетъ наше лжехристіанское человѣчество. Выходъ только въ отреченіи отъ ложнаго и въ признаніи истиннаго христіанства.

28 октября 1893 г.

ГОЛОДЪ ИЛИ НЕ ГОЛОДЪ?

Нынѣшнею зимой я получилъ письмо отъ г-жи Соколовой съ описаніемъ нужды крестьянъ Воронежской губерніи и передалъ это письмо со своей замѣткой въ «Русскія Вѣдомости», и съ тѣхъ поръ нѣкоторыя лица стали обращать ко мнѣ свои пожертвованія для помощи нуждающимся крестьянамъ.

Небольшія пожертвованія эти я направилъ отчасти моему хорошему знакомому въ Землянскій уѣздъ,—200 рублей; ежемѣсячныя же пожертвованія смоленскихъ врачей и еще небольшія пожертвованія я переслалъ въ Чернскій уѣздъ, Тульской губерніи, моему сыну и его женѣ для распредѣленія помощи въ ихъ мѣстности. Но въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я получилъ новыя и довольно значительныя пожертвованія: г-жа Мевіусъ прислала 400 руб., по мелочи собралось рублей 300, С. Т. Морозовъ далъ 1000 рублей, такъ что собралось около двухъ тысячъ, и, считая себя не въ правѣ отказаться отъ посредничества между жертвователями и нуждающимися, я рѣшилъ поѣхать на мѣсто для того, чтобы наилучшимъ образомъ распредѣлить эту помощь.

Какъ и въ 1891 году, я считалъ, что *наилучшая форма помощи*—это *столовыя*, потому что только при устройствѣ столовыхъ можно *обезпечить хорошей ежедневной пищей стариковъ, старухъ, больныхъ и дѣтей* бѣдныхъ, въ чемъ, я полагаю, и состоитъ желаніе жертвователей.

При выдачѣ провіанта на руки цѣль эта не достигается, потому что всякій хорошій хозяинъ, получивъ муку, всегда прежде всего замѣситъ ее лошади, на которой ему нужно пахать, и, поступивъ такъ, поступитъ совершенно правильно, потому что пахать ему нужно для прокормленія своей семьи не только въ нынѣшнемъ, но и въ будущемъ году; слабые же члены семьи будутъ недоѣдать въ нынѣшнемъ году, какъ и до выдачи, такъ что цѣль жертвователей не будетъ достигнута.

Кромѣ того, только въ формѣ столовыхъ для слабыхъ членовъ семей есть какой-нибудь предѣлъ, на которомъ можно остановиться. При выдачѣ на руки помощь идетъ на хозяйство, а для того, чтобы удовлетворить требованіямъ разореннаго крестьянскаго хозяйства, никакъ нельзя рѣшить, что крайне и что не крайне нужно: крайне нужны и лошадь, и корова, и выкупъ заложенной шубы, и подати, и сѣмена, и постройка. Такъ что при выдачѣ помощи на руки приходится выдавать или по произволу наобумъ или всѣмъ поровну безъ различія. Поэтому я

рѣшилъ распредѣлять помощь, какъ и въ 1891 — 92 годахъ, въ формѣ столовыхъ.

Для опредѣленія же наиболѣе нуждающихся семей и числа лицъ изъ каждой изъ нихъ, которыя должны быть допускаемы въ столовыя, я руководствовался, какъ и прежде, слѣдующими соображеніями: 1) количествомъ скота, 2) числомъ надѣловъ, 3) числомъ членовъ семьи, находящихся въ заработкахъ, 4) количествомъ ѣдоковъ и 5) исключительными несчастными случаями, постигшими семью: пожаромъ, болѣзнями членовъ семьи, смертью лошади и т. п.

Первая деревня, въ которую я пріѣхалъ, было знакомое мнѣ Спасское, принадлежащее И. С. Тургеневу. Разспросивъ старосту и стариковъ о положеніи крестьянъ этой деревни, я убѣдился, что оно далеко не такъ дурно, какъ было дурно положеніе тѣхъ крестьянъ, среди которыхъ мы устраивали столовыя въ 1891 г. У всѣхъ дворовъ были лошади, коровы, овцы, былъ картофель и не было разоренныхъ домовъ; такъ что, судя по положенію спасскихъ крестьянъ, я подумалъ, что не преувеличены ли толки о нуждѣ нынѣшняго года. Но посѣщеніе слѣдующей за Спасскимъ Малой Губаревки и другихъ деревень, на которыя мнѣ указали, какъ на очень бѣдныя, убѣдило меня въ томъ, что Спасское находится въ исключительно счастливыхъ условіяхъ—и по хорошему надѣлу, и по случайно хорошему урожаю прошлаго года. Такъ, въ первой деревнѣ, въ которую я пріѣхалъ, Малой Губаревкѣ, на 10 дворовъ было 4 коровы и 2 лошади, 2 семейства побирались, и нищета всѣхъ жителей была страшная. Таково же почти, хотя и нѣсколько лучше, положеніе деревень: Большой Губаревки, Мацнева, Протасова, Чапкина, Кукуевки, Гущина, Хмелинокъ, Шаламова, Лапашина, Сидорова, Михайлова, Брода, Бобрика, двухъ Каменокъ. Во всѣхъ этихъ деревняхъ хотя и нѣтъ подмѣси къ хлѣбу, какъ это было въ 1891 г., но хлѣба, хотя и чистаго, даютъ не вволю. Приварка—пшена, капусты, картофеля—даже у большинства нѣтъ никакого. Пища состоитъ изъ травяныхъ щей изъ травы, забѣленныхъ, если есть корова, и не забѣленныхъ, если ея нѣтъ, и только хлѣба. Во всѣхъ этихъ деревняхъ у большинства продано и заложено все, что можно продать и заложить. Такъ что крайней нужды въ окружающей насъ мѣстности—районѣ 7—8 верстъ—такъ много, что, устроивъ 14 столовыхъ, мы каждый день получаемъ просьбы о помощи новыхъ деревень, находящихся въ такомъ же положеніи.

Тамъ же, гдѣ устроены столовыя, онѣ идутъ хорошо, обходятся около 1 руб. 50 коп. на человѣка въ мѣсяцъ и, какъ кажется, удовлетворяютъ поставленной нами себѣ цѣли: поддержать жизнь и здоровье слабыхъ членовъ самыхъ бѣдныхъ семействъ.

25 мая вечеромъ я заѣхалъ въ деревню Гущино, состоящую изъ 49 дворовъ, изъ которыхъ 24 безъ лошадей. Было время ужина. На дворѣ подъ двумя вычищенными навѣсами сидѣли за пятью столами 80 человѣкъ столующихся: старики вперемежку со старухами—за большими столами на скамейкахъ, дѣти за ма-

ленькими столиками на чурбачкахъ съ перекинутыми тесинами. Ужинавшіе только что кончили первое блюдо (картофель съ квасомъ) и подавалось второе—капустныя щи. Бабы наливали корцами въ деревянныя чашки дымящіяся, хорошо заправленныя щи; столовщикъ съ ковригой хлѣба и ножомъ обходилъ столы и, прижимая ковригу къ груди, отрѣзалъ и подавалъ ломти прекраснаго, свѣжаго, пахучаго хлѣба тѣмъ, у кого былъ доѣденъ [1]). Хозяйка и женщина изъ столующихся служатъ взрослымъ, хозяйская дочь-дѣвочка служитъ дѣтямъ. Все происходило чинно, степенно, точно какъ будто этотъ порядокъ существовалъ вѣками.

Ужинавшіе были большею частью исхудалые, истощенные, въ изношенныхъ одеждахъ, рѣдкобородые, сѣдые и лысые старики и сморщенныя старушки. На всѣхъ лицахъ было выраженіе спокойствія и довольства. Всѣ эти люди, очевидно, находились въ томъ мирномъ и радостномъ настроеніи и даже въ нѣкоторомъ возбужденіи, которыя производитъ употребленіе достаточной пищи послѣ долгаго лишенія ея. Слышались звуки ѣды, степенный разговоръ и изрѣдка смѣхъ на дѣтскихъ столахъ. Были тутъ и два прохожихъ нищихъ, за которыхъ столовщикъ извинялся, что допустилъ ихъ къ ужину.

Изъ Гущина я поѣхалъ въ деревню Гнѣдышево, изъ которой дня два тому назадъ приходили крестьяне, прося о помощи. Деревня эта состоитъ такъ же, какъ и Губаревка изъ 10 дворовъ. На 10 дворовъ здѣсь 4 лошади и 4 коровы, овецъ почти нѣтъ, всѣ дома такъ стары и плохи, что едва стоятъ. Всѣ бѣдны и всѣ умоляютъ помочь имъ. «Хоть бы мало-мальски ребята отдыхали,—говоритъ баба,—а то просятъ папки (хлѣба), а дать нечего, такъ и заснутъ не ужинамши».

Я знаю, что тутъ есть доля преувеличенія, но то, что говоритъ тутъ же мужикъ въ кафтанѣ съ прорваннымъ плечомъ, ужъ навѣрное не преувеличеніе, а дѣйствительность: «Хоть бы двоихъ-троихъ ребятъ съ хлѣба долой спихнуть,—говоритъ онъ.—А то вотъ свезъ въ городъ послѣднюю свитку (шуба ужъ давно тамъ), привезъ 3 пудика на 8 человѣкъ. Надолго ли ихъ? А тамъ ужъ и не знаю, что везти».

Я попросилъ размѣнять мнѣ 3 рубля. Во всей деревнѣ не нашлось и рубля денегъ.

Очевидно, необходимо устроить и тутъ столовую. Также, вѣроятно, нужно и въ другихъ деревняхъ, изъ которыхъ приходили просить.

Кромѣ того, намъ сообщаютъ, что въ южной части Чернскаго уѣзда, на границахъ Ефремовскаго, нужда очень велика и до сихъ поръ нѣтъ никакой помощи. Казалось бы очевиднымъ, что

---

[1]) Намъ удалось купить на юго-восточныхъ жел. дор. два вагона муки по 76 коп., когда она была по 90 коп., и мука оказалась такъ необыкновенно хороша, что ею не нахвалятся и бабы, ставящія хлѣбы (такъ она въ мѣскѣ хороша), и столующіеся, говоря, что хлѣбъ изъ нея выходитъ—пряникъ.

надо продолжать и расширять дѣло, и это возможно, такъ какъ въ послѣднее время получены еще довольно значительныя пожертвованія; 500 руб. отъ кн. Кудашевой, 1000 руб. отъ г-жи Мансуровой, 2000 руб. отъ драматическихъ дѣятелей.

Но оказывается, что не только расширить дѣло, но и продолжать его почти нельзя. Продолжать же его нельзя по слѣдующимъ причинамъ: орловскій губернаторъ не разрѣшаетъ открывать столовыя: 1) безъ соглашенія съ мѣстнымъ попечительствомъ, 2) безъ обсужденія вопроса объ открытіи каждой столовой съ г. земскимъ начальникомъ и 3) безъ того, чтобы заблаговременно не увѣдомлять губернатора о томъ, сколько нужно открывать столовыхъ въ извѣстной мѣстности. Въ Тульской же губерніи уже пріѣзжалъ становой съ требованіемъ не устраивать столовыхъ безъ разрѣшенія губернатора; безъ участія же такихъ помощниковъ, спеціально занятыхъ довольно сложнымъ и хлопотливымъ дѣломъ столовыхъ, устройство ихъ невозможно. Такъ что, несмотря на несомнѣнную нужду народа, несмотря на средства, данныя жертвователями для помощи этой нуждѣ, дѣло наше не только не можетъ расширяться, но находится въ опасности быть совершенно прекращеннымъ. Вслѣдствіе этого полученныя мною въ послѣднее время деньги, а именно: отъ Кудашевой 500 руб., отъ Мансуровой 1.000 р., отъ драматическихъ дѣятелей 2.000 р.,— 3.500 р., и еще нѣкоторыя небольшія пожертвованія остаются неизрасходованными и будутъ возвращены ихъ жертвователямъ, если они не пожелаютъ дать имъ другое назначеніе.

По 22 мая отчетъ полученныхъ и израсходованныхъ мною денегъ слѣдующій:

ПРИХОДЪ.

Отъ смоленскихъ врачей	323	р.	27 к.
» Г. Мевіуса	400	»	— »
» кн. Т.	100	»	— »
» А. З.	200	»	— »
» Баумана	25	»	— »
» М. К.	40	»	— »
» С.	25	»	— »
Изъ «Р. В.»	112	»	48 »
Отъ С. В. и Д. С.	20	»	— »
» неизвѣстной черезъ Д.	16	»	— »
» Касаткина	25	»	— »
Изъ «Р. В.»	200	»	— »
Отъ Баумана	20	»	— »
» неизвѣстной	200	»	— »
» гимназистовъ	18	»	— »
За проданную медаль отъ С. Н. Шиль.	99	»	— »
Отъ Олимпіады Ковалевской	4	»	— »
» С. Т. М.	1.000	»	— »
» Е. Ф. Юнге	15	»	— »
	2.842	р.	75 к.

РАСХОДЪ

Мука	2.061 р. 18 к. —	2.584 п.	
Пшено	140 » — » —	150 »	
Горохъ	60 » — » —	75 »	
Картофель	171 » 24 » —	131 »	
Капуста	27 » 50 » —	56 »	35 ф.
	3 » 10 » —	Извозъ пшена, масла, соли.	
На дрова	56 » 75 » —		
Масло	27 » 80 » —	5 п.	
Соль	2 » 40 » —	10 »	
	2.549 р. 97 к.		

Таково мое личное дѣло. Теперь постараюсь отвѣтить на тѣ общіе вопросы, на которые навела меня моя дѣтельность,—вопросы, которые, если судить по газетамъ, занимали и общество въ послѣднее время.

Вопросы эти слѣдующіе:

Есть ли въ нынѣшнемъ году голодъ или нѣтъ голода?

Отчего происходитъ такъ часто повторяющаяся нужда народная?

И какъ сдѣлать, чтобы нужда эта не повторялась и не требовала бы особенныхъ мѣръ для ея покрытія?

На первый вопросъ отвѣчу слѣдующее. Есть статистическія изслѣдованія, по которымъ видно, что русскіе люди вообще не доѣдаютъ на 30 проц. того, что нужно человѣку для нормальнаго питанія; кромѣ этого, есть свѣдѣнія о томъ, что молодые люди черноземной полосы послѣднія 20 лѣтъ все меньше и меньше удовлетворяютъ требованіямъ хорошаго сложенія для воинской повинности; всеобщая же перепись показала, что приростъ населенія, 20 лѣтъ тому назадъ бывшій самымъ большимъ въ земледѣльческой полосѣ, все уменьшаясь и уменьшаясь, дошелъ въ настоящее время до нуля въ этихъ губерніяхъ.

Но и безъ изученія статистическихъ данныхъ стоитъ только сравнить средняго исхудалаго до костей, съ нездоровымъ цвѣтомъ лица крестьянина-землевладѣльца средней полосы съ тѣмъ же крестьяниномъ, попавшимъ въ дворники, кучера на хорошіе харчи, и сравнить движенія этого дворника, кучера и ту работу, которую онъ можетъ выполнить, съ движеніями и работой крестьянина, живущаго дома, чтобы увидѣть, насколько ослаблены силы этого крестьянина.

Когда, какъ это дѣлалось прежде нерасчетливыми хозяевами и теперь еще дѣлается, держатъ скотину для навоза, питая ее на холодномъ дворѣ кое-чѣмъ, только чтобы она не издохла, происходитъ то, что изъ всей этой скотины вытерпливаетъ безъ ущерба своему организму только та, которая находится въ полной силѣ, старыя же и слабыя, неокрѣпшія молодыя животныя или издыхаютъ, или если и выживаютъ, то въ ущербъ своему приплоду и

здоровью, а молодыя—въ ущербъ росту и сложенію; вотъ точно въ такомъ положеніи находится русское крестьянство черноземнаго центра. Такъ что если разумѣть подъ словомъ «голодъ» такое недоѣданіе, вслѣдствіе котораго за недоѣданіемъ людей постигаютъ болѣзни и смерть, какъ это, судя по описаніямъ, было недавно въ Индіи, то такого голода не было ни въ 1891 году, нѣтъ и въ нынѣшнемъ. Если же подъ голодомъ разумѣть недоѣданіе,—не такое, отъ котораго тотчасъ умираютъ люди, а такое, при которомъ люди живутъ, но живутъ плохо, преждевременно умирая, уродуясь, не плодясь и вырождаясь, то такой голодъ уже около 20-ти лѣтъ существуетъ для большинства черноземнаго центра и въ нынѣшнемъ году особенно силенъ.

Таковъ мой отвѣтъ на первый вопросъ.

На второй вопросъ—отчего это произошло?—отвѣтъ мой состоитъ въ томъ, что причина этого — духовная, а не матеріальная.

Военные люди знаютъ, что такое значитъ духъ войска, знаютъ, что этотъ неосязаемый элементъ есть первое главное условіе успѣха, что при отсутствіи этого элемента дѣлаются недѣйствительными всѣ другіе. Пускай будутъ солдаты прекрасно одѣты, накормлены, вооружены, пускай будетъ сильнѣйшая позиція,—сраженіе будетъ проиграно, если не будетъ того неосязаемаго элемента, который называется духомъ войскъ. То же самое въ борьбѣ съ природой.

Какъ только въ народѣ нѣтъ бодрости, увѣренности, надежды на все большее и большее улучшеніе своего состоянія, а есть, напротивъ, сознаніе тщеты своихъ усилій, уныніе,—народъ не побѣдитъ природы, а будетъ побѣжденъ ею. А именно таково въ наше время положеніе всего нашего крестьянства, въ особенности земледѣльческаго центра. Онъ чувствуетъ, что его положеніе, какъ земледѣльца, плохо, почти безвыходно, и, приспособившись къ этому безвыходному положенію, уже не борется съ нимъ, а живетъ и дѣйствуетъ лишь настолько, насколько его къ этому побуждаетъ инстинктъ самосохраненія. Кромѣ того, самая бѣдственность положенія, до котораго онъ дошелъ, еще усиливаетъ упадокъ его духа. Чѣмъ ниже въ своемъ экономическомъ благосостояніи спускается населеніе, какъ тяжесть на рычагѣ, тѣмъ труднѣе ему подняться, и крестьяне, чувствуя это, какъ бы махнули на себя рукой. «Гдѣ ужъ намъ,—говорятъ они,—*не до жиру, быть бы живу.*

Признаковъ этого упадка духа очень много. Одинъ—первый и главный—это полное равнодушіе ко всѣмъ духовнымъ интересамъ. Вопроса религіознаго совершенно не существуетъ въ земледѣльческомъ центрѣ, и совсѣмъ не потому, что крестьянинъ твердо держится православія (напротивъ, всѣ отчеты и всѣ свѣдѣнія священниковъ подтверждаютъ то, что народъ все болѣе и болѣе становится равнодушнымъ къ церкви), а потому, что у него нѣтъ интереса къ духовнымъ вопросамъ. Второй признакъ—это косность, нежеланіе измѣнять своихъ привычекъ и своего поло-

женія! За всѣ эти годы, въ то время какъ въ другихъ губерніяхъ вошли въ употребленіе плуги, желѣзныя бороны, травосѣяніе, посѣвы дорогихъ растеній, садоводство, даже минеральное удобреніе, въ центрѣ все остается по-старому — съ сохой, трехпольемъ, изрѣзанными дѣлянками въ борону шириной и всѣми рюриковскими пріемами и обычаями. Даже переселенія всего меньше изъ черноземнаго центра. Третій признакъ—отвращеніе къ сельской работѣ, не лѣнь, а вялая, невеселая, непроизводительная работа,—работа, эмблемой которой можетъ служить колодецъ, изъ котораго вытягивается ведро не журавцомъ, не колесомъ, какъ это дѣлали прежде, а прямо веревкой, руками, и вытягивается въ ведрѣ, которое течетъ и изъ котораго вытекаетъ треть воды, пока его донесутъ до мѣста. Такова почти вся работа черноземнаго мужика, кое-какъ съ грѣхами пашущаго 16 часовъ на чуть волочащей ноги лошади пашню, которую онъ на хорошей лошади, при хорошей пищѣ, хорошимъ плугомъ могъ бы вспахать въ полдня.

При этомъ естественно желаніе забыться, и потому вино и табакъ все болѣе и болѣе распространяются, такъ что въ послѣднее время пьютъ и курятъ мальчики-дѣти.

Четвертый признакъ упадка духа—это неповиновеніе сыновей родителямъ, меньшихъ братьевъ старшимъ, неприсылка заработанныхъ на сторонѣ денегъ въ семью и стремленіе молодыхъ поколѣній избавиться отъ тяжелой, безнадежной сельской жизни и пристроиться гдѣ-нибудь въ городѣ. Поразительнымъ для насъ признакомъ происшедшаго за послѣднія 7 лѣтъ упадка было то, что во многихъ деревняхъ взрослые и, казалось бы, достаточные крестьяне просятся въ столовыя и идутъ въ нихъ, если ихъ допускаютъ. Этого не было въ 1891 году. Вотъ, напримѣръ, случай, показавшій всю ту степень бѣдности и недовѣрія къ своимъ силамъ, до которой дошли крестьяне.

Въ деревнѣ Шушминѣ, Чернскаго уѣзда, помѣщица продаетъ крестьянамъ черезъ банкъ землю. Она требуетъ съ нихъ по 10 рублей приплаты за десятину, и то разлагая на два срока по 5 рублей, отдавая притомъ имъ всю землю съ посѣвомъ и по 2 четверти овса на яровой посѣвъ. И при этихъ поразительно выгодныхъ условіяхъ крестьяне медлятъ и ничего не предпринимаютъ.

Такъ что отвѣтъ мой на второй вопросъ состоитъ въ томъ, что причина того положенія, въ которомъ находятся крестьяне,—та, что они потеряли бодрость и увѣренность въ своихъ силахъ, надежду на улучшеніе своего положенія, пали духомъ.

Отвѣтъ же на третій вопросъ—какъ помочь бѣдственному положенію крестьянъ?—вытекаетъ изъ этого второго отвѣта. Для того, чтобы помочь крестьянству, нужно одно: поднять его духъ, устранить все то, что его подавляетъ.

Подавляетъ же духъ народа непризнаніе въ немъ тѣми, которые управляютъ имъ, его человѣческаго достоинства, признаніе крестьянина не человѣкомъ, какъ всѣ, а грубымъ неразумнымъ

существомъ, которое должно быть опекаемо и руководимо во всякомъ дѣлѣ, и вслѣдствіе этого полное стѣсненіе и униженіе его личности.

Губительное для народа проявленіе этой заботы о немъ суть исключительные законы для крестьянства, сводящіеся въ дѣйствительности къ отсутствію всякихъ законовъ и полному произволу приставленныхъ по управленію крестьянами чиновниковъ.

Для крестьянъ номинально существуютъ какіе-то особенные законы и по владѣнію землей, и по дѣлежамъ, и по всѣмъ обязанностямъ его (правъ нѣтъ никакихъ), а въ дѣйствительности есть какая-то невообразимая каша крестьянскихъ положеній, разъясненій, обычнаго права, кассаціонныхъ рѣшеній и т. п., вслѣдствіе которыхъ крестьяне совершенно справедливо чувствуютъ себя въ полной зависимости отъ произвола своихъ безчисленныхъ начальниковъ. Начальникомъ же своимъ крестьянинъ признаетъ, кромѣ сотскаго, старосты, старшины,—писаря, урядника, станового, исправника, страхового агента, землемѣра, посредника по размежеванію, ветеринара, его фельдшера, доктора, священника, судью, слѣдователя и всякаго чиновника, даже помѣщика, всякаго господина, потому что по опыту знаетъ, что всякій такой господинъ можетъ сдѣлать съ нимъ все, что хочетъ. Больше всего подавляетъ духъ народа, хотя это и не видно, то постыдное—разумѣется, не для жертвъ его, а для участниковъ и попустителей его—истязаніе розгами, которое какъ Дамокловъ мечъ виситъ надъ каждымъ крестьяниномъ.

Такъ что на три поставленные въ началѣ вопроса—есть ли голодъ или нѣтъ голода? отъ чего происходитъ нужда народа? и что нужно сдѣлать, чтобы помочь этой нуждѣ? — отвѣты мои слѣдующіе.

Голода нѣтъ, а есть хроническое недоѣданіе всего населенія, которое продолжается уже 20 лѣтъ и все усиливается, которое особенно чувствительно нынѣшній годъ при дурномъ прошлогоднемъ урожаѣ и которое будетъ еще хуже на будущій годъ, такъ какъ урожай ржи въ нынѣшнемъ году еще хуже прошлогодняго. Голода нѣтъ, но есть положеніе гораздо худшее. Все равно какъ бы врачъ, у котораго спросили, есть ли у больного тифъ, отвѣтилъ: тифа нѣтъ, а есть быстро усиливающаяся чахотка.

На второй же вопросъ отвѣтъ мой состоитъ въ томъ, что причина бѣдственности положенія народа не матеріальная, а духовная, что причина главная—упадокъ его духа, такъ что пока народъ не поднимется духомъ, до тѣхъ поръ не помогутъ ему никакія внѣшнія мѣры: ни министерство земледѣлія, ни выставки, ни сельскохозяйственныя школы, ни измѣненіе тарифовъ, ни освобожденіе отъ выкупныхъ платежей (которое давно пора бы сдѣлать, такъ какъ крестьяне давно переплатили то, что заняли, если считать по теперь употребительному проценту), ни снятіе пошлинъ съ желѣза и машинъ,—ничто не поможетъ народу, если его состояніе духа останется то же. Я не говорю, чтобы всѣ эти мѣры не были полезны, но онѣ сдѣлаются полезными только тогда, какъ

народъ поднимется духомъ и сознательно и свободно захочетъ воспользоваться ими.

Отвѣтъ же мой на третій вопросъ—какъ сдѣлать, чтобы нужда эта не повторялась?—состоитъ въ томъ, что для этого нужно не говорю уже уважать, а перестать презирать, оскорблять народъ обращеніемъ съ нимъ какъ съ животнымъ, нужно подчинить его общимъ, а не исключительнымъ законамъ, нужно дать ему свободу ученія, свободу передвиженія и, главное, снять клеймо дикаго истязанія—сѣченія взрослыхъ людей — только потому, что они числятся въ сословіи крестьянъ.

Если освободить крестьянъ отъ всѣхъ тѣхъ путъ и униженій, которыми они связаны, то черезъ 20 лѣтъ они пріобрѣтутъ всѣ тѣ богатства, которыми мы бы желали наградить ихъ, и гораздо еще больше того.

Думаю же я, что это будетъ такъ, во-первыхъ, потому, что я всегда находилъ больше разума и настоящаго знанія, нужнаго людямъ, среди крестьянъ, чѣмъ среди чиновниковъ, и потому думаю, что крестьяне сами скорѣе и лучше обдумаютъ, что для нихъ нужнѣе; во-вторыхъ, потому, что вѣроятнѣе предполагать, что крестьяне — тѣ самые, о благѣ которыхъ идетъ забота, — лучше знаютъ, въ чемъ оно состоитъ, чѣмъ чиновники. Чѣмъ дальше крестьяне живутъ отъ чиновниковъ,—какъ, напримѣръ, въ Самарской, Оренбургской, Вятской, Вологодской, Олонецкой губ., Сибири, — тѣмъ больше, безъ исключенія, они благоденствуютъ.

Вотъ тѣ мысли и чувства, которыя вызвало во мнѣ новое сближеніе съ крестьянской нуждой, и я счелъ своею обязанностью высказать ихъ для того, чтобы люди искренніе, дѣйствительно желающіе отплатить народу за все то, что мы получали и получаемъ отъ него, не тратили даромъ своихъ силъ на дѣятельность второстепенную и часто ложную и всѣ силы свои употребили бы на то, безъ чего никакая помощь не будетъ дѣйствительной: на уничтоженіе всего того, что подавляетъ духъ народа, и на возстановленіе всего того, что можетъ поднять его.

Прежде чѣмъ отсылать эту статью, я рѣшилъ съѣздить еще въ Ефремовскій уѣздъ, о бѣдственномъ состояніи части котораго я слышалъ отъ лицъ, внушающихъ полное довѣріе. По пути къ этой мѣстности мнѣ пришлось проѣхать во всю его длину весь Чернскій уѣздъ. Ржи въ той мѣстности, гдѣ я жилъ, т.-е. въ сѣверной части Чернскаго и Мценскаго уѣздовъ, въ нынѣшнемъ году чрезвычайно плохи, хуже прошлогоднихъ, но то, что я увидалъ на пути къ Ефремовскому уѣзду, было совершенно неожиданно.

На протяженіи около 35 верстъ въ длину отъ села Гремячева до границъ Ефремовскаго и Богородицкаго уѣздовъ, рожь пропала совершенно. Ѣдешь версту, двѣ, десять, двадцать, и по обѣимъ сторонамъ дороги на помѣщичьихъ земляхъ вмѣсто ржи сплошная

лебеда, на крестьянскихъ—нѣтъ даже и лебеды. Такъ что къ будущему году положеніе крестьянъ этой мѣстности будетъ еще несравненно хуже нынѣшняго.

Говорю о положеніи только крестьянъ, а не вообще землевладѣльцевъ, потому что только для крестьянъ, прямо, непосредственно кормящихся своимъ хлѣбомъ и именно ржанымъ полемъ, урожай ржи имѣетъ рѣшающее вопросъ жизни и смерти значеніе. Какъ только у крестьянина не хватаетъ своего хлѣба на весь обиходъ его или на большую часть его и хлѣбъ дорогъ, какъ нынѣшній годъ (около рубля), такъ положеніе его становится отчаяннымъ, подобно положенію, скажемъ, чиновника, лишившагося мѣста и жалованья и продолжающаго кормить свою семью въ городѣ. Чиновнику безъ жалованья, для того чтобы существовать, нужно тратить или запасы, или продавать вещи, и каждый день жизни приближаетъ его къ полной погибели. Точно то же для крестьянина, принужденнаго покупать дорогой хлѣбъ свыше обычнаго, обезпеченнаго опредѣленнымъ заработкомъ количества, съ тою разницей, что, спускаясь ниже и ниже, чиновникъ, пока онъ живъ, не лишается возможности получить мѣсто и возстановить свое положеніе, крестьянинъ же, лишаясь лошади, поля, сѣмянъ, лишается окончательно возможности поправиться.

Въ такомъ угрожающемъ погибелью положеніи находится большинство крестьянъ здѣшней мѣстности. Но въ будущемъ году положеніе это будетъ не только угрожающимъ, но для большинства наступитъ самая погибель. И потому помощь какъ правительственная, такъ и частная будетъ въ будущемъ году еще болѣе необходима, чѣмъ въ нынѣшнемъ. А между тѣмъ именно теперь какъ въ нашей Тульской губерніи, такъ и въ Орловской, Рязанской, Воронежской и другихъ губерніяхъ принимаются самыя энергическія мѣры для противодѣйствія частной помощи во всѣхъ ея видахъ и, какъ видно, мѣры общія, постоянныя. Такъ, въ томъ Ефремовскомъ уѣздѣ, куда я направлялся, совершенно не допускаются постороннія лица для помощи нуждающимся. Устроенная тамъ пекарня лицомъ, пріѣхавшимъ съ пожертвованіями отъ вольно-экономическаго общества, при мнѣ была закрыта и само лицо выслано. И также высланы прежде пріѣзжавшія лица. Считается, что нужды въ этомъ уѣздѣ нѣтъ и что помощь не нужна въ немъ. Такъ что, хотя и по личнымъ причинамъ, я не могъ исполнить своего намѣренія и проѣхать въ Ефремовскій уѣздъ: поѣздка моя туда была бы безполезна или произвела бы ненужныя осложненія.

Въ Чернскомъ уѣздѣ за это время моего отсутствія, по разсказамъ пріѣхавшаго оттуда моего сына, произошло слѣдующее: полицейскія власти, пріѣхавъ въ деревни, гдѣ были столовыя, запретили крестьянамъ ходить въ нихъ обѣдать и ужинать; для вѣрности же исполненія разломали тѣ столы, на которыхъ обѣдали, и спокойно уѣхали, не замѣнивъ для голодныхъ отнятый у нихъ кусокъ хлѣба ничѣмъ, кромѣ требованія безропотнаго повиновенія. Трудно себѣ представить, что происходитъ въ голо-

вахъ и сердцахъ людей, подвергшихся этому запрещенію, и всѣхъ тѣхъ людей, которые узнаютъ про него.

Еще труднѣе, для меня по крайней мѣрѣ, представить себѣ, что происходитъ въ головахъ и сердцахъ другихъ—тѣхъ людей, которые считаютъ нужнымъ предписывать и исполнять такія мѣропріятія, т.-е., воистину не зная, что творятъ, отнимать изо рта хлѣбъ милостыни у голодныхъ стариковъ и дѣтей.

Я знаю тѣ соображенія, которыя выставляются въ защиту такихъ мѣропріятій: во-первыхъ, надо доказать, что положеніе ввѣреннаго нашему управленію населенія не такъ дурно, какъ это хотятъ выставить люди противной намъ партіи,—какъ будто дѣло не въ помощи нуждающимся, а въ успѣхѣ борьбы; во-вторыхъ, всякое учрежденіе (а столовыя и пекарни, по мнѣнію станового,— учрежденія) должно быть подчинено контролю правительства; въ-третьихъ, прямое и близкое отношеніе людей, помогающихъ населенію, можетъ вызвать въ немъ нежелательныя мысли и чувства.

Но вѣдь всѣ эти соображенія, если бы они были справедливы (а они всѣ ложны), такъ мелочны и ничтожны, что не могутъ имѣть никакого значенія въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлается столовыми или пекарнями, раздающими хлѣбъ нуждающимся.

Все дѣло вѣдь состоитъ въ слѣдующемъ: есть люди, не будемъ говорить умирающіе, но страдающіе отъ нужды; есть другіе, живущіе въ избыткѣ и по доброму чувству отдающіе этимъ людямъ свой излишекъ; есть третьи, желающіе быть посредниками между первыми и вторыми и на это отдающіе свой трудъ.

Неужели такія дѣятельности могутъ подлежать запрещенію со стороны правительства?

Я понимаю, что солдатъ въ Боровицкихъ воротахъ, когда я хотѣлъ подать нищему, воспретилъ мнѣ это и не обратилъ никакого вниманія на мое указаніе на Евангеліе, спросивъ меня, читалъ ли я воинскій уставъ; но то былъ часовой. Правительственныя учрежденія не могутъ игнорировать Евангеліе и запрещать исполненіе требованій самой первобытной нравственности, т.-е. того, чтобы люди людямъ помогали.

Кромѣ того, правительство и не можетъ этого сдѣлать. Такъ же мало возможно запретить человѣку ѣсть, когда онъ голоденъ, какъ и другому отдать этому голодному излишекъ своего хлѣба, имущества или труда.

Можно закрыть столовыя, пекарни, выслать изъ одного уѣзда въ другой тѣхъ людей, которые пріѣхали помогать населенію, но нельзя воспрепятствовать этимъ высланнымъ изъ одного уѣзда людямъ жить въ какомъ-нибудь другомъ, у своихъ знакомыхъ или въ крестьянской избѣ, и служить народу какимъ-либо другимъ способомъ, отдавая точно такъ же на служеніе ему свои средства и труды. Нельзя отгородить одинъ классъ народа отъ другого. Всякая же попытка такого отгораживанія приноситъ тѣ самыя послѣдствія, которыхъ этимъ отгораживаніемъ желательно было избѣгнуть. Воспрепятствовать общенію людей нельзя, можно только

нарушить правильное теченіе этого общенія и тамъ, гдѣ бы оно было благотворно, дать ему вредное направленіе.

Помочь предстоящему, какъ и всякому человѣческому, бѣдствію можетъ только духовный подъемъ народа (я разумѣю подъ народомъ не одно крестьянство, но весь народъ, какъ рабочіе, такъ и богатые классы), подъемъ же народа бываетъ только въ одномъ направленіи: въ большемъ и большемъ братскомъ единеніи людей, и потому для помощи народу надо поощрять это единеніе, а не препятствовать ему. Только такимъ—бóльшимъ, чѣмъ прежнее—братскимъ единеніемъ людей не только покроется и нынѣшнее и ожидаемое бѣдствіе будущаго года, но и поднимется общее благосостояніе все упадающаго и упадающаго крестьянства и предотвратится возможность повторенія бѣдствій 1891 и 92 и нынѣшняго годовъ.

4-го іюня 1898 г.

КЪ РЕДАКТОРУ „РУССКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“.

По поводу частнаго письма.

М. Г. Полагаю, что напечатаніе прилагаемаго частнаго письма отъ лица, очевидно хорошо знающаго крестьянство и вѣрно описывающаго его положеніе въ своей мѣстности, было бы полезно. Положеніе крестьянъ въ описываемой мѣстности не составляетъ исключенія; таково же, какъ мнѣ хорошо извѣстно, положеніе крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Козловскаго, Елецкаго, Новосильскаго, Чернскаго, Ефремовскаго, Землянскаго, Нижнедѣвицкаго и другихъ уѣздовъ черноземной полосы. Лицо, писавшее письмо, и не думало о напечатаніи его и только по просьбѣ своихъ друзей согласилось на это.

Правда, что положеніе большинства нашего крестьянства таково, что очень трудно иногда бываетъ провести черту между тѣмъ, что можно назвать голодомъ, и нормальнымъ состояніемъ, и что та помощь, которая особенно нужна въ нынѣшнемъ году, была такъ же нужна, хотя и въ меньшей степени, и въ прошломъ и во всякое время; правда, что благотворительная помощь населенію очень трудна, такъ какъ часто вызываетъ желаніе воспользоваться помощью тѣхъ, которые могли бы продышать и безъ этой помощи; правда, что то, что могутъ сдѣлать частные люди,—только капля въ морѣ крестьянской нужды; правда и то, что помощь въ видѣ столовыхъ, удешевленія продажи хлѣба или раздачи его, прокормленія скота и т. п. есть только палліативъ и не устраняетъ основныхъ причинъ бѣдствія. Все это правда, но правда и то, что во-время оказанная помощь можетъ спасти жизнь старика, ребенка, можетъ замѣнить отчаяніе, враждебность заброшеннаго человѣка чувствомъ вѣры въ добро и въ братство людей. И, что важнѣе всего, несомнѣнно правда то, что всякій человѣкъ нашего круга, который, вмѣсто того, чтобы не только думать объ увеселеніяхъ: театрахъ, концертахъ, подписныхъ обѣдахъ, бѣгахъ, выставкахъ и т. п,, подумаетъ о той крайней, сравнительно съ городскою показною жизнью, нуждѣ, въ которой сейчасъ, въ эту самую минуту живутъ многіе и многіе изъ нашихъ братьевъ,—что такой человѣкъ, если онъ постарается, хоть какъ бы то ни было, неумѣло, пожертвовать хоть малѣйшей долей своихъ удовольствій, помочь этой нуждѣ, несомнѣнно поможетъ самому себѣ въ самомъ важномъ на свѣтѣ дѣлѣ—въ разумномъ пониманіи смысла жизни и въ исполненіи въ ней своего человѣческаго назначенія.

1898 г.

СТАТЬИ 90-хъ ГОДОВЪ.

НЕ-ДѢЛАНІЕ.

Редакторъ парижскаго журнала «Revue des Revues», предполагая, какъ онъ пишетъ въ своемъ письмѣ, что мнѣніе двухъ знаменитыхъ писателей о современномъ положеніи умовъ будетъ мнѣ интересно, прислалъ мнѣ двѣ вырѣзки изъ французскихъ газетъ. Одна изъ нихъ содержитъ рѣчь Зола, другая—письмо Дюма къ редактору «Gaulois». Я очень благодаренъ г-ну Smith за его посылку. Оба документа эти и по знаменитости своихъ авторовъ, и по своей современности, и, главное, по своей противоположности представляютъ глубокій интересъ, и мнѣ хочется высказать нѣсколько вызванныхъ ими мыслей.

Трудно нарочно подыскать въ текущей литературѣ въ болѣе сжатой, сильной и яркой формѣ выраженіе тѣхъ двухъ самыхъ основныхъ силъ, изъ которыхъ слагается равнодѣйствующая движенія человѣчества: одна — мертвая сила инерціи, стремящаяся удержать человѣчество на разъ избранномъ имъ пути, другая—живая сила разума, влекущая его къ свѣту.

Вотъ въ полнотѣ рѣчь Зола.

ЮНОШЕСТВУ.

Господа!

Вы меня глубоко осчастливили и много порадовали, избравъ предсѣдателемъ этого годичнаго собранія. Нѣтъ лучшаго общества, болѣе милаго, и главное—нѣтъ аудиторіи симпатичнѣе молодежи, передъ которой широко раскрывается сердце, полное желанія быть любимымъ и выслушаннымъ.

Увы! я уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда наступаетъ сожалѣніе о минувшей молодости и когда заботятся уже о вновь подрастающемъ поколѣніи. Они будутъ нашими и судьями и продолжателями. Я чую въ нихъ рожденіе будущаго и часто съ тревогою задаю себѣ вопросъ: что изъ нашего они отбросятъ и что сберегутъ, что станетъ нашимъ дѣломъ въ ихъ рукахъ, потому что только въ ихъ рукахъ оно станетъ дѣломъ, только тогда оно будетъ, если они примутъ его, чтобы расширить и довести до конца. Вотъ почему я страстно слѣжу за движеніемъ мысли въ современной молодежи, читаю передовые газеты и журналы стараясь узнать новый духъ, оживляющій школы, узнать, наконецъ, куда вы всѣ идете, вы—разумъ и воля будущаго. Правда, господа, тутъ есть эгоизмъ, я этого не скрываю. Я похожъ на работника, кончающаго постройку дома, въ которомъ онъ надѣется провести остатокъ дней своихъ, и который безпокоится, какая будетъ погода. Не повредитъ ли дождь его стѣнамъ? или вдругъ задуетъ сѣвер-

ный вѣтеръ и сорветъ крышу съ дома? а главное — прочно ли онъ построилъ домъ, устоитъ ли онъ противъ бури? проченъ ли матеріалъ, предусмотрѣны ли несчастные случаи? Я говорю это не потому, чтобы предполагалъ, что какія-нибудь человѣческія произведенія могли бы быть вѣчны и окончательны. Величайшія изъ нихъ должны примириться съ тѣмъ, чтобы быть только моментомъ въ непрерывномъ развитіи человѣческаго разума. Достаточно за глаза и того, чтобы сознавать себя хоть на самое короткое время носителемъ слова одного поколѣнія. И такъ какъ нельзя закрѣпить литературу, а все безпрерывно развивается, все вновь начинается, нужно быть готовымъ видѣть, какъ рождаются и растутъ младшіе, которые замѣстятъ васъ, которые, быть-можетъ, сотрутъ даже воспоминаніе о васъ. Я вовсе не хочу сказать, что старый боецъ, который сидитъ во мнѣ, не чувствуетъ временами желанія сопротивляться, когда онъ видитъ нападеніе на свое произведеніе. Но, право, въ отношеніи наступающаго будущаго столѣтія у меня больше любопытства, чѣмъ возмущенія, больше горячаго сочувствія, чѣмъ личнаго безпокойства, и да сгину я и да сгинетъ со мной все наше поколѣніе, если мы въ самомъ дѣлѣ годны только на то, чтобы завалить собой ямы и облегчить этимъ путь къ свѣту тѣмъ, кто слѣдуетъ за нами.

Господа! я слышу постоянные толки о томъ, что позитивизмъ кончается въ предсмертныхъ мукахъ, что натурализмъ уже умеръ, что наука обанкрутится того и гляди, потому что не дала нравственнаго мира и счастія людямъ, которые обѣщала. Вы понимаете хорошо, что я не берусь здѣсь рѣшать великія задачи, затрогиваемыя этими вопросами. Я — невѣжда. Я не имѣю права говорить отъ имени науки и философіи. Если хотите знать, я просто романистъ, писатель, иногда немного угадывавшій, и все мое значеніе происходитъ оттого, что я много наблюдалъ и много работалъ. И только лишь въ качествѣ свидѣтеля я позволю себѣ говорить вамъ о томъ, чѣмъ было или по крайней мѣрѣ хотѣло быть мое поколѣніе,—люди, которымъ теперь пятьдесятъ лѣтъ и которыхъ ваше поколѣніе скоро назоветъ предками.

Я былъ очень удивленъ на-дняхъ при открытіи выставки на Марсовомъ полѣ особеннымъ видомъ залъ. Предполагается, что это все тѣ же картины. Это заблужденіе,—эволюція медленна; но каково бы было изумленіе, если бы можно было возстановить прежнія выставки! Что касается до меня, то я хорошо помню послѣднія выставки академическія и романтическія въ 1863 году. Работа на воздухѣ („полный свѣтъ“, plein air) еще не восторжествовала, былъ общій тонъ битюма; это была какая-то манія, какіе-то зажаренные тона, полумракъ мастерскихъ. Потомъ, лѣтъ пятнадцать спустя, послѣ побѣдоноснаго и такъ оспариваемаго вліянія г-на Мане, я вспоминаю новыя выставки, гдѣ блисталъ свѣтлый тонъ полнаго солнца. Это было какъ бы наводненіе свѣтомъ, забота о правдѣ, что дѣлало изъ каждой рамки окно, широко раскрытое на природу, купающуюся въ яркомъ блескѣ. И вчера, спустя еще пятнадцать лѣтъ, я могъ усмотрѣть, какъ среди этой свѣжести произведеній какъ будто подымается что-то въ родѣ мистическаго тумана. Здѣсь все та же забота о правдивой живописи, но дѣйствительность видоизмѣняется, фигуры какъ-то удлиняются, потребность оригинальности и новизны уноситъ художника за предѣлы мечты.

Если я говорю объ этихъ трехъ стадіяхъ современной живописи, то это потому, что онѣ, мнѣ кажется, очень ярко выражаютъ движеніе идей нашего времени. Въ самомъ дѣлѣ, мое поколѣніе послѣ знаменитыхъ предшественниковъ, которыхъ мы были послѣдователями, старалось широко открыть окна на природу: все видѣть, все сказать. Въ немъ даже между самыми безсознательными завершалось продолжительное усиліе позитивной философіи и аналитическихъ и опытныхъ наукъ. Мы были переполнены наукою, которая окружала насъ со всѣхъ сторонъ, мы жили ею, вдыхая въ себя воздухъ того времени. Теперь я могу признаться въ этомъ, я лично былъ даже сектантомъ, старающимся перенести въ область литературы строгій методъ ученаго. Но гдѣ тотъ человѣкъ, который въ борьбѣ не заходитъ далѣе того, что нужно, и ограничивается побѣдой, не нарушая выгоды ея? Впрочемъ, я ни о чемъ не жалѣю и продолжаю вѣрить въ

страстность, которая желаетъ и дѣйствуетъ. И потомъ какой энтузіазмъ и какія надежды одушевляли насъ! Все знать, все мочь, все побѣдить! Посредствомъ истины сдѣлать человѣчество болѣе высокимъ и счастливымъ! И вотъ тутъ-то, господа, вы, молодежь, выступаете на сцену. Я говорю: молодежь—что-то неопредѣленное, отдаленное и глубокое, какъ море: потому что гдѣ она, молодежь? Чѣмъ она будетъ въ дѣйствительности? Кто призванъ говорить во имя ея? Я долженъ держаться тѣхъ мыслей, которыя ей приписываютъ. И если эти мысли не принадлежатъ многимъ изъ васъ, я впередъ прошу ихъ простить меня. Я обращаю ихъ къ тѣмъ, которые обманули насъ сомнительными свѣдѣніями, болѣе согласными, вѣроятно, съ ихъ желаніемъ, чѣмъ съ дѣйствительностью.

Итакъ, господа, насъ увѣряютъ, что ваше поколѣніе разрываетъ съ нашимъ, что вы не полагаете уже всю вашу надежду въ наукѣ, что вы признали такую соціальную и нравственную опасность въ томъ, чтобы все строить на наукѣ, что вы рѣшились возвратиться къ прошедшему и изъ остатковъ прежнихъ вѣрованій создать для себя живое вѣрованіе. Конечно, рѣчь идетъ не о полномъ разрывѣ съ наукою,—предполагается, что вы принимаете всѣ ея послѣднія пріобрѣтенія и что вы намѣрены расширить ихъ. Допускается, что вы признаете доказанныя истины, и прилагаются старанія о томъ, чтобы приладить ихъ къ стариннымъ догматамъ. Въ сущности же наука поставлена въ сторонѣ отъ вѣры. Ее отталкиваютъ на ея прежнее мѣсто. Она—простое упражненіе ума и допускаемое изслѣдованіе до тѣхъ поръ, пока она не касается до сверхъестественнаго и загробнаго. Говорятъ, что опытъ уже сдѣланъ, что наука не способна вновь заселить небо, которое она опустошила. и возвратить счастіе душамъ, наивный міръ которыхъ она разрушила. Время лживаго торжества ея кончено. Она должна быть скромна, потому что не можетъ всего знать, не можетъ сразу все обогатить, все исцѣлить. И если еще не смѣютъ сказать интеллигентной молодежи, чтобъ она бросила свои книги и оставила своихъ учителей, уже есть святые и пророки, которые ходятъ среди людей, восхваляя добродѣтель невѣжества, ясность простоты и необходимость для слишкомъ ученаго и состарѣвшагося человѣчества, необходимость освѣженія въ глубинахъ доисторической деревни среди предковъ, едва только отдѣлившихся отъ земли, до всякаго общества и всякаго знанія.

Я не отрицаю того кризиса, который мы переживаемъ: это—усталость и возмущеніе въ концѣ этого вѣка послѣ столь лихорадочнаго и колоссальнаго труда, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы все знать и все сказать. Казалось, что наука, которая только что разрушила древній міръ, должна была живо возсоздать его по тому идеалу, который мы имѣемъ о справедливости и счастіи. Ждали 20, 50, даже 100 лѣтъ. И потомъ, когда увидали, что справедливость все-таки не царствовала, что счастіе не приходило, многіе отдались все растущему нетерпѣнію, отчаиваясь и отрицая даже то, чтобы можно было посредствомъ знанія достигнуть блаженной воли. Явленіе извѣстное: нѣтъ дѣйствія безъ реакціи, и мы присутствуемъ при неизбѣжной усталости, свойственной длиннымъ путешествіямъ: люди садятся на краю дороги и, глядя на безконечную равнину развертывающагося слѣдующаго вѣка, отчаиваются дойти когда-нибудь до цѣли; доходятъ даже до того, что сомнѣваются даже въ пройденномъ пути, сожалѣютъ о томъ, что не легли въ полѣ, чтобы спать въ немъ цѣлую вѣчность. Къ чему идти, если цѣль будетъ постоянно удаляться? Къ чему знать, если нельзя знать всего? Ужъ лучше оставаться въ чистой простотѣ, въ счастливомъ невѣдѣніи ребенка. Такимъ образомъ людямъ кажется, что наука, будто бы обѣщавшая счастіе, на нашихъ глазахъ обанкрутилась.

Но наука развѣ обѣщала счастье? Я не думаю этого. Она обѣщала истину, и вопросъ въ томъ, можно ли сдѣлать счастье изъ истины. Чтобы довольствоваться ею, безъ сомнѣнія, нужно много стоицизма, полнаго отреченія отъ своего „я“; ясности удовлетвореннаго ума, который можно встрѣтить только у избранныхъ. А между тѣмъ какой крикъ отчаянія раздается среди страдающаго человѣчества! Какъ жить безъ лжи и иллюзіи? Если нѣтъ гдѣ-нибудь другого міра, въ которомъ царствуетъ справедливость, гдѣ богатые наказаны и добрые вознаграждены, какъ прожить безъ

возмущенія эту отвратительную человѣческую жизнь? Природа несправедлива и жестока, и наука какъ будто приводитъ насъ къ уродливому праву сильнаго, такъ что разрушается всякая нравственность и всякое общество влечется къ деспотизму. И вотъ въ этой происходящей реакціи, въ этой усталости отъ излишка знанія, о которой я говорилъ, есть тоже это отступленіе передъ истиной, еще плохо разъясненной и кажущейся жестокою на наши глаза, неспособные еще понять и проникнуть всѣ законы. Нѣтъ, нѣтъ, воротимся къ спокойному сну невѣдѣнія! Дѣйствительность есть школа извращенія, надо убить ее и отрицать, потому что дѣйствительность есть только безобразіе и преступленіе, и люди бросаются въ мечту, и нѣтъ другого спасенія, какъ уйти отъ земли, довѣриться загробному и надѣяться, что тамъ, наконецъ, мы найдемъ удовлетвореніе нашей потребности братства и справедливости.

Этотъ-то отчаянный призывъ къ счастію мы слышимъ теперь. Онъ меня безконечно трогаетъ. И замѣтьте, что онъ слышится со всѣхъ сторонъ, какъ жалостный вопль среди грома движеній науки, которая не останавливаетъ своихъ колесъ и машинъ. Довольно съ насъ истины, давайте намъ химеръ. Мы найдемъ спокойствіе только тогда, когда будемъ мечтать о томъ, чего нѣтъ, когда будемъ уноситься въ безконечное: тамъ только распускаются тѣ мистическіе цвѣты, запахъ которыхъ усыпитъ наше страданіе. Уже музыка отвѣтила, литература стремится удовлетворить новую жажду, живопись сообразуется съ новою модой. Я говорилъ вамъ о выставкѣ Марсова поля: вы увидите тамъ расцвѣтъ этой флоры древней живописи на окнахъ, жидкихъ и худыхъ мадоннъ, видѣнія въ сумрачныхъ тѣняхъ, окостенѣлыя лица съ надломленными жестами примитивистовъ. Это — реакція противъ натурализма, который умеръ и похороненъ, какъ это говорятъ намъ. Во всякомъ случаѣ движеніе несомнѣнно, потому что оно захватило всѣ проявленія духа, и надо считаться съ нимъ и изучить, и объяснить его, если не хочешь отчаяться въ завтрашнемъ днѣ.

Съ своей стороны, господа, я, какъ старый и закоренѣлый позитивистъ, вижу въ этомъ только неизбѣжную остановку въ поступательномъ движеніи. Остановки собственно нѣтъ, потому что наши библіотеки, лабораторіи, амфитеатры и школы не опустѣли. Внушаетъ мнѣ довѣріе и то, что соціальная почва не измѣнилась, а остается все тою же демократическою почвой, на которой выросъ нашъ вѣкъ. Для того, чтобы расцвѣло другое искусство, чтобы новое вѣрованіе измѣнило направленіе движенія человѣчества, надо, чтобы это вѣрованіе имѣло и новую почву, въ которой оно могло бы произрасти, потому что не можетъ быть новаго общества безъ новой почвы. Вѣра не воскресаетъ, и изъ мертвыхъ религій можно дѣлать только миѳологіи.

Потому слѣдующій вѣкъ будетъ только утвержденіемъ нашего въ томъ демократическомъ и научномъ порывѣ, который увлекъ насъ и который продолжается. Все, что я могу допустить, это — то, что въ литературѣ мы слишкомъ закрыли горизонты.

Я лично сожалѣлъ уже о томъ, что былъ сектантомъ, желающимъ въ искусствѣ держаться только что доказанныхъ истинъ. Вновь пришедшіе раскрыли горизонты, захвативъ неизвѣстное и тайну, и они хорошо сдѣлали. Между истинами, установленными наукой и потому непоколебимыми,—истинами, которыя она вырветъ завтра изъ области неизвѣстнаго, чтобы въ свою очередь закрѣпить ихъ, есть неопредѣленное поле сомнѣній и изслѣдованій, которое принадлежитъ, какъ мнѣ кажется, столько же и литературѣ, сколько и наукѣ.

Вотъ тутъ-то мы и можемъ дѣлать наше дѣло передовыхъ піонеровъ, объясняя соотвѣственно своему характеру и силѣ ума дѣйствія неизвѣстныхъ силъ. Идеалъ вѣдь есть не что иное, какъ необъяснимое, какъ силы того безконечнаго міра, въ которомъ мы купаемся, не зная ихъ. И если мы можемъ придумывать рѣшенія, объясняющія неизвѣстное, неужели мы можемъ позволить себѣ сомнѣваться въ открытыхъ уже законахъ, представляя ихъ себѣ иными и этимъ самымъ отрицая ихъ? По мѣрѣ того, какъ подвигается наука, несомнѣнно отступаетъ и идеалъ, и мнѣ кажется, что единственный смыслъ жизни, единственная радость, которую должно нахо-

дить въ жизни, состоитъ въ этомъ медленномъ завоеваніи, хотя бы намъ ясна была грустная достовѣрность того, что всего мы никогда не узнаемъ.

Въ то смутное время, которое мы переживаемъ, господа, въ наше время, столь пресыщенное и столь ищущее, появились пастыри душъ, которые озабочены и горячо предлагаютъ молодежи вѣру. Предложеніе великодушно, но, къ сожалѣнію, эта вѣра измѣняется и извращается соотвѣтственно тому пророку, который ее предлагаетъ. Ихъ много различныхъ, но ни одна изъ нихъ не кажется мнѣ ни очень ясною, ни очень опредѣленною. Васъ умоляютъ вѣрить, не говоря опредѣленно во что. Можетъ-быть, этого и нельзя, а можетъ-быть, тоже, что и не рѣшаются этого сдѣлать. Васъ приглашаютъ вѣрить для того, чтобы вы имѣли счастіе вѣрить, главное, чтобы вы научились вѣрить. Вопросъ самъ по себѣ не дуренъ: конечно, большое счастіе полагаться на достовѣрность вѣры, какая бы она ни была; но бѣда въ томъ, что нельзя руководить благодатью, — она дуетъ, гдѣ хочетъ.

Итакъ, я закончу, съ своей стороны, предложивъ вамъ тоже вѣру, умоляя васъ имѣть вѣру въ трудъ. Работайте же, молодые люди! Я знаю, насколько этотъ совѣтъ кажется банальнымъ. Нѣтъ публичнаго акта, при которомъ его не повторяли бы среди всеобщаго равнодушія воспитанниковъ. Но я прошу васъ подумать о немъ и позволю себѣ, я, бывшій все время только работникомъ, сказать вамъ о томъ благѣ, которое я извлекъ изъ того долгаго труда, который наполнилъ всю мою жизнь. Мое вступленіе въ жизнь было трудное: я зналъ и нищету, и отчаяніе, я жилъ потомъ въ борьбѣ, живу въ ней и теперь, разбираемый, отрицаемый, осыпаемый оскорбленіями. И что же! У меня была только одна вѣра, одна сила—трудъ. Поддержала меня только та огромная работа, которую я задалъ себѣ; передо мной всегда стояла вдалекѣ та цѣль, къ которой я двигался, и этого было достаточно, чтобы поднимать меня, придавать мнѣ мужество, когда плохая жизнь подавляла меня. Трудъ, про который я говорю вамъ,—это трудъ правильный, ежедневный, урокъ, обязанность, которую себѣ задалъ: хоть на шагъ каждый день подвигаться въ своемъ дѣлѣ. Сколько разъ поутру я садился за свой столъ съ потерянной головой, съ горечью во рту, мучимый какой-нибудь великою болью, физической или нравственной! И каждый разъ, несмотря на возмущеніе моего страданія, мой урокъ для меня былъ облегченіемъ и подкрѣпленіемъ. Я всегда выходилъ утѣшеннымъ изъ своего ежедневнаго занятія, съ сердцемъ, можетъ-быть, и разбитымъ, но еще не падающимъ и могущимъ жить до завтра.

Трудъ! Господа, только подумайте о томъ, что это единственный законъ міра, тотъ регуляторъ, который влечетъ органическую матерію къ ея извѣстной цѣли! Жизнь не имѣетъ другого смысла, другой причины быть; мы всѣ появляемся только для того, чтобы совершить нашу долю труда и исчезнуть.

Жизнь есть не что иное, какъ сообщенное движеніе, которое она получаетъ и завѣщаетъ и которое въ сущности есть не что иное, какъ трудъ, какъ работа великаго дѣла, совершаемаго во всѣ вѣка. И потому какъ же намъ не быть скромными и не принять того урока, который данъ каждому изъ насъ, безъ возмущенія и не уступая гордости своего «я», которое считаетъ себя центромъ и не хочетъ ступить въ ряды?

Какъ только этотъ урокъ принятъ, мнѣ кажется, что спокойствіе должно установиться во всякомъ человѣкѣ, даже самомъ измученномъ. Я знаю, что есть умы, мучимые безконечностью, которые страдаютъ отъ тайны; къ нимъ я братски обращаюсь, совѣтую имъ занять свою жизнь какимъ-нибудь огромнымъ трудомъ, котораго, хорошо бы было, они не видѣли конца. Это — тотъ маятникъ, который дастъ имъ возможность идти прямо, это — ежечасное разсѣяніе, это — зерно, брошенное уму для того, чтобы онъ мололъ его и дѣлалъ изъ него насущный хлѣбъ съ удовлетвореннымъ сознаніемъ исполненнаго долга. Конечно, это не разрѣшаетъ никакой метафизической задачи, это только эмпирическое средство для того, чтобы честно или почти спокойно прожить свою жизнь; но развѣ мало того, чтобы пріобрѣсти нравственное и физическое здоровье, избѣжать

опасности мечты, разрѣшая трудомъ вопросъ о пріобрѣтеніи наибольшаго возможнаго счастія на этой землѣ?

Я, признаюсь, никогда не довѣрялъ химерамъ. Нѣтъ ничего менѣе здороваго какъ для человѣка, такъ и для народовъ, какъ заблужденіе: оно уничтожаетъ усиліе, оно ослѣпляетъ, оно составляетъ тщеславіе слабыхъ. Продолжать держаться легенды, скрывать отъ себя дѣйствительность, вѣрить, что достаточно мечтать о силѣ для того, чтобы быть сильнымъ, — мы видѣли, куда это ведетъ, къ какимъ страшнымъ бѣдствіямъ. Народамъ говорятъ, чтобы они смотрѣли вверхъ, чтобы они вѣрили въ высшую власть, чтобъ они возносились къ идеалу.

Нѣтъ, нѣтъ! Такія рѣчи кажутся мнѣ иногда безбожными. Сильный народъ только тотъ, который трудится, и только трудъ даетъ мужество и вѣру. Чтобы побѣдить, нужно, чтобы арсеналы были полны, чтобы вооруженіе было самое прочное и усовершенствованное, чтобы войско было обучено, довѣряло своимъ начальникамъ и самому себѣ. Всѣ это пріобрѣтается: для этого нужно только доброе желаніе и методъ. Будущій вѣкъ, безпредѣльное будущее принадлежитъ труду. Пусть не сомнѣваются въ этомъ. И развѣ мы не видимъ уже въ поднимающемся соціализмѣ зачатокъ соціальнаго закона будущаго, закона труда для всѣхъ, труда-освободителя и примирителя.

Юноши, молодые люди, беритесь же за дѣло. Пусть каждый изъ васъ берется за свой урокъ, который долженъ наполнить его жизнь. Какъ ни скромно бы было это дѣло, оно, тѣмъ не менѣе, будетъ полезно; въ чемъ бы оно ни состояло, только бы оно поднимало васъ. Когда вы его упорядочите безъ переутомленія, давая то количество, которое вы въ состояніи произвести каждый день, оно дастъ вамъ возможность жить здорово и весело и избавитъ васъ отъ мукъ безконечности. Какое здоровое и великое общество людей было бы то общество, въ которое каждый членъ его вносилъ бы свою логическую долю труда! Человѣкъ, который работаетъ, всегда бываетъ добръ. И потому я убѣжденъ, что единственная вѣра, которая можетъ спасти насъ, есть вѣра въ совершенное усиліе. Прекрасно мечтать о вѣчности, но для честнаго человѣка достаточно пройти эту жизнь, совершивъ свое дѣло.

Г-нъ Зола не одобряетъ того, что новые учители молодежи предлагаютъ ей вѣрить во что-то неопредѣленное и неясное, и онъ совершенно правъ въ этомъ, но, къ сожалѣнію, со своей стороны, предлагаетъ ей тоже вѣру и вѣру въ нѣчто еще болѣе неясное и неопредѣленное: вѣру въ науку и трудъ.

Г-нъ Зола считаетъ какъ будто совершенно рѣшеннымъ и неподлежащимъ сомнѣнію вопросъ о томъ, что есть та наука, въ которую надо не переставая вѣрить. Трудиться во имя науки. Но въ томъ-то и дѣло, что слово «наука» имѣетъ очень широкое и мало опредѣленное значеніе, такъ что то, что одни люди считаютъ наукой, т.-е. дѣломъ очень важнымъ, считается другими и самымъ большимъ количествомъ людей, всѣмъ рабочимъ народомъ, ненужными глупостями. И нельзя сказать, чтобы это происходило только отъ необразованія рабочаго народа, не могущаго понять всего глубокомыслія науки: сами ученые постоянно отрицаютъ другъ друга. Одни ученые считаютъ наукою изъ наукъ философію, богословіе, юриспруденцію, политическую экономію, другіе ученые—естественники—считаютъ все это самымъ пустымъ, ненаучнымъ дѣломъ, и наоборотъ: то, что позитивисты считаютъ самыми важными науками, считается спиритуалистами, философами и богословами если не вредными, то безполезными занятіями. Но мало того: въ одной и той же области всякая система среди самихъ жрецовъ своихъ

имѣетъ своихъ горячихъ защитниковъ и противниковъ, одинаково компетентныхъ, утверждающихъ діаметрально противоположное. Мало того, въ каждой области постоянно являются такія научныя положенія, которыя, просуществовавъ иногда годъ, иногда десятки лѣтъ, оказываются вдругъ заблужденіями и поспѣшно забываются тѣми самыми, которые ихъ пропагандировали.

Вѣдь мы всѣ знаемъ, что то, что считалось исключительно наукой и дѣломъ очень важнымъ у римлянъ, чѣмъ они гордились, безъ чего считали человѣка варваромъ, была риторика, т.-е. такое упражненіе, надъ которымъ мы теперь смѣемся и считаемъ не только не наукой, но пустяками. Мы также знаемъ, что то, что считалось наукой и самымъ важнымъ дѣломъ, въ средніе вѣка, была схоластика, надъ которой мы теперь также смѣемся. И я думаю, не нужно особенной смѣлости мысли для того, чтобы и въ томъ огромномъ количествѣ знаній, которыя въ нашемъ мірѣ считаются важнымъ дѣломъ и называются наукой, предугадывать такія, надъ которыми наши потомки, читая описанія той серьезности, съ которой мы занимались нашими риторикой и схоластикой,—предметами, признаваемыми въ наше время наукой,—будутъ также пожимать плечами.

Въ наше время люди, освободившись отъ однихъ суевѣрій, не замѣтивъ еще этого, подпали подъ другія не менѣе безосновательныя и вредныя, какъ и тѣ, отъ которыхъ они только что избавились. Избавившись отъ суевѣрій отжившихъ религій, люди подпали подъ суевѣрія научныя. Сначала кажется, что не можетъ быть ничего общаго между вѣрованіями древняго еврея въ то, что міръ сотворенъ въ 6 дней, что грѣхи отцовъ будутъ взысканы на дѣтяхъ, что нѣкоторыя болѣзни излѣчиваются созерцаніемъ змѣи, и вѣрованіемъ людей нашего времени въ то, что міръ произошелъ отъ вращенія матеріи и борьбы существъ, что преступность происходитъ отъ наслѣдственности и что существуютъ микроорганизмы въ видѣ запятыхъ, отъ которыхъ происходятъ такія-то болѣзни, и т. п. Кажется, что нѣтъ ничего общаго между этими вѣрованіями; но это только кажется.

Стоитъ перенестись воображеніемъ въ умственное состояніе древняго еврея, когда ему предлагались его вѣрованія его жрецами, чтобы убѣдиться въ томъ, что основанія, на которыхъ принимались имъ положенія о происхожденіи міра, и тѣ, на которыхъ принимаются людьми нашего времени различныя научныя положенія, не только похожи, но совершенно тождественны.

Какъ еврей вѣрилъ вѣдь собственно не въ шестидневное твореніе и цѣлительную змѣю, а въ то, что есть люди, которые, несомнѣнно, знаютъ высшую, доступную человѣку истину, и что поэтому хорошо вѣрить въ нихъ, точно такъ же и люди нашего времени вѣрятъ не въ дарвиновскую теорію наслѣдственности и запятыя, а во все то, что имъ выдаютъ за истину жрецы науки, основы дѣятельности которыхъ остаются для вѣрующихъ такими же таинственными, какими оставались для евреевъ основы знанія ихъ руководителей.

Позволяю себѣ сказать даже и то, что я неоднократно замѣчалъ, что, точно такъ же, какъ, не будучи никѣмъ, кромѣ своими же жрецами, провѣряемы, древніе жрецы смѣло лгали и выдавали за истину то, что имъ взбредало въ голову, точно такъ же нерѣдко случается дѣлать то же самое и такъ называемымъ людямъ науки.

Вся рѣчь г-на Зола направлена противъ учителей молодежи, призывающихъ ее къ возвращенію къ отжитымъ вѣрованіямъ, и г-нъ Зола считаетъ себя ихъ противникомъ. Въ сущности же тѣ, противъ которыхъ онъ вооружается, т.-е. вѣрующіе или скорѣе желающіе вѣрить въ отжившую религію и тѣ, за которыхъ борется г-нъ Зола, т.-е. представители науки,—люди одного лагеря, и если имъ разобраться хорошенько въ своихъ стремленіяхъ, то имъ спорить не о чемъ, querelles d'amoureux, какъ говоритъ Дюма. И тѣ и другіе ищутъ основъ жизни, двигателей ея не въ себѣ, не въ своемъ разумѣ, а во внѣшнихъ человѣческихъ формахъ жизни: одни—въ томъ, что они называютъ религіей, другіе—въ томъ, что называется наукой. Одни, тѣ, которые ищутъ спасенія въ религіи, берутъ его изъ преданія о древнемъ знаніи другихъ людей и хотятъ вѣрить этому чужому древнему знанію; другіе, тѣ, которые ищутъ спасенія въ томъ, что они называютъ наукой, берутъ не изъ своего знанія, а изъ знанія другихъ людей и вѣрятъ этому чужому знанію. Одни видятъ спасеніе человѣчества въ исправленномъ, подновленномъ или очищенномъ полуеврейскомъ, полуязыческомъ христіанствѣ, другіе видятъ его въ совокупности самыхъ случайныхъ, разнообразныхъ и ненужныхъ знаній, которыя они называютъ наукой и считаютъ чѣмъ-то самобытно-дѣйствующимъ, благодѣтельнымъ и потому неизбѣжно долженствующимъ исправить всѣ недостатки жизни и дать человѣчеству высшее доступное благо. Одни какъ будто нарочно не хотятъ видѣть того, что то, что они хотятъ возстановить и называютъ религіей, есть только пустая кризалида, изъ которой бабочка уже давно улетѣла и кладетъ яички въ другомъ мѣстѣ, и что возстановленіе такой религіи не только не можетъ помочь бѣдамъ нашего времени, но можетъ только усилить ихъ, отводя глаза людей отъ настоящаго дѣла. Другіе не хотятъ видѣть того, что то, что они называютъ наукой, будучи случайнымъ собраніемъ нѣкоторыхъ знаній, въ настоящее время заинтересовавшихъ нѣсколькихъ праздныхъ людей, можетъ быть или невиннымъ препровожденіемъ времени для богатыхъ людей, или, въ лучшемъ случаѣ, только орудіемъ зла или добра, смотря по тому, въ чьихъ рукахъ оно будетъ находиться, но само по себѣ ничего не можетъ исправить. Въ сущности же, въ глубинѣ души ни тѣ, ни другіе не вѣрятъ въ дѣйствительность того средства, которое они предлагаютъ: а и тѣ и другіе одинаково хотятъ только чѣмъ-нибудь отвести глаза себѣ и людямъ отъ той пропасти, предъ которой уже стоитъ человѣчество, и въ которую, продолжая идти по тому же пути, оно неизбѣжно должо рухнуться. Одни видятъ это отвлекающее средство въ мистицизмѣ религіи, другіе, выразителемъ которыхъ выступилъ Зола, — въ одуряющемъ дѣйствіи труда для науки.

Разница между людьми вѣрующими въ религію и науку только та, что одни вѣрятъ въ старую мудрость, ложь которой уже развѣнчана, а другіе—въ новую, ложь которой еще не развѣнчана и которая поэтому еще внушаетъ бла оговѣйный трепетъ нѣкоторымъ наивнымъ людямъ. А между тѣмъ суевѣрія въ томъ, что называется наукой, едва ли меньше, чѣмъ въ томъ, что называется религіей. Разница только въ томъ, что одно—суевѣріе прошедшаго, другое—суевѣріе настоящаго.

И потому не будетъ ли также опасно, послѣдовавъ совѣту г-на Зола, посвятить свою жизнь служенію тому, что въ наше время и въ нашемъ мірѣ считается наукой? Что какъ я посвящу всю свою жизнь на изслѣдованіе явленій въ родѣ наслѣдственности по ученію Ломброзо, или коховской жидкости, или образованія чернозема посредствомъ дѣятельности червей, или круксовскаго четвертаго состоянія матеріи и т. п., и вдругъ узнаю предъ смертью, что то, на что я посвятилъ всю свою жизнь, были глупые, а можетъ-быть, даже вредные пустяки, а жизнь у меня была только одна?

Есть малоизвѣстный китайскій философъ Лаодзи (первый и лучшій переводъ его книги «О пути добродѣтели» Stanislas Julien). Сущность ученія Лаодзи состоитъ въ томъ, что высшее благо какъ отдѣльныхъ людей, такъ въ особенности и совокупности людей, народовъ, можетъ быть пріобрѣтено черезъ познаніе «Тао»—слово, которое переводится «путемъ, добродѣтелью, истиной»,—познаніе же «Тао» можетъ быть пріобрѣтено только черезъ *недѣланіе*, «le non agir», какъ переводитъ это Julien. Всѣ бѣдствія людей, по ученію Лаодзи, происходятъ не столько оттого, что они не сдѣлали того, что нужно, сколько оттого, что они дѣлаютъ то, чего не нужно дѣлать. И потому люди избавились бы отъ всѣхъ бѣдствій личныхъ и въ особенности общественныхъ, которыя преимущественно имѣетъ въ виду китайскій философъ, если бы они соблюдали недѣланіе (s'ils pratiquaient le non agir).

И я думаю, что онъ совершенно правъ. Пусть каждый усердно работаетъ? Но что? Биржевой игрокъ, банкиръ, возвращается съ биржи, гдѣ онъ усердно работалъ . . . . . фабрикантъ—изъ своего заведенія, гдѣ тысячи людей губятъ свои жизни надъ работой зеркалъ, табаку, водки. Всѣ эти люди работаютъ, но неужели можно поощрять ихъ работу?

Но, можетъ-быть, надо говорить только о людяхъ, работающихъ для науки?

Я постоянно получаю отъ разныхъ авторовъ многочисленныя тетради, часто и книги съ работами, художественными и научными.

Одинъ въ окончательной формѣ разрѣшилъ вопросъ христіанской гносеологіи, другой напечаталъ книгу о космическомъ эѳирѣ, третій разрѣшилъ соціальный, четвертый—политическій, пятый—восточный вопросы, шестой издаетъ журналъ, посвященный изслѣдованіямъ таинственныхъ силъ духа и природы, седьмой разрѣшилъ проблему коня.

Всѣ эти люди работаютъ для науки неустанно и усердно, но я думаю, что время и трудъ не только всѣхъ этихъ писателей, но и многихъ другихъ не только пропали даромъ, но были еще и вредны. Вредны, во-первыхъ, тѣмъ, что для приготовленія этихъ писаній тысячи другихъ людей дѣлали бумагу, шрифтъ, набирали, печатали, и, главное, кормили, одѣвали всѣхъ этихъ тружениковъ науки, и еще тѣмъ, что всѣ сочинители эти, вмѣсто того, чтобы чувствовать свою вину предъ обществомъ, какъ бы они чувствовали ее, если бы они играли въ карты или горѣлки, со спокойною совѣстью продолжаютъ дѣлать свое никому ненужное дѣло.

Кто не знаетъ тѣхъ безнадежныхъ для истины и часто жестокихъ людей, которые такъ заняты, что имъ всегда некогда, главное—некогда справиться съ тѣмъ, нужно ли кому-нибудь и не вредно ли то дѣло, надъ которымъ они такъ усердно работаютъ. Вы говорите имъ: «ваша работа безполезна или вредна потому-то и потому-то; погодите, разсудимте дѣло»; они не слушаютъ васъ и даже съ ироніей возражаютъ: «хорошо вамъ разсуждать, когда нечего дѣлать, а я работаю надъ изслѣдованіемъ того, сколько разъ такое-то слово употреблено такимъ-то древнимъ писателемъ, или надъ опредѣленіемъ формъ атомовъ, или надъ телепатіей» и т. п.

Но, кромѣ этого, меня всегда уже давно поражало то удивительное, утвердившееся, особенно въ Западной Европѣ, мнѣніе, что трудъ есть что-то въ родѣ добродѣтели, и еще гораздо прежде, чѣмъ прочесть это мнѣніе, ясно выраженное въ рѣчи г-на Зола, я уже не разъ удивлялся на это странное значеніе, приписываемое труду

Вѣдь только муравей въ баснѣ, какъ существо, лишенное разума и стремленій къ добру, могъ думать, что трудъ есть добродѣтель, и могъ гордиться имъ.

Г-нъ Зола говоритъ, что трудъ дѣлаетъ человѣка добрымъ; я же замѣчалъ всегда обратное: сознанный трудъ, муравьиная гордость своимъ трудомъ, дѣлаетъ не только муравья, но и человѣка жестокимъ. Величайшіе злодѣи человѣчества Неронъ, Петръ I всегда были особенно заняты и озабочены, ни на минуту не оставаясь сами съ собой безъ занятій или увеселеній.

Но если даже трудолюбіе не есть явный порокъ, то ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть добродѣтелью. Трудъ такъ же мало можетъ быть добродѣтелью, какъ питаніе. Трудъ есть потребность, лишеніе которой составляетъ страданіе, но никакъ не добродѣтель. Возведеніе труда въ достоинство есть такое же уродство, какимъ бы было возведеніе питанія человѣка въ достоинство и добродѣтель. Значеніе, приписываемое труду въ нашемъ обществѣ, могло возникнуть только какъ реакція противъ праздности, возведенной въ признакъ благородства и до сихъ поръ еще считающейся признакомъ достоинства въ богатыхъ и мало образованныхъ классахъ. Трудъ, упражненіе своихъ органовъ, для человѣка есть всегда необходимость, какъ о томъ одинаково свидѣтельствуютъ телята, скачущіе вокругъ кола, къ которому они привязаны, и люди богатыхъ классовъ, мученики гимнастики, всякаго рода

игръ: картъ, шахматъ, lawn-tennis'a и т. п., не умѣющіе найти болѣе разумнаго упражненія своихъ органовъ.

Трудъ не только есть добродѣтель, но въ нашемъ ложно организованномъ обществѣ есть, большею частью, нравственно анестезирующее средство, въ родѣ куренія или вина, для скрыванія отъ себя неправильности и порочности своей жизни.

«Когда мнѣ разсуждать съ вами о философіи, нравственности и религіи,—мнѣ надо издавать ежедневную газету съ полумилліономъ подписчиковъ, мнѣ надо организовать войско, мнѣ надо строить Эйфелеву башню, устраивать выставку въ Чикаго, прорывать Панамскій перешеекъ, дописать двадцать восьмой томъ своихъ сочиненій, свою картину, оперу». Не будь у людей нашего времени отговорки постояннаго, поглощающаго ихъ всѣхъ труда, они не могли бы жить, какъ живутъ теперь. Только благодаря тому, что они пустымъ и большею частью вреднымъ трудомъ скрываютъ отъ себя тѣ противорѣчія, въ которыхъ они живутъ, только благодаря этому и могутъ люди жить такъ, какъ они живутъ.

И именно въ качествѣ такого средства и представляетъ г-нъ Зола трудъ своимъ слушателямъ. Онъ прямо говоритъ: «Это только эмпирическое средство прожить честную жизнь и почти спокойную. Но развѣ этого мало, развѣ мало того, чтобы пріобрѣсти хорошее физическое и моральное здоровье и избѣжать опасности мечты, разрѣшая трудомъ вопросъ наибольшаго доступнаго человѣку счастія?»

Таковъ совѣтъ, дагаемый молодежи нашего времени г-номъ Зола!

Совсѣмъ другое говоритъ Дюма.

Вотъ его письмо, написанное къ редактору «Gaulois».

Милостивый государь!

Вы спрашиваете моего мнѣнія относительно стремленій, которыя, кажется, что обнаруживаются среди школьной молодежи, и относительно споровъ, которые предшествовали и сопровождали происшествія въ Сорбоннѣ. Я предпочелъ бы не давать своего мнѣнія относительно чего бы то ни было, очень хорошо зная, что это ни къ чему не поведетъ. Люди, которые и прежде были одинаковаго съ нами мнѣнія, останутся въ немъ еще въ продолженіе нѣкотораго времени; тѣ, которые были противоположнаго, будутъ упорствовать въ немъ все болѣе и болѣе. Лучше бы было совсѣмъ не спорить. „Мнѣнія подобны гвоздямъ,—сказалъ одинъ моралистъ изъ моихъ пріятелей: — чѣмъ болѣе по нимъ колотятъ, тѣмъ глубже ихъ вколачиваютъ".

Это не то, чтобы я не имѣлъ своего мнѣнія относительно того, что называютъ великими міровыми вопросами, и относительно различныхъ формъ, которыми человѣческій умъ мгновенно одѣваетъ тѣ предметы, о которыхъ онъ разсуждаетъ. Это мнѣніе такое опредѣленное и такое безусловное, что я предпочелъ бы сохранить его для своего личнаго руководства, не имѣя притязанія ничего творить, ничего разрушать. Мнѣ должно бы было возвратиться къ тѣмъ великимъ политическимъ, соціальнымъ, философскимъ, религіознымъ вопросамъ, и это повело бы насъ слишкомъ далеко, если бы я послѣдовалъ за вами въ изслѣдованіи незначительныхъ внѣшнихъ явленій, вызываемыхъ этими вопросами въ каждомъ новомъ поколѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, каждое новое поколѣніе приходитъ съ мыслями и страстями, старыми какъ міръ, хотя оно думаетъ, что никто не имѣлъ ихъ раньше его, потому, что оно въ первый разъ находится подъ ихъ вліяніемъ, и оно убѣждено, что оно вотъ-вотъ преобразуетъ все существующее.

Въ то время, какъ человѣчество пытается разрѣшить въ продолженіе тысячелѣтій эту великую задачу причинъ и слѣдствій, которую оно едва ли разрѣшитъ и черезъ тысячи вѣковъ, если и допустить—чего я не допускаю—всеможность ея разрѣшенія, двадцатилѣтнія дѣти объявляютъ, что они имѣютъ непровержимое разрѣшеніе ея въ ихъ совершенно молодыхъ мозгахъ. И какъ первый доводъ въ первомъ же спорѣ, они начинаютъ колотить по тѣмъ, которые съ ними несогласны. Должно ли изъ этого заключить, что это есть признакъ возвращенія цѣлаго общества къ религіозному идеалу, временно затемненному и отставленному? или у всѣхъ этихъ молодыхъ апостоловъ это есть только чистый физіологическій вопросъ, — вопросъ горячности крови, силы мускуловъ, горячности и силы, которыя толкали молодежь двадцать лѣтъ тому назадъ на противоположное движеніе? Я склоняюсь къ послѣднему предположенію.

Тотъ грубо ошибался бы, кто хотѣлъ бы видѣть въ проявленіяхъ возраста, полнаго силы, доказательство окончательнаго развитія или хотя бы прочнаго. Тутъ есть только припадокъ лихорадки роста. Какого бы рода ни были тѣ идеи, во имя которыхъ молодые люди колотятъ другъ друга, можно пари держать, что они будутъ противниками этихъ идей, какъ скоро они встрѣтятъ ихъ въ своихъ дѣтяхъ. Возрастъ и опытъ сдѣлаютъ это.

Многіе, многіе изъ воюющихъ и враговъ настоящаго часа рано или поздно встрѣтятся на проселочныхъ дорогахъ жизни, отчасти усталые, отчасти разочарованные борьбой съ дѣйствительностью, и вмѣстѣ, рука съ рукой, вернутся на большую дорогу, съ грустью признавая то, что, несмотря на ихъ прежнія убѣжденія, земля осталась круглой и вертится все въ томъ же направленіи и что тѣ же горизонты разстилаются подъ все тѣмъ же безконечнымъ и закрытымъ небомъ.

Вволю поспоривъ и подравшись — одни во имя вѣры, другіе во имя науки, столько же для того, чтобы доказать, что есть Богъ, сколько и для того, чтобы доказать, что Его нѣтъ, — два утвержденія, насчетъ которыхъ можно драться вѣчно, если рѣшать не разоружаться до тѣхъ поръ, пока не докажутъ,—они согласятся окончательно, что одни не знаютъ объ этомъ больше, чѣмъ другіе, но что они твердо знаютъ, что въ концѣ-концовъ человѣку нужно надѣяться столько же, если и не больше, чѣмъ знать, и что онъ страдаетъ ужасно отъ неизвѣстности, въ которой онъ находится, о вещахъ болѣе всего для него интересныхъ, что онъ постоянно ищетъ положенія лучшаго, чѣмъ то, въ которомъ онъ находится, и что ему надо предоставить полную свободу искать въ области философіи это средство быть болѣе счастливымъ.

Передъ нимъ былъ міръ, который былъ для него и останется послѣ него, и онъ знаетъ, что міръ этотъ вѣченъ и что онъ желалъ бы участвовать въ этой вѣчности. Разъ онъ былъ призванъ къ жизни, онъ требуетъ своей доли въ жизни вѣчной, которая окружаетъ его, возбуждаетъ его, подсмѣивается надъ нимъ и уничтожаетъ его. Такъ какъ онъ знаетъ, что онъ начался, онъ не хочетъ кончиться. Онъ громко призываетъ, онъ тихимъ голосомъ молитъ о достовѣрности, которая постоянно ускользаетъ отъ него для его же счастія потому, что достовѣрное знаніе было бы для него неподвижностью и смертью. Такъ какъ сильнѣйшій двигатель человѣческой энергіи есть неизвѣстное, такъ какъ онъ не можетъ установиться въ достовѣрности, онъ носится въ неопредѣленныхъ идеалахъ, и, какъ бы далеко онъ ни отклонялся въ скептицизмъ, въ отрицанія, вслѣдствіе гордости, любопытства, злобы, моды, онъ всегда возвращается къ надеждѣ, безъ которой онъ не можетъ жить. Это, какъ ссора влюбленныхъ, — ненадолго.

Такъ что бываетъ иногда затемнѣніе, но нѣтъ никогда полнаго исчезновенія человѣческаго идеала. Черезъ него проходятъ философскіе туманы, какъ облака передъ мѣсяцемъ, но бѣлое свѣтило продолжаетъ свое шествіе и вдругъ появляется изъ-за нихъ нетронутымъ и блестящимъ. Эта неудержимая потребность идеала въ человѣкѣ объясняетъ то, что человѣкъ бросался съ такимъ довѣріемъ, съ такимъ восторгомъ, безъ разумнаго контроля въ различныя религіозныя формулы, которыя, обѣщая ему безко-

нечное, предлагали его ему сообразно его природѣ и ставили его въ извѣстныя рамки, всегда необходимыя даже для идеала.

Но вотъ уже давно при каждой станціи движенія человѣчества новые люди выходятъ изъ мрака во все большемъ и большемъ количествѣ, въ особенности за послѣднія 100 лѣтъ, и люди эти во имя разума, науки, наблюденія отрицаютъ истины, объявляютъ ихъ относительными и хотятъ разрушить тѣ формулы, которыя ихъ содержатъ.

Кто правъ въ этомъ спорѣ? Всѣ — до тѣхъ поръ, покуда всѣ ищутъ, и никто—какъ только начинаютъ угрожать. Между истиной, которая составляетъ цѣль, и свободнымъ изслѣдованіемъ, на которое всякій имѣетъ право, силѣ нечего дѣлать, несмотря на знаменитые примѣры противнаго. Сила только удаляетъ цѣль,—вотъ и все. Она не только жестока, она безполезна, что составляетъ самый большой недостатокъ въ дѣлѣ цивилизаціи. Никакой ударъ кулака, какъ бы силенъ онъ ни былъ, не докажетъ ни существованія, ни несуществованія Бога.

И наконецъ та сила, какая бы она ни была, которая сотворила міръ, такъ какъ онъ, какъ мнѣ кажется, все-таки не могъ сотвориться самъ, сдѣлавъ насъ своими орудіями, удержала за собой право знать, зачѣмъ она насъ сдѣлала и куда она насъ ведетъ. Сила эта, несмотря на всѣ намѣренія, которыя ей приписывали, и на всѣ требованія, которыя къ ней предъявляли, — сила эта, какъ кажется, желаетъ удержать свою тайну, и потому (я скажу здѣсь все, что думаю) мнѣ кажется, что человѣчество начинаетъ отказываться отъ желанія проникнуть ее. Человѣчество обращалось къ религіямъ, которыя ничего не доказали ему, потому что онѣ были различны; обращалось къ философіямъ, которыя не болѣе того разъяснили ему, потому что онѣ были противорѣчивы; оно постарается теперь управиться одно со своимъ простымъ инстинктомъ и своимъ здравымъ смысломъ, и, такъ какъ оно живетъ на землѣ, не зная зачѣмъ и какъ, оно постарается быть настолько счастливымъ, насколько это возможно, тѣми средствами, которыя предоставляетъ ему наша планета.

Недавно Зола въ замѣчательной рѣчи, обращенной къ студентамъ, совѣтовалъ имъ какъ лѣкарство, даже какъ панацею противъ всѣхъ затрудненій въ жизни, трудъ. Labor improbus omnia vincit. Лѣкарство извѣстно и отъ этого оно не менѣе хорошо, но оно всегда было и продолжаетъ быть недостаточнымъ. Пусть работаетъ человѣкъ своими мускулами или своимъ умомъ, все-таки никогда не можетъ быть его единственной заботой пріобрѣтеніе пищи, наживаніе состоянія или пріобрѣтеніе славы. Всѣ тѣ, которые ограничиваютъ себя этими цѣлями, чувствуютъ и тогда, когда они достигли ихъ, что имъ еще недостаетъ чего-то: дѣло въ томъ, что, что бы ни производилъ человѣкъ, что бы ни говорилъ, что бы ему ни говорили, онъ состоитъ не только изъ тѣла, которое надо кормить, и ума, который надо образовать и развивать, у него, несомнѣнно, есть еще и душа, которая еще заявляетъ свои требованія. Эта-то душа находится въ непрестающемъ трудѣ, въ постоянномъ развитіи и стремленіи къ свѣту и истинѣ. До тѣхъ поръ, пока она не получитъ весь свѣтъ и не завоюетъ всю истину, она будетъ мучить человѣка.

И вотъ—она никогда такъ не занимала, никогда не налагала съ такою силой свою власть на человѣка, какъ въ наше время. Она, такъ сказать, разлита во всемъ томъ воздухѣ, который вдыхаетъ міръ. Тѣ нѣсколько индивидуальныхъ душъ, которыя отдѣльно желали общественнаго перерожденія, мало-по-малу отыскали, призвали другъ друга, сблизились, соединились, поняли себя и составили группу, центръ притяженія, къ которому стремятся теперь другія души съ четырехъ концовъ свѣта, какъ летятъ жаворонки на зеркало; они составили такимъ образомъ общую, коллективную душу, съ тѣмъ чтобы люди впередъ осуществляли сообща, сознательно и неудержимо предстоящее единеніе и правильный прогрессъ націй, недавно еще враждебныхъ другъ другу. Эту новую душу я нахожу и узнаю въ явленіяхъ, которыя кажутся болѣе всего отрицающими ее.

Эти вооруженія всѣхъ народовъ, эти угрозы, которыя дѣлаютъ другъ другу ихъ представители, эти возобновленія гоненій, извѣстныхъ народностей, эти враждебности между соотечественниками и даже эти ребячества

Сорбонны суть явленія дурного вида, но не дурного предзнаменованія. Это—послѣднія судороги того, что должно исчезнуть. Болѣзнь въ этомъ случаѣ есть только энергическое усиліе организма освободиться отъ смертоноснаго начала.

Тѣ, которые воспользовались и надѣялись еще долго и всегда пользоваться заблужденіями прошедшаго, соединяются съ цѣлью помѣшать всякому измѣненію. Вслѣдствіе этого эти вооруженія, эти угрозы, эти гоненія; но если вы вглядитесь внимательнѣе, вы увидите, что все это только внѣшнее. Все это колоссально, но пусто.

Во всемъ этомъ уже нѣтъ души: она перешла въ иное мѣсто. Всѣ эти милліоны вооруженныхъ людей, которые каждый день упражняются въ виду всеобщей истребительной войны, не ненавидятъ уже тѣхъ, съ которыми они должны сражаться, и ни одинъ изъ ихъ начальниковъ не смѣетъ объявить войны. Что касается до упрековъ, даже заражающихъ, которыя слышатся снизу, то уже сверху начинаетъ отвѣчать имъ признающее ихъ справедливость великое и искреннее состраданіе.

Взаимное пониманіе неизбѣжно наступитъ въ опредѣленное время и болѣе близкое, чѣмъ мы полагаемъ. Я не знаю, происходитъ ли это оттого, что я скоро уйду изъ этого міра, и что свѣтъ, исходящій изъ-подъ горизонта, освѣщающій меня, уже затемняетъ мнѣ зрѣніе, но я думаю, что нашъ міръ вступаетъ въ эпоху осуществленія словъ: „любите другъ друга", безъ разсужденій о томъ, кто сказалъ эти слова: Богъ или человѣкъ.

Спиритуалистическое движеніе, замѣтное со всѣхъ сторонъ и которымъ столько самолюбивыхъ и наивныхъ людей думаютъ управлять, будетъ безусловно человѣчно. Люди, которые ничего не дѣлаютъ съ умѣренностью, будутъ охвачены безуміемъ, бѣшенствомъ любить другъ друга. Это сначала, очевидно, не совершится само собой. Будутъ недоразумѣнія, можетъ-быть, и кровавыя: такъ ужъ мы воспитаны и пріучены ненавидѣть другъ друга часто тѣми самыми людьми, которые призваны научать насъ любви. Но такъ какъ очевидно, что этотъ великій законъ братства долженъ когда-нибудь совершиться, я убѣжденъ, что наступаютъ времена, въ которыя мы неудержимо пожелаемъ, чтобы это совершилось.

А. Дюма.

1 іюня 1893 года.

Главная разница между письмомъ Дюма и рѣчью Зола, не говоря уже о внѣшней разницѣ, состоящей въ томъ, что рѣчь Зола обращена къ молодежи и точно какъ будто заискиваетъ предъ нею (что стало обыкновеннымъ и непріятнымъ явленіемъ нашего времени такъ же, какъ и заискиваніе писателей предъ женщинами), письмо же Дюма не обращено къ молодежи и не говоритъ ей комплиментовъ, а, напротивъ, указываетъ ей ея всегдашнюю ошибку самонадѣянности, и вслѣдствіе этого самаго, вмѣсто того чтобы внушать юношамъ, что они очень важные люди и что въ нихъ вся сила, чего они никакъ не должны думать для того, чтобы сдѣлать что-нибудь путное, научаетъ не только ихъ, но взрослыхъ и старыхъ очень многому,—разница главная въ томъ, что рѣчь Зола усыпляетъ людей удерживая ихъ на томъ пути, на которомъ они стоятъ увѣряя ихъ въ томъ, что то, что они знаютъ, и есть то самое, что имъ нужно знать; письмо же Дюма будитъ людей, указывая имъ то, что жизнь ихъ идетъ совсѣмъ не такъ, какъ она должна идти, и что они не знаютъ того самаго главнаго, что имъ нужно знать. Дюма такъ же мало вѣритъ въ суевѣріе прошедшаго, какъ и въ суевѣріе настоящаго. Но зато и именно потому, что онъ не вѣритъ ни въ суевѣріе прошедшаго,

ни въ суевѣріе настоящаго, онъ самъ наблюдаетъ, самъ думаетъ и потому видитъ ясно не только настоящее, но и будущее, какъ видѣли его всегда тѣ, которыхъ въ древности называли *видящими* пророками. Какъ ни странно это можетъ казаться тѣмъ, которые, читая сочиненіе писателей, видятъ только внѣшнюю сторону писанія, а не душу писателя, тотъ самый Дюма, который написалъ: «Dame aux Camélias», «Affaire Clémenceau» и др., — этотъ самый Дюма видитъ теперь будущее и пророчествуетъ о немъ. Какъ ни странно это кажется намъ, привыкшимъ представлять себѣ пророка въ звѣриной шкурѣ и въ пустынѣ, пророчество остается пророчествомъ, несмотря на то, что оно раздается не на берегахъ Іордана, а печатается на берегахъ Сены въ типографіи «Gaulois», и слова Дюма—дѣйствительное пророчество и носятъ на себѣ всѣ главные признаки пророчества: во-первыхъ, тотъ, что слова эти совершенно противоположны всеобщему настроенію людей, среди которыхъ они раздаются; во-вторыхъ, тотъ, что, несмотря на это, люди, слышащіе эти слова, сами не зная почему, соглашаются съ ними, и въ-третьихъ, главное, тотъ, что пророчество содѣйствуетъ осуществленію того, что оно предсказываетъ.

Чѣмъ люди будутъ больше вѣрить въ то, что они могутъ быть приведены чѣмъ-то внѣшнимъ, дѣйствующимъ само собою, помимо ихъ воли, религіей или наукой, къ измѣненію и улучшенію своей жизни, тѣмъ труднѣе совершится это измѣненіе и улучшеніе. И въ этомъ главный недостатокъ рѣчи Зола. Но, напротивъ, чѣмъ больше они будутъ вѣрить тому, что предсказываетъ Дюма,—тому, что неизбѣжно и скоро наступитъ то время, когда люди всѣ будутъ увлечены любовью другъ къ другу и, отдавшись ей, сами по своей волѣ измѣнятъ всю теперешнюю жизнь,—тѣмъ скорѣе наступитъ это время. И въ этомъ главное достоинство письма Дюма. Зола совѣтуетъ людямъ не измѣнять своей жизни, а только усиливать дѣятельность въ разъ принятомъ направленіи, и этимъ внушаетъ имъ неизмѣненіе ихъ жизни, Дюма же, предсказывая внутреннее измѣненіе чувствъ людей, внушаетъ имъ его.

Дюма предсказываетъ, что люди, испробовавъ все, возьмутся наконецъ—и въ очень скоромъ времени — серьезно за приложеніе къ жизни закона «любви другъ къ другу» и будутъ, какъ онъ говоритъ, охвачены «безуміемъ, бѣшенствомъ» любви. Онъ говоритъ, что видитъ уже среди явленій, представляющихся столь угрожающими, признаки этого новаго нарождающагося любовнаго настроенія людей; видитъ, что поголовно вооруженные народы уже не ненавидятъ другъ друга; видитъ, что въ борьбѣ богатыхъ классовъ съ бѣдными проявляется уже не торжество побѣдителей, а искреннее состраданіе побѣдителей къ побѣжденнымъ и недовольство и стыдъ предъ своей побѣдой; видитъ, главное, какъ онъ говоритъ, образовавшіеся центры любовнаго притяженія, нарастающіе, какъ комъ снѣга, и неизбѣжно долженствующіе привлечь къ себѣ все живое, до сихъ поръ еще не присоединявшееся къ нимъ,—и этимъ путемъ измѣненія настроенія уничтожится все то зло, отъ котораго страдаютъ люди.

Я думаю, что если и можно оспаривать близость того переворота, который предсказываетъ Дюма, или даже самую возможность такого увлеченія людей любовью другъ къ другу, никто не будетъ спорить о томъ, что если бы это случилось, то человѣчество избавилось бы отъ большей части всѣхъ удручающихъ его и угрожающихъ ему бѣдствій. Нельзя не признать того, что если бы люди дѣлали то, что имъ предписывали тысячи лѣтъ тому назадъ не только Христосъ, но и всѣ мудрецы міра, т.-е. хотя бы не только любили другихъ какъ себя, но не дѣлали бы хоть другимъ того, чего не хотятъ, чтобы имъ дѣлали, что если бы люди вмѣсто эгоизма предались альтруизму, если бы складъ жизни изъ индивидуалистическаго перемѣнился въ коллективистическій, какъ на своемъ дурномъ жаргонѣ выражаютъ ту же самую мысль люди науки, то жизнь людей, вмѣсто того чтобы быть бѣдственной, стала бы счастливой. Мало того, всѣ признаютъ и то, что жизнь, продолжаемая на тѣхъ языческихъ основахъ борьбы, на которыхъ она идетъ теперь, приведетъ неизбѣжно человѣчество къ величайшимъ бѣдствіямъ и что время это уже близко. Всѣ люди видятъ, что чѣмъ больше и энергичнѣе будутъ они отнимать другъ у друга землю и произведенія ихъ труда, тѣмъ озлобленнѣе будутъ становиться они и тѣмъ неизбѣжнѣе рано или поздно отнимутъ тѣ люди, у которыхъ болѣе всего отнято, у похитителей то, чего ихъ такъ долго лишали, и жестоко отплатятъ еще за всѣ перенесенныя ими лишенія. Всѣ уже давно видятъ ту до смѣшного очевидную нелѣпость взаимнаго вооруженія народовъ, которое неизбѣжно должно кончиться, если не ужаснѣйшими и безконечными побоищами, то всеобщимъ совершающимся уже разореніемъ и вырожденіемъ всѣхъ людей, участвующихъ въ этомъ кругѣ вооруженій. Кромѣ того, всѣ люди нашего міра признаютъ обязательнымъ для себя или религіозный христіанскій законъ любви, или на томъ же христіанствѣ основанный свѣтскій законъ уваженія къ чужой жизни, личности и правамъ человѣка.

Люди знаютъ все это и, несмотря на то, устраиваютъ жизнь свою противно и своей выгодѣ, и безопасности, и закону, который они исповѣдуютъ.

Очевидно, есть какая-то скрытая, но важная, причина, мѣшающая людямъ исполнять то, что имъ выгодно, что избавило бы ихъ отъ очевидной опасности и что они признаютъ обязательнымъ для себя, религіознымъ или нравственнымъ закономъ. Вѣдь не для того же, чтобы обманывать другъ друга, восхваляется среди нихъ уже столько столѣтій и теперь съ тысячъ разныхъ религіозныхъ и свѣтскихъ каѳедръ проповѣдуется любовь другъ къ другу. Вѣдь давно пора бы людямъ рѣшить, что любовь къ ближнему—выгодное, полезное и доброе дѣло, и на основаніи ея устроить свою жизнь или, признавъ, что любовь есть неосуществимая мечта, перестать говорить о ней. Но люди все не дѣлаютъ ни того, ни другого: они продолжаютъ жить противно любви и продолжаютъ восхвалять ее. Очевидно, они вѣрятъ, что любовь

возможна, желательна и свойственна имъ, но не могутъ осуществить ея. Отчего же это происходитъ?

Всѣ великія перемѣны въ жизни одного человѣка или всего человѣчества начинаются и совершаются только въ мысли. Какія бы ни происходили внѣшнія перемѣны въ жизни людей, какъ ни проповѣдывали бы люди необходимость измѣненія чувствъ и поступковъ, жизнь людей не измѣнится до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ перемѣны въ мысли. Но стоитъ произойти перемѣнѣ въ мысли, и рано или поздно, смотря по важности перемѣны, она произойдетъ въ чувствахъ и въ дѣйствіяхъ, и въ жизни людей такъ же неизбѣжно, какъ произойдетъ поворотъ корабля послѣ поворота руля.

Съ первыхъ словъ своей проповѣди Христосъ не говорилъ людямъ: поступайте такъ или этакъ, имѣйте такія или иныя чувства: но Онъ говорилъ людямъ: μετανοεῖτε—одумайтесь, измѣните свое пониманіе жизни. Онъ не говорилъ людямъ: любите другъ друга (это ужъ Онъ говорилъ послѣ Своимъ ученикамъ, людямъ, понявшимъ Его ученіе); но Онъ говорилъ всѣмъ людямъ то же, что говорилъ Его предшественникъ Іоаннъ Креститель: покайтесь, т.-е. одумайтесь, измѣните свое пониманіе жизни, μετανοεῖτε,—одумайтесь, иначе всѣ погибнете, говорилъ Онъ. Не можетъ смыслъ вашей жизни состоять въ томъ, чтобы каждый изъ васъ искалъ отдѣльнаго блага своей личности или блага извѣстной совокупности людей, говорилъ Онъ, потому что благо это, пріобрѣтаемое въ ущербъ другимъ личностямъ, семьямъ, народамъ и ищущимъ того же и тѣми же средствами, очевидно не только не достижимо, но неизбѣжно должно привести васъ къ погибели. Поймите то, что смыслъ вашей жизни можетъ быть только въ исполненіи воли Того, Кто послалъ васъ въ нее и требуетъ отъ васъ не служенія вашимъ личнымъ цѣлямъ, а Его цѣли, состоящей въ установленіи единенія и любви между всѣми тварями, въ установленіи царства небеснаго, когда перекуютъ мечи на сошники и копья на серпы и левъ будетъ лежать съ ягненкомъ, какъ выражали это пророки. Измѣните ваше пониманіе жизни, иначе всѣ погибнете, говорилъ Онъ. Но люди не слушали Христа и не измѣнили своего пониманія жизни тогда и до сихъ поръ удержали его. И вотъ это ложное пониманіе жизни, удерживаемое людьми, несмотря на усложненіе формъ жизни и развитіе сознанія людей нашего времени, и составляетъ ту причину, по которой люди, понимая всю благодѣтельность любви, всю опасность жизни, противной ей, признавая ее закономъ своего Бога или закономъ жизни, все-таки не могутъ слѣдовать ей.

И въ самомъ дѣлѣ, какая же есть возможность человѣку нашего міра, полагающему цѣль своей жизни въ своемъ личномъ или семейномъ или народномъ благѣ, добываемомъ только напряженною борьбой съ другими людьми, стремящимися къ тому же, среди учрежденій міра, узаконивающихъ всякую борьбу и насиліе, дѣйствительно любить тѣхъ, которые всегда стоятъ ему на дорогѣ и которыхъ онъ долженъ неизбѣжно губить для достиженія поставленныхъ имъ для себя цѣлей?

Для того, чтобы могла произойти перемѣна чувствъ и поступковъ, должна произойти прежде всего перемѣна мысли. Для того же, чтобы могла произойти перемѣна мысли, человѣку необходимо остановиться и обратить вниманіе на то, что ему нужно понять. Чтобы люди, съ крикомъ и грохотомъ колесъ несущіеся къ пропасти, услыхали то, что имъ кричатъ тѣ, которые хотятъ спасти ихъ, имъ надо прежде всего остановиться. А то какъ же человѣкъ измѣнитъ свои мысли, свое пониманіе жизни, когда онъ не переставая будетъ съ увлеченіемъ, да еще подгоняемый людьми, которые увѣряютъ его, что это-то и нужно, работать на основаніи того самаго ложнаго пониманія жизни, которое ему нужно измѣнить?

Страданія людей, вытекающія изъ ложнаго пониманія жизни, такъ назрѣли, благо, даваемое истиннымъ пониманіемъ жизни, такъ стало всѣмъ ясно и очевидно, что для того, чтобы люди измѣнили свою жизнь сообразно своему сознанію, имъ не нужно въ наше время уже ничего предпринимать, ничего дѣлать, а нужно только остановиться, перестать дѣлать то, что они дѣлаютъ, сосредоточиться и подумать.

Люди нашего христіанскаго міра находятся въ томъ же положеніи, въ которомъ находились бы люди, надрывающіеся надъ стягиваніемъ съ мѣста легкой тяжести только потому, что они спѣша не могутъ сговориться и не переставая тянутъ въ противоположныя стороны.

Если въ прежнее время, когда еще не до такой степени выяснилась бѣдственность языческой жизни и благо, обѣщаемое любовью, люди могли безсознательно поддерживать рабство угнетенія, казни, войны и разумными доводами защищать свое положеніе, то въ настоящее время это стало уже совершенно невозможно: люди нашего времени могутъ жить языческою жизнью, но уже не могутъ оправдывать ее. Людямъ нашего христіанскаго міра стоитъ только на минуту остановиться въ своей дѣятельности, обдумать свое положеніе, примѣрить требованіе своего разума и своего сердца къ окружающимъ ихъ условіямъ жизни, чтобы увидать, что вся жизнь ихъ, всѣ поступки ихъ есть постоянное вопіющее противорѣчіе съ ихъ совѣстью, разумомъ и сердцемъ.

Спросите отдѣльно каждаго человѣка нашего времени о томъ, чѣмъ онъ руководится и считаетъ нужнымъ руководиться въ своей жизни, и почти каждый скажетъ вамъ, что онъ руководится если не любовью, то справедливостью, — скажетъ вамъ, что для него лично, признающаго или обязанность христіанскаго ученія, или нравственные свѣтскіе принципы, основанные на томъ же христіанствѣ, не нужны ни насилія, ни суды, ни казни, ни война, и что подчиняется этимъ условіямъ жизни потому, что они нужны для другихъ людей: спросите другого, третьяго, и почти всѣ скажутъ то же. И всѣ они искренни. По свойству ихъ сознанія большинство людей нашего времени уже давно должны бы жить между собой, какъ

христіане. Посмотрите, какъ они живутъ въ дѣйствительности: они живутъ, какъ звѣри.

Итакъ, большинство людей христіанскаго міра нашего времени живетъ языческою жизнью не столько потому, что оно желаетъ жить такъ, сколько потому, что устройство жизни, когда-то нужное для людей съ совершенно другимъ сознаніемъ, осталось то же и поддерживается постоянною суетой людей, не дающею имъ времени опомниться и измѣнить его соотвѣтственно своему сознанію.

Стоитъ людямъ перестать хоть только на время дѣлать то, что имъ совѣтуютъ Зола и его мнимые противники, всѣ тѣ, которые подъ предлогомъ медленнаго и постепеннаго прогресса желаютъ удержать существующій порядокъ: перестать одурять себя ложными вѣрованіями религіи или науки, и, главное, неустаннымъ самодовольнымъ трудомъ надъ дѣлами, не оправдываемыми ихъ совѣстью, и они тотчасъ же увидали бы, что смыслъ ихъ жизни не можетъ быть въ очевидно обманчивомъ стремленіи къ одиночному, построенному на борьбѣ съ другими, благу личному, семейному, народному или государственному; увидали бы, что единственный возможный разумный смыслъ жизни есть тотъ, который уже 1800 лѣтъ тому назадъ былъ христіанствомъ открытъ человѣчеству.

Пиръ уже давно готовъ и уже давно всѣ званы на него; но одинъ купилъ землю, другой женится, третій пробуетъ быковъ, четвертый строитъ желѣзную дорогу, фабрику; занятъ миссіонерствомъ въ Индіи или Японіи, читаетъ проповѣди, проводитъ билль «гомъ-руля» или военнаго закона или проваливаетъ его, держитъ экзаменъ, пишетъ ученое сочиненіе, поэму, романъ. Всѣмъ некогда, некогда очнуться опомниться, оглянуться на себя и на міръ и спросить себя: что я дѣлаю? зачѣмъ? Вѣдь не можетъ же быть того, чтобы та сила, которая произвела меня на свѣтъ съ моими свойствами разума и любви, произвела меня съ ними только затѣмъ, чтобы обмануть, только затѣмъ, чтобы я, вообразивъ себѣ, что для достиженія наибольшаго блага своей гибнущей личности я могу распоряжаться, какъ хочу, своею и другими жизнями, убѣдился, наконецъ, что чѣмъ больше я стараюсь дѣлать все это, тѣмъ хуже и мнѣ, и семьѣ, и народу и тѣмъ дальше отступаю я и отъ требованій любви и разума, вложенныхъ въ меня и ни на минуту не перестающихъ заявлять свои требованія, и отъ истиннаго блага. Не можетъ же быть того, чтобы эти высшія свойства моей души были присвоены мнѣ только затѣмъ, чтобы они, какъ колодка на ногахъ плѣнника, мѣшали мнѣ въ достиженіи моихъ цѣлей. И не вѣроятнѣе ли то, что сила, произведшая меня на свѣтъ, произвела меня съ моими разумомъ и любовью не для моихъ случайныхъ, мгновенныхъ, всегда противныхъ цѣлямъ другихъ существъ, цѣлей (чего она и не могла сдѣлать, такъ какъ меня и моихъ цѣлей не было еще, когда она производила меня), а для достиженія своей цѣли, для содѣйствія которой и даны мнѣ эти основныя свойства моей души. И потому не лучше ли мнѣ вмѣсто того, чтобы упорствуя въ слѣдованіи

своей волѣ и волѣ другихъ людей, противныхъ этимъ высшимъ свойствамъ и приводящихъ меня къ бѣдствіямъ, разъ навсегда признавъ цѣлью своей жизни исполненіе воли пославшаго меня, во всемъ и всегда, несмотря ни на какія другія соображенія, слѣдовать только тѣмъ указаніямъ разума и любви, которыя Онъ вложилъ въ меня для исполненія Его воли?

Таково христіанское пониманіе жизни, просящееся въ душу каждаго человѣка нашего времени. Для того, чтобы осуществилось царство Божіе, нужно, чтобы всѣ люди начали любить другъ друга безъ различія личностей, семей, народностей. Для того, чтобы люди могли такъ любить другъ друга, нужно, чтобы измѣнилось ихъ жизнепониманіе. Для того, чтобы измѣнилось ихъ жизнепониманіе, нужно, чтобы они опомнились; а чтобы они могли опомниться, имъ нужно прежде всего остановиться хоть на время въ той горячечной дѣятельности во имя дѣлъ, требуемыхъ языческимъ пониманіемъ жизни, которой они предаются; нужно хоть на время освободиться отъ того, что индѣйцы называютъ «сансара», отъ той суеты жизни, которая болѣе всего другого мѣшаетъ людямъ понять смыслъ ихъ существованія.

Бѣдственность жизни языческой и ясность и распространенность христіанскаго сознанія дошли въ наше время до такой степени, что людямъ стоитъ только остановиться въ своей суетѣ, и они тотчасъ увидятъ безсмысленность своей дѣятельности и христіанское пониманіе само собой, такъ же неизбѣжно, какъ неизбѣжно на морозѣ замерзаетъ вода, какъ скоро перестать шевелить ее, сломится въ ихъ сознаніи. А стоитъ людямъ усвоить это жизнепониманіе, и любовь ихъ другъ къ другу, ко всѣмъ людямъ, ко всему живому, находящаяся теперь въ нихъ въ скрытомъ состояніи, такъ же неизбѣжно проявится въ ихъ дѣятельности и станетъ двигателемъ всѣхъ ихъ поступковъ, какъ теперь при языческомъ пониманіи жизни проявляется любовь къ себѣ, къ своей исключительной семьѣ, исключительному народу.

А стоитъ проявиться этой любви христіанской въ людяхъ, и сами собой, безъ малѣйшаго усилія, распадутся старыя и сложатся тѣ новыя формы благой жизни, отсутствіе которыхъ представляется людямъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію того, чего уже давно требуетъ ихъ разумъ и сердце.

Только бы люди одну сотую той энергіи, которую они прилагаютъ теперь къ совершенію различныхъ матеріальныхъ, ничѣмъ не оправданныхъ и потому затемняющихъ ихъ сознаніе дѣлъ, употребили на уясненіе этого самаго сознанія и на исполненіе того, чего оно требуетъ отъ нихъ, и гораздо скорѣе и проще, чѣмъ мы можемъ себѣ представить это, установилось бы то царство Божіе, котораго Онъ требуетъ отъ людей, и люди нашли бы то благо, которое обѣщано имъ.

Ищите царства Божія и правды Его, а остальное приложится вамъ.

9 августа 1893 г.

РЕЛИГІЯ и НРАВСТВЕННОСТЬ.

Вы спрашиваете меня: 1) что я понимаю подъ словомъ «религія» и 2) считаю ли я возможной нравственность, независимую отъ религіи, какъ я понимаю ее?

Постараюсь по мѣрѣ своихъ силъ наилучшимъ образомъ отвѣтить на эти въ высшей степени важные и прекрасно поставленные вопросы.

Слову «религія» приписываются обыкновенно три различныхъ значенія.

Первое то, что религія есть извѣстное данное Богомъ людямъ истинное откровеніе и вытекающее изъ этого откровенія богопочитаніе. Такое значеніе приписываютъ религіи люди, вѣрующіе въ какую-нибудь одну изъ существующихъ религій и считающіе поэтому эту одну религію истинною.

Второе значеніе, приписываемое религіи, то, что религія есть сводъ извѣстныхъ суевѣрныхъ положеній и вытекающее изъ этихъ положеній суевѣрное богопочитаніе. Такое значеніе приписывается религіи людьми невѣрующими вообще или невѣрующими въ ту религію, которую они опредѣляютъ.

Третье значеніе, приписываемое религіи, то, что религія есть сводъ придуманныхъ умными людьми положеній и законовъ, необходимыхъ грубымъ народнымъ массамъ, какъ для ихъ утѣшенія, такъ и для сдерживанія ихъ страстей и для управленія ими. Такое значеніе приписываютъ религіи люди равнодушные къ религіи, какъ религіи, но считающіе ее полезнымъ орудіемъ государственности.

Религія по первому опредѣленію есть несомнѣнная непререкаемая истина, которую желательно и даже обязательно для блага людей распространять между ними всѣми возможными средствами.

По второму опредѣленію религія есть собраніе суевѣрій, отъ которыхъ желательно и даже обязательно для блага человѣчества всѣми возможными средствами избавлять людей.

По третьему опредѣленію религія есть извѣстное полезное для людей приспособленіе, хотя и не нужное для людей высшаго развитія, необходимое, однако, для утѣшенія грубаго народа и для управленія имъ, которое поэтому необходимо поддерживать.

Первое опредѣленіе подобно тому, которое сдѣлалъ бы человѣкъ музыкѣ, сказавъ, что музыка есть та самая извѣстная ему любимая имъ пѣсня, которой желательно научить какъ можно больше народа.

Второе—подобно тому, которое сдѣлалъ бы музыкѣ человѣкъ не понимающій и потому не любящій ее, сказавъ, что музыка есть произведеніе звуковъ гортанью и ртомъ, или руками надъ извѣстными инструментами, и что надо отучить людей, какъ можно скорѣе, отъ этого ненужнаго или даже вреднаго занятія.

Третье—подобно тому, которое бы сдѣлалъ человѣкъ музыкѣ, сказавъ, что это есть дѣло полезное для обученія танцамъ или для маршированія, и которое для этихъ цѣлей надо поддерживать.

Различіе и неполнота этихъ опредѣленій происходитъ оттого, что всѣ они не захватываютъ сущности музыки, а опредѣляютъ только признаки ея, смотря по точкѣ зрѣнія опредѣляющаго. Точно такъ же и съ тремя данными опредѣленіями религіи.

По первому опредѣленію религія есть то, во что̀, по его убѣжденію, справедливо вѣритъ тотъ человѣкъ, который опредѣляетъ ее.

По второму опредѣленію она есть то, во что̀, по наблюденіямъ опредѣляющаго, несправедливо вѣрятъ другіе люди.

По третьему опредѣленію она есть то, во что̀ полезно заставлять вѣрить людей.

Во всѣхъ трехъ опредѣленіяхъ опредѣляется не то, что составляетъ сущность религіи, а вѣра людей въ то, что̀ они считаютъ религіей. При первомъ опредѣленіи подъ понятіе религіи подставляется вѣра того, кто опредѣляетъ религію; при второмъ опредѣленіи—вѣра другихъ людей въ то, что̀ эти другіе люди считаютъ религіей, при третьемъ опредѣленіи вѣра людей въ то, что̀ имъ выдаютъ за религію.

Но что̀ же такое вѣра? И почему люди вѣрятъ въ то, во что̀ вѣрятъ? Что̀ такое вѣра и откуда она возникла?

Среди большинства людей культурной толпы считается вопросомъ рѣшеннымъ то, что сущность всякой религіи состоитъ въ происшедшемъ отъ суевѣрнаго страха предъ непонятными явленіями природы олицетвореніи, обоготвореніи этихъ силъ природы и поклоненіи имъ.

Мнѣніе это принимается безъ критики, на вѣру всей культурною толпой нашего времени и не только не встрѣчаетъ возраженія въ людяхъ науки, но большею частью среди нихъ-то и находитъ самыя опредѣленныя подтвержденія. Если и раздаются изрѣдка голоса людей, какъ Макса Мюллера и другихъ, приписывающихъ религіи другое происхожденіе и смыслъ, то голоса эти не слышны и не замѣтны среди всеобщаго единодушнаго признанія религіи вообще проявленіемъ суевѣрія и невѣжества. Еще недавно, въ началѣ настоящаго столѣтія самые передовые люди если и отвергали католичество, протестантство и православіе, какъ это дѣлали энциклопедисты конца прошлаго столѣтія, то никто изъ нихъ не отвергалъ того, что религія вообще была и есть необходимое условіе жизни каждаго человѣка. Не говоря о деистахъ, какъ Бернарденъ-де-Сенъ-Пьеръ, Дидро и Руссо, Вольтеръ ставилъ памятникъ Богу, Робеспьеръ устанавливалъ празднество высшаго

существа. Но въ наше время, благодаря легкомысленному и по верхностному ученію Огюста Конта, искренно вѣрившаго, какъ и большинство французовъ, что христіанство есть не что иное, какъ католичество и потому въ католичествѣ видѣвшаго полное осуществленіе христіанства, рѣшено и признано культурною толпой, какъ всегда охотно и быстро принимающей самыя низменныя представленія, рѣшено и признано, что религія есть только извѣстная, давно уже пережитая фаза развитія человѣчества, мѣшающая его прогрессу. Признается, что человѣчество пережило уже два періода, религіозный и метафизическій, и теперь вступило въ третій высшій—научный, и что всѣ явленія религіозныя среди людей суть только переживанія когда-то нужнаго духовнаго органа человѣчества, уже давно потерявшаго свой смыслъ и значеніе, въ родѣ ногтя пятаго пальца лошади. Признается, что сущность религіи состоитъ въ вызванномъ страхомъ предъ непонятными силами природы признаніи воображаемыхъ существъ и поклоненіи имъ, какъ это еще въ древности думалъ Демокритъ и какъ это утверждаютъ новѣйшіе философы и историки религій.

Но, не говоря уже о томъ, что признаніе невидимыхъ сверхъестественныхъ существъ или существа происходило и происходитъ не всегда отъ страха передъ невѣдомыми силами природы, какъ свидѣтельствуютъ о томъ сотни самыхъ передовыхъ и высокообразованныхъ людей прошедшаго времени, какъ Сократы, Декарты, Ньютоны, и такихъ же людей нашего времени, никакъ уже не изъ страха предъ невѣдомыми силами природы признававшихъ высшія сверхъестественныя существа, или существо, утвержденіе о томъ, что религія произошла отъ суевѣрнаго страха людей предъ непонятными силами природы, въ дѣйствительности ничего не отвѣчаетъ на главный вопросъ: откуда взялось въ людяхъ представленіе о невидимыхъ сверхъестественныхъ существахъ?

Если люди боялись грома и молніи, то они и боялись бы грома и молніи, но для чего же они придумали какое-то невидимое сверхъестественное существо, Юпитера, .которое гдѣ-то находится и кидаетъ иногда въ людей стрѣлами?

Если люди были поражены видомъ смерти, то они и боялись бы смерти, а для чего же они «придумали» души умершихъ, съ которыми стали входить въ воображаемое сношеніе? Отъ грома люди могли прятаться, отъ ужаса передъ смертью могли бѣжать отъ нея, но придумали они вѣчное и могущественное существо, отъ котораго они считаютъ себя въ зависимости, и живыя души умершихъ не отъ страха только, а по какимъ-то другимъ причинамъ. И въ этихъ-то причинахъ, очевидно, и заключается сущность того, что называется религіей. Кромѣ того, всякій человѣкъ когда-либо, хотя бы въ дѣтствѣ, испытавшій религіозное чувство, по своему личному опыту знаетъ, что чувство это всегда вызываемо было въ немъ не внѣшними страшными вещественными явленіями, а внутреннимъ, не имѣющимъ ничего общаго съ страхомъ передъ непонятными силами природы, сознаніемъ своего ничтожества, одиночества и своей грѣховности. И потому человѣкъ и по внѣш-

нему наблюденію и по личному опыту можетъ узнать, что религія не есть поклоненіе божествамъ, вызванное суевѣрнымъ страхомъ передъ невѣдомыми силами природы, которое свойственно людямъ только въ извѣстный періодъ ихъ развитія, а нѣчто совершенно независимое отъ страха и отъ степени образованія человѣка и не могущее уничтожиться никакимъ развитіемъ просвѣщенія, такъ какъ сознаніе человѣкомъ своей конечности среди безконечнаго міра и своей грѣховности, т.-е. неисполненія всего того, что онъ могъ бы и долженъ былъ сдѣлать, но не сдѣлалъ, всегда было и всегда будетъ до тѣхъ поръ, пока человѣкъ останется человѣкомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всякій человѣкъ, какъ только онъ выходитъ изъ животнаго состоянія ребячества и перваго дѣтства, во время котораго онъ живетъ, руководясь только тѣми требованіями, которыя предъявляются ему его животною природой, — всякій человѣкъ, проснувшись къ разумному сознанію, не можетъ не замѣтить того, что все вокругъ него живетъ, возобновляясь, не уничтожаясь и неуклонно подчиняясь одному опредѣленному, вѣчному закону, а что онъ только одинъ, сознавая себя отдѣльнымъ отъ всего міра существомъ, приговоренъ къ смерти, исчезновенію въ безпредѣльномъ пространствѣ и безконечномъ времени и къ мучительному сознанію отвѣтственности въ своихъ поступкахъ, т.-е. сознанію того, что, поступивъ нехорошо, онъ могъ бы поступить лучше. И, понявъ это, всякій разумный человѣкъ не можетъ не задуматься и не спросить себя: для чего это его мгновенное, неопредѣленное и колеблющееся существованіе среди этого вѣчнаго, твердо опредѣленнаго и безконечнаго міра? Вступая въ истинную человѣческую жизнь, человѣкъ не можетъ обойти этого вопроса.

Вопросъ этотъ стоитъ всегда передъ каждымъ человѣкомъ и всякій человѣкъ всегда такъ или иначе отвѣчаетъ на него. Отвѣтъ же на этотъ вопросъ и есть то, что составляетъ сущность всякой религіи. Сущность всякой религіи состоитъ только въ отвѣтѣ на вопросъ: зачѣмъ я живу и какое мое отношеніе къ окружающему меня безконечному міру.

Вся же метафизика религіи, всѣ ученія о божествахъ, о происхожденіи міра, все внѣшнее богопочитаніе, которыя обыкновенно принимаются за религію, суть только различные по географическимъ, этнографическимъ и историческимъ условіямъ сопутствующіе религіи признаки. Нѣтъ ни одной религіи, отъ самой возвышенной и до самой грубой, которая не имѣла бы въ основѣ своей этого установленія отношенія человѣка къ окружающему его міру или первопричинѣ его. Нѣтъ ни одного самаго грубаго религіознаго обряда, такъ же какъ и самаго утонченнаго культа, которые не имѣли бы въ своей основѣ того же самаго. Всякое религіозное ученіе есть выраженіе основателемъ религіи того отношенія, въ которомъ онъ признаетъ себя, а вслѣдствіе того и всѣхъ другихъ людей, къ міру или началу и первопричинѣ его.

Выраженія этихъ отношеній очень многообразны, соотвѣтственно этнографическимъ и историческимъ условіямъ, въ которыхъ

находятся основатель религіи и народъ, усвоивающій ее, кромѣ того, выраженія эти всегда различно перетолковываются и уродуются послѣдователями учителя, обыкновенно на сотни, иногда на тысячи лѣтъ предваряющаго пониманія массъ, и потому этихъ отношеній человѣка къ міру, т.-е. религіи, кажется очень много, но въ сущности основныхъ отношеній человѣка къ міру или началу его есть только три: 1) первобытное личное, 2) языческое общественное или семейно-государственное и 3) христіанское или божеское.

Строго говоря, основныхъ отношеній человѣка къ міру только два: личное, состоящее въ признаніи смысла жизни въ благѣ личности и пріобрѣтаемомъ отдѣльно или въ соединеніи съ другими личностями, и христіанское, признающее смыслъ жизни въ служеніи Пославшему человѣка въ міръ. Второе же отношеніе человѣка къ міру—общественное—въ сущности есть только расширеніе перваго.

Первое изъ этихъ отношеній, самое древнее — то, которое теперь встрѣчается между людьми, стоящими на самой низшей ступени развитія—состоитъ въ томъ, что человѣкъ признаетъ себя самодовлѣющимъ существомъ, живущимъ въ мірѣ для пріобрѣтенія въ немъ наибольшаго возможнаго личнаго блага, независимо отъ того, насколько страдаетъ отъ этого благо другихъ существъ.

Изъ этого самаго перваго отношенія къ міру, въ которомъ находится всякій ребенокъ, вступая въ жизнь, и въ которомъ жило человѣчество на первой ступени своего развитія и живутъ еще и теперь многіе, отдѣльные, самые нравственно-грубые люди и дикіе народы, вытекаютъ всѣ языческія древнія религіи, такъ же какъ и низшія формы позднѣйшихъ религій въ ихъ извращенномъ видѣ: буддизмъ [1]), таосизмъ, магометанство и друг. Изъ этого же отношенія къ міру вытекаетъ и новѣйшій спиритизмъ, имѣющій въ основѣ своей сохраненіе личности и блага ея. Всѣ языческіе культы—гаданія, обоготворенія такихъ же, какъ и человѣкъ, наслаждающихся существъ, или святыхъ, молящихся за него, всѣ жертвоприношенія и молитвы о дарованіи ему благъ земныхъ и избавленія отъ бѣдствій—вытекаютъ изъ этого отношенія къ жизни.

Второе языческое отношеніе человѣка къ міру, общественное— то, которое устанавливается имъ на слѣдующей ступени развитія, отношеніе, свойственное преимущественно возмужалымъ людямъ— состоитъ въ томъ, что значеніе жизни признается не въ благѣ одной отдѣльной личности, а въ благѣ извѣстной совокупности личностей: семьи, рода, народа, государства, даже человѣчества (попытка религіи позитивистовъ).

[1]) Буддизмъ, хотя и требующій отъ своихъ послѣдователей отреченія отъ благъ міра и отъ самой жизни, основывается на томъ же отношеніи самодовлѣющей и предназначенной къ благу личности къ окружающему ее міру, только съ тою разницей, что прямое язычество признаетъ право человѣка на наслажденія, буддизмъ же—на отсутствіе страданій. Язычество считаетъ, что міръ долженъ служить благу личности. Буддизмъ считаетъ, что міръ долженъ исчезнуть, такъ какъ онъ производитъ страданія личности. Буддизмъ есть только отрицательное язычество.

Смыслъ жизни при этомъ отношеніи человѣка къ міру переносится изъ личности въ семью, родъ, народъ, государства, въ извѣстную совокупность личностей, благо которой и считается при этомъ цѣлью существованія. Изъ этого отношенія вытекаютъ всѣ одного характера религіи патріархальныя и общественныя: китайская, японская религія, религія избраннаго народа — еврейская, государственная религія римлянъ, наша церковно-государственная, низведенная на эту степень Августиномъ, хотя она и называется несвойственнымъ ей именемъ—христіанской, и предполагаемая религія человѣчества—позитивистовъ. Всѣ обряды поклоненія предкамъ въ Китаѣ и Японіи, поклоненія императорамъ въ Римѣ; вся многосложная еврейская обрядность, имѣющая цѣлью соблюсти договоръ избраннаго народа съ Богомъ, всѣ семейныя, общественныя церковно-христіанскія молебствія за благоденствіе государства и за военные успѣхи зиждутся на этомъ отношеніи человѣка къ міру.

Третье отношеніе человѣка къ міру, христіанское — то, въ которомъ невольно чувствуетъ себя всякій старый человѣкъ и въ которое вступаетъ теперь, по моему мнѣнію, человѣчество—состоитъ въ томъ, что значеніе жизни признается человѣкомъ уже не въ достиженіи своей личной цѣли или цѣли какой-либо совокупности людей, а только въ служеніи той Волѣ, которая произвела его и весь міръ для достиженія не своихъ цѣлей, а цѣлей этой Воли.

Изъ этого отношенія къ міру вытекаетъ высшее извѣстное намъ религіозное ученіе, зачатки котораго были уже у пиѳагорійцевъ, терапевтовъ, ессеевъ, египтянъ, персовъ, браминовъ, буддистовъ и таосистовъ въ ихъ высшихъ представителяхъ, но которое получило свое полное и послѣднее выраженіе только въ христіанствѣ—въ его истинномъ, неизвращенномъ значеніи.

Всѣ обряды древнихъ религій, вытекавшихъ изъ этого пониманія жизни, и всѣ въ наше время внѣшнія формы общенія унитаріанцевъ, универсалистовъ, квакеровъ, сербскихъ назареновъ, русскихъ духоборовъ и всѣхъ такъ называемыхъ раціоналистическихъ сектъ, всѣ проповѣди, пѣснопѣнія, бесѣды, книги ихъ— суть религіозныя проявленія этого отношенія человѣка къ міру.

Всѣ возможныя религіи, какія бы онѣ ни были, неизбѣжно распредѣляются между этими тремя отношеніями людей къ міру.

Всякій человѣкъ, вышедшій изъ животнаго состоянія, неизбѣжно признаетъ то или другое или третье изъ этихъ отношеній, и въ этомъ признаніи и состоитъ истинная религія каждаго человѣка, несмотря на то, къ какому исповѣданію онъ номинально признаетъ себя принадлежащимъ.

Каждый человѣкъ непремѣнно какъ-нибудь представляетъ себѣ свое отношеніе къ міру, потому что разумное существо не можетъ жить въ мірѣ, окружающемъ его, не имѣя какого-либо отношенія къ нему. А такъ какъ отношеній къ этому міру человѣчествомъ до сихъ поръ выработано и намъ извѣстно только три, то всякій человѣкъ неизбѣжно держится одного изъ трехъ существующихъ

отношеній и—хочетъ или не хочетъ того—принадлежитъ къ одной изъ трехъ основныхъ религій, между которыми распредѣляется весь родъ человѣческій.

И потому весьма распространенное утвержденіе людей культурной толпы христіанскаго міра о томъ, что они поднялись на такую высоту развитія, что уже не нуждаются ни въ какой религіи и не имѣютъ ея, въ сущности означаетъ только то, что люди эти, не признавая религіи христіанской, той единственной религіи, которая свойственна нашему времени, держатся низшей—или общественно-семейно-государственной или первобытной языческой — религіи, сами не сознавая этого. Человѣкъ безъ религіи, т.-е. безъ какого-либо отношенія къ міру, такъ же не возможенъ, какъ человѣкъ безъ сердца. Онъ можетъ не знать, что у него есть религія, какъ можетъ человѣкъ не знать того, что у него есть сердце; но какъ безъ сердца, такъ и безъ религіи человѣкъ не можетъ существовать.

Религія есть то отношеніе, въ которомъ признаетъ себя человѣкъ къ окружающему его безконечному міру, или началу и первопричинѣ его, и разумный человѣкъ не можетъ не находиться въ какомъ-нибудь отношеніи къ нему.

Но вы скажете, можетъ-быть, что установленіе отношенія человѣка къ міру есть дѣло не религіи, но философіи и вообще науки, если разсматривать философію, какъ часть ея. Я не думаю этого. Я думаю, напротивъ, что предположеніе о томъ, что наука вообще, включая въ нее и философію, можетъ установить отношеніе человѣка къ міру, совершенно ошибочно и служитъ главною причиной той путаницы понятій о религіи, наукѣ и нравственности, которыя существуютъ въ культурныхъ слояхъ нашего общества.

Наука, включая въ нее философію, не можетъ установить отношенія человѣка къ безконечному міру или началу его уже по одному тому, что прежде, чѣмъ могла возникнуть какая-нибудь философія или какая-нибудь наука, должно было уже существовать то, безъ чего невозможна никакая дѣятельность мысли, какое-либо, то или другое, отношеніе человѣка къ міру.

Какъ не можетъ человѣкъ посредствомъ какого бы то ни было движенія найти то направленіе, по которому ему нужно двигаться, а всякое движеніе неизбѣжно совершается по какому-нибудь направленію, такъ точно невозможно посредствомъ умственной работы, философіи или науки, найти то направленіе, въ которомъ должна быть совершена эта работа, а всякая умственная работа неизбѣжно совершается по какому-нибудь уже данному ей направленію. И такое направленіе для всякой умственной работы указываетъ всегда религія. Всѣ извѣстныя намъ философіи, начиная отъ Платона и до Шопенгауэра, всегда неизбѣжно слѣдовали даваемому имъ религіей направленію. Философія Платона и его послѣдователей была философіей *языческой*, изслѣдовавшей средства пріобрѣтенія наибольшаго блага какъ отдѣльной личности, такъ и совокупности личностей въ *государствѣ*. Средневѣковая цер-

ковно-христіанская философія, вытекая изъ того же языческаго пониманія жизни, изслѣдовала способы спасенія личности, т.-е. пріобрѣтенія наибольшаго блага личности въ будущей жизни, и только въ своихъ теократическихъ попыткахъ трактовала объ устройствѣ блага обществъ.

Новѣйшая философія, какъ Гегеля, такъ и Конта, имѣетъ въ своей основѣ общественно-государственное религіозное пониманіе жизни. Философія пессимизма Шопенгауэра и Гартмана, хотѣвшаго освободиться отъ еврейскаго религіознаго міросозерцанія, невольно подпала религіознымъ основамъ буддизма. Философія всегда была и будетъ только изслѣдованіемъ того, что вытекаетъ изъ установленнаго религіей отношенія человѣка къ міру, такъ какъ до установленія этого отношенія нѣтъ матеріала для философскаго изслѣдованія.

Точно такъ же и наука положительная въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такая наука всегда была и будетъ только изслѣдованіемъ и изученіемъ всѣхъ тѣхъ предметовъ и явленій, которые представляются подлежащими изслѣдованію, вслѣдствіе извѣстнаго, установленнаго религіей отношенія человѣка къ міру

Наука всегда была и будетъ не изученіемъ «всего», какъ это наивно теперь думаютъ люди науки (это и невозможно, такъ какъ предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію, безчисленное количество), а только того, что религія въ правильномъ порядкѣ и по степени ихъ важности выдвигаетъ изъ всего безчисленнаго количества предметовъ, явленій и условій, подлежащихъ изслѣдованію. И потому наука не одна, а есть столько же наукъ, сколько есть религій. Каждая религія отбираетъ извѣстный кругъ предметовъ, подлежащихъ изученію, и потому наука каждаго отдѣльнаго времени и народа неизбѣжно носитъ на себѣ характеръ той религіи, съ точки зрѣнія которой она разсматриваетъ предметъ.

Такъ, языческая наука, возстановленная во времена возрожденія, процвѣтающая теперь въ нашемъ обществѣ подъ названіемъ христіанской, всегда была и продолжаетъ быть только изслѣдованіемъ всѣхъ тѣхъ условій, при которыхъ человѣкъ получаетъ наибольшее благо, и всѣхъ тѣхъ явленій міра, которыя могутъ доставить его. Браминская и буддійская философская наука всегда была только изслѣдованіемъ тѣхъ условій, при которыхъ человѣкъ избавляется отъ удручающихъ его страданій. Еврейская наука (Талмудъ) всегда была только изученіемъ и разъясненіемъ тѣхъ условій, которыя должны быть соблюдены человѣкомъ для того, чтобы исполнить его договоръ съ Богомъ и удержать избранный народъ на высотѣ его призванія. Церковно-христіанская наука и была и есть изслѣдованіе тѣхъ условій, при которыхъ пріобрѣтается спасеніе человѣка. Наука истинно-христіанская, та, которая только зарождается, есть изслѣдованіе тѣхъ условій, при которыхъ человѣкъ можетъ познать требованія высшей Воли, пославшей его, и приложить ихъ къ жизни.

Ни философія, ни наука не могутъ установить отношенія человѣка къ міру, потому что отношеніе это должно быть установлено

прежде чѣмъ можетъ начаться какая-либо философія или наука. Онѣ не могутъ сдѣлать этого еще и потому, что наука, включая въ нее и философію, изслѣдуетъ явленія разсудочно и независимо отъ положенія изслѣдующаго и отъ чувствъ, испытываемыхъ имъ. Отношеніе же человѣка къ міру опредѣляется не однимъ разсудкомъ, но и чувствомъ, всею совокупностью духовныхъ силъ человѣка. Сколько бы ни внушали и ни разъясняли человѣку, что все истинно существующее суть только идеи, что все состоитъ изъ атомовъ, или что сущность жизни есть субстанція или воля, или что теплота, свѣтъ, движеніе, электричество суть различныя проявленія одной и той же энергіи,—все это не уяснитъ человѣку—чувствующему, страдающему, радующемуся, борящемуся и надѣющемуся существу—его мѣста въ мірѣ. Такое мѣсто и потому отношеніе къ міру указываетъ ему только религія, говорящая ему: міръ существуетъ для тебя, и потому бери отъ этой жизни все, что ты можешь взять отъ нея; или: ты членъ любимаго Богомъ народа, служи этому народу, исполняй все то, что предписалъ Богъ, и ты получишь вмѣстѣ со своимъ народомъ наибольшее доступное тебѣ благо; или: ты орудіе высшей Воли, пославшей тебя въ міръ для исполненія предназначеннаго тебѣ дѣла, познай эту Волю и исполняй ее, и ты сдѣлаешь для себя лучшее, что можешь сдѣлать.

Для пониманія данныхъ философіи и науки нужно подготовленіе и изученіе; для религіознаго пониманія этого не нужно: оно сразу доступно всякому, хотя бы самому ограниченному и невѣжественному человѣку.

Для того, чтобы человѣку познать свое отношеніе къ окружающему его міру или началу его, ему не нужно ни философскихъ, ни научныхъ знаній, — обиліе знаній, загромождая сознаніе, скорѣе препятствуетъ этому, — а нужны только хоть временное отреченіе отъ суеты міра, сознаніе своего матеріальнаго ничтожества и правдивость, встрѣчающіяся чаще, какъ это и сказано въ Евангеліи, въ дѣтяхъ и въ самыхъ простыхъ малоученыхъ людяхъ. Отъ этого-то мы и видимъ, что часто самые простые, неученые и необразованные люди вполнѣ ясно, сознательно и легко принимаютъ высшее христіанское жизнепониманіе, тогда какъ самые ученые и культурные люди продолжаютъ коснѣть въ самомъ грубомъ язычествѣ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ самыхъ утонченныхъ и высокообразованныхъ людей, полагающихъ смыслъ жизни въ личномъ наслажденіи или въ избавленіи себя отъ страданій, какъ полагалъ это умнѣйшій и образованнѣйшій Шопенгауэръ, или въ спасеніи души посредствомъ таинствъ, благодати, какъ полагали это самые высокообразованные епископы, тогда какъ русскій полуграмотный мужикъ-сектантъ безъ малѣйшаго усилія мысли признаетъ смыслъ жизни въ томъ самомъ, въ чемъ его полагали величайшіе мудрецы міра: Эпиктеты, Марки Аврелій, Сенеки,—въ сознаніи себя орудіемъ воли Божіей, сыномъ Бога.

Но вы спросите меня: въ чемъ же состоитъ сущность этого ненаучнаго и нефилософскаго способа познанія? Если познаніе

это не философское и не научное, то какое же оно? чѣмъ оно опредѣляется? На эти вопросы я могу отвѣтить только то, что такъ какъ религіозное познаніе есть то, на которомъ зиждется всякое другое и которое предшествуетъ всякому другому познанію, то мы и не можемъ опредѣлять его, не имѣя для него орудія опредѣленія. На богословскомъ языкѣ познаніе это называется откровеніемъ. И названіе это, если не приписывать слову «откровеніе» никакого мистическаго значенія, совершенно правильно, потому что познаніе это пріобрѣтается не изученіемъ и не усиліями отдѣльнаго человѣка или людей, а только воспринятіемъ отдѣльнымъ человѣкомъ или людьми проявленія безконечнаго разума, постепенно открывающагося людямъ.

Почему люди 10.000 лѣтъ тому назадъ не могли понять того, что смыслъ ихъ жизни не исчерпывается благомъ личности, а потомъ наступило время, и людямъ открылось высшее—семейное, общественное, народное, государственное — пониманіе жизни? Почему на нашей исторической памяти открылось людямъ жизнепониманіе христіанское? И почему оно открылось именно такому человѣку или такимъ людямъ и именно въ такое время, въ такомъ, а не въ другомъ мѣстѣ, въ такой, а не въ другой формѣ? Стараться отвѣтить на эти вопросы, отыскивая причины этого въ историческихъ условіяхъ времени, жизни и характера тѣхъ людей, которые первые усвоили это жизнепониманіе и выразили его въ особенныхъ свойствахъ этихъ людей, все равно, что стараться отвѣтить на вопросъ о томъ, почему восходящее солнце освѣтило прежде именно тѣ, а не другіе предметы. Солнце истины, все выше и выше восходя надъ міромъ, все болѣе и болѣе освѣщаетъ его и отражается на тѣхъ предметахъ, которые первые подпадаютъ освѣщенію лучей солнца и наиболѣе способны отражать ихъ. Свойства же, дѣлающія однихъ людей болѣе другихъ способными воспринимать эту восходящую истину не какія-либо особенныя активныя качества ума, а, напротивъ, суть рѣдко совпадающія съ большимъ и любопытнымъ умомъ пассивныя свойства сердца: отреченіе отъ суеты міра, сознаніе своего матеріальнаго ничтожества, правдивость, какъ мы это и видимъ на всѣхъ основателяхъ религій, никогда не отличавшихся ни философскими, ни научными знаніями.

По моему мнѣнію, главное заблужденіе, болѣе всего другого препятствующее истинному прогрессу нашего христіанскаго человѣчества, состоитъ именно въ томъ, что люди науки нашего времени, сѣвшіе теперь на сѣдалищѣ Моисеевомъ, руководясь возстановленнымъ во времена возрожденія языческимъ міросозерцаніемъ, признавъ за сущность христіанства самое грубое извращеніе его и рѣшивъ, что оно есть пережитое уже людьми состояніе (а что, напротивъ, то языческое, общественно-государственное, древнее и дѣйствительно пережитое человѣчествомъ пониманіе жизни, котораго они держатся, и есть самое высшее пониманіе жизни, и такое, котораго неуклонно должно держаться человѣчество), — не только не понимаютъ истиннаго христіанства, составляющаго

то высшее жизнепониманіе, къ которому движется все человѣчество, но даже не стараются понять его. Главный источникъ этого недоразумѣнія состоитъ въ томъ, что люди науки, разойдясь съ христіанствомъ и увидавъ несоотвѣтствіе съ нимъ своей науки, признали виноватой въ этомъ не свою науку, а христіанство, т.-е. вообразили себѣ не то, что есть въ дѣйствительности, то-есть что ихъ наука на 1800 лѣтъ отстала отъ христіанства, уже охватившаго большую часть современнаго общества, а то, что христіанство будто бы на 1800 лѣтъ отстало отъ науки.

Изъ этого-то извращенія ролей и вытекаетъ то поразительное явленіе, что нѣтъ людей съ болѣе запутанными понятіями о сущности истиннаго значенія религіи, о религіи, о нравственности, о жизни, чѣмъ люди науки; и еще болѣе поразительное явленіе то, что наука нашего времени, совершая дѣйствительно большіе успѣхи въ своей области изслѣдованія условій матеріальнаго міра, въ жизни людей оказывается ни на что ненужною, или производящею только вредныя послѣдствія.

И потому я думаю, что никакъ не философія и не наука устанавливаютъ отношеніе человѣка къ міру, а только религія.

Итакъ, на первый вопросъ вашъ о томъ, что̀ я понимаю подъ словомъ «религія», я отвѣчаю: религія есть установленное человѣкомъ между собой и вѣчнымъ безконечнымъ міромъ или началомъ и первопричиной его извѣстное отношеніе.

Изъ этого отвѣта на первый вопросъ самъ собою вытекаетъ отвѣтъ и на второй:

Если религія есть установленное отношеніе человѣка къ міру, опредѣляющее смыслъ его жизни, то нравственность есть указаніе и разъясненіе той дѣятельности человѣка, которая сама собой вытекаетъ изъ того или другого отношенія человѣка къ міру. А такъ какъ основныхъ отношеній къ міру или началу его извѣстно намъ только два, если разсматривать языческое общественное отношеніе какъ распространеніе личнаго, или три, если разсматривать общественное языческое отношеніе какъ отдѣльное, то и нравственныхъ ученій существуетъ только три: нравственное ученіе первобытное дикое, личное нравственнное ученіе языческое, семейно-государственное или общественное и нравственное ученіе христіанское, служеніе міру или Богу—или божеское.

Изъ перваго отношенія человѣка къ міру вытекаютъ общія всѣмъ языческимъ религіямъ ученія о нравственности, имѣющія въ своей основѣ стремленіе къ благу отдѣльной личности и потому опредѣляющія всѣ состоянія, дающія наибольшее благо личности и указывающія средства пріобрѣтенія этого блага. Изъ этого отношенія къ міру вытекаютъ нравственныя ученія языческія: эпикурейское въ его низшемъ проявленіи, ученіе нравственности магометанское, обѣщающее благо личности на этомъ и на томъ свѣтѣ, ученіе нравственности церковно-христіанское, имѣющее цѣлью спасеніе, т.-е. благо личности преимущественно на томъ свѣтѣ, и

ученіе свѣтской утилитарной нравственности, имѣющее цѣлью благо личности только на этомъ свѣтѣ.

Изъ того же отношенія, ставящаго цѣлью жизни благо отдѣльнаго человѣка, а потому избавленіе отъ страданій личности, вытекаетъ нравственное ученіе буддизма въ его грубой формѣ и свѣтское ученіе пессимистическое.

Изъ второго языческаго отношенія человѣка къ міру, ставящаго цѣлью жизни благо извѣстной совокупности личностей, вытекаютъ нравственныя ученія, требующія отъ человѣка служенія той совокупности, благо которой признается цѣлью жизни. По этому ученію пользованіе личнымъ благомъ допускается только въ той мѣрѣ, въ которой оно пріобрѣтается всею тою совокупностью, которая составляетъ религіозную основу жизни. Изъ этого отношенія къ міру вытекаютъ извѣстныя намъ нравственныя ученія древняго римскаго и греческаго міра, гдѣ личность всегда приносила себя въ жертву обществу также и нравственность китайская; изъ этого же отношенія вытекаютъ нравственность еврейская—подчиненіе своего блага благу избраннаго народа—и нравственность церковно-государственная нашего времени, требующая жертвы личности для блага государства; изъ этого же отношенія къ міру вытекаетъ нравственность большинства женщинъ, жертвующихъ личностью для блага семьи и главное дѣтей.

Вся древняя, отчасти средняя и новая исторія полны описаній подвиговъ этой самой семейно-общественной и государственной нравственности. И въ настоящее время большинство людей, только воображая себѣ, что они, исповѣдуя христіанство, держатся христіанской нравственности, въ дѣйствительности слѣдуютъ только этой семейно-государственной, т.-е. языческой, нравственности и эту нравственность ставятъ идеаломъ воспитанія молодого поколѣнія.

Изъ третьяго христіанскаго отношенія къ міру, состоящаго въ признаніи человѣкомъ себя орудіемъ высшей воли для исполненія ея цѣлей, вытекаютъ и соотвѣтствующія этому пониманію жизни нравственныя ученія, уясняющія зависимость человѣка отъ высшей воли и опредѣляющія требованія этой воли. Изъ этого отношенія человѣка къ міру вытекаютъ всѣ высшія извѣстныя человѣчеству нравственныя ученія: пиѳагорійское, стоическое, буддійское, браминское, таосійское въ ихъ высшемъ проявленіи и христіанское въ его настоящемъ смыслѣ, требующее отреченія отъ личной воли и отъ блага не только личнаго, но и семейнаго и общественнаго и государственнаго во имя исполненія открытой намъ въ нашемъ сознаніи воли того, кто послалъ насъ въ жизнь. Изъ того, другого или третьяго отношенія къ безконечному міру или началу его вытекаетъ дѣйствительная, нелицемѣрная нравственность каждаго человѣка, несмотря на то, что онъ номинально исповѣдуетъ или проповѣдуетъ, какъ нравственность, или чѣмъ хочетъ казаться.

Такъ что человѣкъ, признающій сущность своего отношенія къ міру въ пріобрѣтеніи для себя наибольшаго блага, сколько бы онъ ни говорилъ, что онъ считаетъ нравственнымъ жить для

семьи, для общества, для государства, для человѣчества или для исполненія воли Бога, онъ можетъ искусно притворяться передъ людьми, обманывая ихъ, но дѣйствительнымъ мотивомъ его дѣятельности будетъ всегда только благо его личности, такъ что, когда представится необходимость выбора, онъ пожертвуетъ не своею личностью для семьи, для государства, для исполненія воли Бога, а всѣмъ для себя, потому что, видя смыслъ своей жизни только въ благѣ своей личности, онъ не можетъ поступать иначе до тѣхъ поръ, пока не измѣнитъ своего отношенія къ міру.

Точно такъ же, сколько бы ни говорилъ человѣкъ, отношеніе котораго къ міру состоитъ въ служеніи своей семьѣ (каковы бываютъ преимущественно женщины) или роду, народу, государству (каковы бываютъ люди угнетенныхъ народностей или политическіе дѣятели во время борьбы), что онъ христіанинъ, нравственность его всегда будетъ или семейная, или народная, или государственная, а не христіанская, и, когда явится необходимость выбора между благомъ семейнымъ, общественнымъ и благомъ личнымъ или благомъ общественнымъ и исполненіемъ воли Бога, онъ неизбѣжно выберетъ служеніе благу той совокупности людей, для которой, по его міросозерцанію, онъ существуетъ, потому что только въ этомъ служеніи онъ видитъ смыслъ своей жизни. И точно такъ же сколько бы ни внушали человѣку, полагающему свое отношеніе къ міру въ исполненіи воли пославшаго его, что онъ долженъ, соотвѣтственно съ требованіями личности, семьи, народа, государства, человѣчества, совершать поступки, противные этой высшей волѣ, сознаваемой имъ во вложенныхъ въ него свойствахъ разума и любви, онъ всегда пожертвуетъ и личностью, и семьей, и отечествомъ, и человѣчествомъ для того, чтобы не отступить отъ воли пославшаго его, потому что только въ исполненіи этой воли онъ видитъ смыслъ своей жизни.

Нравственность не можетъ быть независима отъ религіи, потому что она не только есть послѣдствіе религіи, т.-е. того отношенія, въ которомъ человѣкъ признаетъ себя къ міру, но она включена уже, impliquée, въ религіи. Всякая религія есть отвѣтъ на вопросъ: какой смыслъ моей жизни? И религіозный отвѣтъ включаетъ въ себя уже извѣстное нравственное требованіе, которое можетъ становиться иногда послѣ объясненія смысла жизни, иногда прежде его. На вопросъ о смыслѣ жизни можно отвѣчать такъ: смыслъ жизни въ благѣ личности, и потому пользуйся всѣми благами, которыя доступны тебѣ; или: смыслъ жизни въ благѣ извѣстной совокупности, и потому служи этой совокупности всѣми своими силами, или: смыслъ жизни въ исполненіи воли пославшаго тебя, и потому всѣми силами стремись познать эту волю и исполнить ее. На тотъ же вопросъ можно отвѣчать и такъ: смыслъ жизни твоей въ твоемъ личномъ наслажденіи, такъ какъ въ этомъ назначеніе человѣка; или: смыслъ жизни твоей въ служеніи той совокупности, которой ты считаешь себя членомъ, такъ какъ въ этомъ твое назначеніе; или: смыслъ жизни твоей въ служеніи Богу, такъ какъ въ этомъ твое назначеніе.

Нравственность заключена въ даваемомъ религіей объясненіи жизни и потому никакъ не можетъ быть отдѣлена отъ религіи. Истина эта особенно очевидна на тѣхъ попыткахъ философовъ нехристіанскихъ вывести ученіе о высшей нравственности изъ ихъ философіи. Философы эти видятъ, что нравственность христіанская необходима, что безъ нея нельзя жить; мало того, они видятъ, что она есть, и имъ хочется какъ-нибудь связать ее со своею нехристіанскою философіей и даже представить дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто нравственность христіанская вытекаетъ изъ ихъ языческой или общественной философіи. И они пытаются сдѣлать это, но именно попытки эти очевиднѣе всего другого показываютъ не только независимость, но и полное противорѣчіе христіанской нравственности съ философіей личнаго блага или освобожденія отъ личныхъ страданій и общественною.

Христіанская этика—та, которую мы сознаемъ вслѣдствіе нашего религіознаго міросозерцанія—требуетъ не только жертвы личности для совокупности личностей, но требуетъ отреченія отъ своей личности и отъ совокупности личностей для служенія Богу; языческая же философія изслѣдуетъ только средства пріобрѣтенія наибольшаго блага личности или совокупности ихъ, и потому противорѣчіе неизбѣжно. Чтобы скрыть это противорѣчіе, есть только одно средство—нагромождать отвлеченныя условныя понятія одно на другое и не выходить изъ туманной области метафизики. Такъ преимущественно и поступали философы со времени возрожденія; и этому-то обстоятельству—невозможности примирить требованія христіанской, признаваемой уже впередъ данной, нравственности съ философіей, исходящей изъ языческихъ основъ—и нужно приписать ту страшную отвлеченность, неясность, непонятность и отчужденность отъ жизни новой философіи. За исключеніемъ Спинозы, исходящаго въ своей философіи изъ религіозныхъ—несмотря на то, что онъ не числился христіаниномъ,—истинно христіанскихъ основъ, и геніальнаго Канта, прямо поставившаго свою этику независимо отъ своей метафизики, всѣ остальные философы, даже и блестящій Шопенгауэръ, очевидно, придумываютъ искусственную связь между своею этикой и своею метафизикой.

Чувствуется, что христіанская этика есть нѣчто впередъ данное, стоящее совершенно твердо и независимо отъ философіи и не нуждающееся въ подводимыхъ подъ нее фиктивныхъ подпоркахъ, а что философія только придумываетъ такія положенія, по которымъ данная этика не противорѣчила бы ей, а связывалась бы съ ней и какъ будто бы вытекала изъ нея. Но всѣ положенія эти кажутся оправдывающими христіанскую этику только до тѣхъ поръ, пока они разсматриваются отвлеченно. Какъ только они прилагаются къ вопросамъ практической жизни, такъ не только несогласіе, но явное противорѣчіе философскихъ основъ съ тѣмъ, что мы считаемъ нравственностью, выступаетъ во всей силѣ.

Недавно ставшій столь извѣстнымъ несчастный Ницше особенно драгоцѣненъ обличеніемъ этого противорѣчія. Онъ неопровержимъ, когда онъ говоритъ, что всѣ правила нравственности,

съ точки зрѣнія существующей нехристіанской философіи, суть только ложь и лицемѣріе и что человѣку гораздо выгоднѣе и пріятнѣе и разумнѣе составить сообщество Uebermensch'евъ и быть однимъ изъ нихъ, чѣмъ тою толпой, которая должна служить подмостками для этихъ Uebermensch'евъ. Никакія построенія философіи, исходящей изъ языческаго религіознаго міросозерцанія, не могутъ доказать человѣку, что ему выгоднѣе и разумнѣе жить не для своего желательнаго, понятнаго и возможнаго блага или для блага своей семьи, своего общества, а для чужого, нежелательнаго, непонятнаго и недостижимаго человѣческими ничтожными средствами блага. Философія, основанная на пониманіи жизни, заключающемся въ благѣ человѣка, никогда не будетъ въ состояніи доказать разумному человѣку, знающему, что онъ всякую минуту можетъ умереть, того, что ему хорошо и должно отказаться отъ своего желательнаго, понятнаго и несомнѣннаго блага даже не для блага другихъ, потому что онъ никогда не можетъ знать, какія послѣдствія будутъ отъ его жертвы, а для того только, что это должно или хорошо, что это категорическій императивъ.

Доказать это съ языческой философской точки зрѣнія невозможно. Чтобы доказать то, что люди всѣ равны, что человѣку лучше отдать свою жизнь для служенія другимъ, чѣмъ заставить другихъ людей служить себѣ, попирая ихъ жизнь, нужно иначе опредѣлить свое отношеніе къ міру: нужно показать, что положеніе человѣка таково, что ему больше дѣлать нечего, потому что смыслъ его жизни только въ исполненіи воли пославшаго его; воля же пославшаго его въ томъ, чтобы онъ отдавалъ свою жизнь для служенія людямъ. А такое измѣненіе отношенія человѣка къ міру даетъ только религія.

То же самое и съ попытками вывести и примирить христіанскую нравственность съ основными положеніями языческой науки. Никакіе софизмы и извороты мысли не уничтожатъ того простого и яснаго положенія, что законъ эволюціи, лежащій въ основѣ всей науки нашего времени, зиждется на законѣ общемъ, вѣчномъ и неизмѣнномъ—на законѣ борьбы за существованіе и переживанія способнѣйшаго (the fittest) и что потому каждому человѣку для достиженія блага своего или своего общества надо быть этимъ fittest и сдѣлать таковымъ свое общество, чтобы погибнуть не ему и не его обществу, а другому, неспособнѣйшему.

Сколько ни стараются нѣкоторые натуралисты, испугавшіеся логическихъ выводовъ изъ этого закона и приложенія ихъ къ человѣческой жизни, затушить словами, заговорить этотъ законъ, всѣ попытки ихъ только еще очевиднѣе показываютъ неотразимость этого закона, руководящаго жизнью всего органическаго міра, а потому и человѣка, разсматриваемаго какъ животное.

Какъ разъ въ то время, когда я писалъ это, вышла въ русскомъ переводѣ статья г-на Гексли, составленная изъ недавно прочитанной имъ въ какомъ-то англійскомъ обществѣ рѣчи объ эволюціи и этикѣ.

Въ статьѣ этой ученый профессоръ, такъ же какъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ нашъ извѣстный профессоръ Бекетовъ и многіе другіе, писавшіе о томъ же предметѣ, съ такимъ же неуспѣхомъ, какъ и его предшественники, старается доказать, что борьба за существованіе не нарушаетъ нравственности и что при признаніи закона борьбы за существованіе основнымъ закономъ жизни, нравственность можетъ не только существовать, но и совершенствоваться. Статья г-на Гексли переполнена всякими шутками, стихами и общими взглядами на религію и философію древнихъ и вслѣдствіе того такъ кудрява и запутана, что только съ большимъ трудомъ можно добраться до основной мысли ея. Мысль эта, однако, слѣдующая: законъ эволюціи противенъ закону нравственности, это знали древніе какъ греческаго, такъ и индійскаго міра. И философія и религія обоихъ народовъ привела ихъ къ ученію самоотреченія. Это ученіе, по мнѣнію автора, неправильно, а правильно слѣдующее: существуетъ законъ, который авторъ называетъ закономъ космическимъ, по которому всѣ существа борются между собой и переживаетъ только способнѣйшее, the fittest. Закону этому подчиняется и человѣкъ; только благодаря этому закону человѣкъ образовался такимъ, какимъ онъ есть теперь. Но законъ этотъ противенъ нравственности. Какъ же примирить этотъ законъ съ нравственностью? А вотъ какъ: существуетъ соціальный прогрессъ, который стремится задержать космическій процессъ и подставить подъ него другой процессъ — этическій, цѣль котораго есть уже переживаніе не способнѣйшаго, the fittest, но лучшаго, the best, въ этическомъ смыслѣ. Откуда взялся этотъ этическій процессъ, г-нъ Гексли не объясняетъ, но въ примѣчаніи 19-мъ говоритъ, что основа этого процесса состоитъ въ томъ, что люди, какъ и животныя, съ одной стороны, сами любятъ быть въ обществѣ и подавляютъ въ себѣ свойство, вредное для обществъ, съ другой—члены общества силой подавляютъ поступки, противные благу общества. Г-ну Гексли кажется, что этотъ процессъ, заставляющій людей обуздывать свои страсти для сохраненія той совокупности, которой они состоятъ членами, и страхъ быть наказанными за нарушеніе порядковъ совокупности и есть тотъ самый законъ этическій, существованіе котораго ему нужно доказать. Г-ну Гексли въ невинности его души, очевидно, кажется, что въ теперешнемъ англійскомъ обществѣ съ его Ирландіей, нищетой народа, безумной роскошью богачей, съ его торговлей опіумомъ и водкой, съ его казнями, съ его побоищами, истребленіями народовъ для выгодъ торговли и политики, скрытымъ развратомъ и лицемѣріемъ, — человѣкъ, не нарушающій требованій полиціи, есть человѣкъ нравственный и что руководитъ этимъ человѣкомъ законъ этическій, забывая то, что качества, которыя могутъ быть нужны для того, чтобы не разрушилось то общество, въ которомъ живетъ его членъ, могутъ быть очень полезны для самого общества, какъ полезны качества членовъ разбойничьей шайки, какъ даже въ нашемъ обществѣ полезно качество палачей, тюремщиковъ, судей, солдатъ, лицемѣровъ-священниковъ

и т. п., но что качества эти не имѣютъ ничего общаго съ нравственностью.

Нравственность есть нѣчто постоянно развивающееся, растущее, и потому ненарушеніе установленныхъ порядковъ извѣстнаго общества, удержаніе ихъ посредствомъ висѣлицы и топора, о которыхъ, какъ объ орудіяхъ нравственности, говоритъ г-нъ Гексли, будетъ не только не утвержденіемъ, но нарушеніемъ нравственности. И, напротивъ, всякое нарушеніе существующихъ порядковъ, каковы были не только нарушенія Христомъ и его учениками порядковъ Римской провинціи, но нарушеніе теперешнихъ порядковъ человѣкомъ, который откажется отъ участія въ судѣ, въ военной службѣ, въ уплатѣ податей, употребляемыхъ на военныя приготовленія, будетъ не только не противно нравственности, но необходимымъ условіемъ проявленія ея. Всякій людоѣдъ, перестающій ѣсть себѣ подобныхъ и поступающій сообразно съ этимъ, нарушаетъ порядокъ своего общества. И потому поступки, нарушающіе порядокъ всякаго общества, могутъ быть безнравственны, но несомнѣнно и то, что всякій истинно нравственный поступокъ, двигающій впередъ нравственность, будетъ всегда нарушеніемъ привычекъ общества. И потому если въ обществѣ и появился законъ, по которому люди жертвуютъ своими выгодами для соблюденія цѣлости своего общества, то этотъ законъ не есть законъ этическій, а большею частью напротивъ—законъ, противный всякой этикѣ, тотъ же законъ борьбы за существованіе, только въ скрытомъ, латентномъ состояніи. Это та же борьба за существованіе, только перенесенная изъ единицъ въ совокупности ихъ. Это не прекращеніе драки, а размахъ руки для того только, чтобы сильнѣе ударить.

Если законъ борьбы за существованіе и переживаніе способнѣйшаго, the fittest, есть вѣчный законъ всего живого (а онъ не можетъ не признаваться такимъ для человѣка, разсматриваемаго какъ животное), то никакія путанныя разсужденія о соціальномъ прогрессѣ и будто бы вытекающемъ изъ него этическомъ, какъ deus ex machina, выскочившемъ неизвѣстно откуда, законѣ, когда онъ намъ понадобился, не могутъ нарушить этого закона.

Если соціальный прогрессъ, какъ увѣряетъ г-нъ Гексли, собираетъ людей въ группы, то та же борьба и то же пожертвованіе будутъ происходить между семьями, родами, государствами, и борьба эта не только не будетъ нравственнѣе, но еще жесточе и безнравственнѣе борьбы личностей, какъ мы это и видимъ въ дѣйствительности.

Если даже допустить невозможное, то, что все человѣчество черезъ тысячи лѣтъ однимъ соціальнымъ прогрессомъ соединится въ одно цѣлое, будетъ составлять одинъ народъ и одно государство, то и тогда, не говоря уже о томъ, что борьба, упраздненная между государствами и народами, перейдетъ въ борьбу между человѣчествомъ и міромъ животныхъ, и борьба останется борьбой, т.-е. дѣятельностью, въ корнѣ исключающею возможность признаваемой нами христіанской нравственности. Не говоря объ этомъ,

и тогда борьба между личностями, составляющими совокупности, и между совокупностями: семей, родовъ, народностей, нисколько не уменьшится, а будетъ происходить то же, только въ другой формѣ, какъ мы это и видимъ при всѣхъ соединеніяхъ людей въ семьи, роды и государства. Семейные точно такъ же ссорятся и борятся между собой, какъ и посторонніе, и часто еще больше и злѣе.

Точно такъ же и въ государствѣ: среди людей, живущихъ въ государствѣ, продолжается та же самая борьба, какъ и среди людей, живущихъ внѣ государства, только въ иныхъ формахъ. Тамъ убиваютъ стрѣлами и ножами, а здѣсь голодомъ. Если же спасаются слабые въ семьѣ и въ государствѣ, то никакъ не отъ государственнаго соединенія, а отъ того, что въ людяхъ, соединенныхъ въ семьи и въ государства, есть самоотверженіе и любовь. Если внѣ семьи изъ двухъ дѣтей выживетъ только the fittest, а въ семьѣ у доброй матери останутся жить оба, то это произойдетъ совсѣмъ не отъ соединенія людей въ семью, а отъ того, что у матери есть любовь и самоотверженіе. А ни самоотверженіе, ни любовь никакъ не могутъ вытекать изъ соціальнаго прогресса.

Утверждать, что соціальный прогрессъ производитъ нравственность, все равно, что утверждать, что постройка печей производитъ тепло.

Тепло происходитъ отъ солнца; печи же производятъ тепло только тогда, когда въ печи положены дрова, т.-е. работа солнца. Точно такъ же и нравственность происходитъ отъ религіи. Спеціальныя же формы жизни производятъ нравственность только когда въ эти формы жизни вложены послѣдствія религіознаго воздѣйствія на людей—нравственность.

Печи могутъ топиться и тогда давать тепло, или не топиться и оставаться холодными; точно такъ же и соціальныя формы могутъ включать въ себя нравственность и тогда нравственно воздѣйствовать на общество, или не включать въ себя нравственность и тогда оставаться безъ всякаго воздѣйствія на общество.

Нравственность христіанская не можетъ быть основана на языческомъ пониманіи жизни и не можетъ быть выведена ни изъ философіи, ни изъ науки не-христіанской, не только не можетъ быть выведена изъ нихъ, но не можетъ даже быть согласована съ ними.

Такъ и понимала это всегда всякая серьезная, послѣдовательная и строгая философія и наука: «не сходятся наши положенія съ нравственностью—тѣмъ хуже для нея», совершенно правильно говорятъ такая философія и наука и продолжаютъ свои изслѣдованія.

Этическіе трактаты, не основанные на религіи, и даже лаическіе катехизисы пишутся и преподаются, и люди могутъ думать, что человѣчество руководится ими, но это кажется только потому, что люди руководятся въ дѣйствительности не этими трактатами и катехизисами, а религіей, которую они всегда имѣли и имѣютъ; трактаты же и катехизисы только поддѣлываются подъ то, что само собой вытекаетъ изъ религіи.

Предписанія лаической нравственности, основанныя не на религіозномъ ученіи, совершенно подобны тому, что сдѣлалъ бы человѣкъ, который, не зная музыки, сталъ бы на мѣсто капельмейстера и началъ бы размахивать руками передъ исполняющими привычное дѣло музыкантами. Музыка по инерціи и по тому, чему научились музыканты отъ прежнихъ капельмейстеровъ, продолжалась бы еще нѣкоторое время, но очевидно, что маханіе палочкой не знающаго музыки не только не было бы полезно, но непремѣнно со временемъ спутало бы музыкантовъ и разстроило бы оркестръ. Такая же путаница начинаетъ происходить и въ умахъ людей нашего времени, вслѣдствіе попытокъ руководителей преподать людямъ нравственность, основанную не на той высшей религіи, которая начинаетъ усваиваться и отчасти уже усвоена христіанскимъ человѣчествомъ.

Дѣйствительно, желательно бы имѣть нравственное ученіе безъ примѣси къ нему суевѣрій, но дѣло въ томъ, что нравственное ученіе есть только послѣдствіе установленнаго извѣстнаго отношенія человѣка къ міру или Богу. Если же установленіе такого отношенія выражается въ кажущихся намъ суевѣрными, формахъ, то для того, чтобы этого не было, надо стараться выразить это отношеніе болѣе разумно, ясно и точно, или даже, разрушивъ ставшее недостаточнымъ прежнее отношеніе человѣка къ міру, поставить на его мѣсто высшее, болѣе ясное и разумное, но никакъ не придумывать основанную на софизмахъ, или ни на чемъ не основанную, такъ называемую свѣтскую, не религіозную нравственность.

Попытки основать нравственность помимо религіи подобны тому, что дѣлаютъ дѣти, которыя, желая пересадить нравящееся имъ растеніе, отрываютъ отъ него ненравящійся имъ и кажущійся имъ лишнимъ корень и безъ корня втыкаютъ растеніе въ землю. Безъ религіозной основы не можетъ быть никакой настоящей непритворной нравственности, точно такъ же какъ безъ корня не можетъ быть настоящаго растенія.

Итакъ, отвѣчая на ваши два вопроса, я говорю: «Религія есть извѣстное, установленное человѣкомъ отношеніе своей отдѣльной личности къ безконечному міру или началу его. Нравственность же есть всегдашнее руководство жизни, вытекающее только изъ этого отношенія».

28-го октября 1898 г.
Ясная Поляна.

СТЫДНО!

Въ 1820-хъ годахъ семеновскіе офицеры, цвѣтъ тогдашней молодежи, большею частью масоны и впослѣдствіи декабристы рѣшили не употреблять въ своемъ полку тѣлеснаго наказанія, и, несмотря на тогдашнія строгія требованія фронтовой службы, полкъ и безъ употребленія тѣлеснаго наказанія продолжалъ быть образцовымъ.

Одинъ изъ ротныхъ командировъ Семеновскаго же полка, встрѣтясь разъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ, однимъ изъ лучшихъ людей своего, да и всякаго времени, разсказалъ ему про одного изъ своихъ солдатъ, вора и пьяницу, говоря, что такого солдата ничѣмъ нельзя укротить, кромѣ розогъ. Сергѣй Муравьевъ не сошелся съ нимъ и предложилъ взять этого солдата въ свою роту.

Переводъ состоялся, и переведенный солдатъ въ первые же дни укралъ у товарища сапоги, пропилъ ихъ и набуянилъ. Сергѣй Ивановичъ собралъ роту и, вызвавъ передъ фронтъ солдата, сказалъ ему: «Ты знаешь, что у меня въ ротѣ не бьютъ и не сѣкутъ, и тебя я не буду наказывать. За сапоги, украденные тобой, я заплачу свои деньги, но прошу тебя, не для себя, а для тебя самого, подумать о своей жизни и измѣнить ее». И, сдѣлавъ дружеское наставленіе солдату, Сергѣй Ивановичъ отпустилъ его.

Солдатъ опять напился и подрался. И опять не наказали его, но только уговаривали: «Еще больше повредишь себѣ; если же ты исправишься, то тебѣ самому станетъ лучше. Поэтому прошу тебя больше не дѣлать такихъ вещей».

Солдатъ былъ такъ пораженъ этимъ новымъ для него обращеніемъ, что совершенно измѣнился и сталъ образцовымъ солдатомъ.

Разсказывавшій мнѣ это братъ Сергѣя Ивановича, Матвѣй Ивановичъ, считавшій, такъ же какъ его братъ и всѣ лучшіе люди его времени, тѣлесное наказаніе постыднымъ остаткомъ варварства, позорнымъ не столько для наказываемыхъ, сколько для наказывающихъ, никогда не могъ удержаться отъ слезъ умиленія и восторга, когда говорилъ про это. И, слушая его, трудно было удержаться отъ того же.

Такъ смотрѣли на тѣлесное наказаніе образованные русскіе люди 75 лѣтъ тому назадъ. И вотъ прошло 75 лѣтъ, и въ наше время внуки этихъ людей засѣдаютъ въ качествѣ земскихъ начальниковъ въ присутствіяхъ и спокойно обсуждаютъ вопросы о томъ, должно ли или не должно, и сколько ударовъ розгами

должно дать такому и такому-то взрослому человѣку, часто отцу семейства, иногда дѣду.

Самые же передовые изъ этихъ внуковъ въ комитетахъ и земскихъ собраніяхъ составляютъ заявленія, адресы и прошенія о томъ, чтобы въ виду гигіеническихъ и педагогическихъ цѣлей сѣчь не всѣхъ мужиковъ (людей крестьянскаго сословія), а только тѣхъ, которые не кончили курса въ народныхъ училищахъ.

Очевидно, перемѣна въ средѣ такъ называемаго высшаго образованнаго сословія произошла огромная. Люди 20-хъ годовъ, считая тѣлесное наказаніе позорнымъ дѣйствіемъ для себя, сумѣли уничтожить его въ военной службѣ, гдѣ оно считалось необходимымъ; люди нашего времени спокойно примѣняютъ его не надъ солдатами, а надъ всѣми людьми одного изъ сословій русскаго народа и осторожно, политично, въ комитетахъ и собраніяхъ, со всякими оговорками и обходами, подаютъ правительству адресы и прошенія о томъ, что наказаніе розгами не соотвѣтствуетъ требованіямъ гигіены и потому должно бы было быть ограничено, или что желательно бы было, чтобы сѣкли только тѣхъ крестьянъ, которые не кончили курса грамоты, или чтобы были уволены отъ сѣченія тѣ крестьяне, которые подходятъ подъ манифестъ по случаю бракосочетанія императора.

Очевидно, совершилась страшная перемѣна въ средѣ такъ называемаго высшаго русскаго общества; и что удивительнѣе всего,—что эта перемѣна совершилась именно тогда, когда въ томъ самомъ одномъ сословіи, которое считается необходимымъ подвергать отвратительному, грубому и глупому истязанію сѣченія, въ этомъ самомъ сословіи совершилась за эти 75 лѣтъ, а въ особенности за послѣднія 35 лѣтъ со времени освобожденія, такая же огромная перемѣна, но только въ обратномъ направленіи.

Въ то время, какъ высшіе правящіе классы такъ огрубѣли и нравственно понизились, что ввели въ законъ сѣченіе и спокойно разсуждаютъ о немъ, въ крестьянскомъ сословіи произошло такое повышеніе умственнаго и нравственнаго уровня, что употребленіе для этого сословія тѣлеснаго наказанія представляется людямъ изъ этого сословія не только физической, но и нравственной пыткой.

Я слышалъ и читалъ про случаи самоубійства крестьянъ, приговоренныхъ къ розгамъ. И не могу не вѣрить этому, потому что самъ видѣлъ, какъ самый обыкновенный молодой крестьянинъ при одномъ упоминаніи на волостномъ судѣ о возможности совершенія надъ нимъ тѣлеснаго наказанія поблѣднѣлъ какъ полотно и лишился голоса; видѣлъ также, какъ другой крестьянинъ, 40 лѣтъ, приговоренный къ тѣлесному наказанію, заплакалъ, когда на вопросъ мой о томъ, исполнено ли рѣшеніе суда, долженъ былъ отвѣтить, что оно уже исполнено.

Знаю я тоже, какъ знакомый мнѣ почтенный, пожилой крестьянинъ, приговоренный къ розгамъ за то, что онъ, какъ обыкновенно, поругался со старостой, не обративъ вниманія на то, что староста былъ при знакѣ, былъ приведенъ въ волостное пра-

вленіе и оттуда въ сарай, въ которомъ приводится въ исполненіе наказаніе. Пришелъ сторожъ съ розгами; крестьянину велѣно было раздѣться.

— Парменъ Ермилычъ, вѣдь у меня сынъ женатый, — дрожа всѣмъ тѣломъ, сказалъ крестьянинъ, обращаясь къ старшинѣ.— Развѣ нельзя безъ этого? Вѣдь грѣхъ это.

— Начальство, Петровичъ... я бы радъ, что дѣлать?—отвѣчалъ смущенный старшина.

Петровичъ раздѣлся и легъ.

— Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ,—сказалъ онъ.

Какъ разсказывалъ мнѣ присутствовавшій писарь, у всѣхъ тряслись руки, и всѣ не смѣли смотрѣть въ глаза другъ другу, чувствуя, что они дѣлаютъ что-то ужасное. И вотъ этихъ-то людей считаютъ необходимымъ и, вѣроятно, полезнымъ для кого-то, какъ животныхъ,—да и животныхъ запрещаютъ истязать, — сѣчь розгами.

Для блага нашего христіанскаго и просвѣщеннаго государства необходимо подвергать нелѣпѣйшему, неприличнѣйшему и оскорбительнѣишему наказанію не всѣхъ членовъ этого христіанскаго просвѣщеннаго государства, а только одно изъ его сословій, самое трудолюбивое, полезное, нравственное и многочисленное.

Высшее правительство огромнаго христіанскаго государства, XIX вѣковъ послѣ Христа, ничего не могло придумать болѣе полезнаго, умнаго и нравственнаго для противодѣйствія нарушеніямъ законовъ, какъ то, чтобы людей, нарушившихъ законы, взрослыхъ и иногда старыхъ людей, оголять, валить на полъ и и бить прутьями по задницѣ [1]).

И люди нашего времени, считающіе себя самыми передовыми, внуки тѣхъ людей, которые 75 лѣтъ тому назадъ уничтожили тѣлесное наказаніе, теперь почтительнѣйше и совершенно серьезно просятъ господина министра и еще кого-то о томъ, чтобы поменьше сѣчь взрослыхъ людей русскаго народа, потому что доктора находятъ, что это нездорово, не сѣчь тѣхъ, которые кончили курсъ, и избавить отъ сѣченія тѣхъ, которыхъ должны сѣчь вскорѣ послѣ бракосочетанія императора. Мудрое же правительство глубокомысленно молчитъ на такія легкомысленныя заявленія или даже воспрещаетъ ихъ.

Но развѣ можно объ этомъ просить? Развѣ можетъ быть объ этомъ вопросъ? Вѣдь есть поступки, совершаются ли они частными людьми или правительствами, про которые нельзя разсуждать хладнокровно, осуждая совершеніе этихъ поступковъ только при извѣстныхъ условіяхъ. И сѣченіе взрослыхъ людей одного изъ сословій русскаго народа въ наше время и среди нашего кроткаго и христіански-просвѣщеннаго народа принадлежитъ къ такого рода поступкамъ. Нельзя для прекращенія

---

[1]) И почему именно этотъ глупый, дикій пріемъ причиненія боли, а не какой-нибудь другой: колоть иголками плечи или другое какое - либо мѣсто тѣла, сжимать въ тиски руки или ноги или еще что-нибудь подобное? *Прим. автора.*

такого преступленія всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ политично подъѣзжать къ правительству со стороны гигіены, школьнаго образованія или манифеста. Про такія дѣла можно или совсѣмъ не говорить, или говорить по существу дѣла и всегда съ отвращеніемъ и ужасомъ. Вѣдь просить о томъ, чтобы не стегать по оголеннымъ ягодицамъ только тѣхъ изъ людей крестьянскаго сословія, которые выучились грамотѣ, все равно, что если бы,—гдѣ существовало наказаніе прелюбодѣйной женѣ, состоящее въ томъ, чтобы, оголивъ эту женщину, водить ее по улицамъ,—просить о томъ, чтобы наказаніе это примѣнять только къ тѣмъ женщинамъ, которыя не умѣютъ вязать чулки или что-нибудь подобное.

Про такія дѣла нельзя «почтительнѣйше просить» и «повергать къ стопамъ» и т. п., такія дѣла можно и должно только обличать. Обличать же такія дѣла должно потому, что дѣла эти, когда имъ приданъ видъ законности, позорятъ всѣхъ насъ, живущихъ въ томъ государствѣ, въ которомъ дѣла эти совершаются. Вѣдь если сѣченіе крестьянъ — законъ, то законъ этотъ сдѣланъ и для меня, для обезпеченія моего спокойствія и блага. А этого нельзя допустить.

Не хочу и не могу я признавать того закона, который нарушаетъ всѣ законы божескіе и человѣческіе, и не могу себя представить солидарнымъ съ тѣми, которые пишутъ и утверждаютъ такія преступленія подъ видомъ закона.

Если уже говорить про это безобразіе, то можно говорить только одно: то, что закона такого не можетъ быть, что никакія указы, зерцала, печати и высшія повелѣнія не сдѣлаютъ закона изъ преступленія, а что, напротивъ, облеченіе въ законную форму такого преступленія (какъ то, что взрослые люди одного, только одного, лучшаго сословія могутъ по волѣ другого, худшаго сословія — дворянскаго и чиновничьяго — подвергаться неприличному, дикому, отвратительному наказанію) доказываетъ лучше всего, что тамъ, гдѣ такое мнимое узаконеніе преступленія возможно, не существуетъ никакихъ законовъ, а только дикій произволъ грубой власти.

Если уже говорить про тѣлесное наказаніе, совершаемое только надъ однимъ крестьянскимъ сословіемъ, то надо не отстаивать правъ земскаго собранія или жаловаться на губернатора, опротестовавшаго ходатайство о несѣченіи грамотныхъ, министру, а на министра сенату, а на сенатъ еще далѣе, какъ это предлагаетъ тамбовское земство, а надо не переставая кричать, вопить о томъ, что такое примѣненіе дикаго, переставшаго уже употребляться для дѣтей, наказанія къ одному лучшему сословію русскихъ людей есть позоръ для всѣхъ тѣхъ, кто прямо или косвенно участвуетъ въ немъ.

Петровичъ, который легъ подъ розги, перекрестившись и сказавъ: «Христосъ терпѣлъ и намъ велѣлъ», простилъ своихъ мучителей и послѣ розогъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ. Одно, что произвело въ немъ совершонное надъ нимъ истязаніе, это — пре-

зрѣніе къ той власти, которая можетъ предписывать такія наказанія. Но на многихъ молодыхъ людей не только самое наказаніе, но часто одно признаніе того, что оно возможно, дѣйствуетъ, понижая ихъ нравственное чувство и возбуждая иногда отчаянность, иногда звѣрство. Но не тутъ еще главный вредъ этого безобразія. Главный вредъ—въ душевномъ состояніи тѣхъ людей, которые устанавливаютъ, разрѣшаютъ, предписываютъ это беззаконіе, тѣхъ, которые пользуются имъ какъ угрозой, и всѣхъ тѣхъ, которые живутъ въ убѣжденіи, что такое нарушеніе всякой справедливости и человѣчности необходимо для хорошей, правильной жизни. Какое страшное нравственное искалѣченіе должно происходить въ умахъ и сердцахъ такихъ людей, часто молодыхъ, которые, я самъ слыхалъ, съ видомъ глубокомысленной мудрости говорятъ, что мужика нельзя не сѣчь и что для мужика это лучше.

Вотъ этихъ-то людей больше всего жалко за такое озвѣрѣніе, въ которое они впали и въ которомъ коснѣютъ

И потому освобожденіе русскаго народа отъ развращающаго вліянія узаконеннаго преступленія—со всѣхъ сторонъ дѣло огромной важности. И освобожденіе это произойдетъ не тогда, когда будутъ изъяты отъ тѣлеснаго наказанія кончившіе курсъ, или еще какіе-нибудь изъ крестьянъ, или даже всѣ крестьяне, за исключеніемъ хотя бы одного, а только тогда, когда правящіе классы признаютъ свой грѣхъ и смиренно покаются въ немъ.

14 декабря 1895 г.

О ПОМОЩИ ДУХОБОРАМЪ.

Населеніе въ 12 тысячъ человѣкъ, христіанъ всемірнаго братства, какъ называютъ себя духоборы, живущіе на Кавказѣ, находится въ настоящее время въ ужасномъ положеніи.

Не входя въ разсужденія о томъ, кто правъ: правительства ли, признающія совмѣстимость христіанства съ тюрьмами, казнями и, главное, войнами и приготовленіями къ нимъ, или духоборы, признающіе для себя обязательнымъ христіанскій законъ, отрицающій всякое насиліе и тѣмъ болѣе убійство, и потому отказывающіеся отъ военной службы,—нельзя не видѣть, что противорѣчіе это очень трудно разрѣшимо: никакое правительство не можетъ допустить того, чтобы люди уклонялись отъ обязанностей, исполняемыхъ всѣми, и тѣмъ подрывали самыя основы государственности; духоборы же, съ своей стороны, не могутъ отказаться отъ того закона, который они считаютъ божескимъ и потому обязательнымъ въ своей жизни.

Правительства до сихъ поръ находили выходъ изъ этого противорѣчія или въ томъ, чтобы заставить отказывающихся по религіознымъ убѣжденіямъ отъ военной службы нести болѣе тяжелыя, чѣмъ военная служба, обязанности, но такія, которыя не были бы противны ихъ религіознымъ убѣжденіямъ, какъ это дѣлалось и до сихъ поръ дѣлается въ Россіи по отношенію къ меннонитамъ (ихъ заставляютъ срокъ ихъ службы проводить на казенныхъ работахъ), или въ томъ, чтобы, не признавая законности религіознаго отказа, наказывать неисполняющихъ общаго закона государства заключеніемъ въ тюрьмы на срокъ ихъ службы, какъ это дѣлается въ Австріи съ назаренами. Но нынѣшнее русское правительство употребило противъ духоборовъ еще третій, казалось бы, оставленный въ наше время, выходъ изъ этого противорѣчія. Оно, кромѣ того, что подвергаетъ самымъ тяжелымъ страданіямъ самихъ отказывающихся,—заставляетъ еще систематически страдать отцовъ, матерей, дѣтей отказывающихся, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы пытками этихъ невинныхъ семей поколебать рѣшимость несогласныхъ ихъ членовъ. Не говоря о сѣченіяхъ, карцерахъ и всякаго рода истязаніяхъ, которымъ подвергались отказавшіеся духоборы въ дисциплинарныхъ батальонахъ, отъ чего многіе умерли, и о ихъ ссылкѣ въ худшія мѣста Сибири, не говоря о 200 запасныхъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ томившихся въ тюрьмахъ и теперь разлученныхъ съ семьями и сосланныхъ попарно въ самыя дикія мѣстности Кавказа, гдѣ они, не имѣя заработковъ, буквально мрутъ съ голода, — не говоря объ этихъ

наказаніяхъ самихъ виновныхъ въ отказѣ отъ службы, семьи духоборовъ систематически разоряются и уничтожаются. Всѣ они лишены права отлучаться отъ своихъ мѣстъ жительства и усиленно штрафуются и запираются въ тюрьмы за неисполненіе самыхъ странныхъ требованій начальства: за называніе себя не тѣмъ именемъ, которымъ велѣно имъ называть себя, за поѣздку на мельницу, за посѣщеніе матерью своего сына, за выходъ изъ деревни въ лѣсъ для собиранія дровъ, такъ что послѣднія средства прежде богатыхъ жителей быстро истощаются. Четыреста же семей, выселенныхъ изъ своихъ жилищъ и поселенныхъ въ татарскихъ и грузинскихъ деревняхъ, гдѣ онѣ должны нанимать себѣ помѣщенія и кормиться за деньги, не имѣя ни земли, ни заработковъ, находятся въ такомъ тяжеломъ положеніи, что въ продолженіе 3-хъ лѣтъ ихъ выселенія четвертая часть ихъ, въ особенности старики и дѣти, уже вымерла отъ нужды и болѣзней.

Трудно думать, чтобы такое систематическое уничтоженіе цѣлаго 12-тысячнаго населенія входило въ планы русскаго правительства. Очень вѣроятно, что высшія власти не знаютъ того, что совершается въ дѣйствительности, а если и догадываются, то не желаютъ знать подробностей, чувствуя, что имъ нельзя допустить продолженія такихъ дѣлъ, а между тѣмъ совершается то, что для нихъ нужно.

Но несомнѣнно то, что въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ кавказское начальство систематически мучаетъ не только самихъ отказывающихся, но и ихъ семьи и такъ же систематически разоряетъ всѣхъ духоборовъ и замариваетъ до смерти тѣхъ, которые выселены.

Всѣ ходатайства за духоборовъ и всякая помощь имъ до сихъ поръ приводили только къ изгнанію изъ Россіи тѣхъ, которые пытались помочь духоборамъ. Кавказское правительство окружило заколдованнымъ кругомъ цѣлое непокорное ему населеніе, и населеніе это понемногу вымираетъ. Еще 3—4 года и отъ духоборовъ никого не осталось бы.

Такъ бы это было, если бы не случилось обстоятельства, очевидно непредвидѣннаго кавказскимъ начальствомъ. Обстоятельство это то, что въ прошломъ году императрица-вдова пріѣзжала на Кавказъ къ сыну и духоборамъ удалось подать ей прошеніе, въ которомъ духоборы просятъ позволить имъ выселиться всѣмъ вмѣстѣ въ какія-нибудь дальнія мѣста, а если этого нельзя, то за границу. Императрица передала прошеніе высшимъ властямъ, высшія власти признали возможнымъ дать разрѣшеніе духоборамъ выѣхать изъ Россіи.

Казалось бы, вопросъ разрѣшился и найденъ выходъ изъ тяжелаго для обѣихъ сторонъ положенія. Но это только кажется.

Въ томъ положеніи, въ которомъ находятся теперь духоборы, выселеніе для нихъ невозможно: у нихъ теперь нѣтъ для этого средствъ, и, будучи заперты въ своихъ поселеніяхъ, они не могутъ приступить къ этому дѣлу. Они были богаты, но за послѣдніе годы большая часть ихъ средствъ отнята у нихъ судами,

штрафами и ушла на прокормленіе выселенныхъ братьевъ; обдумать же совмѣстно и рѣшить условія своего переселенія, такъ какъ ихъ не выпускаютъ изъ мѣста ихъ жительства и къ нимъ никого не допускаютъ, имъ нѣтъ никакой возможности. Прилагаемое письмо лучше всего обрисовываетъ то положеніе, въ которомъ находятся они теперь.

Вотъ что пишетъ мнѣ уважаемый среди духоборовъ человѣкъ:

Извѣщаю Васъ о томъ, что мы подавали прошеніе на имя Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Она его передала въ сенатъ, сенатъ рѣшилъ и передалъ на распоряженіе князя Голицына. Справку при семъ предлагаю Вамъ.

Я 10 февраля ѣздилъ въ г. Тифлисъ и видѣлся тамъ съ братомъ Синджономъ [1]), но свиданіе наше было очень краткое,—сейчасъ же арестовали меня и его. Меня посадили въ тюрьму, а его сейчасъ же отправили обратно въ Англію.

Я заявилъ полицмейстеру, что я пріѣхалъ по дѣлу губернатора. Онъ сказалъ: «Пока посадимъ въ тюрьму, а потомъ доложимъ губернатору». 12-го заключили меня въ тюрьму, а 19-го меня водили подъ конвоемъ изъ двухъ солдатъ къ губернатору. Правитель канцеляріи спросилъ меня:

— За что тебя арестовали?

Я сказалъ: «Не могу знать».

— Да вѣдь на-дняхъ былъ въ Сигнахѣ?

— Да, былъ.

— А сюда зачѣмъ пріѣхалъ?

— Намѣренъ видѣть губернатора. Мы лѣтомъ подавали прошеніе на имя Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Абастуманѣ; я получилъ черезъ сигнахскаго уѣзднаго начальника отвѣтъ на прошеніе, я просилъ копію, онъ мнѣ отказалъ, говоря, что безъ губернатора не можетъ, поэтому я и пріѣхалъ.

Онъ доложилъ губернатору, губернаторъ позвалъ меня, я разъяснилъ ему все, какъ было дѣло. Онъ сказалъ: «Ты вмѣсто меня скорѣе свидѣлся съ англичаниномъ». Я сказалъ: «Англичанинъ тоже нашъ братъ».

Губернаторъ со мною хорошо разговаривалъ и совѣтовалъ намъ переходить въ самомъ короткомъ времени за границу, и сказалъ: «Всѣ можете переходить, только тѣ не могутъ, которые принадлежатъ къ нынѣшнему призыву, т.-е. «лобовые».

А меня приказалъ освободить отъ ареста и отправить обратно въ Сигнахъ. Мы въ настоящее время собираемся на совѣтъ, будемъ, съ помощью Божьей, стараться о переходѣ въ Англію или Америку. И въ этомъ дѣлѣ братски просимъ Васъ зайти намъ на помощь.

Извѣщаемъ Васъ о положеніи нашихъ братьевъ. Петру Васильевичу Веригину [2]) объявили еще на пять лѣтъ остаться на мѣстѣ. Братьевъ Карской области ежемѣсячно цѣнятъ [3]) попрежнему и отлучку изъ предѣловъ воспрещаютъ, и за неисполненіе этого заключаютъ въ тюрьмы отъ одной до двухъ недѣль. Болѣзни продолжаются все попрежнему, но смертныхъ случаевъ меньше стало. Въ матеріальномъ отношеніи братья имѣютъ нужду, особенно въ Сигнахскомъ уѣздѣ, а въ прочихъ уѣздахъ тамъ живутъ посвободнѣе.

А вотъ справка:

По поводу ходатайства, принесеннаго на Августѣйшее Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны имя духоборами-постниками, выселенными въ 1895 году изъ Ахалкалакскаго въ другіе уѣзды Тифлисской губерніи, о сгруппированіи означенныхъ духо-

---

[1]) Это англійскій капитанъ, привезшій духоборамъ деньги, собранныя квакерами.

[2]) Веригинъ—это руководитель ихъ, сосланный сначала въ Архангельскую губ., потомъ въ Сибирь и уже 11-ый годъ томящійся въ ссылкѣ.

[3]) Значитъ то, что при всякомъ случаѣ штрафуютъ.

боровъ-постниковъ на жительствѣ въ одномъ поселеніи съ освобожденіемъ отъ воинской повинности или же о разрѣшеніи всѣмъ имъ выселиться за границу послѣдовало распоряженіе:

1) Освобожденіе ихъ отъ воинской повинности не удовлетворено и 2) духоборы-постники, за исключеніемъ, конечно, находящихся въ призывномъ возрастѣ и не исполнившихъ воинской повинности, могутъ быть увольняемы за границу при условіи: а) полученія заграничнаго паспорта въ установленномъ порядкѣ, б) выѣзда изъ предѣловъ Россіи на собственный счетъ и в) выдачи при выѣздѣ подписки о невозвращеніи впредь въ предѣлы «имперіи», имѣя въ виду, что въ случаѣ неисполненія сего послѣдняго пункта виновный подвергается высылкѣ въ отдаленныя мѣстности. Ходатайство же ихъ о сгруппированіи на жительство въ одномъ селеніи не уважено.

Настоящая справка, по приказанію г. тифлисскаго губернатора, выдается одному изъ подавшихъ помянутое ходатайство духоборовъ-постниковъ Василію Потапову, вслѣдствіе личной его о томъ просьбы, заявленной губернатору. Февраля 21 дня 1898 года, городъ Тифлисъ. Подлинную подписали: Правитель канцеляріи тифлисскаго губернатора NN. И. д. старшаго помощника его Михайловъ.

Людямъ позволяютъ выѣхать; но предварительно ихъ разорили, такъ что имъ не на что выѣхать, и условія, въ которыхъ они находятся, таковы, что имъ нѣтъ возможности узнать мѣстъ, куда имъ выселиться, какъ и при какихъ условіяхъ возможно это сдѣлать, и нельзя даже воспользоваться помощью извнѣ, такъ какъ людей, которые хотятъ помочь имъ, тотчасъ же высылаютъ, ихъ же за всякую отлучку сажаютъ въ тюрьму.

Такъ что если этимъ людямъ не будетъ подана помощь извнѣ, они такъ и разорятся и вымрутъ всѣ, несмотря на полученное ими разрѣшеніе выселиться.

Я случайно знаю подробности гоненій и страданій этихъ людей, нахожусь съ ними въ сношеніяхъ, и они просятъ меня помочь имъ, и потому считаю своимъ долгомъ обратиться ко всѣмъ добрымъ людямъ какъ русскаго, такъ и европейскаго общества, прося ихъ помочь духоборамъ выйти изъ того мучительнаго положенія, въ которомъ они находятся. Я обратился въ одной изъ русскихъ газетъ къ русскому обществу—еще не знаю, будетъ или не будетъ мое заявленіе напечатано—и обращаюсь теперь еще и ко всѣмъ добрымъ людямъ англійскаго и американскаго народа, прося ихъ помощи, во-первыхъ, деньгами, которыхъ нужно много для одной перевозки на дальнее разстояніе 10.000 человѣкъ, и, во-вторыхъ, прямымъ непосредственнымъ руководительствомъ въ трудностяхъ предстоящаго переселенія людей, не знающихъ языковъ и никогда не выѣзжавшихъ изъ Россіи

Полагаю, что высшее русское правительство не будетъ препятствовать такой помощи и умѣритъ излишнее усердіе кавказскаго управленія, не допускающаго теперь никакого общенія съ духоборами.

До тѣхъ же поръ предлагаю свое посредничество между людьми, желающими помочь духоборамъ и войти въ сношеніе съ ними, такъ какъ до сихъ поръ мои сношенія съ ними не прерывались.

Адресъ мой: Москва, Хамовническій пер., 21.

1898 г.

КЪ ВОПРОСУ О СВОБОДѢ ВОЛИ.

(Изъ неизданнаго сочиненія.)

I.

Что бы ни дѣлалъ человѣкъ, онъ поступаетъ такъ, а не иначе во всѣхъ своихъ сознательныхъ поступкахъ только потому, что онъ или теперь признаетъ, что истина въ томъ, что должно поступать такъ, какъ онъ поступаетъ, или потому, что онъ когда-то прежде призналъ это; теперь же только по инерціи, по привычкѣ поступаетъ такъ, какъ онъ это призналъ должнымъ прежде.

Ѣстъ ли человѣкъ или воздерживается отъ пищи, работаетъ или отдыхаетъ, бѣжитъ опасности или подвергается ей, — если онъ сознательный человѣкъ, онъ поступаетъ такъ, какъ поступаетъ, только потому, что считаетъ это должнымъ, разумнымъ,— считаетъ, что истина состоитъ въ томъ, чтобы поступать такъ, и не иначе, или уже давно прежде считалъ это.

Признаніе же или непризнаніе того, что истина состоитъ въ томъ, чтобы поступать такъ, а не иначе, зависитъ не отъ внѣшнихъ, подлежащихъ наблюденію человѣка причинъ, а отъ какихъ-то другихъ причинъ, находящихся въ самомъ человѣкѣ и не подлежащихъ его наблюденію. Такъ что иногда, при всѣхъ внѣшнихъ—казалось бы, выгодныхъ — условіяхъ для признанія служащей причиной поступковъ истины, одинъ человѣкъ не признаетъ ея и, напротивъ, другой, при всѣхъ самыхъ невыгодныхъ къ тому условіяхъ, признаетъ ее и поступаетъ сообразно ей.

И потому человѣкъ, чувствуя себя несвободнымъ въ своихъ поступкахъ, всегда чувствуетъ себя независимымъ отъ внѣшнихъ условій, т.-е. свободнымъ въ томъ, что̀ служитъ причиной его поступковъ, въ признаніи или непризнаніи истины. И чувствуетъ себя свободнымъ не только отъ внѣшнихъ, происходящихъ внѣ его событій, но даже и отъ своихъ поступковъ.

Такъ, человѣкъ, совершивъ поступокъ, противный тому, что̀ онъ признаетъ истиной, остается все-таки свободнымъ въ признаніи или непризнаніи ея, т.-е. можетъ считать свой поступокъ хорошимъ, значитъ непротивнымъ истинѣ, и оправдывать себя въ совершеніи его, и можетъ, признавая истину, считать свой поступокъ дурнымъ, противнымъ ей, и осуждать себя въ немъ.

Такъ, игрокъ или пьяница, не выдержавшій соблазна и подпавшій своей страсти, остается все-таки свободнымъ признавать игру и пьянство или зломъ или безразличною забавой.

Точно такъ же человѣкъ, выбѣжавшій изъ горящаго дома, не выдержавъ жара и не спасши своего товарища, остается свободнымъ признать истину о томъ, что человѣкъ съ опасностью своей жизни долженъ служить чужимъ жизнямъ, и считать свой поступокъ дурнымъ и потому осуждать себя за него, или, не признавая этой истины, считать свой поступокъ естественнымъ, необходимымъ и оправдывать себя въ немъ.

Въ первомъ случаѣ, въ томъ, когда онъ признаетъ истину, несмотря на свое отступленіе отъ нея, онъ готовитъ себѣ цѣлый рядъ неизбѣжно имѣющихъ вытечь изъ такого признанія, сообразныхъ истинѣ, добрыхъ поступковъ; во второмъ случаѣ онъ готовитъ себѣ цѣлый рядъ противоположныхъ истинѣ дурныхъ поступковъ.

Не то, чтобы человѣкъ былъ свободенъ всегда признавать или не признавать всякую истину. Есть истины, давно уже или признанныя самимъ человѣкомъ или переданныя ему воспитаніемъ, преданіемъ и принятыя имъ на вѣру, слѣдованіе которымъ стало для него привычкой, второй природой: человѣкъ не можетъ не признавать такихъ истинъ и потому несвободенъ по отношенію къ нимъ. Есть еще другія истины, только какъ бы вдалекѣ представляющіяся человѣку и еще не вполнѣ открывшіяся ему; человѣкъ не можетъ по своей волѣ признать ихъ. Въ признаніи тѣхъ и другихъ онъ одинаково несвободенъ: онъ не можетъ не признавать первыхъ и не можетъ еще признавать вторыхъ. Но есть третій родъ истинъ, — такихъ, которыя не стали еще для человѣка безсознательнымъ мотивомъ дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже съ такою ясностью открылись ему, что онъ не можетъ обойти ихъ и неизбѣжно долженъ такъ или иначе отнестись къ нимъ, признать или не признать ихъ. Въ отношеніи этихъ-то истинъ и только этихъ истинъ и проявляется свобода человѣка.

Всякій человѣкъ въ своей жизни находится по отношенію къ различнымъ истинамъ и вообще къ истинѣ въ положеніи путника, идущаго въ темнотѣ при свѣтѣ впереди двигающагося фонаря: онъ не видитъ того, что онъ прошелъ и что закрылось уже темнотой, не видитъ и того, до чего не дошелъ и что еще не освѣщено его фонаремъ; и не властенъ измѣнить своего отношенія ни къ тому, ни къ другому. Но онъ видитъ то, что освѣщено фонаремъ,—на какомъ бы мѣстѣ пути онъ ни стоялъ — и всегда властенъ выбрать ту или другую сторону дороги, по которой движется. Точно такъ же и для каждаго человѣка, двигающагося въ духовной жизни, есть всегда истины, уже пережитыя, усвоенныя имъ и составляющія уже часть его сознанія; есть другія, не открывшіяся еще его умственному взору и только предугадываемыя имъ, и есть третьи истины, настолько открывшіяся человѣку, что онъ неизбѣжно долженъ такъ или иначе отнестись къ нимъ: признать или не признать ихъ. И вотъ въ признаніи или непризнаніи этихъ-то истинъ и проявляется то, что мы сознаемъ какъ свою свободу.

Вся трудность и кажущаяся неразрѣшимость вопроса о свободѣ человѣка происходитъ оттого, что люди, рѣшающіе этотъ вопросъ, представляютъ себѣ человѣка неподвижнымъ по отношенію къ истинѣ.

Человѣкъ несомнѣнно несвободенъ, если только допустить, что жизнь человѣка и человѣчества не есть постоянное движеніе отъ темноты къ свѣту, отъ низшей степени истины къ высшей,—отъ истины, болѣе смѣшанной съ заблужденіями, къ истинѣ, болѣе освобожденной отъ нихъ, т.-е. если представить себѣ человѣка неподвижнымъ.

Человѣкъ былъ бы несвободенъ, если бы онъ не зналъ никакой истины, и точно такъ же не былъ бы свободенъ и даже не имѣлъ бы понятія о свободѣ, если бы вся истина, долженствующая руководить его въ жизни, разъ навсегда во всей чистотѣ своей, безъ примѣси заблужденія, была открыта ему.

Но человѣкъ не неподвиженъ относительно истины: постоянно по мѣрѣ движенія своего въ жизни каждый отдѣльный человѣкъ—такъ же, какъ и все человѣчество — все больше и больше освобождается отъ заблужденія и подчиняется истинѣ. И потому всѣ люди всегда находятся въ троякомъ отношеніи къ истинѣ: однѣ истины такъ уже усвоены ими, что стали безсознательными причинами поступковъ, другія только начинаютъ открываться имъ, третьи, хотя и не усвоены еще ими, открыты имъ до такой степени ясности, что они неизбѣжно такъ или иначе должны отнестись къ нимъ, должны признать или не признать ихъ. И вотъ въ признаніи или непризнаніи этихъ-то истинъ и состоитъ свобода человѣка.

II.

Жизнь человѣческая движется по одному опредѣленному и неизмѣнному закону. И потому она вообще несвободна: всѣ люди неизбѣжно пойдутъ по единственному пути этого закона. Помимо этого пути не можетъ быть жизни. Но законъ жизни человѣческой представляется людямъ въ видѣ понемногу открывающейся истины, которая можетъ быть признана и не признана ими; и потому по пути закона жизни люди могутъ идти двояко: или сами собой, сознательно и свободно подчиняясь закону жизни, или невольно и безсознательно покоряясь ему. Свобода человѣка въ этомъ выборѣ.

Она не въ томъ, что человѣкъ можетъ, независимо отъ хода жизни и уже существующихъ и вліяющихъ на него причинъ, совершать произвольные поступки, а въ томъ, что онъ можетъ, признавая открывающійся ему въ сознаніи въ видѣ истины законъ жизни, исповѣдуя его, сдѣлаться свободнымъ и радостнымъ исполнителемъ дѣла не только своей, но и міровой жизни, и можетъ, не признавая истины, сдѣлаться рабомъ закона жизни, и быть насильно и мучительно влекомымъ туда, куда онъ не хочетъ идти.

Такая свобода въ такихъ узкихъ предѣлахъ кажется людямъ столь ничтожною, что они не замѣчаютъ ея; одни (детерминисты)

считаютъ эту долю свободы столь малою, что вовсе не признаютъ ея; другіе, защитники полной свободы, имѣя въ виду свою воображаемую полную свободу, пренебрегаютъ этою, кажущейся имъ ничтожною степенью свободы.

Свобода, заключенная между предѣлами истины, ставшей инстинктомъ, второю природою, и истины, не открывшейся еще сознанію человѣка, — свобода, состоящая только въ признаніи извѣстной степени открывающейся истины, кажется людямъ не свободою, тѣмъ болѣе, что, хочетъ или не хочетъ человѣкъ признать открывшуюся ему истину, онъ неизбѣжно будетъ принужденъ къ исполненію ея въ жизни.

Лошадь, запряженная вмѣстѣ съ другими въ возъ, несвободна не идти впереди воза, и, если она не везетъ, возъ будетъ бить ее по ногамъ, и она пойдетъ туда же, куда пойдетъ возъ, и будетъ невольно везти его. Но, несмотря на эту ограниченную свободу, она свободна везти возъ или быть влекомой имъ.

То же съ человѣкомъ.

Велика ли, не велика ли эта свобода въ сравненіи съ той фантастической свободой, которую мы бы хотѣли имѣть, свобода эта одна несомнѣнно существуетъ и свобода эта есть свобода. И мало того, что свобода эта есть истинная свобода, — она же есть и истинная жизнь. По ученію Христа, человѣкъ, который видитъ смыслъ жизни въ той области, въ которой она несвободна, — въ области послѣдствій, т.-е. поступковъ, — не имѣетъ истинной жизни. Истинную жизнь по христіанскому ученію, имѣетъ только тотъ, кто перенесъ свою жизнь въ ту область, въ которой она свободна, — въ область причинъ, т.-е. познанія и признанія открывающейся истины, исповѣданія ея и потому неизбѣжно слѣдующаго (какъ возъ за лошадью) исполненія ея.

Полагая жизнь свою въ дѣлахъ плотскихъ, человѣкъ дѣлаетъ тѣ дѣла, которыя всегда находятся въ зависимости отъ пространственныхъ и временныхъ, внѣ его находящихся причинъ. Онъ самъ даже ничего не дѣлаетъ; ему только кажется, что дѣлаетъ онъ, но въ дѣйствительности всѣ тѣ дѣла, которыя ему кажется, что онъ дѣлаетъ, творятся черезъ него Высшею Силой, и онъ — не творецъ жизни, а рабъ ея; полагая же жизнь свою въ признаніи и исповѣданіи открывающейся ему истины, онъ, соединяясь съ источникомъ всеобщей жизни, совершаетъ дѣла уже не личныя, частныя, зависящія отъ условій пространства и времени, но дѣла, не имѣющія иной причины, кромѣ его сознанія, и сами составляющія причину всего остального, имѣющія безконечное, ничѣмъ неограниченное значеніе.

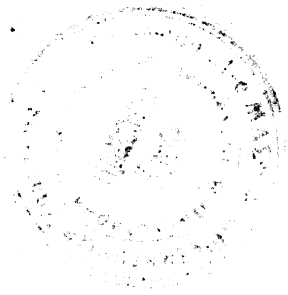
Царство Божіе усиліемъ берется, и только дѣлающіе усиліе восхищаютъ его, и это-то усиліе, которымъ берется Царство и которое долженъ и можетъ сдѣлать каждый человѣкъ, состоитъ не въ какихъ-либо внѣшнихъ дѣлахъ, а только въ признаніи и исповѣданіи истины каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ.

Пренебрегая сущностью истинной жизни, состоящей въ испытаніи и исповѣданіи истины, и напрягая свои усилія для улучше-

нія своей жизни на внѣшніе поступки, люди подобны людямъ на пароходѣ, которые, для того чтобы дойти до цѣли, заглушили бы паровикъ, мѣшающій имъ размѣстить гребцовъ, и въ бурю старались бы, вмѣсто того, чтобы идти готовымъ уже паромъ, грести недостающими до воды веслами.

Стоитъ людямъ только понять это: перестать заботиться о дѣлахъ внѣшнихъ и общихъ, въ которыхъ они несвободны, а всю ту энергію, которую они употребляютъ на внѣшнія дѣла, употребить на то, въ чемъ они свободны, — на признаніе и исповѣданіе той истины, которая стоитъ передъ ними, на освобожденіе себя и людей отъ лжи и лицемѣрія, скрывающихъ истину,— для того, чтобы не только каждый отдѣльный человѣкъ достигъ высшаго доступнаго ему блага, но чтобы осуществилась хоть та первая ступень Царства Божія, къ которой уже готовы люди по своему сознанію.

1893 г.



ПИСЬМО МАДЗИНИ О БЕЗСМЕРТІИ.

(Переводъ.)

Письмо это было впервые напечатано въ англійскомъ журналѣ «Labour Prophet». Русскій переводъ его былъ напечатанъ въ книжкѣ «Недѣли», предшествуемый письмомъ Льва Николаевича къ редактору «Недѣли»:

«Посылаю вамъ прекрасное письмо Мадзини о безсмертіи, которое я перевелъ съ англійскаго. Кажется, оно еще не появлялось въ Россіи, и поэтому думаю, что будетъ не только интересно, но полезно многимъ читателемъ».

Вступительное примѣчаніе англійскаго изданія.

Слѣдующее письмо принадлежитъ rev F. Emillson, любезности котораго мы обязаны помѣщеніемъ его, также и разсказомъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ оно было написано. Письмо это служитъ выраженіемъ вѣры Мадзини въ безсмертіе и потому не можетъ не быть интереснымъ. Истинная вѣра не состоитъ въ догматическихъ положеніяхъ, но вырастаетъ въ нашихъ сердцахъ вмѣстѣ съ ростомъ нашего нравственнаго опыта и нашихъ нравственныхъ побѣдъ.

Такова была вѣра Мадзини, и потому онъ могъ сказать: «я не вѣрую ни въ какую изъ существующихъ религій», и вмѣстѣ съ тѣмъ быть глубоко религіознымъ человѣкомъ. Одинъ англичанинъ, близко знавшій Мадзини, говорилъ, что онъ не могъ найти въ немъ никакого недостатка; и нѣжное участіе, которое чувствуется въ этомъ письмѣ, даетъ намъ нѣкоторое понятіе о необыкновенной красотѣ этого характера. А между тѣмъ многіе изъ тѣхъ людей, которыхъ онъ старался спасти, смотрѣли на него какъ на кровожаднаго революціонера, пожираемаго тщеславіемъ. Такъ мы до сихъ поръ побиваемъ каменьями пророковъ.

Во время пребыванія Мадзини въ Лондонѣ онъ встрѣтилъ въ домѣ одного изъ своихъ друзей члена радикальной партіи и соціалиста школы, Роберта Овена, разговоръ съ которымъ очень заинтересовалъ его.

Нѣсколько недѣль спустя Мадзини узналъ, что человѣкъ, который такъ заинтересовалъ его, былъ въ большомъ горѣ, потерявъ единственнаго сына. Мадзини былъ очень тронутъ этимъ извѣстіемъ и, потихоньку удалившись изъ собранія своихъ друзей въ другую комнату, черезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда съ письмомъ, которое онъ просилъ послать.

Послѣ смерти Мадзини получившій это письмо находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и занимался торговлей. Узнавъ

про это письмо, богатый человѣкъ пришелъ въ лавку и предложилъ купить его. Лавочникъ отвѣтилъ: «если вы покроете мой прилавокъ золотыми, я и то не отдамъ этого письма.

Письмо Мадзини.

«Милостивый государь!

«Хотя мы видѣлись съ вами только одинъ разъ, въ нашемъ рукопожатіи было что-то сердечное, чего я никогда не забылъ. Теперь, когда вы въ тяжеломъ горѣ, я вспомнилъ про это и чувствую желаніе пожать вашу руку и сказать вамъ, что я соболѣзную вашему горю. Будьте тверды, смерть—священное дѣло, и такъ мы должны понимать ее. Печальтесь о томъ, кого вы потеряли, но пусть печаль ваша не будетъ сухой, голой, атеистической, какой она бываетъ для тѣхъ, которые не могутъ видѣть дальше этой земли. Это было бы униженіемъ какъ для вашей, такъ и для его души. Я не знаю, во что вы вѣрите. Я не вѣрю ни въ одну изъ существующихъ религій и потому не могу быть заподозрѣнъ въ томъ, что слѣпо слѣдую какому-либо преданію или вліяніямъ воспитанія. Но я въ продолженіе всей моей жизни думалъ настолько глубоко, насколько былъ способенъ, о законѣ нашей жизни. Я отыскивалъ его въ исторіи человѣчества и въ моемъ собственномъ сознаніи, и я пришелъ къ ненарушимому убѣжденію, что смерти не существуетъ; что жизнь не можетъ быть иная, какъ вѣчная; что безконечный прогрессъ есть законъ жизни; что всякая способность, всякая мысль, всякое стремленіе, вложенное въ меня, должно имѣть свое практическое развитіе; что мы обладаемъ идеями, мыслями, стремленіями, которыя далеко превосходятъ возможности нашей земной жизни; что самый тотъ фактъ, что мы обладаемъ ими и не можемъ прослѣдить ихъ происхожденія отъ нашихъ чувствъ, служитъ доказательствомъ того, что онѣ приходятъ въ насъ изъ области, находящейся внѣ земли, и могутъ быть осуществлены только внѣ ея; что ничто не погибаетъ здѣсь на землѣ, кромѣ формъ, и что думать, что *мы* умираемъ, потому что умираетъ наша форма, все равно, что думать, что работникъ умеръ, потому что орудія его износились.

«Съ тѣхъ поръ, какъ вѣра эта стала моей, вѣра, испытанная одинаково разсудкомъ, сердцемъ, разумомъ и любовью, я потерялъ всѣхъ (осталась одна сестра), кто были дороги мнѣ въ моемъ отечествѣ. Я печалился и печалюсь еще и теперь, но не отчаиваюсь, я чувствую святость смерти. Я почувствовалъ новыя обязанности любви, возникшія предо мной. Я почувствовалъ, что я не долженъ никогда забыть дорогихъ, утраченныхъ мной; что я долженъ становиться вѣрнѣе и любовнѣе по отношенію другихъ, болѣе дѣятельнымъ въ исполненіи моихъ обязанностей ради нихъ и меня самого. Я почувствовалъ, что они страдали бы, если бы я не поступилъ такъ. Я чувствовалъ, что, поступая такъ, я ускорю время нашей встрѣчи и исполню то обязательство, которое содержится въ вѣрной, искренней земной любви.

«Передъ каждой могилой я старался становиться лучше. Я былъ вѣренъ тѣмъ, которые уходили, и поэтому все болѣе и болѣе печаленъ, когда они оставляли меня одинъ за другимъ. Но я былъ твердо увѣренъ, что моя любовь не есть только ощущеніе, но высокое, святое дѣло, что она есть почка цвѣтка, обѣщаніе и обязательство того, что онъ расцвѣтетъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, точно такъ же, какъ каждый цвѣтокъ, имѣя корни въ землѣ, распускается наверху.

«Желалъ бы, чтобы то же чувство было и въ васъ. Я не могу быть увѣреннымъ пробудить его въ васъ, если его нѣтъ, хотя благородное преданіе могущественнѣйшихъ душъ, жившихъ на землѣ, провозглашало его такъ же, какъ и я. Но пусть моя попытка выразить его теперь вамъ служитъ, по крайней мѣрѣ, доказательствомъ того, что я никогда не забылъ нашей встрѣчи и что я глубоко сочувствую вамъ и вашей женѣ въ вашей потерѣ и въ вашемъ горѣ.

Искренно преданный вамъ

Іосифъ Мадзини».

1894 года.

О СУЩЕСТВУЮЩЕМЪ СТРОѢ.

Существующій строй жизни подлежитъ разрушенію. Въ этомъ согласны какъ тѣ, которые стремятся разрушить, такъ и тѣ, которые защищаютъ его.

Уничтожиться долженъ строй соревновательный и замѣниться коммунистическимъ; уничтожиться долженъ строй капиталистическій и замѣниться соціалистическимъ; уничтожиться долженъ строй милитаризма и замѣниться разоруженіемъ и арбитраціей; уничтожиться долженъ сепаратизмъ узкой національности и замѣниться космополитизмомъ и всеобщимъ братствомъ; уничтожиться должны всякія религіозныя суевѣрія и замѣниться разумнымъ, религіознымъ, нравственнымъ сознаніемъ; уничтожиться долженъ всякаго рода деспотизмъ и замѣниться свободой; однимъ словомъ, уничтожиться должно насиліе и замѣниться свободнымъ и любовнымъ единеніемъ людей.

До сихъ поръ для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей употреблялись два средства: первое—насильственныя революціи, сверженіе людей, поддерживающихъ нежелательный порядокъ, и замѣщеніе ихъ другими, долженствующими устроить другой, желательный порядокъ жизни; и другое—состоящее въ томъ, чтобы, не разрушая существующаго порядка, вступая въ ряды правительства, постепенно, понемногу достигать того измѣненія существующаго порядка, котораго требуетъ человѣческое сознаніе нашего времени.

Первый способъ не достигаетъ своей цѣли потому, что, во-первыхъ, всякое насильственное разрушеніе существующаго порядка вызываетъ въ большинствѣ индиферентныхъ людей реакцію, желаніе удержать во что бы то ни стало какой бы то ни было существующій и даже существовавшій прежде, когда не было пертурбацій, порядокъ вещей и потому вызываетъ реакцію, только отдаляющую достиженіе цѣли.

Во-вторыхъ, потому, что люди вступающіе во власть, при удержаніи прежней государственной машины насилія очень скоро становятся столь же деспотичны, иногда еще и болѣе, чѣмъ сверженные. (Реакція большой французской революціи противъ деспотизма королевской власти, реакція Наполеона и реакція 15-го года, реакція послѣ 30-го, послѣ 48-го, послѣ 81-го у насъ, и реакція теперь послѣ анархистскихъ взрывовъ и убійствъ во Франціи).

Второй способъ, состоящій въ томъ, чтобы, участвуя въ правительствѣ, улучшая, измѣнять его, еще менѣе достигаетъ своей

цѣли, потому что люди не только вступающіе въ ряды правительства, безъ цѣли постепеннаго улучшенія существующаго порядка, но даже признающіе правительство и пользующіеся его выгодами и увѣряющіе себя, что они пользуются выгодами правительства только для того, чтобы быть въ состояніи видоизмѣнять его и улучшать,—незамѣтно для себя, очень скоро и неизбѣжно (потому что вся жизнь ихъ опирается на правительственномъ насиліи) становятся не только не исправителями и измѣнителями насилій правительства, но самыми горячими защитниками его. Все равно, какъ если бы человѣкъ взявшійся исправлять лодку, сидѣлъ бы и плылъ въ ней.

Люди въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, уже сознавъ ложность своего положенія, стараются измѣнить его то тѣмъ, то другимъ средствомъ, но ни то, ни другое не производитъ дѣйствія, и положеніе становится все хуже и хуже.

Существуетъ же одно средство достиженія этой цѣли, и самое простое и естественное, состоящее въ томъ, чтобы оставить въ сторонѣ государство и правительство и не думать о немъ, а думать только о себѣ и своей жизни, уяснить себѣ цѣль и значеніе своей жизни и, соотвѣтственно уясненнаго сознанія вести свою жизнь.

И удивительное дѣло: это средство, оставляющее совершенно въ сторонѣ вопросы о государствѣ, правительствѣ, обществѣ, одно разрѣшаетъ (и самымъ несомнѣннымъ образомъ) всѣ вопросы государственные, правительственные и общественные.

Средство это, по отношенію къ вопросамъ государственнымъ, правительственнымъ и общественнымъ, состоитъ въ томъ, чтобы вмѣсто того, чтобы насильственно разрушать существующій строй жизни или, желая разрушить или измѣнить его, на немъ строить свою жизнь,—средство это состоитъ въ самомъ простомъ пріемѣ, который, казалось бы, первый долженъ бы былъ придти въ голову людямъ,—именно въ томъ, чтобы не участвовать въ томъ насильственномъ строѣ жизни, который мы отрицаемъ и хотимъ измѣнить.

Для того же, чтобы не участвовать въ этомъ насильственномъ и ложномъ строѣ жизни, нужно: 1) сознавать ясно смыслъ и назначеніе своей жизни, 2) ясно понимать, что въ нашей жизни соотвѣтствуетъ назначенію нашей жизни и что противорѣчитъ ему, и 3) знать тѣ средства, которыми возможно привести въ согласіе свою жизнь съ требованіями своего сознанія.

1896 года.

О ТОЛСТОВСТВѢ.

(Изъ дневника.)

Я радъ былъ случаю высказать и уяснить себѣ, что говорить о «толстовствѣ», искать моего руководительства, спрашивать моего рѣшенія вопросовъ—большая и грубая ошибка.

Никакого моего ученія не было и нѣтъ; есть одно вѣчное, всеобщее, всемірное ученіе истины, для меня, для насъ особенно ясно выраженное въ Евангеліяхъ. Ученіе это призываетъ человѣка къ признанію своей сыновности Богу и потому — своей свободы или рабства (какъ хотите, назовите)—свободы отъ вліянія міра и рабства Богу, волѣ Его; и какъ только человѣкъ понялъ это ученіе, онъ свободно вступаетъ въ непосредственное общеніе съ Богомъ и спрашивать ему уже нечего и не у кого.

Это похоже на плаваніе человѣка по рѣкѣ съ огромнымъ разливомъ. Пока человѣкъ не въ серединномъ потокѣ, а въ разливѣ, ему нужно самому плыть, грести, и тутъ онъ можетъ руководиться направленіемъ плаванія другихъ людей. Тутъ и я могъ руководить людей, самъ приплывая къ потоку. Но какъ только мы вступили въ потокъ, такъ нѣтъ и не можетъ быть руководителя. Всѣ мы несомы силою теченія, всѣ въ одномъ направленіи; и тѣ, кто были назади, могутъ быть впереди.

Если человѣкъ спрашиваетъ, куда ему плыть, то это доказываетъ только то, что онъ не вступилъ еще въ потокъ и что тотъ, у кого онъ спрашиваетъ,— плохой руководитель, если онъ не умѣлъ довести его до того потока, т.-е. до того состоянія, въ которомъ уже нельзя (потому что безсмысленно) спрашивать. Какъ спрашивать, куда плыть, когда потокъ съ неотразимой силой влечетъ меня по радостному для меня направленію?

Люди, которые подчиняются одному руководителю, вѣрятъ ему и слушаютъ его, несомнѣнно бродятъ впотьмахъ вмѣстѣ съ своимъ руководителемъ.

ПО ПОВОДУ „ТОЛСТОВСКАГО ОБЩЕСТВА“

На просьбу одного англійскаго кружка (въ Манчестерѣ) почитателей Л. Н. Толстого, наименовавшаго себя «Толстовскимъ обществомъ», о томъ, чтобы онъ откликнулся нѣсколькими словами на ихъ дѣятельность, Л. Н. отвѣтилъ имъ слѣдующимъ письмомъ, которое мы приводимъ въ переводѣ съ англійскаго:

«Дорогой другъ, вы правы, предполагая, что я долженъ быть заинтересованъ «Толстовскимъ обществомъ». Но я жалѣю, что во мнѣ еще сохранилось достаточно тщеславія для того, чтобы быть заинтересованнымъ имъ. Я всегда былъ того убѣжденія, — и оно не можетъ измѣниться, — что быть членомъ стараго общества, учрежденнаго Богомъ при началѣ сознательной жизни человѣчества, болѣе производительно для себя и для человѣчества, чѣмъ быть членомъ ограниченныхъ обществъ, организуемыхъ нами для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя мы въ состояніи сознавать. Я думаю, что предпочтеніе, оказываемое нами нашимъ собственнымъ обществамъ, происходитъ оттого, что роль, которую мы играемъ въ нихъ, представляется намъ гораздо болѣе важной, чѣмъ та, которую мы исполняемъ въ великомъ Божьемъ обществѣ. Но это только самообманъ.

«Всѣ три вида дѣятельности, упомянутые вами въ вашемъ письмѣ, вѣрнѣе достижимы человѣкомъ, считающимъ себя членомъ великаго Божьяго общества, нежели членомъ «Толстовскаго общества»

«Такой человѣкъ, если онъ искрененъ, —какъ я знаю, что вы искренни,—будетъ, во-первыхъ, распространять, насколько можетъ, тѣ мысли, которыя доставили ему душевное удовлетвореніе и энергію жизни, не заботясь о томъ, Толстого ли онѣ или кого-либо другого.

«Во-вторыхъ, онъ будетъ всѣми силами стараться вызывать людей къ высказыванію ихъ мнѣній о самыхъ важныхъ вопросахъ жизни.

«Въ-третьихъ, онъ будетъ стремиться доставлять каждому, съ кѣмъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе, столько радости и счастья, сколько онъ въ состояніи; а также будетъ помогать тѣмъ, которые впадаютъ въ затрудненія отъ твердаго слѣдованія ученію Христа.

«Человѣкъ, принадлежащій къ великому Божьему обществу, кромѣ того, исполнитъ и много другихъ христіанскихъ поступковъ,

которые не были ни предвидѣны, ни опредѣлены ни «Толстовскимъ обществомъ», ни какимъ бы то ни было другимъ.

«Я допускаю, что существуютъ нѣкоторыя выгоды въ соединеніи людей одинаковыхъ мыслей въ общества; но думаю, что невыгоды такихъ организацій гораздо значительнѣе, чѣмъ ихъ удобства. И потому я сознаю, что для меня было бы большой потерей перемѣнить свое членство великаго Божьяго общества на кажущееся полезнымъ участіе въ какомъ бы то ни было человѣческомъ обществѣ.

«Мнѣ жаль расходиться съ вами во мнѣніи, но я не могу думать иначе».

ТРЕБОВАНІЯ ЛЮБВИ.

Представимъ себѣ людей, мужчину и женщину, — мужа, жену, брата, сестру, отца, дочь, мать, сына,—богатаго класса, которые живо поняли грѣхи роскошной и праздной жизни среди нищеты и задавленности трудомъ народа и ушли изъ города, отдали кому-нибудь, такъ или иначе избавились отъ своего излишка, оставили себѣ въ бумагахъ, скажемъ, 150 рублей въ годъ на двоихъ, даже ничего не оставили, а зарабатываютъ это какимъ-нибудь мастерствомъ, — положимъ, рисованіемъ на фарфорѣ, переводомъ хорошихъ книгъ,—и живутъ въ деревнѣ, въ срединѣ русской деревни, нанявъ или купивъ себѣ избу и своими руками обрабатывая свой огородъ, садъ, ходя за пчелами и вмѣстѣ съ тѣмъ, подавая помощь сельчанамъ, медицинскую, насколько они знаютъ, и образовательную,—учатъ дѣтей, пишутъ письма, прошенія и т. п.

Казалось бы, чего лучше такой жизни? Но жизнь эта очень скоро перестаетъ быть радостной, если люди эти не будутъ лицемѣрить, лгать, если они будутъ искренни. Вѣдь если люди эти отказались отъ всѣхъ выгодъ и радостей, украшеній жизни, которыя имъ давали городъ и деньги, то сдѣлали они это только потому, что они признаютъ людей братьями, равными передъ Отцомъ,—не равными по спссобностямъ, достоинствамъ, если хотите, но равными въ своихъ правахъ на жизнь и на все то, что она можетъ дать имъ.

Если возможно сомнѣніе о равенствѣ людей, когда мы ихъ разсматриваемъ взрослыми съ отдѣльнымъ прошедшимъ каждаго, то сомнѣнія этого не можетъ быть, когда мы видимъ дѣтей. Почему этотъ ребенокъ будетъ имѣть всѣ заботы, всю помощь знанія для своего физическаго и умственнаго развитія, а этотъ прелестный ребенокъ съ тѣми же и еще лучшими задатками сдѣлается рахитикомъ, вырожденнымъ, полукарликомъ отъ недостатка молока и останется безграмотнымъ, дикимъ, связаннымъ суевѣріями человѣкомъ,—только грубой рабочей силой?

Вѣдь если люди эти уѣхали изъ города и поселились жить какъ они живутъ, въ деревнѣ, то только потому, что они не на словахъ, но на дѣлѣ вѣрятъ въ братство людей и хотятъ если не осуществить, то осуществлять его въ своей жизни. И эта-то попытка осуществленія должна, если только они искренни,—должна привести ихъ въ ужасное, безвыходное положеніе.

Съ своими съ дѣтства пріобрѣтенными привычками порядка, удобства, главное—чистоты, они переѣхали въ деревню и, нанявъ или купивъ избу, очистили ее отъ насѣкомыхъ, можетъ-быть, да-

же сами оклеили ее обоями привезли остатокъ мебели, не роскошной, а нужной: желѣзную кровать, шкапъ, письменный столикъ. И вотъ они живутъ. Сначала народъ дичится ихъ: ожидаетъ, какъ и отъ всѣхъ богатыхъ, насиліемъ огражденія своихъ преимуществъ и потому не приступаетъ къ нимъ съ просьбами и требованіями. Но вотъ понемногу настроеніе новыхъ жителей уясняется: сами они вызываются служить безвозмездно, и самые смѣлые, назойливые люди изъ народа опытомъ узнаютъ, что новые люди эти не отказываютъ и можно поживиться около нихъ.

И вотъ начинаются заявленія всякаго рода требованій, которыя становятся все больше и больше.

Начинаются не только выпрашиванія, но и естественныя требованія подѣлиться тѣмъ, что есть лишняго противъ другихъ; и не только требованія, но сами поселившіеся въ деревнѣ люди, всегда въ близкомъ общеніи съ народомъ, чувствуютъ неизбѣжную необходимость отдавать свой излишекъ тамъ, гдѣ есть крайняя нужда. Но мало того, что они чувствуютъ необходимость отдавать свой излишекъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ останется то, что должно быть у всѣхъ, т.-е. у средняго, — опредѣленія этого средняго, — того, что должно быть у всѣхъ, — нѣтъ никакого; и они не могутъ остановиться, потому что всегда вокругъ нихъ есть вопіющая нужда, а у нихъ излишекъ противъ этой нужды: казалось бы, нужно удержать себѣ стаканъ молока, но у Матрены двое дѣтей: грудной, не находящій молока въ груди матери, и двухлѣтній, начинающій чахнуть. Казалось, подушку и одѣяло можно удержать, чтобы заснуть въ привычныхъ условіяхъ послѣ трудового дня, но больной лежитъ на вшивомъ кафтанѣ и зябнетъ ночью, покрываясь дерюжкой. Казалось, можно бы удержать чай, пищу, но ее пришлось отдать странникамъ, ослабѣвшимъ и старымъ. Казалось можно бы удержать хоть чистоту въ домѣ, но пришли нищіе мальчики и ихъ оставили ночевать, и они напустили вшей.

Нельзя остановиться, и гдѣ остановиться?

Только тѣ, которые не знаютъ совсѣмъ того чувства сознанія братства людей, вслѣдствіе котораго эти люди пріѣхали въ деревню, или которые такъ привыкли лгать, что и не замѣчаютъ разницы лжи отъ истины, скажутъ, что есть предѣлъ, на которомъ можно и должно остановиться. Въ томъ-то и дѣло, что предѣла этого, нѣтъ, что чувство, во имя котораго дѣлается это дѣло, таково, что предѣла ему нѣтъ, — что если есть ему предѣлъ, то это значитъ только то, что этого чувства совсѣмъ не было, а было одно лицемѣріе.

Продолжаю себѣ представлять этихъ людей. Они цѣлый день работали, вернулись домой, кровати у нихъ уже нѣтъ, подушки нѣтъ, они спятъ на соломѣ, которую достали, и вотъ, поѣвъ хлѣба, легли спать; осень, идетъ дождь со снѣгомъ. Къ нимъ стучатся. Могутъ ли не отпереть? Входитъ человѣкъ мокрый и въ жару. Что дѣлать? Пустить ли его на сухую солому? Сухой больше нѣтъ. И вотъ приходится или прогнать больного, или поло-

жить его, мокраго, на полъ, или отдать свою солому и самому — потому что надо гдѣ-нибудь спать—лечь съ нимъ. Но и этого мало: приходитъ человѣкъ, котораго вы знаете за пьяницу и развратника, которому вы нѣсколько разъ помогали и который всякій разъ пропивалъ то, что вы ему давали, — приходитъ теперь съ дрожащими челюстями и проситъ дать ему 3 рубля, которые онъ укралъ и пропилъ и за которые, если онъ не отдастъ ихъ, его посадятъ въ тюрьму. Вы говорите, что у васъ только и есть 4 рубля, и они вамъ необходимы завтра для уплаты. Тогда пришедшій говоритъ: «Да, это значитъ разговоры, а когда дѣло до дѣла, то вы такъ же, какъ и всѣ: пускай погибаетъ тотъ, кого мы на словахъ называемъ братомъ, только бы мы были цѣлы».

Какъ тутъ поступить? Что сдѣлать? Положить лихорадочнаго больного на сыромъ полу, а самому лечь на сухое,—еще хуже не заснешь. Положить его на свою постель и лечь съ нимъ: заразишься вшами и тифомъ. Дать просящему послѣдніе три рубля — значитъ остаться завтра безъ хлѣба. Не дать—значитъ, какъ онъ и говоритъ, отречься отъ того, во имя чего живешь. Если можно остановиться здѣсь, то почему не остановиться было раньше? Почему было помогать людямъ? Зачѣмъ отдавать состояніе, ходить изъ города? Гдѣ предѣлъ? Если есть предѣлъ тому дѣлу, которое ты дѣлаешь, то все дѣло не имѣетъ смысла или имѣетъ только одинъ ужасный смыслъ лицемѣрія.

Какъ же тутъ быть? Что дѣлать? Не остановиться — значитъ погубить свою жизнь, завшивѣть, зачахнуть, умереть, и — безъ пользы какъ будто. Остановиться — значитъ отречься отъ всего того, во имя чего дѣлалось то, что дѣлалось, во имя чего дѣлалось что-либо доброе. И отречься нельзя, потому что вѣдь это не выдумано мною или Христомъ, что мы братья и должны служить другъ другу; вѣдь это такъ, и нельзя вырвать это сознаніе изъ сердца человѣка, когда оно вошло въ него. Какъ же быть? Нѣтъ ли еще какого выхода?

И вотъ представимъ себѣ, что люди эти, не испугавшись того положенія, въ которое ихъ ставила необходимость жертвы, приводящей къ неизбѣжной смерти, рѣшили, что ихъ положеніе происходитъ оттого, что средства, съ которыми они пришли на помощь народу, слишкомъ малы, и что этого не было бы, и они принесли бы бо́льшую пользу, если бы у нихъ было много денегъ. Представимъ себѣ, что люди эти нашли источники помощи, собрали большія, огромныя суммы денегъ и стали помогать. И не прошло бы недѣли, какъ случилось бы то же самое. Очень скоро всѣ средства, какъ велики они ни были, разлились бы въ тѣ углубленія, которыя образовала бѣдность, и положеніе осталось бы то же.

Но, можетъ-быть, есть еще третій выходъ? И есть люди, которые говорятъ, что онъ есть и состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать просвѣщенію людей, и тогда уничтожится это неравенство.

Но выходъ этотъ слишкомъ очевидно лицемѣрный: нельзя просвѣщать населеніе, которое всякую минуту находится на краю по-

гибели отъ голода. А главное—неискренность людей, проповѣдующихъ этотъ выходъ, видна уже потому, что не можетъ человѣкъ, стремящійся къ установленію равенства хотя бы черезъ науку, поддерживать это неравенство всей своей жизнью.

Но есть еще четвертый выходъ: тотъ, чтобы содѣйствовать уничтоженію тѣхъ причинъ, которыя производятъ неравенство,—содѣйствовать уничтоженію насилія, производящаго его.

И выходъ этотъ не можетъ не придти въ голову тѣмъ искреннимъ людямъ, которые будутъ пытаться въ жизни своей осуществлять свое сознаніе братства людей.

«Если мы не можемъ жить здѣсь, среди этихъ людей, въ деревнѣ,—должны будутъ сказать тѣ люди, которыхъ я представляю себѣ,—если мы поставлены въ такое ужасное положеніе, что мы неизбѣжно должны зачахнуть, завшивѣть и умереть медленной смертью или отказаться отъ единственной нравственной основы нашей жизни, то это происходитъ оттого, что одни богаты, а другіе нищіе; неравенство же это происходитъ отъ насилія; и потому, такъ какъ основа всего—насиліе, то надо бороться противъ него». Только уничтоженіе этого насилія и вытекающаго изъ него рабства можетъ сдѣлать возможнымъ такое служеніе людямъ, при которомъ не было бы неизбѣжности жертвы своей жизнью.

Но какъ уничтожить это насиліе? . . . . . Какъ же мнѣ бороться съ этимъ насиліемъ? Гдѣ, въ чемъ? Такъ ли, какъ борются люди, живущіе насиліемъ и борющіеся съ насиліемъ насиліемъ же?

Но для человѣка искренняго это невозможно. Насиліемъ бороться съ насиліемъ—значитъ ставить новое насиліе на мѣсто стараго. Помогать просвѣщеніемъ, основаннымъ на насиліи, значитъ дѣлать то же самое. Собрать деньги, пріобрѣтенныя насиліемъ, и употреблять ихъ на помощь людямъ, обдѣленнымъ насиліемъ, значитъ насиліемъ лѣчить раны, произведенныя насиліемъ.

Если же и борются съ насиліемъ не насиліемъ, а проповѣдью ненасилія, обличеніемъ насилія и, главное, примѣромъ ненасилія и жертвы, то все-таки для человѣка, живущаго христіанской жизнью среди жизни насилія, нѣтъ другого выхода, какъ жертва,—и жертва до конца.

Человѣкъ можетъ не найти въ себѣ силы броситься въ эту пропасть, но человѣку искреннему, желающему исполнить сознанный имъ законъ Бога, нельзя не видѣть свою обязанность. Можно не идти на эту жертву, но если хочешь слѣдовать требованіямъ любви, то надо такъ и знать и говорить, считать себя виноватымъ, если не отдалъ всего и всю свою жизнь, а не обманывать себя.

И такъ ли страшна жертва до конца, какъ это кажется? Вѣдь дно нужды не глубоко, и мы часто—какъ тотъ мальчикъ, который съ ужасомъ провисѣлъ цѣлую ночь на рукахъ въ колодцѣ, въ который онъ упалъ, боясь воображаемой глубины, а подъ мальчикомъ на полъ-аршина было сухое дно.

1899 г.

МЫСЛИ,

собранныя В. І. Чертковымъ изъ различныхъ сочиненій, писемъ и дневниковъ Л. Н. Толстого.

МЫСЛИ О БОГѢ.

Богъ для меня — это то, къ чему я стремлюсь, то, въ стремленіи къ чему и состоитъ моя жизнь и который поэтому и *есть* для меня; но есть непремѣнно такой, что я Его понять, назвать не могу. Если бы я Его понялъ, я бы дошелъ до Него, и стремиться бы некуда было, и жизни бы не было. Но,—что кажется противорѣчіемъ, — я Его понять и назвать не могу, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаю Его, — знаю направленіе къ Нему, и даже изъ всѣхъ моихъ знаній это самое достовѣрнее.

Не знаю Его, а вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ всегда страшно, когда я безъ Него, а только тогда не страшно, когда я съ Нимъ. Еще страннѣе то, что знать Его больше и лучше, чѣмъ я Его знаю теперь, мнѣ теперь, въ моей теперешней жизни, и не нужно. Приблизиться мнѣ къ Нему можно и хочется, и въ этомъ моя жизнь, но приближеніе нисколько не увеличиваетъ и не можетъ увеличить моего знанія.

Всякая попытка воображенія о томъ, что я познаю Его (напримѣръ, что Онъ творецъ, или милосердъ, или что-нибудь подобное), удаляетъ меня отъ Него и прекращаетъ мое приближеніе къ Нему.

Еще страннѣе то, что любить по-настоящему, т.-е. больше себя и больше всего, я могу только Его одного; только въ этой любви нѣтъ никакой остановки, никакого умаленія (напротивъ, все прибавленіе), нѣтъ никакой чувственности, нѣтъ виляній, угодливости, нѣтъ страха, нѣтъ самодовольства. Все, что хорошо, любишь только черезъ эту любовь, такъ что выходитъ еще то, что любишь, а слѣдовательно живешь только черезъ Него и Имъ.

Ну, вотъ какъ я думаю, чувствую скорѣе. Прибавить надо только то, что мѣстоименіе *онъ* уже нѣсколько нарушаетъ для меня Бога. «Онъ» какъ-то умаляетъ Его.

Къ опредѣленію Бога для меня надо еще прибавить опредѣленіе М. Арнольда, которое я всегда подразумѣвалъ какъ одну

и главную сторону, съ которой представляется намъ Богъ. (М. Арнольдъ свое опредѣленіе выводитъ отъ пророковъ Ветхаго завѣта, и дѣйствительно, оно до Христа достаточно полно.) Богъ—это вѣчное, безконечное, внѣ насъ сущее, ведущее насъ, требующее отъ насъ праведности. Можно сказать: законъ жизни человѣческой — воля Бога по отношенію къ той части жизни людей, которая въ ихъ власти. Я говорю, что это опредѣленіе достаточно было до Христа, но Христосъ открылъ намъ то, что исполненіе этого закона, кромѣ своей внѣшней обязанности для разума человѣческаго, имѣетъ еще другое, болѣе простое, захватывающее все существо человѣка, внутреннее побужденіе — именно, любовь. Любовь не къ женѣ, ребенку, отечеству и т. п., а любовь къ Богу (Богъ есть любовь), любовь любви, — то самое чувство доброты, умиленія, радость жизни, которая и есть свойственная человѣку блаженная, истинная жизнь, не знающая смерти.

Бога знаешь не столько разумомъ, даже не сердцемъ, но по чувствуемой полной зависимости отъ Него, въ родѣ того чувства, которое испытываетъ грудной ребенокъ на рукахъ матери. Онъ не знаетъ, кто его держитъ, кто грѣетъ, кто кормитъ; но знаетъ, что есть этотъ кто-то, и мало того, что знаетъ,—любитъ его.

Я прежде видѣлъ явленія жизни, не думая о томъ, откуда эти явленія и почему я вижу ихъ

Я потомъ понялъ, что все, что я вижу, происходитъ отъ свѣта, который есть разумѣніе. И я такъ обрадовался, что свелъ все къ одному, что совершенно удовлетворился признаніемъ одного разумѣнія началомъ всего.

Но потомъ я увидалъ, что разумѣніе есть свѣтъ, доходящій до меня черезъ какое-то матовое стекло. Свѣтъ я вижу, но то, что даетъ этотъ свѣтъ, я не знаю, но знаю, что оно есть.

Это—то, что есть источникъ свѣта, освѣщающаго меня, которое я не знаю, но существованіе котораго знаю, есть Богъ.

Удивительно, какъ могъ я не видѣть прежде той несомнѣнной истины, что за этимъ міромъ и нашей жизнью въ немъ есть Кто-то, Что-то знающее, для чего существуетъ этотъ міръ, и мы въ немъ, какъ въ кипяткѣ пузыри, вскакиваемъ, лопаемся и исчезаемъ.

Скажи мнѣ, что такое жизнь, и я скажу, что такое Богъ живой.

Ты говоришь: «жизнь есть сознаніе, ложное, своей свободы и удовлетворенія своихъ потребностей и выбора между ними».

Но откуда взялась эта жизнь?

Ты говоришь: «она развивалась изъ низшихъ организмовъ».

Но низшіе организмы несли уже въ себѣ сознаніе это, и откуда взялись низшіе?

Ты говоришь: «отъ безконечнаго начала». Я называю это Богомъ.

Я говорю: «Сознаніе моей жизни, сознаніе свободы есть Богъ; но и это не весь Богъ».

Кромѣ того, что я есмь, что я живъ, стремлюсь къ удовлетворенію своихъ потребностей, сознаю свободу выбора, я имѣю еще разумъ, руководящій меня въ этомъ выборѣ.

Откуда разумъ? Разумъ этотъ ищетъ начала, разумъ этотъ борется съ самимъ человѣкомъ, покоряетъ его самого, укрощаетъ его похоти, ставитъ ему законы; а законы не что иное, какъ борьба, одолѣніе похоти. Скажи мнѣ: «откуда этотъ разумъ человѣка, устанавливающій законы, противные побужденіямъ плоти?»

Ты говоришь: «законы эти отъ человѣка».

Но разумъ человѣка откуда?

«Отъ развитія живого»

А живое отъ неживого? Но и въ неживомъ они были—эти зародыши. Въ оторвавшихся частяхъ вертящагося солнца уже были зародыши разума. А въ солнцѣ и тѣхъ звѣздахъ, отъ которыхъ оторвалось солнце?

Если есть разумъ и онъ произошелъ отъ развитія, то начало его также скрывается въ безконечности

Вотъ это-то начало началъ разума и есть тоже Богъ.

И какъ у тебя, такъ и у меня всѣ тѣ же понятія начала существуютъ, — тѣ, что начало жизни и начало разума сливаются въ одно.

Ты указываешь только на ходъ твоей мысли, а я называю все Богомъ; но называю потому, что мнѣ нужно назвать какъ-нибудь то, на что ты только указываешь и что раздробляется у тебя на три пути мысли.

Бога и душу я знаю не путемъ опредѣленія, но совершенно другимъ путемъ. Опредѣленіе разрушаетъ во мнѣ это знаніе. Я несомнѣнно знаю, что есть Богъ и что моя душа есть. Но это знаніе несомнѣнно для меня потому только, что я неизбѣжно приведенъ къ нему. Къ несомнѣнности знанія Бога я приведенъ вопросомъ: откуда я? Къ знанію души я приведенъ вопросомъ: что я такое?

Откуда я?

Я родился отъ своей матери, а та отъ бабушки, отъ прабабушки, а самая послѣдняя отъ кого? И я неизбѣжно прихожу къ Богу.

Кто такой я?

Ноги—не я, руки—не я, голова—не я, чувства—не я, даже мысли—не я. Что же я?

Я—я,—моя душа.

Съ какой бы стороны я ни пришелъ къ Богу, будетъ то же самое: начало моей мысли, моего разума — Богъ; начало моей любви—Онъ же; начало вещественности—Онъ же.

То же и съ понятіемъ души. Обращусь ли я къ своему стремленію къ истинѣ, я знаю, что стремленіе къ истинѣ есть невещественная основа меня—моя душа; обращусь ли на чувство своей любви къ добру, я знаю, что это моя душа любитъ.

Что такое Богъ? Зачѣмъ Богъ?

Богъ—это неограниченное все то, что я знаю въ себѣ ограниченнымъ: я — тѣло ограниченное, Богъ—тѣло безконечное; я — существо, жившее 63 года, Богъ — существо, живущее вѣчно; я — существо, мыслящее въ предѣлахъ моего пониманія, Богъ — существо, мыслящее безпредѣльно; я — существо, любящее иногда немного, Богъ—существо, любящее безконечно. Я—часть, Онъ—все. Я себя не могу иначе понимать, какъ частью Его.

Когда неразрѣшенный вопросъ тебя мучаетъ, то чувствуешь себя больнымъ членомъ какого-то всего здороваго тѣла, — чувствуешь себя больнымъ зубомъ здороваго тѣла и просишь все тѣло помочь одному члену.

Тѣло все—Богъ; членъ—я.

Одно изъ самыхъ путающихъ всѣ наши метафизическія понятія суевѣрій есть суевѣріе о томъ, что міръ сотворенъ, что онъ произошелъ изъ ничего и что есть Богъ творящій.

Въ сущности мы не имѣемъ никакого основанія предполагать Бога Творца и никакой нужды (китайцы и индійцы не знаютъ этого понятія), а между тѣмъ Богъ Творецъ и Промыслитель не можетъ совмѣститься съ христіанскимъ Богомъ—Отцомъ, Богомъ—Духомъ,—Богомъ, частица котораго живетъ во мнѣ, составляетъ мою жизнь и проявить и вызвать которую составляетъ смыслъ моей жизни—Богомъ—любовью.

Богъ Творецъ равнодушенъ и допускаетъ страданіе и зло. Богъ Духъ избавляетъ отъ страданія и зла и есть всегда совершенное благо. Бога Творца — нѣтъ. Есть я, познающій данными мнѣ орудіями чувствъ міръ и знающій внутренно своего Отца Бога. Онъ начало меня духовнаго. А міръ внѣшній есть только мой предѣлъ.

Часто люди, пораженные горемъ отъ смерти любимаго существа, говорятъ о злѣ, которое причиняетъ Богъ людямъ. И говоря и думая такъ, люди воображаютъ, что они вѣрятъ въ Бога и молятся Ему.

Богъ дѣлаетъ зло. А если Богъ дѣлаетъ зло, то Онъ не добрый, не любовь; а если Онъ не добрый, то Его нѣтъ.

Происходитъ это оттого, что люди такъ увѣрятся въ томъ, что то, что они дѣлаютъ дурно, не только хорошо, но превосходно (какъ они увѣряютъ, что любить (чрезмѣрно) своихъ дѣтей пре-

красно), что когда они испытываютъ то зло, которое есть только послѣдствіе ихъ ошибокъ—грѣховъ, они обвиняютъ не себя, но Бога. И потому въ глубинѣ души признаютъ Бога злымъ, т.-е. отрицаютъ Его, и потому не получаютъ отъ Него утѣшенія.

Слѣдуетъ дѣлать то, что дѣлаютъ духоборы,—кланяться въ ноги всякому человѣку, помня, что въ немъ Богъ. Если нельзя тѣломъ, то духомъ.

Сознаніе, чувствованіе Бога, живущаго во мнѣ и дѣйствующаго черезъ меня, не можетъ быть ощущаемо всегда.

Есть дѣятельности, которымъ надо отдаться вполнѣ, безраздѣльно, не думая ни о чемъ, кромѣ какъ объ этомъ дѣлѣ. Думать же при этомъ о Богѣ невозможно — развлекаетъ и не нужно.

Нужно жить просто, безъ усилія, отдаваясь своему влеченію; но какъ только является внутреннее сомнѣніе, борьба, уныніе, страхъ, недоброжелательство, такъ тотчасъ, сознавая въ себѣ свое духовное существо, сознавая свою связь съ Богомъ, переноситься изъ области плотской въ область духа, и не для того, чтобы уйти отъ дѣла жизни, а, напротивъ, для того, чтобы зарядиться силами и для совершенія его; для того, чтобы побѣдить, одолѣть препятствіе. Какъ птица — двигаться впередъ на ногахъ, сложивъ крылья; но какъ скоро препятствіе, такъ раскрыть крылья и взлетѣть. И все легко, и все тяжелое исчезнетъ.

Что происходитъ оттого, что человѣкъ признаетъ своимъ «я» не свое отдѣльное существо, а Бога, живущаго въ немъ?

Во-первыхъ, то, что, сознательно не желая своему отдѣльному существу блага, такой человѣкъ не будетъ или менѣе напряженно будетъ отнимать его у другихъ; во-вторыхъ, то, что, признавъ своимъ «я» Бога, желающаго блага всему существующему, этого же будетъ желать и человѣкъ.

Молитва обращается къ личному Богу не потому, что Богъ личенъ (я даже знаю навѣрное, что Онъ не личенъ, потому что личность есть ограниченность, а Богъ безпредѣленъ), а потому, что «я» личное существо. У меня зеленое стеклышко на глазу, и я все вижу зеленымъ; не могу не видѣть міръ зеленымъ, хотя и знаю, что онъ не таковъ.

Со мной вотъ что случилось: сталъ я отвлеченнѣе и отвлеченнѣе думать о вопросахъ жизни: о томъ, въ чемъ она, къ чему стремиться, что такое любовь, и все больше и больше удалялся не только отъ понятія ветхозавѣтнаго Бога—Творца, но и отъ поня-

тія Отца, того разумѣнія благого, начала всей жизни и меня; и дьяволъ уловилъ меня: мнѣ стало приходить въ голову, что можно,—что особенно важно для единенія съ китайцами, конфуціанами и буддистами и нашими безбожниками, агностиками,—совсѣмъ обойти это понятіе. Думалъ я, что можно удовольствоваться однимъ понятіемъ и признаніемъ того Бога, который есть во мнѣ, не признавая Бога въ самомъ себѣ,—Того, который вложилъ въ меня частицу Себя. И—удивительное дѣло—мнѣ вдругъ стало становиться скучно, уныло, страшно. Я не зналъ, отчего это, но почувствовалъ, что вдругъ страшно духовно упалъ, лишился всякой радости и энергіи духовной.

И тутъ только я догадался, что это произошло оттого, что я ушелъ отъ Бога. И я сталъ думать—странно сказать—сталъ гадать, есть ли Богъ или нѣтъ Его, и, какъ будто вновь, нашелъ Его, и такъ мнѣ радостно стало, и такая твердая увѣренность стала въ Немъ и въ томъ, что мнѣ можно и должно общаться съ Нимъ и что Онъ слышитъ меня, и такая радость сдѣлалась, что всѣ эти послѣдніе дни я испытываю это чувство, что мнѣ что-то очень хорошо, и я спрашиваю себя: отчего это мнѣ такъ весело? Да, Богъ есть Богъ, и мнѣ ни тревожиться, ни бояться нечего, а можно только радоваться.

Боюсь, что пройдетъ это чувство, притупится, но теперь очень радостно. Точно какъ былъ на волоскѣ отъ того, чтобы потерять, даже думалъ, что потерялъ самое дорогое существо, и не потерялъ его, а только его безцѣнную цѣну. Надѣюсь, что если это и пройдетъ,—пройдетъ самое восторженное чувство, но останется много вновь пріобрѣтеннаго.

Можетъ-быть, это то, что нѣкоторые называютъ живымъ Богомъ; если это—это, то я очень виноватъ предъ ними, когда не соглашался съ ними и оспаривалъ ихъ.

Главное въ этомъ чувствѣ—сознаніе полной обезпеченности, сознаніе того, что Онъ есть, Онъ благъ, Онъ меня знаетъ, и я весь окруженъ Имъ, отъ Него пришелъ, къ Нему иду, составляю часть Его, дѣтище Его: все, что кажется дурнымъ, кажется такимъ только потому, что я вѣрю себѣ, а не Ему, и изъ жизни этой, въ которой такъ легко дѣлать Его волю, потому что воля эта вмѣстѣ и моя, я никуда не могу упасть, какъ только въ Него, а въ Немъ полная радость и благо.

Все, что я пишу, не выразитъ того, что я чувствовалъ. Больно что-нибудь физически или нравственно,—умираетъ сынъ, погибаетъ то, что я люблю, самъ я ничего уже не могу сдѣлать, страданія ждутъ меня; и вдругъ вспомнишь: а Богъ? и все станетъ хорошо, и весело, и ясно...

Нѣтъ ни одного вѣрующаго человѣка, на котораго бы не находили минуты сомнѣнія, сомнѣнія въ существованіи Бога. И эти сомнѣнія не вредны; напротивъ, они ведутъ къ высшему пониманію Бога.

Тотъ Богъ, котораго зналъ, сталъ привыченъ и не вѣришь больше въ Него. Вѣришь вполнѣ въ Бога только тогда, когда Онъ вновь открывается тебѣ. А открывается Онъ тебѣ съ новой стороны, когда ты всей душой ищешь Его.

Много думалъ о Богѣ, о сущности своей жизни, и, казалось, только сомнѣвался и въ томъ и въ другомъ и провѣрялъ свои доводы; и потомъ, недавно, разъ просто захотѣлось опереться на вѣру въ Бога и въ неистребимость своей души, и, къ удивленію моему, почувствовалъ такую твердую, спокойную увѣренность, которую никогда прежде не чувствовалъ. Такъ что всѣ сомнѣнія и провѣрки, очевидно, не только не ослабили, но въ огромной степени утвердили вѣру.

Къ Богу никогда не надо ходить нарочно: «дай я пойду къ Богу, стану жить по-богови. Жилъ по-дьявольски, дай поживу по-Божьи, попробую, авось, не бѣда»... Это бѣда—и большая. Къ Богу, въ родѣ того, какъ жениться, надо идти только тогда, когда и радъ бы не пойти, и радъ бы не жениться, да не могу... И потому всякому не то что скажу: иди въ соблазны нарочно; а тому, кто такъ поставитъ вопросъ: «а что, не прогадаю ли, если пойду не къ чорту, а къ Богу?» закричу во все горло: «Иди, иди къ чорту, непремѣнно къ чорту». Въ сто разъ лучше обжечься хорошенько на чортѣ, чѣмъ стоять на распутьи или лицемѣрно къ Богу.

Два различныя и противоположныя міровоззрѣнія надо представить такъ:

Одни, агностики, говорятъ: я вижу себя, рожденное отъ своихъ родителей существо, такъ же, какъ и всѣ другія окружающія меня живыя существа, живущія въ извѣстныхъ подлежащихъ моему изслѣдованію и изученію условіяхъ, и изучаю себя и другія существа, какъ живыя, такъ и неживыя, и тѣ условія, въ которыхъ они находятся; и, сообразно съ этимъ изученіемъ, устанавливаю свою жизнь.

Вопросы о происхожденіи я изслѣдую точно такъ же, и наблюденіемъ и опытомъ достигаю все большаго и большаго знанія. Вопросъ же о томъ, откуда произошелъ весь міръ, зачѣмъ онъ существуетъ и я существую въ немъ, я оставляю неотвѣченнымъ, такъ какъ не вижу возможности такъ же опредѣленно, ясно и доказательно отвѣчать на него, какъ я отвѣчаю на вопросы объ условіяхъ существующаго въ мірѣ. И потому отвѣтъ на этотъ вопросъ, состоящій въ томъ, что существуетъ якобы разумное существо, Богъ, отъ котораго я произошелъ (обыкновенно говорится: «отъ котораго произошелъ міръ», подразумѣвая подъ этимъ происхожденіемъ сотвореніе міра, чего не утверждаетъ христіанское ученіе) и которое для извѣстной своей цѣли опредѣлило законъ моей жизни,— эти отвѣты на вопросъ я не признаю, какъ не имѣющіе той ясности и доказательности, которыя имѣютъ научные отвѣты на во-

просы о причинахъ и условіяхъ различныхъ жизненныхъ явленій. Такъ говоритъ агностикъ, и, не допуская возможности какого-либо другого знанія, кромѣ того, которое пріобрѣтается наблюденіемъ и разсужденіями надъ этими наблюденіями, онъ если и не правъ, то совершенно логично послѣдователенъ.

Христіанинъ же, признающій Бога человѣкъ, говоритъ: я сознаю себя живущимъ только потому, что я сознаю себя разумнымъ; сознавая себя разумнымъ, я не могу не признать того, что жизнь моя и всего существующаго должна быть такъ же разумна. Для того же, чтобъ быть разумной, она должна имѣть цѣль. Цѣль же этой жизни должна быть внѣ меня,—въ томъ существѣ, для котораго я и все существующее служитъ орудіемъ для достиженія цѣли. Существо это есть, и я долженъ въ жизни исполнять законъ (волю) его. Вопросы же о томъ, каково это существо, которое требуетъ отъ меня исполненія своего закона, и когда возникла эта разумная жизнь во мнѣ, и какъ она возникаетъ въ другихъ существахъ во времени и пространствѣ, т.-е. что такое Богъ: личный или безличный, какъ Онъ сотворилъ и сотворилъ ли Онъ міръ, и когда во мнѣ возникла душа, въ какомъ возрастѣ, и какъ она возникаетъ въ другихъ, и откуда она взялась, и куда уйдетъ, и въ какомъ мѣстѣ тѣла живетъ,—всѣ эти вопросы я долженъ оставить неотвѣченными, потому что знаю впередъ, что въ области наблюденія и разсужденія надъ ними я никогда не приду къ окончательному отвѣту, такъ какъ все скроется во времени и пространствѣ. По этому самому я не признаю даваемыхъ наукой отвѣтовъ о томъ, какъ зачался міръ: солнца, земли, — какъ зачинается душа, и въ какой части головного мозга она находится.

Въ первомъ случаѣ агностикъ, признавая себя только животнымъ существомъ и потому признавая только то, что подлежитъ внѣшнимъ чувствамъ, не признаетъ духовнаго начала и примиряется съ нарушающей требованія разума безсмысленностью своего существованія. Во второмъ случаѣ христіанинъ, признавая себя только разумнымъ существомъ и потому признавая только то, что соотвѣтствуетъ требованіямъ разума, не признаетъ дѣйствительности данныхъ внѣшняго опыта и потому считаетъ данныя эти фантастическими и ошибочными.

Оба одинаково правы. Но разница, и существенная, между ними въ томъ, что по первому міровоззрѣнію все въ мірѣ строго научно, логично и разумно, за исключеніемъ самой жизни человѣка и всего міра, не имѣющихъ никакого смысла; и потому изъ такого міровоззрѣнія,—несмотря на всѣ попытки противнаго,—вытекаетъ очень много интересныхъ и забавныхъ соображеній, но не вытекаетъ ничего нужнаго для руководства въ жизни, тогда какъ по второму міровоззрѣнію жизнь человѣка и всего міра получаетъ опредѣленный и разумный смыслъ и самое прямое, простое и доступное всѣмъ приложеніе къ жизни, при чемъ не нарушается и возможность научныхъ изслѣдованій, которыя ставятся при этомъ на свойственное имъ мѣсто.

Говорятъ: Бога надо понимать какъ личность. Въ этомъ большое недоразумѣніе: личность есть ограниченіе. Человѣкъ чувствуетъ себя личностью только потому, что онъ соприкасается съ другими личностями. Если бы человѣкъ былъ одинъ, онъ бы не былъ личность. Эти два понятія взаимно опредѣляются: внѣшній міръ, другія существа и личность. Не было бы міра другихъ существъ, человѣкъ не чувствовалъ (не признавалъ) бы себя личностью, онъ не признавалъ бы существованіе другихъ существъ. И потому человѣкъ среди міра немыслимъ иначе, какъ личность. Но какъ же про Бога сказать, что Онъ личность, что Богъ личный. Въ этомъ корень антропоморфизма. Про Бога можно сказать только то, что говорилъ Моисей, Магометъ,—что Онъ одинъ; и то одинъ не въ томъ смыслѣ, что нѣтъ другого или другихъ боговъ,—по отношенію къ Богу не можетъ быть понятія числа, и потому нельзя даже сказать про Бога, что Онъ одинъ (1—въ значеніи числа), а въ томъ смыслѣ, что Онъ одноцентренъ, что Онъ не понятіе, а существо,—то, что православные называютъ живымъ Богомъ въ противоположность Богу пантеистическому, т.-е. высшее существо духовное, живущее во всемъ. Онъ одинъ въ томъ смыслѣ, что Онъ есть, какъ существо, къ которому можно обращаться, т.-е. не то, что молиться,—что есть отношеніе между мною, ограниченнымъ, личностью, и Богомъ непостижимымъ, но существующимъ. Главная непостижимость для насъ Бога состоитъ именно въ томъ, что мы знаемъ Его какъ существо единое,—не можемъ иначе знать Его,—и между тѣмъ единое существо, заполняющее собою все, мы не можемъ понять. Если Богъ не одинъ, то Онъ расплывается, Его нѣтъ. Если же Онъ одинъ, то мы невольно представляемъ Его себѣ въ видѣ личности, и тогда Онъ уже не высшее существо, не все. А между тѣмъ для того, чтобы знать Бога и опираться на Него, нужно понимать Его наполняющимъ все и вмѣстѣ съ тѣмъ единымъ.

Міръ—таковъ, какимъ мы его видимъ, только въ томъ случаѣ, если не существуетъ иначе устроенныхъ, одаренныхъ иными чувствами, чѣмъ наши, существъ. Если же мы видимъ не только возможность, но необходимость существованія существъ иныхъ, одаренныхъ иными, чѣмъ наши, чувствами, то міръ ни въ какомъ случаѣ не таковъ только, какимъ мы его видимъ.

Наше представленіе міра показываетъ только наше отношеніе къ міру, точно такъ же, какъ зрительная картина, которую мы составляемъ себѣ отъ того, что мы видимъ до горизонта, никакъ не представляетъ дѣйствительнаго опредѣленія видимыхъ вещей. Другія чувства: слуха, обонянія, главное—осязанія, провѣряя наши зрительныя впечатлѣнія, даютъ намъ болѣе опредѣленное понятіе о видимыхъ вещахъ; но то, что мы знаемъ какъ широкое, толстое, твердое или мягкое, и какъ звучатъ или пахнутъ видимыя нами вещи, не доказываетъ того, что мы знаемъ вполнѣ эти вещи и что новое чувство (сверхъ пяти), если бы было дано намъ, не

открыло бы намъ, что наше, составленное по пяти чувствамъ понятіе о вещахъ такъ же обманчиво, какъ и то понятіе плоскости и уменьшенія въ отдаленіи предметовъ, которое давало намъ одно зрѣніе.

Я вижу въ зеркалѣ человѣка, слышу его голосъ и вполнѣ увѣренъ, что это настоящій человѣкъ; но подхожу, хочу взять его за руку и ощупываю стекло зеркала и вижу свой обманъ. То же должно происходить съ умирающимъ человѣкомъ: нарождается новое чувство, которое открываетъ ему (съ его новаго чувства и даваемаго имъ новаго знанія) обманъ признанія собой своего тѣла и всего того, что черезъ посредство чувствъ этого тѣла признавалось существующимъ.

Такъ что міръ навѣрное не таковъ, какимъ мы его познаемъ: будутъ другія орудія познанія, и будетъ другой міръ. Но какъ бы ни измѣнилось то, что мы считаемъ міромъ,—наше отношеніе къ міру—одно несомнѣнно такое, какимъ мы познаемъ его, и всегда неизмѣнное: *это то, что познаетъ*. И познаетъ не только во мнѣ, но и во всемъ, что познаетъ. Это познающее одно вездѣ и во всемъ, и въ самомъ себѣ. Это Богъ и та почему-то ограниченная частица Бога, которая составляетъ наше дѣйствительное «я».

Но что же такое этотъ Богъ, т.-е. вѣчное, безконечное, все могущее, сдѣлавшееся смертнымъ, ограниченнымъ, слабымъ? Зачѣмъ Богъ раздѣлился Самъ въ Себѣ?—Не знаю, но знаю что это есть, что въ этомъ жизнь. Все, что мы знаемъ, есть не что иное, какъ только такое же дѣленіе Бога. Все, что познаемъ какъ міръ, есть познаніе этихъ дѣленій. Наше познаніе міра (то, что мы называемъ матеріей въ пространствѣ и времени), это—соприкасаніе предѣловъ нашего Божества съ другими Его дѣленіями. Рожденіе и смерть суть переходы отъ одного дѣленія къ другому.

Самый строгій и послѣдовательный агностикъ, хочетъ онъ или не хочетъ этого, признаетъ Бога. Онъ не можетъ не признавать того, что, во-первыхъ, въ существованіи его самого и всего міра есть какой-то недоступный смыслъ; а во-вторыхъ, что есть законъ его жизни,—законъ, которому онъ можетъ подчиняться или отъ котораго можетъ уклоняться. Вотъ это-то признаніе высшаго, недоступнаго человѣку, но неизбѣжно существующаго высшаго смысла жизни и закона своей жизни и есть Богъ и Его воля.

Люди знаютъ двухъ Боговъ: одного, котораго они хотятъ заставить служить себѣ, молитвами требуя отъ Него исполненія своихъ желаній, и — другого Бога, такого, которому мы должны служить, къ исполненію воли котораго должны быть направлены всѣ наши желанія.

Все, что я знаю, я знаю потому, что есть Богъ и я знаю Его. Только на этомъ можно основаться твердо и въ отношеніяхъ къ

людямъ и къ себѣ, и къ внѣземной и внѣвременной жизни. Я не только не нахожу этого мистичнымъ, но нахожу, что противоположный взглядъ есть мистицизмъ, а что это одна самая понятная и всѣмъ доступная реальность.

Природа, говорятъ, экономна своими силами: при наименьшемъ усиліи достигаетъ наибольшихъ результатовъ. Такъ же и Богъ. Для того, чтобы установить въ мірѣ Царствіе Божіе, единеніе, служеніе другъ другу и уничтожить вражду, Богу не нужно дѣлать это Самому. Онъ вложилъ въ человѣка Свой разумъ, освобождающій въ человѣкѣ любовь, и все, чего Онъ хочетъ, будетъ сдѣлано человѣкомъ. Богъ дѣлаетъ Свое дѣло черезъ насъ. А времени для Бога нѣтъ, или есть безконечное. Вложивъ въ человѣка разумную любовь, Онъ уже все сдѣлалъ.

Несомнѣнно, что дѣлается что-то въ этомъ мірѣ, и дѣлается всѣми живыми существами, и дѣлается мною, моею жизнью. Иначе, для чего бы было это солнце, эти весны, зимы, и, главное, для чего эта трехлѣтняя, бѣснующаяся отъ избытка жизни дѣвочка, и эта выживающая изъ ума старуха, и сумасшедшій. Эти отдѣльныя существа, очевидно, не имѣющія для меня смысла, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ энергично живущія, такъ хранящія свою жизнь, въ которыхъ такъ крѣпко завинчена жизнь, — эти существа болѣе всего меня убѣждаютъ, что они нужны для какого-то дѣла разумнаго, но недоступнаго мнѣ.

Какъ-то, молясь Богу, мнѣ стало ясно то, что Богъ есть точно реальное существо, любовь,—есть то все, что я однимъ краешкомъ захватываю и ощущаю въ формѣ любви. И—не чувство, не отвлеченность, а реальное существо; и я ощутилъ Его.

Любить—значитъ желать того, чего желаетъ любимый предметъ. Желаютъ предметы любви противоположнаго, и потому любить можно то, что желаетъ одного и того же. Желаетъ одного и того же—Богъ.

Любовь къ Богу значитъ желать того, чего желаетъ Богъ. Желаетъ же Онъ блага всему.

«Братья, будемъ любить другъ друга. Любящій рожденъ отъ Бога и узнаетъ Бога, потому что (сказано: Богъ есть любовь, надо же сказать) любовь есть Богъ». Впрочемъ, и Богъ есть любовь, т.-е. Бога мы знаемъ только въ видѣ любви, и любовь есть Богъ, т.-е. что если мы любимъ, то мы не боги, а Богъ.

Да, любовь есть Богъ. И полюби, полюби того, кто дѣлалъ тебѣ больно, кого ты осуждалъ, не любилъ, и все то, что скрывало отъ тебя его душу, исчезнетъ, и ты, какъ сквозь свѣтлую воду, на днѣ увидишь божественную сущность его любви, и тебѣ не нужно и нельзя будетъ прощать его, тебѣ нужно будетъ прощать только себя за то, что ты не любилъ Бога въ томъ, въ комъ Онъ былъ, и изъ-за своей нелюбви не видалъ Его.

Любовь есть проявленіе въ себѣ (сознаніе) Бога и потому стремленіе выйти изъ себя, освободиться, жить божеской жизью. Стремленіе же это вызываетъ Бога, т.-е. любовь въ другихъ.

Главная мысль моя въ томъ, что любовь вызываетъ любовь въ другихъ; Богъ, проснувшійся въ тебѣ, вызываетъ пробужденіе того же Бога и въ другихъ.

Ѣхалъ верхомъ изъ Тулы и думалъ о томъ, что я часть Его, извѣстнымъ образомъ отдѣленная отъ другихъ такихъ частей. А Онъ—все, Отецъ. И почувствовалъ любовь къ Нему. Теперь, особенно теперь не могу не только возстановить, но вспомнить это чувство. А было такъ радостно, что я сказалъ себѣ: вотъ думалъ, что я не узнаю уже новаго, а вотъ узналъ удивительное, блаженное новое чувство, именно чувство.

Нынче, лежа въ постели, думалъ о любви къ Богу... (хотѣлось бы сказать: любовь Бога, т.-е. любовь божеская) — что первая и главная заповѣдь есть любовь божеская, а другая, подобная ей и вытекающая изъ нея, — особенно вытекающая, — есть любовь къ ближнему.

Желаніе блага не есть Богъ, а только одно изъ проявленій Его,—одна изъ сторонъ, съ которыхъ мы видимъ Бога. Богъ во мнѣ проявляется желаніемъ блага.

Богъ, заключенный въ человѣкѣ, сначала стремится освободиться тѣмъ, чтобы расширить, увеличить то существо, въ которомъ Онъ находится; потомъ, усмотрѣвъ непредвидѣнные предѣлы этого существа, стремится освободиться тѣмъ, чтобы выйти изъ этого существа и обнять собой другія существа.

Разумное существо не вмѣщается въ жизни личности, и какъ скоро оно разумно, такъ стремится выйти изъ нея.

Христіанское ученіе открываетъ человѣку то, что сущность его жизни есть не его отдѣльное существо, а Богъ, заключенный

въ этомъ существѣ. Богъ же этотъ сознается человѣкомъ, разумомъ и любовью.

Желаніе блага себѣ, любовь къ себѣ могла существовать въ человѣкѣ только до тѣхъ поръ, пока не проснулся въ немъ разумъ. Какъ только проснулся разумъ, такъ ясно стало человѣку, что желаніе блага себѣ, отдѣльному существу,—тщетно, потому что благо не осуществимо для отдѣльнаго и смертнаго существа. Какъ только появился разумъ, такъ стало возможно только одно желаніе блага всему; потому что при желаніи блага всему нѣтъ борьбы, а единеніе, и нѣтъ смерти, а передача жизни.

Богъ не есть любовь, но въ живыхъ неразумныхъ существахъ проявляется любовью къ себѣ, въ живыхъ существахъ разумныхъ—любовью ко всему существующему.

Что это вы унываете? Вы чего-то много ждете. Ждете, мнѣ кажется, Бога въ громѣ и бурѣ, а не въ тишинѣ. Самое лучшее то, что «некуда податься», какъ вы говорите. Въ этомъ виднѣе, ощутительнѣе всего рука Божія.

Вы говорите, что я какъ будто не признаю Бога. Тутъ недоразумѣніе. Я ничего не признаю, кромѣ Бога.

Я, кажется, писалъ, да и говорилъ вамъ мое опредѣленіе Бога, которое я бы далъ теперь на вопросъ, что такое Богъ? — Богъ — это то все, безконечное все, чего я сознаю себя частью. И потому все во мнѣ граничитъ Богомъ, и я чувствую Его во всемъ. И это вовсе не фраза, а это то, чѣмъ я живу.

Будемъ стараться сказать то, что мы знаемъ, нужное, радостное намъ и несомнѣнное, и Богъ (тотъ самый, котораго вы думаете, что надо обходить) намъ поможетъ. Называя Его, я признаю свою недостаточность, стараюсь—я, слабое, частное вмѣстилище Его, раскрыть себя, ту часть себя, которая принимаетъ Его, чтобы онъ вошелъ въ меня, насколько я могу и годенъ принять Его. Главное же, Онъ мнѣ нуженъ для того, чтобы выразить то, куда я иду и къ кому приду. Въ этой однообразной жизни здѣшней я могу не чувствовать Его, обходиться безъ этой формы мысли и выраженія, но при переходѣ изъ прежней жизни въ эту и изъ этой въ иную, я не могу не назвать Имъ того, откуда я пришелъ и куда иду, потому что это есть самый близкій къ истинному смыслу дѣла способъ выраженія: отъ Бога къ Богу; изъ внѣвременнаго и внѣпространственнаго и въ такое же.

Что я здѣсь, брошенный среди міра этого? Къ кому обращусь? У кого искать отвѣта?

У людей? Они не знаютъ, они смѣются, не хотятъ знать, — говорятъ: «Это пустяки. Не думай объ этомъ. Вотъ міръ и его сласти.—Живи!»

Но они не обманутъ меня. Я знаю, что они не вѣрятъ въ то, что говорятъ. Они такъ же, какъ и я, мучаются и страдаютъ страхомъ передъ смертью, передъ самимъ собою и передъ Тобою, Господи, котораго они не хотятъ назвать.

И я не называлъ Тебя долго, и я долго дѣлалъ то же, что они. Я знаю этотъ обманъ, и какъ онъ гнететъ сердце, и какъ страшенъ огонь отчаянія, таящійся въ сердцѣ неназывающаго Тебя. Сколько не заливай его, онъ сожжетъ внутренность ихъ, какъ сжигалъ меня.

Но, Господи, я назвалъ Тебя, и страданія мои кончились. Отчаяніе мое прошло.

Я проклинаю свои слабости, я ищу Твоего пути, но я не отчаиваюсь, я чувствую близость Твою, чувствую помощь, когда я иду по путямъ Твоимъ, и прощеніе, когда отступаю отъ нихъ.

Путь Твой ясенъ и простъ. Иго Твое благо и бремя Твое легко, но я долго блуждалъ внѣ путей Твоихъ, долго въ мерзости юности моей, я, гордясь, скинулъ всякое бремя, выпрягся изъ всякаго ига и отучилъ себя отъ хожденія по путямъ Твоимъ. И мнѣ тяжело и Твое иго и Твое бремя, хотя знаю, что оно благо и легко.

Господи, прости заблужденія юности моей и помоги мнѣ такъ же радостно нести, какъ радостно я принимаю иго Твое!

Сейчасъ, оставшись одинъ послѣ занятій, спрашивалъ себя, что мнѣ дѣлать, и не имѣлъ никакого личнаго желанія (кромѣ тѣлесныхъ потребностей, поднимающихся только, когда ѣсть, пить хочется), такъ ясно почувствовалъ радость сознанія воли Бога,— что мнѣ ничего не нужно и не хочется, какъ дѣлать то, что Онъ хочетъ.

Чувство это возникло вслѣдствіе вопроса, который я самъ себѣ задалъ, оставшись одинъ въ тишинѣ: кто я? зачѣмъ я? И такъ ясно отвѣтилось само собой: кто бы и что бы я ни былъ, я кѣмъ-то посланъ что-то дѣлать. Ну, и давай это дѣлать. И такъ радостно, хорошо почувствовалъ свое сліяніе съ волей Бога.

Это второе мое живое чувство Бога. То я почувствовалъ прямо любовь къ Богу. Теперь не могу вспомнить, какъ это было; помню только, что было это радостное чувство.

О, какое счастье—уединеніе! Нынче такъ хорошо чувствуешь Бога.

1894 г.

МЫСЛИ О СМЫСЛѢ ЖИЗНИ.

Я съ удовольствіемъ постараюсь отвѣтить на вашъ вопросъ, такъ какъ вижу, что онъ сдѣланъ совершенно искренно и вопросъ самой первой важности и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который большинство людей не задаютъ себѣ, предполагая, что отвѣтъ на него или уже давно данъ, или невозможенъ. А вопросъ простой, необходимый, безъ котораго, казалось бы, жить нельзя. Вы спрашиваете: какая цѣль человѣческой жизни, зачѣмъ человѣкъ живетъ, или, иначе, зачѣмъ живу я?

Вы правы, что на вопросъ этотъ отвѣчаетъ только религія. Религія, истинная религія есть не что иное, какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. И религія, которую я исповѣдую, — христіанское ученіе въ его истинномъ смыслѣ,—даетъ на этотъ вопросъ такой же, простой и ясный отвѣтъ, какъ и самый вопросъ, если только слово *цѣль* замѣнить словомъ *смыслъ*.

Цѣль, конечная цѣль человѣческой жизни въ безконечномъ по времени и пространству мірѣ, очевидно, не можетъ быть доступна человѣку въ его ограниченности. Но смыслъ человѣческой жизни, т.-е. зачѣмъ онъ живетъ и что онъ долженъ дѣлать, непремѣнно долженъ быть понятенъ человѣку, такъ же понятенъ, какъ понятно его назначеніе работнику на большомъ заводѣ.

Смыслъ человѣческой жизни, понятный человѣку, состоитъ въ томъ, чтобы устанавливать Царство Божіе на землѣ, т.-е. содѣйствовать замѣнѣ себялюбиваго, ненавистническаго, насильническаго, неразумнаго устройства жизни устройствомъ жизни любовнымъ, братскимъ, свободнымъ и разумнымъ.

Средство же достиженія этого, т.-е. отвѣтъ на вопросъ, что долженъ дѣлать человѣкъ, состоитъ въ томъ, что, какъ сказано въ Евангеліи, составляетъ весь законъ и пророки: «поступать съ другими такъ, какъ хочешь, чтобы поступали съ тобою».

Отвѣтъ, какъ видите, очень простъ, но намъ кажется неясенъ, потому что и наша животная природа, и воспитаніе, и ложное религіозное ученіе пріучаютъ насъ къ тому, что смыслъ жизни не въ служеніи Богу и ближнему, а въ нашемъ личномъ счастіи. Привыкнувъ жить только для себя и для своего личнаго счастія, намъ кажется трудно перенести цѣль своей жизни изъ себя въ служеніе Богу. Но какъ ни трудно это, это возможно, и чѣмъ больше мы пріучаемъ себя къ этому, тѣмъ это становится естественнѣе, тѣмъ болѣе, что, исполняя волю Бога, мы тѣмъ самымъ достигаемъ наивысшаго личнаго блага, которое мы прежде ставили цѣлью своей жизни; какъ то же сказано въ Евангеліи:

«Ищите Царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ». Живя личной жизнью, мы ищемъ только этого остального, т.-е. личнаго счастья, и не достигаемъ его и не содѣйствуемъ установленію Царства Божія, а, напротивъ, противодѣйствуемъ ему. Ища же Царства Божія и правды его, мы получаемъ это остальное, т.-е. счастіе, если только подъ счастіемъ мы разумѣемъ не какія-либо нами излюбленныя внѣшнія блага, а духовныя — спокойствіе, свободу и радость.

Пишу вамъ не то, до чего дошелъ я разсужденіями, а то, до чего дошелъ опытомъ: жить для исполненія воли Бога возможно. Если не можешь жить такъ всегда, то все-таки можешь жить такъ въ нѣкоторыя лучшія минуты. Если же въ этомъ положишь смыслъ жизни, то все чаще и чаще будешь жить такъ. А чѣмъ чаще будешь жить такъ, тѣмъ больше будешь испытывать разумность и радость такой жизни. И само собой будешь привлеченъ къ такой жизни.

Цѣль жизни? Такой цѣли нѣтъ и не можетъ быть, никакія знанія не могутъ найти ее. Законъ направленія, путь жизни? Да. На это отвѣчаетъ религія, мудрость, если хотите. Отвѣчаетъ тѣмъ, что показываетъ ложность всѣхъ тѣхъ путей, которые не совпадаютъ съ однимъ истиннымъ. Отрицаніемъ ложныхъ направленій она указываетъ и освѣщаетъ единый, истинный путь. На этомъ пути кое-что видно, есть ближайшія цѣли, которыя укажетъ наука, но никакъ не она покажетъ этотъ путь.

По слабости своей, по неполнотѣ подчиненія своей всей жизни разуму я ставлю и ставилъ себѣ этотъ вопросъ и старался отвѣчать на него. Если бы я вполнѣ слился съ жизнью разума, вполнѣ жилъ въ согласіи съ закономъ міра, я бы и не подумалъ объ этомъ. Но, не приписывая имъ важности, долженъ сказать, что это мечтанія, которыя волей-неволей приходятъ въ голову.

Мнѣ представлялось такъ: законъ жизни органической есть борьба, законъ жизни разумной, сознательной, есть единеніе, любовь. На жизни органической, жизни борьбы рождается жизнь разумная и связана съ ней. Цѣль очевидная—уничтожить борьбу и внести единеніе, гдѣ былъ раздоръ. Сначала между людьми, потомъ между людьми и животными, потомъ между животными и растеніями.

Цѣль давно уже такая поставлена. Еврейскій Мессія есть не что иное. Чтобъ перековать копья на орала и чтобы ягненокъ лежалъ со львами.

Вотъ цѣль подобная этой мерещится мнѣ, но я не дорожу ею: знаю, что она далеко не исчерпаетъ всего. Мнѣ дорога только вѣрность направленія пути. А для вѣрности пути я знаю, что первое условіе то, чтобы идти по немъ всѣмъ существомъ.

Поддержаніе и размноженіе жизни не можетъ быть цѣлью жизни — это несомнѣнно. Но тутъ-то и являются двѣ различныя точки зрѣнія: одна та, что знаніе въ человѣкѣ, въ человѣчествѣ— наука—руководитъ жизнью, и что потому *цѣль* жизни, руководимой знаніемъ, должна быть извѣстна этому знанію; и другая: что человѣкъ есть орудіе разума для совершенія его (разума) неизвѣстнаго вполнѣ человѣку дѣла, и *цѣль* его, разума, не можетъ быть извѣстна, а извѣстенъ человѣку только *путь*, направленіе, по которому ведетъ его живущій въ человѣкѣ разумъ. (Христосъ все это сказалъ, и я не перестаю удивляться строгости, точности его философскихъ опредѣленій).

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ быть *цѣль* для жизни міра и жизни людей (когда они сливаютъ свою жизнь съ жизнью міра)? Понятіе *цѣль* есть понятіе ограниченности человѣческаго разума, въ родѣ понятій награды и наказанія, и потому понятіе, не приложимое къ жизни міра. Если есть цѣль, то она должна быть достигнута, и тогда конецъ. Для міра вообще есть только жизнь, для участниковъ въ жизни міра есть и можетъ быть только направленіе—путь.

Кромѣ того, при первой точкѣ зрѣнія предполагается, что вся дѣятельность человѣка состоитъ или, по крайней мѣрѣ, руководима знаніемъ и что для достиженія цѣли необходима преимущественно (исключительно, думаю часто) дѣятельность умственная. При второй же точкѣ зрѣнія человѣкъ, зная только направленіе, идетъ зато по этому направленію весь съ своими и нервами, и мускулами, и ногтями, т.-е. весь подчиняется тому направленію, которое одно онъ знаетъ, и съ каждымъ шагомъ видитъ новыя вѣхи на пути, но никогда не видитъ и не можетъ видѣть цѣли.

И только при этомъ условіи человѣкъ можетъ вѣрить вполнѣ тому направленію, по которому онъ идетъ, и исполнять то, что требуетъ отъ него разумъ. Только ставъ въ условія поддержанія и размноженія жизни, согласныя съ разумомъ, только съ начала пути и всѣмъ существомъ избравъ единственное истинное направленіе, путь, онъ можетъ съ полной увѣренностью идти дальше и сознавать себя въ согласіи и единеніи съ разумомъ; чѣмъ ближе эти условія, тѣмъ вѣрнѣе; чѣмъ дальше, тѣмъ сомнительнѣе.

Не увидать той обѣтованной земли, куда ввелъ другихъ, — хоть содѣйствовалъ сколько-нибудь введенію другихъ, — есть неизмѣнный законъ истинной жизни. Дѣло истинной жизни чѣмъ настоящѣе оно, тѣмъ отдаленнѣе его послѣдствія, и не только отдаленны, но безконечны послѣдствія истинной жизни, и потому увидать ихъ нельзя. Видишь дальше того, чѣмъ проживешь. Домъ увидишь, какъ отстроится, и генеральскій чинъ доживешь, а не увидишь не только освобожденія отъ рабства государства, но и отъ рабства земельнаго.

Самое очевидное доказательство того, что жизнь не въ достиженіи цѣли, а въ исполненіи посланничества.

Съ особенной новой силой понялъ, что жизнь моя и всѣхъ — только служеніе, а не имѣетъ цѣли въ самой себѣ.

Всякая жизнь безсмысленна, исключая той, которая имѣетъ цѣлью служеніе Богу, служеніе совершенію недоступнаго намъ дѣла Божія.

Очень обычная ошибка полагать цѣль жизни въ служеніи людямъ, а не въ служеніи Богу. Только служеніемъ Богу, т.-е. дѣлая то, что Онъ хочетъ, можно быть увѣреннымъ въ томъ, что не дѣлаешь пустого, и нѣтъ невозможности выбора, кому служить.

Богъ далъ намъ духъ Свой, любовь, разумъ, чтобы служить Ему; а мы этотъ духъ употребляемъ на служеніе себѣ, употребляемъ топоръ на то, чтобы строгать топорище.

Смыслъ жизни нашей—единственный, разумный и радостный—въ томъ, чтобы служить и чувствовать себя служащимъ дѣлу Божію, установленію Царства Его. Иногда бываетъ, что не чувствуешь этого служенія, кажется, что вышелъ изъ хомута или ослабли постромки, но иногда это кажется оттого, что привыкъ къ хомуту, что втянулся въ работу и не чувствуешь ея. Во всякомъ же случаѣ, если и не чувствуешь внѣшнимъ образомъ своего служенія, если только знаешь въ глубинѣ души, что не отказывался служить, не снималъ хомута, можно быть увѣреннымъ, что служишь, а видно дѣло подъ гору или хозяинъ хочетъ дать вздохнуть.

Смыслъ жизни для меня сталъ уже исключительно въ томъ, чтобы служить Богу, спасая людей отъ грѣха и страданій.

Страшно только то, что захочешь угадать тотъ путь, которымъ хочетъ сдѣлать это Богъ, и ошибешься, и поспѣшишь, и вмѣсто того, чтобы содѣйствовать, помѣшаешь, задержишь.

Одно средство не ошибиться—не предпринимать, а ждать призыва Бога, — такого положенія, въ которомъ нельзя не поступить такъ или иначе: для Бога или противъ Него; и въ этихъ случаяхъ всѣ силы души напрягать на то, чтобы дѣлать первое.

Человѣкъ употребляетъ свой разумъ на то, чтобы спрашивать: зачѣмъ и отчего?—прилагая эти вопросы къ жизни своей и жизни міра. И разумъ же показываетъ ему, что отвѣтовъ нѣтъ. Дѣлается что-то въ родѣ дурноты, головокруженія при этихъ вопросахъ. Индѣйцы на вопросъ *отчего* говорятъ: Маія соблазнила Брама,

существовавшаго въ себѣ, чтобы онъ сотворилъ міръ; а на вопросъ *зачѣмъ* не придумываютъ даже и такого глупаго отвѣта. Никакая религія не придумала, да и умъ человѣка не можетъ придумать отвѣтовъ на эти вопросы.

Что же это значитъ? А то, что разумъ человѣку не данъ на то, чтобы отвѣчать на эти вопросы, что самое заданіе такихъ вопросовъ означаетъ заблужденіе разума. Разумъ рѣшаетъ только основной вопросъ *какъ*. И для того, чтобы знать *какъ*, онъ рѣшаетъ въ предѣлахъ конечности вопросы: *отчего* и *зачѣмъ*.

Что же *какъ*? Какъ жить. Какъ же жить? Блаженно.

Этого нужно всему живущему и мнѣ. И возможность этого дана всему живущему и мнѣ. И это рѣшеніе исключаетъ вопросъ *отчего* и *зачѣмъ*.

Но отчего и зачѣмъ не сразу расходится блаженство? Опять ошибка разума. Блаженство есть *дѣланіе* своего блаженства, другого нѣтъ.

Живой человѣкъ—тотъ, который идетъ впередъ, туда, гдѣ освѣщено впереди его двигающимся фонаремъ, и который никогда не доходитъ до конца освѣщеннаго мѣста, а освѣщенное мѣсто идетъ впереди его. И это жизнь. И другой нѣтъ; и только при такой жизни нѣтъ смерти, потому что фонарь освѣщаетъ *туда*, и туда уходишь за нимъ такъ же спокойно, какъ и во все продолженіе жизни.

Если же человѣкъ заслонитъ фонарь или станетъ освѣщать вокругъ себя или назади, а не впереди и перестанетъ идти, то будетъ остановка жизни.

Но если нѣтъ смысла въ моей жизни, то его и нѣтъ въ жизни человѣка и человѣчества? Такъ и говорятъ древніе буддисты и новые пессимисты. То же говоритъ и Евангеліе, но съ тою разницею, что буддисты и пессимисты говорятъ это какъ послѣдній выводъ, изъ котораго слѣдуетъ отрицаніе жизни; христіанство же говоритъ это, какъ указаніе на ложное пониманіе жизни языческой и на необходимость иного пониманія ея — христіанскаго — и утвержденія жизни.

Жизнь не имѣетъ цѣли, понятной человѣку,—это самое и говоритъ христіанство. Но, не имѣя такой доступной человѣку цѣли, она имѣетъ ее, и служеніе этой недоступной человѣку цѣли и составляетъ назначеніе человѣка. Цѣль, доступная человѣку, была бы цѣлью конечной.

Цѣль же, поставленная теперь передъ человѣкомъ, безконечна. И въ приближеніи къ ней—смыслъ жизни человѣка. Достижимая только въ безконечности цѣль, поставленная передъ человѣкомъ, недоступна ему, но направленіе къ достиженію ея доступно.

«Какъ же можно жить, не зная, что будетъ; не зная, въ какихъ формахъ будешь жить?»

Только тогда и начинается настоящая жизнь, когда не знаешь что будетъ. Только тогда творишь жизнь и исполняешь волю Бога. *Онъ* знаетъ. Только такая дѣятельность служитъ свидѣтельствомъ вѣры въ Бога и въ Его законъ. Только тогда и свобода и жизнь.

Надо быть по отношенію воли Бога, какъ добрая, породистая кобылка, которую я выѣзжалъ; она не вырваться хотѣла, не перестать служить, а только хотѣла догадаться, чего, какой работы я хочу отъ нея. Она пробовала то съ той, то со второй, то съ третьей ноги, то вправо, то влѣво, то голову внизъ, то вверхъ.

Такъ и намъ надо

Для меня ученіе Христа болѣе всего стало понятно, болѣе всего завладѣло мной, когда я ясно понялъ, что жизнь моя — не моя, а Того, Кто далъ ее, и что цѣль жизни не во мнѣ, а въ Его волѣ, и надо узнать и дѣлать ее. Это перевернуло меня.

Только бы избавилъ насъ Богъ отъ лукаваго, отъ дьявола, онъ же «я» во мнѣ и въ васъ. Только бы не забывать, что жизнь моя не завтра, не на будущій годъ, не въ Ясной, не въ Москвѣ, ни съ Х, ни безъ нея, а въ служеніи Отцу вездѣ, всегда и со всѣми, и хорошо...

Вотъ чѣмъ надо быть,—какъ говоритъ Лаотзе,—какъ вода: нѣтъ препятствій — она течетъ; плотина — она остановится; прорвется плотина—она снова потечетъ; въ четырехугольномъ сосудѣ она четырехугольна; въ кругломъ—она кругла. Оттого-то она нужнѣе всего и сильнѣе всего.

Сила, съ которой мы убѣждены въ чемъ-нибудь, полная, совершенная, непоколебимая, бываетъ не тогда, когда доводы логически неотразимы, и не тогда даже, когда чувство совпадаетъ съ требованіями ума, а только тогда, когда человѣкъ опытомъ убѣждается, испытавъ противоположное, что есть только одинъ путь.

Такое убѣжденіе намъ дается о томъ, что жизнь есть только одно: слѣдованіе волѣ Бога.

Представь себѣ, что любимая женщина обѣщала тебѣ свиданіе вечеромъ. Какъ ты проведешь этотъ день, какъ будешь готовиться къ этому свиданію? Какъ будешь бояться умереть, бояться, чтобы не кончился міръ до этого свиданія. А совершись свиданіе, и послѣ будетъ, что будетъ.

Вотъ что значитъ желать. Вотъ такъ-то желать я бы хотѣлъ исполнять волю Бога. Такъ же страстно только одного желать — исполненія ея. Возможно ли это?

Возможно ли это? Да, возможно. Для этого нужно только, чтобы такъ же ясно знать, въ чемъ дѣло, нужно сознавать трудъ свой, нужно, чтобы была жертва.

Помогай намъ Богъ на переставая радоваться тому, чему никто, никогда, нигдѣ не можетъ помѣшать, — радости исполненія воли Его, если только исполнять ее въ чистотѣ, смиреніи и любви.

Для чего жить, какъ жить и что дѣлать, чтобы имѣть право на жизнь? Прежде всего надо переставить вопросы и прежде отвѣчать на вопросъ: какъ жить, а потомъ уже постараться понять—для чего. Жить надо; прежде всякаго разсужденія мы жили и живемъ: каждыя сутки спимъ, нѣсколько разъ ѣдимъ, движимся, мыслимъ. Мы всѣ, какъ лошадь на топчакѣ, колесо котораго вертится подъ нами и заставляетъ насъ двигаться, не можемъ не жить, и потому первый и главный вопросъ — по-моему, единственный разумный — въ томъ, какъ жить? Отвѣтъ первый мы всѣ знаемъ: *какъ можно получше*. Такъ всѣ люди жили, т.-е. стремясь къ этому, такъ живутъ и такъ будутъ жить.

Второй вопросъ: что значитъ лучше? Въ чемъ лучше? Отвѣтъ для человѣка, знающаго только себя, ясенъ: какъ можно больше наслажденій. Но какъ только человѣкъ понялъ, что онъ не одинъ, почувствовалъ страданія другихъ людей, такъ первый отвѣтъ уже не удовлетворяетъ, является противорѣчіе личныхъ стремленій къ наслажденію и совѣсти. И чтобы разрѣшить его, надо отдаться одной изъ этихъ двухъ силъ: стремленіе къ благу личному или совѣсти, и отдаться совершенно, безъ исключенія и отговорокъ и компромиссовъ.

Отдаться же стремленію къ личному счастью или совѣсти не значитъ то, чтобы заглушить въ себѣ голосъ совѣсти или личнаго счастья, но значитъ то, чтобы въ сознаніи своемъ признать *жизнью, истинной жизнью* только одно изъ двухъ. Страданія, сомнѣнія происходятъ отъ нерѣшенности вопроса въ сознаніи. Если бы было то, что требованія правды не суть требованія совѣсти, а навѣянное извнѣ, то, отрекшись отъ совѣсти, вы успокоитесь и будете жить и наслаждаться, пока можете. (Разумѣется, это кончится страданіемъ, я знаю это. Но вы не можете повѣрить этому на слово, если требованія совѣсти въ васъ еще не проснулись пока.) Но они должны проснуться, потому что движеніе всего человѣчества идетъ отъ стремленія къ личному благу, къ требованіямъ совѣсти. (Все это я говорю только какъ очень невѣроятную возможность.) Если же совѣсть проснулась, то признайте разъ навсегда, что жизнь только въ удовлетвореніи требованій этой совѣсти, и тогда опять будете спокойны, и жизнь получитъ смыслъ. По-

тому что что̀ такое совѣсть? Совѣсть есть тотъ высшій законъ всего живущаго, который каждый сознаетъ въ себѣ не только признаніемъ правъ этого всего живущаго, но любовью къ нему. Требованія совѣсти суть то, что на христіанскомъ языкѣ называется волей Бога, и потому смыслъ жизни и отвѣтъ на оба вопроса: *для чего жить и какъ сдѣлать, чтобы имѣть право жить?* состоитъ въ томъ, чтобы исполнять волю Бога, сознаваемую нами въ нашей совѣсти. Къ чему приведетъ это? Я не знаю, но знаю, что ясное сознаніе этого измѣнитъ всю внѣшнюю жизнь и приведетъ къ тому, что дастъ жизни постоянный, все болѣе и болѣе уясняющійся, радостный и разумный смыслъ. Если же не ясно, чего требуетъ совѣсть, то отвѣтъ на это даетъ Евангеліе.

Для того, чтобы отвѣтить на вопросъ: зачѣмъ жить? надо прежде всего, отвѣчая на этотъ вопросъ, отрѣшиться отъ всѣхъ мірскихъ соображеній, отъ вопросовъ о такихъ или иныхъ курсахъ, о томъ, что можетъ быть пріятно или непріятно мнѣ или моимъ родителямъ, а живо представить себѣ свое положеніе одинокаго, отдѣльнаго человѣческаго существа, недавно, лѣтъ двадцать, тридцать откуда-то явившагося и нынче, завтра, черезъ 10, 20, 30 лѣтъ долженствующаго куда-то исчезнуть.

Зачѣмъ можетъ быть нужно жить такому существу и милліонамъ, милліардамъ такихъ же существъ, находящихся совершенно въ такомъ же положеніи? Очевидно, все это сдѣлано не для этихъ существъ, такъ же какъ всѣ гайки, винты, колеса, поршни большой машины сдѣланы не для нихъ, а для служенія общей цѣли машины.

То же и съ нами: мы — орудія той высшей воли, которая черезъ насъ творитъ свое, нужное ей дѣло. Различіе только въ томъ, что мы сознаемъ себя живыми и можемъ, не признавая себя орудіями высшей воли, страдать отъ своего положенія и можемъ, сознавая себя нужными орудіями жизни, чувствовать радость участія въ безконечно великомъ дѣлѣ, совершаемомъ жизнью міра.

Но вы спросите, въ чемъ это дѣло? На это я отвѣчу, что мы не можемъ знать всего его, но всегда можемъ знать, когда мы содѣйствуемъ и когда противимся ему. Любовныя отношенія ко всему живущему—прежде всего, разумѣется, къ человѣку, къ ближайшимъ изъ нихъ, — испытываніе любви и возбужденіе въ другихъ этого чувства есть признакъ участія въ общемъ дѣлѣ; возбужденіе въ себѣ и въ другихъ вражды, ненависти есть признакъ противодѣйствія общему дѣлу.

Письмо ваше не только заинтересовало меня, но и привлекло къ вамъ.

Я думаю, что вы ищете того, чего долженъ искать каждый человѣкъ и безъ чего не могутъ жить люди, несмотря на то, что вся жизнь среди высшихъ достаточныхъ классовъ сложилась такъ

чтобы люди могли жить безъ этого. Это то, что вы ищете и къ чему васъ раньше, чѣмъ обыкновенно влечетъ людей, влекутъ ваши исключительныя условія, а можетъ-быть, и ваша болѣе серьезная, чѣмъ у большинства людей, натура,—это ясно сознанный смыслъ своей жизни: зачѣмъ я живу? Не для того же, чтобы мнѣ было весело, не для того, чтобы произвести, пустить на свѣтъ и воспитать такихъ же, какъ я, не знающихъ, зачѣмъ они живутъ, людей, и не для того же, чтобы дѣлать археологическія, очень сомнительно нужныя людямъ изысканія.

Безъ всего можно жить, но не безъ отвѣта на этотъ вопросъ. А между тѣмъ въ нашемъ quasi-просвѣщенномъ мірѣ считается даже нѣкоторымъ умственнымъ превосходствомъ не только не знать этого, но утверждать, что этого и нельзя знать.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ только религія. Если та религія, въ которую вы вѣрили, разрушена вашимъ критическимъ отношеніемъ къ ней, тотчасъ ищите другую, т.-е. другой отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ вы живете? Какъ безъ короля, говорятъ, нельзя быть минуты: Le roi est mort, vive le roi, такъ тѣмъ меньше нельзя минуты быть безъ этого царя въ головѣ и сердцѣ. Только религія, т.-е. отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ я живу? дастъ такое дѣло, при которомъ можно забыть себя, свою ничтожную, гибнущую и надоѣвшую себѣ и столь несносно требовательную личность.

Въ моихъ запрещенныхъ въ Россіи книгахъ я писалъ только объ этомъ. Если вы прочтете ихъ, вы найдете тамъ тотъ отвѣтъ, который я нашелъ для себя. Но если вы не читали моихъ книгъ или читали и не извлекли тамъ этого отвѣта, я могу въ трехъ строчкахъ сказать его:

Я живу затѣмъ, чтобы исполнять волю Пославшаго меня въ жизнь. Воля же Его въ томъ, чтобы я довелъ свою душу до высшей степени совершенства въ любви и этимъ самымъ содѣйствовалъ установленію единенія между людьми и всѣми существами въ мірѣ

Каждый разрѣшаетъ это по-своему, и истина о мечѣ и раздѣленіи остается одинаково истиной для всѣхъ, какъ ни разрѣшай. Я одно хочу сказать вамъ—то, что я опытомъ извѣдалъ, — чѣмъ руководствоваться въ сложныхъ случаяхъ, — въ тѣснотѣ жизни, когда попадешь въ нее и чувствуешь, что одинъ, только одинъ есть путь, и что будетъ все дурно, если не попадешь на него. Я вотъ что думаю:

Воля Отца, въ чемъ она состоитъ, что Ему нужно, зачѣмъ Онъ все сдѣлалъ и дѣлаетъ (если такъ по старой привычкѣ и для образности выразиться), какая цѣль вашей и моей жизни — этого не дано намъ знать, и когда мы воображаемъ, что знаемъ цѣль Отца, мы путаемся самымъ жестокимъ образомъ. Знать мы Его цѣли не можемъ уже потому, что она безконечна.

Но мы знаемъ и можемъ всегда знать, дѣлаемъ ли мы Его волю, — то, зачѣмъ мы живемъ, то, чего Онъ отъ насъ хочетъ.

Онъ, какъ на вожжахъ, держитъ насъ, и мы, какъ лошадь, не знаемъ, куда придемъ, зачѣмъ; но знаемъ по боли, когда идемъ не туда, куда надобно, и по свободѣ, отсутствію стѣсненія, что идемъ, куда надо. И потому опытомъ и всѣмъ существомъ узнаемъ, что первый, главный и единственный (потому что остальные включены въ него) признакъ исполненія воли Божіей—это то, что намъ легко, не больно, даже радостно. Онъ этого хотѣлъ, любя насъ, и мы знаемъ, что это нужно.

Второй признакъ, но въ зависимости отъ перваго, это то, чтобы другимъ было не больно, чтобы моя дѣятельность не вызывала стона страданія. Вотъ тутъ-то и задача: одно какъ будто исключаетъ другое. Но «какъ будто». Когда это кажется, это признакъ только того, что жизнь совершается въ тѣснотѣ, что безразличной ширины пути мало, что истинный путь тѣсенъ, тѣсенъ какъ острее ножа, но онъ есть. Чувствуя чужія страданія, какъ свои, что вы и дѣлаете, можно и должно найти тотъ путь, при которомъ будетъ легко. И это будетъ тогда, когда я сдѣлалъ *все*, зависящее отъ меня, для облегченія страданій другихъ. Есть, есть этотъ путь, милый другъ. Молиться надо, т.-е. общаться съ Богомъ, и путь этотъ находится. И чѣмъ труднѣе его отыскиваніе, тѣмъ онъ радостнѣе. Да, человѣкъ долженъ быть свободенъ и всемогущъ, и есть это одно направленіе, по которому онъ свободенъ и всемогущъ, и можно найти его.

Но есть и третій признакъ, который я нашелъ для себя. Это не уменьшеніе, а увеличеніе души. Этотъ признакъ дорогъ тѣмъ, что онъ повѣряетъ выборъ. Если поступокъ, родъ жизни, путь, принижаетъ и умаляетъ душу, это — не тотъ. Не то, чтобы можно было этотъ признакъ принять за руководство, — помилуй Богъ, — но всѣ силы употребить на отыскиваніе пути между страданіями другихъ отъ меня и стѣсненіемъ, испытываемымъ мною, и, намѣтивъ себѣ этотъ путь, можно провѣрить справедливость его этимъ признакомъ.

Пища жизни истинная состоитъ въ томъ, чтобы творить волю Пославшаго насъ сюда и совершить дѣло Его. Воля же Пославшаго и дѣло Его—то, чтобы, во-первыхъ, отдавать оброкъ за данную намъ жизнь добрыми дѣлами; добрыя же дѣла суть тѣ дѣла, которыя увеличиваютъ любовь въ людяхъ; а дѣло Его то, чтобы увеличить, взрастить тотъ талантъ, нашу душу, который данъ намъ. И одно нельзя сдѣлать безъ другого. Нельзя дѣлать добрыхъ дѣлъ, увеличивающихъ любовь, безъ того, чтобы не увеличить свой талантъ, свою душу, не увеличить въ ней любовь; и нельзя увеличить свой талантъ, увеличить любовь въ своей душѣ, безъ того, чтобы не дѣлать добро людямъ, увеличивая въ нихъ любовь. Такъ что одно зависитъ отъ другого и одно повѣряетъ другое. Если ты дѣлаешь дѣло, которое считаешь добрымъ, но не чувствуешь увеличенія любви въ своей душѣ, если въ твоей душѣ при этомъ не радостно, то знай, что дѣло, которое ты дѣлаешь,

недоброе. И если ты что-либо дѣлаешь для своей души и при этомъ не увеличивается добро въ людяхъ, то знай, что безполезно то, что ты дѣлаешь для своей души.

Ищите Царствія Божія и правды его, и остальное приложится. Ищите того, чтобы быть исполнителями воли Бога, и больше ничего, ничего. Все будетъ: и праведность, и радость, и жизнь, не говоря о хлѣбѣ и одеждѣ, которые и не нужны. Нуженъ только хлѣбъ насущный, — пища жизни, та, про которую Христосъ сказалъ: «пища Моя — творить волю Пославшаго».

Исполненіе воли Бога—дѣло жизни; но въ чемъ воля Божія? Такой ли, иной ли поступокъ надо совершить, чтобы исполнить волю Бога? Въ такія ли, въ иныя ли условія себя поставить: отдать имѣніе, бросить семью, обличать людей? Идти въ Ниневію или Іерусалимъ? и т. п. И нѣтъ отвѣта.

Ни то, ни другое, ни третье не нужно, и никакое положеніе или дѣйствіе не соотвѣтствуетъ исполненію воли Бога; не только не соотвѣтствуетъ, но препятствуетъ, потому что всякое дѣйствіе по своей волѣ, всякая перемѣна положенія есть непокорность волѣ Божіей. Исполненіе же воли Бога, какъ и Царство Его,— внутри насъ: исполненіе не въ дѣйствіяхъ, а въ покорности, въ кроткомъ и смиренномъ отношеніи къ запросамъ жизни, въ которой находишься.

Ты скажешь: запросы бываютъ противные совѣсти, или нѣсколько противорѣчивыхъ, или вовсе нѣтъ запросовъ.

Только относись къ запросамъ, если они противны твоей совѣсти, съ кротостью и смиреніемъ, т.-е. отказывайся отъ исполненія ихъ безъ хвастовства и озлобленія, а съ кротостью и смиреніемъ; или относись къ тѣмъ запросамъ, которые кажутся противорѣчивыми, съ кротостью и смиреніемъ, отвернувшись отъ своей воли, а только передъ Богомъ,—и противорѣчіе разрѣшится. Того же, чтобы запросовъ не было, не можетъ быть. Хоть однѣ потребности тѣла, и тѣ—запросы, и можно ѣсть и спать, и укрываться съ кротостью и смиреніемъ.

Да, воля Бога не въ томъ, *что* дѣлать (что дѣлать, показываетъ жизнь), а *какъ* дѣлать. *Какъ* и есть то, что творитъ истинную духовную жизнь.

Я недавно думалъ о томъ, что дѣло христіанина—творить волю Отца; но въ чемъ воля Отца? Какъ узнать, чтобы не ошибаться? А то начнешь думать, что воля Отца въ томъ, чтобъ я проповѣдывалъ, или въ томъ, чтобъ жилъ такъ или этакъ,—въ томъ, чтобъ жилъ семьей или безъ семьи. И если начнешь такъ себя спрашивать, никогда не найдешь, въ чемъ воля Отца, и придешь въ сомнѣніе и смущеніе: зачѣмъ велѣно дѣлать волю Отца, а не показано, въ чемъ она?

И вотъ объ этомъ я думаю такъ, что воля Отца намъ показана ясно, но мы не тамъ ищемъ ее, гдѣ она показана намъ. Мы все думаемъ, что воля Отца можетъ быть во внѣшнихъ дѣлахъ, какъ то, чтобы Аврааму идти въ чужую землю и т. п.; а воля Отца только въ томъ, чтобы мы въ томъ ярмѣ, въ которое мы запряжены, были кротки и смиренны и, не спрашивая куда, зачѣмъ, что веземъ, везли бы, пока есть сила, останавливались бы когда велятъ, и опять везли бы, когда велятъ, и поворачивали бы, куда велятъ, и не спрашивали бы, зачѣмъ и куда.—«Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ».

Будь кротокъ и смиренъ сердцемъ, будь доволенъ всѣмъ, согласенъ на всякое положеніе—и исполнишь волю Отца. Такъ что, волю Отца чтобъ исполнять, надо узнать, не что̀ дѣлать, а надо узнать, *какъ* дѣлать то, что приходится дѣлать.

Жизнь въ исполненіи воли Бога. Въ чемъ эта воля Бога?

Все, что мы можемъ себѣ поставить цѣлью, какъ воля Бога,—все недостаточно, неполно, все только признакъ, но не самая воля Бога. Такъ же, какъ одинъ частный работникъ не можетъ понять всего дѣла предпринимателя. (Какъ ни жалко, мелко это сравненіе воли Бога, т.-е. всего, съ волей предпринимателя, но оно именно этой несоразмѣрностью тѣмъ болѣе показываетъ невозможность человѣку понять волю Бога.) Есть и для насъ признакъ того, что мы дѣлаемъ волю Бога, но самую волю Бога никогда не узнаемъ. По всѣмъ этимъ признакамъ мы можемъ узнавать то, что мы дѣлаемъ волю Его: то же, въ чемъ именно состоитъ Его воля, всегда останется для насъ тайною.

И такъ и должно быть. Не могло бы быть жизни, жизни вѣчной, если бы цѣль, къ которой мы стремимся, была понятная намъ,—слѣдовательно, конечная.

Признаки же того, что живемъ мы по Его волѣ, а не противъ нея, даны намъ самые несомнѣнные, какъ для лошади, которую вожжи пускаютъ идти только въ одномъ направленіи.

Самый первый, главный, несомнѣнный признакъ, которымъ мы такъ склонны пренебрегать, это — отсутствіе ощущенія духовнаго страданія. (Какъ у лошади отсутствіе ощущенія боли отъ удилъ.) Если испытываешь полную свободу, ничѣмъ ненарушимую, то живешь по волѣ Божіей.

Другой признакъ, повѣряющій первый, это ненарушеніе любви съ людьми. Если не чувствуешь враждебности ни къ кому и знаешь, что къ тебѣ не чувствуютъ зла, ты въ волѣ Бога.

Третій признакъ, опять повѣряющій первый и повѣряемый имъ, есть ростъ духовный. Если чувствуешь, что дѣлаешься духовнѣе, побѣждаешь животное,—то въ волѣ Бога.

Мы знаемъ, вѣрно знаемъ, когда мы живемъ по волѣ Бога. Но не знаемъ мы самую волю Бога, и намъ надо помнить, надо знать, что мы не знаемъ и не можемъ знать ея; а не выставлять

себѣ цѣли внѣшнія, отождествляя ихъ съ волей Божіей, какъ бы ни высоки казались намъ эти цѣли, какъ, напримѣръ, поученіе людей въ истинахъ вѣры, установленіе на дѣлѣ Царства Божія на землѣ, указаніе примѣра жизни по-Божьи, и многое другое.

Лошадь вѣрно знаетъ, что она идетъ по волѣ хозяина, когда вожжи не дергаютъ ее, но она не знаетъ воли хозяина, и горе ей, если она вообразитъ, что знаетъ эту волю. Хозяинъ воротитъ загрязшую кобылу съ шоссе въ грязь, заставляетъ ее войти въ грязный, тѣсный отъ другихъ лошадей, дворъ. Кобылѣ кажется ясно, что воля хозяина въ томъ, чтобы везти тяжесть по шоссе, и она везетъ ее; сворачиваніе же въ грязь двора и общеніе съ другими лошадьми, — этого не можетъ хотѣть хозяинъ, по сужденію кобылы, и кобыла упирается и жалуется, и страдаетъ. Она не знаетъ, что хозяинъ сворачиваетъ на дворъ и затѣмъ, чтобы сложить тяжесть на другихъ лошадей, и затѣмъ, чтобы покормить лошадь, потому что онъ жалѣетъ ее, ожидая отъ нея приплода.

Такъ и я сколько разъ упирался, жаловался на судьбу, на тѣ вожжи, которыя вели меня туда, куда вели, и страдалъ. А все оттого, что я себѣ представлялъ извѣстное осуществленіе въ мірѣ воли Божіей. Вотъ я отдалъ свое имѣніе, отказался отъ всякой роскоши и живу, своимъ примѣромъ указывая, какъ можно и должно жить по волѣ Бога... И вдругъ меня воротятъ въ сторону, въ грязь, въ тѣсноту. Я думаю, что дѣло Божье задерживается, нарушается отъ этого. А оно, можетъ-быть, этимъ-то и дѣлается, если налицо признаки того, что я живу по волѣ Бога.

Я ищу ближайшихъ послѣдствій и огорчаюсь, что не вижу ихъ, а не знаю тѣхъ послѣдствій въ милліонъ разъ бо̀льшихъ, которыя достигаются этими обходами.

Жить надо для того, чтобы исполнять волю Того, Кто насъ послалъ въ жизнь. Жить же надо такъ, чтобы воля эта была исполняема. И исполненіе этой воли даетъ право на жизнь или, чтобы выразиться точнѣе, даетъ увѣренность въ томъ, что жизнь твоя не только имѣетъ смыслъ, но нужна, необходима для Того, Кто послалъ тебя въ жизнь.

Но вы спросите: въ чемъ эта воля и какъ знать, когда исполняешь и когда не исполняешь ее? Воля эта требуетъ отъ насъ два дѣла: постоянное совершенствованіе себя и постоянное же содѣйствіе установленію Царства Божія на землѣ, т.-е. такого строя жизни, при которомъ всѣ люди сознавали бы себя равными братьями и любили бы другъ друга. Для того, чтобы узнать въ каждомъ дѣлѣ, исполняешь ли или нѣтъ волю Пославшаго, надо спросить себя, содѣйствуетъ ли это дѣло вмѣстѣ твоему совершенствованію (совершенствованіе же состоитъ въ увеличеніи любви) и установленію Царства Божія, т.-е. увеличенію любви въ людяхъ. Если дѣло удовлетворяетъ только одному—своему совершен-

ствованію, но не служитъ людямъ, увеличивая въ нихъ любовь, если оно служитъ людямъ, но не вызываетъ съ самомъ себѣ любовь, увеличивая ее, — это не дѣло Божіе, не исполненіе Его воли.

Коротко выраженный смыслъ жизни тотъ, что всякій живой человѣкъ есть орудіе Божіе, — орудіе, черезъ которое высшая сила дѣлаетъ свое дѣло. И потому смыслъ жизни въ томъ, чтобы наилучшимъ образомъ дѣлать то дѣло, которое отъ тебя требуетъ эта высшая сила. Знать же, дѣлаешь или не дѣлаешь это дѣло, всегда можно: совѣсть есть указатель этого. Надо только слушать ее и стараться дѣлать ее все болѣе и болѣе чуткою.

Очень часто случается слышать и читать споры и разсужденія о томъ, что̀ должно быть цѣлью человѣческой жизни: внутреннее нравственное совершенствованіе или служеніе человѣчеству, установленіе Царства Божія. Споръ этотъ никогда не можетъ быть разрѣшенъ, потому что обѣ стороны справедливы: и та и другая цѣль поставлены передъ человѣкомъ и человѣчествомъ. И одна цѣль не только не исключаетъ другую, но, напротивъ, обѣ совпадаютъ и одна обусловливаетъ другую.

Какую цѣль долженъ себѣ ставить каменщикъ, участвующій въ работѣ зданія: наибольшее совершенство работы своего дня или постройку зданія? Только тогда достигнетъ каменщикъ наибольшаго совершенства работы своего дня, когда онъ будетъ имѣть цѣлью постройку зданія, и только тогда онъ можетъ содѣйствовать постройкѣ зданія, когда онъ будетъ стремиться совершить наилучшую работу своего дня.

Только поставивъ себѣ внѣшнею цѣлью установленіе Царства Божія, достигаетъ человѣкъ наивысшаго совершенства жизни, доступнаго ему; и только стремясь къ этому высшему совершенству жизни и достигая его, содѣйствуетъ человѣкъ установленію Царства Божія.

Одинаково ошибается и не исполняетъ своего назначенія тотъ, кто стремится къ улучшенію жизни людской, къ установленію Царства Божія, не устанавливая его въ себѣ, какъ и тотъ, кто стремится къ такому личному самосовершенствованію, которое не имѣетъ цѣлью установленіе Царства Божія внѣ себя.

Человѣкъ поставленъ въ такія условія, что единственное возможное для него, истинное, разумное благо состоитъ въ стремленіи къ личному самосовершенствованію; личное же самосовершенствованіе таково, что оно достигается только тогда, когда человѣкъ признаетъ себя орудіемъ Божіимъ для установленія Его Царства.

«И не придетъ Царство Божіе видимымъ образомъ, и не скажутъ: вотъ оно здѣсь или вотъ оно тамъ. Ибо вотъ: Царствіе Божіе внутри васъ есть».

Въ той мѣрѣ, въ которой достигаетъ человѣкъ внутренняго совершенства, въ той мѣрѣ устанавливаетъ онъ Царство Божіе и только въ установленіи Царства Божія онъ подвигается къ внутреннему совершенству. Безъ сознанія того, что усиліе мое содѣйствуетъ установленію Царства Божія приближеніемъ совершенства Отца, не было бы жизни. И потому каждый изъ насъ живетъ только въ той мѣрѣ, въ которой онъ установляетъ Царство Божіе внѣ себя и совершенствуетъ себя внутри себя.

Утвержденіе того, что человѣкъ можетъ поступиться своими нравственными обязанностями въ виду достиженія общихъ цѣлей, подобно тому, которое бы сдѣлалъ человѣкъ, спросивъ: какая должна быть цѣль кочегара или водовоза, или кузнеца на заводѣ: растапливать печь, привезти воду, сковать крюкъ или забота о ходѣ всего завода?

Ни та, ни другая цѣль порознь не удовлетворяетъ требованіямъ жизни человѣческой, потому что и та и другая цѣль вмѣстѣ поставлены передъ человѣкомъ и человѣчествомъ, и одна цѣль не только не исключаетъ другую, а, напротивъ, обѣ совпадаютъ и одна обусловливаетъ другую.

Чтобы исполнить волю Бога, нужно дѣлать дѣло Его; чтобы дѣлать дѣло Его, нужны двѣ вещи, и не порознь,— вмѣстѣ: нужны разумъ и любовь, нужна истина и добро, нужно, чтобы разумъ былъ любовенъ, т.-е. чтобы дѣятельность его имѣла цѣлью любовь, или чтобы любовь была разумна, т.-е. чтобы любовь не противна была разуму.

Примѣръ перваго—это дѣятельность разума научная: изслѣдованіе млечнаго пути, тонкости метафизики, естественныя науки, искусство для искусства; примѣръ второго — любовь къ женщинѣ одной, къ своимъ дѣтямъ, къ своему народу, любовь, имѣющая цѣлью благо не духовное, а животное.

Плодъ дѣятельности разума—истина, плодъ дѣятельности любви—добро. Но чтобы былъ плодъ, нужно, чтобы совпали обѣ дѣятельности. Добро произойдетъ только отъ разумной, провѣренной на истинѣ любви, и истина — только отъ дѣятельности любовнаго, имѣющаго цѣлью добро, разума.

Все это я не выдумалъ, а это я увидалъ.

Мы всѣ думаемъ, что наша обязанность, призваніе — это дѣлать разныя дѣла: воспитать дѣтей, нажить состояніе, написать книгу, открыть законъ въ наукѣ, а нужно только одно — чтобы жизнь была цѣльнымъ, хорошимъ, разумнымъ дѣломъ, и дѣломъ не передъ людьми, оставивъ послѣ себя память доброй жизни, а дѣломъ передъ Богомъ: представить Ему себя, свою душу лучше, чѣмъ она была, ближе къ Нему, покорнѣе Ему, согласнѣе съ

Нимъ. Думать такъ, главное—чувствовать такъ, очень трудно. Все сбиваешься на славу людскую, но это можно и должно. Помоги мнѣ, Богъ. Я иногда и вотъ сейчасъ чувствую это.

Думалъ о томъ, что̀ надо помнить въ минуту упадка духа, горя, страха, досады или гнѣва на людей.

Помни, что жизнь твоя только въ исполненіи воли Бога на землѣ; исполнять же волю Бога невозможно: ты можешь только возращать свою духовную сущность; возращать же свою духовную сущность ты можешь только соблюденіемъ чистоты въ твоей животной, смиренія въ твоей человѣческой (мірской) и любви въ твоей божеской жизни. Для соблюденія же чистоты тебѣ нужны лишенія, для смиренія нужны худая слава и униженія, для любви нужна враждебность къ тебѣ людей («и если любите любящихъ васъ, какая же вамъ...» и т. д.). И потому то, что̀ ты называешь страданіями, то, на что ты жалуешься, чѣмъ тревожишься, о чемъ горюешь, чего боишься,—все это не что иное, какъ или лишенія и боли, или худая слава, оскорбленія, униженія или враждебность къ тебѣ людей, а и то, и другое, и третье, необходимо тебѣ для соблюденія чистоты, смиренія, любви, для взращиванія своей духовной сущности, для служенія Царству Божію, для жизни. И потому не огорчаться, а радоваться я долженъ и лишеніямъ, и униженіямъ, и враждебности.

Въ самомъ дѣлѣ, неужели Богъ могъ поставить человѣка въ такое ужасное положеніе, чтобъ онъ переносилъ лишенія, униженія и враждебность, не получая за это возмездія? Это не могло быть. И нѣтъ этого. Нельзя отвѣтить, будетъ ли возмездіе на томъ свѣтѣ или нѣтъ. Вопросъ неправильно поставленъ. Надо исправить прежде ложный взглядъ, котораго не должно быть, при которомъ возникаетъ такой вопросъ. Въ родѣ того, какъ если бы люди, лѣнившіеся, голодая отъ праздности, спрашивали, будетъ ли имъ награда на томъ свѣтѣ за то, что они должны работать, чтобы кормиться. Награды не будетъ; но надо понять, что работа, дающая хлѣбъ, есть необходимое условіе животной жизни. Точно такъ же надо понять, что перенесеніе лишеній, униженій и враждебности есть необходимое условіе жизни духовной.

Главное заблужденіе жизни людей то, что каждому отдѣльно кажется, что руководитель его жизни есть стремленіе къ наслажденію и отвращеніе отъ страданія. И человѣкъ одинъ, безъ руководства, отдается этому руководителю, ищетъ наслажденія и избѣгаетъ страданія и въ этомъ полагаетъ цѣль и смыслъ жизни. Но человѣкъ никогда не можетъ жить, наслаждаясь, и не можетъ избѣжать страданій. Стало-быть, не въ этомъ цѣль жизни. А если бы была, то что за нелѣпость: цѣль — наслажденія,— а ихъ нѣтъ и не можетъ быть. А если бы они и были, — конецъ жизни — смерть, всегда сопряженная со страданіями. Если бы морякъ рѣ-

шилъ, что цѣль его миновать подъемы волнъ, — куда бы онъ заѣхалъ? Цѣль жизни внѣ наслажденій и страданій. Она достигается проходомъ черезъ нихъ. Наслажденія, страданія — это дыханіе жизни: вдыханіе и выдыханіе, пища и отдача ея. Положить свою цѣль въ наслажденіи и избѣжаніи страданій — это значитъ потерять путь, пересѣкающій ихъ. Цѣль жизни общая или духовная.

«Покайтесь, опомнитесь», поймите безуміе того смысла, который вы приписываете жизни, оглянитесь на себя и поймите себя, кто вы, что вы, и для чего вы живете? Не можетъ личное благо отдѣльнаго человѣка, или даже семьи, или государства быть цѣлью вашей жизни. Онъ не училъ ихъ чему-либо новому, а только открывалъ имъ глаза на то, что они сами не могутъ не видѣть, на то, что не можетъ быть смыслъ жизни людской въ томъ, чтобы каждый въ ущербъ другому пріобрѣталъ свое личное, шаткое, обманчивое и кратковременное благо. Смыслъ жизни вашей можетъ быть, говорилъ онъ имъ, только въ исполненіи той воли, которая для достиженія своихъ цѣлей послала васъ въ эту жизнь. Воля же эта, состоящая въ установленіи Царства Божія, т.-е. единенія и любви между всѣми тварями, совпадаетъ съ тѣмъ основнымъ стремленіемъ къ благу, которое лежитъ въ душѣ вашей. Поймите, что жизнь ваша — не ваша, не есть ваша собственность, а собственность Того, Кто произвелъ ее для своихъ цѣлей, и что только подъ условіемъ исполненія Его воли дано вамъ наиболѣе возможное вамъ благо. Ищите Царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ.

Будьте всегда готовы къ этому часу. Будьте готовы къ нему, какъ хозяинъ, стерегущій свой домъ, какъ дѣвы со свѣтильниками, встрѣчающія жениха. И не только будьте всегда готовы для встрѣчи этого часа, но работайте изо всѣхъ своихъ силъ для наступленія его, какъ должны были работать работники, которымъ уѣхавшій хозяинъ поручилъ, смотря по ихъ силамъ, различное количество талантовъ (Мѳ. XXIV, XXV).

Одна сторона ученія Христа, связанная со всѣмъ остальнымъ и даже основная, была совсѣмъ затемнена, даже скрыта отъ насъ обоготвореніемъ его,—именно его ученіе о посланничествѣ. Вспомните, сколько разъ съ разныхъ сторонъ онъ говоритъ о томъ, что онъ творитъ волю Пославшаго его, что онъ самъ ничего, но что онъ посланникъ и сливаетъ свою жизнь съ Тѣмъ, Кто послалъ, что вся жизнь его, весь смыслъ ея есть исполненіе посланничества. Только признаніе его особеннымъ существомъ, а не человѣкомъ, какъ мы, могло скрыть отъ насъ эту основу его ученія.

Я теперь пришелъ къ ней и понялъ ее боками, т.-е. своей жизнью. Безконечныя сомнѣнія, неясности въ жизни при испол-

неніи ученія Христа всегда мучили меня. Я разрѣшалъ ихъ, какъ умѣлъ, но всегда чувствовалъ неясность, нетвердость свою. И только теперь мнѣ ясно стало, что разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній и трудностей при исполненіи ученія въ этомъ,—въ томъ, что мы не признали въ жизни тотъ смыслъ единственный, который она имѣетъ и который указалъ Христосъ: служеніе истинѣ (той высшей, которую ты понялъ) и вселеніе ея не только въ людей, но во весь міръ.

Жизнь на то только дана тебѣ съ твоимъ разумомъ, чтобы ты вносилъ этотъ разумъ въ міръ, и потому вся жизнь есть не что иное, какъ эта разумная дѣятельность, проявляющаяся вовнѣ. Христосъ себя понималъ какъ посланника и этому училъ насъ. Каждый изъ насъ—сила, сознающая себя, сознающая свою общую цѣль и потому радостно стремящаяся къ этой цѣли — летящій камень, который знаетъ, куда онъ летитъ, и знаетъ, что самъ онъ ничто — камень и что все его значеніе въ этомъ полетѣ.

Стоитъ только усвоить себѣ это воззрѣніе на жизнь (а именно силу ученія Христа), чтобы исчезли всякіе страхи и сомнѣнія. Дѣло мое, главное,—не только то, чтобы исполнять пять заповѣдей, не то, чтобы не имѣть собственности, не грѣшить—это все не дѣла, а это условія, при которыхъ я могу быть увѣренъ, что я исполняю свое призваніе, и формы моего воздѣйствія на другихъ,—а дѣло мое—жить, внося разумное начало въ міръ всѣми средствами, какія даны мнѣ.

Я могу падать, грѣшить, ошибаться,—дѣло моей жизни не измѣнится отъ этого, счастье и спокойствіе моей жизни также. Только при этомъ взглядѣ уничтожаются праздныя сожалѣнія и желанія, и страхъ смерти и вся жизнь переносится въ одно настоящее.

Если жизнь моя вся въ томъ, чтобы свѣтить тѣмъ свѣтомъ, какой есть во мнѣ, т.-е. жизнь моя въ свѣтѣ, то смерть моя не только не страшна, но радостна, потому что каждый изъ насъ своей личностью затемняетъ тотъ свѣтъ, который носитъ. И умереть физически часто содѣйствуетъ тому свѣту, въ которомъ сосредоточена жизнь.

Практическое приложеніе,—то, что каждый изъ насъ долженъ всѣ интересы своей жизни вложить въ пронесеніе черезъ жизнь истины и во вселеніи ея въ другихъ, и тогда для него не будетъ сомнѣній и страданій и не будетъ праздности. Каждый всегда съ людьми и потому всегда можетъ исполнять свое дѣло жизни.

Какъ бы помнить всегда свое достоинство посланника Божія, которому поручено его дѣло. Если бы я былъ посломъ царя въ Турціи, какъ бы я слѣдилъ за собой! А теперь посломъ Бога въ мірѣ—все нипочемъ. А еще царь могъ бы чего-нибудь не узнать, а тутъ скрыть ничего нельзя

Человѣкъ—посланникъ, какъ сказалъ Христосъ,—именно посланникъ, которому важно только исполнить данное ему порученіе, и все равно, что о немъ думаютъ. Пускай думаютъ дурно: иногда это нужно, только бы порученіе было исполнено.

Мы посланы пройти этотъ наклонный путь, пронеся черезъ него тотъ свѣтъ, который порученъ намъ. И все, что мы можемъ сдѣлать,—это помогать на пути другъ другу въ несеніи этого свѣта, а мы задерживаемъ, сталкиваемъ другъ друга, тушимъ свой и чужой свѣтъ.

Если не смотрѣть на свою жизнь, какъ на посланничество, то нѣтъ жизни, а адъ. Надо помнить не только о томъ, что я посланникъ, которому поручено дѣло, но въ томъ смыслѣ, что я посланникъ, который долженъ соблюсти и возвысить, взрастить себя. Оба одно и то же; возвысить себя можно, только исполняя Его дѣло, и возвышая, взращая себя, исполнять Его дѣло.

Жить по-Божьи — значитъ желать того, чего желаетъ Богъ. Богъ же желаетъ блага міра. Благо же міра пріобрѣтается увеличеніемъ въ немъ любви.

Жить по-Божьи—значитъ жить для блага себя, не отдѣленнаго отъ другихъ существъ.

Не значитъ ли «жить по-Божьи»—давать жизнь другимъ, пробуждать въ другихъ жизнь духовную, истинную?

Жить можно только дурно—похотями, и хорошо—только однимъ: добротой, желаніемъ, усиліемъ быть добрымъ, добрѣе.

Жизнь моя—не моя—не можетъ имѣть цѣлью мое благо, а Того, Кто послалъ меня; и цѣль ея—исполненіе Его дѣла. И только черезъ исполненіе Его дѣла я могу получить благо.

Вы это знаете; но для меня это такъ важно, такъ радостно, что я радъ всякому случаю повторять это.

Цѣль жизни — благо. Благо только въ служеніи Богу. Служеніе Богу — въ увеличеніи любви въ мірѣ. Увеличеніе любви въ мірѣ достигается только увеличеніемъ и проявленіемъ любви въ себѣ. Любовь же въ себѣ даетъ намъ то высшее благо, къ которому мы стремимся.

Цѣль жизни есть такъ же мало воспроизведеніе себѣ подобныхъ, продолженіе рода, какъ и служеніе людямъ—такъ же мало и служеніе Богу.

Воспроизводить себѣ подобныхъ,—зачѣмъ? Служить людямъ? А тѣмъ, кому мы будемъ служить,—тѣмъ что дѣлать? Служить Богу? Развѣ Онъ не можетъ безъ насъ сдѣлать то, что Ему нужно? Да Ему не можетъ быть ничего нужно.

Если Онъ велитъ намъ служить Себѣ, то только для нашего блага. Жизнь не можетъ имѣть другой цѣли, какъ благо, какъ радость. Только эта цѣль—радость—вполнѣ достойна жизни.

Отреченіе, крестъ, отдать жизнь—все это для радости.

И радость есть и можетъ быть ничѣмъ ненарушимая и постоянная.

И смерть—переходъ къ новой, неизвѣданной, совсѣмъ новой, другой, большей радости.

И есть источники радости, никогда не изсякающіе: красота природы, животныхъ, людей, — никогда не отсутствующіе. Въ тюрьмѣ — красота луча, мухи, звуковъ. И главный источникъ любовь,—моя къ людямъ и людей ко мнѣ.

Красота, радость, только какъ радость, независимо отъ добра, отвратительна. Я уяснилъ это и бросилъ. Добро безъ красоты мучительно. Только соединеніе двухъ, и не соединеніе, а красота, какъ вѣнецъ добра.

Милль говоритъ: «Человѣчество получитъ большую долю счастья, когда каждый человѣкъ будетъ преслѣдовать свое счастье подъ условіемъ соблюденія правилъ и условій, требуемыхъ для блага прочихъ, нежели когда человѣкъ поставитъ единственной цѣлью благо всѣхъ прочихъ».

Это справедливо; но только при томъ, чтобы подъ благомъ отдѣльнаго человѣка разумѣть его благо духовное, т.-е. согласіе его съ волей Бога, или проще — удовлетвореніе требованій своей совѣсти (разума и любви).

Каждый человѣкъ пусть ищетъ Царства Божія и правды его, пусть въ этомъ положитъ свою жизнь, и получится наибольшее счастье всѣхъ. Но тогда выйдетъ то, что счастье человѣка будетъ состоять въ томъ, чтобы соблюдать тѣ правила и условія, при которыхъ достигается благо всѣхъ людей, т.-е. получится то самое, что отрицаетъ Милль.

Мы всѣ въ жизни работники, приставленные къ дѣлу спасенія своей души,—можно сравнить съ блюденіемъ огня, даннаго съ неба и зажженнаго на очагѣ моего тѣла. Дѣло мое только въ томъ, чтобы блюсти и зажигать въ себѣ этотъ огонь (не тратить матеріалъ этого огня не на горѣніе), не думая о томъ, что и какъ загорается отъ этого огня.

Не трудное дѣло молотить въ нѣсколько цѣповъ, а чтобъ ладить, не спутаться (и не то, что молотить, а не мѣшать другимъ), надо только помнить о себѣ, о своемъ размѣрѣ, когда ударять. А только подумалъ о другихъ, поглядѣлъ на нихъ—и спутался. То же и въ жизни. Только помнить о себѣ, о своемъ дѣлѣ,—а дѣло это одно: любить, увеличивать въ себѣ любовь,—не думать о другихъ, о послѣдствіяхъ своего труда, и дѣло жизни идетъ плодотворно и радостно. Только подумалъ о томъ, что ты производишь, о послѣдствіяхъ своего труда, началъ соображать его съ этими послѣдствіями,—и дѣло путается и останавливается, и—сознаніе тщеты жизни

Хозяинъ жизни далъ намъ такую работу каждому отдѣльно, что совершеніе этой работы есть самое плодотворное дѣло. И Онъ самъ употребитъ, направитъ эту работу, дастъ ей мѣсто и значеніе. А какъ только я хочу найти и опредѣлить ей мѣсто и сообразно съ этимъ видоизмѣнять ее, такъ я путаюсь, вижу тщету работы и отчаиваюсь. Мое дѣло дѣлать, а уже Онъ знаетъ, на что это нужно, и употребитъ. Человѣкъ ходитъ, Богъ водитъ.

А дѣло одно: увеличивать въ себѣ любовь. Я—это самодвижущаяся сила, или лопата живая, и жизнь ея состоитъ въ томъ, чтобы держать свое лезвее чистымъ и острымъ, а работать уже оно будетъ, и работа будетъ нужна. Острымъ держать и все острить и острить—это все дѣлать себя добрѣе и добрѣе.

Что казалось неопровержимымъ съ точки зрѣнія общественной, представляется безсмысленнымъ съ точки зрѣнія христіанской. Перемѣна эта происходитъ вслѣдствіе измѣненія цѣли, которая ставится передъ человѣкомъ. Христіанское ученіе ставитъ иную цѣль, чѣмъ та, которая была поставлена общественнымъ ученіемъ.

Цѣль, которую ставитъ передъ людьми христіанство, не есть благо той или другой совокупности людей, достигаемое исполненіемъ воли и законовъ этой совокупности, но высшее благо всѣхъ людей и всего міра, достигаемое исполненіемъ воли и закона Бога.

Можно думать, что жить для Бога, содѣйствовать установленію Царства Божія можно, главное, убѣждая людей быть добрыми, воздерживаться отъ соблазновъ,—учреждая жизнь другихъ людей.

Это заблужденіе; жить для Бога можно только тѣмъ, чтобы любить людей, проявлять любовь, заражать любовью, заставлять ихъ вѣрить въ любовь.

Мнѣ это очень нужно знать теперь, и я рѣшаю такъ, что ничего не нужно устраивать или внушать людямъ, а только съ лаской и любовью обращаться со всѣми. Это сильнѣйшее средство установленія Царствія Божія.

Никакое положеніе такъ очевидно не оправдывалось для меня опытомъ, какъ то, что смыслъ жизни—въ увеличеніи любви. Покуда я помнилъ это и жилъ этимъ, мнѣ не переставая было радостно.

Жизнь наша, какъ стараго, такъ и молодого, подлежитъ возможности ежеминутнаго прекращенія, и поэтому нельзя откладывать исполненія своего дѣла жизни: служеніе Богу и людямъ, а надо жить и служить Богу и людямъ сейчасъ, всякую минуту своей жизни. Служеніе же Богу и людямъ состоитъ въ увеличеніи любви въ себѣ и въ другихъ, и это дѣло мы можемъ дѣлать всегда во всевозможныхъ условіяхъ.

Задача человѣка—въ томъ, чтобы исполнить въ этой жизни то, для чего онъ посланъ въ нее Богомъ, отъ котораго онъ ишелъ и къ которому придетъ. Хочетъ же Богъ отъ человѣка того, чтобы онъ (человѣкъ) тратилъ свою жизнь, свое тѣло на служеніе благу міра, благу всѣхъ людей и всѣхъ существъ. Дѣлать же это можетъ человѣкъ, отрекаясь отъ своей животной личности и вызывая въ себѣ любовь къ людямъ и всѣмъ существамъ.

Въ человѣкѣ есть духовная, безсмертная, божественная сущность и есть его животная личность. Если человѣкъ будетъ думать, что жизнь его въ его тѣлѣ,—будетъ служить тѣлу, онъ погубитъ свою душу и не исполнитъ своей задачи; если же онъ будетъ считать собою свою божественную, духовную сущность и будетъ жить для нея, жить по-Божьи, будетъ желать того, чего желаетъ Богъ, т.-е. не своего блага, а блага всѣхъ существъ, то онъ исполнитъ свою задачу и получитъ истинное благо.

Если есть въ тебѣ силы дѣятельности, то пусть она будетъ любовная; если нѣтъ силъ и ты слабъ, то *слабость* твоя пусть будетъ любовная.

Какъ слѣдитъ атлетъ за увеличеніемъ мускуловъ, такъ слѣди за увеличеніемъ любви или хоть, по крайней мѣрѣ, за уменьшеніемъ злобы и лжи, и будетъ полная, радостная жизнь.

Сейчасъ думалъ, что надо помнить, что время для исполненія мною предназначеннаго мнѣ въ этомъ мірѣ дѣла на исходѣ и грѣхъ тратить его непроизводительно, т.-е. не служа дѣлу Божію.

Сколько ни обдумывалъ я вопросъ объ отношеніи дѣла Божія къ внутреннему совершенствованію любви, я не могу выйти изъ того положенія, что задача жизни—исполненіе дѣла Божія, уничтоженіе разъединенія равно увеличенію любви, и что совершиться это дѣло можетъ только черезъ дѣла, въ которыхъ происходитъ внутреннее совершенствованіе въ любви.

Сейчасъ пишу и думаю такъ:

Цѣль жизни есть проникновеніе всѣхъ ея явленій любовью,—есть медленное, постепенное претвореніе злой жизни въ добрую,—есть творчество истинной жизни (потому что истинная жизнь есть только жизнь любовная)—есть рожденіе истинной, т.-е. любовной жизни.

Въ чемъ суть того дѣла, которое должно идти параллельно строго выдержанной жизни? спрашиваете вы

Дѣло, которое мы призваны дѣлать въ жизни,—двоякое, хотя и достигается однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ: внѣшнее дѣло состоитъ въ томъ, чтобы своей жизнью содѣйствовать установленію Царства Божія на землѣ, т.-е. замѣна вражды, борьбы и разъединенія согласіемъ, взаимной помощью и единеніемъ,—такое состояніе, при которомъ копья были бы перекованы на серпы... и т. д. Содѣйствовать этому мы можемъ правдивостью въ словахъ и дѣлахъ; внутреннее дѣло состоитъ въ совершенствованіи, въ приближеніи къ Богу: «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный». Для того же, чтобы постоянно совершенствоваться, нужно увеличивать въ себѣ любовь, т.-е. расширять кругъ своей любви, любить не за то, что намъ пріятно, а любить, какъ Богъ любитъ существа, только затѣмъ, чтобы желать и доставлять имъ благо. Для того же, чтобы увеличивать въ себѣ любовь, нужно только не мѣшать ей проявляться и расти. Она всегда сама собой стремится къ увеличенію. Мѣшаютъ же проявленію любви соблазны. Соблазны же состоятъ въ томъ, чтобы считать своимъ благомъ и цѣлью своей жизни благо животной личности, а не увеличеніе любви. Увеличеніе любви и есть то дѣйствіе, посредствомъ котораго достигаются обѣ цѣли: и содѣйствія установленію Царства Божія, и достиженія наивысшаго совершенства... Такая жизнь имѣетъ за себя болѣе вѣроятій счастія, даже земного, чѣмъ жизнь мірская, имѣющая цѣлью благо животной личности. Такая жизнь не исключаетъ всѣхъ самыхъ доступныхъ всѣмъ радостей, доставляемыхъ и природой, и весельемъ, и пѣніемъ, и дружбой, и общеніемъ съ людьми и животными.

Жизнь для себя—муки, потому что хочется жить для иллюзій, для того, чего нѣтъ, и это не можетъ быть не только счастливо, но не можетъ быть. Все равно, какъ одѣвать и кормить тѣнь. Жизнь только внѣ себя, въ служеніи другимъ—и не въ служеніи близкимъ, любимымъ — это опять для себя, а въ служеніи тѣмъ, кого не любишь, еще лучше—въ служеніи врагамъ. Вся та жизнь которую я веду, вѣдь только tatonement, а надо твердо поставить всю жизнь на это: искать, желать, дѣлать одно добро людямъ — любить и увеличивать въ нихъ любовь, уменьшать въ нихъ нелюбовь. Доброе людямъ? Что доброе? Одно: любовь. Я это по себѣ знаю и потому одного этого желаю людямъ, для одного этого работаю. Не нащупывая, а смѣло жить этимъ значитъ то, чтобы забыть то, что ты русскій, что ты баринъ, что ты мужикъ, что ты женатъ, что ты отецъ и т. п., а помнить одно: вотъ передъ тобой живой человѣкъ; пока ты живъ, ты можешь сдѣлать то, что дастъ тебѣ и ему благо, и исполнить волю Бога, Того, Кто послалъ тебя въ міръ, — можно связать себя съ нимъ любовью.

Испыталъ радостное чувство перенесенія смысла жизни въ желаніе служенія Богу черезъ служеніе людямъ, желаніе блага всѣмъ, съ кѣмъ встрѣтишься.

И такая жизнь возможна и радостна.

Спроси себя хорошенько, чего ты хочешь изъ двухъ: чтобы тебя сейчасъ возвеличили, чтобы ты видѣлъ плоды своихъ дѣлъ, но было бы возможно сомнѣніе въ твоемъ дѣлѣ; или чтобы ты былъ не понятъ, поруганъ до конца, но дѣло твое было бы навѣрное дѣло Божье?

Какъ страшно это—забыть Бога! А это дѣлается незамѣтно. Дѣла для Бога подмѣняются дѣлами для людей, для славы, а потомъ для себя, для своего сквернаго себя. И когда трешься объ эту скверность, хочется опять подняться.

Часто тратишь свои душевныя силы безполезно. Это грѣхъ. Силы эти даны на служеніе. Только на это онѣ и должны быть расходуемы. А то изъ приличія, изъ тщеславія, изъ апатіи тратишься такъ, что не остается силъ и времени на служеніе.

То ли ты дѣлалъ, что тебѣ нужно дѣлать,—получаетъ огромную важность, потому что единственный смыслъ жизни твоей только въ томъ, то ли ты дѣлаешь въ этотъ короткій данный тебѣ срокъ жизни, чего хочетъ отъ тебя Тотъ или То, что послало тебя въ жизнь.

То ли ты дѣлаешь?

Языческое пониманіе говоритъ тебѣ, что жизнь твоя — твоя плотская собственность; христіанство говоритъ тебѣ, что жизнь твоя есть тотъ садъ, который данъ былъ виноградарямъ со всѣми деревьями и колодцемъ и плодами только для того, чтобы виноградари, пользуясь садомъ, отдавали хозяину плоды его.

Намъ данъ коротенькій срокъ для пребыванія тутъ; вотъ-вотъ насъ всѣхъ или поодиночкѣ уберутъ опять туда—и на нашихъ глазахъ уже убираютъ нѣкоторыхъ — и намъ дано на выборъ: провести этотъ короткій неопредѣленный срокъ радостно, отдаваясь вложенному въ насъ чувству состраданія и любви другъ къ другу, или спорить, ссориться, драться и всякими жестокостями устанавливать такой порядокъ вещей, который, мы знаемъ, не продолжится и нѣсколько лѣтъ, который мы сами не одобряемъ; провести данное намъ мгновеніе, любя другъ друга и пользуясь взаимной лаской и любовью, или употребить всѣ силы на то, что-

бы въ это короткое время сколь возможно больше измучить, озлобить другъ друга и съ злобой, упреками и проклятіями быть убраннымъ опять туда, откуда насъ выпустили.

Въ постиженіи тобой истины, т.-е. того, чего хочетъ отъ тебя Тотъ, Кто дѣлаетъ черезъ тебя Свое дѣло,—только въ этомъ твоя жизнь.

Ищите Царства Божія и правды его, а остальное приложится вамъ.

Заботясь о мірскомъ, о томъ, что кажется тебѣ нужнымъ для обезпеченія твоей плотской личности и жизни другихъ связанныхъ съ тобою людей, ты не достигаешь ни блага этой личности, ни блага тѣхъ другихъ людей, которое ты себѣ ставишь цѣлью; заботясь же о правдѣ Царства Божія, которое достигается признаніемъ и исполненіемъ той степени истины, которая открылась тебѣ, ты достигаешь и своего блага, блага другихъ людей и исполняешь то, что вложено тебѣ въ разумъ и сердце. Какъ же ты можешь не дѣлать этого?

Люди увѣрили себя, что это не важно, что важно другое. А между тѣмъ важнѣе того, чтобы дѣлать правду, ту правду, которая открыта человѣку,—важнѣе этого нѣтъ ничего на свѣтѣ.

То самое, чѣмъ мы пренебрегаемъ, тѣмъ исполненіемъ въ малыхъ дѣлахъ сейчасъ той правды, которую мы знаемъ, это-то одно только и нужно. Исполненіе правды каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ и есть самое важное дѣло.

Жизнь человѣческая, страдальческая, всякую секунду могущая быть оборванной для того, чтобы не быть самой грубой насмѣшкой, должна имѣть смыслъ такой, при которомъ значеніе жизни не нарушалось бы продолжительностью или кратковременностью.

Если бы человѣкъ зналъ навѣрное, что жизнь его кончается этой жизнью, то что бы сталъ онъ дѣлать на закатѣ жизни, какъ я? Дѣла всѣ здѣшнія перешли уже въ другія, болѣе молодыя руки, а что же дѣлать ему?

Только когда вѣришь, что жизнь не кончается здѣсь, остается всегда самая важная и всегда интересная и нужная работа надъ своей душой, которая не пропадетъ, а окажется нужной тамъ.

Я послѣднее время часто думалъ объ одномъ, давно извѣстномъ соображеніи, но которое съ особенной живостью мнѣ приходитъ все это время въ голову и бодритъ меня, а именно: если выразить только однимъ наипростѣйшимъ и яснѣйшимъ предложеніемъ смыслъ, сущность, цѣль жизни, то я для себя ее выражаю

такъ, какъ сказано Ін. VI, 38 и въ особенности 39: взрастить въ себѣ, довести до высшей возможной степени божественности ту искру, то разумѣніе, которое дано, поручено мнѣ какъ дитя нянькѣ. Это опредѣленіе смысла жизни шире всѣхъ другихъ, включаетъ всѣ другія.

Что же нужно для того, чтобы исполнить это, взрастить это дитя? Не нѣга, а трудъ, борьба, лишенія, страданія, униженія, гоненія, — то самое, что сказано много разъ въ Евангеліи. И вотъ это самое, то, что нужно намъ, и посылается намъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и въ малыхъ и въ большихъ размѣрахъ. Только бы мы умѣли принять это, какъ слѣдуетъ, какъ нужную намъ, а потому радостную работу, а не какъ нѣчто досадное, нарушающее нашу столь хорошо устроенную жизнь.

Обыкновенно дѣлается такая ошибка. Говорятъ: «Вотъ обстоятельства, которыя нарушаютъ или грозятъ нарушить нашу хорошую жизнь, надо какъ-нибудь поскорѣе обойти, превозмочь эти обстоятельства съ тѣмъ, чтобы продолжать свою хорошую жизнь». Въ дѣйствительности же надо смотрѣть на дѣло совершенно обратно: «вотъ была жизнь, которую мы установили съ большой внутренней борьбой и трудами, и жизнь эта удовлетворяла нашимъ нравственнымъ требованіямъ; но вотъ являются новыя обстоятельства, заявляющія новыя нравственныя требованія; давайте же постараемся отвѣтить наилучшимъ образомъ на эти требованія». Эти обстоятельства—не случайность, которую можно устранить, но требованія новыхъ формъ жизни, въ которыхъ я долженъ испытать себя и къ которымъ долженъ приготовить себя, какъ я готовилъ себя къ предшествующей формѣ жизни.

Богу, по моему понятію, не нужно никакихъ жертвъ. Богу нужно одно: то, чтобы мы соблюли и взрастили тотъ талантъ, ту божественную сущность, которая дана намъ, которая поручена намъ, какъ дитя нянѣ, разумѣя подъ этимъ талантомъ не какое-либо увеличеніе умственное или образованіе, а увеличеніе только нашей любви къ Богу и его твари. Такъ что человѣкъ, исполняющій это дѣло Божіе, всегда неизбѣжно исполнитъ и все остальное и будетъ, самъ не зная то, многообразно полезенъ всѣмъ людямъ.

Жизнь дана мнѣ только подъ условіемъ дѣланія дѣлъ любви. И жизнь дана мнѣ, какъ талантъ, для роста; расти же жизнь не можетъ иначе, какъ дѣлами любви. И моя жизнь истинная есть только та, которая взращена мною. Такъ что, не сохраняя эту жизнь и только тратя ее, я пріобрѣтаю жизнь истинную, вѣчную.

Главное, понимать то, что сказано (Мѳ. XXV), что жизнь наша не дана намъ для нашего увеселенія или радости, а мы—рабы, орудія, органы Бога, которымъ предназначено дѣлать Его дѣло

(а дѣло, кажущееся незамѣтнымъ, которое вы сдѣлаете, можетъ быть въ тысячу разъ важнѣе громкихъ дѣлъ, намъ извѣстныхъ), и ежели мы дѣлаемъ это дѣло, намъ хорошо, гдѣ бы ни были, въ какихъ бы условіяхъ ни были, больные или здоровые, старые или молодые. Дѣло же Его есть одно: взрастить порученный мнѣ талантъ, божественную искру; взращать же ее нельзя иначе, какъ любя ближнихъ и служа имъ, какъ и сказано въ концѣ той же главы.

Для того, чтобы быть твердымъ и не унывать, нужно, главное, ясно понимать и не забывать единственный разумный и радостный смыслъ нашей жизни, состоящій въ томъ, чтобы не только пронести черезъ эту жизнь, не потушивъ ее, ту искру божественной любви, которая вложена въ насъ и составляетъ нашу душу, но разжечь ее, сколько хватитъ нашихъ силъ, чтобы внести и въ ту жизнь, уже не искрой, а пламенемъ.

Всѣ не могутъ не признавать того, что всѣ произошли и находятся въ зависимости отъ одного и того же начала, которое Христосъ называетъ Отцомъ, и что смыслъ нашей жизни въ томъ, чтобы исполнять Его волю, волю этого начала, и употребить жизнь на то самое дѣло, для котораго она дана намъ. Дѣло же это, мы всѣ несомнѣнно знаемъ, состоитъ въ томъ, чтобы съ каждымъ днемъ и часомъ этой жизни становиться самому добрѣе, т.-е. самоотверженнѣе, любовнѣе, и участвовать въ томъ, чтобы сдѣлать этотъ міръ лучше хоть на крупинку, чѣмъ онъ былъ, когда мы вступили въ жизнь. Самимъ сдѣлаться лучше и міръ сдѣлать лучше; въ томъ, что въ этомъ задача жизни человѣка, — въ этомъ, я думаю, всѣ согласны. Все же другое, если въ этомъ согласиться, можно уступить или, по крайней мѣрѣ, просить позволенія не высказывать никакого мнѣнія ни о Троицѣ, ни о революціи, ни о папѣ, ни о Марксѣ и т. п. Я, молъ, отъ васъ не требую никакой вѣры ни во что, кромѣ какъ въ то, что намъ надо стараться дѣлаться лучше и міръ дѣлать лучше.

То, что цѣль жизни есть самосовершенствованіе, совершенствованіе безсмертной души, есть единственная цѣль жизни человѣка, справедливо уже потому, что *всякая другая* цѣль, въ виду смерти, безсмысленна.

Всѣ эти послѣдніе дни, особенно вчера, чувствую, примѣняю къ жизни сознаніе того, что цѣль жизни одна: быть совершеннымъ, какъ Отецъ, дѣлать то же, что Онъ, то, чего Онъ хочетъ отъ насъ, т.-е. любить, любовь чтобы руководила въ минуты самой энергичной дѣятельности и чтобы одною ею дышать въ мичуту величайшей слабости. Какъ только что-нибудь тяжело, больно, такъ стоитъ только вспомнить это, и все тяжелое, больное исчезаетъ, и остается одно радостное.

Человѣку, серьезно, искренно пользующемуся своимъ разумомъ, очевидно, что всѣ цѣли закрыты ему; одна только разумна: жить для удовлетворенія требованій Бога, своей совѣсти, своей высшей природы (все одно и то же). Если выразить это во времени, то— жить такъ, чтобы готовить свою душу къ переходу въ лучшій міръ; если выразить это точно внѣ времени,— слить свою жизнь съ ея безвременнымъ началомъ, съ добромъ, съ любовью, съ Богомъ.

Боюсь только одного: чтобы это такъ сильно и благотворно дѣйствующее на меня сознаніе единственной разумности и свободы, радостности жизни въ Богѣ не притупилось, не потеряло свое, возносящее меня отъ дрязгъ жизни, освобождающее дѣйствіе. Ахъ, кабы всѣмъ! Кабы всегда такъ! Нынче ночью при этомъ свѣтѣ обдумывалъ разныя явленія жизни, и такъ было хорошо и радостно! Подожду экзамена, буду готовиться къ нему.

Во снѣ нынче думалъ, что самое короткое выраженіе смысла жизни такое: міръ движется, совершенствуется; задача человѣка — участвовать въ этомъ движеніи и подчиняться и содѣйствовать ему.

Служить Богу и людямъ, но какъ? чѣмъ? Можетъ-быть, нѣтъ этой возможности? Неправда, эта возможность всегда дана тебѣ,— дѣлаться лучше.

Смыслъ жизни только одинъ: самосовершенствованіе—улучшать свою душу. Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный. Когда тяжело, когда мучаетъ что, вспомни, что въ жизни только ты—жизнь, и сейчасъ станетъ легко и радостно. Какъ радуется богачъ, собирая свое богатство, такъ радуешься и ты, если только положилъ въ этомъ одномъ жизнь. А для достиженія этого преградъ нѣтъ. Все, что кажется горемъ, преградой въ жизни,— широкая ступень, сама подставляющаяся тебѣ подъ ноги, чтобы ты поднялся.

Каждый изъ насъ—это свѣтъ, божественная сущность, любовь, сынъ Божій, заключенное въ тѣло, въ предѣлы, въ цвѣтной фонарь, который мы же разрисовали нашими страстями, привычками, такъ что все, что мы видимъ, мы видимъ только черезъ этотъ фонарь. Подняться, чтобы видѣть черезъ него, нельзя; наверху такое же стекло, сквозь которое и Бога мы видимъ, сквозь нами же разрисованное стекло. Одно, что мы можемъ—это не смотрѣть сквозь стекло, а сосредоточиться въ себѣ, сознавать свой свѣтъ разжигать его. И это одно спасеніе отъ обмановъ жизни, отъ страданій соблазновъ. И это радостно—и всегда возможно.

Ясно представилъ себѣ, какая радостная, спокойная и вполнѣ свободная могла бы быть жизнь, если вполнѣ отдать себя Богу,

т.-е. во всѣхъ случаяхъ жизни искать только одного: сдѣлать то, чего Онъ хочетъ, сдѣлать это въ болѣзни, въ оскорбленіи, въ униженіи, въ страданіи, во всѣхъ соблазнахъ и въ смерти, которая тогда только перемѣна назначенія.

Слабость, неисполненіе того, чего хочетъ Богъ? Что же тогда? Ничего: возвращеніе къ сознанію того, что жизнь только въ этомъ исполненіи. Минуты слабости—это промежутки между буквами жизни—не жизнь.

Главное то, что мы работники, отъ которыхъ скрытъ результатъ работы, которымъ не дано воспользоваться работой. Дано одно: возможность участія въ работѣ, сліянія интересовъ съ хозяиномъ.

Удивительно, какъ это послѣдній выводъ, до котораго доходишь, опредѣленно и именно въ этой самой формѣ выраженъ Христомъ. Вѣдь это даже не сравненіе,—это само дѣло. Вся жизнь людей есть работа: работа на хозяина (фабричные и др., работа пахоты и посѣва, уборки и опять посѣва, улучшеніе земли, породъ, построекъ, умственныя изобрѣтенія,—все не для себя, всѣмъ пользоваться не дано, а во всемъ есть благо въ самой работѣ. Такова вся жизнь. Дано пользоваться только благомъ самой работы. И еще дано перенесеніе своего интереса въ интересъ другихъ, внѣ себя, въ интересъ хозяина или дѣла; и это перенесеніе интереса, это освобожденіе себя отъ интереса своего для гибнущаго себя возможно только черезъ работу.

Такъ въ работахъ жизни. И точно то же во всей жизни, когда на всю жизнь свою временную, плотскую, на направленіе своимъ произволомъ этой жизни смотрѣть (а иначе и смотрѣть нельзя), какъ на работу для дѣла Божія или, короче, для Бога. Только проводя свою жизнь всю для исполненія воли Бога и установленія царства правды, гдѣ его видишь, и въ соблюденіи истины, въ смиреніи и любви, гдѣ и не видишь — въ работѣ Божіей можно отрѣшиться отъ своего интереса тѣмъ, чтобы найти интересъ въ дѣлѣ Божіемъ. Сказать, что воспользуешься въ будущемъ этимъ дѣломъ, рискованно, не точно: нельзя доказать. Да и зачѣмъ? Когда участіе въ работѣ уже даетъ благо. Только начинаешь участвовать, и уже чувствуешь благо; что же будетъ, если отдашься весь этой работѣ, сдѣлаешь привычку къ ней? Тогда благо настоящее будетъ такъ велико, что не нужно будетъ воображать себѣ никакого другого въ будущемъ.

Да, молитва, которую напишу на ногтѣ: помни, что ты работникъ дѣла Божія.

Думалъ все то же о вредѣ избранія внѣшней цѣли для жизни. «Ищите Царства Божія и правды его, а остальное приложится». Морякъ, руководись тѣмъ компасомъ, который въ твоемъ кораблѣ,—крошечной стрѣлкой, которая меньше въ тысячу разъ корабля—а не видимымъ предметомъ, даже не звѣздами: все обманываетъ, кромѣ того, что въ тебѣ. Не заботься ни о томъ, чтобы написать важное сочиненіе, ни о томъ, чтобы люди познали истину, ни о

томъ, чтобы ты оставался чистымъ въ глазахъ людей; заботься о томъ только, чтобы исполнить волю Пославшаго тебя. Воля же Пославшаго тебя та, чтобы ничего не погибло изъ того, что Онъ тебѣ далъ, а чтобы, напротивъ, воскресло, ожило, распустилось, очистилось все, что можетъ.

Вѣрно, что мнѣ поручены и дѣло Твое и сила Твоя. Дѣло же Твое въ томъ, чтобы проявить тебя въ себѣ и въ мірѣ. Въ одномъ этомъ моя жизнь.

Вѣрно, что во мнѣ сила Твоя, данная для исполненія дѣла Твоего. Дѣло же Твое въ томъ, чтобы пріувеличить силу Твою въ себѣ и во всемъ мірѣ.

Бросилъ щепку въ водоворотъ ручья и смотрю, какъ она крутится. Пароходъ только побольше немного, такая же щепка; земля — пылинка, 1000 лѣтъ—минута. Все ничто, все матеріальное ничто; одно реальное, несомнѣнное—законъ, по которому все совершается, и малое и большое—воля Божія.

И потому хочешь жить не мечтательно, а реально, — живи въ волѣ Бога.

Наборщикъ, не знающій языка, лучше набираетъ, не догадываясь по-своему смысла. Такъ надо и жить, не догадываясь о смыслѣ того, что дѣлаешь,—не угадывать дѣла, будто бы нужнаго Богу, а дѣлать одно за другимъ то, что велитъ Богъ — набирать букву за буквой. А смыслъ всему далъ не я, а Онъ.

Чтобы узнать волю Отца, надо узнать истинную, основную свою волю. Она, сыновняя воля, всегда совпадаетъ съ отцовской.

Одна тайна всегда останется для человѣка, только одна: зачѣмъ я живу? Отвѣтъ разумный одинъ: затѣмъ, что этого хочетъ Богъ. Зачѣмъ Онъ этого хочетъ? Это—тайна. И эта тайна покрывается только вѣрой Богу, вѣрой въ то, что Онъ, добрый, сдѣлалъ это и меня для добра.

Ясно думалъ и радостно о томъ, что жизнь моя, а потому, я заключаю, и всего, есть сила Божія, есть *вся* сила жизни, которая проходитъ черезъ меня, черезъ (ограниченное и органическое) *часть* всего, и я могу пропускать черезъ себя эту силу и могу задерживать ее. Вотъ вся моя роль въ жизни: задержать я не могу, но могу задерживать.

Жизнь міра мнѣ представляется такъ: черезъ безчисленныя и разнообразныя трубочки стремится жидкость или газъ, или свѣтъ. Свѣтъ этотъ есть вся сила жизни—Богъ. Трубочки эти— мы всѣ, существа. Однѣ трубочки неподвижны совсѣмъ, другія чуть-чуть, третьи больше, и, наконецъ, мы совсѣмъ подвижныя трубочки.

Мы можемъ совсѣмъ пропускать свѣтъ и можемъ загораживать его на время.

То, что мы называемъ своею жизнью, личной жизнью, — это способность стать поперекъ свѣту — не пропускать его; истинная же жизнь есть способность стать такъ, чтобы пропускать свѣтъ вполнѣ, не задерживая его. Но когда человѣкъ сталъ такъ, движеніе его жизни кончается. Оно кончается, когда человѣкъ уже начинаетъ устанавливаться такъ. Движеніе жизни кончается, и тогда человѣкъ чувствуетъ, что онъ только тогда сдѣлалъ все, что должно, когда онъ устранился такъ, что его какъ будто нѣтъ. Когда человѣкъ познаетъ эту отрицательность своего личнаго существованія, тогда онъ переноситъ свою жизнь въ то, что проходитъ черезъ него въ Бога.

Хотѣлъ я выразить яснѣе словами то, что вѣрно, что во мнѣ сила Божія, дѣлающая дѣло Божіе; и потомъ убѣдился, что это не нужно. Довольно того, что я — не я, а сила Божія, дѣлающая во мнѣ. Какъ и сказалъ Іоаннъ V, 19: «Сынъ ничего не можетъ творить Самъ отъ Себя, если не увидитъ Отца творящаго; ибо что творитъ Онъ, то и Сынъ творитъ также».

То, что намъ кажется движеніемъ нашей личной жизни, есть движеніе нашей формы жизни, когда мы становимся подъ угломъ по направленію жизни божеской. Когда же мы станемъ по направленію воли Божіей, то та проходитъ черезъ насъ, переставая насъ двигать, и тогда иллюзія пропадаетъ, и тогда мы сознаемъ, что мы, наша жизнь, не что иное, какъ сила Божія. И тогда представляется необходимость перенести свое сознаніе оболочки формы въ силу ея направленія. Эта трудность, однако, побѣждается сама собой, и устраняется вопросъ о безсмертіи и будущей жизни. Сознаніе жизни перенесено изъ движущейся формы въ источникъ силы, въ самую волю Божію, вѣчную, безконечную. Я изъ сознанія формы перешелъ къ сознанію самой жизни. Такъ какъ же мнѣ усомниться, что то, что есть одно было и будетъ, что оно не умретъ?

Я сознаю себя самого силою жизни, которая проходитъ черезъ меня; движеніе моей жизни есть колебаніе этой формы, стоявшей подъ угломъ къ направленію силы, понемногу устанавливающейся въ томъ же направленіи. Устанавливается одинаковость направленія, движеніе прекращается, плотская, личная жизнь кончается, я перехожу въ силу, проходящую черезъ меня.

Но что же эта сила безконечная *вся?* Тайна вѣчная, и не нужно дальше знать. Знаю только, что мнѣ не страшна смерть при этомъ. «Въ руки Твои предаю духъ мой». Обособленность его, составлявшаяся формой, черезъ которую я проходилъ, кончается, и я соединяюсь со *всѣмъ*. Я недавно сталъ это чувствовать — то, что, когда я умру, то я нисколько не умру, но буду живъ во всемъ другомъ.

МЫСЛИ О САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНІИ.

I.

Вы говорите, что вамъ не нравится слово и понятіе «самосовершенствованія» и также не нравится «совершенствованіе»: оно слишкомъ неопредѣленно и широко. Я это понимаю. Я объ этомъ самомъ думалъ такъ (притча о садовникахъ, не дающихъ оброка, и о талантахъ): жизнь истинная дана человѣку подъ двумя условіями: 1) чтобъ онъ дѣлалъ добро людямъ (добро же есть только одно—увеличивать любовь въ людяхъ; накормить голоднаго, посѣтить больного и т. д.,—все это только для того, чтобы увеличить добро въ людяхъ); 2) чтобы онъ увеличивалъ данную ему силу любви. Одно обусловливаетъ другое: добрыя дѣла, увеличивающія любовь въ людяхъ, только тогда таковы, когда при совершеніи ихъ я чувствую, что во мнѣ увеличивается любовь, когда я дѣлаю ихъ любя, съ умиленіемъ; увеличивается же во мнѣ любовь (я совершенствуюсь) только тогда, когда я дѣлаю добрыя дѣла и вызываю любовь въ другихъ людяхъ.

Такъ что если я дѣлаю добрыя дѣла и остаюсь холоденъ, или если совершенствуюсь и думаю, что увеличиваю въ себѣ любовь, а это не вызываетъ любви въ людяхъ (другой разъ еще вызываетъ зло), то это не то. Только тогда—и мы всѣ это знаемъ—я навѣрно знаю, что это то, когда и я люблю больше, и люди дѣлаются отъ этого любовнѣе. (Между прочимъ, это доказательство того, что любовь есть единая сущность — Богъ одинъ во всѣхъ насъ: раскрывая Его въ себѣ, раскрываемъ Его въ другихъ и наоборотъ.)

Такъ вотъ, я думаю, что всякое устройство, всякое опредѣленіе, всякая остановка сознанія на какомъ-нибудь состояніи есть преобладаніе заботы и увеличеніе въ себѣ любви самосовершенствованія безъ добрыхъ дѣлъ.

Самая грубая форма такая есть стояніе на столбу; но всякая форма есть болѣе или менѣе такое стояніе. Всякая форма отдѣляетъ отъ людей, слѣдовательно и отъ возможности добрыхъ дѣлъ и вызыванія въ нихъ любви. Таковы и общины. И это ихъ недостатокъ, если признать ихъ постоянной формой. Стояніе на столбу и ухожденіе въ пустыню, и житіе въ общинѣ можетъ быть нужно временно людямъ, но какъ постоянная форма — это очевидный грѣхъ и неразуміе.

Жить чистою, святою жизнью на столбу или въ общинѣ нельзя, потому что человѣкъ лишенъ одной половины жизни—общенія съ міромъ, безъ котораго его жизнь не имѣетъ смысла. Чтобы жить постоянно такъ, надо обманывать себя, потому что

слишкомъ ясно, что какъ невозможно въ потокѣ мутной рѣки выдѣлить какимъ-нибудь химическимъ процессомъ кружокъ чистой воды, такъ невозможно среди всего міра, живущаго насиліемъ, для похоти, жить одному, или однимъ, святымъ. Вѣдь надо купить или нанять землю, корову, надо войти въ отношенія съ внѣшнимъ міромъ не-христіанскимъ. А въ этихъ-то отношеніяхъ самое важное и нужное. Уйти отъ нихъ нельзя, да и не слѣдуетъ. Какъ вообще бываетъ нельзя дѣлать того, чего не слѣдуетъ. Можно только обманывать себя.

Вѣдь все дѣло ученика Христа—установить наихристіаннѣйшія отношенія съ этимъ міромъ

Представьте себѣ, что всѣ люди, понимающіе ученіе истины, какъ мы, собрались бы вмѣстѣ и поселились бы на островѣ. Неужели это была бы жизнь? И представьте себѣ, что весь міръ, всѣ люди идутъ волей-неволей по одному и тому же пути, по которому идемъ мы; но люди, понимающіе такъ же, какъ и мы, стоящіе на той же ступени (теперь), разбросаны по всему міру, и мы имѣемъ радость встрѣчаться съ ними, узнавать ихъ и ихъ работы, развѣ это не лучше? И это—то самое и есть.

II.

Люди, не воскресшіе къ жизни, заняты всегда и всего только приготовленіями къ жизни, а жизни нѣтъ; заняты ѣдой, сномъ, ученіемъ, отдыхомъ, продолженіемъ рода, воспитаніемъ. Одного нѣтъ—жизни, роста своей жизни.

Да, дѣло наше, какъ дѣло няньки,—взрастить порученное намъ—нашу жизнь.

И пусть не говорятъ столь любимую пошлость, что растить свою жизнь—эгоизмъ.

Растить свою жизнь — служить Богу. Люби Господа Бога *твоего* всѣмъ сердцемъ, всей душой и всѣмъ помышленіемъ твоимъ и ближняго, какъ самого себя.

Когда видишь пользу ближняго и не видишь никому пользы отъ своего роста и приходится выбирать, выбирай всегда ростъ своей жизни, потому что польза ближняго *всегда* сомнительна, благо же роста своей жизни *всегда* несомнѣнно.

Какъ кажутся непонятными безцѣльныя и безвѣстныя страданія и получаютъ смыслъ только внѣ видимыхъ нами условій жизни, такъ и безцѣльное, безполезное на нашъ взглядъ благо и безвѣстное, но несомнѣнное благо своего роста доказываетъ намъ то, что жизнь наша не ограничивается видимыми условіями. Въ этомъ, мнѣ кажется, разрѣшеніе того страстнаго, непреодолимаго эгоизма, который составляетъ нашу жизнь. Я могу любить только себя, но, чтобы не страдать отъ любви къ себѣ, я долженъ найти и выдѣлить въ себѣ достойное любви—Бога. Не оттого ли сказано: люби Бога *твоего* всѣмъ сердцемъ твоимъ и всѣми помышленіями твоими?

Это, скажутъ, эгоизмъ. А благо людей, скажутъ, утилитаризмъ. И то и другое несправедливо; и то и другое правда; и одно дока-

зываетъ другое. Изъ себя человѣкъ найдетъ смыслъ только въ ростѣ жизни. Внѣ себя человѣкъ найдетъ только то, что устанавливаетъ Царство Божіе на землѣ. Одно неизбѣжно совпадаетъ съ другимъ. Людямъ же по мѣрѣ силъ ихъ дано руководство тѣмъ или другимъ: оба ведутъ къ одной цѣли.

Кто не достигъ сознанія жизни въ ростѣ, руководится тѣмъ, что содѣйствуетъ благу людей. Какъ совершенно все равно нарисовать фигуру чернымъ на бѣломъ или, оставивъ бѣлое въ черномъ,—контуры будутъ тѣ же.

Сказать, что жизни нѣтъ у человѣка, который не раститъ свою жизнь, не есть метафора. У такого человѣка точно нѣтъ жизни, какъ нѣтъ ея въ деревѣ, которое спускаетъ старую кору, но не выращиваетъ новую, какъ нѣтъ ея въ животномъ, которое разлагается, но не ассимилируетъ пищу. Вся плотская жизнь организма съ ея пищей, ростомъ, продолженіемъ рода есть по отношенію истинной жизни (растущей) только разрушительный процессъ...

III.

Вы пишете, что, послѣдовавъ моему совѣту и занявшись, какъ вы пишете, самосовершенствованіемъ, вы почувствовали, что подвергаете себя великой опасности прожить эгоистично, и потому тщетно, свою жизнь; и что избѣгли вы этой опасности тѣмъ, что, переставъ заботиться о своемъ нравственномъ совершенствованіи, объ уясненіи своего сознанія истины и устройства своей жизни сообразно этому сознанію, занялись улучшеніемъ, просвѣщеніемъ и исправленіемъ другихъ.

Я думаю, что испугавшая васъ опасность была воображаемая и что, продолжая уяснять свое сознаніе и учреждая свою жизнь соотвѣтственно этому сознанію, вы никакъ не рисковали провести праздно и безполезно для другихъ свою жизнь.

Я думаю совершенно обратное: не только нѣтъ никакой возможности просвѣщать и исправлять другихъ, не просвѣтивъ и не исправивъ себя до послѣднихъ предѣловъ своей возможности, но нельзя и просвѣщать и исправлять себя въ одиночку, а всякое истинное просвѣщеніе и исправленіе себя неизбѣжно просвѣщаетъ и исправляетъ другихъ, и только одно это средство дѣйствительно просвѣщаетъ и исправляетъ другихъ, въ родѣ того, какъ загорѣвшійся огонь не можетъ свѣтить и согрѣвать только тотъ предметъ, который сгораетъ въ немъ, но неизбѣжно свѣтитъ и грѣетъ вокругъ себя, а свѣтитъ и грѣетъ вокругъ себя только тогда, когда самъ горитъ.

Вы пишете: «Развѣ оттого, что я стану лучше, станетъ лучше моему брату?» Это все равно, что если бы землекопъ сказалъ: «Развѣ оттого, что я буду точить мою лопату, подвинется моя работа?» Только тогда и подвинется, когда будетъ отточена лопата.

Но тутъ сравненіе не полное: само просвѣщеніе и исправленіе другихъ, какъ я прежде сказалъ, совершается только черезъ просвѣщеніе и исправленіе себя.

Мы всѣ по слабостямъ нашимъ болѣе или менѣе отступаемъ отъ того идеала, той истины, которую мы знаемъ; но важно то, чтобы не извращать истину, знать, что я отступилъ отъ нея, что я грѣшенъ, дуренъ, и не переставая, стремиться къ ней и быть готовымъ всякую минуту, какъ только ослабнутъ препятствія, вступить на ея путь.

Только тогда человѣкъ движется впередъ и живетъ и служитъ людямъ, когда онъ знаетъ, насколько онъ отступилъ отъ истины, и потому считаетъ себя дурнымъ. Если же онъ ищетъ оправданія своему грѣху и доволенъ собой,—онъ мертвъ.

IV.

... Мнѣ хочется сказать вамъ, что я все сильнѣй и сильнѣй испытываю, помня приближеніе конца, то, что и вы знаете, что надо все больше и больше переносить свои цѣли изъ жизни мірской въ жизнь духовную, въ жизнь не передъ людьми, а передъ Богомъ; жить въ виду не одной этой жизни, а въ виду вѣчной жизни. А жить такъ можно, только полагая всю свою энергію на свое внутреннее совершенствованіе.

Привыкли думать такъ (такъ и учатъ враги истины), что совершенствованіе есть эгоизмъ, что нельзя для совершенствованія уходить изъ жизни. Это великая неправда. Совершенствоваться можно только въ жизни и въ общеніи съ людьми. И если человѣкъ, живя среди людей, полагаетъ свою главную цѣль въ совершенствованіи передъ Богомъ, онъ въ практическихъ дѣлахъ достигаетъ бо̀льшихъ результатовъ, чѣмъ человѣкъ, ищущій одного успѣха внѣшнихъ дѣлъ.

Можетъ-быть, вамъ скучно, какъ слишкомъ знакомое, то, что я пишу, но я пишу потому, что самъ живу только этимъ, и опытъ подтверждаетъ мнѣ справедливость этого...

V.

Цѣль жизни есть только одна: стремиться къ тому совершенству, которое указалъ намъ Христосъ, сказавъ: «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный». Эта единственная доступная человѣку цѣль жизни достигается не стояніемъ на столбѣ, не аскетизмомъ, а выработкою въ себѣ любовнаго общенія со всѣми людьми. Изъ стремленія къ этой правильно понимаемой цѣли вытекаютъ всѣ полезныя человѣческія дѣятельности, и соотвѣтственно этой цѣли рѣшаются всѣ вопросы...

... Въ какихъ бы то ни было условіяхъ можно много и плодотворно работать надъ своимъ совершенствованіемъ, а это одно нужно и намъ и Тому, Кто далъ намъ жизнь. Даже чѣмъ труднѣе тѣ условія, въ которыхъ мы находимся, тѣмъ плодотворнѣе и для себя и для другихъ можетъ быть внутренняя работа надъ собою...

VI.

... На вопросъ вашъ могу отвѣтить только то, что во внѣшнемъ поступкѣ—ѣхать или не ѣхать врачомъ на войну—не мо-

жетъ быть ничего ни дурного, ни хорошаго. Можно жить дурно, занимаясь больными, и жить хорошо, занимаясь всякимъ другимъ дѣломъ. А важно только то, чтобы жить хорошо, т.-е. не для себя, а для служенія Богу и людямъ, чего и желаю вамъ и совѣтую...

VII.

... Обычный и понятный вопросъ о томъ, «сдѣлалъ ли я все то, что хотѣлъ отъ меня Пославшій», возникаетъ передъ людьми, когда они далеки еще отъ смерти. Когда же она близка, нѣтъ уже вопроса, а одно сознаніе своего приближенія къ справедливому, милосердному, любящему Богу. И въ этомъ сознаніи, для меня по крайней мѣрѣ, распускаются, какъ соль въ водѣ, всѣ вопросы...

VIII.

... Есть благо духовное и благо тѣлесное. Тѣлесное благо мы видимъ и о немъ судимъ, но благо духовное не только не видимъ мы извнѣ, но часто не видитъ тотъ, кто его получаетъ. А между тѣмъ это духовное благо не только дѣйствительно есть благо, но безъ сравненія цѣннѣе, важнѣе всѣхъ возможныхъ тѣлесныхъ благъ и удовлетворяетъ человѣка въ его истинной какъ здѣшней, такъ и вѣчной жизни.

Одинъ человѣкъ получаетъ богатство, славу, а другой познаетъ ничтожность того и другого, научается презирать это и быть счастливымъ безъ этого. Кому лучше?

Когда мы говоримъ про какое-либо матеріальное рѣшеніе или страданіе, что оно зло, мы только говоримъ то, что мы близоруки или слѣпы и не видимъ того добра, которое есть въ томъ, что мы называемъ зломъ, какъ не видитъ ребенокъ добра въ томъ, что его не пускаютъ къ огню или даютъ лѣкарство... Лишенія, горести, страданія (не только тѣхъ, кто умѣетъ воспользоваться ими, но всѣхъ) загоняютъ изъ области низшей, исполненной лишеній и препятствій, матеріальной жизни, въ область духовной жизни—радостной и свободной. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы надо было искать страданій, но то, что они, какъ и все въ мірѣ для человѣка,—благо.

Страданія регулируютъ нашу жизнь. Ацетиленовые фонари устроены такъ, что карбидъ, прикасаясь къ водѣ, развиваетъ газъ. Когда же газа слишкомъ много, онъ поднимаетъ карбидъ—и образованіе газа прекращается. Такъ же и матеріальная жизнь. Когда она слишкомъ наполнится страданіями (свойства ея въ томъ, чтобы производить страданія), сознаніе и вниманіе поднимается, переходитъ въ область духовную—и страданія прекращаются.

IX.

... Богъ существуетъ не затѣмъ, чтобы исполнять наши похоти и фантазіи, а мы существуемъ затѣмъ, чтобы исполнять Его волю...

X.

Вся жизнь человѣка, пробужденнаго къ духовной жизни, должна проходить въ борьбѣ между требованіями разума, т.-е. божескими, и требованіями человѣческими и желаніями личными. Слѣдованіе тому или другому зависитъ отъ относительной силы; ясности сознанія необходимости слѣдовать волѣ Бога и силы подчиненія суду людскому и личнаго желанія. Рѣшить это можетъ только тотъ, въ комъ происходитъ борьба...

XI.

... Царствіе Божіе и внутри насъ и внѣ насъ. Когда мы его устанавливаемъ въ себѣ, оно устанавливается въ мірѣ...

Установленіе Царства Божія внутри насъ нужно и для Бога, и для насъ, и для другихъ людей...

XII.

... Вы говорите, что вамъ кажется недостаточно того, чтобы самому жить хорошо, соотвѣтственно съ требованіями своей совѣсти, но требуете того, чтобы имѣть возможность воздѣйствовать на другихъ, заставить другихъ жить такъ, какъ вы считаете хорошимъ.

Можно только радоваться тому, что такого средства заставить другихъ жить такъ, какъ я считаю хорошимъ, не существуетъ. Каково бы было положеніе людей, если бы всякій могъ такъ воздѣйствовать на другихъ?

Къ счастью, этого нѣтъ, и воздѣйствовать на другихъ можно только тѣмъ, чтобы своею жизнью исповѣдывать свои убѣжденія.

Такъ что для достиженія второй цѣли достаточно перваго, т.-е. жизни, соотвѣтствующей требованіямъ своей совѣсти...

1903 г.

О СОЗНАНІИ ДУХОВНАГО НАЧАЛА.

I. *Жизнь есть сознаніе неизмѣннаго духовнаго начала, проявляющагося въ предѣлахъ, отграничивающихъ это начало отъ всего остальнаго.*

II. Предѣлы этого отграниченнаго отъ всего остальнаго начала представляются человѣку движущимся тѣломъ своимъ и другихъ существъ.

III. Отдѣльность, несливаемость, непроницаемость одного существа другимъ можетъ представляться только тѣломъ (матеріей), движущимися независимо отъ движеній другихъ существъ.

IV. И потому какъ тѣлесность и пространство, такъ и движеніе и время суть только условія возможности представленія отдѣленности нашего духовнаго существа отъ всего остального, т.-е. отъ не ограниченаго, не тѣлеснаго, не пространственнаго и не движущагося, не временнаго духовнаго существа.

V. И потому жизнь наша представляется намъ жизнью пространственнаго тѣла, движущагося во времени.

VI. Намъ представляется, что наше тѣло, составляя одну часть безконечнаго въ пространствѣ тѣлеснаго міра, происходя отъ родителей, предковъ, жившихъ прежде насъ въ безконечномъ времени, получаетъ начало въ утробѣ матери, рождается, растетъ, развивается, потомъ слабѣетъ, сохнетъ и умираетъ, т.-е. теряетъ свою прежнюю тѣлесность, переходя въ другую, перестаетъ двигаться и—умираетъ.

VII. Въ дѣйствительности же истинную жизнь нашу составляетъ только сознаніе того духовнаго существа, которое отдѣлено отъ всего остальнаго и заключено въ предѣлы тѣла и движенія.

VIII. Духовное существо это всегда равно само себѣ и не подлежитъ измѣненіямъ; намъ же кажется, что оно растетъ и расширяется во времени, т.-е. движется. Движутся же только предѣлы, въ которыхъ оно находится; намъ это кажется такъ же, какъ кажется, что движется мѣсяцъ, когда тучи бѣгутъ черезъ него.

IX. Жизнь есть жизнь только тогда, когда проявляется сознаніе, когда изъ-за предѣловъ выступаетъ сознаніе. И оно всегда есть. Тѣ промежутки отсутствія сознанія, которые намъ кажутся, намъ кажутся только тогда, когда мы смотримъ на движеніе предѣловъ сознанія въ другихъ существахъ. Когда же мы смотримъ изъ себя, мы знаемъ, что сознаніе одно и не измѣняется, не начинается и не кончается.

X. Жизнь представляется сначала человѣку матеріально-пространственной и движущейся, временной. Человѣкъ признаетъ сначала своей жизнью тѣ предѣлы, представляющіеся ему движущейся матеріей, которые отдѣляютъ его отъ всего, и полагаетъ, что его жизнь матеріально пространственна и самодвижно-временна, и въ движеніи этой матеріи во времени видитъ свою жизнь. Въ прекращеніи же движенія этой матеріи онъ видитъ прекращеніе своей жизни.

XI. Въ этой увѣренности человѣка поддерживаетъ наблюденіе надъ другими людьми, постоянно представляющимися ему матеріальными въ пространствѣ и движущимися во времени. Наблюденіе непрерывности движенія матеріи въ другихъ существахъ заставляетъ человѣка думать, что и его жизнь непрерывно движется во времени, хотя внутренно онъ не только не испытываетъ этой непрерывности движенія, но испытываетъ одно неподвижное, всегда равное себѣ сознаніе, которое только для внѣшняго наблюденія раздѣляется промежутками сна, сумасшествія, страстей, въ дѣйствительности же всегда одно.

XII. Такъ что люди приписываютъ два различныхъ значенія слову «жизнь». Одно значеніе есть понятіе движущейся, отдѣленной отъ всего остального матеріи, признаваемой человѣкомъ собою, и второе—неподвижное, всегда равное себѣ духовное существо, которое человѣкъ признаетъ собою.

XIII. Понятія эти кажутся различными, но въ сущности это не два, а только одно понятіе: понятіе сознанія себя *духовнымъ существомъ, заключеннымъ въ предѣлы.* Признаніе жизнью пространственнаго и временнаго существованія отдѣленнаго существа есть только недодуманность. Сознаніе себя отдѣленнымъ отъ всего существомъ возможно только для духовнаго существа. И потому жизнь всегда есть жизнь духовнаго существа. Духовное же существо не можетъ быть ни пространственно, ни временно.

XIV. И потому признаніе всею жизнью матеріальнаго временнаго существованія человѣка есть ошибка мысли, есть признаніе части за цѣлое, послѣдствія за причину, — есть такая же ошибка мысли, какъ признаніе силою, движущею колесомъ мельницы, падающей струи воды, а не рѣки.

XV. Различіе между признаніемъ жизнью духовнаго неизмѣннаго начала, а не проявленія его въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно проявляется, всегда было дѣлаемо всѣми религіозными учителями. На этомъ разъясненіи различія двухъ понятій жизни основано ученіе Евангелія объ истинной жизни—жизни духа, и ложной жизни—жизни плотской, временной.

XVI. Разъясненіе это очень важно потому, что изъ сознанія того, что истинная жизнь заключается только въ духовномъ существѣ, вытекаетъ все то, что называютъ добродѣтелью и что даетъ наибольшее благо людямъ. Изъ этого сознанія вытекаетъ то, что составляетъ основу всѣхъ добродѣтелей: вытекаетъ любовь, т.-е. признаніе собою жизни всѣхъ существъ міра.

XVII. Изъ этого же сознанія, которое и есть не что иное, какъ то, что мы называемъ совѣстью, вытекаетъ воздержаніе, безстрашіе, самоотверженіе, потому что только при воздержаніи, безстрашіи, самоотверженіи возможно исполненіе основного требованія сознанія: признаніе собою другихъ существъ, т.-е. любви.

XVIII. Человѣкъ, познавшій свою жизнь, подобенъ (кажется, такъ говорилъ Паскаль) человѣку-рабу, который вдругъ узнаетъ, что онъ царь.

1903 г.

МЫСЛИ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ ПОЛАМИ.

Въ числѣ писемъ, полученныхъ мною изъ разныхъ мѣстъ по поводу «Крейцеровой сонаты» и «Послѣсловія», показывающихъ, что необходимость измѣненія взгляда на отношенія между полами сознана не мною однимъ, а большимъ количествомъ мыслящихъ людей, голоса которыхъ не слышны и не замѣтны потому только, что они заглушаемы крикомъ людей толпы, съ упорствомъ и задоромъ отстаивающихъ привычный и потакающій ихъ страстямъ порядокъ вещей, — въ числѣ этихъ писемъ получено мною 7-го октября 1890 года слѣдующее письмо съ приложеніемъ брошюры подъ заглавіемъ «Діана», о которой въ немъ упоминается. Вотъ это письмо:

New-York, 7 окт. 1890 г.

«Мы имѣемъ удовольствіе послать вамъ маленькую брошюру подъ заглавіемъ: «Діана, психо-физіологическій опытъ о половыхъ отношеніяхъ женатыхъ мужчинъ и женщинъ», которую, надѣемся, вы получите.

«Съ тѣхъ поръ, какъ ваше произведеніе «Крейцерова соната» появилось въ Америкѣ, многіе говорили: «Діана исполняетъ, объясняетъ и дѣлаетъ возможными теоріи Толстого». Итакъ, мы рѣшаемся послать вамъ эту брошюру, чтобы вы могли сами судить.

«Молясь объ исполненіи желанія вашего сердца, остаемся преданные вамъ Burns-Co.

«Мы будемъ рады, если вы почтите насъ извѣщеніемъ о полученіи брошюры».

Раньше этого получено было мною изъ Франціи письмо Angèle Françoise и ея брошюра.

Въ письмѣ г-жа Angèle сообщала мнѣ о существованіи двухъ обществъ, имѣющихъ цѣлью поощреніе чистоты половой жизни: одного—въ Англіи и другого—во Франціи, «Société d'amour pur». Въ статьѣ г-жи Angèle были выражены тѣ же мысли, какъ и въ статьѣ «Діана», но только менѣе ясно и опредѣленно, съ оттѣнкомъ мистицизма.

Мысли, выраженныя въ брошюрѣ «Діана», хотя и имѣющія въ основѣ не христіанское, а скорѣе языческое, платоновское міросозерцаніе, настолько новы и интересны и такъ очевидно показываютъ неразуміе установившейся распущенности какъ въ холостой, такъ и въ женатой жизни нашего общества, что мнѣ хочется подѣлиться этими мыслями съ читателями.

Основная мысль брошюры, эпиграфомъ которой поставлены слова: «И будутъ два одною плотью», слѣдующая:

Разница въ организаціи мужчины и женщины существуетъ не только въ физіологическомъ отношеніи, но еще и въ другихъ нравственныхъ свойствахъ, въ мужчинѣ называемыхъ мужественностью, въ женщинѣ — женственностью. Влеченіе между полами основано не на одномъ стремленіи къ физическому общенію, но и на взаимномъ притяженіи, которое оказываютъ другъ на друга эти противоположныя свойства половъ: женственность на мужчину и мужественность на женщину. Одинъ полъ стремится пополнить себя другимъ, и потому влеченіе между полами производитъ одинаково стремленіе къ духовному, какъ и физическому общенію. Стремленія къ физическому и духовному общенію суть два проявленія одного и того же источника влеченія, находящіяся въ такой зависимости одно отъ другого, что удовлетвореніе одного стремленія всегда ослабляетъ другое. Насколько удовлетворено стремленіе къ духовному общенію, настолько ослабѣваетъ или вовсе уничтожается стремленіе къ физическому, и наоборотъ: удовлетвореніе физическаго влеченія ослабляетъ или уничтожаетъ духовное. И потому влеченіе между полами не есть только физическое стремленіе, производящее дѣторожденіе, но есть влеченіе различныхъ половъ другъ къ другу, могущее принимать форму самаго духовнаго общенія только мысли, самаго животнаго общенія производящаго дѣторожденіе, и всѣхъ самыхъ различныхъ ступеней между тѣмъ и другимъ. Вопросъ о томъ, на какой изъ этихъ ступеней останавливается сближеніе разныхъ половъ, рѣшается тѣмъ, какое общеніе соединяющіеся считаютъ въ данное время или навсегда хорошимъ, должнымъ и потому желательнымъ. (Замѣчательной иллюстраціей того, до какой степени отношеніе между полами подчиняется представленію о томъ, что считается хорошимъ, должнымъ и желательнымъ, служитъ поразительный обычай малороссійскаго жениханья, состоящаго въ томъ, что сосватанные парни годами проводятъ ночи вмѣстѣ съ своими невѣстами, не нарушая ихъ дѣвственности.)

Полное удовлетвореніе для отдѣльныхъ соединяющихся лицъ составляетъ та ступень, которую эти лица считаютъ хорошей, должной и потому желательной, и зависитъ отъ ихъ личнаго взгляда. Но, независимо отъ этого, само по себѣ, объективно, для всѣхъ одна ступень общенія должна давать болѣе удовлетворенія, чѣмъ другая. Какое же общеніе даетъ это наибольшее удовлетвореніе само по себѣ для всѣхъ, независимо отъ личнаго взгляда соединяющихся: то ли, которое приближается къ духовному, или то, которое приближается къ физическому? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, ясный и несомнѣнный, хотя и противорѣчащій всему тому, что привыкли думать въ нашемъ обществѣ, состоитъ въ томъ, что чѣмъ форма общенія ближе къ крайнему физическому предѣлу, тѣмъ больше разжигается желаніе и тѣмъ меньше получается удовлетворенія; чѣмъ ближе къ противоположному крайнему, духовному предѣлу, тѣмъ меньше вызываются новыя

желанія, тѣмъ полнѣе удовлетвореніе. Чѣмъ ближе къ первому, тѣмъ разрушительнѣе для жизненной силы, чѣмъ ближе ко второму, къ духовному, тѣмъ спокойнѣе, радостнѣе и сильнѣе общее состояніе.

Соединеніе мужчины и женщины «въ плоть едину» въ формѣ неразрывнаго единобрачія авторъ считаетъ необходимымъ условіемъ высшаго развитія человѣка. Бракъ поэтому, по мнѣнію автора, составляющій естественное и желательное условіе для всѣхъ людей, достигшихъ зрѣлаго возраста, не есть необходимо физическое соединеніе, но можетъ быть и духовнымъ. Смотря по условіямъ и темпераменту, а главное по тому, что соединяющіеся считаютъ должнымъ, хорошимъ и желательнымъ, для однихъ бракъ будетъ болѣе приближаться къ духовному общенію, для другихъ—къ физическому; но чѣмъ больше общеніе будетъ приближаться къ духовному, тѣмъ полнѣе будетъ удовлетвореніе.

Такъ какъ авторъ признаетъ то, что тѣ же половыя стремленія могутъ вести къ духовному общенію—любовности и къ физическому — производительности, дѣторожденію, и то, что одна дѣятельность переходитъ въ другую въ зависимости отъ сознанія, то, естественно, онъ не только не признаетъ невозможности воздержанія, но считаетъ его естественнымъ и необходимымъ условіемъ разумной половой гигіены какъ въ бракѣ, такъ и внѣ его.

Вся статья обставлена богатымъ подборомъ примѣровъ и иллюстрацій къ тому, что въ ней говорится, и физіологическими данными о процессахъ половыхъ отношеній, ихъ воздѣйствія на организмъ и возможности сознательнаго направленія ихъ по тому или другому пути—любовности или производительности. Въ подтвержденіе своей мысли авторъ приводитъ слова Герберта Спенсера: «Если какой-либо законъ,—говоритъ Спенсеръ,—содѣйствуетъ благу человѣческаго рода, то природа человѣческая непремѣнно подчинится ему, такъ что повиновеніе ему сдѣлается для человѣка радостнымъ». И потому мы не должны, говоритъ авторъ, слишкомъ полагаться на установившіяся привычки и условія, теперь окружающія насъ, но должны смотрѣть скорѣе на то, чѣмъ долженъ быть и можетъ быть человѣкъ въ предстоящемъ ему блестящемъ будущемъ.

Сущность всего сказаннаго авторъ излагаетъ такъ. Основная теорія «Діаны» та, что отношенія между полами имѣютъ двѣ функціи: производительную и любовную, и что половая сила, если только не имѣется сознательнаго желанія имѣть дѣтей, должна быть всегда направляема на путь любовности. Проявленіе, которое приметъ эта сила, зависитъ отъ разума и привычки, вслѣдствіе чего постепенное приведеніе разума въ согласіе съ изложенными здѣсь принципами и постепенное образованіе привычекъ, согласныхъ съ ними, избавитъ людей отъ многихъ страданій и дастъ имъ удовлетвореніе ихъ половыхъ стремленій.

Въ концѣ книги приложено замѣчательное «письмо къ родителямъ и наставникамъ» Элизы Борнсъ. Письмо это, несмотря на то, что трактуетъ о предметахъ, считающихся неприличными (на-

зывая, какъ этого нельзя иначе и сдѣлать, вещи по имени), можетъ имѣть такое благодѣтельное вліяніе на несчастную молодежь, страдающую отъ эксцессовъ и неправильностей, что распространеніе этого письма между взрослыми мужчинами, губящими такъ напрасно свои лучшія силы и свое благо, и главное, между бѣдными, гибнущими только отъ незнанія, мальчиками въ семьяхъ, училищахъ, гимназіяхъ и въ особенности корпусахъ и закрытыхъ заведеніяхъ, было бы истиннымъ благодѣяніемъ.

Касательно полового общенія я выразилъ мой взглядъ, насколько могъ, въ послѣсловіи къ «Крейцеровой сонатѣ». Весь вопросъ рѣшается однимъ словомъ: человѣкъ долженъ всегда, во всѣхъ обстоятельствахъ — женатъ ли онъ или холостой—быть по возможности цѣломудреннымъ, какъ это Христосъ, а послѣ Него Павелъ высказалъ. Если онъ можетъ быть настолько сдержаннымъ, что не знаетъ женщины вообще, то это самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать. Если же онъ не можетъ удержать себя, то онъ долженъ по возможности рѣдко поддаваться этой слабости, а никакъ не смотрѣть на половое общеніе, какъ на «jouissance». Я думаю, что всякій искренній и серьезный человѣкъ не можетъ иначе смотрѣть на дѣло и что всѣ такого рода люди въ этомъ согласны.

Еще письмо отъ редактора «The Adult» — о свободной любви. Если бы было время, хотѣлось бы написать объ этомъ предметѣ. Должно-быть, и напишу. Главное—показать, что все дѣло въ выгораживаніи для себя возможности большаго наслажденія безъ думы о послѣдствіяхъ. Кромѣ того, они проповѣдуютъ то, что уже есть и очень дурно. И почему отсутствіе внѣшней restraint поправитъ все дѣло? Я, разумѣется, противъ всякой регламентаціи и за полную свободу, но только идеалъ есть цѣломудріе, а не наслажденіе.

Всѣ бѣдствія, порождаемыя половыми отношеніями — влюбленностями, происходятъ только оттого, что мы смѣшиваемъ плотскую похоть съ духовной жизнью, страшно сказать,—съ любовью; употребляемъ разумъ не на то, чтобы осудить и опредѣлить эту страсть, а на то, чтобы разукрасить ее павлиньими перьями духовности.

Вотъ гдѣ les extrêmes se touchent. Приписывать всѣ влеченія между полами половой похоти кажется очень матеріальнымъ, а, напротивъ, это самое духовное отношеніе — выдѣлить изъ области духовной все, что не принадлежитъ ей, чтобы мочь высоко оцѣнить ее.

Страсть, источникъ величайшихъ бѣдствій, мы не то что унижаемъ, умѣряемъ, а разжигаемъ всѣми средствами, а потомъ жалуемся, что страдаемъ.

Женщина, наряжаясь, сама на себя разгорается похотью. Наряжая другихъ даже, она живетъ воображеніемъ въ похоти. Отъ этого-то наряды такъ властны надъ женщинами.

Блудникъ есть не ругательство, но состояніе (думаю тоже и блудница), состояніе безпокойства, любопытства и потребности новизны (какъ пьяница), происходящее отъ общенія ради удовольствія не съ одной, а съ многими. Можно воздерживаться, но пьяница—пьяница, и блудникъ—блудникъ, при первомъ послабленіи падаетъ.

Ослабляетъ насъ въ нашей борьбѣ съ искушеніемъ то, что мы задаемся впередъ мыслью о побѣдѣ, задаемъ себѣ задачу сверхъ силъ, задачу, которую исполнить или не исполнить не въ нашей власти. Мы, какъ монахъ, говоримъ себѣ впередъ: я обѣщаюсь быть цѣломудреннымъ, подразумѣвая подъ этимъ внѣшнее цѣломудріе. И это, во-первыхъ, невозможно, потому что мы не можемъ себѣ представить тѣхъ условій, въ которыя мы можемъ быть поставлены и въ которыхъ мы не выдержимъ соблазна. И, кромѣ того, дурно; дурно потому, что не помогаетъ достиженію цѣли—приближенія къ наибольшему цѣломудрію, а напротивъ.

Рѣшивъ, что задача въ томъ, чтобы соблюсти внѣшнее цѣломудріе, или уходятъ изъ міра, бѣгутъ женщинъ, какъ аѳонскіе монахи, или скопятся и пренебрегаютъ тѣмъ, что важнѣе всего,—внутренней борьбой съ помыслами въ міру, среди соблазновъ. Это все равно, какъ воинъ, который сказалъ бы себѣ, что онъ пойдетъ на войну, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы навѣрно побѣдить. Такому воину придется уходить отъ враговъ настоящихъ, воевать съ воображаемыми врагами. Такой воинъ не выучится воевать и будетъ всегда плохъ.

Кромѣ того, это постановленіе себѣ задачей внѣшняго цѣломудрія и надежда, иногда увѣренность осуществить его невыгодно еще и оттого, что, стремясь къ этому, всякое искушеніе, которому подпадаетъ человѣкъ, и тѣмъ болѣе паденіе сразу уничтожаетъ все, заставляетъ усомниться въ возможности, даже законности борьбы. «Такъ, стало-быть, нельзя быть цѣломудреннымъ, и я поставилъ себѣ ложную задачу». И кончено, и человѣкъ отдается весь похоти и погрязаетъ въ ней. Это все равно, что воинъ съ амулетомъ, который въ его воображеніи обезпечиваетъ его въ томъ, что онъ не будетъ ни убитъ, ни раненъ. Такой воинъ теряетъ послѣднее мужество и бѣжитъ при малѣйшей ранѣ — царапинѣ.

Задачей можетъ быть одно: достиженіе наибольшаго по моему характеру, темпераменту, условіямъ прошедшаго и настоящаго цѣломудрія—не передъ людьми, которые не знаютъ того, съ чѣмъ мнѣ надо бороться, а предъ собой и Богомъ. Тогда ничто не нарушаетъ, не останавливаетъ движенія, тогда искушеніе, паденіе даже, все ведетъ къ одной вѣчной цѣли—удаленія отъ животнаго и приближенія къ Богу.

Христіанское ученіе не опредѣляетъ формъ жизни, а только во всѣхъ отношеніяхъ человѣка указываетъ идеалъ, направленіе; то же и въ половомъ вопросѣ. Люди же не христіанскаго духа хотятъ опредѣленія формъ. Для нихъ выдуманъ церковный бракъ, не имѣющій въ себѣ ничего христіанскаго. А въ половыхъ сношеніяхъ, какъ и въ другихъ: насилія, гнѣва, нельзя и не должно спускать идеала, кривить его. А это сдѣлали церковники по отношенію къ браку.

Вслѣдствіе непониманія духа христіанства обыкновенно дѣлятъ людей на христіанъ и не христіанъ. Самое грубое дѣленіе состоитъ въ томъ, чтобы крещенаго только считать христіаниномъ; но дѣленіе, хотя и менѣе грубое, человѣка, на основаніи ученія Христа живущаго чистой семейной жизнью, не убійцу и т. п. называть христіаниномъ въ противоположность живущимъ иначе, такъ же невѣрно. Въ христіанствѣ нѣтъ черты, отдѣляющей христіанина отъ не-христіанина. Есть свѣтъ, идеалъ, Христосъ; и есть мракъ, животное и—движеніе во имя Христа, къ Христу на этомъ пути.

Такъ вотъ и по отношенію половъ, идеалъ — цѣломудріе полное, совершенное. Человѣкъ, служащій Богу, такъ же мало можетъ желать жениться, какъ и напиться; но на пути къ цѣломудрію есть разныя стадіи. И одно можно сказать для тѣхъ, которые хотятъ отвѣта: что же, жениться или нѣтъ? это то, что если вы не видите идеала цѣломудрія, не чувствуете потребности отдаться ему, то идите къ цѣломудрію, сами не зная того, нецѣломудреннымъ путемъ брака. Какъ не могу я, будучи высокъ ростомъ и видя передъ собой колокольню, указать ее идущему подлѣ меня невысокому человѣку, не видящему ея,—какъ направленіе пути, а я долженъ указать ему какую-либо другую вѣху на томъ же пути: такая вѣха есть бракъ честный для тѣхъ, кто не видитъ идеала цѣломудрія. Но это могу указывать я, вы; но Христосъ ничего иного не указывалъ и не могъ указывать, какъ цѣломудріе.

Бороться—это самая и жизнь, она только и жизнь. Отдыха нѣтъ никакого. Идеалъ всегда впереди, и никогда я не спокоенъ, пока не то что не достигну, а не движусь къ нему.

Хоть бы идеалъ безбрачія. Не насыщеніе физическаго чувства, успокоивъ на время похоть, удовлетворитъ меня, какъ накормленіе всѣхъ голодныхъ вокругъ меня не удовлетворитъ меня въ экономическомъ отношеніи. Удовлетворитъ васъ только ясное созерцаніе идеала во всей его высотѣ, такое же ясное созерцаніе своей слабости во всей отдаленности отъ идеала и стремленіе приблизиться къ идеалу. Удовлетворитъ только это, а не поставленіе себя въ такое положеніе, въ которомъ я, прищурившись, могу не видать различія своего положенія отъ требованія идеала.

Борьба съ половой похотью — самая трудная борьба, и нѣтъ положенія и возраста, кромѣ перваго дѣтства и самой глубокой старости, когда человѣкъ былъ бы свободенъ отъ этой борьбы, и потому не надо тяготиться этой борьбой, надѣяться на то, что можно придти въ такое положеніе, въ которомъ ея не будетъ, и ни на минуту не ослабѣвать, а помнить и употреблять всѣ тѣ мѣры, которыя ослабляютъ врага: избѣгать возбуждающаго и тѣло и душу и стараться быть занятымъ. Это одно. Другое: если видишь, что не осилишь борьбы,—жениться, т.-е. избрать женщину, которая согласилась бы на бракъ, и сказать себѣ, что если не можешь не падать, то падать только съ этой женщиной и съ нею воспитывать дѣтей, если будутъ, и съ нею вмѣстѣ, поддерживая ее, придти къ цѣломудрію — чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Другихъ средствъ я не знаю. Главное же—для того, чтобы быть въ состояніи и съ успѣхомъ употреблять и то и другое средство, усилить свою связь съ Богомъ, чаще вспоминать, что отъ Него пришелъ и къ Нему пойдешь и что смыслъ и цѣль всей этой жизни только въ томъ, чтобы исполнять Его волю.

Чѣмъ больше будете помнить Его, тѣмъ больше Онъ поможетъ вамъ.

Еще одно: не унывайте, если падете: не думайте, что вы пропали и что вамъ нечего беречься послѣ этого, а надо распуститься. Напротивъ, если пали, тѣмъ съ большей энергіей вновь боритесь.

Приступы половой похоти порождаютъ путаницу мыслей, скорѣе отсутствіе мыслей. Весь міръ потемнѣетъ; теряется отношеніе къ міру. Случайность, мракъ, безсиліе.

Очень вы, бѣдный, много пострадали отъ этой ужасной страсти, особенно, когда она разнуздана, т.-е. ей данъ уже ходъ. Знаю, какъ она все застилаетъ, уничтожаетъ на время все, чѣмъ жило сердце и разумъ. Но одно спасеніе противъ нея — это знать, что это сонъ, наваждение, которое пройдетъ, и я вернусь къ настоящей жизни, къ тому мѣсту, съ котораго она схватила меня. Это можно знать даже въ минуты ея власти. Помогай вамъ Богъ.

Не забывать, что ты никогда не былъ и не будешь вполнѣ цѣломудренъ, а что ты находишься на извѣстной степени приближенія къ цѣломудрію, и потому никогда не унывать въ этомъ приближеніи: въ минуты искушенія, въ минуты паденія даже не переставай сознавать то, къ чему стремишься, и говорить себѣ: падаю, а ненавижу паденіе, и знаю, что если не теперь, то послѣ побѣда будетъ не за нимъ, а за мною.

Не цѣломудрія задачу долженъ себѣ задавать человѣкъ, а приближенія къ цѣломудрію. Цѣломудреннымъ живой человѣкъ,

строго говоря, не можетъ быть. Живой человѣкъ можетъ только стремиться къ цѣломудрію, именно потому, что онъ не цѣломудренъ, а похотливъ. Если бы человѣкъ не былъ похотливъ, то для него не было бы никакого цѣломудрія и понятія о немъ. Ошибка въ томъ, чтобы задавать себѣ задачу цѣломудрія (внѣшняго состоянія цѣломудрія), а не стремленія къ цѣломудрію, внутренняго признанія всегда во всѣхъ условіяхъ жизни преимущества цѣломудрія передъ распущенностью, преимущества большей чистоты передъ меньшей.

Ошибка эта очень важная. Для человѣка, поставившаго задачей внѣшнее состояніе цѣломудрія, отступленіе отъ этого внѣшняго состоянія, паденіе разрушаетъ все и прекращаетъ возможность дѣятельности и жизни; для человѣка, поставившаго себѣ задачей стремленіе къ цѣломудрію, нѣтъ паденія, нѣтъ прекращенія дѣятельности; и искушенія и паденіе могутъ не прекращать стремленія къ цѣломудрію, часто даже усиливаютъ его.

Когда люди не знаютъ другого блага, кромѣ личнаго наслажденія для одного себя, любовь — влюбленье — представляется подъемомъ на высоту; но, извѣдавъ чувства любви къ Богу и къ ближнему, ставши христіаниномъ хоть въ самой слабой степени, если только это чувство искренно, нельзя не смотрѣть на влюбленность сверху внизъ, какъ на чувство, отъ котораго желательно быть свободнымъ. И почему вамъ было не удовольствоваться этой христіанской, братской любовью? И потому, простите меня: то, что вы говорите, — что ваша любовь къ ней поддерживаетъ васъ въ чистотѣ, — оскорбительно для женщины. Всякій человѣкъ, особенно христіанинъ, хочетъ быть орудіемъ духовнаго воздѣйствія, а не физическаго. Чистоту блюдите сами своими силами, а любовь давайте уже чистую и свободную отъ всякихъ выгодъ. Не мѣняйте Бога на человѣка, Богъ несравненно больше дастъ вамъ всего самаго неожиданнаго и любовь того человѣка дастъ еще въ придачу. Вы пишете, что ее надо спасти. Я рѣшительно не понимаю — отъ чего? И почему и въ чемъ вы ее жалѣете? Среди насъ часто повторяется та ошибка, что люди хотятъ жениться какъ-то по-особенному, по-новому. Какъ Христосъ сказалъ, и подтвердилъ Павелъ, и подтверждаетъ нашъ разумъ: кто можетъ вмѣстить быть цѣломудреннымъ, да вмѣститъ; кто же не можетъ, пусть женится. Жениться же нельзя по-новому, а жениться нельзя иначе, какъ такъ же, какъ всѣ, т.-е., избравъ супруга, рѣшить быть ему вѣрнымъ, не покидать его до гроба и стараться съ нимъ вмѣстѣ возстановить потерянное цѣломудріе. Если мы не приписываемъ значенія совершенію обряда и разныхъ обычаевъ, то самый бракъ мы не можемъ понимать иначе, какъ всѣ понимаютъ его. И замѣшивать бракъ въ какое-нибудь высшее религіозное соображеніе не слѣдуетъ и нельзя. А какъ совершался бракъ естественно, вслѣдствіе взаимнаго влеченія, такъ всегда и будетъ совершаться. А если

нѣтъ этого взаимнаго влеченія, то бракъ, какъ бракъ, нехорошее дѣло.

Я понимаю, мнѣ кажется, васъ обоихъ и очень желалъ бы помочь вамъ тѣмъ, чтобы извлечь изъ вашихъ отношеній то, что въ нихъ мучительно и тревожно, оставивъ то, что въ нихъ хорошаго и радостнаго. Она совершенно права, говоря о томъ, что исключительная любовь не только не есть любовь къ Богу, но мѣшаетъ любви къ Богу. Но эта исключительная любовь, та, которую вы испытываете къ ней, есть фактъ и такой же несомнѣнный и съ которымъ такъ же нельзя не считаться, какъ съ присутствіемъ тѣла и свойствами характера, которыхъ нельзя уничтожить. Надо, признавъ существованіе факта, сдѣлать такъ, чтобы взять отъ него все хорошее и откинуть все дурное. Хорошее есть сознаніе любимости того, что любимъ, любима,—и любимъ, любима не эгоистически, а для того, чтобы помогать другъ другу служить дѣлу Божію. Это—радость. Но чтобы это была радость, надо хорошенько стерилизовать ее отъ преувеличенія влюбленности (а вы въ этомъ грѣшны), отъ исключительной и вытекающей изъ нея требовательности, ревности и всякой гадости, прикрывающейся хорошими именами. Практическій мой совѣтъ: не копайтесь въ своихъ чувствахъ, не передавайте все другъ другу (это не скрытность, а воздержанность), а пишите о себѣ, объ общемъ дѣлѣ. То же, что вы любите ее исключительно и она васъ, — она знаетъ и вы знаете, и потому знаете всѣ мотивы вашихъ поступковъ и словъ. Есть предѣлъ высказыванія чувствъ, который не надо переходить, а вы перешли его. Предѣлъ этотъ такой, за которымъ всякая передача чувствъ становится не радостью, а тягостью.

Пользуйтесь той радостью любви, которую вамъ послалъ Богъ, не забывая, что это—*любовь*, т.-е. желаніе блага не себѣ, а другому. И какъ скоро это будетъ точно любовь, т.-е. желаніе блага ей, такъ и уничтожится все то, что въ этомъ чувствѣ есть мучительнаго и для васъ и для нея.

Любовь не можетъ быть вредной, но только бы она была любовь, а не волкъ эгоизма въ овечьей шкурѣ любви. Только стоитъ спросить себя: готовъ ли я для его, ея блага никогда не видать его, ея, прекратить съ нею, съ нимъ сношенія. Если нѣтъ, то это волкъ, и его надо бить и убить. Я знаю вашу религіозную и любящую душу и потому увѣренъ, что вы побѣдитель волка, если онъ есть.

Да, всѣхъ любить нельзя равно. И большое счастье полюбить хоть одного особенно, но только полюбить его, ее, а не себя, не свое наслажденіе, испытываемое при общеніи съ нимъ, съ нею.

Я часто думалъ о влюбленіи и не могъ найти ему мѣста и значенія. А мѣсто это и значеніе очень ясное и опредѣленное: оно въ томъ чтобы облегчать борьбу похоти съ цѣломудріемъ.

Влюбленіе должно у юношей, не могущихъ выдержать полнаго цѣломудрія, предшествовать браку и избавить юношей въ самые критическіе годы, отъ 16 до 20 лѣтъ и больше, отъ мучительной борьбы. Тутъ и мѣсто влюбленія. Когда же оно врывается въ жизнь людей послѣ брака, оно неумѣстно и отвратительно.

Споръ о томъ, хорошо ли влюбленіе. Для меня рѣшеніе ясно. Если человѣкъ живетъ уже человѣческой, духовной жизнью, то влюбленіе, любовь, бракъ будутъ для него паденіе; онъ долженъ будетъ отдавать часть своихъ силъ женѣ, семьѣ или хоть только предмету влюбленія. Если же онъ на степени животной, ѣстъ, работаетъ, служитъ, пишетъ, играетъ, то влюбленіе будетъ для него подъемомъ, какъ для животныхъ, для насѣкомыхъ.

Не думаю, чтобы вамъ нужно было сближеніе съ женщинами, особенное духовное общеніе съ ними. Съ ними только тогда общеніе хорошо и радостно, когда въ сознаніи своемъ ничѣмъ не отличаешь ихъ по ихъ полу отъ всѣхъ людей.

Нужно вамъ, мнѣ кажется, больше всего трудъ,—трудъ, который поглотилъ бы всѣ ваши силы.

Мнѣ понравилась недавно присланная мнѣ брошюрка Стокгэмъ о *Творческой жизни*, какъ она озаглавила ее. Она говоритъ, что когда у человѣка проявляется, кромѣ всѣхъ его обычныхъ отправленій, еще потребность половая, то онъ долженъ знать, что эта потребность—творческая, которая только въ самомъ низшемъ проявленіи выражается половою похотью; это есть творческая способность, и отъ воли и старанія, упорнаго старанія, зависитъ перевести ее въ другую, физическую или, лучше всего, духовную дѣятельность.

Я думаю, что дѣйствительно это есть сила, участвующая въ дѣлѣ Божіемъ—установленія царства Божія на землѣ; при половомъ актѣ это есть только передача другимъ—дѣтямъ—возможности участія въ дѣлѣ Божіемъ; при воздержаніи и дѣятельности прямой служенія Богу это есть высшее проявленіе жизни. Переходъ труденъ, но онъ возможенъ и совершается на нашихъ глазахъ сотнями и тысячами людей.

Осилите—будетъ хорошо; не осилите женитесь, — будетъ не такъ хорошо, но не дурно.

Дурно, какъ Павелъ говоритъ, разжигаться, дурно носиться съ этимъ ядомъ, всасывая его всею кровью.

Не вѣрьте только себѣ въ томъ, что въ сближеніи съ женщинами есть что-то особенно хорошее, смягчающее. Все это обманъ похоти. Въ сближеніи съ женщиной, какъ и со всякимъ человѣкомъ, много радостнаго, но особенно радостнаго въ женскомъ сближеніи ничего нѣтъ; а что есть, то обманъ чувственности, очень скрытой, но все-таки чувственности.

Вы спрашиваете: какое средство для борьбы со страстью? Въ числѣ маленькихъ средствъ, въ родѣ труда, поста, самое дѣйствительное средство есть бѣдность, неимѣніе денегъ, внѣшній видъ нищеты, — такое положеніе, при которомъ очевидно, что ты не можешь быть привлекателенъ для никакой женщины. Главное же и единственное средство, которое я знаю, есть неустанность борьбы, сознаніе того, что борьба не есть случайное, временное состояніе, а постоянное, неизмѣнное условіе жизни.

Вы спрашиваете меня о скопцахъ: о томъ, справедливо ли сужденіе о скопцахъ, что они дурные люди, и справедливо ли скопцы понимаютъ Евангеліе, 19 г. Мѳ., на основаніи этой главы, стиха 12, оскопляя себя и другихъ.

На первый вопросъ мой отвѣтъ состоитъ въ томъ, что дурныхъ людей нѣтъ, и всѣ люди одного Отца дѣти, и всѣ братья, и всѣ равны—не лучше и не хуже одни другихъ. Судя же потому, что я слышалъ о скопцахъ, то живутъ они нравственною и трудовою жизнью. На второй же вопросъ о томъ, вѣрно ли они понимаютъ Евангеліе, на основаніи его оскопляя себя и другихъ, съ полною увѣренностью отвѣчаю, что понимаютъ они Евангеліе невѣрно и, оскопляя себя и въ особенности другихъ, совершаютъ поступки прямо противные истинному христіанству. Христосъ проповѣдуетъ цѣломудріе, но цѣломудріе достойно, какъ и всякая добродѣтель, когда оно достигается усиліемъ воли, поддержаннымъ вѣрою, а не тогда, когда оно достигается невозможностью грѣха. Все равно, если бы человѣкъ, для того чтобы не объѣдаться, произвелъ въ себѣ болѣзнь желудка или, чтобы не драться связалъ бы себѣ руки, или, чтобы не ругаться, вырѣзалъ бы себѣ языкъ. Богъ сотворилъ человѣка, какимъ онъ есть; вдунулъ божественную душу въ плотское тѣло для того, чтобы эта душа покоряла себѣ похоти тѣла (въ этомъ вся жизнь человѣческая), а не для того, чтобы уродовать тѣло, поправляя дѣло Божіе.

Если люди влекутся къ половому общенію, то это происходитъ для того, чтобы то совершенство, котораго не достигло одно поколѣніе, было бы возможно достигнуть въ слѣдующемъ. Удивительная въ этомъ отношеніи премудрость Божія: человѣку предписано совершенствоваться: «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный». Вѣрный признакъ совершенства есть цѣломудріе—истинное цѣломудріе—не на дѣлѣ только, но и въ душѣ, т.-е. и полное освобожденіе отъ половой похоти. Если бы люди достигли совершенства и стали бы цѣломудренны, родъ человѣческій прекратился бы и не зачѣмъ ему было бы жить на землѣ, потому что люди стали бы какъ ангелы, которые не женятся и замужъ не идутъ, какъ сказано въ Евангеліи. Но пока люди не достигли совершенства, они производятъ потомство, и потомство это совершенствуется и достигаетъ того, чего велѣлъ достигать Богъ, и все ближе и ближе приближается къ совершенству. Если же люди поступали бы такъ, какъ скопцы, то родъ человѣческій

прекратился бы и никогда не достигъ бы совершенства, не исполнилъ бы воли Бога.

Это одна причина, по которой я считаю, что скопцы поступаютъ неправильно; другая — та, что евангельское ученіе даетъ людямъ благо, и Христосъ говоритъ: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко», и запрещаетъ всякое насиліе надъ людьми; и потому нанесеніе ранъ и страданій, даже хоть бы и не другимъ (что уже есть явный грѣхъ), а себѣ, есть нарушеніе христіанскаго закона.

Третья причина въ томъ, что скопцы явно неправильно толкуютъ 12 ст. 19 гл. Матѳ. Вся рѣчь съ начала 19 гл. идетъ о бракѣ и Христосъ не только не запрещаетъ бракъ, но запрещаетъ разводъ, т.-е. перемѣну женъ. Христосъ и въ бракѣ требуетъ наибольшаго цѣломудрія—того, чтобы люди держались одной жены. Когда же ученики (ст. 10) сказали Ему, что этакъ очень трудно воздерживаться, т.-е. обходиться одной женой, Онъ говоритъ имъ, что, хотя и не всѣ могутъ такъ воздерживаться, какъ воздерживаются тѣ, которые родились скопцами, или тѣ, которые, какъ евнухи, оскоплены людьми, но что есть такіе, *которые сами сдѣлали сѣбя скопцами для Царства Небеснаго*, т.-е. духомъ побѣдили въ себѣ похоть, и что вотъ такими-то надо стараться быть. То, что подъ словами: такіе, *которые сдѣлали сами себя скопцами для Царства Небеснаго*, надо разумѣть духовную побѣду надъ плотью, а не тѣлесное оскопленіе, видно изъ того, что, гдѣ говорится про тѣлесное оскопленіе, говорится: *оскоплены* отъ людей, а гдѣ говорится о побѣдѣ духа надъ плотью, говорится: *сдѣлали сами себя скопцами*.

Такъ я думаю и такъ понимаю стихъ 12, но долженъ прибавить, что если бы даже вамъ казалось неубѣдительно толкованіе буквы, надо помнить, что только духъ живитъ. Насильственное или даже добровольное оскопленіе противно всему духу христіанскаго ученія.

Я бы хотѣлъ написать ему въ томъ смыслѣ, какъ и я понимаю, что дѣторожденіе въ бракѣ не есть блудъ; но хотѣлось бы лучше обдумать это, чтобы написать основательно, потому что и въ мнѣніи о томъ, что плотское общеніе, хотя бы и съ женой, ради одной похоти грѣховно, есть правда. Я думаю, что оскопленіе себя есть такой же грѣхъ, какъ и плотское общеніе ради похоти. Такъ же какъ я думаю, что одинаковый грѣхъ объѣдаться, какъ и уморить себя голодомъ или отравиться. Законна пища для тѣла такая, при которой человѣкъ можетъ служить другимъ людямъ, и законно плотское общеніе такое, при которомъ продолжается родъ человѣческій.

Скопцы правы, когда они говорятъ, что сожитіе съ женой, если оно дѣлается безъ духовной любви, только для похоти, и потому не во-время, — что это блудъ, но они не правы въ томъ, что общеніе съ женою для рожденія дѣтей и въ духовной любви— грѣхъ. Это не грѣхъ, а воля Божія.

Оскопленіе по-моему въ родѣ вотъ чего. Скажемъ, жилъ бы человѣкъ невоздержно и имѣлъ бы привычку изъ своего хлѣба курить вино и варить пиво и напиваться, и почувствовалъ бы человѣкъ, что это дурно и грѣхъ, и вмѣсто того, чтобы бросить дурную привычку и научиться на дѣло — на кормъ людей и животныхъ — употреблять свой хлѣбъ, рѣшилъ бы, что одно средство избавиться отъ грѣха — это сжечь свой хлѣбъ, и такъ бы и сдѣлалъ. И вышло бы то, что грѣхъ въ немъ остался бы тотъ же, и сосѣди его все такъ же варили вино и пиво, а только бы онъ не могъ кормить ни себя, ни семью, ни добрыхъ людей.

Не даромъ Христосъ хвалилъ дѣтей, говорилъ, что ихъ Царство Небесное, что то, что скрыто отъ мудрыхъ, открыто имъ. Мы и сами это знаемъ: не было бы дѣтей, не рожались бы вновь дѣти,—не было бы и надежды на Царство Божіе на землѣ. Только на нихъ вся надежда. Мы уже изгажены, и трудно намъ очиститься, а вотъ съ каждымъ поколѣніемъ, въ каждой семьѣ — новыя невинныя, чистыя души, которыя могутъ остаться такими. Мутна и грязна рѣка, да ключей много чистыхъ вливаются въ нее, и есть надежда, что вода очистится.

Вопросъ этотъ большой, и я радъ подумать о немъ. Знаю только одно: что одинаково скверно и грѣховно — похотливый блудъ и оскопленіе. Но второе—оскопленіе—хуже. Въ блудѣ нѣтъ гордости, а есть стыдъ, а въ оскопленіи нѣтъ стыда у людей, а они гордятся тѣмъ, что сразу нарушили законъ Божій для того, чтобы не подпасть соблазну и не бороться. Сердце свое надо оскопить, тогда внѣшнее оскопленіе не будетъ нужно, а внѣшнее оскопленіе не спасаетъ отъ соблазна. Попадаются на этотъ обманъ люди потому, что уничтожить въ сердцѣ похоть блудную одну никакъ нельзя, надо уничтожить всякую похоть, надо возлюбить Бога такъ, чтобы возненавидѣть всю прелесть міра, и это путь длинный; а тутъ какъ будто сразу короткимъ путемъ можно избавиться отъ самаго явнаго и постыднаго грѣха, да горе-то въ томъ, что короткимъ путемъ этимъ часто никуда не придешь, а только въ болото.

Инстинктъ половой — это стремленіе если не исполнить весь законъ, то обезпечить возможность его исполненія своимъ потомствомъ. Истинность этого подтверждается и на отдѣльныхъ лицахъ: чѣмъ больше человѣкъ приближается къ исполненію закона, тѣмъ болѣе онъ отвращается отъ половой страсти, и наоборотъ.

... Какъ человѣкъ вмѣстѣ со всѣми животными подчиняется закону борьбы за существованіе, такъ онъ подчиняется, какъ животное, и закону полового размноженія; но человѣкъ, какъ человѣкъ, находитъ въ себѣ другой законъ, противный борьбѣ, — законъ любви, и противный половому общенію для размноженія — законъ цѣломудрія.

... По церковному вѣрованію долженъ наступить конецъ свѣта; по наукѣ точно такъ же должна кончиться и жизнь человѣка на землѣ, и сама земля; что же такъ возмущаетъ людей, что нравственная, добрая жизнь тоже приведетъ къ концу рода человѣческаго? Можетъ-быть, это совпадаетъ. Въ статьѣ шекеровъ говорится: почему же людямъ воздержаніемъ не избавить себя отъ *насильственной* смерти? Прекрасно.

Есть расчетъ Гершеля, по которому выходитъ, что если бы человѣчество удваивалось каждыя 50 лѣтъ, какъ теперь, то считая 7000 лѣтъ отъ первой пары, теперь людей было бы столько, что если бы ихъ ставить другъ на друга по всей землѣ, то эта пирамида достала бы не только до солнца, но перешла бы это разстояніе въ 27 разъ. Какой изъ этого выводъ?

Только два вывода: или допускать и желать моровъ, войнъ, или стремиться къ половой чистотѣ. Только стремленіе къ чистотѣ можетъ уравновѣсить.

Интересна бы статистика войнъ и моровъ и безбрачія. Навѣрно въ обратномъ отношеніи, т.-е. что чѣмъ меньше губящихъ условій, тѣмъ больше безбрачныхъ: одно уравновѣшиваетъ другое.

Другой невольно представляющійся выводъ, который я еще не умѣю ясно формулировать,—тотъ, что забота умственная, расчеты о сокращеніи жизни людской неправильны. Правильна только любовь; а любовь не бываетъ одна, а всегда соединяется съ чистотой. Представить себѣ человѣка, который плодилъ бы людей и заботился бы о сокращеніи ихъ жизней; оба дѣла вмѣстѣ безумны. Правильно бы было въ такомъ случаѣ родить одного и, по крайней мѣрѣ, убить одного. Разумно одно: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ. Совершенство же это — въ чистотѣ и потомъ въ любви...

Всѣ молодые люди вашего возраста, живущіе въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ вы живете, всѣ находятся въ очень опасномъ положеніи. Опасность эта состоитъ въ томъ, что въ томъ возрастѣ, когда складываются привычки, которыя останутся навсегда, какъ складки на бумагѣ, вы живете безъ всякой, безъ всякой нравственной, религіозной узды, не видя ничего, кромѣ тѣхъ непріятностей ученія, къ которому васъ принуждаютъ и отъ котораго вы стараетесь такъ или иначе избавиться, и тѣхъ самыхъ разнообразныхъ удовлетвореній похоти, которыя васъ привлекаютъ со всѣхъ сторонъ и которыя вы имѣете возможность удовлетворять. Такое положеніе вамъ кажется совершенно естественнымъ и не можетъ казаться инымъ, и вы никакъ не виноваты, что оно кажется вамъ таковымъ, потому что вы въ немъ выросли, и въ такомъ же положеніи находятся ваши товарищи,— но положеніе это совершенно исключительно и ужасно опасно. Ужасно опасно оно потому, что если поставить всю цѣль жизни въ такомъ удовлетвореніи, какъ она у васъ, у молодыхъ людей, когда похоти эти вновѣ и осо-

бенно сильны, то непремѣнно, по очень извѣстному и несомнѣнному закону, выйдетъ то, что для того, чтобы получать то удовольствіе, которое привыкъ получать отъ удовлетворенія похоти: сладкой ѣды, катанья, игры, нарядовъ, музыки, надо будетъ все прибавлять и прибавлять предметы похоти, потому что похоть, разъ уже удовлетворенная, въ другой и третій разъ не доставляетъ уже того наслажденія, и надо удовлетворять новыя и болѣе сильныя. (Существуетъ даже законъ, по которому извѣстно, что наслажденіе увеличивается въ ариѳметической прогрессіи, тогда какъ средства для произведенія этого наслажденія должны быть увеличены въ квадратахъ.)

И такъ какъ изъ всѣхъ похотей самая сильная — половая, выражающаяся во влюбленіяхъ, ласкахъ, онанизмѣ и совокупленіи, то всегда очень скоро доходитъ до этого, всегда одного и того же. Когда эти наслажденія уже нельзя замѣнить чѣмъ-нибудь новымъ, болѣе сильнымъ, то начинается искусственное увеличеніе этого самаго наслажденія посредствомъ одурманенія себя виномъ, табакомъ, чувственной музыкой. Это путь такой обычный, что по немъ, за рѣдкими исключеніями, идутъ всѣ молодые люди, и богатые и бѣдные, и если во-время останавливаются, то оправляются къ настоящей жизни болѣе или менѣе искалѣченные, или погибаютъ совершенно, какъ погибли на моихъ глазахъ сотни молодыхъ людей.

Спасеніе отъ вашего положенія есть только одно: остановиться, опомниться, оглянуться и найти себѣ идеалы, т.-е. то, чѣмъ хочешь быть, и жить такъ, чтобы достигнуть того, чѣмъ хочешь быть.

Все дѣло въ воздержаніи, въ школѣ, въ воспитаніи воздержанія. Какъ скоро благо будутъ находить въ воздержаніи, то умѣрятся и браки.

Жениться, чтобы веселѣй было жить, никогда не удастся. Поставить своей главной, замѣняющей все другое, цѣлью женитьбу—соединеніе съ тѣмъ, кого любишь,—есть большая ошибка. И очевидная, если вдумаешься. Цѣль—женитьба. Ну, женились, а потомъ что? Если цѣли жизни другой не было до женитьбы, то потомъ, вдвоемъ, ужасно трудно, почти невозможно найти ее. Даже навѣрное, если не было общей цѣли до женитьбы, то потомъ ужъ ни за что не сойдетесь, а всегда разойдетесь. Женитьба только тогда даетъ счастіе, когда цѣль одна; люди встрѣтились по дорогѣ и говорятъ: «давай пойдемъ вмѣстѣ». «Давай», и подаютъ другъ другу руку; а не тогда, когда они, притянутые другъ къ другу, оба свернули съ дороги.

Все это потому, что одинаково ложно понятіе, раздѣляемое многими, что жизнь есть юдоль плача, какъ и то понятіе, раздѣляемое огромнымъ большинствомъ, понятіе, къ которому и молодость, и здоровье, и богатство васъ склоняютъ, что жизнь есть мѣсто увеселенія. Жизнь есть мѣсто служенія, при которомъ при-

ходится переносить иногда и много тяжелаго, но чаще испытывать очень много радостей. Только радости-то настоящія могутъ быть только тогда, когда люди сами понимаютъ свою жизнь, какъ служеніе: имѣютъ опредѣленную внѣ себя, своего личнаго счастья, цѣль жизни. Обыкновенно женящіеся люди совершенно забываютъ это. Такъ много предстоитъ радостныхъ событій женитьбы, рожденіе дѣтей, что кажется—эти событія и составятъ самую жизнь, но это опасный обманъ. Если родители проживутъ и нарожаютъ дѣтей, не имѣя цѣли въ жизни, то они отложатъ только вопросъ о цѣли жизни и то наказаніе, которому подвергаются люди, живущіе, не зная зачѣмъ,—они только отложатъ это, а не избѣгнутъ, потому что придется воспитывать, руководить дѣтей, а руководить нечѣмъ. И тогда родители теряютъ свои человѣческія свойства и счастье, сопряженное съ ними, и дѣлаются племенной скотиной. Такъ вотъ я и говорю: людямъ, собирающимся жениться, именно потому, что ихъ жизнь *кажется* имъ полною, надо больше, чѣмъ когда-нибудь, думать и уяснять себѣ, во имя чего живетъ каждый изъ нихъ. А чтобы уяснить себѣ это, надо думать, обдумать условія, въ которыхъ живете, свое прошедшее, расцѣнить въ жизни все, что считаете важнымъ, что не важнымъ, во что вѣрите, т.-е. что считаете всегдашней несомнѣнной истиной и чѣмъ будете руководствоваться въ жизни. И не только узнать, уяснить себѣ, но испытать на дѣлѣ, провести или проводить въ свою жизнь, потому что, пока не дѣлаете того, во что вѣрите, сами не знаете, вѣрите или нѣтъ. Вѣру вашу я знаю, и вотъ эту вѣру или тѣ стороны ея, которыя выражаются въ дѣлахъ, вамъ надо, больше чѣмъ когда-нибудь, именно теперь уяснить себѣ, проводя ее въ дѣло. Вѣра въ томъ, что благо въ томъ, чтобы любить людей и быть любимымъ ими. Для достиженія же этого я знаю три дѣятельности, въ которыхъ я постоянно упражняюсь, въ которыхъ нельзя достаточно упражняться и которыя вамъ теперь особенно нужны. Первое—чтобы быть въ состояніи любить людей и быть любимымъ ими, надо пріучать себя какъ можно меньше требовать отъ нихъ, потому что, если я многаго требую, у меня много лишеній, а много лишеній, —я склоняюсь не любить, а упрекать,— тутъ много работы.

Второе—чтобы любить людей не словомъ, а дѣломъ, надо выучить себя дѣлать полезное людямъ. Тутъ еще больше работы, особенно для васъ въ ваши годы, когда человѣку свойственно учиться.

Третье—чтобы любить людей и быть любимымъ ими, надо выучиться кротости, смиренію и искусству переносить непріятныхъ людей и непріятности; искусству всегда такъ обращаться съ ними, чтобы не огорчить никого, а въ случаѣ невозможности не оскорбить никого, умѣть выбрать наименьшее огорченіе. И тутъ работы еще больше всего и работа постоянная отъ пробужденія до засыпанія. И работа самая радостная, потому что день за днемъ радуешься на успѣхи въ ней и, кромѣ того, получаешь незамѣтную сначала, но очень радостную награду въ любви людей.

Такъ вотъ я совѣтую какъ можно серьезнѣе и думать и жить, потому что только этимъ средствомъ вы узнаете, точно ли вы идете по одной дорогѣ, и вамъ хорошо подать другъ другу руки или нѣтъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, если вы искренни, то приготовить себѣ будущее. Цѣль ваша въ жизни должна быть не радость женитьбы, а та, чтобы своей жизнью внести въ міръ больше любви и правды. Женитьба же затѣмъ, чтобы помогать другъ другу въ достиженіи этой цѣли. Les extrèmes se touchent. Самая эгоистическая и гадкая жизнь есть жизнь двухъ людей, соединившихся для того, чтобы наслаждаться жизнью, и самое высокое призваніе людей, живущихъ для того, чтобы служить Богу, внося добро въ міръ, и для этого соединившихся другъ съ другомъ. Такъ вы не спутайтесь: то, да не то. Почему же человѣку не избрать высшаго? Но только, избравъ высшее, надо всю душу положить въ него, а немножко—ничего не выйдетъ.

Жениться надо никакъ не по любви, а непремѣнно съ расчетомъ, только понимая эти два слова какъ разъ наоборотъ тому, какъ они обыкновенно понимаются, т.-е. жениться не по чувственной любви и по расчету, не тому, гдѣ и чѣмъ жить (всѣ живутъ), а по тому расчету, насколько вѣроятно, что будущая жена будетъ помогать, а не мѣшать мнѣ жить человѣческою жизнью.

Главное, подумайте двадцать, сто разъ о женитьбѣ. Связать свою жизнь съ жизнью другого человѣка половою связью для нравственнаго, чуткаго человѣка есть самый значительный и чреватый послѣдствіями поступокъ, который только можетъ совершить человѣкъ. Жениться надо всегда такъ же, какъ мы умираемъ, т.-е. только тогда, когда невозможно иначе.

Послѣ смерти по важности и прежде смерти по времени нѣтъ ничего важнѣе, безвозвратнѣе брака. И такъ же, какъ смерть только тогда хорошая, когда она неизбѣжна, а всякая нарочная смерть—дурно, такъ же и бракъ. Только тогда бракъ не зло, когда онъ непреодолимъ.

Дѣло брака не такъ просто само по себѣ, какъ оно кажется. Влюбленіе есть отступленіе въ одну сторону, но холодный расчетъ—еще худшее отступленіе въ другую. Если, какъ вы говорите, слѣдовало бы обратиться къ первой дѣвушкѣ, т.-е. не слѣдуетъ выбирать для своего счастія, то слѣдуетъ отдаться той случайности, судьбѣ, которая руководитъ внѣшними явленіями, подчиняя свой выборъ выбору меня. Чувство спутаетъ, но разсудокъ напутаетъ еще больше, а это самое великое дѣло въ жизни. По-моему, какъ и во всемъ въ жизни и больше, чѣмъ во всемъ другомъ, надо не задавать себѣ задачу жениться, а задавать себѣ одну

всегдашнюю задачу—жить хорошо и терпѣть и ждать, и тогда придетъ время, и обстоятельства сдѣлаютъ то, что нельзя не жениться. Такъ вѣрнѣе не ошибешься и не согрѣшишь.

Сужденіе княгини Марьи Алексѣевны о женитьбѣ извѣстное: «жениться молодымъ людямъ безъ достаточнаго состоянія, — пойдутъ дѣти, нужда, прискучатъ другъ другу черезъ годъ, два... десять лѣтъ, пойдутъ ссоры, недостатки—адъ». И во всемъ этомъ княгиня Марья Алексѣевна совершенно права и предсказываетъ вѣрно, если только у этихъ женящихся людей нѣтъ другой одной единственной цѣли, неизвѣстной княгинѣ Марьѣ Алексѣевнѣ. И цѣли не головной, не разсудкомъ признаваемой, а составляющей свѣтъ жизни, достиженіе которой волнуетъ болѣе, чѣмъ все другое. Есть это—хорошо, и княгиня Марья Алексѣевна останется въ дурахъ. А нѣтъ этого, — изъ 100 шансовъ 99, что, кромѣ несчастья, отъ брака ничего не выйдетъ.

Люди, которые женятся такъ, мнѣ представляются людьми, которые падаютъ, не споткнувшись... Если упалъ, то что же дѣлать? А если не споткнулся, то зачѣмъ же нарочно падать?

Васъ связываютъ двѣ вещи: убѣжденія — вѣра и любовь. Помоему, и одной довольно. Настоящая, истинная связь—это любовь человѣческая, христіанская; если эта будетъ и на ней еще вырастетъ любовь — влюбленье, то прекрасно и твердо. Если будетъ любовь одна—влюбленье, то это не то что дурно, но и хорошаго нѣтъ, но все-таки возможно. И при честныхъ натурахъ съ большими борьбами можно прожить и съ этой. Но если ни того, ни другого, а только prétexte того и другого, то это навѣрно плохо. Надо быть какъ можно строже къ себѣ и знать, во имя чего ты дѣйствуешь.

Романы кончаются тѣмъ, что герой и героиня женятся. Надо начинать съ этого, а кончать тѣмъ, что они разженились, т.-е. освободились. А то описывать жизнь людей такъ, чтобы обрывать описаніе на женитьбѣ, это все равно, что, описывая путешествіе человѣка, оборвать описаніе на томъ мѣстѣ, гдѣ путешественникъ попалъ къ разбойникамъ.

Да, въ Евангеліи нѣтъ указанія на бракъ, есть отрицаніе его, есть противодѣйствіе разврату, вожделѣнію и разводу для тѣхъ, которые уже находятся въ бракѣ; но объ учрежденіи брака, какъ говоритъ это церковь, нѣтъ и помина. Ничего, кромѣ нелѣпаго чуда Каны, которое утверждаетъ бракъ столько же, сколько посѣщеніе Закхея утверждаетъ собираніе податей.

Да, я думаю, что бракъ есть нехристіанское учрежденіе. Христосъ никогда не женился, не женились и Его ученики, и Онъ никогда не учреждалъ брака, а, обращаясь къ людямъ, изъ которыхъ одни были женатые, а другіе нѣтъ, говорилъ: женатымъ — чтобы они не перемѣняли своихъ женъ (разводясь), какъ это можно было по закону Моисея (Мѳ. V, 32), а неженатымъ—чтобы, если они могутъ, то лучше не женились бы (Мѳ. XIX, 10—12). И тѣмъ и другимъ говорилъ, чтобы они понимали, что главный грѣхъ состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть на женщину, какъ на предметъ наслажденій (Мѳ. V, 28). (Само собой разумѣется, что то же надо понимать и со стороны женщины по отношенію къ мужчинѣ.)

Изъ этого положенія естественно вытекаютъ слѣдующіе практическіе нравственные выводы:

1. Не смотрѣть, какъ теперь смотрятъ, что каждому человѣку — мужчинѣ и женщинѣ — нужно непремѣнно вступить въ бракъ; а, напротивъ, смотрѣть такъ, что каждому человѣку — мужчинѣ и женщинѣ — лучше всего соблюсти свою чистоту для того, чтобы ничто не мѣшало отдать всѣ свои силы на служеніе Богу.

2. Не смотрѣть, какъ теперь, на паденіе человѣка — мужчины или женщины—т.-е. на вступленіе въ половое общеніе — какъ на ошибку, которую можно исправить вступленіемъ въ новое половое общеніе (въ видѣ брака) съ другимъ лицомъ, или даже какъ на простительное удовлетвореніе потребности, или даже удовольствіе; а смотрѣть на первое вступленіе въ половое общеніе кого бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было, какъ на вступленіе въ неразрывный бракъ (Мѳ. XIX, 4 — 6), обязывающій брачущихся къ опредѣленной дѣятельности, служащей искупленіемъ совершоннаго грѣха.

3. Не смотрѣть на бракъ, какъ теперь, какъ на разрѣшеніе удовлетворенія плотской похоти; а какъ на грѣхъ, требующій своего искупленія.

Искупленіе же грѣха состоитъ, во-первыхъ, въ освобожденіи себя, помогая въ этомъ другъ другу — обоимъ супругамъ, отъ похоти и достиженіи, насколько возможно, установленія между собой отношеній не любовниковъ, а брата и сестры; и, во-вторыхъ, въ воспитаніи тѣхъ дѣтей, будущихъ служителей Богу, которыя возникнутъ отъ брака.

Разница такого взгляда на бракъ отъ того, который существуетъ, очень большая: точно такъ же будутъ жениться и выходить замужъ, точно такъ же родители будутъ заботиться о томъ, чтобъ женить и выдавать замужъ дѣтей, но разница большая въ томъ, когда удовлетвореніе похоти считается позволеннымъ, законнымъ и самымъ большимъ счастьемъ на свѣтѣ или когда оно считается грѣхомъ. Человѣкъ, слѣдуя христіанскому ученію, женится только тогда, когда онъ будетъ чувствовать, что не можетъ поступить иначе, и, женившись, будетъ не предаваться похоти, а стремиться къ укрощенію ея (мужчина такъ же, какъ и женщина); роди-

тели, заботясь о духовномъ благѣ своихъ дѣтей, не будутъ считать необходимымъ женить каждаго и выдавать замужъ, а женятъ и выдадутъ замужъ, т.-е. посовѣтуютъ или облегчатъ имъ паденіе, только тѣхъ, которые не въ силахъ удержать чистоту, и только тогда, когда будетъ ясно, что дѣти не могутъ жить иначе. Супруги не будутъ желать, какъ это бываетъ теперь, большого количества дѣтей, а, напротивъ, стремясь къ чистотѣ жизни, будутъ радоваться тому, что у нихъ мало дѣтей, и они могутъ посвятить всѣ свои силы на воспитаніе тѣхъ своихъ дѣтей, которыя уже есть, и тѣхъ чужихъ дѣтей, которымъ они могутъ служить, если они хотятъ служить Богу воспитаніемъ будущихъ служителей Ему.

Разница будетъ та, которая есть между людьми, которые употребляютъ пищу, потому что не могутъ обойтись безъ этого, и потому стараются какъ можно меньше тратить времени и вниманія на приготовленіе и потребленіе пищи, и тѣми, которые кладутъ въ придумываніи, приспособленіи, увеличеніи вкуса и въ потребленіи пищи главный интересъ жизни, какъ это до послѣдней степени доводили римляне, которые принимали рвотное [1]), чтобы быть опять въ состояніи ѣсть.

Первое, что мнѣ нужно сказать объ этомъ, это то, что я, говоря о томъ, какъ должно жить супругамъ, не только не подразумѣваю того, что я жилъ или живу, какъ должно, но, напротивъ, знаю твердо своими боками, какъ должно, — только потому, что жилъ, какъ не должно

Я не отказываюсь ни отъ чего, что я сказалъ; напротивъ, старался бы усилить все, что сказалъ, но дѣйствительно необходимо разъяснить. Необходимо потому, что мы такъ далеки въ своей жизни отъ того, что должно и по нашей совѣсти, и по ученію Христа, что истина въ этомъ отношеніи такъ же поражаетъ насъ (я это знаю по опыту), какъ поразило бы уѣзднаго богатѣющаго купца указаніе о томъ, что надо не собирать для своей семьи и колоколовъ, а отдавать все, что есть, только чтобъ избавиться отъ зла.

Вы говорите: «не спать вмѣстѣ». Разумѣется, нѣтъ. Я объ этомъ самомъ уже и думалъ. Буду писать какъ попало все, что я объ этомъ думаю.

Есть самое могущественное надъ человѣкомъ чувство влюбленія, которое сначала зачинается между не познавшими другъ друга людьми разныхъ половъ и которое приводитъ къ браку: бракъ же тотчасъ имѣетъ послѣдствіемъ ребенка. Начинается беременность и вслѣдствіе ея — плотское охлажденіе другъ къ другу супруговъ,—охлажденіе, которое было бы очень замѣтно и которое прерывало бы плотское общеніе, какъ оно прерываетъ его между

---

[1]) Совершенно то же самое употребляется у насъ для нерожденія дѣтей.

животными, если бы люди не считали плотское общеніе удовольствіемъ законнымъ. Такое охлажденіе, замѣненное заботой о ростѣ и кормѣ ребенка, продолжается до отнятія ребенка, и въ хорошемъ бракѣ (вотъ въ этомъ-то отличіе человѣка отъ скота) съ отнятіемъ ребенка опять начинается влюбленное чувство *между тѣми же супругами*.

Какъ ни далеки мы отъ этого, все-таки несомнѣнно, что такъ должно быть. И вотъ почему:

Во-первыхъ, половое общеніе тогда, когда женщина не готова къ дѣторожденію, т.-е. когда у ней нѣтъ мѣсячныхъ, не имѣетъ никакого разумнаго смысла и есть только плотское наслажденіе, и наслажденіе очень скверное, постыдное, какъ знаетъ каждый совѣстливый человѣкъ,—подобное самымъ гнуснымъ неестественнымъ половымъ уродствамъ. Человѣкъ, предаваясь этому, становится неразумнѣе животнаго, т.-е. разумъ свой употребляетъ на отступленіе отъ законовъ разума.

Во-вторыхъ, всѣ знаютъ и согласны, что половое общеніе ослабляетъ, истощаетъ человѣка и ослабляетъ въ самой сущно-человѣческой дѣятельности—въ духовной дѣятельности. «Умѣренность», скажутъ защитники теперешняго порядка, но умѣренности не можетъ быть, какъ только преступлены законы, поставленные разумѣніемъ. Но вредъ излишества (а общеніе внѣ свободнаго періода есть излишество) для мужчины еще можетъ быть не великъ при умѣренности (отвратительно даже произносить это слово о такомъ предметѣ), если онъ знаетъ одну женщину; но то, что будетъ умѣренность для мужа, будетъ страшною неумѣренностью для жены, находящейся въ періодѣ беременности или кормленія.

Я думаю, что отсталость женщинъ и истеричность ихъ происходитъ въ большей степени отъ этого. Вотъ въ чемъ должна быть освобождена женщина, для того, чтобы она стала единымъ тѣломъ съ мужчиной и слугой не дьявола, какою она теперь, а Бога. Идеалъ далекій, но великій. И отчего же не стремиться къ нему?

Мнѣ представляется, что бракъ долженъ быть такимъ: пара сходится плотски подъ непреодолимымъ давленіемъ влюбленія, зачинается ребенокъ, и супруги, избѣгая всего того, что можетъ нарушить для нея ростъ или кормленіе ребенка, избѣгая всякаго плотскаго соблазна, а не такъ, какъ теперь, вызывая ихъ, живутъ, какъ братъ съ сестрой.

А то мужъ, развращенный прежде, свои пріемы разврата переноситъ на жену, заражаетъ ее той же чувственностью и налагаетъ на нее невыносимую тягость быть въ одно и то же время любовницей, измученной матерью и больнымъ, раздраженнымъ, истеричнымъ человѣкомъ. И мужъ любитъ ее, какъ любовницу, игнорируетъ ее, какъ мать, и ненавидитъ ее за ея раздражительность, истеричность, которыя онъ самъ производитъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ ключъ ко всѣмъ страданіямъ, скрытымъ во всѣхъ семьяхъ въ огромномъ большинствѣ.

Такъ мнѣ представляется, что мужъ съ женой живутъ, какъ братъ съ сестрой; она спокойно носитъ, ненарушимо кормитъ и при этомъ нравственно растетъ, и только въ періоды свободные они оба поддаются вновь влюбленью, продолжающемуся недѣли, и опять—успокоеніе.

Мнѣ представляется, что влюбленье — это то напряженіе пара, при которомъ паровозъ разорвало бы, если бы не поднялся спасительный клапанъ. Клапанъ открывается только при этомъ сильномъ напряженіи, но онъ всегда закрытъ, старательно закрытъ, и цѣль наша должна быть въ томъ, чтобы сознательно закрыть его какъ можно плотнѣе и наложить на него гирь, сколько можемъ, желая того, чтобы онъ не открылся. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ я и понимаю: «кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ», т.-е. пусть каждый стремится никогда не жениться, а женившись, жить съ женой, какъ братъ съ сестрой. Но паръ набирается и открываетъ клапаны, но не сами мы должны ихъ открывать, какъ мы это дѣлаемъ, глядя на половое общеніе, какъ на законное наслажденіе. Оно законно только тогда, когда мы не можемъ воздержаться отъ него и когда оно прорывается помимо нашего желанія.

Какъ же опредѣлить, когда мы не можемъ воздержаться отъ него?

Какъ много именно такихъ вопросовъ, и какъ они кажутся неразрѣшимы, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ они просты, когда ихъ рѣшаешь для себя и за себя, а не для другихъ и за другихъ. Для другихъ знаешь только извѣстную постепенность: старикъ предается половому общенію съ проституткой—ужасно противно; молодой дѣлаетъ то же — менѣе противно. Старикъ чувственно любезничаетъ съ женой—довольно противно, но менѣе, чѣмъ молодой съ проституткой. Молодой чувственно относится къ женѣ—еще менѣе противно, но противно. Такая постепенность есть для другихъ, и мы всѣ, особенно неиспорченныя дѣти и молодые люди, ее очень хорошо знаемъ. Но для себя есть еще другое: есть у каждаго дѣвственника и дѣвственницы сознаніе (часто очень затуманенное ложными взглядами), что ему надо дорожить своей чистотой, желаніе сохранить ее—и горе и стыдъ при потерѣ ея въ какихъ бы то ни было условіяхъ. Есть голосъ совѣсти, который всегда ясно говоритъ и послѣ и всегда, что это дурно, стыдно. Все дѣло въ сознаніи, въ разумѣніи.

Въ мірѣ считается, что очень хорошо наслаждаться любовью, все равно, какъ считалось бы хорошо открыть спасительные клапаны и выпускать изъ нихъ пары; по-Божьему же хорошо только жить истинной жизнью, работать на свой талантъ для Бога, т.-е. любить людей, души ихъ, и изъ нихъ перваго, самаго близкаго — свою жену, и помогать ей въ уразумѣніи истины, а не заглушать ея способность воспріятія, дѣлая ее орудіемъ своего наслажденія, т.-е. работать паромъ и употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ не уходилъ въ спасительные клапаны.

«Да этакъ родъ человѣческій прекратится». Во-первыхъ, какъ бы мы строго ни старались о томъ, чтобы не имѣть полового общенія, спасительные клапаны есть, пока они нужны, и — будутъ дѣти. Да и зачѣмъ лгать? Развѣ, защищая половое общеніе, мы заботимся о продолженіи рода? Мы заботимся о своемъ наслажденіи. Такъ и говорить надо. Родъ человѣческій прекратится? Прекратится животное-человѣкъ. Экая бѣда какая! Выродились допотопныя животныя, выродится и человѣческое животное навѣрное (если судить по внѣшности и въ пространствѣ и времени). Пускай его прекращается. Мнѣ такъ же мало жаль этого двуногаго животнаго, какъ ихтіозавровъ и т. п., только бы не прекратилась жизнь истинная, любовь существъ, могущихъ любить. А это не только не прекратится, если родъ человѣческій прекратится отъ того, что люди изъ любви отрекутся отъ наслажденій похоти, но увеличится въ безчисленное количество разъ, такъ увеличится эта любовь, и существа, испытывающія ее, сдѣлаются такими, что продолженіе рода человѣческаго для нихъ не нужно будетъ. Плотская любовь только затѣмъ и нужна, чтобы не прекратилась возможность выработки изъ людей такихъ существъ.

Животныя отдаются половому общенію, только когда можетъ родиться плодъ. Человѣкъ непросвѣщенный, каковы мы всѣ, готовъ на это всегда и даже выдумалъ, что это потребность. И этой выдуманной потребностью губитъ женщину, вызывая ее, въ то время, когда она носитъ или кормитъ, на непосильную и неестественную работу—дѣятельность любовницы. Мы сами загубили въ женщинѣ этимъ требованіемъ эту разумную природу, а потомъ или жалуемся на ея неразумность, или развиваемъ ее книгами и курсами. Да, во всемъ животномъ человѣку еще надо сознательно дойти до животнаго, и это само собой дѣлается, когда разумѣніе начинаетъ жить; а то дѣятельность разума направляется только на извращеніе животной жизни.

Вопросъ о половыхъ отношеніяхъ между супругами, о томъ, въ какой мѣрѣ они законны, есть одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ практическихъ христіанскихъ, въ родѣ вопроса собственности, и не перестаетъ занимать меня. И какъ всегда, вопросъ этотъ разрѣшенъ въ Евангеліи, и какъ всегда, жизнь наша такъ далека была отъ того рѣшенія, которое даетъ Христосъ, что мы не только не могли и не можемъ приложить христіанскаго рѣшенія, но даже не можемъ понять его (Мѳ. XIX, 11, 12). Онъ же сказалъ имъ: не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Ибо есть скопцы, которые изъ чрева материнаго родились такъ; и есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для Царства Небеснаго. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ.

Вѣдь столь много и ложно перетолковываемое мѣсто это ничего другого не значитъ, какъ то, что если человѣкъ спраши-

ваетъ, что ему по отношенію полового чувства надо дѣлать, къ чему стремиться, въ чемъ, на нашемъ языкѣ, идеалъ человѣка,— онъ отвѣчаетъ: сдѣлаться скопцомъ для Царства Небеснаго. И тотъ, кто достигнетъ этого, тотъ достигнетъ наивысшаго, а кто не достигнетъ, то и тому будетъ хорошо, что онъ къ этому стремился. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ.

Я думаю, что для блага человѣка ему, мужчинѣ и женщинѣ, должно стремиться къ полной дѣвственности, и тогда выйдетъ изъ человѣка то, что должно быть. Мѣтить дальше цѣли, чтобы попасть въ цѣль. Если же человѣкъ сознательно будетъ стремиться, какъ это среди насъ, къ половому общенію, хоть бы въ бракѣ, то онъ неизбѣжно попадетъ въ противозаконіе, въ развратъ. Если человѣкъ сознательно будетъ стремиться къ тому, чтобы жить не для брюха, а для духа, тогда его отношеніе къ пищѣ будетъ такое, какое должно быть. Если же человѣкъ впередъ будетъ устраивать себѣ вкусные обѣды, то онъ неизбѣжно впадетъ въ противозаконіе и развратъ.

О брачной жизни я много думалъ и думаю, — и какъ всегда бывало со мной, какъ я о чемъ начинаю думать серьезно, такъ извнѣ меня подстрекаютъ и мнѣ помогаютъ. Третьяго дня я получилъ изъ Америки книгу одной женщины-доктора (она писала мнѣ) подъ заглавіемъ: «Tokolcgy» (наука о рожденіи дѣтей) Стокгэмъ, книгу вообще превосходную въ отношеніи гигіеническомъ, но, главное, трактующую въ одной главѣ о томъ самомъ предметѣ, о которомъ мы съ вами переписывались, и рѣшающую вопросъ, разумѣется, въ томъ же смыслѣ, какъ и мы. Радостно видѣть, что вопросъ давно поднятъ и научные авторитеты рѣшаютъ его въ томъ же смыслѣ. Ужасно радостно застать себя въ темнотѣ и далеко впереди увидать свѣтъ. Мнѣ по эгоизму моему грустно думать, что я прожилъ свою жизнь по-скотски и что мнѣ нельзя уже исправить свою жизнь, грустно, главное, что скажутъ: «Хорошо тебѣ, умирающему старику, говорить это, а жилъ-то ты не такъ. Мы состарѣемся, то же будемъ говорить». Вотъ въ чемъ главная казнь за грѣхи — чувствуешь, что ты недостойное орудіе для передачи воли Бога, испорченное, загрязненное. Но зато есть утѣшеніе, что другіе будутъ таковыми. Помогай вамъ и другимъ Богъ.

Думалъ, между прочимъ, для послѣсловія: бракъ былъ прежде — пріобрѣтеніе жены для обладанія ею. Опять отношеніе къ женщинѣ установилось войною, плѣномъ. Мужчина себѣ устроилъ возможность своей похоти, не думая о женщинѣ,—гаремъ. Единобрачіе измѣнило количество женъ, но не отношеніе къ ней. Отношеніе же истинное — совсѣмъ обратное. Мужчина можетъ всегда имѣть женщину и всегда можетъ воздерживаться; женщина же (особенно познавшая мужа) съ гораздо бо̀льшимъ трудомъ можетъ воздерживаться тогда, когда можетъ имѣть общеніе,

что съ ней бываетъ въ два года разъ. И потому если ужъ кто можетъ требовать удовлетворенія, то никакъ не мужчина, а женщина. Женщина можетъ требовать этого, потому что для нея это не G nuss [1]), какъ для мужчины, а, напротивъ, она и съ болью отдается, и боли ожидаетъ, и боли, и страданій, и заботъ. Кажется, что такъ формулировать надо бракъ: сходятся, любя духовно другъ друга, мужчина и женщина; и оба обѣщаютъ другъ другу, что если они будутъ имѣть дѣтей, то только другъ съ другомъ. Требованіе же плотскаго общенія должно идти отъ нея, а не отъ него.

Я думаю, во-первыхъ, что вы совершенно неправильно судите о томъ, что вамъ не должно обращаться къ отцу вашихъ дѣтей (вы пишете: не хочу и не могу). Связь между мужчиной и женщиной, отъ которой родились дѣти, есть связь неразрывная, независимо отъ того, освящена ли эта связь внѣшнимъ образомъ, церковнымъ бракомъ. И потому я думаю, что, кто бы такой ни былъ отецъ вашихъ дѣтей, женатъ онъ или холостъ, богатъ или бѣденъ, дуренъ или хорошъ, оскорбилъ ли васъ или не оскорбилъ, *вы должны* обратиться къ нему и указать ему, если онъ пренебрегъ ею, его обязанность служить своей жизнью своимъ дѣтямъ и ихъ матери. Если бы онъ отвѣтилъ на это не только равнодушіемъ, но презрѣніемъ и оскорбленіемъ, вы все-таки обязаны передъ Богомъ, передъ собой, передъ дѣтьми и, главное, передъ нимъ обратиться къ нему, напомнить ему, просить его для него же самого исполнить свою обязанность, — просить кротко, любовно, но упорно, какъ евангельская вдова судью. Это мое обдуманное и искреннее мнѣніе; можете оставить его безъ вниманія или послѣдовать ему. Я же чувствовалъ себя обязаннымъ высказать его вамъ.

Физическая связь съ случайнымъ супругомъ [2]) есть одно изъ установленныхъ Богомъ средствъ для распространенія Его истины: для испытанія, укрѣпленія сильнѣйшаго и для просвѣщенія слабѣйшаго.

Въ Библіи и Евангеліи сказано, что мужъ и жена не два существа, а одно, и это справедливо не потому, что это будто бы сказано Богомъ, а потому, что есть утвержденіе несомнѣнной истины о томъ, что половое общеніе двухъ существъ, имѣющее послѣдствіемъ дѣторожденіе, соединяетъ эти существа какимъ-то особеннымъ отъ всѣхъ другихъ соединеній, таинственнымъ образомъ, такъ что эти двое въ извѣстномъ отношеніи перестаютъ быть двое, а становятся однимъ существомъ.

И потому я думаю, что стремиться къ цѣломудрію, прекращенію таковыхъ отношеній можетъ и должно это совокупное существо, т.-е. оба супруга вмѣстѣ, и тотъ, кто впереди въ этомъ отноше-

[1]) Наслажденіе.

[2]) Т.-е. съ такимъ супругомъ, съ которымъ сближеніе состоялось не на почвѣ духовнаго единенія.

ніи, — стараться воздѣйствовать на другого всѣми находящимися въ его рукахъ средствами: простотою жизни, примѣромъ, убѣжденіемъ. До тѣхъ же поръ, пока оба не сошлись въ одномъ желаніи, нести вмѣстѣ тяжесть грѣховъ своего совокупнаго существа.

Вѣдь дѣлаемъ же мы по своимъ страстямъ дѣла, намъ противныя, противныя нашей совѣсти; точно такъ же приходится дѣлать дѣла, противныя нашей совѣсти, если только не считать себя отдѣльнымъ существомъ, а частью совокупнаго существа двухъ супруговъ. Дѣло только въ томъ, чтобы какъ при своихъ личныхъ соблазнахъ, такъ и въ этомъ соблазнѣ этого совокупнаго существа ни на минуту не признавать грѣхъ не грѣхомъ, — не переставать бороться.

Вы правы, говоря, что есть обязанности къ самому себѣ, образу и подобію Божію, и человѣкъ не можетъ и не долженъ допускать осквернения своего тѣла; но это относится не къ тѣмъ брачнымъ отношеніямъ, отъ которыхъ были и могутъ быть дѣти. Рожденіе дѣтей и воспитаніе, кормленіе ихъ уничтожаетъ большую долю тяжести и преступности этихъ отношеній, и кромѣ того, на долгое время беременности и кормленія освобождаетъ отъ нихъ.

Разсуждать о томъ, благо или не благо рожденіе дѣтей, не наше дѣло. Тотъ, Кто установилъ это искупленіе за грѣхъ нарушенія цѣломудрія, зналъ, что Онъ дѣлаетъ.

Да и простите меня, если то, что я скажу, покажется вамъ непріятнымъ: въ томъ, что вы говорите о томъ, что, рожая дѣтей, становишься все нервнѣе и нервнѣе, выражается нехорошая, грубо эгоистическая черта. Вы живете не затѣмъ, чтобы вамъ быть веселой и здоровой, а затѣмъ, чтобы дѣлать то дѣло, къ которому вы приставлены. Дѣло же это состоитъ въ томъ, — кромѣ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ вашей внутренней жизни, — чтобы, если вы впереди своего мужа въ дѣлѣ цѣломудрія, помогать ему двигаться на этомъ пути, и въ томъ, чтобы, если вы сами не исполнили всего, что отъ васъ требуется, дать міру другія существа, которыя будутъ имѣть возможность исполнить это.

Кромѣ того, если существуютъ между супругами извѣстныя отношенія, то участвуютъ въ нихъ непремѣнно оба. Если одинъ изъ супруговъ болѣе страстенъ, то другому ужъ кажется, что онъ совершенно цѣломудренъ; но это несправедливо.

Я думаю, несправедливо и въ вашемъ случаѣ. Вамъ только не видно своего грѣха изъ-за болѣе замѣтнаго грѣха другого. Если бы вы были совершенно чисты въ этомъ отношеніи, вы бы были равнодушны къ тому, гдѣ будетъ искать вашъ мужъ удовлетворенія своей страсти, — равнодушны въ смыслѣ ревности, а только жалѣли бы его за его паденіе; но этого нѣтъ.

Если бы вы потребовали отъ меня практическаго совѣта, какъ поступить, я сказалъ бы: выберите лучшую минуту чистаго любовнаго настроенія въ вашемъ мужѣ и скажите ему, какъ тяжелы, мучительны для васъ эти отношенія и какъ страстно вы желаете избавиться отъ нихъ. Если, какъ вы пишете, онъ не согласенъ съ вами, что цѣломудріе хорошо, и будетъ настаивать, — покоритесь

и вы будете беременны, чего вы должны желать, потребуйте своей свободы во все время беременности и кормленія. И опять дѣлайте то же и не заботьтесь о томъ, что выйдетъ изъ этого.

Кромѣ хорошаго, изъ этого ни для васъ, ни для вашего мужа, ни для вашихъ дѣтей ничего выйти не можетъ, потому что, поступая такъ, вы будете искать не своего счастья и спокойствія, а исполненія того, чего хочетъ отъ васъ Богъ.

Простите, если что нехорошо написалъ; старался передъ Богомъ высказать то, что пережилъ и передумалъ объ этомъ вопросѣ.

Тяжелыя отношенія съ женой (или мужемъ) можетъ распутать только смиренная жизнь, какъ узелъ — только покорное слѣдованіе всѣмъ клубкомъ за ниткой.

Повѣрьте, что хорошихъ самихъ по себѣ внѣшнихъ условій нѣтъ, и неразумный человѣкъ, женатый на ангелѣ, и другой, женатый на дьяволѣ, одинаково недовольны, и что много, не только много, но почти всѣ недовольные своимъ супружествомъ люди (а они всѣ недовольны), всѣ считаютъ, что хуже ихъ положенія не можетъ быть. Стало-быть, всѣмъ ровно.

Глядишь на женщину, какъ на предметъ наслажденія, хотя бы то была, и даже тѣмъ болѣе, если это твоя жена, то ты прелюбодѣйствуешь и грѣшишь. При исполненіи закона хлѣбнаго труда совокупленіе имѣетъ цѣль внѣличнаго наслажденія, помощника, продолжателя; но при избыткѣ — одинъ развратъ.

... Садовница опять родила, опять пріѣхала старуха и увезла ребенка неизвѣстно куда.

Всѣ страшно возмущены. Употребленіе средствъ для нерожденія — ничего, а для этого нѣтъ достаточно осудительныхъ словъ.

Нынче узналось, что бабка вернулась и привезла назадъ ребенка. Дорогой бабка съѣхалась съ другими, везшими такихъ же дѣтей. Изъ этихъ дѣтей одному дали слишкомъ глубоко въ ротъ рожокъ. Онъ втянулъ его въ себя и задохся. Въ одинъ день привезли въ Москву 25 дѣтей. Изъ этихъ 25-ти девятерыхъ не приняли, потому что законныя или больныя.

Н. ходила утромъ усовѣщивать садовницу. Садовница, горячо выгораживая своего мужа, говорила, что при ихъ бѣдности и неопредѣленности жизни ей нельзя имѣть дѣтей. И грудь не беретъ. Однимъ словомъ, ей это неудобно...

Передъ самымъ же этимъ я на качеляхъ качалъ трехъ дѣтей, заброшенныхъ, и встрѣтился мнѣ еще мальчикъ, Васинъ племянникъ. Вообще кишитъ дѣтвора. Родятся, растутъ, чтобы сдѣлаться пьяницами, сифилитиками, дикарями.

При этомъ толкуютъ о спасеніи жизни людей и дѣтей и объ уничтоженіи ихъ. Да зачѣмъ плодить дикарей? Что тутъ хорошаго? Не убивать ихъ, не перестать плодить ихъ надо, а надо всѣ силы употреблять на то, чтобы изъ дикарей дѣлать людей. Только это одно доброе дѣло. И дѣло это дѣлается не одними словами, но примѣромъ жизни.

Если же палъ или пала, то знать, что искупленія этого грѣха нѣтъ иного, какъ: 1) освободиться вмѣстѣ отъ соблазна похоти и 2) воспитать дѣтей, слугъ Богу.

Будьте оба (мужъ и жена) осторожны, внимательны больше всего другого къ взаимнымъ отношеніямъ, чтобы не закрались привычки раздраженія, отчужденности. Не легкое дѣло стать одною душою и однимъ тѣломъ. Надо постараться. Но и награда за старанье большая. А средство я знаю одно главное: ни на минуту изъ-за любви супружеской не забывать, не утрачивать любви и уваженія какъ человѣка къ человѣку. Чтобы были отношенія какъ мужа съ женою,—но въ основѣ всего, чтобъ были отношенія какъ къ постороннему, къ ближнему—это-то отношеніе главное. Въ нихъ—держава.

Не усиливайте своей привязанности другъ къ другу, но всѣми силами усиливайте осторожность въ отношеніяхъ, чуткость, чтобы не было столкновеній. Это привычка ужасная. Ни съ кѣмъ, какъ съ женой и мужемъ, нѣтъ такихъ близкихъ всестороннихъ отношеній, и мы всегда отъ этого самаго забываемъ думать о нихъ, сознавать ихъ, какъ перестаемъ сознавать свое тѣло. И это-то бѣда.

... Для того, чтобы двумъ супругамъ быть счастливыми, какъ это пишется въ романахъ и какъ этого желаетъ всякое сердце человѣческое, нужно, чтобы было между ними согласіе. Для того же, чтобы было согласіе, нужно, чтобы мужъ и жена совершенно одинаково смотрѣли на міръ и на смыслъ жизни (это особенно нужно по отношенію дѣтей). То же, чтобы мужъ и жена одинаково понимали жизнь, стояли бы на одной и той же степени пониманія, такъ же рѣдко можетъ случиться, какъ то, чтобы одинъ листъ дерева вполнѣ покрывалъ другой. А такъ какъ этого нѣтъ, то единственная возможность согласія, и потому счастія, состоитъ въ томъ, чтобы одинъ изъ двухъ подчинилъ свое пониманіе другому.

И вотъ тутъ-то главное затрудненіе: супругу съ высшимъ пониманіемъ, несмотря на все желаніе, нельзя подчинить его низшему. Можно для достиженія согласія не спать, не ѣсть, копать грядки для цвѣтовъ и т. п., но невозможно дѣлать то, что считаешь дурнымъ, грѣховнымъ, не только неразумнымъ, но прямо противнымъ разуму и недобрымъ. Несмотря на все, сознаніе того, что счастіе обоихъ зависитъ отъ согласія, что это согласіе нужно для счастія и правильнаго воспитанія дѣтей, не можетъ жена содѣйствовать пьянству или картежной игрѣ мужа и не можетъ мужъ

содѣйствовать баламъ жены и обученію дѣтей танцамъ и фехтованію, закону Божію по катехизису Филарета.

Для соблюденія согласія и не только счастія, но истиннаго блага, которое совпадаетъ съ любовью и единеніемъ, нужно тому, кто, стоя на низшей степени пониманія, чувствуетъ болѣе высокое пониманіе другого, покориться, и не то, чтобы покориться въ дѣлахъ житейскихъ, практическихъ, въ томъ, что ѣсть, какъ ѣсть, какъ одѣваться, помѣщаться, а покориться въ направленіи жизни, въ цѣляхъ дѣятельности.

Если бы оказалось, что я люблю больше, чѣмъ своихъ дѣтей, игру на билліардѣ или скачки, или свое тщеславіе, тогда бы еще это могъ быть упрекъ; или если бы оказалось, что я трусъ и боюсь идти противъ существующаго порядка, чтобы не нарушить своего спокойствія, тогда бы еще эти упреки могли тронуть меня. Но если я люблю Бога, т.-е. добро и истину, то я навѣрно наилучшимъ образомъ люблю дѣтей и для нихъ дѣлаю самое лучшее, что могу сдѣлать.

... Для счастья, больше—для истиннаго блага двухъ супруговъ и дѣтей, которыя живутъ съ ними, и для блага всѣхъ близкихъ имъ нужно согласіе супруговъ; разъединеніе, ссоры—это несчастіе для нихъ, для дѣтей, это соблазнъ для людей, это самый ужасный адъ. Для того, чтобы этого не было, нужно только одно: одному изъ двухъ супруговъ покориться.

... Мнѣ кажется, что тому изъ двухъ супруговъ, который чувствуетъ, что другая его половина стоитъ выше его, понимаетъ что-то не вполнѣ доступное ему, но хорошее, божеское, — это всегда чувствуется,—такъ легко и радостно покориться, что удивляешься, когда не дѣлаютъ этого...

Нужно соединить служеніе людямъ и служеніе семьѣ, не механически распредѣляя время на то и другое, а химически, придавъ заботѣ о семьѣ, воспитанію дѣтей идеальное, служебное людямъ значеніе. Бракъ, настоящій бракъ, проявляющійся въ рожденіи дѣтей, есть въ своемъ истинномъ значеніи только посредственное служеніе Богу, служеніе Богу черезъ дѣтей. Отъ этого-то бракъ, супружеская любовь, всегда испытывается нами, какъ нѣкоторое облегченіе, успокоеніе. Это есть моментъ передачи своего дѣла другому. «Если я, молъ, не сдѣлалъ того, что могъ и долженъ былъ сдѣлать, такъ вотъ на мою смѣну—мои дѣти, они будутъ дѣлать».

Но въ томъ-то и дѣло, чтобы они дѣлали, чтобы ихъ воспитать такъ, чтобы они были не помѣхой дѣла Божія, а работниками его; чтобы, если я не могъ или не могла служить тому идеалу, который стоялъ передо мною, то сдѣлать все возможное для того, чтобы дѣти служили ему. И это даетъ цѣлую программу и весь характеръ воспитанія, даетъ воспитанію религіозный смыслъ; и это-то химически и соединяетъ въ одно лучшія, самоотверженныя стремленія юности и заботу о семьѣ.

Вновь прибывшаго Ивана [1]) привѣтствую. Откуда онъ? Зачѣмъ онъ? Куда онъ? И кто онъ? Хорошо тѣмъ, для кого протоплазма составляетъ достаточный отвѣтъ на эти вопросы; кого же не удовлетворяетъ этотъ отвѣтъ, тѣмъ неизбѣжно надо *вѣрить* въ то, что есть глубокій смыслъ въ появленіи и жизни Ивана и что смыслъ этотъ мы поймемъ настолько, насколько мы сдѣлаемъ все, что должно по отношенію къ нему—къ Ивану.

Семейнымъ людямъ надо или бросить женъ и дѣтей, а этого нельзя сдѣлать, или жить осѣдло. А то это кочеванье должно быть мучительно женамъ, которыя большею частью (да простятъ онѣ меня), въ лучшемъ случаѣ ведя христіанскую жизнь, ведутъ ее не для Бога, а для мужей. И имъ, бѣднымъ, это трудно. И потому, мнѣ кажется, ихъ надо беречь и жалѣть. Еле-еле у мужа съ женою установится кое-какое равновѣсіе, кое-какъ они станутъ на ноги, а тутъ трудность переселенія, новаго устройства. И имъ не по силамъ, и все съ трудомъ воздвигнутое зданіе заваливается. Я знаю, вы скажете, что и не нужно жить съ семьей: оставь жену, дѣтей,—что это сказано Христомъ; но я думаю, что это можно сдѣлать только по взаимному согласію, и есть другое слово Христа, и болѣе обязательное: мужъ и жена не двое, а одна плоть, и что кого Богъ соединилъ, человѣкъ не можетъ разъединить. Надо не жениться, какъ вы и другіе счастливые и сильные, но, женившись и имѣя дѣтей, нельзя нарушить того, что сдѣлано, нельзя стереть грѣхъ, а надо нести послѣдствія его. И я думаю, что требовать или совѣтовать мужьямъ бросать женъ—большой грѣхъ. Правда, кажется, что дѣло Божіе выиграетъ отъ этого, что безъ жены я сдѣлаю много больше того, что теперь, но вѣдь часто это кажется только. Если бы я могъ быть вполнѣ чистъ, вполнѣ безъ грѣха, тогда бы такъ. Не надо этого требовать и совѣтовать еще и потому, что при такомъ взглядѣ люди согрѣшившіе, т.-е. женатые, представляются самимъ себѣ и другимъ отпѣтыми, и это нехорошо. Я думаю, что грѣшные, и слабые люди могутъ служить Богу.

Разъ согрѣшивъ бракомъ, надо нести послѣдствія своего грѣха наилучшимъ, наихристіаннѣйшимъ образомъ, а не освобождаться отъ него, дѣлая новый грѣхъ, и надо въ этомъ положеніи всѣми силами служить Богу.

Вы слишкомъ прямолинейно понимаете слова Евангелія: оставь отца и мать, и жену, и дѣтей и иди за Мной. О значеніи этихъ словъ,—главное, о томъ, какъ должно разрѣшать тѣ столкновенія и противорѣчія, которыя происходятъ между семейными связями и требованіями Христа, т.-е. истины,—думаю, что разрѣшеніе этихъ вопросовъ не можетъ быть извнѣ, посредствомъ правила или предписанія, а каждый рѣшаетъ ихъ по своимъ силамъ.

---

[1]) По поводу рожденія ребенка въ семьѣ друга.

Идеалъ, разумѣется, остается всегда одинъ и высказанъ въ Евангеліи: оставь жену и иди за Мной. Но до какой степени можетъ человѣкъ это сдѣлать, это знаетъ только онъ самъ и Богъ.

Вы спрашиваете, что значитъ «оставь жену». Значитъ ли это уйти отъ нея, или перестать спать съ ней и перестать производить дѣтей? Разумѣется, *оставить*—значитъ сдѣлать такъ, чтобы жена была какъ не жена, а какъ всякая другая женщина—сестра. Въ этомъ идеалъ. И сдѣлать это надо такъ, чтобы не раздражать жену, не соблазнить ее, не ввергнуть ее въ злобу и соблазнъ. И это ужасно трудно. И женатый человѣкъ, стремящійся къ христіанской жизни, чувствуетъ сердцемъ всю трудность залѣчиванія этой имъ самимъ сдѣланной раны. Одно я думаю и говорю—это то, чтобы, будучи женатымъ, всю жизнь свою и всѣ силы свои напрягать на то, чтобы разжениться, не увеличивъ грѣха.

Да, идеалъ Христова служенія Отцу—это служеніе, прежде всего исключающее заботу какъ о жизни, такъ и о продолженіи рода. До сихъ поръ попытка отказа отъ этихъ заботъ не прекратила рода человѣческаго. Что дальше будетъ—не знаю.

Я не люблю говорить про особенности нашего времени, но въ отношеніяхъ мужей и женъ, мужчинъ и женщинъ, во всѣхъ христіанскихъ странахъ, среди богатыхъ и бѣдныхъ есть что-то особенное. Такъ, отношенія мужей съ женами, мнѣ кажется, портятся тѣмъ духомъ не только непокорности, но враждебности женщинъ къ мужчинамъ, задора, желанія показать, что онѣ не хуже ихъ, что онѣ могутъ дѣлать все то же, что и мужчины, и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіемъ того нравственнаго, религіознаго чувства, замѣняющагося у женщинъ, когда оно раньше и было, материнскимъ чувствомъ. Я думаю, что женщины совершенно равны мужчинамъ, но какъ скоро онѣ выходятъ замужъ и становятся матерями, въ супружской четѣ естественно происходитъ раздѣленіе труда. Материнскія чувства поглощаютъ такъ много энергіи, что ея уже недостаетъ для нравственнаго руководства, и нравственное руководство это естественно переходитъ къ мужу. Такъ это и было съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ міръ. Теперь же, послѣ злоупотребленія этимъ естественнымъ порядкомъ вещей,—когда руководство мужчины утверждалось грубымъ насиліемъ и женщины были освобождены христіанствомъ...—женщина перестала повиноваться мужчинѣ изъ страха или предоставлять ему руководительство жизни изъ сознанія того, что такъ лучше; и началась путаница и разстройство жизни, которое замѣтно во всѣхъ слояхъ общества и при всякихъ условіяхъ.

Мода умственная — восхвалять женщинъ, утверждать, что онѣ не только равны по духовнымъ способностямъ, но выше мужчинъ,— очень скверная и вредная мода.

То, что женщины не должны быть ограничены ни въ какихъ правахъ, то, что къ женщинѣ надо относиться такъ же, съ тѣмъ же уваженіемъ и любовью, какъ и къ мужчинѣ, что она равна въ правахъ съ мужчиной, — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: но утверждать, что женщина, въ среднемъ, одарена тою же духовною силою, какъ и мужчина, ожидать встрѣтить въ каждой женщинѣ то же, что ожидаешь встрѣтить въ каждомъ мужчинѣ, значитъ умышленно обманывать себя, и обманывать себя во вредъ женщинѣ.

Если мы будетъ ждать отъ женщины того, чего ждемъ отъ мужчины, то и будемъ требовать этого; а не встрѣтимъ требуемаго,— будемъ раздражаться, будемъ приписывать злой волѣ то, что происходитъ отъ невозможности.

Такъ что признаніе женщины тѣмъ, что она есть,—болѣе слабымъ духовно существомъ, — не есть жестокость къ женщинѣ: признаніе ихъ равными есть жестокость.

Слабостью или меньшей силой духовной я называю меньшую покорность плоти духу, въ особенности—главная черта женская— меньшую вѣру велѣніямъ разума.

Наибольшее число страданій, вытекающихъ изъ общенія мужчинъ и женщинъ, вытекаетъ отъ совершеннаго непониманія одного пола другимъ.

Рѣдкій мужчина понимаетъ, что значатъ для женщинъ дѣти, какое мѣсто они занимаютъ въ ихъ жизни; и еще болѣе рѣдкая женщина понимаетъ, что значитъ для мужчины долгъ чести, долгъ общественный, долгъ религіозный.

Мужчина можетъ понять, хотя самъ не носилъ и не рожалъ, что и носить и рожать—и тяжело и больно, и что это дѣло важное; но женщина рѣдкая можетъ понять, что носить и рожать духовно новое жизнепониманіе и тяжело и дѣло важное. Онѣ поймутъ это на минутку, но сейчасъ же забываютъ. И какъ только на сцену выступаютъ заботы ихнія, хоть хозяйство, наряды, такъ онѣ не могутъ уже помнить о реальности убѣжденій мужчинъ, и все это кажется имъ выдумками нереальными въ сравненіи съ пирогами и ситчиками.

Поразила меня мысль о томъ, что одна изъ главныхъ причинъ враждебнаго чувства мужей и женъ — это соперничество ихъ въ дѣлѣ веденія семьи.

Женѣ нужно не признавать мужа разумнымъ и практичнымъ, потому что, если бы она признавала его таковымъ, то бы надо было дѣлать его волю, и наоборотъ.

Если бы я теперь писалъ «Крейцерову сонату», я бы выдвинулъ это

Нелѣпость нашей жизни происходитъ отъ власти женщинъ; власть же женщинъ происходитъ отъ невоздержанія мужчинъ; такъ что причина безобразія жизни—невоздержаніе мужчинъ.

Женщина привлекательная говоритъ себѣ: «онъ умный, онъ ученый, онъ славный, онъ богатый, онъ великій, онъ нравственный, святой; а онъ мнѣ — глупой, невѣжественной, бѣдной, ничтожной, безнравственной — покоряется; стало-быть, и умъ, и ученость... и все — пустяки». Это ихъ губитъ и дѣлаетъ ихъ дурными.

Въ концѣ-концовъ, всегда властвуютъ тѣ, надъ которыми производится насиліе, т.-е. тѣ, которые исполняютъ законъ непротивленія. Такъ, женщины ищутъ правъ, а онѣ властвуютъ именно потому, что онѣ подчинены и были и суть силѣ. Учрежденія во власти мужчинъ, а общественное мнѣніе во власти женщинъ. И общественное мнѣніе въ милліонъ разъ сильнѣе всякихъ законовъ и войска. Доказательство того, что общественное мнѣніе въ рукахъ женщинъ, — то, что не только устройство жилищъ, пищи опредѣляется женщинами,—расходуютъ богатства, слѣдовательно, руководятъ работами людей, женщины; успѣхъ произведеній искусства, книгъ, даже назначеніе правителей опредѣляется общественнымъ мнѣніемъ, а общественное мнѣніе опредѣляется женщинами.

Хорошо кто-то сказалъ, что мужчинамъ надо искать эмансипацію отъ женщинъ, а не наоборотъ.

Женщинамъ свойственно поддерживать жизнь рожденіемъ, воспитаніемъ дѣтей, поставленіемъ новыхъ силъ вмѣсто потраченныхъ; мужчинамъ свойственно направлять эти силы, т.-е. самую жизнь. И тотъ и другой можетъ дѣлать и то и другое, но—свойственно.

Что можетъ быть глупѣе и вреднѣе для женщинъ модныхъ толковъ о равенствѣ половъ, даже о превосходствѣ женщинъ надъ мужчинами. Для человѣка съ христіанскимъ міросозерцаніемъ не можетъ быть, само собою разумѣется, вопроса о томъ, чтобы предоставить какія-нибудь права исключительно мужчинѣ, о томъ, чтобы не уважать и не любить женщину такъ же, какъ и всякаго человѣка; но утверждать, что женщина имѣетъ тѣ же духовныя силы, какъ и мужчина, особенно то, что женщина можетъ быть такъ же руководима разумомъ, можетъ такъ же вѣрить ему, какъ и мужчина, это значитъ требовать отъ женщины того, чего она не можетъ дать (я не говорю объ исключеніяхъ, а о средней женщинѣ и среднемъ мужчинѣ), и вызывать къ ней раздраженіе, основанное на предположеніи, что она не хочетъ дѣ-

лать того, чего она не можетъ дѣлать, не имѣя для этого категорическаго императива въ разумѣ.

Если вопросъ въ томъ, что устраненіе себя мужчиной отъ тѣхъ заботъ и трудовъ, которые вытекаютъ изъ воспитанія или скорѣе изъ ухода за маленькими дѣтьми: отъ укладыванія ихъ спать, мытья ихъ и вообще всякаго бѣлья, отъ приготовленія имъ, да и всѣмъ, пищи, отъ шитья имъ одежды и т. п., то это въ высшей степени не только не христіански, не добро, но несправедливо.

Женщина и такъ неизбѣжно несетъ самую большую долю труда ношенія и вскормленія грудью дѣтей, а потому, казалось бы, естественно, что всѣ остальныя заботы мужчина долженъ бы брать на себя въ той мѣрѣ, въ которой это возможно безъ помѣхи его дѣлу, тоже нужнаго для семьи. И такъ бы это непремѣнно было, если бы варварскій обычай взваливать всю тяжесть работы на болѣе слабыхъ и потому покорныхъ такъ прочно не установился въ нашемъ обществѣ. Обычай этотъ такъ въѣлся въ наши привычки, что, несмотря на признаваемое мужчинами равенство женщины, самый либеральный мужчина, такъ же какъ и самый рыцарски учтивый, будетъ горой стоять за право женщины быть профессоромъ, священникомъ или съ опасностью жизни бросится поднимать платокъ, уроненный женщиной и т. п., но не догадается пойти выстирать пеленки, которыя загадилъ ихъ общій ребенокъ, или сшить портки сынишкѣ, когда жена беременна, кормитъ или просто устала, или просто хочетъ за то пропущенное время въ ношеніи и кормленіи почитать или подумать.

Общественное мнѣніе такъ извращено въ этомъ направленіи, что такіе поступки найдутъ ridicules, и нужно много мужества чтобы совершать ихъ.

Вотъ гдѣ настоящая эмансипація женщины:

Не считать никакого дѣла бабьимъ дѣломъ, такимъ, къ которому совѣстно притронуться, и всѣми силами, именно потому, что онѣ физически слабѣй, помогать имъ, брать отъ нихъ всю ту работу, которую можно взять на себя.

Точно такъ же и въ воспитаніи дѣвочекъ: имѣя въ виду то, что имъ, вѣроятно, придется родить, и потому меньше будетъ досуга,—именно въ виду этого устраивать для нихъ школы не хуже, но лучше мужскихъ, чтобы онѣ впередъ набрали силъ и знаній. А онѣ на это способны.

То, что по отношенію женщинъ и ихъ труда существуетъ много очень вредныхъ, изъ древности укоренившихся предразсудковъ, совершенно справедливо, и еще болѣе справедливо, что надо бороться противъ нихъ. Но не думаю, чтобы общество, которое будетъ устраивать читальни и помѣщенія для женщинъ,

было бы средствомъ борьбы. Меня не то возмущаетъ, что женщина получаетъ меньше жалованья, чѣмъ мужчина,—цѣны устанавливаются достоинствомъ труда,—меня возмущаетъ то, что на женщину, которая носитъ, кормитъ, воспитываетъ маленькихъ дѣтей, наваленъ еще трудъ кухни, жариться у печи, мыть посуду, стирать бѣлье, шить одежды, мыть столы, полы, окна. Почему весь этотъ трудъ, страшно тяжелый, наваленъ исключительно на женщину? Мужику, фабричному, чиновнику и всякому мужчинѣ бываетъ дѣлать нечего, но онъ будетъ лежать и курить, предоставляя женщинѣ (и женщина покоряется), часто беременной, больной, съ дѣтьми, жариться у печи или нести страшный трудъ стирки бѣлья или ночного ухаживанья за больнымъ ребенкомъ. И все это отъ суевѣрія, что есть какой-то бабій трудъ.

Это страшное зло, и отъ этого неисчислимыя болѣзни несчастныхъ женщинъ, преждевременная старость, смерть, отупѣніе самихъ женщинъ и ихъ дѣтей.

Для согласія супруговъ надо, чтобы во взглядахъ на міръ и жизнь, если они не совпадаютъ, тотъ, кто менѣе думалъ, покорился бы тому, кто думалъ болѣе.

Женщины всегда признавали надъ собою власть мужчины. И не могло быть иначе въ мірѣ не-христіанскомъ. Мужчина сильнѣе — и мужчина властвовалъ. Такъ было во всемъ мірѣ (исключая сомнительныхъ амазонокъ и закона материнства), и такъ и теперь среди 0,999 рода человѣческаго. Но явилось христіанство и признало совершенство не въ силѣ, а въ любви, и тѣмъ освободило всѣхъ покоренныхъ и плѣненныхъ, и рабовъ, и женщинъ. Но для того, чтобы свобода рабовъ и женщины не была бѣдствіемъ, нужно, чтобы освобожденные были христіане, т.-е. полагали жизнь свою въ служеніи Богу и людямъ, а не въ служеніи себѣ... Что же нужно дѣлать? Дѣлать нужно одно: привлекать людей къ христіанству, обращать ихъ въ христіанъ. Дѣлать же это можно, только исполняя въ жизни законъ Христа.

Я, между прочимъ, еще много думалъ о женщинахъ, о бракѣ, и хотѣлось бы высказать. Разумѣется, не о современныхъ кумирчикахъ нашего времени—курсахъ, а о великомъ, вѣчномъ назначеніи женщины. Много превратнаго въ этомъ отношеніи проповѣдуется именно въ кружкахъ интеллигентныхъ женщинъ, и именно вотъ что: напримѣръ, проповѣдуется, что женщина должна не быть исключительной—не должна любить своихъ дѣтей больше, чѣмъ другихъ. Проповѣдуется много разнаго туманнаго, неяснаго о развитіи, о равенствѣ съ мужчиной; но это положеніе о томъ, что женщина не должна любить своихъ дѣтей больше чужихъ,

проповѣдуется всегда, вездѣ, считается аксіомой и, какъ практическое правило, заключаетъ въ себѣ всю сущность ученія; а оно-то—это положеніе—совершенно ложно.

Призваніе всякаго человѣка [1])—и мужчины и женщины—въ томъ, чтобы служить людямъ. Съ этимъ общимъ положеніемъ, я думаю, согласны всѣ небезнравственые люди. Разница между мужчинами и женщинами въ исполненіи этого назначенія есть большая по средствамъ, которыми они служатъ людямъ. Мужчина служитъ людямъ и физическимъ, и умственнымъ, и нравственнымъ трудомъ. Средства его служенія очень многообразны. Вся дѣятельность человѣчества, за исключеніемъ дѣторожденія и кормленія, составляетъ поприще его служенія людямъ. Женщина же, кромѣ своей возможности служенія людямъ всѣми тѣми же, какъ и мужчина, сторонами своего существа, по строенію своему призвана, привлечена неизбѣжно къ тому служенію, которое одно исключено изъ области служенія мужчины. Служеніе человѣчеству само собой раздѣляется на двѣ части: одно—увеличеніе блага въ существующемъ человѣчествѣ, другое—продолженіе самого человѣчества. Къ первому призваны преимущественно мужчины, такъ какъ они лишены возможности служить второму. Ко второму призваны преимущественно женщины, такъ какъ онѣ исключительно способны къ нему. Этого различія нельзя, не должно и грѣшно (т.-е. ошибочно) не помнить и стирать, какъ это стараются дѣлать. Изъ этого различія вытекаютъ обязанности тѣхъ и другихъ,—обязанности, не выдуманныя людьми, но лежащія въ природѣ вещей. Изъ этого же различія вытекаетъ оцѣнка добродѣтели и порока женщины и мужчины,—оцѣнка, существовавшая во всѣ вѣка и теперь существующая и никогда не могущая перестать существовать, пока въ людяхъ будетъ разумъ.

И всегда было и будетъ то, что мужчина, проведшій свою жизнь въ мужскомъ многообразномъ трудѣ, и женщина, проведшая жизнь въ рожденіи, кормленіи и взращеніи *своихъ* дѣтей, будутъ чувствовать, что они дѣлаютъ то, что должно, и будутъ возбуждать уваженіе и любовь людей, потому что оба исполнили свое несомнѣнное призваніе. Призваніе мужчины многообразнѣе и шире, призваніе женщины однообразнѣе и уже, но глубже, и потому всегда было и будетъ то, что мужчина, имѣющій сотни обязанностей, измѣнивъ одной, десяти изъ нихъ, остается не дурнымъ, не вреднымъ человѣкомъ, исполнивъ $^{9}/_{10}$ своего призванія. Женщина же, имѣющая три обязанности, измѣнивъ одной изъ нихъ, исполняетъ только $^{2}/_{3}$ и, измѣнивъ двумъ, дѣлается уже отрицательной—вредной. Таково всегда было общее мнѣніе и таково всегда будетъ, потому что такова сущность дѣла. Муж-

---

[1]) Считаемъ необходимымъ предупредить читателя, что нижеслѣдующій отрывокъ, какъ и другіе подобнаго же содержанія, былъ написанъ авторомъ *раньше* окончательной выработки имъ своего взгляда на половой вопросъ, выраженнаго въ „*Послѣсловіи къ Крейцеровой сонатѣ*“.

чина, для исполненія воли Бога, долженъ служить Ему и въ области физическаго труда, и мысли, и нравственности: онъ всѣми этими дѣлами можетъ исполнить свое назначеніе; для женщины средства служенія Богу суть преимущественно и почти исключительно (потому что, кромѣ нея, никто не можетъ этого сдѣлать)—дѣти.

Только черезъ дѣла свои призванъ служить Богу и людямъ мужчина, только черезъ дѣтей своихъ призвана служить женщина.

И потому любовь къ *своимъ* дѣтямъ, вложенная въ женщину, исключительная любовь, съ которой совершенно напрасно бороться разсудочно, всегда будетъ и должна быть свойственна женщинѣ-матери. Любовь эта къ ребенку въ младенчествѣ есть вовсе не эгоизмъ, какъ это ложно учатъ, а это есть любовь работника къ той работѣ, которую онъ дѣлаетъ въ то время, какъ она у него въ рукахъ. Отнимите эту любовь къ предмету своей работы—и невозможна работа.

Пока я дѣлаю сапогъ, я его люблю больше всего, какъ мать ребенка; испортятъ мнѣ его, я буду въ отчаяніи; но я люблю его такъ до тѣхъ поръ, пока работаю. Когда сработалъ—остается привязанность, предпочтеніе слабое и незаконное; то же и съ матерью.

Мужчина призванъ служить людямъ черезъ многообразныя работы, и онъ любитъ эти работы, пока ихъ дѣлаетъ; женщина призвана служить людямъ черезъ своихъ дѣтей, и она не можетъ не любить этихъ своихъ дѣтей, пока она ихъ дѣлаетъ, т.-е. раститъ, воспитываетъ.

Въ этомъ я вижу совершенное равенство мужчины и женщины по общему призванію служить Богу и людямъ, несмотря на различіе въ формѣ этого служенія. Равенство это проявляется и въ томъ, что одно столь же важно, какъ и другое, что одно немыслимо безъ другого, что одно обусловливаетъ другое, и что для достиженія призванія какъ тому, такъ и другому необходимо знаніе истины и что безъ этого знанія дѣятельность какъ мужчины, такъ и женщины становится не полезной, но вредной для человѣчества.

Мужчина призванъ исполнять свой многообразный трудъ, но трудъ его тогда только полезенъ, и его работа (хлѣбъ пахать или пушки дѣлать), и его умственная дѣятельность (облегчать жизнь людей или считать деньги), и его религіозная дѣятельность (сближать людей или пѣть молебны) тогда только плодотворны, когда онѣ совершаются во имя высшей, доступной человѣку, истины.

То же и съ призваніемъ женщины: ея рожденіе, кормленіе, взращеніе дѣтей будетъ полезно человѣчеству, когда она будетъ выращивать не просто дѣтей для своей радости, а будущихъ слугъ человѣчества, когда воспитаніе этихъ дѣтей будетъ совершаться во имя высшей доступной ей истины, т.-е. она будетъ воспитывать дѣтей такъ, чтобы они были способны брать какъ

можно меньше отъ людей и какъ можно больше давать имъ. Идеальная женщина, по мнѣ, будетъ та, которая, усвоивъ высшее міросозерцаніе — вѣру, которая ей будетъ доступна, — отдастся своему женскому непреодолимо вложенному въ нее призванію — родить, выкормить и воспитаетъ наибольшее количество дѣтей, способныхъ работать для людей, по усвоенному ею міросозерцанію. Міросозерцаніе же это не почерпается на курсахъ, а пріобрѣтается только незакрываніемъ глазъ и ушей и умиленіемъ сердца.

Ну, а тѣ, у которыхъ нѣтъ дѣтей, которыя не вышли замужъ, вдовы? Тѣ будутъ прекрасно дѣлать, если будутъ участвовать въ мужскомъ многообразномъ трудѣ...

И всякая женщина, отрожавшись, если у нея есть силы, успѣетъ заняться этой помощью мужчинѣ въ его трудѣ, и помощь эта очень драгоцѣнна...

Хорошая семейная жизнь возможна только при сознанномъ, воспитанномъ въ женщинахъ убѣжденіи въ необходимости всегдашняго подчиненія мужу. Я говорилъ, что это доказывается тѣмъ, что такъ было съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ жизнь людей, и тѣмъ, что семейная жизнь съ дѣтьми есть переѣздъ на утлой лодочкѣ, который возможенъ только тогда, когда ѣдущіе подчиняются одному. И такимъ однимъ признавался всегда мужчина по той причинѣ, что, не нося, не кормя, онъ можетъ быть лучшимъ руководителемъ жены, чѣмъ жена мужа.

Но неужели женщины всегда ниже мужчины? Нисколько. Какъ только тотъ и другой дѣвственны, они равны.

Но что же значитъ то, что теперь жены требуютъ не только равенства, но главенства? А только то, что семья эволюируетъ, и потому прежняя форма распадается. Отношенія половъ ищутъ новой формы, и старая форма разлагается.

Какая будетъ новая форма, нельзя знать, хотя многое намѣчается. Можетъ-быть, большое количество людей держащихся цѣломудрія; могутъ быть браки временными и послѣ рожденія дѣтей прекращаться, такъ что оба супруга послѣ родовъ дѣтей расходятся и остаются цѣломудренными; могутъ дѣти быть воспитываемы обществомъ. Нельзя предвидѣть новыя формы. Но несомнѣнно то, что старая разлагается и что существованіе старой возможно только при подчиненіи жены мужу, какъ это было вездѣ и всегда и какъ это происходитъ тамъ, гдѣ семья еще держится.

Вчера читалъ *Безъ догмата*. Очень тонко описана любовь къ женщинѣ,—нѣжно, гораздо тоньше, чѣмъ у французовъ, гдѣ чувственно, у англичанъ, гдѣ фарисейно, и у нѣмцевъ—напыщено; и думалъ: написать романъ любви цѣломудренной... такой, для которой невозможенъ переходъ въ чувственность, которая служитъ лучшимъ защитникомъ отъ чувственности. Да не это ли

единственное спасеніе отъ чувственности? Да, да, оно и есть. Затѣмъ и сотворенъ человѣкъ мужчиной и женщиной. Только съ женщиной можно потерять цѣломудріе, только съ нею и можно соблюсти его. Хорошо написать это...

Человѣкъ, какъ животное, подчиняется закону борьбы и половому стремленію для усиленія рода; какъ разумное, любящее, божественное существо, онъ подчиняется закону обратному — не борьбы съ соперниками и врагами, а смиренія, перенесенія обидъ и любви къ нимъ, и не полового стремленія, а цѣломудрія.

Одно изъ нужнѣйшихъ дѣлъ человѣчества состоитъ въ воспитаніи цѣломудренной женщины.

Женщина — легенда говоритъ — орудіе дьявола. Она вообще глупа, но дьяволъ даетъ ей на подержаніе свой умъ, когда она на него работаетъ. Смотришь, сдѣлала чудеса ума, дальновидности, постоянства, чтобы сдѣлать гадости; а какъ только нужна не гадость, не можетъ понять самой простой вещи, не соображаетъ дальше настоящей минуты, и нѣтъ ни выдержки, ни терпѣнія (кромѣ дѣторожденія и дѣтоухаживанія).

Все это относится къ женщинѣ-нехристіанкѣ, нецѣломудренной женщины... Охъ, какъ хотѣлось бы показать женщинѣ все значеніе цѣломудренной женщины! Цѣломудренная женщина (не даромъ легенда Маріи) спасетъ міръ.

Назначеніе женщины есть прежде и важнѣе всего назначеніе человѣка, то самое, о которомъ я и говорилъ. Замужество и дѣти въ сравненіи съ безбрачіемъ—это то же, что условія деревенской жизни въ сравненіи съ городской, роскошной: условія жизни—безбрачіе или семья—сами по себѣ не могутъ вліять на человѣка. Можетъ быть святое и грѣховное безбрачіе, можетъ быть грѣховная и святая семья.

Дѣвушкѣ же всякой, и вамъ въ особенности, какъ человѣку, въ которомъ начинается внутренняя духовная работа, совѣтую какъ можно больше удаляться отъ всего, что въ нашемъ обществѣ поддерживаетъ въ дѣвушкѣ мысль о необходимости, желательности брака и располагаетъ къ нему: романы, музыка, праздная болтовня, танцы, игры, карты, даже наряды. Право, пріятнѣе выстирать себѣ рубаху (а ужъ для души насколько полезнѣе, чѣмъ проиграть вечеръ въ secretaire даже съ самыми остроумными людьми. Главное же, то распространенное въ свѣтѣ понятіе, что не выйти замужъ, остаться въ дѣвкахъ стыдно, такъ же совершенно противоположно истинѣ, какъ и всѣ свѣтскія сужденія о вопросахъ жизни. Безбрачная жизнь, наполненная дѣлами добра,

безбрачная потому, что дѣла, наполняющія эту жизнь, всѣ выше брака (а такія дѣла—всѣ дѣла любви къ ближнему, напоенія чашей воды), въ безконечное число разъ выше всякой семейной жизни. Мѳ. XIX, 11. Не всѣ вмѣщаютъ слово это, но кому дано. И такъ и смотрѣли всегда всѣ люди всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ съ величайшимъ уваженіемъ и умиленіемъ на безбрачныхъ не поневолѣ, но ради Бога, людей, мужчинъ и женщинъ. А въ нашемъ мірѣ это самые смѣшные люди. Оно и правда. Это такъ же, какъ бѣдные ради Бога и такіе, которые не умѣли нажить. Всякой дѣвушкѣ и вамъ совѣтую поставить себѣ идеаломъ служеніе Богу, т.-е. соблюденіе и взращеніе въ себѣ искры Божіей, и потому — безбрачіе, если бракъ мѣшаетъ этому служенію; если бы же случилось, поддавшись себялюбивому чувству къ одному человѣку, выйти замужъ, такъ не радоваться и не гордиться, какъ это обыкновенно бываетъ, своимъ положеніемъ жены и матери, а, не упуская изъ виду главной цѣли жизни, служенія Богу, всѣми силами стараться о томъ, чтобы исключительная и эгоистическая привязанность къ семьѣ не мѣшала бы служенію Богу.

Я всегда думалъ, что одинъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ серьезности отношенія къ нравственнымъ вопросамъ—это строгость къ себѣ въ половомъ вопросѣ...

Соблазнъ, въ который N впалъ, очень понятный и свойственъ именно такимъ честнымъ и правдивымъ натурамъ, какимъ я его воображаю. Отношенія установились, и ему хотѣлось ничего не скрывать, а прямо и открыто признать ихъ, придавъ имъ характеръ духовности.

Я вполнѣ понимаю его мысль: воспользоваться тѣмъ душевнымъ подъемомъ, который даетъ влюбленность, для того, чтобы этотъ подъемъ употребить на дѣло Божіе. Это возможно, и я думаю, что энергія людей, находящихся въ этомъ положеніи, можетъ значительно повыситься и дать неожиданно кажущіеся намъ большіе результаты. Я даже не разъ видалъ это и зналъ такіе случаи; но тутъ страшно то, что, при уничтоженіи влюбленности (что очень возможно и вѣроятно), вдругъ не только можетъ упасть этотъ подъемъ энергіи, но и всякій интересъ къ дѣлу Божьему, чего тоже я видалъ примѣры. А что это случается и можетъ случиться, доказываетъ то, что дѣло Божіе, служеніе Ему не можетъ и не должно опираться ни на что, а все остальное должно опираться на сознаніе необходимости и радости этого служенія.

Такъ можно (что тоже часто дѣлается) усилить энергію служенія Богу славой людской. И опять та же опасность охлажденія къ дѣлу Божію, какъ только уничтожается одобреніе людей.

Все это вы знаете и высказали, но я хотѣлъ только прибавить одно къ тому, что писалъ вамъ въ послѣднемъ письмѣ о томъ, что я согласенъ съ N въ томъ, что союзъ женщины и мужчины

хорошъ, когда онъ имѣетъ цѣлью совокупное служеніе Богу и людямъ. А именно то, что союзъ брачный, тѣлесный не то что прибавляетъ силы для служенія, а для нѣкоторыхъ людей, одержимыхъ безпокойствомъ потребности влюбленія, устраняетъ это безпокойство, препятствующее отдачѣ всѣхъ своихъ силъ на служеніе; и потому, хотя цѣломудріе, если оно полное, есть самое выгодное условіе для служенія, — для нѣкоторыхъ людей бракъ, успокаивая ихъ, устраняя препятствіе, усиливаетъ въ нихъ способность служенія. Но при этомъ, — вотъ это главное я хотѣлъ сказать,—надо, чтобы люди понимали и признавали и внѣ брака и въ бракѣ, что способность влюбчивости и того душевнаго подъема, который при этомъ совершается, предназначена не на забаву, не на наслажденіе, не на художественное творчество (многіе такъ думаютъ), не на увеличеніе энергіи для служенія Богу, какъ думаетъ N, — а только на полов[illegible]вое, брачное соединеніе съ однимъ мужемъ и одной женой для произведенія дѣтей и взаимнаго освобожденія отъ похоти. Всякое же направленіе этой способности на что-либо другое можетъ только затруднять путь жизни человѣка, а не облегчать и не услаждать его.

И потому я совершенно согласенъ съ вами, что это самый опасный соблазнъ, противъ котораго нельзя быть достаточно осторожнымъ. «Ну,—говорятъ,—почему же не быть дружнымъ съ лицами другого пола, такъ же какъ и съ лицами одного пола?» Нѣтъ никакой причины, и чѣмъ больше мы любимъ, тѣмъ лучше. Но искренній и серьезный въ нравственномъ дѣлѣ человѣкъ сейчасъ замѣтитъ, какъ это сдѣлалъ N, что такія отношенія съ женщинами бываютъ особенныя. Если человѣкъ не будетъ себя обманывать, онъ всегда замѣтитъ, что сближеніе совершается легче, чѣмъ обыкновенно; что велосипедъ ѣдетъ очень легко и скоро и что не нужно тѣхъ усилій, которыя нужны обыкновенно; и что потому должна быть этому причина. А какъ только серьезный въ нравственномъ дѣлѣ человѣкъ замѣтитъ это и не желаетъ съѣхать подъ гору, зная, что движеніе это все будетъ усиливаться и приведетъ къ браку или исключительному чувству, то онъ остановится.

Бракъ, разумѣется, хорошъ и необходимъ для продолженія рода, но если для продолженія рода, то надо, чтобы родители чувствовали въ себѣ силы воспитать дѣтей не дармоѣдами, а слугами людямъ и Богу. А для этого нужно быть въ силахъ жить не трудами другихъ, а своими, больше давая, чѣмъ беря отъ людей.

У насъ же буржуазное правило, что жениться можно только тогда, когда крѣпко сидишь на шеѣ людей, т.-е. *имѣешь средства*. Нужно какъ разъ обратное: можетъ жениться только тотъ, кто можетъ жить и воспитать ребенка, *не имѣя средствъ*. Только такіе родители могутъ хорошо воспитать дѣтей.

Книжку просмотрѣлъ [1]).

Писать объ этомъ и возражать нельзя, какъ нельзя возражать на то, что человѣкъ будетъ доказывать, что пріятно и безвредно совокупленіе съ трупами. Человѣку, который не чувствуетъ того, что чувствуютъ слоны [2]), что совокупленіе вообще есть актъ, унижающій и себя и сообщницу и потому отвратительный, въ которомъ человѣкъ отдаетъ невольную дань своей животности и который искупляется только тѣмъ, что исполняетъ ту цѣль (дѣторожденія), для которой непреодолимая въ извѣстное время потребность этого отвратительнаго, унизительнаго акта вложена въ его природу,—такому человѣку, несмотря на свою способность разсуждать, стоящему на уровнѣ животнаго, невозможно объяснить и доказать этого. Не говорю уже о лживости мальтузіанства, которое соображенія объективныя (да еще ложныя) кладетъ въ основу дѣла нравственности, всегда субъективнаго. Не говорю и о томъ, что между убійствомъ, умерщвленіемъ плода и этимъ пріемомъ нѣтъ качественнаго различія.

Простите: стыдно и отвратительно серьезно говорить про это. Надо говорить и думать о томъ, какая извращенность или тупость нравственнаго чувства могла привести людей къ этому. И не спорить съ ними, а лѣчить ихъ. Ну, право, русскій безграмотный, пьяный мужикъ, вѣрящій въ «пятницу», который съ ужасомъ отнесся бы къ такому поступку и который всегда на актъ совокупленія смотритъ, какъ на грѣхъ, стоитъ неизмѣримо выше людей, прекрасно пишущихъ и имѣющихъ дерзость приводить философію въ подтвержденіе своей дикости.

Никакой родъ преступленій людскихъ противъ нравственнаго закона не скрывается съ такою тщательностью людьми другъ передъ другомъ, какъ преступленія, вызываемыя половой похотью; и нѣтъ преступленія противъ нравственнаго закона, которое было бы такъ обще всѣмъ людямъ, захватывая ихъ въ самыхъ разнообразныхъ и ужасныхъ видахъ; нѣтъ преступленія противъ нравственнаго закона, на которое смотрѣли бы такъ несогласно люди, — одни, считая извѣстный поступокъ страшнымъ грѣхомъ, другіе — тотъ же поступокъ самымъ обычнымъ удобствомъ или удовольствіемъ; нѣтъ преступленія, насчетъ котораго было бы выказываемо столько фарисейства; нѣтъ преступленія, отношеніе къ которому показывало бы такъ вѣрно нравственный уровень человѣка; и нѣтъ преступленія болѣе губительнаго для отдѣльныхъ людей и для движенія впередъ всего человѣчества.

---

[1]) Въ этомъ отрывкѣ Л. Н. Толстой высказывается по поводу англійской брошюры, пропагандирующей предупредительные пріемы противъ зачатія и дѣторожденія, которую ему послали для того, чтобы получить отъ него болѣе обстоятельное мнѣніе объ этомъ вопросѣ, на предыдущихъ страницахъ затронутомъ имъ только вскользь.

[2]) Естествоиспытатели замѣтили, что слоны отличаются чрезвычайной умѣренностью въ половыхъ сношеніяхъ, а въ неволѣ и особенной застѣнчивостью въ этомъ отношеніи

Мысли эти очень просты и ясны для того, кто мыслитъ для того, чтобы познать истину. Странными, парадоксальными, даже несправедливыми эти мысли кажутся только тому, кто разсуждаетъ не для того, чтобы познать истину, а для того, чтобы свою жизнь со всѣми ея пороками и заблужденіями считать истинной.

Этому дѣлу никогда не бываетъ конца. Я и теперь думаю о томъ же (о половомъ вопросѣ), и все кажется, что нужно бы еще много уяснить и прибавить. И это понятно, потому что дѣло такой огромной важности и новизны, а силы, безъ ложной скромности говоря, такъ слабы и несоотвѣтственны значительности предмета.

Поэтому я думаю, что всѣмъ надо работать, тѣмъ, кого это интересуетъ сердечно, — всѣмъ надо разрабатывать этотъ предметъ по мѣрѣ силъ своихъ. Если каждый съ своей личной точки зрѣнія скажетъ искренно то, что онъ думаетъ и чувствуетъ объ этомъ предметѣ, то многое темное уяснится, привычно ложно скрытое откроется, кажущееся страннымъ по непривычности видѣть это перестанетъ казаться такимъ, и многое, кажущееся естественнымъ по привычкѣ жить дурно, перестанетъ казаться такимъ. По счастливой случайности я больше, чѣмъ другіе, имѣлъ возможности обратить вниманіе общества на этотъ предметъ. Надо, чтобы другіе продолжали дѣло съ разныхъ сторонъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ И ПИСЕМЪ.

Страданія отъ болѣзней и препятствіе къ занятіямъ, которое мы испытываемъ отъ болѣзней, происходятъ не отъ болѣзней, а отъ нашего отношенія къ смерти.

Если мы признаемъ, что смерть есть необходимый конецъ нашего плотскаго существованія и что въ этомъ предстоящемъ концѣ, такъ же, какъ и въ продолженіе этой жизни, нѣтъ ничего ни хорошаго, ни дурного, то страданія перестанутъ быть мучительны и не будутъ препятствовать въ жизни.

Если бы человѣкъ не сомнѣвался нисколько въ неразрушимости своей жизни послѣ смерти, то всѣ болѣзни представлялись бы ему только условіями перехода изъ одной формы жизни въ другую, — перехода скорѣе желательнаго, чѣмъ не желательнаго, и тогда онъ переносилъ бы боль отъ болѣзней такъ же, какъ мы переносимъ боль отъ напряженія труда, который, мы знаемъ, кончится добромъ. И не было бы страданія, и не было бы сознанія прекращенія дѣятельности, потому что во время болей мы имѣли бы опредѣленную дѣятельность—готовиться къ новому состоянію.

Что это такъ, мы всѣ въ состояніи испытать это хоть отчасти.

Но какъ же не страдать ужасно людямъ, когда вся жизнь ихъ состоитъ въ попыткахъ осуществленія желаній въ этомъ мірѣ въ будущемъ, въ постоянномъ желаніи того, чтобы скорѣе наступало будущее; и когда они все-таки знаютъ, что въ концѣ этого будущаго стоитъ то, чего они боятся такъ, что не смѣютъ даже объ этомъ думать,—смерть?

Какъ же не страдать, находясь постоянно въ этомъ внутреннемъ противорѣчіи, когда приходитъ болѣзнь, ведущая за собою смерть, какъ ведетъ ее всякая болѣзнь?

Отъ этого мучительность страданій. Отъ этого и то, что мы называемъ прекращеніемъ всякой жизни отъ болѣзней.

Ахъ, кабы ни на минуту не забывать смерть, въ которую всякую минуту можешь соскользнуть.

Коли бы помнить, что мы не стоимъ на ровной плоскости (если думать, что стоимъ, тогда только представляется, что ушедшій оборвался, и самъ боишься оборваться), а катимся не переставая, сталкиваясь, обгоняя и будучи обгоняемы, туда, за завѣсу, которая скрываетъ отъ насъ уходящихъ и скрываетъ насъ отъ остающихся.

Если помнить это всегда, то какъ легко и радостно жить и вмѣстѣ катиться туда, по той же покатости, во власти того же Бога, у котораго были во власти, у котораго мы теперь и будемъ послѣ и всегда.

Часто хорошо думаю, но думаю безъ смерти, и эта дума легкая, пустая. Часто хорошо живу, но живу безъ ожиданія смерти, и это — жизнь легкая, пустая.

Жизнь—талантъ, данный мнѣ для роста. Только тогда можно думать и жить со смертью, когда будешь помнить, что дѣло одно, — не написать что, не помочь кому, не сдѣлать что внѣ себя, а только одно: взрастить свою жизнь, чтобы отдать ее Хозяину, когда Онъ возьметъ ее, лучше, больше, чѣмъ она была дана мнѣ.

Это странно только тогда, когда ростъ жизни можно представить себѣ помимо любви къ людямъ и, стало-быть, служенія имъ. Но ростъ и служеніе — одно и то же, только разсматриваемое съ разныхъ сторонъ.

... Буддизмъ такъ же, какъ и стоицизмъ, учитъ тому, что истинная сущность человѣка не въ его тѣлѣ, несвободномъ и потому страдающемъ, а въ его духовномъ сознаніи, не подлежащемъ никакому стѣсненію и потому никакому страданію. Первый ставитъ цѣлью освобожденіе отъ страданій, второй—благо личности. И потому аскетизмъ не есть цѣль или идеалъ личности...

... Ученіе буддизма, какъ и еврейскихъ пророковъ (въ особенности то, что извѣстно подъ именемъ Исаіи), а также и китайскія ученія Конфуція, Лаотзе и мало извѣстнаго Мити, — всѣ возникшія почти одновременно, около VI вѣка до Рождества Христова,— всѣ одинаково признаютъ сущностью человѣка его духовную природу, и въ этомъ ихъ величайшая заслуга. Отличаются же они отъ христіанства, явившагося послѣ нихъ, тѣмъ, что они останавливаются на признаніи духовности человѣка, видя въ этомъ признаніи спасеніе и благо личности. Христіанство же дѣлаетъ дальнѣйшій выводъ Выходя изъ признанія людьми своей духовности, по христіанскому выраженію—признанія въ себѣ сына Божія, оно провозглашаетъ возможность и необходимость установленія на землѣ Царства Божія, т.-е. всеобщаго блага, включающаго въ себя понятіе всеобщаго мира...

... Стихъ Іоанна III, 13, по моему мнѣнію означаетъ то, что каждый человѣкъ есть сынъ Божій и въ каждомъ есть частица Божества. Слѣдующіе же два стиха означаютъ то, что это частица Бога, находящаяся въ каждомъ человѣкѣ, должна быть возвеличена въ каждомъ изъ насъ, и это возвеличеніе избавитъ насъ отъ всѣхъ золъ, какъ избавляла возвеличенная змѣя въ пустынѣ.

Смыслъ тотъ, что человѣкъ долженъ сознавать себя сыномъ Божіимъ, а также и всѣхъ другихъ людей. Только бы человѣкъ понималъ и помнилъ, кто онъ, — онъ не унижалъ бы, не осквернялъ бы своего достоинства пошлыми, низкими заботами и дѣлами. А если бы помнилъ, что такой же сынъ Божій каждый человѣкъ,— не позволялъ бы себѣ оскорблять и презирать людей—сыновъ Божіихъ и своихъ братьевъ.

Въ этихъ стихахъ сущность ученія Христа...

Матерія — предѣлъ духа.

Та матеріальная форма, въ которой застаетъ насъ въ этомъ мірѣ пробужденіе нашего сознанія истинной жизни, представляетъ какъ бы предѣлъ, ограничивающій свободное развитіе нашего духа.

Матерія есть предѣлъ духа. Истинная же жизнь есть разрушеніе этого предѣла.

Въ этомъ пониманіи и содержится самая сущность разумѣнія истины, — та сущность, которая даетъ человѣку сознаніе вѣчной жизни.

Матеріалисты принимаютъ предѣлъ за истинную жизнь.

Лѣса.

Необходимо какъ можно чаще напоминать себѣ, что наша истинная жизнь не та наружная, матеріальная, которая происходитъ здѣсь, на землѣ, на нашихъ глазахъ, а внутренняя жизнь нашего духа, для которой видимая жизнь—только лѣса, необходимые для постройки зданія нашего духовнаго роста. Лѣса—тѣ сами по себѣ имѣютъ лишь временное назначеніе, по исполненіи котораго они ни къ чему больше не нужны и становятся даже помѣхою.

Видя передъ собою огромные, высоко сооруженные и сложно скрѣпленные лѣса, между тѣмъ какъ самое зданіе едва-едва возвышается надъ фундаментомъ, человѣкъ склоненъ ошибаться и придавать большее значеніе лѣсамъ, чѣмъ тому сооружаемому зданію, ради котораго только и воздвигнуты эти временные лѣса.

Необходимо напоминать себѣ и другъ другу, что единственный смыслъ и значеніе лѣсовъ только въ томъ, чтобы дать возможность воздвигнуть самое зданіе.

Жизнь духа.

Бываютъ минуты, когда перестаешь вѣрить въ жизнь духа.

Это не невѣріе, это періоды вѣры въ жизнь плоти.

Вдругъ человѣкъ начинаетъ бояться смерти.

Это всегда бываетъ, когда онъ отуманенъ чѣмъ-нибудь и снова начинаетъ вѣрить въ то, что жизнь плотская есть жизнь; точно какъ въ театрѣ можно забыться и повѣрить, что то, что видишь

на сценѣ, происходитъ въ дѣйствительности, и испугаться тому, что видишь тамъ, на сценѣ.

То же случается и въ жизни.

Уже послѣ того, какъ понялъ человѣкъ, что жизнь его не на сценѣ, а въ партерѣ, т.-е. не въ личности, а внѣ ея, случается иногда, что, по старой привычкѣ, опять подпадаетъ онъ соблазну иллюзіи, и становится ему жутко.

Но эти минуты иллюзіи не могутъ все-таки убѣдить въ томъ, что то, что происходитъ предо мной (въ плотской моей жизни), происходитъ взаправду.

Въ періоды упадка духа надо обращаться съ собою, какъ съ больнымъ — не шевелиться!

Страхъ смерти.

Обыкновенно въ нашемъ взглядѣ на жизнь и смерть видятъ что-то мистическое. Но тутъ нѣтъ ничего такого.

Я люблю свой садъ, люблю читать книжку, люблю ласкать дѣтей. Умирая, я лишаюсь этого, и потому мнѣ не хочется умирать, и я боюсь смерти.

Можетъ случиться, что вся моя жизнь составлена изъ такихъ временныхъ мірскихъ желаній и ихъ удовлетворенія. Если такъ, то мнѣ нельзя не бояться того, что̀ прекращаетъ эти желанія. Но если эти желанія и ихъ удовлетвореніе измѣнились во мнѣ и замѣнились другимъ желаніемъ—исполнять волю Бога, отдаться Ему въ томъ видѣ, въ которомъ я теперь, и во всѣхъ возможныхъ видахъ, въ которыхъ буду, то чѣмъ больше замѣнились мои желанія, тѣмъ меньше не только страшна мнѣ смерть, но тѣмъ меньше существуетъ для меня смерть. А если замѣнятся мои желанія совсѣмъ, то и нѣтъ ничего, кромѣ жизни, и нѣтъ смерти. Замѣнять мірское, временное вѣчнымъ—это путь жизни, и по немъ-то надо намъ идти. А какъ это въ своей душѣ,—знаетъ каждый изъ насъ.

Мнѣ послѣднее время стали ужасны не физическія уродства, раны, а духовныя, изъ которыхъ самыя очевидныя уродства слова, употребляющаго всѣ способы для скрытія истины и выставленія лжи вмѣсто нея.

Софизмъ возраженія Побѣдоносцева въ слѣдующемъ: у насъ полная вѣротерпимость: мы позволяемъ строить церкви всѣхъ исповѣданій и въ нихъ отправлять богослуженія: крестить, вѣнчать, хоронить, присягать и др., каждому по своимъ обрядамъ; но воспрещаемъ каждому вѣроисповѣданію проповѣдывать свое ученіе, т.-е. совращать изъ православія, какъ они выражаются. Подразумѣвается, что религія состоитъ только въ исполненіи извѣстныхъ внѣшнихъ жизненныхъ актовъ: служба, похороны, крестины, бракъ, присяга, и больше ничего, и что эти акты каждое вѣроисповѣданіе можетъ дѣлать по своему обряду, т.-е. что магометанъ не заставляютъ крестить дѣтей и т. п. Это не вѣротерпимость, а отсут-

ствіе насилія, такого, при которомъ ни одинъ иновѣрецъ не сталъ бы пріѣзжать въ Россію.

И тутъ до религіи еще дѣла нѣтъ. Это мертвая форма; религія же есть нѣчто живое. Она нѣчто живое уже потому, что постоянно нарождаются новые люди, и для нихъ вопросъ: «какой вѣры?» Вопросъ этотъ рѣшается опять по мертвому, т.-е. дѣти вѣры отцовъ. Стало-быть, дѣло не религіозное, а гражданское; гражданское же рѣшается не на основаніи того, что должно руководить всякимъ гражданскимъ актомъ справедливости: 1) Дѣти, у которыхъ одинъ изъ родителей православный, должны быть православными. 2) Проповѣдывать устно и письменно православіе можно, никакое другое исповѣданіе нельзя. 3) Совращать въ православіе можно,—это называется миссіонерство, въ другія же исповѣданія нельзя.

Этихъ трехъ пунктовъ нѣтъ въ другихъ странахъ, и потому тамъ есть вѣротерпимость, а у насъ нѣтъ.

Я объяснилъ Степану о фабрикѣ. Миткаль обходится дешево, потому что не считаютъ людей, сколько портится и до вѣку не доживаютъ. Если бы на почтовыхъ станціяхъ не считать, сколько лошадей попортится, тоже дешева была бы ѣзда. А положи людей въ цѣну хоть въ лошадиную, и тогда увидишь, во что выйдетъ аршинъ миткалю. Дѣло въ томъ, что люди свою жизнь задешево, не по стоимости, продаютъ. Работаютъ 15 часовъ и выходятъ изъза станка, глаза помутившіеся, какъ шальные, и это каждый день.

3000 женщинъ, вставая въ 4 и сходя съ работы въ 8 часовъ, и развращаясь, и сокращая жизнь, и уродуя свое поколѣніе, бѣдствуютъ (среди соблазновъ) въ этомъ заводѣ для того, чтобы никому ненужный миткаль былъ дешевъ и N имѣлъ бы деньги, когда онъ озабоченъ тѣмъ, что не знаетъ, куда дѣть тѣ, которыя есть. Устраиваютъ управленіе, улучшаютъ его. Для чего? Для того, чтобы эта гибель людей и гибель въ другихъ видахъ могла бы успѣшно и безпрепятственно продолжаться. Удивительно!

Читалъ Слѣпцова «Трудное время». Да, требованія были другія въ 60-хъ годахъ. И оттого, что съ требованіями этими связалось убійство 1-го марта, люди вообразили, что требованія эти неправильны. Напрасно. Они будутъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены.

Позитивисты, либералы, революціонеры и всякія мнимо-нехристіанскія секты вѣрятъ въ ту же Христову истину, въ которую и мы, только не во всю и подъ другимъ именемъ; и потому не только съ ними спорить и ссориться не надо, но надо дружить съ ними.

Какое ужасное страданіе: знать, что я страдаю и лишаюсь жизни не отъ завала горы, не отъ бактеріи, а отъ людей, отъ братьевъ, которые должны бы любить и которые, вотъ, ненавидятъ меня, если заставляютъ страдать. Это, вотъ, когда вели на казнь декабристовъ, это заключенные—несчастные на Карѣ и др. Ужасно!

Одно изъ самыхъ дерзкихъ неповиновеній Христу — это богослуженіе, общая молитва въ храмахъ и названіе отцами духовенства, тогда какъ:

«И когда молишься, не будь какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ, останавливаясь, молиться, чтобы показаться передъ людьми. Истинно говорю вамъ, что они уже получаютъ награду свою. Ты же, когда молишься, войди въ комнату свою, и, затворивъ дверь свою, помолись Отцу твоему, который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно.

«А молясь, не говорите лишняго, какъ язычники; ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны.

«Не уподобляйтесь имъ, ибо знаетъ Отецъ вашъ, въ чемъ вы имѣете нужду прежде вашего прошенія у Него» (Мѳ. V, 5—8).

«А вы не называйтесь учителями: ибо одинъ у васъ учитель Христосъ; всѣ же вы братья» (Мѳ. XXIII, 8).

Анархисты правы во всемъ—и въ отрицаніи существующаго, и въ утвержденіи того, что хуже насилія власти, при существующихъ нравахъ, безъ этой власти быть не можетъ. Ошибаются они только въ томъ, что анархію можно установить революціей, *учредить анархію*. Анархія установится; но установится только тѣмъ, что все больше и больше будетъ людей, которымъ не нужна защита правительственной власти, и все больше и больше людей, которые будутъ стыдиться прилагать эту власть.

N, когда былъ маленькій, ложился въ постель играя и просилъ няню продолжать играть, а онъ будетъ спать. Такъ и православные просятъ поповъ за нихъ молиться, пока они будутъ спать.

Доброе ученіе, которое попадается въ церкви, какъ Тихона Задонскаго, происходитъ оттого, что въ сѣти сквернаго ученія, предназначеннаго для скрытія отъ людей Христова ученія, попадаются люди добрые, христіанскіе по духу; и вотъ они, не разрывая сѣти, вносятъ туда сколько могутъ добраго.

Благодаря цензурѣ вся наша литературная дѣятельность — праздное занятіе. Единое, что̀ нужно, что̀ оправдываетъ это за-

нятіе (литературой), откладывается литературой. Въ родѣ того, какъ если бы позволять столяру строгать только такъ, чтобы не было стружекъ. И напрасно думаютъ писатели, что они обманутъ правительственную цензуру. Обмануть ее нельзя, какъ нельзя обмануть человѣка, которому бы, потихоньку, безъ вѣдома его, хотѣли поставить горчичникъ. Какъ только начнетъ дѣйствовать, онъ сорветъ его.

Государственная форма теперь есть остатокъ пріемовъ, которые нужны были прежде, но теперь уже излишни: въ родѣ того, какъ козлы взлѣзаютъ на стѣны, на столбы, что̀ имъ прежде было полезно, но что̀ имъ теперь ужъ не нужно.

Вся жизнь неразумна; неразумно то, что у человѣка ненужная слѣпая кишка, что у лошади остатокъ пятаго пальца, и всѣ излишки, атавизмы всего живого; неразумна, главное, борьба за существованіе; безполезная трата энергіи.

Человѣкъ вноситъ разумность въ міръ природы, уничтожая неразумную борьбу и трату. Но дѣятельность эта — внѣ себя, далекая, только отраженная. Человѣкъ только разсудкомъ видитъ это неразуміе.

Неразуміе же своей жизни онъ не только видитъ разсудкомъ, но чувствуетъ сердцемъ, какъ противное любви, и всѣмъ существомъ. И въ этомъ приведеніи неразумнаго въ своей жизни къ разумному состоитъ его жизнь.

Очень важно тутъ то, что *неразуміе въ природѣ познается разсудкомъ, неразуміе въ самой жизни человѣческой — сердцемъ (любовью) и разсудкомъ.*

Жизнь человѣка въ томъ, чтобы приводить неразумное въ своей жизни къ разумному. И потому для этого нужны два дѣла:

1) видѣть во всемъ его значеніи неразуміе жизни и не отвращать отъ него вниманія;

2) сознавать во всей чистотѣ разумность возможной жизни.

Сознавая всю неразумность и всегда вытекающую изъ нея бѣдственность жизни, человѣкъ невольно отвращается отъ нея; и, съ другой стороны, ясно сознавая разумность возможной жизни, человѣкъ невольно стремится къ ней. Не скрывать поэтому зла неразумія и выставлять во всей ясности благо разумной жизни должно бы составлять задачу всѣхъ учителей человѣчества.

Но тутъ-то на сѣдалище Моисеево всегда садятся тѣ, которые не идутъ къ свѣту, потому что дѣла ихъ злы; и потому всегда люди, выставляющіе себя учителями, не только не стараются уяснить неразуміе жизни и разумность идеала, а, напротивъ, скрываютъ неразуміе жизни и подрываютъ довѣріе къ разумности идеала.

Это совершается въ нашей жизни. Вся дѣятельность людей міра состоитъ изъ скрыванія неразумія жизни; съ этою цѣлью существуютъ и дѣйствуютъ:

1) полиція, 2) войска, 3) уголовные законы, тюрьмы, 4) филантропическія учрежденія, пріюты для дѣтей, богадѣльни для стариковъ, 5) воспитательные дома, 6) дома терпимости, 7) сумасшедшіе дома, 8) больницы, въ особенности сифилитическія и чахоточныя, 9) страховыя общества, 10) пожарныя команды, 11) всѣ обязательныя и устраиваемыя на насильственно собираемыя средства образовательныя учрежденія, 12) учрежденія для малолѣтнихъ преступниковъ, агрономическія учрежденія, выставки и многія другія.

Если бы только 0,001 той энергіи, которая употребляется на устройство всего этого, имѣющаго цѣлью скрыть зло и только увеличивающаго его (интересно прослѣдить, какъ, роковымъ образомъ, каждое изъ этихъ учрежденій, кромѣ скрыванія зла, порождаетъ новое зло и увеличиваетъ неудержимо, какъ снѣжный комъ, то зло, которое оно предполагаетъ уничтожить: осмотрите воспитательные, сумасшедшіе, сиротскіе дома, тюрьмы, войско), была бы употреблена на противодѣйствіе тому, для скрыванія чего служатъ всѣ эти учрежденія, — зло бы, теперь явное намъ и мучащее насъ, зло бы это быстро уничтожилось.

На гуляньѣ устроены мачты для взлѣзанія на нихъ и достававанія призовъ. Такой пріемъ увеселенія,—чтобы манить человѣка часами (пускай онъ погубитъ свое здоровье), или бѣгъ въ мѣшкахъ, а мы будемъ забавляться смотрѣть,—могъ возникнуть только при дѣленіи люда на господъ и рабовъ.

Всѣ формы нашей жизни сложились такими, какими онѣ сложились, только потому, что было это дѣленіе: акробаты, половые въ трактирахъ, нужники, производство зеркалъ, карточекъ, всѣ фабрики,—все могло возникнуть такимъ, какимъ оно есть только потому, что было дѣленіе на господъ и рабовъ.

А мы хотимъ братскую жизнь, удержавъ рабскія формы жизни.

Велѣно присягать 12-лѣтнимъ. Неужели они думаютъ связать этихъ дѣтей? Развѣ не очевидно это самое требованіе показываетъ ихъ вину и сознаніе ея?

Хотятъ удержать и спасти тонущее самодержавіе и посылаютъ на выручку ему православіе. Но самодержавіе утопитъ православіе и само потонетъ еще скорѣе.

Человѣкъ считается опозореннымъ, если его били, если онъ обличенъ въ воровствѣ, въ дракѣ, въ неплатежѣ карточнаго долга и т. п.; но если онъ подписалъ смертный приговоръ, участвовалъ въ исполненіи казни, читалъ чужія письма, сажалъ въ тюрьму?

А вѣдь это хуже.

Люди въ борьбѣ съ ложью и суевѣріями часто успокаиваются тѣмъ количествомъ суевѣрій, которое они разрушили. Это неправильно. Нельзя успокоиться до тѣхъ поръ, пока не уничтожено все, что только противорѣчитъ разуму и требуетъ вѣры. Суевѣріе, какъ ракъ (cancer), надо вычистить все, если браться за операцію. А оставить одно маленькое — и отъ него разрастется опять все.

Когда колешь жесткую плаху, первый ударъ отскакиваетъ какъ отъ стали, и думаешь, что ничего не сдѣлаешь и напрасно бить. И бѣда, если заробѣешь. Но бей еще, и скоро услышишь глухіе удары. Это значитъ, что тронулось. И еще нѣсколько ударовъ—и плаха расколется.

Въ такомъ положеніи міръ по отношенію къ христіанской истинѣ. А какъ я помню то время, когда удары отскакивали, и я думалъ, что это безнадежно.

То же и съ людьми. Надо какъ тотъ человѣкъ, который сталъ вычерпывать море. Если онъ отдаетъ свою жизнь на дѣло, то, какое бы ни было дѣло, оно сдѣлается, а тѣмъ болѣе дѣло Божіе.

Говорятъ: одна ласточка не дѣлаетъ весны; но неужели оттого, что одна ласточка не дѣлаетъ весны, не летѣть той ласточкѣ, которая уже чувствуетъ весну, а дожидаться? Такъ дожидаться надо тогда и всякой почкѣ и травкѣ—и весны не будетъ.

Пришелъ рядъ мыслей о слѣпотѣ людей, борющихся съ анархистами уничтоженіемъ анархистовъ, а не исправленіемъ порядка жизни, того самаго, во имя безобразія котораго борются анархисты.

Огромнымъ всестороннимъ трудомъ мысли и слова разумѣніе распространяется между людьми, усваивается ими въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и, пользуясь самыми странными средствами, оно захватываетъ людей, — кто изъ моды, кто изъ хвастовства, подъ видомъ либерализма науки, философіи, религіи,—оно становится свойственнымъ людямъ. Люди вѣрятъ, что они братья, что нельзя угнетать братьевъ, что надо помогать прогрессу, образованію, бороться съ суевѣріями; оно становится общественнымъ мнѣніемъ, и вдругъ... терроръ французской революціи, 1-е марта, убійство Карно,—и всѣ труды пропадаютъ даромъ. Точно набранная по каплѣ плотиной вода однимъ ударомъ уходитъ и безъ пользы размываетъ поля и луга.

Какъ могутъ не видѣть вредъ насилія анархисты? Какъ бы хотѣлось имъ написать объ этомъ.

Все такъ, все вѣрно то, что они разсуждаютъ и дѣлаютъ распространяя понятіе о безполезности, вредѣ государственнаго

насилія. Только одно надо имъ замѣнить: насиліе, убійство — неучастіемъ въ насиліяхъ и убійствѣ.

Получилъ итальянскую книгу о преподаваніи христіанства въ школѣ.

Прекрасная мысль о томъ, что преподавать религію есть насиліе, тотъ соблазнъ дѣтей, про который говоритъ Христосъ. Какое право имѣемъ мы преподавать то, что оспариваемо огромнымъ большинствомъ: Троицу, чудеса Будды, Магомета, Христа? Одно, что мы можемъ преподавать и должны, это — нравственное ученіе.

Чудесное слово сказалъ мнѣ N.

Мы говорили съ нимъ про впечатлѣніе, произведенное на крестьянъ книгами. Трудно имъ угодить, потому что *жизнь ихъ оч нь с рьезна*. Вотъ это-то важное слово! Кабы побольше людей нашего міра понимали его.

Смотрѣлъ на прелестный солнечный закатъ. Въ нагроможденныхъ облакахъ просвѣтъ, а тамъ, какъ красный неправильный уголь, солнце. Все это подъ лѣсомъ. Рожь. Радостно.

И подумалъ: нѣтъ, этотъ міръ не шутка, не юдоль испытанія только и перехода въ міръ лучшій, вѣчный; а это одинъ изъ вѣчныхъ міровъ, который прекрасенъ, радостенъ и который мы не только можемъ, но должны сдѣлать прекраснѣе и радостнѣе для живущихъ съ нами и для всѣхъ, которые послѣ насъ будутъ жить въ немъ.

Есть два способа познанія внѣшняго міра.

Одинъ самый грубый и неизбѣжный, способъ познаванія пятью чувствами. Изъ этого способа познанія не сложился бы въ насъ тотъ міръ, который мы знаемъ, а былъ бы хаосъ, дающій намъ различныя ощущенія.

Другой способъ состоитъ въ томъ, чтобы, познавъ любовью къ себѣ себя, познать потомъ любовью къ другимъ существамъ эти существа: перенестись мыслью въ другого человѣка, животное, растеніе, камень даже. Этимъ способомъ познаешь изнутри, образуешь весь міръ, какъ мы знаемъ его.

Этотъ способъ есть то, что называютъ поэтическимъ даромъ; это же есть любовь. Это есть возстановленіе нарушеннаго какъ будто единенія между существами. Выходишь изъ себя и входишь въ другого. И можешь войти во все. Все — слиться съ Богомъ, со всѣмъ.

Во всякомъ нравственномъ практическомъ предписаніи есть возможность противорѣчія этого предписанія съ другими предписаніями, вытекающими изъ той же основы.

Воздержаніе:—что же, не ѣсть и сдѣлаться неспособнымъ служить людямъ? Не убивать животныхъ:—что же, дать имъ съѣсть себя. Не пить вино: — что же, не причащаться, не лѣчиться виномъ? Не противиться злу насиліемъ: — что же, дать убить человѣку самого себя и другихъ?

Отыскиваніе этихъ противорѣчій показываетъ только то, что человѣкъ, занятый этимъ, хочетъ не слѣдовать нравственному правилу.

Все та же исторія: изъ-за одного человѣка, которому нужно упиться виномъ, не противиться пьянству; изъ-за одного воображаемаго насильника—убивать, казнить, заточать.

Смерть дѣтей съ обыкновенной точки зрѣнія: природа пробуетъ давать лучшихъ и, видя, что міръ еще не готовъ для нихъ, беретъ ихъ назадъ. Но пробовать она должна, чтобы идти впередъ. Какъ ласточки, прилетающія слишкомъ рано, замерзаютъ. Но имъ все-таки надо прилетать.

Но это обыкновенное, плохое разсужденіе. Разумное же разсужденіе то, что онъ сдѣлалъ дѣло Божіе—установленіе Царства Божія черезъ увеличеніе любви—больше, чѣмъ многіе, пожившіе полвѣка и больше.

Полюби, полюби того, кто дѣлалъ тебѣ больно, кого ты осуждалъ, не любилъ,—и все то, что скрывало отъ тебя его душу, исчезнетъ, и ты, какъ сквозь свѣжую воду, на днѣ увидишь божественную сущность его любви, и тебѣ не нужно и нельзя будетъ прощать его, тебѣ нужно будетъ прощать только себя за то, что ты не любилъ Бога въ томъ, въ комъ онъ былъ, и изъ-за своей нелюбви не видалъ Его.

... По всѣмъ предметамъ бываетъ то, что учатъ ребенка преждевременно тому, до пониманія чего онъ не дорось. Яснѣе всего это бываетъ въ математикѣ. Надо не торопиться. Часто бываетъ, что то, чего въ нынѣшнемъ году не могъ понять ученикъ, онъ, не учась цѣлый годъ, понимаетъ съ перваго слова. Главное—надо помнить, что въ педагогикѣ въ неуспѣхахъ виноватъ не можетъ быть ученикъ, а всегда учитель.

... Нѣтъ другого просвѣщенія, кромѣ христіанскаго; нашъ же міръ наполненъ учеными дикарями...

... О томъ, какая будетъ жизнь послѣ смерти, людямъ, для ихъ блага, не дано знать, да и не нужно знать, потому что, если бы люди знали это и знали бы, что жизнь загробная будетъ хуже этой жизни, они еще болѣе, чѣмъ теперь, боялись бы смерти. Если же

они знали бы, что загробная жизнь будетъ лучше этой, то они не заботились бы этой жизнью и торопились бы умереть.

Такъ что знать о томъ, какая будетъ жизнь за гробомъ, намъ не дано и не нужно; а то, что нужно намъ знать, что жизнь наша не кончается, это самое и дано намъ знать.

Все ученіе Христа въ этомъ; именно въ томъ, что у человѣка есть двѣ жизни: жизнь плотская, уничтожающаяся, и жизнь духовная, не измѣняющаяся и не уничтожающаяся. «Прежде, чѣмъ былъ Авраамъ, я есмь», сказалъ Христосъ, и это относится ко всѣмъ намъ, какъ скоро мы свое «я» перенесемъ въ жизнь духовную, будемъ жить только для цѣлей духовныхъ, такъ жизнь наша уже не можетъ прекратиться—она есть частица Бога, всегда была, есть и будетъ.

И дѣлать добро намъ надлежитъ не изъ страха ада или ради надежды на рай, а потому, что, живя духовною жизнью, человѣкъ и не можетъ желать ничего, кромѣ добра. А вѣря въ свою духовность, онъ не можетъ бояться смерти, уничтоженія.

О томъ же, какая будетъ та жизнь, онъ не заботится, вѣря въ того Бога-Отца, отъ котораго онъ исшелъ и къ которому идетъ и съ которымъ жилъ, живетъ и будетъ жить.

Переживаемъ мы время очень напряженное. Война, какъ гроза въ природѣ, вызываетъ въ общемъ духовномъ строѣ людей измѣненіе благодѣтельное въ томъ, что движеніе, прежде незамѣтное, становится замѣтно. Движеніе къ уясненію сознанія.

Время очень напряженное, и тѣмъ больше нужно жить строго—въ себѣ.

Всякая борьба, какъ прессы, не только русской, но и заграничной, такъ же какъ и революціонеровъ съ существующимъ, царствующимъ зломъ безсильна. Это только срѣзать побѣги, — бурьянъ разрастается хуже. Надо подъ корень вывернуть. А это можно сдѣлать только въ области религіозной. Она одна могущественна, непреодолима.

Я думаю, что стоитъ вамъ только заглянуть въ свое сердце, чтобы узнать, что вамъ надо дѣлать. Если вы вѣрите точно не на словахъ, вѣрите въ Бога и законъ Его, то у васъ не можетъ быть сомнѣнія о томъ, какъ надо поступить. Прочтите Мѳ. X, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33. Тамъ прямо сказано, какъ долженъ поступать вѣрующій въ Бога и въ Его законъ.

Если же поступите страха ради іудейска и притворитесь вѣрующими въ православіе, то такимъ людямъ лучше вовсе отречься отъ Бога, потому что такой поступокъ показываетъ, что люди не вѣруютъ ни въ свою вѣру, ни въ православную, а озабочены только земнымъ.

Тутъ нѣтъ ничего худого, и ни я и никто не станетъ упрекать людей за то, что у нихъ нѣтъ вѣры. Вѣру насильно нельзя взять.

Но худо то, когда люди лгутъ и притворяются, что у нихъ есть вѣра, и осуждаютъ другихъ, а сами не вѣрятъ по настоящему. Это тѣ самые лицемѣры, которыхъ осуждаетъ Христосъ.

Одинъ изъ наиболѣе важныхъ мотивовъ дѣятельности человѣческой есть внушеніе, гипнозъ. И это очень хорошо, когда эта сила употребляется на добрыя мысли и чувства или на безразличные поступки. Безъ этой способности не могли бы жить люди.

Но ужасно губительно то, когда эта сила употребляется на вызываніе дурныхъ чувствъ, ложныхъ мыслей и злыхъ поступковъ, какъ это совершается всегда при государственномъ и въ особенности религіозномъ внушеніи—томъ, о которомъ я и хочу сказать,—съ понятіемъ Бога соединили недобрые и заблудшіе люди столько лживаго и злого, что честные, чистые, мало думавшіе люди нашего времени выработали въ себѣ способность сознательнаго отпора противъ этого внушенія, въ родѣ того, какъ я сознательно останавливаю себя отъ зѣвоты, когда зѣваютъ передо мною. Съ хорошими людьми, но мало думавшими, повторяю, нашего времени случилось то же, что случилось бы съ путешественниками, которые, нѣсколько разъ бывъ зазваны на ночлегъ, были ограблены и которые слышали бы такіе разсказы отъ другихъ путешественниковъ, не заходили бы никуда на отдыхъ и изъ страха быть ограбленными не вѣрили бы тѣмъ гостепріимнымъ хозяевамъ, которые приглашали бы ихъ, и бѣдные все странствовали бы до тѣхъ поръ, пока ихъ носятъ молодыя ноги. То же и съ нашей бѣдной молодежью.

Такъ что зло религіозныхъ обманщиковъ и внушителей не только то прямое, которое они дѣлаютъ обманутымъ, но еще и то, которое они дѣлаютъ тѣмъ, которые отказываются слышать и думать о томъ, что одно только нужно людямъ

Я занятъ послѣднее время составленіемъ ужъ не календаря, но круга чтенія на каждый день, составленнаго изъ лучшихъ мыслей лучшихъ писателей. Читая все это время, не говоря о Маркѣ Авреліи, Эпиктетѣ, Ксенофонтѣ, Сократѣ, о браминской, китайской, буддійской мудрости, Сенеку, Плутарха, Цицерона и новыхъ: Монтескье, Руссо, Вольтера, Лессинга, Канта, Лихтенберга, Шопенгауэра, Эмерсона, Чаннинга, Паркера, Рескина, Аміеля и др. (переталъ, не читаю второй мѣсяцъ ни газетъ, ни журналовъ), я все больше и больше удивляюсь и ужасаюсь тому не невѣжеству, а «культурной» дикости, въ которую погружено наше общество. Вѣдь просвѣщеніе, образованіе есть то, чтобы воспользоваться, ассимилировать все то духовное наслѣдство, которое оставили намъ предки, а мы знаемъ газеты, Зола, Метерлинка, Ибсена... и т. п. Какъ хотѣлось бы хоть сколько-нибудь помочь этому ужасному бѣдствію, худшему, чѣмъ война, потому что на

этой дикости, самой ужасной, культурной и потому самодовольной, вырастаютъ всѣ ужасы, въ томъ числѣ и война.

Какъ дурно, не религіозно живутъ люди безъ сознанія не столько смерти, сколько частичности своего здѣшняго существованія. Думать о смерти нечего, но жить надо въ виду ея. Вся жизнь тогда становится торжественна, значительна и истинно плодотворна и радостна.

Въ виду смерти мы не можемъ не работать усердно и потому, что она всякую минуту можетъ прервать работу, и потому, что въ виду смерти, нельзя работать то, что не нужно для всей жизни, т.-е. для Бога. А когда такъ работаешь, жизнь становится радостной и нѣтъ того пугала—страха смерти, которое отравляетъ жизнь не живущихъ въ виду смерти людей. Страхъ смерти обратно пропорціоналенъ хорошей жизни. При святой жизни этотъ страхъ—ноль.

И такое отношеніе къ жизни и смерти можетъ быть воспитано,—но мы не воспитаны такъ и съ трудомъ должны работать надъ собой сами. А возможно общее религіозное воспитаніе. И какое бы это было благо.

СТАТЬИ 80-хъ и 90-хъ ГОДОВЪ,

не вошедшія въ предыдущій томъ.

КЪ МОЛОДЫМЪ ЛЮДЯМЪ.

(Черновой набросокъ начала неоконченной статьи противъ пьянства).

Ѣхалъ я разъ на перемѣнныхъ лошадяхъ по Симбирской губерніи, и пришлось перемѣнять лошадей въ большомъ селѣ. Дѣло было осенью. Съ самаго въѣзда въ улицу стали попадаться нарядные и пьяные мужики и бабы. Которые шли, ругались, бормотали, падали, цѣпляясь другъ за друга, которые у воротъ что-то кричали, ругались. На насъ или ругались, или звали насъ пить.

Мы подъѣхали ко двору ямщика. Никого не было. Подошла баба пьяная и что-то пробормотала, потомъ подошли, сцѣпившись, мужики, одинъ изъ нихъ хозяинъ, ямщикъ. Я спросилъ о лошадяхъ. Понялъ ли онъ, нѣтъ ли, но онъ полѣзъ къ повозкѣ, чуть не упалъ подъ лошадь, ямщикъ мой отпрягалъ и оттолкнулъ его. Онъ сталъ ругаться, закричалъ, что не дастъ лошадей; вылѣзла баба его, стала тащить его. Гости его тоже кричали что-то, ругались, ничего нельзя было разобрать. Я думалъ, что такъ и останусь и не добуду лошадей, но мой ямщикъ отпрягъ и сказалъ, что онъ устроитъ, и ушелъ. Я попробовалъ было примирить, объяснить: ничего никто не могъ понять; я отошелъ подъ навѣсъ и ждалъ. Наконецъ пришелъ мальчикъ лѣтъ 12-ти, румяный, тоже выпилъ уже, какъ онъ мнѣ послѣ сказалъ, но онъ одинъ изъ всей этой толпы не былъ пьянъ. Онъ тотчасъ пошелъ за лошадьми и, не обращая вниманія на крики пьяныхъ, сталъ запрягать. Отецъ его мѣшалъ ему, онъ отводилъ его, вырывая изъ его пьяныхъ рукъ вожжи и постромки, и не обращая ни на кого вниманія, запрягъ и выѣхалъ. Онъ одинъ оставался человѣкомъ среди этихъ людей, дошедшихъ до скотскаго состоянія.

Я разсказываю не затѣмъ, чтобы описать безобразія пьянства взрослыхъ и старыхъ людей,—этихъ безобразій мы всѣ видали довольно во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ,—и штатскихъ и военныхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и мужиковъ, и господъ.

Далеко ходить некуда, чтобы увидать такіе же ужасы, открытые между бѣдными и болѣе скрытые между богатыми. Сколько знаешь богатыхъ, занимающихъ важныя должности, стоящихъ во

главѣ другихъ людей, сановниковъ, которыхъ какъ мертвыя тѣла везутъ домой. Сколько знаешь обѣдовъ въ ознаменованіе самыхъ высокихъ чувствъ уваженія, благодарности за полезную, возвышенную дѣятельность, которые кончаются тѣмъ, что полезнаго дѣятеля и его чествователей рветъ, и ихъ, обливая водой, кладутъ на стульяхъ.

Да и что говорить, когда праздникъ храма просвѣщенія въ русской столицѣ самыми образованными людьми, учителями высшей мудрости, празднуется тѣмъ, что и учителя и ученики напиваются и валяются по лѣстницамъ, какъ свиньи.

О самихъ безобразіяхъ говорить нечего, всѣ ихъ знаютъ какъ безобразія, но какъ будто считаютъ, что безъ этого никакъ невозможно. Почему никакъ невозможно, чтобы человѣкъ не превращалъ себя искусственнымъ образомъ въ свинью? Откуда взялось это и откуда берется?

Мальчикъ, который везъ меня изъ пьянаго села, уже выпилъ, но не захмелѣлъ. Онъ мнѣ говорилъ, что ему поднесли и нельзя не выпить, но что ему непріятно было пить, но нельзя не выпить.

Мы всѣ знаемъ, что на праздникахъ, на свадьбахъ у крестьянъ поятъ дѣтей. У господъ дѣлаютъ то же самое на именинахъ, на Новый годъ, на свадьбахъ. И всѣ смѣются, когда видятъ, что ребенокъ захмелѣлъ.

Учитель сельской школы съ 60-ю дѣтьми отъ 10 до 15 лѣтъ разсказывалъ мнѣ, что всѣ эти дѣти уже бывали пьяны. Большіе поили ихъ...

1886 г.

ПРАЗДНИКЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ 12-го ЯНВАРЯ.

«Что можетъ быть ужаснѣе деревенскихъ праздниковъ!» Ни въ чемъ съ такою очевидностью не выражаются вся дикость и безобразіе народной жизни, какъ на деревенскихъ праздникахъ. Живутъ люди буднями, умѣренно питаются здоровою пищей, усердно работаютъ, дружелюбно общаются. Такъ продолжается недѣли, иногда мѣсяцы, и вдругъ добрая жизнь эта нарушается безъ всякой видимой причины. Въ одинъ опредѣленный день всѣ одновременно перестаютъ работать и съ средины дня начинаютъ ѣсть необычныя вкусныя кушанья, начинаютъ пить заготовленныя пиво и водку. Всѣ пьютъ; старые заставляютъ пить молодыхъ и даже дѣтей. Всѣ поздравляютъ другъ друга, цѣлуются, обнимаются, кричатъ, поютъ пѣсни, то умиляются, то храбрятся, то обижаются; всѣ говорятъ, никто не слушаетъ; начинаются крики, ссоры, иногда драки. Къ вечеру одни спотыкаются, падаютъ и засыпаютъ гдѣ попало, другихъ уводятъ тѣ, которые еще въ силахъ, а третьи валяются и корчатся, наполняя воздухъ алкогольными зловоніями.

На другой день всѣ эти люди просыпаются больными и, понемногу оправившись, опять до слѣдующаго такого дня принимаются за работу.

Что это такое? отчего это? А это праздникъ. Храмовой праздникъ. Въ одномъ мѣстѣ Знаменіе, въ другомъ Введеніе, въ третьемъ Казанская. Что значитъ Знаменіе и Казанская, никто не знаетъ. Знаютъ одно, что престолъ—и надо гулять. И ждутъ этого гулянья, и послѣ тяжелой трудовой жизни рады дорваться до него.

Да, это одно изъ самыхъ рѣзкихъ выраженій дикости рабочаго народа. Вино и гулянье составляютъ для него такой соблазнъ, предъ которымъ онъ не можетъ устоять. Приходитъ праздникъ, и почти каждый изъ нихъ готовъ одурманивать себя до потери образа человѣческаго.

Да, дикій народъ. Но вотъ приходитъ 12-е января, и въ газетахъ печатается слѣдующее объявленіе: «Товарищескій обѣдъ бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго московскаго университета въ день его основанія, 12-го января, имѣетъ быть въ 5 час. дня въ ресторанѣ Большой Московской гостиницы, съ главнаго подъѣзда. Билеты на обѣдъ по 6 руб. можно получать» (слѣдуетъ перечисленіе мѣстъ, гдѣ можно получать билеты).

Но это обѣдъ не одинъ, такихъ обѣдовъ будетъ еще десятки, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, и въ провинціи. 12-ое января есть праздникъ старѣйшаго русскаго университета, есть праздникъ русскаго просвѣщенія. Цвѣтъ просвѣщенія празднуетъ свой праздникъ.

Казалось бы, что люди, стоящіе на двухъ крайнихъ предѣлахъ просвѣщенія, дикіе мужики и образованнѣйшіе люди Россіи: мужики, празднующіе Введеніе или Казанскую, и образованные люди, празднующіе праздникъ именно просвѣщенія, должны бы праздновать свои праздники совершенно различно. А между тѣмъ оказывается, что праздникъ самыхъ просвѣщенныхъ людей не отличается ничѣмъ, кромѣ внѣшней формы, отъ праздника самыхъ дикихъ людей. Мужики придираются къ Знаменію или Казанской безъ всякаго отношенія къ значенію праздника, чтобы ѣсть и пить; просвѣщенные придираются къ дню св. Татьяны, чтобы наѣсться, напиться безъ всякаго отношенія къ св. Татьянѣ. Мужики ѣдятъ студень и лапшу, просвѣщенные—омары, сыры, потажи, филеи и т. п.; мужики пьютъ водку и пиво, просвѣщенные—напитки разныхъ сортовъ: и вина, водки, ликеры, сухія и крѣпкія и слабыя, и горькія и сладкія, и бѣлыя и красныя, и шампанскія. Угощеніе мужиковъ обходится отъ 20 коп. до 1 руб.; угощеніе просвѣщенныхъ обходится отъ 6 до 20 рублей съ человѣка. Мужики говорятъ о своей любви къ кумовьямъ и поютъ русскія пѣсни; просвѣщенные говорятъ о томъ, что они любятъ alma mater, и заплетающимися языками поютъ безсмысленныя латинскія пѣсни. Мужики падаютъ въ грязь, а просвѣщенные—на бархатные диваны. Мужиковъ разносятъ и растаскиваютъ по мѣстамъ жены и сыновья, а просвѣщенныхъ—посмѣивающіеся трезвые лакеи.

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, это ужасно! Ужасно то, что люди, стоящіе, по своему мнѣнію, на высшей ступени человѣческаго образованія, не умѣютъ ничѣмъ инымъ ознаменовать праздникъ просвѣщенія, какъ только тѣмъ, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ сряду ѣсть, пить, курить и кричать всякую безсмыслицу; ужасно то, что старые люди, руководители молодыхъ людей, содѣйствуютъ отравленію ихъ алкоголемъ,—такому отравленію, которое, подобно отравленію ртутью, никогда не проходитъ совершенно и оставляетъ слѣды на всю жизнь (сотни и сотни молодыхъ людей въ первый разъ мертвецки напивались и навѣки испортились и развратились на этомъ праздникѣ просвѣщенія, поощряемые своими учителями); но ужаснѣе всего то, что люди, дѣлающіе все это, до такой степени затуманили себя самомнѣніемъ, что уже не могутъ различать хорошее отъ дурного, нравственное отъ безнравственнаго. Эти люди такъ увѣрили себя въ томъ, что то состояніе, въ которомъ они находятся, есть состояніе просвѣщенія и образованія и что просвѣщеніе и образованіе даютъ право на потворство всѣмъ своимъ слабостямъ,—такъ увѣрили себя въ этомъ, что не могутъ уже видѣть бревна въ своемъ глазу. Люди эти, предаваясь тому, что нельзя иначе назвать какъ

безобразное пьянство, среди этого безобразія радуются на самихъ себя и соболѣзнуютъ о непросвѣщенномъ народѣ.

Всякая мать страдаетъ не говорю уже при видѣ пьянаго сына, но при одной мысли о такой возможности; всякій хозяинъ обѣгаетъ пьянаго работника; всякому неиспорченному человѣку стыдно за себя, что онъ былъ пьянъ. Всѣ знаютъ, что пьянство дурно. Но вотъ пьянствуютъ образованные, просвѣщенные люди, и они вполнѣ увѣрены, что тутъ не только нѣтъ ничего стыднаго и дурного, но что это очень мило, и съ удовольствіемъ и смѣхомъ пересказываютъ забавные эпизоды своего прошедшаго пьянства. Дошло дѣло до того, что безобразнѣйшая оргія, въ которой спаиваются юноши стариками, оргія, ежегодно повторяющаяся во имя образованія и просвѣщенія, никого не оскорбляетъ и никому не мѣшаетъ и во время пьянства и послѣ пьянства радоваться на свои возвышенныя чувства и мысли, смѣло судить и цѣнить нравственность другихъ людей и въ особенности грубаго и невѣжественнаго народа.

Мужикъ всякій считаетъ себя виноватымъ, если онъ пьянъ, и проситъ у всѣхъ прощенія за свое пьянство. Несмотря на временное паденіе, въ немъ живо сознаніе хорошаго и дурного. Въ нашемъ обществѣ оно начинаетъ утрачиваться.

Ну, хорошо, вы привыкли это дѣлать и не можете отстать; ну, что же, продолжайте, если ужъ никакъ не можете удержаться; но знайте только, что и 12-го, и 15-го, и 17-го января и февраля, и всѣхъ мѣсяцевъ это стыдно и гадко, и, зная это, предавайтесь своимъ порочнымъ наклонностямъ потихоньку, а не такъ, какъ вы теперь дѣлаете,—торжественно, путая и развращая молодежь и такъ называемую вами же вашу младшую братію. Не путайте молодежь ученіемъ о томъ, что есть какая-то другая гражданская нравственность, не состоящая въ воздержаніи, и какая-то другая гражданская безнравственность, не состоящая въ невоздержаніи. Всѣ знаютъ, и вы знаете, что прежде всякихъ другихъ гражданскихъ добродѣтелей нужно воздержаніе отъ пороковъ, что всякое невоздержаніе дурно, въ особенности же невоздержаніе въ винѣ—самое опасное, потому что убиваетъ совѣсть. Всѣ знаютъ это, и потому, прежде чѣмъ говорить о какихъ-нибудь возвышенныхъ чувствахъ и предметахъ, надо освободить себя отъ низкаго и дикаго порока пьянства, а не въ пьяномъ видѣ говорить о высокихъ чувствахъ. Такъ и не обманывайте себя и людей, главное—не обманывайте юношей; юноши чуютъ, что, участвуя въ поддерживаемомъ вами дикомъ обычаѣ, они дѣлаютъ не то и теряютъ что-то очень дорогое и невозвратимое.

И вы знаете это, знаете, что нѣтъ ничего лучше и важнѣе чистоты тѣлесной и духовной, которая теряется при пьянствѣ; вы знаете, что вся ваша риторика, съ вашей вѣчной alma mater, васъ самихъ не трогаетъ даже и вполпьяна и что вамъ нечего дать юношамъ взамѣнъ той ихъ невинности и чистоты, которыя они теряютъ, участвуя въ вашихъ безобразныхъ оргіяхъ. Такъ не развращайте ихъ и не путайте ихъ, а знайте, что какъ было Ною,

какъ есть всякому мужику, такъ точно есть и будетъ всякому—стыдно не только напиться такъ, чтобы кричать, качать, становиться на столы и дѣлать всякія глупости, но стыдно даже и безъ всякой надобности, въ ознаменованіе праздника просвѣщенія, ѣсть вкусное и отуманивать себя алкоголемъ. Не развращайте юношей, не развращайте примѣромъ и окружающую васъ прислугу. Вѣдь сотни и сотни людей, которые служатъ вамъ, разносятъ вамъ вина и кушанья, развозятъ васъ по домамъ,—вѣдь все это люди, и люди живые, для которыхъ такъ же, какъ и для всѣхъ насъ, стоятъ самые важные вопросы жизни: что хорошо, что дурно? чьему примѣру слѣдовать? Вѣдь хорошо еще, что всѣ эти лакеи, извозчики, швейцары, русскіе деревенскіе люди, не считаютъ васъ тѣмъ, чѣмъ вы сами себя считаете и желали бы, чтобы другіе считали васъ,—представителями просвѣщенія. Вѣдь если бы это было, они, глядя на васъ, разочаровались бы во всякомъ просвѣщеніи и презирали бы его; но и теперь, хотя и не считая васъ представителями просвѣщенія, они видятъ въ васъ все-таки ученыхъ господъ, которые все знаютъ и которымъ поэтому можно и должно подражать. И чему они, несчастные, научаются отъ васъ? можно задать себѣ этотъ вопросъ.

Что сильнѣе: то ли просвѣщеніе, которое распространяется въ народѣ чтеніемъ публичныхъ лекцій и музеями, или та дикость, которая поддерживается и распространяется въ народѣ зрѣлищами такихъ празднествъ, какъ празднество 12-го января, празднуемое самыми просвѣщенными людьми Россіи? Я думаю, что если бы прекратились всѣ лекціи и музеи и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились бы такія празднества и обѣды, а кухарки, горничныя, извозчики и дворники передавали бы въ разговорахъ другъ другу, что всѣ просвѣщенные люди, которымъ они служатъ, никогда не празднуютъ праздниковъ объяденіемъ и пьянствомъ, а умѣютъ веселиться и бесѣдовать безъ вина, то просвѣщеніе ничего не потеряло бы. Пора понять, что просвѣщеніе распространяется не однѣми туманными и другими картинами, не однимъ устнымъ и печатнымъ словомъ, но заразительнымъ примѣромъ всей жизни людей, и что просвѣщеніе, не основанное на нравственной жизни, не было и никогда не будетъ просвѣщеніемъ, а будетъ всегда только затемнѣніемъ и развращеніемъ.

1889 г.

ПОРА ОПОМНИТЬСЯ.

Вино губитъ тѣлесное здоровье людей, губитъ умственныя способности, губитъ благосостояніе семей и, что всего ужаснѣе, губитъ душу людей и ихъ потомство, и, несмотря на это, съ каждымъ годомъ все больше и больше распространяется употребленіе спиртныхъ напитковъ и происходящее отъ него пьянство.

Заразная болѣзнь захватываетъ все больше и больше людей: пьютъ уже женщины, дѣвушки, дѣти. И взрослые не только не мѣшаютъ этому отравленію, но, сами пьяные, поощряютъ ихъ. И богатымъ и бѣднымъ представляется, что веселымъ нельзя иначе быть какъ пьянымъ или полупьянымъ; представляется, что при всякомъ важномъ случаѣ жизни: похоронахъ, свадьбѣ, крестинахъ, разлукѣ, свиданіи, самое лучшее средство показать свое горе или радость состоитъ въ томъ, чтобы одурманиться и, лишившись человѣческаго образа, уподобиться животному.

И что удивительнѣе всего, это — то, что люди гибнутъ отъ пьянства и губятъ другихъ, сами не зная, зачѣмъ они это дѣлаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, если каждый спроситъ себя, для чего люди пьютъ, онъ никакъ не найдетъ никакого отвѣта.

Сказать, что вино вкусно, нельзя, потому что каждый знаетъ, что вино и пиво, если они не подслащены, кажутся непріятными для тѣхъ, кто ихъ пьетъ первый разъ. Къ вину пріучаются, какъ къ другому яду—табаку, понемногу, и нравится вино только послѣ того, какъ человѣкъ привыкнетъ къ тому опьянѣнію, которое оно производитъ.

Сказать, что вино полезно для здоровья, тоже никакъ нельзя теперь, когда многіе доктора, занимаясь этимъ дѣломъ, признали, что ни водка, ни вино, ни пиво не могутъ быть здоровы, потому что питательности въ нихъ нѣтъ, а есть только ядъ, который вреденъ.

Сказать, что вино прибавляетъ силы, тоже нельзя, потому что не разъ и не два, а сотни разъ было замѣчено, что артель пьющая, во столько же людей, какъ и артель непьющая, сработаетъ много меньше. И на сотняхъ и тысячахъ людей можно замѣтить, что люди, пьющіе одну воду, сильнѣе и здоровѣе тѣхъ, которые пьютъ вино.

Говорятъ тоже, что вино грѣетъ, но и это неправда, и всякій знаетъ, что выпившій человѣкъ согрѣвается только накоротко, а послѣ скорѣе застынетъ, чѣмъ непьющій.

Сказать, что если выпить на похоронахъ, на крестинахъ, на свадьбахъ, при свиданіяхъ, при разлукахъ, при покупкѣ, продажѣ,

то лучше обдумаешь то дѣло, для котораго собрались,—тоже никакъ нельзя, потому что при всѣхъ такихъ случаяхъ нужно не одурѣть отъ вина, а съ свѣжей головой обсудить дѣло.

Чѣмъ важнѣе случай, то трезвѣе, а не пьянѣе надо быть.

Нельзя сказать и того, чтобы вредно было бросить вино и тому, кто привыкъ къ нему, потому что мы каждый день видимъ, какъ пьющіе люди попадаютъ въ острогъ и живутъ тамъ безъ вина и только здоровѣютъ.

Нельзя сказать и того, чтобы отъ вина и больше веселья было. Правда, что отъ вина накоротко люди какъ будто и согрѣваются и развеселяются, но и то и другое не надолго. И какъ согрѣется человѣкъ отъ вина и еще пуще озябнетъ, такъ и развеселится отъ вина человѣкъ и еще пуще дѣлается скученъ. Только стоитъ зайти въ трактиръ да посидѣть, посмотрѣть на драку, крикъ, слезы, чтобы понять то, что не веселитъ вино человѣка.

Нельзя сказать и того, чтобы не вредно было пьянство. Про вредъ его тѣлу и душѣ всякій знаетъ.

И что же? И не вкусно вино, и не питаетъ, и не крѣпитъ, и не грѣетъ, и не помогаетъ въ дѣлахъ, и вредно тѣлу и душѣ—и все-таки столько людей его пьютъ, и что дальше, то больше. Зачѣмъ же люди пьютъ и губятъ себя и другихъ людей? «Всѣ пьютъ и угощаютъ, нельзя же и мнѣ не пить и не угощать», отвѣчаютъ на это многіе, и, живя среди пьяныхъ, эти люди точно воображаютъ, что всѣ кругомъ пьютъ и угощаютъ. Но вѣдь это неправда. Если человѣкъ воръ, то онъ и будетъ водиться съ ворами, и будетъ ему казаться, что всѣ воры. Но стоитъ ему бросить воровство, и станетъ онъ водиться съ честными людьми и увидитъ, что не всѣ воры. То же и съ пьянствомъ. Не всѣ пьютъ и угощаютъ. Если бы всѣ пили и угощали, то жизнь сдѣлалась бы адомъ, но этого не можетъ быть, потому что среди заблудшихъ людей всегда были и теперь есть много разумныхъ; и всегда были и теперь есть много и много милліоновъ людей непьющихъ и понимающихъ, что пить или не пить—дѣло не шуточное. Если сцѣпились рука съ рукой люди пьющіе и наступаютъ на другихъ людей и хотятъ споить весь міръ, то пора и людямъ разумнымъ понять, что и имъ надо схватиться рука съ рукой и бороться со зломъ, чтобы и ихъ дѣтей не споили заблудшіе люди.

Пора опомниться!

1889 г

ОБРАЩЕНІЕ КЪ ЛЮДЯМЪ-БРАТЬЯМЪ.

(Начало неоконченной статьи.)

Нельзя медлить и откладывать. Нечего бояться, нечего обдумывать, какъ и что сказать.

Жизнь не дожидается. Жизнь моя уже на исходѣ и всякую минуту можетъ оборваться. А если могу я чѣмъ послужить людямъ, если могу чѣмъ загладить всѣ мои грѣхи, всю мою праздную, похотливую жизнь, то только тѣмъ, чтобы сказать людямъ-братьямъ то, что мнѣ дано понять яснѣе другихъ людей, то, что вотъ уже десять лѣтъ мучаетъ меня и раздираетъ мнѣ сердце.

Не мнѣ одному, но всѣмъ людямъ ясно и понятно, что жизнь людская идетъ не такъ, какъ она должна идти, что люди мучаютъ себя и другихъ.

Всякій человѣкъ знаетъ, что для его блага, для блага всѣхъ людей нужно любить ближняго не меньше себя и, если не можешь дѣлать ему того, что себѣ хочешь, не дѣлать ему, чего себѣ не хочешь; и ученіе вѣры всѣхъ народовъ, и разумъ, и совѣсть говорятъ то же всякому человѣку. Смерть плотская, которая стоитъ передъ каждымъ изъ насъ, напоминаетъ намъ, что не дано намъ вкушать плода ни отъ какого изъ дѣлъ нашихъ, что смерть всякую минуту можетъ оборвать нашу жизнь и что потому одно, что мы можемъ дѣлать и что можетъ дать намъ радость и спокойствіе, это — то, чтобы всякую минуту, всегда дѣлать то, что велитъ намъ нашъ разумъ и наша совѣсть (если мы не вѣримъ откровенію), и—откровеніе Христа (если мы вѣримъ ему). То-есть, если уже мы не можемъ дѣлать ближнему того, что намъ хочется для себя, себѣ,—не дѣлать ему по крайней мѣрѣ того, чего мы себѣ не хотимъ. И какъ давно, и какъ всѣмъ одинаково извѣстно это, и несмотря на то не дѣлаютъ люди другимъ, чего себѣ желаютъ, а убиваютъ, грабятъ, обворовываютъ, мучаютъ другъ друга люди, и вмѣсто того, чтобы жить въ радости, спокойствіи и любви, живутъ въ мученіяхъ, горести, страхѣ и злобѣ. И вездѣ одно и то же: люди страдаютъ, мучаются, стараясь не видѣть своей безумной жизни, стараются забыться, заглушить свои страданія и не могутъ, и съ каждымъ годомъ все больше и больше людей сходятъ съ ума и убиваютъ себя, не будучи въ силахъ переносить жизнь, противную всему существу человѣческому.

Но, можетъ-быть, такова и должна быть жизнь людей,—такъ, какъ живутъ теперь люди съ своими императорами, королями и правительствами, съ своими палатами, парламентами, съ своими милліонами солдатъ, ружей и пушекъ, всякую минуту готовые

наброситься другъ на друга? Можетъ-быть, такъ и должны жить люди съ своими фабриками и заводами ненужныхъ или вредныхъ вещей, на которыхъ, работая 10, 12, 15 часовъ въ сутки, гибнутъ милліоны людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей превращенныхъ въ машины? Можетъ-быть, такъ и должно быть, чтобы все больше и больше пустѣли деревни, и наполнялись людьми города съ ихъ трактирами, барделями, ночлежными домами, больницами и воспитательными домами? Можетъ-быть, такъ и должно быть, чтобъ все меньше и меньше становилось честныхъ браковъ, а все больше и больше проститутокъ и женщинъ, въ утробѣ убивающихъ плодъ, и мужчинъ, разжигающихся похотью къ мужчинамъ? Можетъ-быть, такъ и должно быть, чтобы сотни и сотни тысячъ людей сидѣли по тюрьмамъ, въ общихъ или одиночныхъ камерахъ, губя свои души? Можетъ-быть, такъ и надо, чтобы та вѣра Христа, которая учитъ смиренію, перенесенію обидъ, дѣланію ближнему того, чего себѣ хочешь, любви къ нему, любви къ врагамъ, совокупленію всѣхъ воедино, — можетъ-быть, такъ и нужно, чтобы вѣра Христа, учащая этому, передавалась людямъ учителями разныхъ сотенъ враждующихъ между собою сектъ въ видѣ ученія нелѣпыхъ и безнравственныхъ басенъ о сотвореніи міра и человѣка, о наказаніи и искупленіи его Христомъ, объ установленіи такихъ или такихъ таинствъ и обрядовъ? Можетъ-быть, что все это такъ нужно и свойственно людямъ, какъ свойственно муравьямъ жить въ муравейникахъ, пчеламъ въ ульяхъ, и тѣмъ и другимъ воевать и работать для исполненія своей жизни? Можетъ-быть, это самое нужно людямъ, таковъ ихъ законъ и, можетъ-быть, требованія разума и совѣсти другой, любовной и блаженной жизни, — можетъ-быть, эти требованія есть мечта и обманъ, и не надо и нельзя думать о томъ, что люди могутъ жить иначе?

Такъ и говорятъ нѣкоторые.

Но сердце человѣческое не вѣритъ этому. Какъ всегда, оно громко вопіяло противъ ложной жизни, призывало людей къ той жизни, которую требуютъ откровеніе разума и совѣсть, такъ еще сильнѣе, сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, оно вопіетъ въ наше время.

Прошли вѣка, тысячелѣтія, — вѣчность времени, и насъ не было. И вдругъ мы живемъ, радуемся, думаемъ, любимъ.—Мы живемъ, и срокъ этой жизни нашей, по Давиду 70 крошечныхъ лѣтъ, пройдутъ они, и мы исчезнемъ, и этотъ 70-лѣтній предѣлъ закроетъ опять вѣчность времени, и насъ не будетъ такими, какими мы теперь, ужъ никогда. И вотъ намъ дано прожить эти въ лучшемъ случаѣ 70 лѣтъ, а то, можетъ-быть, только дни, часы даже, прожить ихъ въ тоскѣ и злобѣ или въ радости и любви, прожить ихъ съ сознаніемъ того, что все то, что мы дѣлаемъ, не то и не такъ, или съ сознаніемъ того, что все то, что мы сдѣлали, хотя и несовершенно и слабо, но то именно, что должно было сдѣлать въ этой жизни.

«Одумайтесь, одумайтесь, одумайтесь», кричалъ еще Іоаннъ Креститель; «одумайтесь», провозглашалъ Христосъ; «одумайтесь»,

провозглашаетъ голосъ Бога, голосъ совѣсти и разума. Прежде всего остановимся каждый въ своей работѣ или своей забавѣ, остановимся и подумаемъ о томъ, что мы дѣлаемъ. Дѣлаемъ ли то, что должно, или такъ даромъ, ни за что проживаемъ ту жизнь, которая среди двухъ вѣчностей смерти дана намъ?

Знаю я, что со всѣхъ сторонъ на тебя налегаютъ люди и не даютъ тебѣ минуты покоя и что тебѣ, какъ лошади на колесѣ, кажется, что никакъ нельзя остановиться, хотя и колесо, движущееся надъ тобой, разогнано самимъ тобою; знаю я, что сотни голосовъ закричатъ на тебя, какъ только ты попытаешься остановиться, чтобы одуматься:

«Некогда думать и разсуждать, надо дѣлать», закричитъ одинъ голосъ.

«Не слѣдуетъ разсуждать о себѣ и своихъ желаніяхъ, когда дѣло, которому ты служишь, есть дѣло общее, дѣло семьи, дѣло торговли, искусства, науки, государства. Ты долженъ служить общему», закричитъ другой голосъ.

«Все это ужъ пробовано обдумывать, и никто ничего не обдумалъ; живи, вотъ и все», закричитъ третій голосъ.

«Думай или не думай, все будетъ одно: поживешь недолго и умрешь: а потому живи въ свое удовольствіе. Не думай. Если станешь думать, увидишь, что эта жизнь хуже, чѣмъ не-жизнь, и убьешь себя. Живи какъ попало, но не думай», закричитъ четвертый голосъ.

Какъ въ сказкѣ разсказываютъ, что когда уже въ виду искателя клада было то, что онъ искалъ, тысяча страшныхъ и соблазнительныхъ голосовъ закричали вокругъ него, чтобы помѣшать ему взять то, что дало бы ему счастье, такъ и голоса слугъ міра сбиваютъ искателя истины, когда онъ уже въ виду ея.

Не слушай этихъ головъ и въ отвѣтъ на все, что они могутъ сказать тебѣ, скажи себѣ одно: «Позади своей жизни я вижу безконечность времени, въ которомъ меня не было. Впереди меня такая же безконечная тьма, въ которую вотъ-вотъ придетъ смерть и погрузитъ меня. Теперь я въ жизни и могу—знаю, что могу—могу закрыть глаза и, не видя ничего, попасть въ самую злую и мучительную жизнь, и могу не только открыть глаза, смотрѣть, но могу видѣть, оглядывать все вокругъ себя и избирать самую лучшую и радостную жизнь. И потому, что бы мнѣ ни говорили голоса и какъ бы ни тянули меня соблазны, какъ бы ни тянуло меня уже начатое мною и какъ бы ни поощряла меня текущая вокругъ меня жизнь, я остановлюсь, оглянусь вокругъ себя и одумаюсь».

И стоитъ человѣку сказать себѣ это, какъ онъ увидитъ, что не онъ одинъ одумывается, а что и прежде его, и при немъ много и много людей такъ же, какъ онъ, одумывались и избирали тотъ лучшій путь жизни, который одинъ даетъ благо, и указывали его.

25 мая 1889 г.

БОГУ ИЛИ МАММОНѢ.

«Никакой слуга не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ» (Лк. XVI, 13).

«Кто не со Мною, тотъ противъ Меня; и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ» (Мѳ. XII, 30).

Огромныя пространства лучшихъ земель, на которыхъ могли бы кормиться милліоны бѣдствующихъ теперь семей, заняты табакомъ, виноградомъ, ячменемъ, хмелемъ и, главное, рожью и картофелемъ, употребляемыми на приготовленіе пьяныхъ напитковъ: вина, пива и, главное, водки.

Милліоны рабочихъ, которые могли бы дѣлать полезныя для людей вещи, заняты приготовленіемъ этихъ предметовъ. Въ Англіи высчитано, что одна десятая всѣхъ рабочихъ занята приготовленіемъ водки и пива.

Какія же послѣдствія отъ приготовленія и употребленія табака, вина, водки, пива?

Есть старинный разсказъ про инока, который будто бы поспорилъ съ дьяволомъ, что онъ не впуститъ его въ свою келью; если же впуститъ, то исполнитъ то дѣло, которое предпишетъ ему дьяволъ. Разсказывается, что будто бы дьяволъ принялъ видъ раненаго ворона съ повисшимъ кровавымъ крыломъ и жалобно прыгалъ у двери кельи инока. Инокъ пожалѣлъ ворона и взялъ его въ свою келью. И тогда дьяволъ, войдя въ келью, предложилъ иноку на выборъ три преступленія: убійство, прелюбодѣяніе или опьянѣніе. Монахъ выбралъ опьянѣніе, думая, что, напившись, онъ сдѣлаетъ вредъ только самому себѣ. Но когда онъ выпилъ, то, потерявъ разумъ, пошелъ въ село и тамъ, поддавшись соблазну жены, совершилъ прелюбодѣяніе, а потомъ и убійство, защищаясь отъ вернувшагося и набросившагося на него мужа.

Такъ описываются послѣдствія пьянства въ старинной повѣсти, и таковы и въ дѣйствительности послѣдствія употребленія пьяныхъ напитковъ. Рѣдкій воръ, убійца совершаетъ свое дѣло трезвымъ. По записямъ въ судахъ видно, что девять десятыхъ преступленій совершаются въ пьяномъ состояніи. Самымъ очевиднымъ доказательствомъ того, что большинство преступленій вызываются виномъ, можетъ служить то, что въ нѣкоторыхъ штатахъ [1])

[1]) Областяхъ

Америки, гдѣ совсѣмъ запрещено вино, ввозъ и продажа всякихъ пьяныхъ напитковъ, преступленія почти прекратились: нѣтъ ни воровства, ни грабежей, ни убійствъ, и тюрьмы стоятъ пустыя.

Таково одно послѣдствіе употребленія пьяныхъ напитковъ.

Другое послѣдствіе — вредное вліяніе, производимое пьяными напитками на здоровье людей. Кромѣ того, что отъ употребленія пьяныхъ напитковъ происходятъ особенныя, свойственныя только пьющимъ, мучительныя болѣзни, отъ которыхъ умираетъ много людей, замѣчено, что люди пьющіе, заболѣвъ обыкновенными болѣзнями, труднѣе выздоравливаютъ, такъ что при страхованіи жизни страховыя общества всегда больше даютъ за жизнь тѣхъ, которые не употребляютъ, чѣмъ за тѣхъ, которые употребляютъ пьяные напитки.

Таково другое послѣдствіе употребленія пьяныхъ напитковъ.

Третье и самое ужасное послѣдствіе пьяныхъ напитковъ — то, что вино затемняетъ разумъ и совѣсть людей: люди отъ употребленія вина становятся грубѣе, глупѣе и злѣе.

Какая же польза отъ употребленія пьяныхъ напитковъ?

Никакой.

Защитники водки, вина, пива увѣряли прежде, что эти напитки прибавляютъ здоровья, силы, согрѣваютъ и веселятъ. Но теперь уже неоспоримо доказано, что это неправда. Пьяные напитки не прибавляютъ здоровья, потому что они содержатъ въ себѣ сильный ядъ — алкоголь, а употребленіе яда не можетъ не быть вредно.

То, что вино не придаетъ силы человѣку, доказано уже много разъ и тѣмъ, что, сравнивая за мѣсяцы и годы работу одинаково хорошаго мастера пьющаго и непьющаго, всегда оказывалось, что непьющій сработаетъ и больше и лучше, чѣмъ пьющій, и тѣмъ, что въ тѣхъ командахъ солдатъ, которые въ походахъ получали водку, всегда бываетъ больше слабыхъ и отсталыхъ, чѣмъ въ тѣхъ въ которыхъ не выдавалась водка.

Точно такъ же показано и то, что вино не грѣетъ и что тепло послѣ выпитаго вина держится недолго, и что человѣкъ послѣ короткаго согрѣванья еще больше остываетъ, такъ что продолжительный холодъ переносится пьющимъ всегда гораздо труднѣе, чѣмъ непьющимъ. Замерзающіе каждый годъ люди замерзаютъ большею частью только оттого, что согрѣваются виномъ.

То же, что веселье, которое происходитъ отъ вина, не есть настоящее и не радостное веселье, не нужно и доказывать. Всякій знаетъ, каково это пьяное веселье. Стоитъ только посмотрѣть въ городахъ на то, что дѣлается въ праздники въ трактирахъ, и въ деревняхъ—на то, что дѣлается тамъ на праздникахъ, крестинахъ и свадьбахъ. Пьяное веселье это всегда кончается ругательствами, драками, поврежденіями членовъ, всякаго рода преступленіями и униженіемъ человѣческаго достоинства.

Вино не придаетъ ни здоровья, ни силъ, ни тепла, ни веселья, а приноситъ людямъ только большой вредъ. И потому, казалось бы, слѣдовало всякому разумному и доброму человѣку не только

самому не употреблять пьяные напитки и не угощать ими, но и всѣми силами стараться уничтожить обычай употребленія этого безполезнаго и вреднаго яда.

Но, къ несчастью, происходитъ совсѣмъ не то. Люди такъ дорожатъ старинными привычками и обычаями, съ такимъ трудомъ отвыкаютъ отъ нихъ, что есть въ наше время очень много хорошихъ добрыхъ и разумныхъ людей, которые не только не оставляютъ употребленія и угощенія другихъ пьяными напитками, но еще и защищаютъ, какъ умѣютъ, это употребленіе.

«Не укоризненно вино, — говорятъ они,—а укоризненно пьянство». Царь Давидъ сказалъ: «Вино веселитъ сердце человѣка». «Если бы не пить, то не было бы правительству самаго главнаго дохода. Нельзя же встрѣтить праздникъ, справить крестины, свадьбу безъ вина. Нельзя не выпить при покупкѣ, продажѣ, при встрѣчѣ дорогого гостя». «При нашей работѣ и нуждѣ нельзя не выпить», говоритъ бѣдный рабочій человѣкъ. «Если мы пьемъ только при случаѣ и съ умомъ, то мы этимъ никому вреда не дѣлаемъ», говорятъ достаточные люди. «Руси веселіе есть пити», сказалъ еще князь Владиміръ». Мы своимъ выпиваніемъ никому вреда не дѣлаемъ, кромѣ себя. А если дѣлаемъ вредъ себѣ, то это дѣло наше; мы никого не хотимъ учить и никѣмъ не хотимъ быть поучаемы; не нами это началось, не нами и кончится», говорятъ легкомысленные люди.

Такъ говорятъ пьющіе разнаго состоянія и возраста люди, стараясь оправдать себя. Но оправданія эти, годившіяся еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, теперь уже не годятся. Хорошо было говорить это тогда, когда всѣ думали, что употребленіе пьяныхъ напитковъ есть безвредное удовольствіе, что пьяные напитки придаютъ здоровья и силы человѣку; когда не знали еще, что вино содержитъ въ себѣ ядъ, всегда вредный для здоровья людей; когда люди и не знали еще про тѣ страшныя послѣдствія пьянства, которыя теперь у всѣхъ предъ глазами.

Можно было говорить это тогда когда еще не было тѣхъ сотенъ и тысячъ людей, преждевременно умирающихъ въ жестокихъ страданіяхъ только оттого, что они пріучились пить пьяные напитки и не могутъ уже удержаться отъ употребленія ихъ. Хорошо было говорить, что вино есть безвредное удовольствіе, когда мы еще не видѣли тѣхъ сотенъ и тысячъ голодныхъ, замученныхъ женъ и дѣтей, страдающихъ только оттого, что мужья и отцы ихъ пріучились къ вину. Хорошо было говорить это, пока мы не видали еще тѣхъ сотенъ и тысячъ преступниковъ, наполняющихъ тюрьмы, ссылки и каторги, и распутно погибшихъ женщинъ, впавшихъ въ это положеніе только благодаря вину. Хорошо было говорить это, пока мы не знали, что сотни тысячъ людей, которые могли бы прожить свою жизнь на радость себѣ и людямъ, погубили свои силы и свой умъ и свою душу только потому, что существуютъ пьяные напитки и они соблазнились ими.

И потому нельзя уже въ наше время говорить, что питье или непитье вина есть дѣло частное, что мы не считаемъ для себя

вреднымъ умѣренное употребленіе вина и не хотимъ никого учить и сами не хотимъ быть никѣмъ поучаемы, что не нами началось, не нами и кончится. Этого уже нельзя говорить теперь: употребленіе вина или воздержаніе отъ него въ наше время не частное дѣло, а дѣло общее.

Теперь всѣ люди — все равно, хотятъ ли они или не хотятъ этого — раздѣлены на два лагеря: одни борются противъ употребленія безполезнаго яда, пьяныхъ напитковъ, и словомъ и дѣломъ, не употребляя вина и не угощая имъ; другіе поддерживаютъ и словомъ и сильнѣе всего примѣромъ употребленіе этого яда; и борьба эта идетъ теперь во всѣхъ государствахъ и вотъ уже лѣтъ двадцать съ особенной силой въ Россіи.

«И когда не знали, то не было на васъ и грѣха», говорилъ Христосъ. Теперь же мы знаемъ, что дѣлаемъ и кому служимъ, употребляя вино и угощая имъ, и потому, если мы, зная грѣхъ употребленія вина, продолжаемъ пить или угощать имъ, то у насъ уже нѣтъ никакого оправданія.

И пусть не говорятъ, что нельзя не пить и не угощать при извѣстныхъ случаяхъ,—на праздникахъ, свадьбахъ и тому подобныхъ случаяхъ, — что такъ дѣлаютъ всѣ, что такъ дѣлали наши отцы и дѣды, и потому нельзя намъ однимъ выдѣляться изъ всѣхъ. Это — неправда: наши дѣды и отцы оставляли тѣ злые и вредные обычаи, зло которыхъ стало для нихъ явно; такъ и мы обязаны оставлять то зло, которое стало явнымъ въ наше время. А то, что вино стало ужаснымъ зломъ въ наше время, въ этомъ не можетъ уже быть сомнѣнія. Какъ же, зная, что употребленіе пьяныхъ напитковъ есть зло, губящее сотни тысячъ людей, я буду угощать этимъ зломъ друзей, собравшихся ко мнѣ на праздникъ, крестины или свадьбу?

Не всегда все было такъ, какъ теперь, а все измѣнялось отъ худшаго къ лучшему, и измѣнялось не само собой, а людьми, исполнявшими то, чего отъ нихъ требовали ихъ разумъ и совѣсть. И теперь нашъ разумъ и наша совѣсть самымъ настоятельнымъ образомъ требуютъ отъ насъ того, чтобы мы перестали пить вино и угощать имъ.

Обыкновенно считаютъ достойными осужденія, презрѣнными людьми тѣхъ пьяницъ, которые по кабакамъ и трактирамъ напиваются до потери разсудка и такъ уже пристрастились къ вину, что не могутъ удержаться и пропиваютъ все, что имѣютъ. Тѣ же люди, которые покупаютъ на домъ вино, пьютъ ежедневно и умѣренно и угощаютъ виномъ своихъ гостей въ тѣхъ случаяхъ, когда это принято,—такіе люди считаются людьми хорошими и почтенными и не дѣлающими ничего дурного. А между тѣмъ эти-то люди болѣе пьяницъ достойны осужденія.

Пьяницы стали пьяницами только оттого, что не-пьяницы, не дѣлая себѣ вреда, научили ихъ пить вино, соблазнили ихъ своимъ примѣромъ. Пьяницы никогда не стали бы пьяницами, если бы не видали почтенныхъ, уважаемыхъ всѣми людей, пьющихъ вино и угощающихъ имъ. Молодой человѣкъ, никогда не пившій

вина, узнаетъ вкусъ и дѣйствіе вина на праздникѣ, на свадьбѣ у этихъ почтенныхъ людей, не пьяницъ, а пьющихъ и угощающихъ при извѣстныхъ случаяхъ.

И потому тотъ, кто пьетъ вино, какъ бы онъ умѣренно ни пилъ его, въ какихъ бы особенныхъ, всѣми принятыхъ случаяхъ ни угощалъ имъ, дѣлаетъ великій грѣхъ. Онъ соблазняетъ тѣхъ, кого не велѣно соблазнять, про которыхъ сказано: «горе тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ».

Говорятъ: не нами началось, не нами и кончится. Нѣтъ, нами и кончится, если только мы поймемъ, что для каждаго изъ насъ питье или непитье вина не есть дѣло безразличное, что каждой бутылкой купленной, каждой рюмкой выпитаго вина мы служимъ тому страшному дьявольскому дѣлу, отъ котораго гибнутъ лучшія силы человѣческія; а, напротивъ, воздержаніемъ отъ вина для самихъ себя и прекращеніемъ безумнаго обычая употребленія вина на праздникахъ, свадьбахъ, крестинахъ мы дѣлаемъ дѣло огромной важности, — дѣло нашей души, дѣло Божье. Только бы мы поняли это, то нами и кончится пьянство.

И потому, кто бы ты ни былъ, читатель: юноша ли, еще только готовящійся къ жизни, или взрослый человѣкъ, уже учреждающій жизнь, хозяинъ-мужчина, или женщина-хозяйка, или старѣющій человѣкъ, когда уже близко время отчета о совершонныхъ тобою дѣлахъ, богатый ли ты или бѣдный, знатный или неизвѣстный,—кто бы ты ни былъ, тебѣ уже нельзя оставаться посрединѣ между двумя лагерями, ты неизбѣжно долженъ избрать одно изъ двухъ: противодѣйствовать пьянству или содѣйствовать ему,— служить Богу или маммонѣ.

Если ты молодой человѣкъ, еще никогда не пившій, еще не отравленный ядомъ вина, — дорожи своей неиспорченностью и свободой отъ соблазна. Если ты вкусишь соблазна, тебѣ уже труднѣе будетъ побороть его. И не вѣрь, чтобы вино увеличило твое веселье. Въ твои годы свойственно веселье истинное, хорошее веселье, и вино только изъ истиннаго, невиннаго веселья сдѣлаетъ твое веселье пьянымъ, безумнымъ и порочнымъ. Главное же—берегись вина, потому что въ твои годы тебѣ труднѣе всего воздержаться отъ другихъ соблазновъ; вино же ослабляетъ въ тебѣ самую нужную въ твоемъ возрастѣ силу разума, противодѣйствующую соблазнамъ. Выпивши, ты сдѣлаешь то, чего и не подумалъ бы сдѣлать трезвый. Зачѣмъ же тебѣ подвергать себя такой страшной опасности?

Если же ты взрослый человѣкъ, уже сдѣлавшій себѣ привычку изъ употребленія пьяныхъ напитковъ или начинающій привыкать къ нимъ,—поскорѣе, пока еще есть время, отвыкай отъ этой ужасной привычки, а то не успѣешь оглянуться, какъ она уже овладѣетъ тобой, и ты можешь сдѣлаться такимъ же, какъ тѣ безвозвратно погибшіе пьяницы, которые погибли отъ вина. Всѣ они начинали такъ же, какъ и ты. Если же бы ты и сумѣлъ удержаться во всю жизнь свою на умѣренномъ употребленіи пьяныхъ напитковъ и самъ не сдѣлался бы пьяницей, то, продолжая пить

вино и угощать имъ, ты сдѣлаешь, можетъ-быть, пьяницей своего младшаго брата, свою жену, дѣтей, которые не будутъ имѣть, какъ ты, силы остановиться на умѣренномъ употребленіи вина. Главное же — пойми то, что на тебѣ, какъ на человѣкѣ, находящемся въ самомъ сильномъ возрастѣ жизни, на хозяинѣ или хозяйкѣ дома, руководителѣ жизни, лежитъ обязанность руководить жизнью твоихъ семейныхъ. И потому, если ты знаешь, что вино не приноситъ никакой пользы, производитъ великое зло людямъ, то не только ты не обязанъ рабски повторять то, что дѣлали отцы и дѣды,—употреблять вино, покупать его и угощать имъ,—а, напротивъ, обязанъ отмѣнить этотъ обычай и замѣнить его другимъ.

И не бойся, чтобы отмѣна обычая пить вино на праздникахъ, крестинахъ, свадьбахъ очень оскорбила и возмутила людей. Во многихъ мѣстахъ уже начинаютъ дѣлать это, замѣняя угощеніе виномъ угощеніями вкусной ѣдой и непьяными напитками; и люди только въ первое время, и то самые глупые, удивляются, но скоро привыкаютъ и одобряютъ.

Если же ты старый человѣкъ, въ томъ возрастѣ, когда тебѣ не нынче-завтра придется давать отчетъ Богу о томъ, какъ ты служилъ Ему, и ты, вмѣсто того, чтобы отвращать молодыхъ, неопытныхъ людей отъ вина, страшное зло котораго ты не могъ не видѣть въ продолженіе твоей жизни, соблазняешь ближнихъ своимъ примѣромъ, напиваясь виномъ или угощая имъ, — ты совершаешь великій грѣхъ.

Горе міру отъ соблазновъ! Соблазны должны войти въ міръ, но горе тому, черезъ кого они ходятъ.

Только бы мы поняли то, что въ дѣлѣ потребленія вина нѣтъ теперь средины, и хотимъ мы или не хотимъ этого, мы должны выбрать одно изъ двухъ: служить Богу или маммонѣ.

«Кто не со Мною, тотъ противъ Меня; и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ» (Мѳ. XII, 30).

1889 г.

ДЛЯ ЧЕГО ЛЮДИ ОДУРМАНИВАЮТСЯ?

I.

Что такое употребленіе одурманивающихъ веществъ: водки вина, пива, гашиша, опіума, табака и другихъ менѣе распространенныхъ: эѳира, морфина, мухомора? Отчего оно началось и такъ быстро распространилось и распространяется между всякаго рода людьми, дикими и цивилизованными одинаково? Что такое значитъ то, что вездѣ, гдѣ только не водка, вино, пиво, тамъ опіумъ или гашишъ, мухоморъ и другіе, и табакъ вездѣ?

Зачѣмъ людямъ нужно одурманиваться!

Спросите у человѣка, зачѣмъ онъ началъ пить вино и пьетъ. Онъ отвѣтитъ вамъ: «такъ пріятно, всѣ пьютъ», да еще прибавитъ: «для веселья». Нѣкоторые же, тѣ, которые ни разу не дали себѣ труда подумать о томъ, хорошо или дурно то, что они пьютъ вино, прибавятъ еще то, что вино здорово, даетъ силы, т.-е. скажутъ то, несправедливость чего давнымъ-давно уже доказана.

Спросите у курильщика, зачѣмъ онъ началъ курить табакъ и куритъ теперь, и онъ отвѣтитъ то же: «такъ, отъ скуки, всѣ курятъ».

Такъ же, вѣроятно, отвѣтятъ и потребители опіума, гашиша, морфина, мухомора.

«Такъ, отъ скуки, для веселья, всѣ это дѣлаютъ». Но вѣдь это хорошо *такъ, отъ скуки, для веселья,* оттого, что *всѣ это дѣлаютъ*, вертѣть пальцами, свистѣть, пѣть пѣсни, играть на дудкѣ и т. п., т.-е. дѣлать что-нибудь такое, для чего не нужно ни губить природныхъ богатствъ, ни затрачивать большихъ рабочихъ силъ, дѣлать то, что не приноситъ очевиднаго зла ни себѣ, ни другимъ. Но вѣдь для производства табака, вина, гашиша, опіума часто среди населеній, нуждающихся въ землѣ, занимаются милліоны и милліоны лучшихъ земель посѣвами ржи, картофеля, конопли, мака, лозъ, табака, и милліоны рабочихъ—въ Англіи $^1/_8$ всего населенія — заняты цѣлыя жизни производствомъ этихъ одурманивающихъ веществъ. Кромѣ того, употребленіе этихъ веществъ очевидно вредно, производитъ страшныя, всѣмъ извѣстныя и всѣми признаваемыя бѣдствія, отъ которыхъ гибнетъ больше людей, чѣмъ отъ всѣхъ войнъ и заразныхъ болѣзней вмѣстѣ. И люди знаютъ это; такъ что не можетъ быть, чтобъ это дѣлалось *такъ, отъ скуки, для веселья,* оттого только, что *всѣ это дѣлаютъ*.

Тутъ должно быть что-нибудь другое. Безпрестанно и повсюду встрѣчаешь людей, любящихъ своихъ дѣтей, готовыхъ принести

всякаго рода жертвы для ихъ блага и вмѣстѣ съ тѣмъ проживающихъ на водкѣ, винѣ, пивѣ или прокуривающихъ на опіумѣ или гашишѣ и даже на табакѣ то, что или совсѣмъ прокормило бы бѣдствующихъ и голодающихъ дѣтей, или по крайней мѣрѣ избавило бы ихъ отъ лишеній. Очевидно, что если человѣкъ, поставленный въ условія необходимости выбора между лишеніями и страданіями своей семьи, которую онъ любитъ, и воздержаніемъ отъ одурманивающихъ веществъ, все-таки избираетъ первое, то побуждаетъ его къ этому что-нибудь болѣе важное, чѣмъ то, что *всѣ это дѣлаютъ* и что это пріятно. Очевидно, что дѣлается это не *такъ, отъ скуки, для веселья,* а что есть тутъ какая-то болѣе важная причина.

Причина эта, насколько я умѣлъ понять ее изъ чтенія объ этомъ предметѣ и наблюденій надъ другими людьми и въ особенности надъ самимъ собой, когда я пилъ вино и курилъ табакъ,— причина эта, по моимъ наблюденіямъ, слѣдующая.

Въ періодѣ сознательной жизни человѣкъ часто можетъ замѣтить въ себѣ два раздѣльныя существа: одно—слѣпое, чувственное и другое—зрячее, духовное. Слѣпое животное существо ѣстъ, пьетъ, отдыхаетъ, спитъ, плодится и движется, какъ движется заведенная машина; зрячее духовное существо, связанное съ животнымъ, само ничего не дѣлаетъ, но только оцѣниваетъ дѣятельность животнаго существа тѣмъ, что совпадаетъ съ нимъ, когда одобряетъ эту дѣятельность, и расходится съ нимъ, когда не одобряетъ ея.

Зрячее существо это можно сравнить со стрѣлкою компаса, указывающею однимъ концомъ на Nord, другимъ — на противоположный Sud и прикрытою по своему протяженію пластинкой, невидной до тѣхъ поръ, пока то, что несетъ на себѣ стрѣлку, двигается по ея направленію, и выступающей и становящейся видною, какъ скоро то, что несетъ стрѣлку, отклоняется отъ указаннаго ею направленія.

Точно такъ же зрячее духовное существо, проявленіе котораго въ просторѣчіи мы называемъ совѣстью, всегда показываетъ однимъ концомъ на добро, другимъ—противоположнымъ — на зло и не видно намъ до тѣхъ поръ, пока мы не отклоняемся отъ даваемаго имъ направленія, т.-е. отъ зла къ добру. Но стоитъ сдѣлать поступокъ, противный направленію совѣсти, и появляется сознаніе духовнаго существа, указывающее отклоненіе животной дѣятельности отъ направленія, указываемаго совѣстью. И какъ мореходъ не могъ бы продолжать работать веслами, машиной или парусомъ, зная, что онъ идетъ не туда, куда ему надо, до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ бы своему движенію направленіе, соотвѣтствующее стрѣлкѣ компаса, или не скрылъ бы отъ себя ея отклоненіе, такъ точно и всякій человѣкъ, почувствовавъ раздвоеніе своей совѣсти съ животною дѣятельностью, не можетъ продолжать эту дѣятельность до тѣхъ поръ, пока или не приведетъ ее въ согласіе съ совѣстью, или не скроетъ отъ себя указаній совѣсти о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоитъ только изъ этихъ двухъ дѣятельностей: 1) приведенія своей дѣятельности въ согласіе съ совѣстью и 2) скрыванія отъ себя указаній своей совѣсти для возможности продолженія жизни.

Одни дѣлаютъ первое, другіе—второе. Для достиженія перваго есть одинъ только способъ: нравственное просвѣщеніе—увеличеніе въ себѣ свѣта и вниманія къ тому, что онъ освѣщаетъ; для второго—для скрытія отъ себя указаній совѣсти—есть два способа: внѣшній и внутренній. Внѣшній способъ состоитъ въ занятіяхъ, отвлекающихъ вниманіе отъ указаній совѣсти, внутренній состоитъ въ затемненіи самой совѣсти.

Какъ можетъ человѣкъ скрыть отъ своего зрѣнія находящійся предъ нимъ предметъ двумя способами: внѣшнимъ отвлеченіемъ зрѣнія къ другимъ, болѣе поражающимъ предметамъ и засореніемъ глазъ, такъ точно и указанія своей совѣсти человѣкъ можетъ скрыть отъ себя двоякимъ способомъ: внѣшнимъ — отвлеченіемъ вниманія всякаго рода занятіями, заботами, забавами, играми, и внутреннимъ — засореніемъ самаго органа вниманія. Для людей съ тупымъ, ограниченнымъ нравственнымъ чувствомъ часто вполнѣ достаточно внѣшнихъ отвлеченій для того, чтобы не видѣть указаній совѣсти о неправильности жизни. Но для людей нравственно чуткихъ средствъ этихъ часто недостаточно.

Внѣшніе способы не вполнѣ отвлекаютъ вниманіе отъ сознанія разлада жизни съ требованіями совѣсти; сознаніе это мѣшаетъ жить: и люди, чтобы имѣть возможность жить, прибѣгаютъ къ несомнѣнному внутреннему способу затемненія самой совѣсти, состоящему въ отравленіи мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованіямъ совѣсти. Повернуть жизнь сообразно этимъ требованіямъ нѣтъ силъ. Развлеченія, которыя бы отвлекали отъ сознанія этого разлада, недостаточны или они пріѣлись, и вотъ для того, чтобы быть въ состояніи продолжать жить, несмотря на указанія совѣсти о неправильности жизни, люди отравляютъ, на время прекращая его дѣятельность, тотъ органъ, черезъ который проявляются указанія совѣсти, такъ же какъ человѣкъ, умышленно засорившій глазъ, скрылъ бы отъ себя то, что онъ хотѣлъ бы видѣть.

II

Не во вкусѣ, не въ удовольствіи, не въ развлеченіи, не въ весельи лежитъ причина всемірнаго распространенія гашиша, опіума, вина, табака, а только въ потребности скрыть отъ себя указанія совѣсти.

Иду я разъ по улицѣ и, проходя мимо разговаривающихъ извозчиковъ, слышу, одинъ говоритъ другому: «Извѣстное дѣло—тверезому совѣстно!»

Трезвому совѣстно то, что не совѣстно пьяному. Этими словами высказана существенная, основная причина, по которой люди прибѣгаютъ къ одурманивающимъ веществамъ. Люди прибѣгаютъ къ нимъ или для того, чтобы не было совѣстно послѣ того, какъ

сдѣланъ поступокъ, противный совѣсти, или для того, чтобы впередъ привести себя въ состояніе, въ которомъ можно сдѣлать поступокъ, противный совѣсти, но къ которому влечетъ человѣка его животная природа.

Трезвому совѣстно ѣхать къ непотребнымъ женщинамъ, совѣстно украсть, совѣстно убить. Пьяному ничего этого не совѣстно, и потому, если человѣкъ хочетъ сдѣлать поступокъ, который совѣсть воспрещаетъ ему, онъ одурманивается.

Помню поразившее меня показаніе судившагося повара, убившаго мою родственницу, старую барыню, у которой онъ служилъ. Онъ разсказывалъ, что когда онъ услалъ свою любовницу горничную и наступило время дѣйствовать, онъ пошелъ было съ ножомъ къ спальнѣ, но почувствовалъ, что трезвый не можетъ совершить задуманнаго дѣла... «Трезвому совѣстно». Онъ вернулся, выпилъ два стакана припасенной впередъ водки и только тогда почувствовалъ себя готовымъ—и сдѣлалъ.

Девять десятыхъ преступленій совершаются такъ: «для смѣлости выпить!»

Половина паденій женщинъ происходитъ подъ вліяніемъ вина. Почти всѣ посѣщенія непотребныхъ домовъ совершаются въ пьяномъ видѣ. Люди знаютъ это свойство вина заглушать голосъ совѣсти и сознательно употребляютъ его для этой цѣли.

Мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить свою совѣсть,—зная, какъ дѣйствуетъ вино, они, желая заставить другихъ людей сдѣлать поступокъ, противный ихъ совѣсти, нарочно одурманиваютъ ихъ, организуютъ одурманиваніе людей, чтобы лишить ихъ совѣсти. На войнѣ солдатъ напаиваютъ пьяными всегда, когда приходится драться въ рукопашную. Всѣ французскіе солдаты на севастопольскихъ штурмахъ бывали напоены пьяными

Всѣмъ извѣстны люди, спившіеся съ круга вслѣдствіе преступленій, мучившихъ ихъ совѣсть. Всѣ могутъ замѣтить, что безнравственно живущіе люди болѣе другихъ склонны къ одурманивающимъ веществамъ. Разбойничьи, воровскія шайки, проститутки—не живутъ безъ вина.

Всѣ знаютъ и признаютъ, что употребленіе одурманивающихъ веществъ бываетъ послѣдствіемъ укоровъ совѣсти, что при извѣстныхъ безнравственныхъ профессіяхъ одурманивающія вещества употребляются для заглушенія совѣсти. Всѣ также думаютъ и признаютъ, что употребленіе одуряющихъ веществъ заглушаетъ совѣсть, что человѣкъ пьяный способенъ на поступки, о которыхъ онъ трезвый не рѣшился бы и подумать. Всѣ съ этимъ согласны, но — странное дѣло! — когда слѣдствіемъ употребленія одурманивающихъ веществъ не являются такіе поступки, какъ воровство, убійство, насиліе и т. п.; когда одурманивающія вещества принимаются не вслѣдъ за какими-нибудь страшными преступленіями, а людьми профессій, которыя не считаются нами преступными, и когда вещества эти принимаются не сразу въ большомъ количествѣ, но постоянно въ умѣренномъ, то почему-то

предполагается, что одурманивающія вещества уже не дѣйствуютъ на совѣсть, заглушая ее.

Такъ, предполагается, что выпиваніе русскимъ достаточнымъ человѣкомъ ежедневно передъ каждой ѣдой по рюмкѣ водки и за ѣдой по стакану вина, французомъ—своей полынной настойки, англичаниномъ — своего портвейна и портера, нѣмцемъ — своего пива, а зажиточнымъ китайцемъ выкуриваніе своей умѣренной порціи опіума и куреніе при этомъ табаку—дѣлается только для удовольствія и нисколько не вліяетъ на совѣсть людей.

Предполагается, что если послѣ этого обычнаго одурманиванія не совершено преступленіе, воровство, убійство, а извѣстные поступки, глупые и дурные, то эти поступки произошли сами собой и не вызваны одурманиваніемъ. Предполагается, что если этими людьми не совершено уголовнаго преступленія, то имъ и нѣтъ причинъ заглушать свою совѣсть, и что та жизнь, которую ведутъ люди, предающіеся постоянному одурманиванію себя, есть жизнь вполнѣ хорошая и была бы точно такой же, если бы люди эти не одурманивались. Предполагается, что постоянное употребленіе одурманивающихъ веществъ нисколько не затемняетъ ихъ совѣсти.

Несмотря на то, что каждый по опыту знаетъ, что отъ употребленія вина и табаку настроеніе измѣняется и перестаетъ быть совѣстно то, что безъ возбужденія было бы совѣстно; что послѣ каждаго, хотя бы и мелкаго, укора совѣсти такъ и тянетъ къ какому-нибудь дурману, и что подъ вліяніемъ одурманивающихъ веществъ трудно обдумать свою жизнь и свое положеніе, и что постоянное и равномѣрное употребленіе одуряющихъ веществъ производитъ то же физіологическое дѣйствіе, какъ и одновременное неумѣренное, — людямъ, умѣренно пьющимъ и курящимъ, кажется, что они употребляютъ одурманивающія вещества совсѣмъ не для заглушенія своей совѣсти, а только для вкуса и удовольствія.

Но стоитъ только серьезно и безпристрастно, не выгораживая себя, подумать объ этомъ, чтобы понять, что, во-первыхъ, если употребленіе одурманивающихъ веществъ сразу въ большихъ размѣрахъ заглушаетъ совѣсть человѣка, то постоянное употребленіе этихъ веществъ должно производить то же дѣйствіе, такъ какъ одурманивающія вещества дѣйствуютъ физіологически всегда одинаково, всегда возбуждая и потомъ притупляя дѣятельность мозга, будутъ ли они приняты въ большихъ или малыхъ пріемахъ; во-вторыхъ, что если одурманивающія вещества имѣютъ свойство заглушать совѣсть, то они имѣютъ его всегда — и тогда, когда подъ вліяніемъ ихъ совершается убійство, воровство, насиліе и когда подъ вліяніемъ ихъ говорится слово, которое не сказалось бы, думается и чувствуется то, что не думалось и не чувствовалось бы безъ нихъ; и, въ-третьихъ, что если потребленіе одурманивающихъ веществъ нужно, для того чтобы заглушить ихъ совѣсть, ворамъ, разбойникамъ, проституткамъ, то оно точно такъ же нужно людямъ, занимающимся профессіями, осуждаемыми ихъ

совѣстью, хотя бы профессіи эти признавались законными и почетными другими людьми.

Однимъ словомъ, нельзя не понять того, что употребленіе одурманивающихъ веществъ въ большихъ или малыхъ размѣрахъ, періодически или постоянно, въ высшемъ или низшемъ кругу вызывается одною и тою же причиной — потребностью заглушенія голоса совѣсти, для того, чтобы не видать разлада жизни съ требованіями сознанія.

III.

Въ этомъ одномъ причина распространенія всѣхъ одуряющихъ веществъ и между другими табака, едва ли не самаго распространеннаго и самаго вреднаго.

Предполагается, что табакъ веселитъ, уясняетъ мысли, привлекаетъ къ себѣ только какъ всякая привычка, ни въ какомъ случаѣ не производя того дѣйствія заглушенія совѣсти, которое признается за виномъ. Но стоитъ только повнимательнѣе вглядѣться въ условія, при которыхъ проявляется особенная потребность въ куреніи, для того, чтобы убѣдиться, что одурманеніе табакомъ, точно такъ же, какъ и виномъ, дѣйствуетъ на совѣсть и что люди сознательно прибѣгаютъ къ этому одурманенію, особенно тогда, когда оно нужно имъ для этой цѣли. Если бы табакъ только уяснялъ мысли и веселилъ, не было бы этой страстной потребности въ немъ и потребности именно въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ, и не говорили бы люди, что они готовы пробыть скорѣе безъ хлѣба, чѣмъ безъ табаку, и, дѣйствительно, часто не предпочитали бы куреніе пищѣ.

Тотъ поваръ, который зарѣзалъ свою барыню, разсказываетъ, что когда онъ, войдя въ спальню, рѣзанулъ ее ножомъ по горлу и она упала, хрипя, и кровь хлынула потокомъ, то онъ заробѣлъ. «Я не могъ дорѣзать,—говорилъ онъ,—и вышелъ изъ спальни въ гостиную, сѣлъ тамъ и выкурилъ папироску». Только одурманившись табакомъ, онъ почувствовалъ себя въ силахъ вернуться въ спальню, дорѣзать старуху и разобраться въ ея вещахъ.

Очевидно, потребность курить въ эту минуту была вызвана въ немъ не желаніемъ уяснить мысли или развеселиться, а необходимостью заглушить что-то, мѣшавшее ему додѣлать задуманное дѣло.

Такую опредѣленную потребность къ одурманиванію себя табакомъ въ извѣстныя, самыя затруднительныя минуты можетъ замѣтить въ себѣ всякій курящій. Вспоминаю за время своего куренія, когда я чувствовалъ особенную потребность въ табакѣ. Всегда это было въ такія минуты, когда мнѣ именно хотѣлось не помнить то, что я помнилъ, хотѣлось забыть, не думать. Сижу я одинъ, ничего не дѣлаю, знаю, что мнѣ надо начать работу, и не хочется,—я закуриваю и продолжаю сидѣть. Я обѣщалъ кому-либо быть у него въ 5 часовъ и засидѣлся въ другомъ мѣстѣ; я вспоминаю, что я опоздалъ, но мнѣ не хочется помнить это,—и я курю. Я раздраженъ и говорю человѣку непріятное и знаю, что дѣлаю дурно, и вижу, что надо перестать, но мнѣ хочется дать

ходъ своему раздраженію,—я курю и продолжаю раздражаться. Я играю въ карты и проигрываю больше того, чѣмъ то, чѣмъ я хотѣлъ ограничиться,—я курю. Я поставилъ себя въ неловкое положеніе, я дурно поступилъ, ошибся, и мнѣ надо сознать свое положеніе, чтобы выйти изъ него, но не хочется сознаться, — я обвиняю другихъ и курю. Я пишу и не совсѣмъ доволенъ тѣмъ, что пишу. Надо бросить, но хочется дописать то, что задумалъ,— я курю. Я спорю и вижу, что мы съ противникомъ не понимаемъ и не можемъ понять другъ друга, но хочется высказать свои мысли,—я продолжаю говорить и курю.

Особенность табака отъ другихъ одуряющихъ веществъ, кромѣ легкости одурманиванія себя имъ и его кажущейся безвредности, заключается еще и въ его, такъ сказать, портативности, возможности прилагать его къ мелкимъ отдѣльнымъ случаямъ. Не говоря уже о томъ, что употребленіе опіума, вина, гашиша сопряжено съ нѣкоторыми приспособленіями, которыя не всегда можно имѣть, табакъ же и бумагу всегда можно имѣть съ собой, и о томъ, что курильщикъ опіума, алкоголикъ возбуждаетъ ужасъ, человѣкъ же, курящій табакъ, не представляетъ ничего отталкивающаго, — преимущество табака передъ другими дурманами то, что дурманъ опіума, гашиша, вина распространяется на всѣ впечатлѣнія и дѣйствія, получаемыя и производимыя въ извѣстный, довольно продолжительный періодъ времени, дурманъ же табака можетъ быть направленъ на каждый отдѣльный случай. Хочешь сдѣлать то, чего не слѣдуетъ, — выкуриваешь папироску, одурманиваешься настолько, насколько нужно, чтобы сдѣлать то, что не надо было, и опять свѣжъ и можешь ясно мыслить и говорить; или чувствуешь, что сдѣлалъ то, чего не слѣдовало,—опять папироска, и непріятное сознаніе дурного или неловкаго поступка уничтожено, и можешь заняться другимъ и забыть.

Но не говоря о тѣхъ частныхъ случаяхъ, въ которыхъ всякій курящій прибѣгаетъ къ куренію, не какъ къ удовлетворенію привычки и препровожденію времени, а какъ къ средству заглушенія совѣсти для поступковъ, которые имѣютъ быть сдѣланы или уже сдѣланы, развѣ не очевидна та строго опредѣленная зависимость между образомъ жизни людей и ихъ пристрастіемъ къ куренію?

Когда начинаютъ курить мальчики? Почти всегда тогда же, когда они теряютъ дѣтскую невинность. Отчего люди курящіе могутъ переставать курить, какъ скоро становятся въ болѣе нравственныя условія жизни, и опять начинаютъ курить, какъ только попадаютъ въ развращенную среду? Почему игроки почти всѣ курятъ? Почему изъ женщинъ меньше курятъ женщины, ведущія правильный образъ жизни? Почему проститутки и сумасшедшіе *всѣ* курятъ? Привычка привычкой, но очевидно, что куреніе находится въ опредѣленной зависимости отъ потребности заглушенія совѣсти и что она достигаетъ этой своей цѣли.

Наблюденіе о томъ, до какой степени куреніе заглушаетъ голосъ совѣсти, можно сдѣлать надъ всякимъ почти курильщикомъ. Всякій курильщикъ, предаваясь своей страсти, забываетъ или пре-

небрегаетъ самыми первыми требованіями общежитія, котораго онъ требуетъ отъ другихъ и которое онъ соблюдаетъ во всѣхъ другихъ случаяхъ до тѣхъ поръ, пока совѣсть его не заглушена табакомъ. Всякій человѣкъ нашего средняго воспитанія признаетъ непозволительнымъ, неблаговоспитаннымъ, негуманнымъ для своего удовольствія нарушать спокойствіе и удобство, а тѣмъ болѣе здоровье, другихъ людей. Никто не позволитъ себѣ намочить комнату, въ которой сидятъ люди, шумѣть, кричать, напустить холоднаго, жаркаго или вонючаго воздуха, совершать поступки, мѣшающіе и вредящіе другимъ. Но изъ 1000 курильщиковъ ни одинъ не постѣснится тѣмъ, чтобы напустить нездороваго дыма въ комнатѣ, гдѣ дышатъ воздухомъ некурящія женщины, дѣти. Если закуривающіе и спрашиваютъ обыкновенно у присутствующихъ: «вамъ не непріятно?» то всѣ знаютъ, что принято отвѣчать: «сдѣлайте одолженіе» (несмотря на то, что некурящему не можетъ быть пріятно дышать зараженнымъ воздухомъ и находить вонючіе окурки въ стаканахъ, чашкахъ, тарелкахъ, на подсвѣчникахъ или даже въ пепельницахъ). Но если бы даже некурящіе взрослые и переносили табакъ, то дѣтямъ-то, у которыхъ никто не спрашиваетъ, никакъ не можетъ быть это пріятно и полезно. А между тѣмъ люди честные, гуманные во всѣхъ другихъ отношеніяхъ курятъ при дѣтяхъ, за обѣдомъ, въ маленькихъ комнатахъ, заражая воздухъ табачнымъ дымомъ, не чувствуя при этомъ ни малѣйшаго укора совѣсти.

Обыкновенно говорятъ, и я говорилъ, что куреніе содѣйствуетъ умственной работѣ. И несомнѣнно, что это такъ, если смотрѣть только на количество умственной работы. Человѣку, курящему и потому перестающему строго оцѣнивать и взвѣшивать свои мысли, кажется, что у него вдругъ сдѣлалось много мыслей. Но это совсѣмъ не то, что у него сдѣлалось много мыслей, а только то, что онъ потерялъ контроль надъ своими мыслями.

Когда человѣкъ работаетъ, онъ всегда сознаетъ въ себѣ два существа: одного—работающаго, другого — оцѣнивающаго работу. Чѣмъ строже оцѣнка, тѣмъ медленнѣе и лучше работа, и наоборотъ. Если же оцѣнивающій будетъ находиться подъ вліяніемъ дурмана, то работы будетъ больше, но качество ея будетъ ниже.

«Если я не курю, я не могу писать. Мнѣ не пишется, я начинаю и не могу продолжать», говорятъ обыкновенно, говорилъ и я. Что же это значитъ? А то, что тебѣ или нечего писать, или то, что то, что ты сейчасъ хочешь уже написать, еще не созрѣло въ твоемъ сознаніи, а только смутно начинаетъ представляться тебѣ, и оцѣнивающій живущій въ тебѣ критикъ, не одурманенный табакомъ, говоритъ тебѣ это. Если бы ты не курилъ, ты или оставилъ бы начатое и подождалъ времени, когда то, о чемъ ты думаешь, уяснилось бы тебѣ, или постарался бы вдуматься въ то, что смутно представляется тебѣ, обдумалъ бы представляющіяся возраженія и напрягъ бы все свое вниманіе на уясненіе себѣ своей мысли. Но ты закуриваешь, сидящій въ тебѣ критикъ одурманивается, и задержка въ твоей работѣ устраняется: то, что тебѣ

трезвому отъ табаку казалось ничтожнымъ, представляется опять значительнымъ; то, что казалось неяснымъ, уже не представляется такимъ; представлявшіяся тебѣ возраженія скрываются, и ты продолжаешь писать, и пишешь много и быстро.

IV.

«Но неужели такое малое, крошечное измѣненіе, какъ легкій хмель, производимый умѣреннымъ употребленіемъ вина и табаку, можетъ производить какія-либо значительныя послѣдствія? Понятно, что если человѣкъ накуривается опіума, гашиша, напивается вина такъ, что падаетъ и теряетъ разсудокъ, то послѣдствія такого одурманенія могутъ быть очень важны; но то, что человѣкъ находится подъ самымъ легкимъ дѣйствіемъ хмеля или табаку, никакъ не можетъ имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій», говорятъ обыкновенно. Людямъ кажется, что маленькій дурманъ, маленькое затменіе сознанія не можетъ производить важнаго вліянія. Но думать такъ—все равно, что думать то, что часамъ можетъ быть вредно то, чтобы ударить ихъ о камень, но что если положить соринку въ середину ихъ хода, то это не можетъ повредить имъ.

Вѣдь главная работа, двигающая всею жизнью людской, происходитъ не въ движеніи рукъ, ногъ, спинъ человѣческихъ, а въ сознаніи. Для того, чтобы человѣкъ совершилъ что-нибудь ногами и руками, нужно, чтобы прежде совершилось извѣстное измѣненіе въ его сознаніи. И это-то измѣненіе опредѣляетъ всѣ послѣдующія дѣйствія человѣка. Измѣненія же эти всегда бываютъ крошечныя, почти незамѣтныя.

Брюлловъ поправилъ ученику этюдъ. Ученикъ, взглянувъ на измѣнившійся этюдъ, сказалъ: «Вотъ чуть-чуть тронули этюдъ, а совсѣмъ сталъ другой». Брюлловъ отвѣтилъ: «Искусство только тамъ и начинается, гдѣ начинается *чуть-чуть*».

Изреченіе это поразительно вѣрно и не по отношенію къ одному искусству, но и ко всей жизни. Можно сказать, что истинная жизнь начинается тамъ, гдѣ начинается чуть-чуть, тамъ, гдѣ происходятъ кажущіяся намъ чуть-чуточными безконечно малыя измѣненія. Истинная жизнь происходитъ не тамъ, гдѣ совершаются большія внѣшнія измѣненія, гдѣ передвигаются, сталкиваются, дерутся, убиваютъ другъ друга люди, а она происходитъ только тамъ, гдѣ совершаются чуть-чуточныя диференціальныя измѣненія.

Истинная жизнь Раскольникова совершалась не тогда, когда онъ убивалъ старуху или сестру ея. Убивая самое старуху и въ особенности сестру ея, онъ не жилъ истинною жизнью, а дѣйствовалъ какъ машина, дѣлалъ то, чего онъ не могъ не дѣлать; выпускалъ тотъ зарядъ, который давно уже былъ заложенъ въ немъ. Одна старуха убита, другая передъ нимъ тутъ же, топоръ у него въ рукѣ.

Истинная жизнь Раскольникова происходила не въ то время, когда онъ встрѣтилъ сестру старухи, а въ то время, когда онъ не убивалъ еще и одной старухи, не былъ въ чужой квартирѣ

съ цѣлью убійства, не имѣлъ въ рукахъ топора, не имѣлъ въ пальто петли, на которую вѣшалъ его, — въ то время, когда онъ даже и не думалъ о старухѣ, а, лежа у себя на диванѣ, разсуждалъ вовсе не о старухѣ и даже не о томъ, можно ли или нельзя по волѣ одного человѣка, стереть съ лица земли ненужнаго и вреднаго другого человѣка, а разсуждалъ о томъ, слѣдуетъ ли ему жить или не жить въ Петербургѣ, слѣдуетъ ли или нѣтъ брать деньги у матери, и еще о другихъ, совсѣмъ не касающихся старухи вопросахъ. И вотъ тогда-то, въ этой совершенно независимой отъ дѣятельности животной области, рѣшались вопросы о томъ, убьетъ ли онъ или не убьетъ старуху. Вопросы эти рѣшались не тогда, когда онъ, убивъ одну старуху, стоялъ съ топоромъ передъ другой, а тогда, когда онъ не дѣйствовалъ, а только мыслилъ, когда работало одно его сознаніе и въ сознаніи этомъ происходили чуть-чуточныя измѣненія. И вотъ тогда-то бываетъ особенно важна для правильнаго рѣшенія возникающаго вопроса наибольшая ясность мысли, и вотъ тогда-то одинъ стаканъ пива, одна выкуренная папироска могутъ помѣшать рѣшенію вопроса, отдалить это рѣшеніе, могутъ заглушить голосъ совѣсти, содѣйствовать рѣшенію вопроса въ пользу низшей животной природы, какъ это и было съ Раскольниковымъ.

Измѣненія чуть-чуточныя, а отъ нихъ-то самыя громадныя, ужасныя послѣдствія. Отъ того, что сдѣлается, когда человѣкъ рѣшился и началъ дѣйствовать, можетъ измѣниться много матеріальнаго, могутъ погибнуть дома, богатства, тѣла людей, но ничего не можетъ сдѣлаться больше того, чѣмъ то, что̀ залегло въ сознаніе человѣка. Предѣлы того, что̀ можетъ произойти, даны сознаніемъ.

Но отъ чуть-чуточныхъ измѣненій, которыя совершаются въ области сознанія, могутъ произойти самыя невообразимыя по своей значительности послѣдствія, для которыхъ нѣтъ предѣловъ.

Пусть не думаютъ, что то, что я говорю, имѣетъ что-нибудь общее съ вопросами о свободѣ воли или детерминизмѣ. Разговоры объ этихъ предметахъ излишни для моей цѣли, да и для чего бы то ни было. Не рѣшая вопроса о томъ, можетъ или не можетъ человѣкъ поступать такъ, какъ онъ хочетъ (вопроса, по-моему, неправильно поставленнаго), я говорю только о томъ, что такъ какъ человѣческая дѣятельность опредѣляется туть-чуточными измѣненіями въ сознаніи, то (все равно — признавая или не признавая такъ называемую свободу воли) надо быть особенно внимательнымъ къ тому состоянію, въ которомъ проявляются эти чуть-чуточныя измѣненія, какъ надо быть особенно внимательнымъ къ состоянію вѣсовъ, посредствомъ которыхъ мы взвѣшиваемъ предметы. Надо, насколько это отъ насъ зависитъ, стараться поставить себя и другихъ въ такія условія, при которыхъ не нарушались бы ясность и тонкость мысли, необходимыя для правильной работы сознанія, а не поступать обратно, стараясь затруднить и запутать эту работу сознанія потребленіемъ одуряющихъ веществъ.

Человѣкъ вѣдь есть и духовное и животное существо. Человѣка можно двигать, вліяя на его духовное существо, и можно двигать, вліяя на его животное существо. Такъ же, какъ часы можно двигать за стрѣлки и за главное колесо. И какъ въ часахъ удобнѣе руководить движеніемъ черезъ внутренній механизмъ, такъ и человѣкомъ—собой или другимъ—удобнѣе руководить черезъ сознаніе. И какъ въ часахъ пуще всего надо блюсти то, чѣмъ удобнѣе двигать серединный механизмъ, такъ и въ человѣкѣ пуще всего надо блюсти чистоту, ясность сознанія, которымъ удобнѣе всего двигать человѣкомъ. Сомнѣваться въ этомъ невозможно, и всѣ люди знаютъ это. Но является потребность обманывать себя. Людямъ не столько хочется, чтобы сознаніе работало правильно, сколько того, чтобы имъ казалось, что правильно то, что они дѣлаютъ, и они сознательно употребляютъ такія вещества, которыя нарушаютъ правильную работу сознанія.

V.

Пьютъ и курятъ не такъ, не отъ скуки, не для веселья, не потому, что пріятно, а для того, чтобы заглушить въ себѣ совѣсть. И если это такъ, то какъ ужасны должны быть послѣдствія! Въ самомъ дѣлѣ, подумать, какова была бы та постройка, которую строили бы люди не съ прямымъ правиломъ, по которому они выравнивали бы стѣны, не съ прямоугольнымъ угольникомъ, которымъ бы они опредѣляли углы, а съ мягкимъ правиломъ, которое сгибалось бы по всѣмъ неровностямъ стѣны, и съ угольникомъ, складывающимся и приходящимся къ каждому—и острому и тупому—углу.

А вѣдь, благодаря одурманиванію себя, это самое дѣлается въ жизни. Жизнь не приходится по совѣсти, совѣсть сгибается по жизни.

Это дѣлается въ жизни отдѣльныхъ лицъ, это же дѣлается и въ жизни всего человѣчества, слагающагося изъ жизни отдѣльныхъ лицъ.

Для того, чтобы понять все значеніе такого отуманенія своего сознанія, пускай всякій человѣкъ вспомнитъ хорошенько свое душевное состояніе въ каждый періодъ своей жизни. Каждый человѣкъ найдетъ, что въ каждый періодъ его жизни передъ нимъ стояли извѣстные нравственные вопросы, которые надо было ему разрѣшить и отъ разрѣшенія которыхъ зависѣло все благо его жизни. Для разрѣшенія этихъ вопросовъ нужно большое напряженіе вниманія. Это напряженіе вниманія составляетъ трудъ. Въ каждомъ его трудѣ, особенно въ началѣ его, есть періодъ, когда трудъ кажется тяжелымъ, мучительнымъ, и слабость человѣческая подсказываетъ желаніе оставить его. Физическій трудъ представляется мучительнымъ въ началѣ его; еще болѣе мучительнымъ представляется трудъ умственный. Какъ говоритъ Лессингъ, люди имѣютъ свойство переставать думать тогда, когда думанье начинаетъ представлять трудности, и именно тогда, при-

бавлю я, когда думанье начинаетъ быть плодотворнымъ. Человѣкъ чувствуетъ, что рѣшеніе стоящихъ передъ нимъ вопросовъ требуетъ напряженнаго, часто мучительнаго труда, и хочется отвильнуть отъ этого. Если бы у него не было внутреннихъ средствъ одурманенія, онъ не могъ бы изгнать изъ своего сознанія стоящихъ передъ нимъ вопросовъ и волей-неволей былъ бы приведенъ къ необходимости рѣшенія ихъ. Но вотъ человѣкъ узнаетъ средство отгонять эти вопросы всегда, когда они представляются, и употребляетъ его. Какъ только предстоящіе къ рѣшенію вопросы начинаютъ мучить его, человѣкъ прибѣгаетъ къ этимъ средствамъ и спасается отъ безпокойства, вызываемаго тревожащими вопросами. Сознаніе перестаетъ требовать разрѣшенія ихъ, и неразрѣшенные вопросы остаются неразрѣшенными до слѣдующаго просвѣтлѣнія. Но при слѣдующемъ просвѣтлѣніи повторяется то же, и человѣкъ мѣсяцами, годами, иногда всю жизнь продолжаетъ стоять передъ тѣми же нравственными вопросами, ни на шагъ не подвигаясь къ разрѣшенію ихъ. А между тѣмъ въ разрѣшеніи нравственныхъ вопросовъ и состоитъ все движеніе жизни.

Совершается нѣчто подобное тому, что дѣлалъ бы человѣкъ, которому черезъ взмученную воду надо было увидать дно, для того чтобы достать драгоцѣнную жемчужину, и который бы, не желая войти въ воду, сознательно взбалтывалъ воду, какъ скоро она начинала бы отстаиваться и быть прозрачной. Всю жизнь часто стоитъ человѣкъ, одурманивающійся, неподвижно на томъ же, разъ усвоенномъ, неясномъ, противорѣчивомъ міросозерцаніи, упираясь при всякомъ наступающемъ періодѣ просвѣтлѣнія все въ ту же стѣну, въ которую онъ упирался 10—20 лѣтъ тому назадъ и которую нечѣмъ пробить, потому что онъ сознательно притупляетъ то острее мысли, которое одно могло бы пробить ее.

Пускай всякій вспомнитъ себя за тотъ періодъ, во время котораго онъ пьетъ и куритъ, и пускай провѣритъ то же самое на другихъ, и всякій увидитъ одну постоянную черту, отличающую людей, предающихся одурманенію, отъ людей, свободныхъ отъ него: чѣмъ больше одурманивается человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ нравственно неподвиженъ.

VI.

Ужасны для отдѣльныхъ лицъ, какъ описываютъ ихъ намъ, послѣдствія потребленія опіума и гашиша; ужасны знакомыя намъ послѣдствія потребленія алкоголя на отъявленныхъ пьяницахъ; но безъ сравненія ужаснѣе послѣдствія для всего общества того, считающагося безвреднымъ, умѣреннаго употребленія водки, вина, пива и табаку, которому предается большинство людей, а въ особенности такъ называемые образованные классы нашего міра. Эти послѣдствія должны быть ужасны, если признать то, чего нельзя не признать: что руководящая дѣятельность общества—дѣятельность политическая, служебная, научная, литературная, художественная—производится большею частью людьми, находящимися

въ ненормальномъ состояніи, людьми пьяными. Обыкновенно предполагается, что человѣкъ, который, какъ большинство людей нашихъ достаточныхъ классовъ, употребляетъ алкогольные напитки при всякомъ принятіи пищи, находится на другой день, въ тотъ періодъ времени, когда онъ работаетъ, въ совершенно нормальномъ и трезвомъ состояніи. Но это совершенно несправедливо. Человѣкъ, выпившій наканунѣ бутылку вина, стаканъ водки или двѣ кружки пива находится въ обычномъ состояніи похмелья или угнетенія, слѣдующаго за возбужденіемъ, и потому въ умственно подавленномъ состояніи, которое усиливается еще куреніемъ. Для того, чтобы человѣкъ, курящій и пьющій постоянно и умѣренно, привелъ мозгъ въ нормальное состояніе, ему нужно пробыть по крайней мѣрѣ недѣлю или болѣе безъ употребленія вина и куренія [1]). Этого же почти никогда не бываетъ.

Такъ что большая часть всего того, что творится въ нашемъ мірѣ и людьми, управляющими другими и поучающими другихъ, и людьми, управляемыми и поучаемыми, совершается не въ трезвомъ состояніи.

И пусть не принимаютъ это за шутку или за преувеличеніе: безобразіе и, главное, безсмысленность нашей жизни происходятъ преимущественно отъ постояннаго состоянія опьянѣнія, въ которое приводитъ себя большинство людей. Развѣ возможно бы было, чтобы люди не пьяные спокойно дѣлали все то, что дѣлается въ нашемъ мірѣ,—отъ Эйфелевой башни до общей воинской повинности? Безъ всякой какой бы то ни было надобности составляется общество, собираются капиталы, люди работаютъ, вычисляютъ, составляютъ планы; милліоны рабочихъ дней, пудовъ желѣза тратятся на постройку башни; и милліоны людей считаютъ своимъ долгомъ взлѣзть на эту башню, побыть на ней и слѣзть назадъ; и постройка и посѣщеніе этой башни не вызываютъ въ людяхъ никакого другого сужденія объ этомъ, какъ желаніе и намѣреніе еще въ другихъ мѣстахъ построить еще болѣе высокія башни. Развѣ трезвые люди могли бы это дѣлать? Или другое: всѣ евро-

---

[1]) Но отчего же люди непьющіе и некурящіе находятся часто на умственномъ и нравственномъ уровнѣ несравненно низшемъ противъ людей пьющихъ и курящихъ? И почему люди пьющіе и курящіе часто проявляютъ самыя высокія и умственныя и душевныя качества?

Отвѣтъ на это, во-первыхъ, тотъ, что мы не знаемъ той степени высоты, до которой достигли бы люди пьющіе и курящіе, если бы они не пили и не курили. Изъ того же, что люди духовно сильные, подвергаясь принижающему дѣйствію одурманивающихъ веществъ, все-таки произвели великія вещи, мы можемъ заключить только то, что они произвели бы еще бо́льшія, если бы они не одурманивались. Очень вѣроятно, какъ мнѣ говорилъ одинъ мой знакомый, что книги Канта не были бы написаны такимъ страннымъ и дурнымъ языкомъ, если бы онъ не курилъ такъ много. Во-вторыхъ же, надо не забывать того, что чѣмъ ниже умственно и нравственно человѣкъ, тѣмъ менѣе онъ чувствуетъ разладъ между сознаніемъ и жизнью и потому тѣмъ меньше онъ испытываетъ потребность одурманенія, и что потому такъ часто и бываетъ то, что самыя чуткія натуры, тѣ, которыя болѣзненно чувствуютъ разладъ жизни и совѣсти, предаются наркотикамъ и погибаютъ отъ нихъ.

пейскіе народы вотъ уже десятки лѣтъ заняты тѣмъ, чтобы придумывать наилучшія средства убійства людей и обучать убійству всѣхъ молодыхъ людей, достигшихъ зрѣлаго возраста. Всѣ знаютъ, что нападеній варваровъ никакихъ быть не можетъ, что приготовленія къ убійству направлены христіанскими цивилизованными народами другъ на друга; всѣ знаютъ, что это тяжело, больно, неудобно, разорительно, безнравственно, безбожно и безумно—и всѣ готовятся къ взаимному убійству: одни—придумывая политическія комбинаціи о томъ, кто съ кѣмъ въ союзѣ и кого будетъ убивать, другіе—начальствуя надъ приготовляющимися къ убійству, и третьи—подчиняясь противъ воли, противъ совѣсти, противъ разума этимъ приготовленіямъ къ убійству. Развѣ трезвые люди могли бы это дѣлать? Только пьяные, никогда не вытрезвляющіеся люди могутъ дѣлать эти дѣла и жить въ томъ ужасающемъ противорѣчіи жизни и совѣсти, въ которомъ не только въ этомъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ живутъ люди нашего міра.

Никогда, мнѣ кажется, люди не жили въ такомъ очевидномъ противорѣчіи между требованіями совѣсти и поступками.

Человѣчество нашего времени точно зацѣпилось за что-то. Точно есть какая-то внѣшняя причина, мѣшающая встать ему въ то положеніе, которое ему свойственно по его сознанію. И причина эта—если не одна, то главная—это то физическое состояніе одурѣнія, въ которое виномъ и табакомъ приводитъ себя огромное большинство людей нашего міра.

Освобожденіе отъ этого страшнаго зла будетъ эпохой въ жизни человѣчества, и эпоха эта настаетъ, кажется. Зло сознано. Измѣненіе въ сознаніи по отношенію къ употребленію одуряющихъ веществъ уже совершилось, люди поняли страшный вредъ ихъ и начинаютъ указывать его, и это незамѣтное измѣненіе въ сознаніи неизбѣжно повлечетъ за собой освобожденіе людей отъ употребленія одуряющихъ веществъ. Освобожденіе же людей отъ употребленія одуряющихъ веществъ откроетъ имъ глаза на требованія ихъ сознанія, и они станутъ проводить свою жизнь въ согласіи съ совѣстью.

И кажется, что это уже начинается. И, какъ всегда, начинается съ высшихъ классовъ, тогда, когда уже заражены всѣ низшіе.

1890 г.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ.

I.

Если человѣкъ дѣлаетъ дѣло не для показу, а съ желаніемъ совершить его, то онъ неизбѣжно дѣйствуетъ въ одной, опредѣленной сущностью дѣла, послѣдовательности. Если человѣкъ дѣлаетъ послѣ то, что по сущности дѣла должно быть сдѣлано прежде, или вовсе пропускаетъ то, что необходимо сдѣлать для того, чтобы можно было продолжать дѣло, то онъ, навѣрное, дѣлаетъ дѣло не серьезно, а только притворяется. Правило это неизмѣнно остается вѣрнымъ какъ въ матеріальныхъ, такъ и не въ матеріальныхъ дѣлахъ. Какъ нельзя серьезно желать печь хлѣбы, не замѣсивъ прежде муку и не вытопивъ потомъ и не выметя печи и т. д., такъ точно нельзя серьезно желать вести добрую жизнь, не соблюдая извѣстной послѣдовательности въ пріобрѣтеніи необходимыхъ для того качествъ.

Правило это въ дѣлахъ доброй жизни особенно важно, потому что въ матеріальномъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, въ печеніи хлѣба, можно узнать, серьезно ли человѣкъ занимается дѣломъ или только притворяется, по результатамъ его дѣятельности; въ веденіи же доброй жизни повѣрка эта невозможна. Если люди, не мѣся муки, не топя печи, какъ на театрѣ дѣлаютъ только видъ, что они пекутъ хлѣбъ, то по послѣдствіямъ—отсутствію хлѣба—очевидно для каждаго, что они только притворялись; но если человѣкъ дѣлаетъ видъ, что онъ ведетъ добрую жизнь, мы не имѣемъ такихъ прямыхъ указаній, по которымъ мы бы могли узнать, серьезно ли онъ стремится къ веденію доброй жизни или только притворяется, потому что послѣдствія доброй жизни не только не всегда ощутительны и очевидны для окружающихъ, но очень часто представляются имъ вредными; уваженіе же и признаніе полезности и пріятности для современниковъ дѣятельности человѣка ничего не доказываютъ въ пользу дѣйствительности его доброй жизни.

И потому для распознаванія дѣйствительности доброй жизни отъ видимости ея особенно дорогъ этотъ признакъ, состоящій въ правильной послѣдовательности пріобрѣтенія нужныхъ для доброй жизни качествъ. Дорогъ этотъ признакъ преимущественно не для того, чтобы распознавать истинность стремленій къ доброй жизни въ другихъ, но для распознаванія ея въ самомъ себѣ, такъ какъ мы въ этомъ отношеніи склонны обманывать самихъ себя еще болѣе, чѣмъ другихъ.

Правильная послѣдовательность пріобрѣтенія добрыхъ качествъ есть необходимое условіе движенія къ доброй жизни, и потому всегда всѣми учителями человѣчества предписывалась людямъ извѣстная неизмѣнная послѣдовательность пріобрѣтенія добрыхъ качествъ.

Во всѣхъ нравственныхъ ученіяхъ устанавливается та лѣстница, которая, какъ говоритъ китайская мудрость, стоитъ отъ земли до неба и на которую восхожденіе не можетъ происходить иначе, какъ съ низшей ступени. Какъ въ ученіяхъ браминовъ, буддистовъ, конфуціанцевъ, такъ и въ ученіи мудрецовъ Греціи устанавливаются ступени добродѣтелей, и высшая не можетъ быть достигнута безъ того, чтобы не была усвоена низшая. Всѣ нравственные учители человѣчества, какъ религіозные, такъ и не религіозные, признавали необходимость опредѣленной послѣдовательности въ пріобрѣтеніи добродѣтелей, нужныхъ для доброй жизни; необходимость эта вытекаетъ и изъ самой сущности дѣла, и потому казалось бы, должна бы быть признаваема всѣми людьми.

Но удивительное дѣло! Сознаніе необходимой послѣдовательности качествъ и дѣйствій, существенныхъ для доброй жизни, какъ будто утрачивается все болѣе и болѣе и остается только въ средѣ аскетической, монашествующей. Въ средѣ же свѣтскихъ людей предполагается и признается возможность пріобрѣтенія высшихъ свойствъ доброй жизни не только при отсутствіи низшихъ добрыхъ качествъ, обусловливающихъ высшія, но и при самомъ широкомъ развитіи пороковъ; вслѣдствіе чего и представленіе о томъ, въ чемъ состоитъ добрая жизнь, доходитъ въ наше время въ средѣ большинства свѣтскихъ людей до величайшей путаницы. Утрачено представленіе о томъ, что есть добрая жизнь.

II.

Произошло это, какъ я думаю, слѣдующимъ образомъ. Христіанство, замѣняя язычество, выставило болѣе высокія, чѣмъ языческія, нравственныя требованія и, какъ и не могло быть иначе, выставляя свои требованія, установило, какъ и въ языческой нравственности, одну необходимую послѣдовательность пріобрѣтенія добродѣтелей или ступеней для достиженія доброй жизни.

Добродѣтели Платона, начинаясь воздержаніемъ, черезъ мужество и мудрость достигали справедливости; христіанскія добродѣтели, начинаясь самоотреченіемъ, черезъ преданность волѣ Божіей достигаютъ любви.

Люди, серьезно принявшіе христіанство и стремившіеся усвоить для себя добрую христіанскую жизнь, такъ и понимали христіанство и всегда начинали добрую жизнь отреченіемъ отъ своихъ похотей, включающимъ въ себя языческое воздержаніе.

Христіанское ученіе потому только и замѣнило языческое, что оно иное и выше языческаго. Но христіанское ученіе,

какъ и языческое, ведетъ людей къ истинѣ и добру; а такъ какъ истина и добро всегда однѣ, то и путь къ нимъ долженъ быть одинъ, и первые шаги на этомъ пути неизбѣжно должны быть одни и тѣ же какъ для христіанина, такъ и для язычника.

Различіе христіанскаго отъ языческаго ученія добра въ томъ, что языческое ученіе есть ученіе конечнаго, христіанское же— безконечнаго совершенства. Платонъ, напримѣръ, ставилъ образцомъ совершенства справедливость; Христосъ же ставитъ образцомъ безконечное совершенство любви. «Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный». Въ этомъ различіе. Отъ этого и различное отношеніе языческаго и христіанскаго ученія къ различнымъ ступенямъ добродѣтелей. Достиженіе высшей добродѣтели по языческому ученію возможно, и всякая ступень достиженія имѣетъ свое относительное значеніе: чѣмъ выше ступень, тѣмъ больше достоинства, такъ что люди съ языческой точки зрѣнія раздѣляются на добродѣтельныхъ и недобродѣтельныхъ, на болѣе или менѣе добродѣтельныхъ. По христіанскому же ученію, выставившему идеалъ безконечнаго совершенства, дѣленія этого не можетъ быть. Не можетъ быть и ступеней высшихъ и низшихъ. По христіанскому ученію, указавшему безконечность совершенства, всѣ ступени равны между собой по отношенію къ безконечному идеалу. Различіе достоинства въ язычествѣ состоитъ въ той ступени, которая достигнута человѣкомъ; въ христіанствѣ достоинство состоитъ только въ процессѣ достиженія, въ большей или меньшей скорости движенія. Съ языческой точки зрѣнія человѣкъ, обладающій добродѣтелью благоразумія, стоитъ въ нравственномъ значеніи выше человѣка, не обладающаго этой добродѣтелью; человѣкъ, обладающій сверхъ благоразумія и мужествомъ, стоитъ еще выше; человѣкъ, обладающій и благоразумiемъ, и мужествомъ, и сверхъ того справедливостью, стоитъ еще выше; христіанинъ же не можетъ считаться ни одинъ ни выше, ни ниже другого въ нравственномъ значеніи; христіанинъ только тѣмъ болѣе христіанинъ, чѣмъ быстрѣе онъ движется къ безконечному совершенству, независимо отъ той ступени, на которой онъ въ данную минуту находится. Такъ что неподвижная праведность фарисея ниже движенія кающагося разбойника на крестѣ.

Но въ томъ, что движеніе къ добродѣтели, къ совершенству не можетъ совершаться помимо низшихъ степеней добродѣтели, какъ въ язычествѣ, такъ и въ христіанствѣ,—въ этомъ не можетъ быть различія.

Христіанинъ, какъ и язычникъ, не можетъ не начать работу совершенствованія съ самаго начала, т.-е. съ того же, съ чего начинаетъ ее язычникъ, именно съ воздержанія, какъ не можетъ тотъ, кто хочетъ войти на лѣстницу, не начать съ первой ступени. Разница только въ томъ, что для язычника воздержаніе само по себѣ представляется добродѣтелью, для христіанина же воздержаніе есть только часть самоотреченія, составляющаго не-

обходимое условіе стремленія къ совершенству. И потому истинное христіанство въ своемъ проявленіи не могло отвергнуть добродѣтели, которыя указывало и язычество.

Но не всѣ люди понимали христіанство, какъ стремленіе къ совершенству Отца Небеснаго; христіанство, ложно понятое, уничтожало искренность и серьезность отношенія людей къ нравственному его ученію.

Если человѣкъ вѣритъ, что можетъ спастись помимо исполненія нравственнаго ученія христіанства, то ему естественно думать, что усилія его быть добрымъ излишни. И потому человѣкъ, вѣрующій въ то, что есть средства спасенія помимо личныхъ усилій къ достиженію совершенства [1]), не можетъ стремиться къ этому съ тою энергіею и серьезностью, съ которою стремится человѣкъ, не знающій никакихъ другихъ средствъ, кромѣ личныхъ усилій. А не стремясь къ этому съ полною серьезностью, зная другія средства, кромѣ личныхъ усилій, человѣкъ неизбѣжно будетъ пренебрегать и тѣмъ однимъ неизмѣннымъ порядкомъ, въ которомъ могутъ быть пріобрѣтаемы добрыя качества, нужныя для доброй жизни. Это самое и случилось съ большинствомъ людей, внѣшнимъ образомъ исповѣдующимъ христіанство.

III.

Ученіе о томъ, что личныя усилія не нужны для достиженія человѣкомъ духовнаго совершенства, а что есть для этого другія средства, является причиной ослабленія стремленія къ доброй жизни и отступленія отъ необходимой для доброй жизни послѣдовательности.

Огромная масса людей, которая внѣшнимъ только образомъ приняла христіанство, воспользовалась замѣной язычества христіанствомъ для того, чтобы, освободившись отъ требованій языческихъ добродѣтелей, какъ бы ненужныхъ уже для христіанина, освободить себя отъ всякой необходимости борьбы съ своей животной природой.

То же самое сдѣлали и люди, переставшіе вѣрить во внѣшнее только христіанство. Они точно такъ же, какъ и тѣ вѣрующіе, выставляя вмѣсто внѣшняго христіанства какое-нибудь принятое большинствомъ мнимое доброе дѣло, въ родѣ служенія наукѣ, искусству, человѣчеству, во имя этого мнимаго добраго дѣла освобождаютъ себя отъ послѣдовательности пріобрѣтенія качествъ, нужныхъ для доброй жизни, и довольствуются тѣмъ, что притворяются, какъ на театрѣ, что живутъ доброю жизнью.

Такіе люди, отставшіе отъ язычества и не приставшіе къ христіанству въ его истинномъ значеніи, стали проповѣдывать любовь къ Богу и людямъ безъ самоотреченія и справедливость

---

1) Какъ, напримѣръ индульгенціи у католиковъ.

безъ воздержанія, т.-е. проповѣдывать высшія добродѣтели безъ достиженія низшихъ, т.-е. не самыя добродѣтели, а только подобіе ихъ.

Одни проповѣдуютъ любовь къ Богу и людямъ безъ самоотреченія, другіе—гуманность, служеніе людямъ, человѣчеству безъ воздержанія.

И такъ какъ проповѣдь эта поощряетъ животную природу человѣка подъ видомъ введенія его въ высшія нравственныя сферы, освобождая его отъ самыхъ элементарныхъ требованій нравственности, давнымъ-давно высказанныхъ язычниками и не только не отвергнутыхъ, но усиленныхъ истиннымъ христіанствомъ, то она охотно была принята какъ вѣрующими, такъ и невѣрующими.

На-дняхъ только вышла энциклика папы о соціализмѣ. Тамъ послѣ опроверженія мнѣнія соціалистовъ о незаконности собственности сказано прямо, что «никто, несомнѣнно, не обязанъ помогать ближнему, давая изъ того, что ему или семьѣ его нужно, ни даже уменьшить что-либо изъ того, чего требуютъ отъ него приличія. Никто, въ самомъ дѣлѣ, не долженъ жить противно обычаямъ» (это мѣсто изъ святого Ѳомы). «Но послѣ того, какъ отдано должное нуждѣ и внѣшнимъ приличіямъ, — говоритъ далѣе энциклика, — обязанность каждаго — отдавать излишекъ бѣднымъ».

Такъ проповѣдуетъ глава одной изъ самыхъ распространенныхъ теперь церквей. И рядомъ съ этой проповѣдью эгоизма, предписывающей отдавать ближнему то, что вамъ не нужно, проповѣдуется любовь, постоянно съ паѳосомъ приводятся знаменитыя слова Павла изъ 13 главы 1-го Посланія къ коринѳянамъ о любви.

Несмотря на то, что все ученіе Евангелія переполнено требованіями самоотреченія, указаніями на то, что самоотреченіе есть первое условіе христіанскаго совершенства, несмотря на такія ясныя изреченія, какъ: «кто не возьметъ креста своего... кто не отречется отъ отца, матери... кто не погубитъ жизнь свою...», люди увѣряютъ себя и другихъ, что возможно любить людей не отрекаясь не только отъ того, къ чему привыкъ, но и отъ того, что самъ считаешь для себя приличнымъ.

Такъ говорятъ ложные христіане, и точь въ точь такъ же думаютъ и говорятъ, и пишутъ, и поступаютъ люди, отвергающіе не только внѣшнее, но и истинное христіанское ученіе, люди свободно мыслящіе. Люди эти увѣряютъ себя и другихъ, что, вовсе не уменьшая своихъ потребностей, не побѣждая своихъ похотей, можно служить людямъ и человѣчеству, т.-е. вести добрую жизнь.

Люди отбросили языческую послѣдовательность добродѣтелей и, не усвоивъ христіанскаго ученія въ его истинномъ значеніи, не приняли и христіанской послѣдовательности и остались безъ всякаго руководства.

IV.

Въ старину, когда не было христіанскаго ученія, у всѣхъ учителей жизни, начиная съ Сократа, первою добродѣтелью въ жизни было воздержаніе,—и было понятно, что всякая добродѣтель должна начинаться съ него и проходить черезъ него. Было ясно, что человѣкъ, не владѣющій собой, развившій въ себѣ огромное количество похотей и подчиняющійся всѣмъ имъ, не могъ вести добрую жизнь. Было ясно, что прежде чѣмъ человѣкъ могъ думать не только о великодушіи, о любви, но о безкорыстіи, справедливости, онъ долженъ былъ научиться владѣть собою. По нашимъ же взглядамъ этого ничего не нужно. Мы вполнѣ увѣрены, что человѣкъ, развившій свои похоти до той высшей степени, въ которой онѣ развиты въ нашемъ мірѣ, человѣкъ, не могущій жить безъ удовлетворенія сотни получившихъ надъ нимъ власть ненужныхъ привычекъ можетъ вести вполнѣ нравственную, добрую жизнь.

Въ наше время и въ нашемъ мірѣ стремленіе къ ограниченію своихъ похотей считается не только не первымъ, но даже и не послѣднимъ, а совершенно ненужнымъ для веденія доброй жизни дѣломъ.

По царствующему самому распространенному современному ученію о жизни увеличеніе потребностей считается, напротивъ, желательнымъ качествомъ, признакомъ развитія, цивилизаціи, культуры и совершенствованія. Люди такъ называемые образованные считаютъ, что привычки комфорта, т.-е. изнѣженности, суть привычки не только не вредныя, но хорошія, показывающія извѣстную нравственную высоту человѣка, почти что добродѣтель.

Чѣмъ больше потребностей, чѣмъ утонченнѣе эти потребности, тѣмъ считается это лучше.

Никто такъ ясно не подтверждаетъ этого, какъ описательная поэзія и въ особенности романы прошедшаго и нашего вѣка.

Какъ изображаются герои и героини, представляющіе идеалы добродѣтелей?

Въ большинствѣ случаевъ мужчины, долженствующіе представить нѣчто возвышенное и благородное, начиная съ Чайльдъ-Гарольда и до послѣднихъ героевъ Фелье, Троллопа, Мопассана, суть не что иное, какъ развратные тунеядцы, ни на что, ни для кого ненужные; героини же—это такъ или иначе, болѣе или менѣе доставляющія наслажденіе мужчинамъ любовницы, точно такъ же праздныя и преданныя роскоши.

Я не говорю о встрѣчающемся изрѣдка въ литературѣ изображеніи дѣйствительно воздержныхъ и трудящихся лицъ,—я говорю о типѣ обычномъ, представляющемъ идеалъ для массы, о томъ лицѣ, похожимъ на которое старается быть большинство мужчинъ и женщинъ. Помню, когда я писалъ романы, то тогда для меня

необъяснимое затрудненіе, въ которомъ я находился и съ которымъ боролся, — и съ которымъ теперь, я знаю, борются всѣ романисты, имѣющіе хоть самое смутное сознаніе того, что составляетъ дѣйствительную нравственную красоту, заключалось въ томъ, чтобы изобразить типъ свѣтскаго человѣка идеально хорошій, добрый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой, который бы былъ вѣренъ дѣйствительности.

V.

Несомнѣннымъ доказательствомъ того, что дѣйствительно люди нашего времени не только не признаютъ того, что языческое воздержаніе или христіанское самоотреченіе суть свойства желательныя и бодрыя, но считаютъ увеличеніе потребности чѣмъ-то хорошимъ и возвышеннымъ, служитъ то, какъ въ огромномъ большинствѣ воспитываются дѣти нашего міра. Ихъ не только не пріучаютъ къ воздержанію, какъ это было у язычниковъ, и къ самоотреченію, какъ это должно быть у христіанъ, но сознательно прививаютъ имъ привычки изнѣженности, физической праздности и роскоши.

Мнѣ давно хотѣлось написать такую сказку: женщина, оскорбленная другой, желая отмстить ей, похищаетъ ребенка своего врага, идетъ къ колдуну, прося его научить, чѣмъ она злѣе всего можетъ отмстить своему врагу на единственномъ похищенномъ дѣтищѣ. Колдунъ научаетъ похитительницу отнести ребенка въ мѣсто, которое онъ указываетъ, и утверждаетъ, что месть будетъ самая ужасная. Злая женщина дѣлаетъ это, но слѣдитъ за ребенкомъ и къ удивленію своему видитъ, что ребенокъ взятъ и усыновленъ бездѣтнымъ богачомъ. Она идетъ къ колдуну и упрекаетъ его, но колдунъ велитъ ждать. Ребенокъ растетъ въ роскоши и изнѣженности. Злая женщина въ недоумѣніи, но колдунъ велитъ ждать. И дѣйствительно, наступаетъ время, когда злая женщина удовлетворена и даже жалѣетъ свою жертву. Ребенокъ вырастаетъ въ изнѣженности и распущенности и, благодаря своему доброму характеру, разоряется. И тутъ начинается рядъ физическихъ страданій, нищеты и униженій, къ которымъ онъ особенно чувствителенъ и съ которыми не умѣетъ бороться. Стремленіе къ нравственной жизни—и безсиліе изнѣженной, пріученной къ роскоши и праздности плоти. Тщетная борьба, паденіе все ниже и ниже, пьянство, чтобъ забыться, преступленіе или сумасшествіе, или самоубійство.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя безъ ужаса видѣть воспитаніе нѣкоторыхъ дѣтей въ нашемъ мірѣ. Только злѣйшій врагъ могъ бы такъ старательно прививать ребенку тѣ слабости и пороки, которые прививаются ему родителями, въ особенности матерями. Ужасъ беретъ, глядя на это и еще болѣе на послѣдствія этого, если умѣть видѣть то, что дѣлается въ душахъ лучшихъ изъ этихъ старательно самими родителями погубляемыхъ дѣтей.

Привиты привычки изнѣженности, привиты тогда, когда еще молодое существо не понимаетъ ихъ нравственнаго значенія. Уничтожена не только привычка воздержанія и самообладанія, но, обратно тому, что дѣлалось при воспитаніи въ Спартѣ и въ древнемъ мірѣ, совершенно атрофирована эта способность. Не только не пріученъ человѣкъ къ труду, ко всѣмъ условіямъ всякаго плодотворнаго труда, сосредоточеннаго вниманія, напряженія, выдержки, увлеченія дѣломъ, умѣнія исправить испорченное, привычки усталости, радости совершенія, но пріученъ къ праздности и пренебреженію всякимъ произведеніемъ труда, пріученъ къ тому, чтобы портить, бросать и вновь за деньги пріобрѣтать все, что вздумается, не думая даже никогда о томъ, какъ что дѣлается. Человѣкъ лишенъ способности къ пріобрѣтенію первой по порядку добродѣтели, необходимой для пріобрѣтенія всѣхъ другихъ,—благоразумія, и пущенъ въ міръ, въ которомъ проповѣдуются и какъ будто цѣнятся высокія добродѣтели справедливости, служенія людямъ, любви. Хорошо, если молодой человѣкъ—натура нравственно слабая, не чуткая, не чующая разницы между показной доброй жизнью и настоящей и которая можетъ удовлетворяться царствующимъ въ жизни зломъ. Если такъ, то все устраивается какъ будто хорошо, и съ непроснувшимся нравственнымъ чувствомъ такой человѣкъ иногда спокойно доживаетъ до гроба. Но не всегда это такъ бываетъ, въ особенности въ послѣднее время, когда сознаніе безнравственности такой жизни носится въ воздухѣ и невольно западаетъ въ сердце. Часто, и все чаще и чаще, бываетъ такъ, что требованія настоящей, непоказной нравственности пробуждаются, и тогда начинаются внутренняя мучительнѣйшая борьба и страданія, рѣдко кончающіяся побѣдой нравственнаго чувства. Человѣкъ чувствуетъ, что жизнь его дурна, что ему надо измѣнить ее всю съ самаго начала, и онъ пытается это сдѣлать; но тутъ люди, прошедшіе ту же борьбу и не выдержавшіе ея, со всѣхъ сторонъ нападаютъ на пытающагося измѣнить свою жизнь и стараются всѣми средствами внушить ему, что этого вовсе и не нужно, что воздержаніе и самоотреченіе не нужны для того, чтобы быть добрымъ, что можно, предаваясь объяденію, наряжанію, физической праздности, даже блуду, быть вполнѣ хорошимъ, полезнымъ человѣкомъ. И борьба большею частью кончается плачевно. Либо измученный своею слабостью человѣкъ подчиняется этому общему голосу и подавляетъ въ себѣ голосъ совѣсти, кривитъ свой умъ, чтобы оправдать себя, и продолжаетъ вести ту же развратную жизнь, увѣряя себя въ томъ, что онъ выкупаетъ ее вѣрой во внѣшнее христіанство или служеніемъ наукѣ, искусству; либо борется, страдаетъ и сходитъ съ ума или застрѣливается. Рѣдко бываетъ то, чтобы среди всѣхъ соблазновъ, окружающихъ его, человѣкъ нашего міра понялъ то, что есть и было тысячелѣтія тому назадъ азбучной истиной для всѣхъ разумныхъ людей, именно то, что для достиженія доброй жизни надо прежде всего перестать жить дурной жизнью и что для достиженія какихъ-либо высшихъ добродѣтелей надо прежде

всего пріобрѣсть добродѣтель воздержанія или самообладанія, какъ опредѣляли ее язычники, или добродѣтель самоотреченія, какъ опредѣляетъ ее христіанство, — и сталъ бы понемногу усиліями надъ собою достигать ея.

VI.

Я только что читалъ письма нашего высокообразованнаго передового человѣка сороковыхъ годовъ, изгнанника Огарева, къ другому еще болѣе высокообразованному и даровитому человѣку— Герцену. Въ письмахъ этихъ Огаревъ высказываетъ свои задушевныя мысли, выставляетъ свои высшія стремленія, и нельзя не видѣть, что онъ, какъ это и свойственно молодому человѣку, отчасти рисуется передъ своимъ другомъ. Онъ говоритъ о самосовершенствованіи, о святой дружбѣ, любви, о служеніи наукѣ, человѣчеству и т. д. И тутъ же спокойнымъ тономъ онъ пишетъ, что часто раздражаетъ пріятеля, съ которымъ живетъ, тѣмъ, что, какъ онъ пишетъ: «возвращаюсь (домой) въ нетрезвомъ видѣ или пропадаю долгіе часы съ погибшимъ, но милымъ созданіемъ»... Очевидно, замѣчательно сердечный, даровитый, образованный человѣкъ не могъ даже представить себѣ, чтобы было что-нибудь хоть сколько-нибудь предосудительнаго въ томъ, чтобы онъ, женатый человѣкъ, ожидая родовъ жены (въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ, что жена его родила), возвращался домой пьяный, пропадая у распутныхъ женщинъ. Ему въ голову не приходило, что пока онъ не началъ бороться и хоть сколько-нибудь не поборолъ своего поползновенія къ пьянству и блуду, ему о дружбѣ, любви, а главное—о служеніи чему бы то ни было и думать нельзя. А онъ не только не боролся съ этими пороками, но, очевидно, считалъ ихъ чѣмъ-то очень милымъ, нисколько не мѣшающимъ стремленію къ совершенствованію, а потому не только не скрывалъ ихъ отъ своего друга, передъ которымъ онъ хочетъ выставиться въ лучшемъ свѣтѣ, но прямо выставлялъ ихъ.

Такъ это было полстолѣтія тому назадъ. Я засталъ еще этихъ людей. Я зналъ самого Огарева и Герцена, и людей того склада, и людей, воспитанныхъ въ тѣхъ же преданіяхъ. Во всѣхъ этихъ людяхъ было поразительное отсутствіе послѣдовательности въ дѣлахъ жизни. Въ нихъ были искреннее горячее желаніе добра и полнѣйшая распущенность личной похоти, которая, казалось имъ, не можетъ мѣшать доброй жизни и произведенію ими добрыхъ и даже великихъ дѣлъ. Они сажали немѣшанные хлѣбы въ нетопленную печь и вѣрили, что хлѣбы испекутся. Когда же, подъ старость, они стали замѣчать, что хлѣбы не пекутся, т.-е. что никакого добра отъ ихъ жизни не совершается, они видѣли въ этомъ особенный трагизмъ.

Трагизмъ такой жизни дѣйствительно ужасенъ. И трагизмъ этотъ, каковъ онъ былъ въ тѣ времена для Герцена, Огарева и другихъ, таковъ онъ и теперь для многихъ и многихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей нашего времени, удержавшихъ тѣ

же взгляды. Человѣкъ стремится жить доброю жизнью, но та необходимая послѣдовательность, которая нужна для этого, потеряна въ томъ обществѣ, въ которомъ онъ живетъ. Какъ 50 лѣтъ тому назадъ Огаревъ и Герценъ, такъ и большинство теперешнихъ людей убѣждены, что вести изнѣженную жизнь, ѣсть сладко, жирно, наслаждаться, всячески удовлетворять своей похоти не мѣшаетъ доброй жизни. Но, очевидно, добрая жизнь не выходитъ у нихъ, и они предаются пессимизму и говорятъ: «таково трагическое положеніе человѣка».

VII.

Заблужденіе въ томъ, что люди, предаваясь своимъ похотямъ, считая эту похотливую жизнь хорошею, могутъ при этомъ вести добрую, полезную, справедливую, любовную жизнь, такъ удивительно, что люди послѣдующихъ поколѣній, я думаю, прямо не будутъ понимать, что именно разумѣли люди нашего времени подъ словами «добрая жизнь», когда они говорили, что обжоры, изнѣженные, похотливые вели добрую жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только на время отрѣшиться отъ привычнаго взгляда на нашу жизнь и посмотрѣть на нее не говорю съ точки зрѣнія христіанской, но съ точки зрѣнія языческой, съ точки зрѣнія самыхъ низшихъ требованій справедливости, чтобы убѣдиться, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи ни о какой доброй жизни

Всякому человѣку въ нашемъ мірѣ, для того чтобы не скажу начать добрую жизнь, но только начать хоть немного подвигаться къ ней, надо прежде всего перестать вести злую жизнь, надо начать разрушать тѣ условія злой жизни, въ которой онъ находится.

Какъ часто слышишь, какъ оправданіе того, что мы не измѣняемъ нашей дурной жизни, разсужденіе о томъ, что поступокъ, идущій въ разрѣзъ съ обычной жизнью, былъ бы ненатуральнымъ, былъ бы смѣшнымъ или желаніемъ высказаться и былъ бы оттого недобрымъ поступкомъ. Разсужденіе это какъ будто сдѣлано для того, чтобы люди никогда не измѣнили своей дурной жизни. Вѣдь если бы вся жизнь наша была хорошею, справедливою, доброю, то вѣдь только тогда всякій поступокъ, согласный съ общею жизнью, былъ бы добрый. Если же жизнь наполовину хорошая, наполовину дурная, то для всякаго поступка, несогласнаго съ общей жизнью, столько же вѣроятія быть хорошимъ, сколько и дурнымъ. Если же жизнь вся дурная, неправильная, то человѣку, живущему этой жизнью, нельзя сдѣлать ни одного добраго поступка, не нарушивъ привычнаго теченія жизни. Можно сдѣлать дурной поступокъ, не нарушивъ обычнаго теченія жизни, но нельзя сдѣлать хорошаго.

Человѣку, живущему нашей жизнью, нельзя вести добрую жизнь, прежде чѣмъ онъ не выйдетъ изъ тѣхъ условій зла, въ которыхъ онъ находится; нельзя начать дѣлать доброе, не переставъ дѣлать злое. Невозможно роскошно живущему человѣку ве-

сти добрую жизнь. Всѣ его попытки добрыхъ дѣлъ будутъ тщетны, пока онъ не измѣнитъ своей жизни, не сдѣлаетъ то первое по порядку дѣло, которое ему предстоитъ сдѣлать. Добрая жизнь, какъ по языческому міровоззрѣнію, такъ тѣмъ болѣе по христіанскому, измѣряется однимъ и не можетъ измѣряться не чѣмъ инымъ, какъ только отношеніемъ въ математическомъ смыслѣ любви къ себѣ въ любви къ другимъ. Чѣмъ меньше любви къ себѣ и вытекающей изъ нея заботы о себѣ, трудовъ и требованій отъ другихъ для себя, и чѣмъ больше любви къ другимъ и вытекающей изъ нея заботы о другихъ, трудовъ своихъ для другихъ, тѣмъ добрѣе жизнь.

Такъ понимали и понимаютъ добрую жизнь всѣ мудрецы міра и всѣ истинные христіане и точно такъ же понимаютъ ее всѣ самые простые люди. Чѣмъ больше человѣкъ даетъ людямъ и меньше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ лучше; чѣмъ меньше даетъ другимъ и больше требуетъ себѣ, тѣмъ онъ хуже.

Если передвинуть точку опоры рычага отъ длиннаго конца къ короткому, то этимъ не только не увеличится длинное плечо, но укоротится еще и короткое. Такъ что, если человѣкъ, имѣя одну данную способность любви, увеличилъ любовь и заботу о себѣ, то этимъ онъ уменьшилъ возможность любви и заботы о другихъ не только на то количество любви, которое онъ перенесъ на себя, но во много разъ больше. Вмѣсто того, чтобы кормить другихъ, человѣкъ съѣлъ лишнее и этимъ не только уменьшилъ возможность отдать это лишнее, но еще себя лишилъ вслѣдствіе объяденія возможности заботиться о другихъ.

Для того, чтобы точно, не на словахъ быть въ состояніи любить другихъ, надо не любить себя — тоже не на словахъ, а на дѣлѣ. Обыкновенно же бываетъ такъ: другихъ, мы думаемъ, что любимъ, увѣряемъ въ этомъ себя и другихъ, но любимъ только на словахъ, себя же любимъ на дѣлѣ. Другихъ мы забудемъ покормить и уложить спать, себя же никогда. И потому для того, чтобы точно любить другихъ на дѣлѣ, надо выучиться не любить себя на дѣлѣ, выучиться забывать покормить себя и уложить себя спать, такъ же какъ мы забываемъ это сдѣлать относительно другихъ.

Мы говоримъ «добрый человѣкъ» и «ведетъ добрую жизнь» про человѣка изнѣженнаго, привыкшаго къ роскошной жизни. Но человѣкъ такой — мужчина или женщина — можетъ имѣть самыя любезныя черты характера, кротости, благодушія, но не можетъ вести добрую жизнь, какъ не можетъ быть острымъ и рѣзать самой хорошей работы и стали ножъ, если онъ не наточенъ. Быть добрымъ и вести добрую жизнь значитъ давать другимъ больше, чѣмъ берешь отъ нихъ. Человѣкъ же изнѣженный и привыкшій къ роскошной жизни не можетъ этого дѣлать, во-первыхъ, потому, что ему самому всегда много нужно (и нужно не по эгоизму его, а потому, что онъ привыкъ и для него составляетъ страданіе лишиться того, къ чему онъ привыкъ), а во-вторыхъ, потому, что, потребляя все то, что онъ получаетъ отъ другихъ,

онъ этимъ самымъ потребленіемъ ослабляетъ себя, лишаетъ себя возможности работать и потому служить другимъ. Человѣкъ изнѣженный, мягко, долго спящій, жирно, сладко и много ѣдящій и пьющій, соотвѣтственно тепло или прохладно одѣтый, не приучившій себя къ напряженію работы, можетъ сдѣлать только очень мало.

Мы такъ привыкли лгать самимъ себѣ и ко лжи другихъ, такъ выгодно намъ не видѣть лжи другихъ, чтобы они не увидали нашей, что мы нисколько не удивляемся и не сомнѣваемся въ справедливости утвержденія добродѣтели, иногда даже святости людей, живущихъ вполнѣ распущенной жизнью. Человѣкъ, мужчина или женщина, спитъ на постели съ пружинами, двумя матрацами и двумя чистыми глаженными простынями, наволочками на пуховыхъ подушкахъ. У кровати его коврикъ, чтобы ему не холодно было ступить на полъ, несмотря на то, что тутъ же стоятъ туфли. Тутъ же еще необходимыя принадлежности, такъ что ему не надо выходить. Окна завѣшаны шторами, такъ что свѣтъ не можетъ разбудить его, и онъ спитъ, до какого ему поспится часа. Кромѣ того, приняты мѣры, чтобы зимой было тепло, а лѣтомъ прохладно, чтобы его не тревожили шумъ и мухи и другія насѣкомыя. Онъ спитъ, а вода горячая и холодная для умыванія, иногда для ванны или для бритья уже готова. Готовится и чай или кофе, возбудительные напитки, которые выпиваются тотчасъ же послѣ вставанія. Сапоги, башмаки, калоши, нѣсколько паръ, которые онъ запачкалъ вчера, уже чистятся такъ, что они блестятъ, какъ стекло, и на нихъ нѣтъ ни пылинки. Такъ же чистятся разныя, заношенныя предшествующимъ днемъ, одежды, соотвѣтствующія не только зимѣ и лѣту, но веснѣ, осени, дождливой, сырой, жаркой погодѣ. Приготовляется вымытое, накрахмаленное, разутюженное чистое бѣлье съ пуговками, запонками, петельками, которыя всѣ осматриваются приставленными къ тому людьми. Если человѣкъ дѣятеленъ, онъ встаетъ рано, т.-е. въ 7 часовъ, т.-е. все-таки часа два-три послѣ тѣхъ, которые все это готовятъ для него. Кромѣ приготовленія одеждъ для дня и покрывала для ночи, есть еще одежда и обувь для времени одѣванья: халаты, туфли. И вотъ человѣкъ идетъ умываться, чиститься, чесаться, для чего употребляетъ нѣсколько сортовъ щетокъ, мылъ и большое количество воды и мыла. (Многіе англичане, и женщины особенно, гордятся почему-то тѣмъ, что они могутъ очень много вымылить мыла и вылить на себя воды.) Потомъ человѣкъ одѣвается, причесывается передъ особымъ отъ тѣхъ, которыя висятъ почти во всѣхъ комнатахъ, зеркаломъ, беретъ необходимыя ему вещи, какъ-то: большею частью очки или пенснэ, лорнетъ, потомъ раскладываетъ по карманамъ: платокъ чистый, чтобы сморкаться, часы на цѣпочкѣ, несмотря на то, что вездѣ, гдѣ онъ будетъ, почти въ каждой комнатѣ есть часы; беретъ деньги разныхъ сортовъ, мелкія (часто въ особой для того машинкѣ, избавляющей отъ труда найти то, что нужно) и бумажки, карточки, на которыхъ напечатано его имя, избавляющія отъ труда

сказать или написать, книжку бѣлую, карандашъ. Для женщины одѣва'ье еще много сложнѣе: корсетъ, прическа, длинные волосы, украшенія, тесемочки, ластики, ленточки, завязочки, шпильки, булавки, брошки.

Но вотъ все кончено, начинается день обыкновенно ѣдой, пьется приготовленный кофе или чай съ большимъ количествомъ сахара, ѣдятъ булки; хлѣбъ перваго сорта пшеничной муки съ большимъ количествомъ масла, иногда свиного мяса. Мужчины большею частью при этомъ курятъ папиросы или сигары и затѣмъ читаютъ газету свѣжую, только что принесенную. Потомъ хожденіе изъ дома на службу или по дѣламъ, или ѣзда въ экипажахъ, нарочно существующихъ для перевозки этихъ людей. Потомъ завтракъ изъ убитыхъ животныхъ, птицъ, рыбъ, потомъ обѣдъ такой же, — при большей скромности изъ трехъ блюдъ, — сладкое блюдо, кофе, потомъ игра — карты, и игра — музыка, или театръ, чтеніе или бесѣда въ мягкихъ пружинныхъ креслахъ при усиленномъ или смягченномъ свѣтѣ свѣчи, газа, электричества, опять чай, опять ѣда, ужинъ и опять въ постель, приготовленную, взбитую, съ чистымъ бѣльемъ и съ очищенной посудой.

Таковъ день человѣка скромной жизни, про котораго, если онъ мягкаго характера и не имѣетъ исключительно непріятныхъ для другихъ привычекъ, говорятъ, что это человѣкъ, ведущій добрую жизнь.

Но добрая жизнь есть жизнь того человѣка, который дѣлаетъ добро людямъ; какъ же можетъ дѣлать добро людямъ человѣкъ, живущій такъ и привыкшій жить такъ? Вѣдь прежде, чѣмъ дѣлать добро, онъ долженъ перестать дѣлать зло людямъ. А сочтите все то зло, которое онъ, часто самъ не зная этого, дѣлаетъ людямъ, и вы увидите, что ему далеко до добра людямъ, и многомного ему надо совершить подвиговъ для того, чтобы искупить дѣлаемое имъ зло, а что подвиговъ-то онъ, разслабленный своей похотливой жизнью, никакихъ производить и не можетъ. Вѣдь спать онъ могъ бы и здоровѣй и физически и нравственно, лежа на полу на плащѣ, какъ спалъ Маркъ Аврелій, и потому всѣ труды и работы матрацевъ и пружинъ, и пуховыхъ подушекъ, и ежедневной работы прачки, женщины, слабаго существа, со своими женскими слабостями — и родами и кормленіемъ дѣтей, полоскающей его, сильнаго мужчины, бѣлье, — всѣ эти труды могли бы не быть. Онъ могъ бы лечь раньше и встать раньше, и труды гардинъ и освѣщенія вечеромъ могли бы тоже не быть. Могъ бы онъ спать въ той же рубахѣ, въ которой ходилъ днемъ, могъ бы ступать босыми ногами на полъ и выйти на дворъ, могъ бы умыться водой у колодца,— однимъ словомъ, могъ бы жить такъ, какъ живутъ всѣ тѣ, которые работаютъ все это на него, и потому всѣхъ этихъ трудовъ на него могло бы не быть. Могло бы не быть и всѣхъ тѣхъ трудовъ для его одеждъ, для его утонченной пищи, для его увеселеній.

Такъ какъ же такому человѣку дѣлать добро людямъ и вести добрую жизнь, не измѣнивъ свою изнѣженную, роскошную жизнь

И потому не можетъ нравственный человѣкъ, не говорю христіанинъ, но только исповѣдующій гуманность или хоть только справедливость, не можетъ не желать измѣнить своей жизни и не перестать пользоваться предметами роскоши, изготовляемыми иногда съ вредомъ для другихъ людей.

Если человѣкъ точно жалѣетъ людей, работающихъ табакъ, то первое, что онъ невольно сдѣлаетъ, это то, что онъ перестанетъ курить, потому что, продолжая курить и покупая табакъ, онъ этимъ поощряетъ производство табаку, губящее здоровье людей.

Но люди нашего времени разсуждаютъ не такъ. Они придумываютъ самыя разнообразныя и хитрыя разсужденія, но только не то, которое естественно представляется всякому простому человѣку. По ихъ разсужденіямъ, воздерживаться отъ предметовъ роскоши совсѣмъ не нужно. Можно соболѣзновать положенію рабочихъ, говорить рѣчи и писать книги въ ихъ пользу и вмѣстѣ съ тѣмъ продолжать пользоваться тѣми трудами, которые мы считаемъ для нихъ губительными.

По однимъ разсужденіямъ выходитъ, что пользоваться губительными трудами другихъ людей можно потому, что если я не буду пользоваться, то будетъ пользоваться другой. Въ родѣ того разсужденія, что надо выпить вредное мнѣ вино, потому что оно куплено, и если не я, то другія выпьютъ его.

По другимъ выходитъ, что пользованіе для роскоши трудами рабочихъ даже очень полезно для нихъ, такъ какъ этимъ мы даемъ имъ деньги, т.-е. возможность существованія, точно какъ будто нельзя давать имъ возможность существованія не чѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, чтобы заставлять ихъ работать вредныя для нихъ и излишнія для насъ вещи.

Все это происходитъ оттого, что люди вообразили себѣ, что можно вести добрую жизнь, не усвоивъ по порядку первое свойство, нужное для рабочей жизни.

И первое свойство это есть воздержаніе.

VIII.

Доброй жизни не было бы и не можетъ быть безъ воздержанія. Помимо воздержанія немыслима никакая добрая жизнь. Всякое достиженіе доброй жизни должно начаться черезъ него.

Есть лѣстница добродѣтелей, и надо начинать съ первой ступени, чтобы взойти на послѣдующія; и первую добродѣтель, которую долженъ усвоить человѣкъ, если онъ хочетъ усвоить послѣдующія, есть то, что древніе называли благоразуміемъ или самообладаніемъ.

Если въ христіанскомъ ученіи воздержаніе включено въ понятіе самоотреченія, то тѣмъ не менѣе послѣдовательность остается та же самая, и пріобрѣтеніе никакихъ христіанскихъ добродѣтелей невозможно безъ воздержанія — не потому, что кто-либо это выдумалъ, а потому, что таково существо дѣла.

Воздержаніе есть первая ступень всякой доброй жизни.

Но и воздержаніе достигается не вдругъ, а тоже постепенно. Воздержаніе есть освобожденіе человѣка отъ похотей, есть покореніе ихъ благоразумію. Но похотей у человѣка много различныхъ, и для того, чтобы борьба съ ними была успѣшна, человѣкъ долженъ начинать съ основныхъ,—такихъ, на которыхъ вырастаютъ другія, болѣе сложныя, а не съ сложныхъ, выросшихъ на основныхъ. Есть похоти сложныя, какъ похоть украшенія тѣла, игръ, увеселеній, болтовни, любопытства и много другихъ, и есть похоти основныя: обжорства, праздности, плотской любви. Въ борьбѣ съ похотями нельзя начинать съ конца, съ борьбы съ похотями сложными; надо начинать съ основныхъ, и то въ одномъ опредѣленномъ порядкѣ. И порядокъ этотъ опредѣленъ и сущностью дѣла, и преданіемъ мудрости человѣческой.

Объѣдающійся человѣкъ не въ состояніи бороться съ лѣнью, а объѣдающійся и праздный человѣкъ никогда не будетъ въ силахъ бороться съ половой похотью. И потому по всѣмъ ученіямъ стремленіе къ воздержанію начиналось съ борьбы съ похотью обжорства, начиналось постомъ. Въ нашемъ же мірѣ, гдѣ до такой степени потеряно, и такъ давно потеряно, всякое серьезное отношеніе къ пріобрѣтенію доброй жизни, что самая первая добродѣтель — воздержаніе, безъ которой другія невозможны, считается излишней, — потеряна и та постепенность, которая нужна для пріобрѣтенія этой первой добродѣтели, и о постѣ многими забыто и рѣшено, что постъ есть глупое суевѣріе и что постъ совсѣмъ не нуженъ.

А между тѣмъ такъ же, какъ первое условіе доброй жизни есть воздержаніе, такъ и первое условіе воздержной жизни есть постъ

Можно желать быть добрымъ, мечтать о добрѣ, не постясь: но въ дѣйствительности быть добрымъ безъ поста такъ же невозможно, какъ идти, не вставши на ноги.

Постъ есть необходимое условіе доброй жизни. Обжорство же всегда было и есть первый признакъ обратнаго—недоброй жизни, и, къ сожалѣнію, этотъ признакъ относится въ высшей степени къ жизни большинства людей нашего времени.

Взгляните на лица и сложенія людей нашего круга и времени,—на многихъ изъ этихъ лицъ съ висящими подбородками и щеками, ожирѣвшими членами и развитыми животами лежитъ неизгладимый отпечатокъ развратной жизни. Да это и не можетъ быть иначе. Присмотритесь къ нашей жизни, къ тому, чѣмъ движимо большинство людей нашего міра; спросите себя: какой главный интересъ этого большинства? И какъ ни странно это можетъ показаться намъ, привыкшимъ скрывать наши настоящіе интересы и выставлять фальшивые, искусственные, главный интересъ жизни большинства людей нашего времени — это удовлетвореніе вкуса, удовольствіе ѣды, жранье. Начиная съ бѣднѣйшихъ до богатѣйшихъ сословій общества, обжорство, я думаю, есть главная цѣль, есть главное удовольствіе нашей жизни. Бѣдный, рабо-

чій народъ составляетъ исключеніе только въ той мѣрѣ, въ которой нужда мѣшаетъ ему предаваться этой страсти. Какъ только у него есть время и средства къ тому, онъ, подражая высшимъ классамъ, пріобрѣтаетъ самое вкусное и сладкое, и ѣстъ и пьетъ, сколько можетъ. Чѣмъ больше онъ съѣстъ, тѣмъ больше онъ не только считаетъ себя счастливымъ, но сильнымъ и здоровымъ. И въ этомъ убѣжденіи поддерживаютъ его образованные люди, которые именно такъ и смотрятъ на пищу. Образованные классы представляютъ себѣ счастье и здоровье (въ чемъ увѣряютъ ихъ доктора, утверждая, что самая дорогая пища, мясо,—самая здоровая) во вкусной, питательной, легко переваримой пищѣ, хотя и стараются скрыть это.

Посмотрите на жизнь этихъ людей, послушайте ихъ разговоры. Какіе все возвышенные предметы какъ будто занимаютъ ихъ: и философія, и наука, и искусство, и поэзія, и распредѣленіе богатствъ, и благосостояніе народа, и воспитаніе юношества; но все это для огромнаго большинства ложь, все это ихъ занимаетъ между дѣломъ, между настоящимъ дѣломъ, между завтракомъ и и обѣдомъ, пока желудокъ полонъ и нельзя ѣсть еще. Интересъ одинъ живой, настоящій, интересъ большинства, и мужчинъ и женщинъ, это—ѣда, особенно послѣ первой молодости. Какъ поѣсть, что поѣсть, когда, гдѣ?

Ни одно торжество, ни одна радость, ни одно освященіе, открытіе чего бы то ни было не обходились безъ ѣды.

Посмотрите на путешествующихъ людей. На нихъ это особенно видно: «Музей, библіотеки, парламентъ—какъ интересно! А гдѣ мы будемъ обѣдать? Кто лучше кормитъ?» Да взгляните только на людей, какъ они сходятся къ обѣду, разодѣтые, раздушенные, къ украшенному цвѣтами столу, какъ радостно потираютъ руки и улыбаются.

Если бы заглянуть въ души,—чего ждетъ большинство людей? Аппетита къ завтраку, къ обѣду. Въ чемъ наказаніе самое жестокое съ дѣтства? Посадить на хлѣбъ и воду. Кто получаетъ изъ мастеровыхъ наибольшее жалованье? Повара. Въ чемъ главный интересъ хозяйки дома? Къ чему въ большинствѣ случаевъ склоняется разговоръ между хозяекъ средняго круга? И если разговоръ людей высшаго круга не склоняется къ этому, то это не потому, что они болѣе образованы и заняты высшими интересами, а только потому, что у нихъ есть экономка или дворецкій, которые заняты этимъ и обезпечиваютъ ихъ обѣды. Но попробуйте лишить ихъ этого удобства, и вы увидите, въ чемъ ихъ забота. Все сводится къ вопросамъ о ѣдѣ, о цѣнѣ тетеровъ, о наилучшихъ средствахъ варить кофе, печь сладкіе пирожки и т. д. Собираются люди вмѣстѣ, по какому бы случаю они не собирались: для крестинъ, похоронъ, свадьбы, освященія церкви, проводовъ, встрѣчи, празднованія памятнаго дня, смерти, рожденія великаго ученаго, мыслителя, учителя нравственности, собираются люди, занятые будто бы самыми возвышенными интересами. Такъ они говорятъ; но они притворяются: всѣ они знаютъ, что будетъ ѣда,

хорошая, вкусная ѣда и питье, и это главное собрало ихъ вмѣстѣ. За нѣсколько дней уже для этой самой цѣли били и рѣзали животныхъ, тащили корзины продуктовъ изъ гастрономическихъ магазиновъ, и повара, помощники ихъ, поваренки, буфетные мужики, особенно одѣтые, въ чистыхъ крахмальныхъ фартукахъ, колпакахъ, «работали». Работали получающіе 500 и больше рублей въ мѣсяцъ распорядители, отдавая приказанія. Рубили, мѣсили, мыли, укладывали, украшали повара. Еще съ такимъ же торжествомъ и важностью работалъ такой же начальникъ сервировки, считая, обдумывая, прикидывая взглядомъ, какъ художникъ. Работалъ садовникъ для цвѣтовъ. Судомойки... Работаетъ армія людей, поглощаются произведенія тысячи рабочихъ дней, и все для того, чтобы людямъ, собравшись, поговорить о памятномъ великомъ учителѣ науки, нравственности, или вспомнить умершаго друга, или напутствовать молодыхъ супруговъ вступающихъ въ новую жизнь.

Въ низшемъ и среднемъ быту ясно видно, что праздникъ, похороны, свадьба—это жранье. Такъ тамъ и понимаютъ это дѣло. Жранье такъ заступаетъ мѣсто самаго мотива соединенія, что погречески и по-французски свадьба и пиръ однозначащи. Но въ высшемъ кругу, среди утонченныхъ людей, употребляется большое искусство для того, чтобы скрыть это и дѣлать видъ, что ѣда есть дѣло второстепенное, что это такъ только, приличіе. Они и удобно могутъ представлять это, потому что большею частью въ настоящемъ смыслѣ слова пресыщены — никогда не голодны.

Они притворяются, что обѣдъ, ѣда имъ не нужны, даже въ тягость; но это ложь. Попробуйте вмѣсто ожидаемыхъ ими утонченныхъ блюдъ дать имъ, не говорю хлѣба съ водой, но каши и лапши; и посмотрите, какую бурю это вызоветъ, и какъ окажется то, что дѣйствительно есть, именно то, что въ собраніи этихъ людей главный интересъ не тотъ, который они выставляютъ, а интересъ ѣды.

Посмотрите на то, чѣмъ торгуютъ люди, пройдите по городу и посмотрите, что продается: наряды и предметы для объяденія.

Въ сущности это такъ и должно быть и не можетъ быть иначе. Не думать о ѣдѣ, держать эту свою похоть въ предѣлахъ можно только тогда, когда человѣкъ покоряется необходимости ѣсть; но когда человѣкъ, только покоряясь необходимости, т.-е. полнотѣ желудка, перестаетъ ѣсть, тогда это не можетъ быть иначе. Если человѣкъ полюбилъ удовольствіе ѣды, позволилъ себѣ любить это удовольствіе, находитъ, что это удовольствіе хорошо (какъ это находитъ все огромное большинство людей нашего міра и образованные, хотя они и притворяются въ обратномъ), тогда нѣтъ предѣловъ его увеличенію, нѣтъ предѣловъ, дальше которыхъ оно бы не могло разрастись. Удовлетвореніе потребности имѣетъ предѣлы, но удовольствіе не имѣетъ ихъ. Для удовлетворенія потребности необходимо и достаточно ѣсть хлѣбъ, кашу или рисъ; для увеличенія удовольствія нѣтъ конца приправамъ и приспособленіямъ.

Хлѣбъ есть необходимая и достаточная пища (доказательство этому—милліоны людей сильныхъ, легкихъ, здоровыхъ, много работающихъ на одномъ хлѣбѣ). Но лучше хлѣбъ ѣсть съ приправой. Хорошо мочить хлѣбъ въ водѣ, наварной отъ мяса. Еще лучше положить въ эту воду овощи, и еще лучше разные овощи. Хорошо съѣсть и мясо. Но мясо лучше съѣсть не вываренное, а только зажаренное. А еще лучше съ масломъ, слегка зажаренное, и съ кровью, извѣстныя части. А къ этому еще овощи и горчицу. И запить это виномъ, лучше всего краснымъ. Ѣсть уже не хочется, но можно съѣсть еще рыбы, если приправить ее соусомъ и запить виномъ бѣлымъ. Казалось бы, больше нельзя ни жирнаго, ни вкускаго. Но сладкое еще можно съѣсть: лѣтомъ мороженое, зимой компотъ, варенье и т. п. И вотъ обѣдъ, скромный обѣдъ. Удовольствіе этого обѣда можно еще много-много увеличить. И увеличиваютъ, и увеличенію этому нѣтъ предѣловъ: и возбуждающія аппетитъ закуски, и пирожныя, и десерты, и разныя соединенія вкусныхъ вещей, и цвѣты, и украшенія, и музыка за обѣдомъ.

И удивительная вещь, — люди, каждый день объѣдающіеся такими обѣдами, передъ которыми ничто Валтасаровъ пиръ, вызвавшій чудесную угрозу, наивно увѣрены, что они при этомъ могутъ вести нравственную жизнь.

IX.

Постъ есть необходимое условіе доброй жизни; но и въ постѣ, какъ и въ воздержаніи, является вопросъ: съ чего начинать постъ, какъ поститься,—какъ часто ѣсть, что̀ ѣсть, чего не ѣсть? И какъ нельзя заняться серьезно никакимъ дѣломъ, не усвоивъ нужной въ немъ послѣдовательности, такъ и нельзя поститься, не зная, съ чего начать постъ, съ чего начать воздержаніе въ пищѣ.

Постъ. Да еще въ постѣ разборка, какъ и съ чего поститься. Мысль эта кажется смѣшной, дикой большинству людей.

Помню, какъ, съ гордостью за свою оригинальность, нападавшій на аскетизмъ монашества евангеликъ говорилъ мнѣ: мое христіанство не съ постомъ и лишеніями, а на бифстексахъ. Христіанство и добродѣтель вообще съ бифстексомъ!

Въ нашу жизнь въѣлось столько дикихъ, безнравственныхъ вещей, особенно въ ту низшую область перваго шага къ доброй жизни,—отношенія къ пищѣ, на которое мало кто обращалъ вниманія,—что намъ трудно даже понять дерзость и безуміе утвержденія въ наше время христіанства или добродѣтели съ бифстексомъ.

Вѣдь мы не ужасаемся передъ этимъ утвержденіемъ только потому, что надъ нами случилось то необычное дѣло, что мы смотримъ и не видимъ, слушаемъ и не слышимъ. Нѣтъ зловонія, къ которому бы человѣкъ не принюхался, нѣтъ звуковъ, къ которымъ бы не прислушался, безобразія, къ которому бы не при-

глядѣлся, такъ что уже не замѣчаетъ того, что поразительно для непривыкшаго человѣка. Точно то же и въ области нравственной. Христіанство и нравственность съ бифстексомъ!

На-дняхъ я былъ на бойнѣ въ нашемъ городѣ Тулѣ. Бойня у насъ построена по новому, усовершенствованному способу, какъ она устроена въ большихъ городахъ, такъ чтобы убиваемыя животныя мучились какъ можно меньше. Это было въ пятницу, за два дня до Троицы. Скотины было много.

Еще прежде, давно, читая прекрасную книгу «Этика пищи», мнѣ захотѣлось побывать на бойнѣ, съ тѣмъ чтобы самому глазами увидѣть сущность того дѣла, о которомъ идетъ рѣчь, когда говорятъ о вегетаріанствѣ. Но все совѣстно было, какъ всегда бываетъ совѣстно идти смотрѣть на страданія, которыя навѣрное будутъ, но которыхъ ты предотвратить не можешь, и я все откладывалъ.

Но недавно я встрѣтился на дорогѣ съ мясникомъ, который ходилъ домой и теперь возвращался въ Тулу. Онъ еще неискусный мясникъ, а его обязанность—колоть кинжаломъ. Я спросилъ его, не жалко ли ему убивать скотину? И какъ всегда отвѣчаютъ, онъ отвѣтилъ: «Чего же жалѣть? Вѣдь надо же». Но когда я сказалъ ему, что питаніе мясомъ не необходимо, то онъ согласился, и тогда согласился, что и жалко. «Что же дѣлать, кормиться надо,—сказалъ онъ.—Прежде *боялся* убивать. Отецъ—тотъ въ жизнь курицы не зарѣзалъ». Большинство русскихъ людей не могутъ убивать, жалѣютъ, выражая это чувство словомъ *бояться*. Онъ тоже боялся, но пересталъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что самая большая работа бываетъ по пятницамъ и продолжается до вечера.

Недавно я также разговорился съ солдатомъ мясникомъ, и опять точно такъ же онъ былъ удивленъ моимъ утвержденіемъ о томъ, что жалко убивать, и, какъ всегда, сказалъ, что это положено; но потомъ согласился: «Особенно, когда смирная, ручная скотина. Идетъ, сердешная, вѣритъ тебѣ. Живо жалко».

Мы шли разъ изъ Москвы, и по дорогѣ насъ подвезли ломовые извозчики, ѣхавшіе изъ Серпухова въ рощу къ купцу за дровами. Былъ Чистый четвергъ. Я ѣхалъ на передней телѣгѣ съ извозчикомъ, сильнымъ, краснымъ, грубымъ, очевидно сильно пьющимъ мужикомъ. Въѣзжая въ одну деревню, мы увидали, что изъ крайняго двора тащили откормленную голую розовую свинью бить. Она визжала отчаяннымъ голосомъ, похожимъ на человѣческій крикъ. Какъ разъ въ то время, какъ мы проѣзжали мимо, свинью стали рѣзать. Одинъ изъ людей полоснулъ ее по горлу ножомъ. Она завизжала еще громче и пронзительнѣй, вырвалась и побѣжала прочь, обливаясь кровью. Я близорукъ и не видѣлъ всего подробно, я видѣлъ только розовое, какъ человѣческое тѣло свиньи и слышалъ отчаянный визгъ; но извозчикъ видѣлъ всѣ подробности и, не отрывая глазъ, смотрѣлъ туда. Свинью поймали, повалили и стали дорѣзывать. Когда визгъ ея затихъ, извозчикъ тяжело вздохнулъ. «Ужели жъ за это отвѣчать не будутъ?» проговорилъ онъ.

Такъ сильно въ людяхъ отвращеніе ко всякому убійству, но примѣромъ, поощреніемъ жадности людей, утвержденіемъ о томъ, что это разрѣшено Богомъ, и главное—привычкой, людей доводятъ до полной утраты этого естественнаго чувства.

Въ пятницу я пошелъ на бойню и, встрѣтивъ знакомаго мнѣ кроткаго, добраго человѣка, пригласилъ его съ собой.

— Да, я слышалъ, что тутъ хорошее устройство, и хотѣлъ посмотрѣть; но если тамъ бьютъ, я не войду.

— Отчего же? Я именно это-то и хочу видѣть! Если ѣсть мясо, то вѣдь надо бить.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу!

Замѣчательно при этомъ что этотъ человѣкъ—охотникъ и самъ убиваетъ птицъ и звѣрей.

Мы пришли. У подъѣзда уже сталъ чувствителенъ тяжелый, отвратительный, гнилой запахъ столярнаго клея или краски на клею. Чѣмъ дальше подходили мы, тѣмъ сильнѣе былъ этотъ запахъ. Строеніе—красное, кирпичное, очень большое, со сводами и высокими трубами. Мы вошли въ ворота. Направо былъ большой, въ $1^1/_4$ десятины, огороженный дворъ — это площадка, на которую два дня въ недѣлю пригоняютъ продажную скотину, — и на краю этого пространства домикъ дворника; налѣво были, какъ они называютъ, каморы, т.-е. комнаты съ круглыми воротами, съ асфальтовымъ вогнутымъ поломъ и съ приспособленіемъ для подвѣшиванія и перемѣщенія тушъ. У стѣны домика, направо, на лавочкѣ сидѣло человѣкъ шесть мясниковъ въ фартукахъ, залитыхъ кровью, съ засученными, забрызганными рукавами на мускулистыхъ рукахъ. Они съ полчаса какъ кончили работу, такъ что въ этотъ день мы могли видѣть только пустыя каморы. Несмотря на открытыя съ двухъ сторонъ ворота, въ каморѣ былъ тяжелый запахъ теплой крови, полъ былъ весь коричневый, глянцевитый, и въ углубленіяхъ пола стояла сгущающаяся черная кровь.

Одинъ изъ мясниковъ разсказывалъ намъ, какъ бьютъ, и показалъ то мѣсто, гдѣ это производится. Я не совсѣмъ понялъ его и составилъ себѣ ложное, но очень страшное представленіе о томъ, какъ бьютъ, и думалъ, какъ это часто бываетъ, что дѣйствительность произведетъ на меня меньшее впечатлѣніе, чѣмъ воображаемое. Но въ этомъ я ошибся.

Въ слѣдующій разъ я пришелъ на бойню во-время. Это было въ пятницу передъ Троицынымъ днемъ. Былъ жаркій іюньскій день. Запахъ клея, крови былъ еще сильнѣе и замѣтнѣе утромъ, чѣмъ въ первое мое посѣщеніе. Работа была въ самомъ разгарѣ. Вся пыльная площадка была полна скота, и скотъ былъ загнанъ во всѣ загоны около каморъ.

У подъѣзда на улицѣ стояли телѣги съ привязанными къ грядкамъ и оглоблямъ быками, телками, коровами. Полки, запряженные хорошими лошадьми, съ наваленными живыми, болтающими свѣсившимися головами телятами, подъѣзжали и разгружались; и такіе же полки съ торчащими и качающимися ногами тушъ

быковъ, съ ихъ головами, ярко-красными легкими и бурыми печенками отъѣзжали отъ бойни. У забора стояли верховыя лошади гуртовщиковъ. Сами гуртовщики-торговцы въ своихъ длинныхъ сюртукахъ, съ плетями и кнутами въ рукахъ ходили по двору, или замѣчая мазками дегтя скотину одного хозяина, или торгуясь или руководя переводомъ воловъ и быковъ съ площади въ тѣ загоны, изъ которыхъ скотина поступала въ самыя каморы. Люди эти, очевидно, были всѣ поглощены денежными оборотами, расчетами, и мысль о томъ, что хорошо или нехорошо убивать этихъ животныхъ, была отъ нихъ такъ же далека, какъ мысль о томъ, каковъ химическій составъ той крови, которой былъ залитъ полъ каморы.

Мясниковъ никого не видно было на дворѣ, всѣ были въ каморахъ, работая. Въ этотъ день было убито около ста штукъ быковъ. Я вошелъ въ камору и остановился у двери. Остановился я и потому, что въ каморѣ было тѣсно отъ передвигаемыхъ тушъ, и потому, что кровь текла внизу и капала сверху, и всѣ мясники, находившіеся тутъ, были измазаны ею, и, войдя въ середину, я непремѣнно измазался бы кровью. Одну подвѣшенную тушу снимали, другую переводили къ двери, третья—убитый волъ—лежала бѣлыми ногами кверху, и мясникъ сильнымъ кулакомъ подпарывалъ растянутую шкуру.

Изъ противоположной двери той, у которой я стоялъ, въ это же время вводили большого краснаго сытаго вола. Двое тянули его. И не успѣли они ввести его, какъ я увидалъ, что одинъ мясникъ занесъ кинжалъ надъ его шеей и ударилъ. Волъ, какъ будто ему сразу подбили всѣ четыре ноги, грохнулся на брюхо, тотчасъ же перевалился на одинъ бокъ и забился ногами и всѣмъ задомъ. Тотчасъ же одинъ мясникъ навалился на передъ быка съ противоположной стороны его бьющихся ногъ, ухватилъ его за рога, пригнулъ ему голову къ землѣ, и другой мясникъ ножомъ разрѣзалъ ему горло, и изъ-подъ головы хлынула черно-красная кровь, подъ потокъ которой измазанный мальчикъ подставилъ жестяной тазъ. Все время, пока это дѣлали, волъ не переставая дергался головой, какъ бы стараясь подняться, и бился всѣми четырьмя ногами въ воздухѣ. Тазъ быстро наполнялся, но волъ былъ живъ и, тяжело нося животомъ бился задними и передними ногами, такъ что мясники сторонились его. Когда одинъ тазъ наполнился, мальчикъ понесъ его на головѣ въ альбуминный заводъ, другой—подставилъ другой тазъ, и этотъ сталъ наполняться. Но волъ все такъ же носилъ животомъ и дергался задними ногами. Когда кровь перестала течь, мясникъ поднялъ голову вола и сталъ снимать съ нея шкуру. Волъ продолжалъ биться. Голова оголилась и стала красная съ бѣлыми прожилками и принимала то положеніе, которое ей давали мясники; съ обѣихъ сторонъ ея висѣла шкура. Волъ не переставалъ биться. Потомъ другой мясникъ ухватилъ быка за ногу, надломилъ ее и отрѣзалъ. Въ животѣ и остальныхъ ногахъ еще пробѣгали содроганія. Отрѣзали и остальныя ноги и бросили ихъ туда, куда кидали ноги воловъ

одного хозяина Потомъ потащили тушу къ лебедкѣ и тамъ распяли ее, и тамъ движеній уже не было.

Такъ я смотрѣлъ изъ двери на второго, третьяго, четвертаго вола. Со всѣми было то же: такъ же снятая голова съ закушеннымъ языкомъ и бьющимся задомъ. Разница была только въ томъ, что не всегда сразу попадалъ боецъ въ мѣсто, въ то мѣсто, отъ котораго волъ падалъ. Бывало то, что мясникъ промахивался и волъ вскидывался, ревѣлъ и, обливаясь кровью, рвался изъ рукъ. Но тогда его притягивали подъ брусъ, ударяли другой разъ, и онъ падалъ.

Я зашелъ потомъ со стороны той двери, въ которую вводили. Тутъ я видѣлъ то же, только ближе и потому яснѣе. Я увидалъ тутъ главное то, чего я не видалъ изъ первой двери: чѣмъ заставляли входить воловъ въ эту дверь. Всякій разъ, какъ брали вола изъ загона и тянули его спереди на веревкѣ, привязанной за рога, волъ, чуя кровь, упирался, иногда ревѣлъ и пятился. Силою втащить двумъ людямъ его нельзя бы было, и потому всякій разъ одинъ изъ мясниковъ заходилъ сзади, бралъ вола за хвостъ и винтилъ хвостъ, ломая рѣпицу, такъ что хрящи трещали, и волъ подвигался.

Кончили воловъ одного хозяина, повели скотину другого. Первая скотина изъ этой партіи другого хозяина былъ не волъ, а быкъ. Породистый, красивый, черный съ бѣлыми отмѣтинами и ногами,—молодое, мускулистое, энергическое животное. Его потянули; онъ опустилъ голову книзу и уперся рѣшительно. Но шедшій сзади мясникъ, какъ машинистъ берется за ручку свистка, взялся за хвостъ, перекрутилъ его, хрящи хрустнули, и быкъ рванулся впередъ, сбивая тащившихъ за веревку людей, и опять уперся, косясь чернымъ, залившимся въ бѣлкѣ кровью глазомъ. Но опять хвостъ затрещалъ, и быкъ рванулся и уже былъ тамъ, гдѣ и нужно было. Боецъ подошелъ, прицѣлился и ударилъ. Ударъ не попалъ въ мѣсто. Быкъ подпрыгнулъ, замоталъ головой, заревѣлъ и, весь въ крови, вырвался и бросился назадъ. Весь народъ въ дверяхъ шарахнулся. Но привычные мясники съ молодцеватостью, выработанной опасностью, живо ухватили веревку, опять хвостъ, и опять быкъ очутился въ каморѣ, гдѣ его притянули головой подъ брусъ, изъ-подъ котораго онъ уже не вырвался. Боецъ примѣрился живо въ то мѣстечко, гдѣ расходятся звѣздой волосы, и, несмотря на кровь, нашелъ его, ударилъ, и прекрасная, полная жизни скотина рухнулась и забилась головой, ногами, пока ей выпускали кровь и свѣжевали голову.

— Вишь, проклятый чортъ, и упалъ-то не куда надо! — ворчалъ мясникъ, разрѣзая ему кожу головы.

Черезъ пять минутъ торчала уже красная, вмѣсто черной, голова безъ кожи, съ стеклянно-остановившимися глазами, такимъ красивымъ цвѣтомъ блестѣвшими за пять минутъ тому назадъ. Потомъ я пошелъ въ то отдѣленіе, гдѣ рѣжутъ мелкій скотъ. Очень большая камора, длинная, съ асфальтовымъ поломъ и со столами со спинками, на которыхъ рѣжутъ овецъ и телятъ. Здѣсь

уже кончилась работа; въ длинной каморѣ, пропитанной запахомъ крови, было только два мясника. Одинъ надувалъ въ ногу уже убитаго барана и похлопывалъ его ладонью по раздутому животу; другой, молодой малый въ забрызганномъ кровью фартукѣ, курилъ папироску загнутую. Больше никого не было въ мрачной, длинной, пропитанной тяжелымъ запахомъ каморѣ. Вслѣдъ за мной пришелъ по виду отставной солдатъ и принесъ связаннаго по ногамъ чернаго, съ отмѣтиной на шеѣ молодого нынѣшнаго баранчика и положилъ на одинъ изъ столовъ, точно на постель. Солдатъ, очевидно знакомый, поздоровался, завелъ рѣчь о томъ, когда отпускаетъ хозяинъ. Малый съ папироской подошелъ съ ножомъ, поправилъ его на краю стола и отвѣчалъ, что по праздникамъ. Живой баранъ такъ же тихо лежалъ, какъ и мертвый, надутый, только быстро помахивалъ коротенькимъ хвостикомъ и чаще, чѣмъ обыкновенно носилъ боками. Солдатъ слегка, безъ усилія придержалъ его подымающуюся голову; малый, продолжая разговоръ, взялъ лѣвой рукой за голову барана и рѣзанулъ его по горлу. Баранъ затрепыхался, и хвостикъ напружился и пересталъ махаться. Малый, дожидаясь, пока вытечетъ кровь, сталъ раскуривать потухшую папироску. Полилась кровь, и баранъ сталъ дергаться. Разговоръ продолжался безъ малѣйшаго перерыва. А тѣ куры, цыплята, которые каждый день въ тысячахъ кухонь, съ срѣзанными головами, обливаясь кровью, комично, страшно прыгаютъ, вскидывая крыльями!

И смотришь, нѣжная, утонченная барыня будетъ пожирать трупы этихъ животныхъ съ полной увѣренностью въ своей правотѣ, утверждая два взаимно-исключающія другъ друга положенія.

Первое, что она, въ чемъ увѣряетъ ее ея докторъ, такъ деликатна, что не можетъ переносить одной растительной пищи, а что для ея слабаго организма ей необходима пища мясная, и второе, что она такъ чувствительна, что не можетъ не только сама причинять страданія животнымъ, но переносить и вида ихъ.

А между тѣмъ слаба-то она, эта бѣдная барыня, только именно потому, что ее пріучили питаться несвойственной человѣку пищей; не причинять же страданій животнымъ, она не можетъ потому, что пожираетъ ихъ.

X.

Нельзя притворяться, что мы не знаемъ этого. Мы не страусы и не можемъ вѣрить тому, что если мы не будемъ смотрѣть, то не будетъ того, чего мы не хотимъ видѣть. Тѣмъ болѣе этого нельзя, когда мы не хотимъ видѣть того самаго, что мы хотимъ ѣсть. И главное, если бы это было необходимо. Но, положимъ, не необходимо, но на что-нибудь нужно?—Ни на что [1]). Только на то,

---

[1]) Тѣ, которые сомнѣваются въ этомъ, пусть прочтутъ тѣ многочисленныя, составленныя учеными и врачами, книги объ этомъ предметѣ, въ

чтобы воспитывать звѣрскія чувства, разводить похоть, блудъ, пьянство. Что и подтверждается постоянно тѣмъ, что молодые, добрые, неиспорченные люди, особенно женщины и дѣвушки, чувствуютъ, не зная, какъ одно вытекаетъ изъ другого, что добродѣтель не совмѣстима съ бифстексомъ, и какъ только пожелаютъ быть добрыми,—бросаютъ мясную пищу.

Что же я хочу сказать? То, что людямъ для того, чтобы быть нравственными, надо перестать ѣсть мясо? Совсѣмъ нѣтъ.

Я хотѣлъ сказать только то, что для доброй жизни необходимъ извѣстный порядокъ добрыхъ поступковъ; что если стремленіе къ доброй жизни серьезно въ человѣкѣ, то оно неизбѣжно приметъ одинъ извѣстный порядокъ, и что въ этомъ порядкѣ первою добродѣтелью, надъ которой будетъ работать человѣкъ, будетъ воздержаніе, самообладаніе. Стремясь же къ воздержанію, человѣкъ неизбѣжно будетъ слѣдовать тоже одному извѣстному порядку, и въ этомъ порядкѣ первымъ предметомъ будетъ воздержаніе въ пищѣ, будетъ постъ. Постясь же, если онъ серьезно и искренно ищетъ доброй жизни, — первое, отъ чего будетъ воздерживаться человѣкъ, будетъ всегда употребленіе животной пищи, потому что, не говоря о возбужденіи страстей, производимомъ этой пищей, употребленіе ея прямо безнравственно, такъ какъ требуетъ противнаго нравственному чувству поступка—убійства—и вызывается только жадностью, желаніемъ лакомства.

Почему именно воздержаніе отъ животной пищи будетъ первымъ дѣломъ поста и нравственной жизни, превосходно сказано, и не однимъ человѣкомъ, а всѣмъ человѣчествомъ въ лицѣ наилучшихъ представителей его въ продолженіе всей сознательной жизни человѣчества.

Но почему, если незаконность, т.-е. безнравственность, животной пищи такъ давно извѣстна человѣчеству, люди до сихъ поръ не пришли къ сознанію этого закона? спросятъ люди, которымъ свойственно руководиться не столько своимъ разумомъ, сколько общимъ мнѣніемъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ томъ, что все нравственное движеніе человѣчества, составляющее основу всякаго движенія, совершается всегда медленно; но что признакъ настоящаго движенія, не случайнаго, есть его безостановочность и постоянное его ускореніе.

И таково движеніе вегетаріанства. Движеніе это выражено и во всѣхъ мысляхъ тѣхъ писателей, которые приведены въ книгѣ «Этика пищи», и въ самой жизни человѣчества, все больше и больше переходящаго безсознательно отъ мясоѣденія къ растительной пищѣ, и сознательно—въ проявившемся съ особенной силой и принимающемъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры движеніи расе-

---

которыхъ доказывается, что мясо не нужно для питанія человѣка. И пусть не слушаютъ тѣхъ старозавѣтныхъ врачей, которые отстаиваютъ необходимость питанія мясомъ только потому, что это признавали очень долго ихъ предшественники и они сами,—отстаиваютъ съ упорствомъ, съ недоброжелательностью какъ отстаиваютъ всегда все старое, отживающее.

таріанства. Движеніе это идетъ послѣднія 10 лѣтъ все убыстряясь и убыстряясь: все больше и больше съ каждымъ годомъ является книгъ и журналовъ, издающихся по этому предмету; все больше и больше встрѣчается людей, отказывающихся отъ мясной пищи; и за границею съ каждымъ годомъ, особенно въ Германіи, Англіи и Америкѣ, увеличивается число вегетаріанскихъ гостиницъ и трактировъ.

Движеніе это должно быть особенно радостно для людей, живущихъ стремленіемъ къ осуществленію царства Божія на землѣ, не потому, что само вегетаріанство есть важный шагъ къ этому царству (всѣ истинные шаги и важны и не важны), а потому, что оно служитъ признакомъ того, что стремленіе къ нравственному совершенствованію человѣка серьезно и искренно, такъ какъ оно приняло свойственный ему одинъ неизмѣнный порядокъ, начинающійся съ первой ступени.

Нельзя не радоваться этому такъ же, какъ не могли бы не радоваться люди, стремившіеся войти на верхъ дома и прежде безпорядочно и тщетно лѣзшіе съ разныхъ сторонъ прямо на стѣны, когда бы они стали сходиться наконецъ къ первой ступени лѣстницы и всѣ бы тѣснились у нея, зная, что хода наверхъ не можетъ быть помимо этой первой ступени лѣстницы.

1891 г.

ПРИМѢЧАНІЕ къ XVIII тому

Въ этомъ томѣ собраны статьи «О голодѣ», при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «Письма о голодѣ», помѣщены въ новой, болѣе полной редакціи, какъ онѣ были напечатаны въ сборникѣ «Толстой и Голодъ» подъ редакціей Вѣтринскаго (Чешихина). Сюда же вошелъ цѣлый рядъ сборниковъ мыслей Л. Н—ча, собранныхъ В. Г. Чертковымъ (о Богѣ, о жизни, объ отношеніяхъ между полами и др.), также приведенныхъ въ порядокъ и провѣренныхъ по оригиналамъ. Кромѣ того, въ этотъ томъ включены статьи 80-хъ и 90-хъ годовъ, не вошедшія въ предыдущій томъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ 18-го ТОМА.

Статьи по поводу голода.

Стр.

О самарскомъ голодѣ (1873 г.) 5
О средствахъ помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая (1891 г.). 11
Страшный вопросъ (1891 г.). 26
Письма о голодѣ (1892 г.) 34
Среди нуждающихся (1892 г.) 63
Ненапечатанное заключеніе къ послѣднему отчету Л. Н. Толстого о помощи голодающимъ (1893 г.) 74
Голодъ или не голодъ (1898 г.) 78
Къ редактору «Русскихъ Вѣдомостей» (1898 г.) 90

Статьи 90-хъ годовъ.

Не-дѣланіе (1893 г.) 91
Религія и нравственность (1898 г.) 111
Стыдно! (1895 г.) 130
О помощи духоборамъ (1898 г.) 135
Къ вопросу о свободѣ воли (1893 г.). 139
Письмо Мадзини о безсмертіи (1894 г.) 144
О существующемъ строѣ (1896 г.) 147
О толстовствѣ 149
По поводу «Толстовскаго общества» 150
Требованія любви (1899 г.) 152

Мысли, собранныя В. Г. Чертковымъ изъ различныхъ сочиненій, писемъ и дневниковъ Л. Н. Толстого.

Мысли о Богѣ (1894 г.) 156
Мысли о смыслѣ жизни 170
Мысли о самосовершенствованіи (1903 г.). 201
О сознаніи духовнаго начала (1903 г.). 207
Мысли объ отношеніяхъ между полами 210
Изъ дневниковъ и писемъ 253

II

Статьи о воздержаніи (80-хъ и 90-хъ годовъ), не вошедшія въ предыдущій томъ.

Стр.

Къ молодымъ людямъ (1886 г.) 267
Праздникъ просвѣщенія 12-го января (1889 г.) 269
Пора опомниться (1889 г.) 273
Обращеніе къ людямъ-братьямъ (1889 г.) 275
Богу или маммонѣ (1889 г.) 278
Для чего люди одурманиваются? (1890 г.) 284
Первая ступень 298

Примѣчаніе къ XVIII тому 323

